

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P slaw 381.70

**Harvard College
Library**

**FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge**

Class of 1887

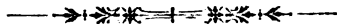
**PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928**

**DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910-1928**

ЧТЕНІЯ
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ
ИСТОРИЯ ЛѢТОПИСЦІИ.

КНИГА СЕДЬМАЯ

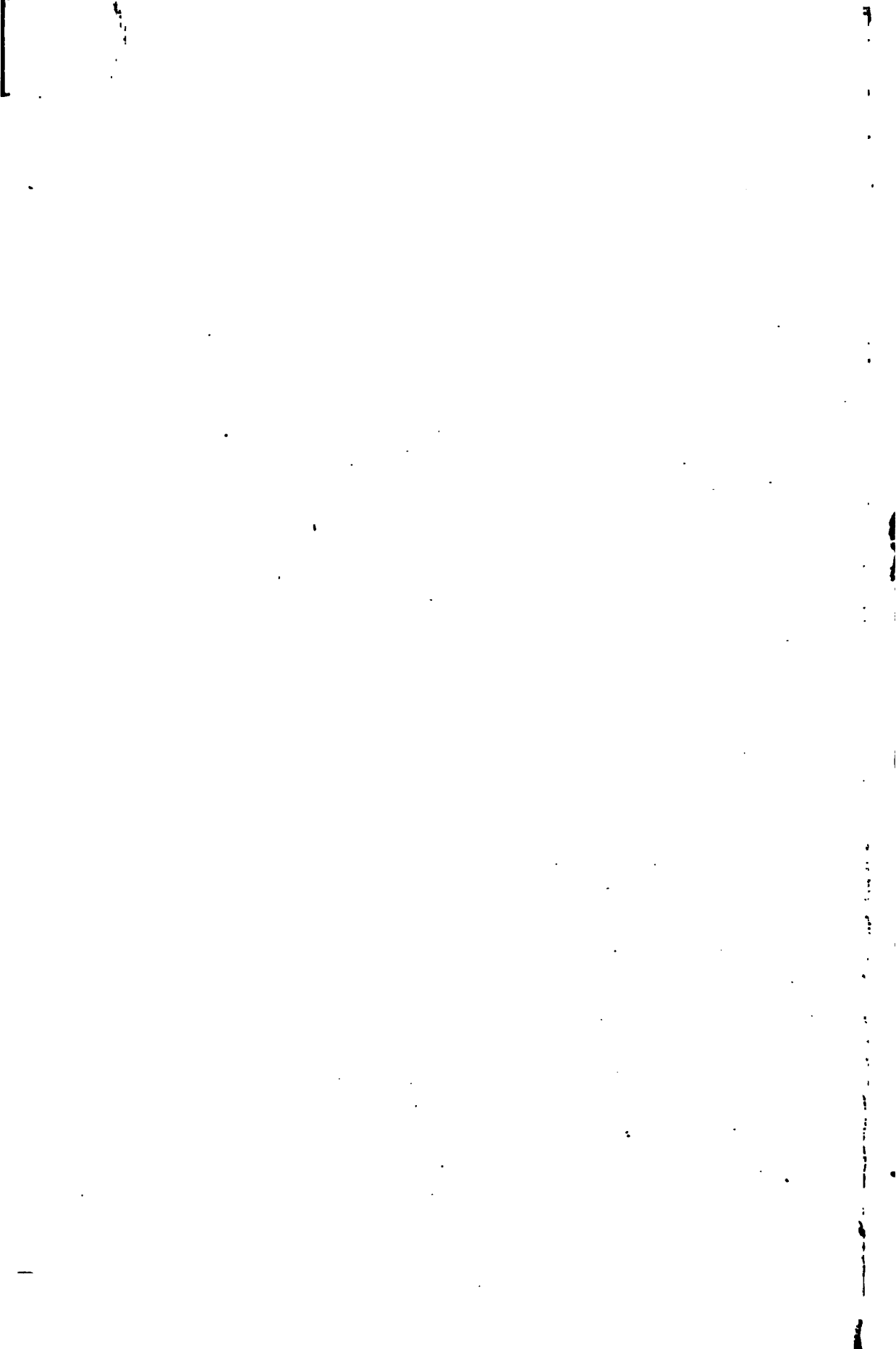
Издана подъ редакцію
М. Ф. Владимирскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владимира.
В. Завадскаго. Б.-Васильковская ул., д. №№ 29—31.

1893.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИЯ ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Издана подъ редакцію

М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича.

КИЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.

В. ЗАВАДСКАГО. Б.-ВАСИЛЬКОВСКАЯ УЛ., Д. № 29—31.

1898.

P Slav 381.70

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND

OCT 8 1931

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго университета св. Владимира. Деванъ Т. Флоринскій.

81.257
31-11

ОГЛАВЛЕНІЕ

VII-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“.

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о дѣятельности, личномъ составѣ и средствахъ Историческаго
Общества Нестора лѣтописца съ января по 27-е октября 1892 г.
включительно.

Стран.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ. . . . . 3—25

Сокращенное изложеніе сообщеній:

О курганахъ-майданахъ, находящихся на лѣвой сторонѣ р. Днѣпра въ предѣлахъ Полтавской губ., и о связи ихъ съ другими подобными сооруженіями Южной Россіи.— <i>Вас. Г. Ляскоронскаго.</i>	3
Вновь открытая апологія христіанства, II-го вѣка.— <i>Ю. А. Кулаковскаго.</i>	4
Курганы-майданы.— <i>В. З. Завитневича</i> и др.	4
Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго.— <i>И. М. Каманина</i>	5
Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней куль- туры.— <i>Н. Ѳ. Бляшевскаго.</i>	5
<i>Е. П. Рудыковскій</i> , писатель 30—40 гг.— <i>В. И. Щербина.</i>	6
Памяти <i>М. И. Семевского.</i> — <i>В. С. Иконникова</i>	8
<i>А. С. Хомяковъ.</i> — <i>В. З. Завитневича</i>	9

Мнѣніе А. А. Потебни объ основаніяхъ русскаго народнаго стихосложенія, въ связи съ исторіей вопроса.— <i>Н. И. Иванова</i> . . .	10
Замѣчаніе по поводу этого сообщенія.— <i>Ю. А. Кулаковскаго</i> . . .	14
Керченскія раскопки лѣтомъ 1891 года.— <i>Ю. А. Кулаковскаго</i>	15
Дополнительныя раскопки въ Бакотскомъ скальномъ монастырѣ.— <i>В. Б. Антоновича</i>	17
Новые матеріалы для исторіи Литовской и Московской Руси въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій.— <i>В. И. Щербина</i> . . .	18

Отчетъ

О составѣ и дѣятельности Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1892 году, читанный въ годичномъ собраніи 27 октября 1892 года <i>Н. П. Дашкевичемъ</i>	21
--	----

Дополненія въ отчету:

I Списокъ членовъ Общества Нестора лѣтописца къ 27-му октября 1892 г.—II. Совѣтъ Общества.—III. Численный составъ Общества.	25
IV Библіотека Общества.	33
V Денежныя средства Общества.	34

Приложеніе къ свѣдѣніямъ о засѣданіяхъ: Памяти Яна Неруды, чешскаго писателя.— <i>А. И. Степовича</i>	35
---	----

ОТДѢЛЪ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Къ вопросу о Болоховѣ (съ вартою).— <i>М. С. Грушевскаго</i>	3
Приложеніе: „Листъ“ королевы Боны 1553 г.	10
Крестыянское землевладѣніе въ Западной Россіи до половины XVI в.— <i>М. Ф. Владимірскаго-Буданова</i>	12
Приложеніе: Актъ изъ книги Барскаго староства 1731 г.	93

Новыя данныя для біографіи Ивана Федорова, русскаго первопечатника.— <i>И. И. Малышевскаго</i>	95
Приложеніе: Акты изъ Луцкихъ градскихъ книгъ, отно- сящіяся ко времени пребыванія Ивана Федорова въ должности „справцы“ Дерманскаго монастыря	111
„Сыскныя дѣла“ о кладахъ въ XVII вѣкѣ.— <i>Н. Н.</i> <i>Оглобина</i>	117
Одинъ изъ образовательныхъ проектовъ времени Петра Великаго.— <i>В. С. Иконникова</i>	155
Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова. „Демонъ.“— <i>Н. П. Дашкевича</i>	182

ОТДѢЛЪ Ш.

М а т е р і а л ы.

Матеріалы для біографіи В. Стефановича (1697—1773).— Сообщилъ <i>М. Ф. Владимірскій-Будановъ</i>	3
Генеральное слѣдствіе о маенностяхъ Кіевскаго полка 1729—1731 гг.—Сообщилъ <i>Н. П. Василенко</i>	29
Два письма А. Стороженка къ Л. Сапѣгѣ 1610 г.— Сообщилъ <i>Н. В. Стороженко</i>	69
Реляціи Кіевскаго генераль-губернатора за 1768 и 1769 гг.—Сообщилъ <i>А. А. Андріевскій</i>	73

ОТДѢЛЪ IV.

Б и б л і о г р а ф і я.

Обзоръ послѣднихъ изданій Виленской Археографической
Коммиссіи: Акты, издаваемые Виленскою Археографическою

	Стран.
Коммиссією. Томы XI—XVIII.— <i>М. Н. Ясинскаго</i>	3
Обзоръ научныхъ трудовъ по изученію русскаго языка и словесности профессоръ А. А. Потебни и И. Я. Порфирьева.— <i>П. В. Владимірова</i>	39

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія

о дѣятельности, личномъ составѣ и средствахъ
Историческаго Общества Нестора лѣтописца
по 27 октября 1892 года включительно.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца
по 27 октября 1892 г. включительно.

I. ЗАСѢДАНІЕ 26-го ЯНВАРЯ.

Д. чл. **Вас. Г. Ляскоропскій** изложилъ свое мнѣніе „*О курганахъ-майданахъ, находящихся на лѣвой сторонѣ р. Днѣпра въ предѣлахъ Полтавской губ., и о связи ихъ съ другими подобными сооруженіями Южной Россіи*“, мнѣніе, къ которому онъ пришелъ на основаніи осмотра и измѣренія этихъ земляныхъ сооруженій, расположенныхъ въ Лубенскомъ уѣздѣ недалеко отъ р. Оржицы, впадающей съ правой стороны въ р. Сулу. Сущность его мнѣнія заключается въ томъ, что курганы-майданы должны быть признаны сооруженіями до-исторической эпохи, воздвигнутыми степнымъ населеніемъ, для котораго они одновременно служили и жилищами (особенно въ зимнее время), и складомъ всякаго рода запасовъ, и крѣпостью, защищавшей отъ нападенія враговъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ капищемъ, гдѣ исполнялись религиозные обряды. Такое опредѣленіе роли майдановъ референтъ основалъ на сопоставленіи формы ихъ съ формой построекъ у современныхъ кочевниковъ восточной Россіи и Азіи, на сказаніяхъ греческихъ и арабскихъ писателей, а также на народныхъ русскихъ былинахъ и преданіяхъ, рисующихъ бытъ населенія въ отдаленную эпоху; наконецъ, на основаніи предметовъ, найденныхъ при раскопкѣ майдановъ.

Пренія по поводу этого сообщенія были отложены до слѣдующаго засѣданія, въ виду ожидавшейся продолжительности ихъ.

б) Д. чл. **А. І. Стоповичъ** посвятилъ нѣсколько словъ „*Памяти Я. Неруды, чешскаго писателя*“ (См. Прилож. къ этому отдѣлу).

По произведенной баллотировкѣ въ дѣйствительные члены избраны большинствомъ голосовъ *Теодоръ Павловичъ Истоминъ* и *Николай Павловичъ Черневъ*

II ЗАСѢДАНІЕ 9-го ФЕВРАЛЯ.

а) Д. чл. **П. В. Владиміровъ** представилъ краткій обзоръ научныхъ трудовъ по изученію русскаго языка и словесности проф. *А. А. Потебни* и проф. *И. Я. Порфирьева* (Напеч. въ IV-мъ отд. наст. кн.).

б) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** сообщилъ о „*Вновь открытой апологіи христіанства II-го вѣка*“¹⁾.

Изложивъ исторію открытія сирійскаго перевода апологіи Аристиды и греческой сокращенной редакціи этого древнѣйшаго памятника христіанской апологетики, референтъ сопоставилъ свидѣтельства о немъ, дошедшія до насъ у Евсевія и блаж. Иеронима. У перваго изъ этихъ писателей сохранена точная дата подачи апологіи Аристидомъ имп. Адриану во время перваго его пребыванія въ Аеинахъ, т. е. зимою 124—125 года. Помянувъ затѣмъ о публикаціи армянскаго перевода начала этой апологіи, сдѣланнаго мекхитаристами въ Венеціи въ 1878 году, и завязавшемся тогда ученомъ спорѣ касательно подлинности этого отрывка, референтъ перешелъ къ подробному изложенію содержанія вновь открытаго въ цѣломъ видѣ памятника и предложилъ общую его характеристику, резюмировавъ вкратцѣ результаты изслѣдованія о немъ двухъ первыхъ его издателей, Гарриса и Робинсона²⁾.

в) Д. чл. **В. З. Завитневичъ** по вопросу о „*курганахъ-майдапахъ*“, затронутому въ предшествовавшемъ засѣданіи, не раздѣляя вышеизложеннаго мнѣнія г. Ласкоронскаго, высказалъ догадку, что это могли быть сооруженія литовскаго періода, которые служили укрѣпленіями и вмѣщали въ себѣ гарнизонъ, лошадей, пушки и проч. военныя принадлежности, что можно предполагать по тому, что въ нѣкоторыхъ курганахъ видны слѣды устанавливавшихся орудій и склада припасовъ.

¹⁾ The Apology of Aristides edited and translated by T. Rendes Hurriss with an appendix by J. Armitage Robinson. Cambridge 1891.

²⁾ Рефератъ этотъ напечатанъ въ Кіевскихъ „Университетскихъ извѣстіяхъ“ 1892 г., апрѣль.

В. Г. Ляскоронскій отстаивалъ свое прежнее мнѣніе.

Н. Ѳ. Блѣшевскій замѣтилъ, что майданы должно разсматривать въ связи съ окружающими ихъ курганами.

И. В. Луцицкій, находя неяснымъ для себя вообще разрѣшеніе вопроса о курганахъ-майданахъ, призналъ нужнымъ нанесеніе на карту всѣхъ этихъ сооружений.

В. Б. Антоновичъ, не раздѣляя мнѣнія *В. З. Завитневича*, объявилъ, въ заключеніе преній, вопросъ открытымъ за недостаткомъ фактическихъ данныхъ, которыя могутъ быть получены только путемъ тщательныхъ археологическихъ раскопокъ.

По произведенной баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества единогласно избранъ проф. Имп. Новороссійскаго Университета *Алексій Ивановичъ Маркевичъ*.

III. ЗАСѢДАНІЕ 23-го ФЕВРАЛЯ.

а) Д. чл. *И. М. Каманинъ* прочелъ рефератъ: „*Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго*“.

Указавъ на сходство южно-русской козачьей общины XVI и XVII вв. съ таковыми же общинами XIII в. и отмѣтивъ фактъ ранняго развитія крупнаго землевладѣнія среди козачества, референтъ охарактеризовалъ внутренній строй этой общины и обратилъ вниманіе на ея стремленіе къ политической независимости, не достигнутой однако, какъ вслѣдствіе внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, такъ и вслѣдствіе внутренней борьбы среди казацкой старшины изъ-за власти, съ одной стороны, и землевладѣльцевъ съ безземельными, съ другой ¹⁾.

б) Д. чл. *Н. Ѳ. Блѣшевскій* сказалъ „*Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней культуры*“. Доказавъ, что предметы, найденные при раскопкѣ „*Княжей Горы*“ ²⁾, несомнѣнно принадлежать къ первымъ вѣкамъ исторической жизни Русскаго государства, референтъ обратилъ вниманіе на сходство ихъ съ современными: части и принадлежности жилыхъ построекъ измѣнились очень мало; орудія промышленности и ремесла также сходны въ большей части; поразив-

¹⁾ Настоящій рефератъ, со всѣми относящимися къ нему документами, будетъ напечатанъ въ VIII кн. „Чтен. въ Общ. Нестора лѣт.“

²⁾ См. „Чт. въ Общ. Нестора лѣт.“, кн. VI-я, отд. I, стр. 21.

тельнымъ же сходствомъ отличается посуда; сопоставленіе это показываетъ, что въ то время, какъ культура высшихъ слоевъ общества далеко ушла впередъ, низшіе отстали на нѣсколько вѣковъ и были таковыми до недавняго времени, когда съ успѣхами и распространеніемъ современной науки и цивилизаціи исконные предметы домашняго обихода вытѣсняются мало по малу произведеніями новѣйшей фабрикаціи. Это же сравненіе культуры двухъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга эпохъ, съ обнаруженной тождественностью въ формахъ предметовъ, говоритъ также за устойчивость и однородность этнографическаго состава населенія здѣшняго края въ эти двѣ эпохи ¹⁾.

Дополненіе къ этому сообщенію было сдѣлано поч. чл. *В. Б. Антоновичемъ*, который указалъ на то, что въ курганахъ IX—X вв. встрѣчаются слѣды доселѣ существующаго погребальнаго обычая класть замокъ на груди ребенка.

в) Д. чл. *М. Н. Ясинскій* изложилъ содержаніе реферата д. чл. *Н. Н. Оглоблина*: „*Служба Демьяна Многогрѣшнаго въ Сибири*“ ²⁾.

Въ томъ же засѣданіи, по предложенію г. Предсѣдателя Общества *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, опредѣлили: авторамъ, статьи которыхъ печатаются въ „Чтеніяхъ“, можетъ быть выдано, въ случаѣ необходимости, отдѣльныхъ оттисковъ, до выхода въ свѣтъ самой книги „Чтеній“, не болѣе трехъ экземпляровъ.

IV. ЗАСѢДАНІЕ 8-го МАРТА.

а) Д. чл. *С. Т. Голубевъ* разсмотрѣлъ важнѣйшія историческія „*Данныя, заключающіяся въ Помянникъ Кіево-Печерской лавры*“. (См. Прилож. въ VI книгѣ „Чтеній“).

По поводу этого сообщенія сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній поч. чл. *И. И. Малышевскій*, указавшій между прочимъ на то, что во время составленія помянника не было полного взаимнаго отчужденія католиковъ и православныхъ.

б) Д. чл. *М. Н. Ясинскій* прочелъ 1-ю часть своего „*Обзора послѣднихъ изданій Виленской археографической комиссіи*“ (Напечатанъ въ IV-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

в) Д. чл. *В. И. Щербина* сдѣлалъ очеркъ литературной дѣятельности „*Е. П. Рудыковскаго, писателя 30—40 н.*“

Е. П. Рудыковскій, сынъ сельскаго священника, родился въ с.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ за апрѣль 1892 г.

²⁾ См. „Чтен. въ Общ. Нестора“, кн. VI, Отд. II, стр. 149.

Ольшанкѣ (Васильк. у.) въ 1784 г., воспитывался сначала въ Кіевской академіи, а затѣмъ въ Медико-хирургической академіи въ Петербургѣ. Въ 1812—15 гг., въ качествѣ полковаго врача, участвовалъ въ походахъ въ Россіи (Бородино) и за-границей (Парижъ); къ этому времени относится знакомство его съ нѣкоторыми видными дѣятелями той эпохи—Н. Н. Раевскимъ, М. Ѳ. Орловымъ, А. Н. Красовскимъ. По окончаніи войны, Рудыковскій былъ прикомандированъ къ штабу сего Раевского и сопровождалъ послѣдняго въ его извѣстномъ путешествіи на Кавказъ и въ Крымъ, въ которомъ принималъ участіе и Пушкинъ. По возвращеніи Рудыковскій поселился въ Кіевѣ, гдѣ служилъ въ Кирилловской больницѣ и военномъ госпиталѣ, имѣлъ большую практику и значительный кругъ знакомыхъ. Съ открытіемъ въ Кіевѣ университета Рудаковскій сблизился со многими профессорами, въ особенности же съ М. А. Максимовичемъ и В. Я. Шульгинимъ, съ которымъ скоро связало его и родство. Съ открытіемъ университета практика Рудыковского значительно сократилась, и онъ умеръ въ 1856 г. въ бѣдности.

Рудыковскій былъ человѣкъ разносторонне образованный и отличался идеалистическимъ складомъ. Житейскія дѣла мало его занимали; гораздо больше интересовался онъ вопросами общественной жизни, науки и литературы. Литературная дѣятельность его представляетъ взаимодѣйствіе различныхъ эпохъ и формъ литературнаго развитія. Начало ея представляютъ схоластическія упражненія, писанныя въ стѣнахъ академіи Кіевской („крестообразная эпиграмма на день ангела митропол. Серапіона“, 1806 г.); къ тому же роду слѣдуетъ отнести и другія произведенія торжественной лирики религіознаго характера, относящіяся иногда къ гораздо болѣе позднему времени („Торжество Православія“, 1848 г.). Въ 30-хъ годахъ, подъ вліяніемъ поэзіи Пушкина, съ одной стороны, а обстоятельствъ времени, съ другой—Рудыковскій пишетъ рядъ патріотическихъ стихотвореній, иногда довольно оригинальныхъ („Крыса“, „Насильный бравъ“) Наконецъ въ исходѣ 30 годовъ, подъ вліяніемъ научныхъ и литературныхъ интересовъ, проявившихся въ университетскихъ кругахъ, поэзія его принимаетъ характеръ реальный и народный. Выраженіемъ этого направленія служитъ рядъ малороссійскихъ стихотвореній, изъ которыхъ лучшими являются сказки („казки“) и басни („байки“). Самъ Рудыковскій придавалъ особенное значеніе этимъ стихотвореніямъ и называлъ себя поэтомъ малороссійскимъ. И дѣйстви-

тельно: религиозная и торжественная лирика его представляет отголосокъ отживавшаго уже тогда свой вѣкъ одописательства, мало-русскія же стихотворенія явились подъ вліяніемъ развивавшагося на его глазахъ плодотворнаго стремленія къ изученію народнаго быта, языка и исторіи ¹⁾).

Въ настоящемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества избра-ны *Александръ Петровичъ Яблоновскій*—единогласно и *Евгеній Адриановичъ Безсмертный*—большинствомъ голосовъ.

V. ЗАСѢДАНІЕ 22 МАРТА.

Передъ началомъ чтеній поч. чл. **В. С. Иконниковъ** напомнилъ о послѣдовавшей незадолго передъ тѣмъ неожиданной кончинѣ *издателя „Русской Старины“ М. И. Семева*, и представилъ очеркъ его литературной и издательской дѣятельности. Указавъ на важнѣйшіе его труды, референтъ замѣтилъ, что М. И. Семева былъ однимъ изъ первыхъ въ 60-хъ годахъ, познакомившимъ русское общество съ малоизвѣстными эпизодами изъ русской исторіи XVIII стол., для которыхъ онъ воспользовался почти недоступными до того времени правительственными архивами—заслуга немаловажная. Съ 70-хъ годовъ онъ сталъ издавать „Русскую Старину“ и издалъ 73 тома матеріаловъ и изслѣдованій, помѣщенныхъ въ нихъ, относящихся преимущественно къ русской исторіи и литературѣ XVIII и XIX стол. и сопровождаемыхъ обыкновенно портретами и гравюрами, принадлежащими лучшимъ русскимъ художникамъ. Интересъ этого изданія все болѣе возрасталъ, такъ какъ въ послѣдніе годы былъ помѣщенъ на страницахъ „Рус. Старины“ рядъ мемуаровъ, относящихся къ позднѣйшей эпохѣ нашей исторіи. Независимо отъ того, частью на страницахъ „Русской Старины“, а частью отдѣльными книгами при „Рус. Старинѣ“ Семева вновь издалъ въ болѣе полномъ и совершенномъ видѣ наиболѣе замѣчательные мемуары XVIII стол., напечатанные прежде небрежно или съ значительными пропусками. М. И. Семева умѣлъ собирать матеріалы, не всякому доступные, отъ част-

¹⁾ Произведенія Е. П. Рудыковскаго напечатаны въ „Кіев. Стар.“ за май—іюль 1892 года.

ныхъ лицъ. Благодаря этому, въ его коллекціи хранится масса записокъ и частныхъ писемъ, принадлежащихъ разнымъ выдающимся дѣятелямъ на поприщѣ административной и общественной дѣятельности. Этими матеріалами изданіе его журнала можетъ быть на долго обеспечено. Но М. И. Семеvскій съ такимъ же самоотверженіемъ относился и къ общественной дѣятельности, въ качествѣ члена разныхъ ученыхъ обществъ и комиссій, гласнаго С.-Петербургской Думы, а главнымъ образомъ къ дѣлу народнаго образованія и развитія народныхъ школъ. Все это даетъ ему право на память о немъ и въ нашемъ Историческомъ Обществѣ.

Послѣ этого В. С. Иконниковъ сдѣлалъ докладъ объ „*Одномъ изъ проектовъ царствованія Петра Великаго*“, а именно о такъ наз. „Пропозиціяхъ Ѳ. С. Салтыкова“, недавно изданныхъ Общ. любит. русской письменности, въ которыхъ авторъ предлагаетъ учрежденіе по губерніямъ академій общеобразовательнаго характера и женскихъ училищъ, для помѣщенія которыхъ должны быть отведены нѣкоторые монастыри и назначены монастырскія суммы. Проектъ этотъ былъ рассмотрѣнъ референтомъ въ связи съ общимъ направленіемъ образовательныхъ стремленій эпохи Петра Вел. (этотъ рефератъ напечатанъ во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги „Чтеній“).

б) Поч. чл. **И. И. Малышевскій** сообщилъ о „*новонмйденныхъ данныхъ для біографіи русскаго первопечатника Ивана Ѳедорова*“ (Сообщеніе это также напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

По поводу этого сообщенія представилъ нѣсколько замѣчаній д. чл. П. В. Владиміровъ.

в) Д. чл. **В. З. Завитневичъ** охарактеризовалъ личность **А. С. Хомякова**, развивъ въ своемъ рефератѣ слѣдующія положенія:

Надѣленный отъ природы феноменальными способностями, Хомяковъ путемъ образованія довелъ ихъ до высокой степени развитія. Выраженіемъ логической стороны его развитія была блестящая діалектика, не имѣвшая ничего себѣ равнаго въ окружавшей его средѣ, не бѣдной дарованіями. Какъ ученый, Хомяковъ отличался необыкновенной, буквально универсальной, эрудиціей. Онъ владѣлъ специальными свѣдѣніями въ области филологіи, естествознанія, географіи, архитектуры, живописи; но особенно любимыми предметами его занятій были: исторія, философія и богословіе. Плодомъ его занятій по исторіи явился обширный трудъ по всеобщей исторіи, написанный при

условіяхъ, заставляющихъ признать его чудомъ человѣческой памяти, и представляющей попытку великаго ума объять не только внѣшній ходъ, но и внутренній смыслъ развитія всего человѣчества въ его совокупности. Какъ философъ, Хомяковъ не только первый въ Россіи и притомъ совершенно самостоятельно представилъ блестящую критику нѣмецкаго раціонализма, но обнаружилъ также и попытку создать свою собственную философскую систему, имѣющую цѣлью устранить недостатки философской школы, основанной Кантомъ; система эта осталась неоконченною. Какъ богословъ, Хомяковъ представилъ блестящій опытъ примѣненія къ пониманію богословскихъ истинъ раціональнаго метода и, между прочимъ, разъяснилъ особенности православной церкви, сравнительно съ католицизмомъ и протестанствомъ. Какъ человѣкъ, Хомяковъ былъ покорнымъ и примѣрнымъ сыномъ церкви. Какъ славянофилъ, онъ былъ основателемъ и руководителемъ кружка славянофиловъ и разумнымъ проповѣдникомъ идеи національности. Какъ поэтъ, Хомяковъ далъ блестящій примѣръ соединенія философіи съ поэзіей, облекая свои завѣтныя думы въ истинно поэтическіе образы ¹⁾.

По произведенной въ настоящемъ засѣданіи баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества Нестора избраны *Юліанъ Ѳомичъ Крачковскій*—большинствомъ голосовъ и *Иванъ Яковлевичъ Спрогисъ*—единогласно.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 19-го АПРѢЛЯ.

а) Д. чл. **М. Н. Ясинскій** окончилъ „*Обзоръ послѣднихъ изданій Виленской археографической комиссіи*“.

б) Д. чл. **Н. И. Ивановъ** сообщилъ и подвергъ разбору „*Мнѣніе А. А. Потебни объ основаніяхъ русскаго народнаго стихосложенія въ связи съ исторіей вопроса*“.

Пѣсня въ устахъ народа есть неразрывное соединеніе музыки и текста. Народная пѣсня слагается не для чтенія, а для пѣнія. Музыкальная сторона народной пѣсни съ практической и теоретической стороны издавна разрабатывалась специалистами музыкантами; словесная метрическая—филологами. То и другое направленіе въ рѣ-

¹⁾ Рефератъ этотъ напечатанъ въ „Славян. Обзорникъ“ за май 1892 г.

шеніи вопросовъ словесно-народной ритмики и метрики до весьма недавняго времени шли совершенно обособленно другъ отъ друга, чѣмъ въ значительной степени объясняются разногласія изслѣдователей въ вопросѣ объ основномъ характерѣ русской народной метрики. Усилія музыкантовъ, направленные къ тому, чтобы подвести напѣвы нашей народной пѣсни подъ законы и формы современной европейской музыки, должны быть признаны совершенно неудачными. Русскіе народные напѣвы въ этихъ попыткахъ оказываются по большей части насильственно втиснутыми въ рамки нѣмецко-итальянской гармонизаціи и значительно искаженными. Подобной же участи подверглось у насъ и древнерусское церковное пѣніе.

Рядомъ съ практическимъ примѣненіемъ современной европейской музыки по народнымъ напѣвамъ идутъ теоретико-музыкальныя изслѣдованія этихъ напѣвовъ, которыя поставили вопросъ на болѣе твердую почву. Наиболѣе видныя теоретико-музыкальныя изслѣдованія русскихъ народныхъ напѣвовъ принадлежать: кн. К. В. Одоевскому, А. Н. Сѣрову и г. Сокальскому. Всѣ эти изслѣдователи, въ особенности послѣдній, старались отстоять полную самостоятельность русской народной музыки отъ западно-европейской, при чемъ Сѣровъ находилъ тождество русской музыки съ древнегреческою, Сокальскій же указываетъ лишь на сходство съ нею, тогда какъ основаніе ея нѣсколько иное, именно болѣе древнее и болѣе простое, сравнительно съ музыкаю древнегреческою. Основаніе русской народной музыки, по его мнѣнію, — такъ называемая „китайская“, или „шотландская“, гамма.

Взгляды изслѣдователей на ритмическое и метрическое строеніе русской народной пѣсни можно раздѣлить на двѣ категоріи. Одни разсматриваютъ метрическія особенности русской и вообще славянской народной пѣсни съ точки зрѣнія метрики греческой или ея позднѣйшей передѣлки, такъ называемой теоріи тонической (рус. литературн. и нѣмецк.). Другіе стремились указать новыя, своеобразныя и болѣе древнія, чѣмъ греческія, основы славянской народной метрики. Къ первой группѣ изслѣдователей принадлежатъ слѣдующіе наиболѣе видные: Р. Вестфаль, Мельгуновъ, Шафрановъ и Узенеръ. Руководящимъ началомъ этихъ изслѣдователей могутъ служить слова Вестфала: „Никогда не было и нигдѣ на земномъ шарѣ нѣтъ поэзіи или музыки, о ритмиѣ которой можно было бы составить себѣ правильное понятіе иначе, какъ приложивъ къ ней мѣрило греческой

ритмики“. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ Вестфаль и Мельгуновъ; Шафрановъ примыкаетъ къ нимъ лишь отчасти, признавая, что текстъ пѣсни безъ напѣва не имѣетъ никакого метрическаго строенія.

На точкѣ зрѣнія такъ называемой теоріи тонической стоятъ нѣкоторые изслѣдователи сербскаго народнаго эпоса. Таковы: проф. Зама, Богичичъ, а также Боннскій проф. Узенеръ, проф. Миклошичъ и Ягичъ, примыкая, съ одной стороны, въ тонической теоріи, съ другой приближаются въ своихъ взглядахъ на характеръ общеславянской метрики къ теоріи, получившей начало и развившейся въ русской литературѣ—теоріи Востокова. Изслѣдователи сербскаго эпического стиха, размѣръ котораго свойственъ и другимъ славянскимъ народамъ, въ частности русскимъ, согласны лишь въ одномъ, а именно, что стихъ непременно дѣлится на два полустипія. Основаніе же ритма народной пѣсни они видятъ въ удареніи, но приходятъ къ различнымъ выводамъ, какъ относительно мѣста удареній въ полустипіяхъ, такъ и относительно качества и количества ихъ въ стихѣ.

Вполнѣ отрѣшился отъ воззрѣній греческой метрики въ своихъ взглядахъ на характеръ русскаго народнаго стихосложенія лишь Востоковъ (Опытъ о рус. стихослож., 1817, изд. 2). Русское народное стихосложеніе, по мнѣнію Востокова, обладаетъ своими особенными свойствами, которыя дѣлаютъ его совершенно отличнымъ не только отъ метрическаго, но и отъ тонико-метрическаго, стопослагательнаго, господствующаго въ нашей искусственной поэзіи со времени Ломоносова.

Строеніе русскихъ (древнихъ) пѣсень основано, по мнѣнію Востокова, на прозодическомъ періодѣ. „Изъ нихъ считаются не стопы, не слоги, а прозодическіе періоды, т. е. ударенія, по которымъ и должно размѣрять стихъ русскихъ старинныхъ пѣсень“, говоритъ Востоковъ. Стихъ этихъ пѣсень состоитъ изъ 2-хъ либо изъ 3-хъ прозодическихъ періодовъ, а каждый періодъ обыкновенно заключаетъ въ себѣ отъ 2-хъ до 6-ти слоговъ. Русскому народному стиху совершенно чуждо enjambement.

Теорія Востокова была повторена Дубенскимъ (1828), Надеждинымъ (1837), Перевлѣскимъ (1853) и Классовскимъ (1863). Къ послѣдователямъ же Востокова примыкаетъ и Голохвастовъ (1881).

Вторымъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ метрическаго строенія русскаго, равно какъ и общеславянскаго, народнаго стиха былъ

у насъ Срезневскій. Но его точка зрѣнія та же, что и у Востокова. Основное понятіе его о мѣрѣ народнаго стиха осталось тоже: единица мѣры, которую Срезневскій называетъ также стопою, есть у него значащая часть фразы, объединяемая съ внѣшней стороны удареніемъ, съ внутренней синтактическимъ отношеніемъ частей, относительно синтактической самостоятельности. Но Срезневскій значительно расширилъ кругъ наблюденій введеніемъ народныхъ пѣсенъ всѣхъ славянскихъ народовъ и такимъ образомъ далъ теорію общеславянской народной метрики.

Ко взглядамъ Срезневскаго присоединился и Потебня; онъ принялъ безъ всякихъ измѣненій его взглядъ на народную стопу, но главное вниманіе свое въ этомъ вопросѣ сосредоточилъ на отношеніи удареній метрическихъ къ музыкальнымъ, ритма словеснаго, или метра въ тѣсномъ смыслѣ, къ ритму музыкальному. Вопросъ этотъ получилъ особенную важность въ глазахъ Потебни послѣ изслѣдованій Вестфала, Мельгунова, Шафранова и Неймана. Потебня, подобно своимъ предшественникамъ—Востовову и Срезневскому, совершенно отрицаетъ приложимость къ славянской народной метрикѣ формулъ и законовъ метрики греческой. По вопросу объ отношеніи удареній грамматическихъ къ музыкальнымъ Потебня присоединяется къ мнѣнію проф. Фаминцына о полномъ согласіи, въ громадномъ большинствѣ великорусскихъ пѣсенъ, удареній грамматическихъ съ музыкальными. Малорусскія народныя пѣсни съ этой точки зрѣнія Потебня самъ разсматриваетъ. По этому вопросу онъ приходитъ вообще къ слѣдующимъ выводамъ: а) въ великорусскихъ пѣсняхъ, изданныхъ въ сборникѣ Мельгунова, съ музыкальной и словесной точки зрѣнія, нѣтъ другой, постоянной, необходимой въ каждой отдѣльной пѣснѣ стопы, кромѣ синтактической, которой главное удареніе нерѣдко бываетъ единственнымъ, а возможные второстепенныя ударенія стоятъ лишь на мѣстѣ этимологическихъ; б) синтактическія стопы народнаго стиха суть вмѣстѣ съ тѣмъ и музыкальныя фразы, и внутри этихъ синтактическихъ и вмѣстѣ музыкальныхъ стопъ нивакихъ другихъ стопъ нѣтъ.

Но Потебня не остановился на принятіи лишь теоріи Востокова—Срезневскаго; онъ ставитъ вопросъ шире и касается основъ вообще новоевропейской версификаціи, а равно и русской литературной.

Свое понятіе о стопѣ Потебня не только полагаетъ въ основу народнорусскаго пѣснотворчества, но считаетъ также несомнѣннымъ, что на той же единицѣ синтагмической основана мѣра и русскаго литературнаго стихосложенія, а равно и стихосложенія другихъ новоевропейскихъ языковъ, не только германскихъ, но и романскихъ. Пушкинъ отчетливо сознавалъ это, когда, въ наиболѣе зрѣлую пору своей поэтической дѣятельности, создавалъ такіа творенія, какъ „Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ“, „Русалка“ и друг. ¹⁾

По поводу этого сообщенія сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній д. чл. *Ю. А. Кулаковскій*. Онъ доказывалъ, что принимаемое референтомъ противоположеніе изслѣдователей, примѣняющихъ къ русской пѣснѣ законъ греческой ритмики, съ одной стороны, и отыскивающихъ „новыя основы метрики“, съ другой, есть недоразумѣніе. Потебня его раздѣляетъ со многими другими и невольно далъ о томъ свидѣтельство выставленной имъ теоріей размѣра пѣсенъ. Принимая вмѣстѣ со Срезневскимъ и другими за единицу измѣренія строя русскихъ пѣсенъ синтагмическую основу и приурочивая къ словесному цѣлому названіе стопы, Потебня выставялъ, какъ схему размѣра, счетъ слоговъ: 4+3, 4+2, 4+4, 3+4, 5+3 и т. д. Но разъ мы вводимъ счетъ, то тѣмъ самымъ переносимъ вопросъ въ область ритмики, ибо „ритмъ есть время, подѣленное на воспріемлемыя нашимъ слухомъ части“, какъ на-вѣки правильно опредѣлялъ его древній Аристоксенъ. Стопой является уже не фраза, не слово, не слогъ, а *время*, соответствующее фразѣ, слову, слогу. Аристоксенъ, въ ясномъ сознаніи значенія музыкальнаго элемента въ пѣснѣ, настаивалъ, что „слогъ не есть мѣра“,—и это есть неопровержимая истина. Недоразумѣніе, въ которомъ повинны многіе русскіе изслѣдователи вопроса о размѣрѣ русской народной пѣсни, имѣетъ своей причиной неполное и неясное представленіе о сущности и характерѣ древнихъ размѣровъ, которые вовсе не суть механическое чередованіе одного долгаго и ударяемаго звука съ однимъ или двумя краткими и неударяемыми, какъ то обыкновенно утверждается у насъ даже лицами, писавшими спеціальныя изслѣдованія о размѣрахъ русской пѣсни. Природа гекзаметра вовсе не исчерпана указаніемъ, что это стихъ изъ шести дактилей въ перемежку со спондеями, на каковой точкѣ зрѣнія остается не только Потебня, но и Сокольскій. Вопросъ о раз-

¹⁾ Сообщеніе это напечатано въ IV-мъ выпускѣ „Филологическихъ Записокъ“ 1892 г.

мѣръ русской народной пѣсни вовсе не разрѣшенъ и не разъясненъ Потебнею, ибо его схемы: 4+3, 5+2, 2+2, 3+4 и т. д., суть лишь внѣшнія условія ритма пѣсенъ, а сущность построенія остается даже неуказанной въ этой схематизаціи.

в) Д. чл. **М. С. Грушевскій** прочелъ сообщеніе „*Къ вопросу о Болоховѣ*“ (Напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

Въ обсужденіи этого сообщенія принимали участіе поч. чл. **В. Б. Антоновичъ** и д. чл. **Н. П. Дашкевичъ**. Послѣдній заявилъ, что, по его мнѣнію, референтъ нѣсколько преувеличилъ недостаточность обоснованности опредѣленія территоріи Болохова сопоставленіемъ лѣтописныхъ данныхъ, но тѣмъ не менѣе документъ, открытый референтомъ, представляетъ значительный интересъ.

VII. ЗАСѢДАНІЕ 9-го МАЯ.

а) Д. чл. **Ю. А. Кузиковскій** познакомилъ Общество со своими „*Керченскими раскопками лѣтомъ 1891 года*“ (Катакомба съ фресками).

Цѣлью раскопокъ, произведенныхъ референтомъ лѣтомъ 1891 года въ окрестностяхъ Керчи, было, во 1-хъ, разслѣдовать тотъ некрополь на „Глиницѣ“, на который онъ попалъ случайно при раскопкахъ 1890 года, и, во 2-хъ, собрать нѣкоторыя данныя для составленія карты мѣстонахожденія такъ называемыхъ катакомбъ на горѣ Митридата. Раскопки на Глиницѣ производились въ теченіе трехъ недѣль. Разслѣдована была площадь въ тридцать сажень въ длину и столько же въ ширину, при чемъ вскрыто было болѣе 20 гробницъ того типа, который въ Керчи зовутъ земляными съ каменнымъ покрытиемъ. Предметы, найденные при этомъ, какъ-то: перстни, браслеты, пряжки, терракоты, глиняная и стеклянная посуда, по сравненію ихъ съ имѣющимися во множествѣ образцами тѣхъ же типовъ, найденныхъ въ прежнее время въ Керченскихъ некрополяхъ, не представляли ничего новаго и необычнаго. Судя по немногимъ, найденнымъ при раскопкахъ, монетамъ и по типамъ вещей, некрополь этотъ можно съ увѣренностью отнести къ I вѣку по Р. Х.

Въ разстояніи полуверсты отъ этого некрополя, ближе къ морю,

произведены были раскопки близъ сада г. Чернявскаго. Здѣсь было вскрыто 13 склеповъ, лежавшихъ большею частью на значительной глубинѣ, отъ 1 до 1½ сажени, и ориентированныхъ большею частью на ЮЗ. При костякахъ не оказывалось здѣсь никакихъ вещей, и для изслѣдователя осталось загадкой, съ какого рода типомъ могилъ онъ здѣсь встрѣтился и къ какому періоду многовѣковой жизни Керчи слѣдуетъ его приурочить. Лишь въ одномъ изъ склеповъ найденъ былъ деревянный, сильно истлѣвшій, гробъ (сколоченный четырехугольнымъ ящикомъ). Лежавшій въ этомъ гробѣ ничкомъ костякъ былъ завернутъ въ матерію, обшитую по краямъ златотканною полосою очень изящнаго рисунка. Куски матеріи и этой обшивки были препровождены въ Императорскую Археологическую Коммисію.

Въ мѣстности по сѣверному склону горы Мигридата вскрыто было 12 катакомбъ, которыя и были нанесены на планъ. Въ одной изъ нихъ, расположенной по Госпитальной улицѣ ¹⁾, найдены были вещи, оставленныя тамъ древнимъ грабителемъ, а именно: два желѣзныхъ шлема, обломки брони изъ того же металла, мечи, кинжалъ, наконечникъ копья, 15 наконечниковъ стрѣлъ, нѣсколько бронзовыхъ предметовъ, нѣсколько золотыхъ бляшекъ и пряжекъ. Найденная тамъ же монета имп. Льва I даетъ, быть можетъ, хронологическое указаніе на время совершеннаго здѣсь погребенія. Неподалеку оттуда, близъ „вторыхъ печей Ростовскаго“, найдена была катакомба, стѣны которой украшены фресками. По счету—это девятая со времени открытія перваго и наиболѣе интереснаго памятника этого вида погребеній, открытія, сдѣланнаго Ашикомъ въ 1841 году. Точные снимки съ фресокъ, украшающихъ стѣны вновь открытой катакомбы, исполненные на мѣстѣ подъ наблюденіемъ референта и директора Керченскаго музея, г. Думберга, ученицей школы бар. Штиглица, гж. Васильевой, были предложены на разсмотрѣніе присутствующихъ, при чемъ референтъ представилъ подробное изъясненіе содержанія, характера и стиля фресокъ.

По поводу этого сообщенія сказано нѣсколько словъ д. чл. *А. И. Сонни* (объ изображеніяхъ генія и фортуны на стѣнахъ катакомбы)

¹⁾ По близости отъ христіанской катакомбы 491 года, найденной референтомъ въ 1890 году и уже описанной въ „Матеріалахъ“ Имп. Арх. Ком., вып. 6, Спб., 1891 г.

и поч. чл. *В. Б. Антоновичемъ* (объ оружіи, находившемся въ катакомбѣ, въ которой найдена также монета Льва I, и о принадлежности пещеры приблизительно къ тому же времени).

б) Д. чл. *А. А. Андріевскій* обозрѣлъ содержаніе „*Реляцій Кіевскаго генералъ-губернатора за 1767—1769 и.*“ (См. въ III-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

в) Д. чл. *И. М. Каманинымъ* доложенъ былъ рефератъ д. чл. *Н. Н. Оглоблина*: „*Сыскныя дѣла о кладяхъ въ XVII в.*“ (См. во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

По поводу выводовъ автора г. Предсѣдатель Общества замѣтилъ, что участіе правительства въ находимымъ кладамъ зависѣло не отъ интереса его къ предметамъ древности, а отъ права его на все, заключающееся въ нѣдрахъ земли.

Поч. чл. *В. Б. Антоновичъ* высказалъ предположеніе, что золотыя гривны, найденныя въ Кутуковскомъ кладѣ, приближаются по формѣ къ Кіевскимъ, а по вѣсу къ Новгородскимъ, т. е. къ среднему переходному типу; „пруды“ Путивльскаго клада — шейныя гривны, а „плащи“, какъ справедливо предполагаетъ референтъ, — не что иное, какъ бляхи кованыхъ поясовъ XIV-XV вв.; что касается до кургановъ, то они не могли быть разрываемы для цѣлей сельскаго производства.

Въ настоящемъ засѣданіи единогласно избранъ въ дѣйствительные члены Общества *Иванъ Васильевичъ Помяловскій*, проф. Спб. университета.

VIII. ЗАСѢДАНІЕ 11-го ОКТЯБРЯ.

а) Поч. чл. *В. Б. Антоновичъ* сообщилъ о произведенныхъ имъ „*Дополнительныхъ раскопкахъ въ Бакотскомъ скальномъ монастырѣ*“.

Бакотскій скальный монастырь находится на обрывистомъ берегу Днѣстра у села Бакоты. Гора, возвышающаяся надъ Днѣстромъ, состоитъ изъ пласта третичнаго известняка, подъ которымъ залегаетъ толстый пластъ щебня, подъ нимъ другой пластъ третичнаго известняка и въ основаніи пластъ сѣраго шифера. Монастырскія сооруженія были выкопаны какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ известковыхъ пластахъ; въ верхнемъ уцѣлѣлъ корридоръ, двѣ келліи и нѣ-

сколько нишъ. Въ нижнемъ пластѣ было два этажа: въ верхнемъ оказались три пещеры, заключавшія болѣе тридцати гробницъ, высѣченныхъ частью въ полу, частью въ стѣнахъ; здѣсь встрѣчено также много нишъ, устроенныхъ въ скалѣ, въ пещеръ;—остатки небольшой церкви, на обломкахъ стѣнъ которой еще ясно видны 6 иконъ, писанныхъ красками на камнѣ, и славянская надпись, вырѣзанная на скалѣ у одной изъ нишъ и свидѣтельствующая о погребеніи въ ней основателя монастыря, игумена Григорія. Весь этотъ верхній этажъ представлялъ монастырскую усыпальницу. Въ нижнемъ этажѣ уцѣлѣла половина свода церковнаго и по сторонамъ его слѣды двухъ деревянныхъ построекъ. У входа въ церковь въ особой нишѣ помѣщался сосудъ для освященной воды, а подъ сводомъ найдены: оловянные чаша и дискосъ и желѣзный свѣтильникъ. Въ деревянныхъ постройкахъ (изъ одной вель на противоположный склонъ скалы высѣченный въ ней проходъ) оказалось много оружія, по характеру своему относящагося къ XIV—XV столѣтіямъ: мечи, вижгалы, копья, ножи, стрѣлы, дротыи, конская сбруя: стремена, удила, шпоры и т. д., а также значительное количество бытовыхъ предметовъ: мѣдные котлы, висячіе замки, цѣпь съ наручниками, части музыкальнаго инструмента и т. д. Вѣроятно, деревянныя постройки, окружавшія церковь, служили мѣстомъ пребыванія части гарнизона Бакотскаго замка.

б) Д. чл. В. И. Щербина въ своемъ докладѣ указалъ на „*Новые материалы для исторіи Литовской и Московской Руси въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій*“, заключающіеся въ изданномъ въ началѣ текущаго года во Львовѣ т. I „*Archivum domus Sapiehanae*“ подъ редакціей д-ра А. Прохаски. Томъ этотъ содержитъ въ себѣ переписку (625 писемъ) семьи Сапѣгъ, преимущественно извѣстнаго канцлера Льва Сапѣги, съ разными лицами; между корреспондентами встрѣчаются имена папъ, императоровъ, королей, легатовъ, нунціевъ и друг. Письма обнимаютъ время 1575—1606 гг.; такимъ образомъ они затрогиваютъ важнѣйшія событія: въ Литовской Руси—церковную унію и въ Руси Восточной—смутное время. Унія нашла себѣ выраженіе въ письмахъ Ипатія Поцѣя; въ нихъ онъ то жалуется на грубость и невѣжество русскаго духовенства, не желающаго подчиняться его требованіямъ и нововведеніямъ въ богослуженіе, то выступаетъ на защиту своего сподвижника по распространенію уніи, извѣстнаго Антонія Грековича, осужденнаго на смерть за тяжкое

преступленіе, то проявляетъ претензіи на захватъ богатыхъ церквей (въ г. Владимірѣ) и монастырей (Кіево-печерскій); рядомъ съ этимъ въ его письмахъ мы находимъ указаніе на непріязненные отношенія короля къ князю Константину Острожскому изъ-за уни. Козацкое возстаніе слабо обрисовано въ письмахъ. Что касается до событій Восточной Руси, то изъ переписки видно, какъ внимательно слѣдили польскіе государственные люди чрезъ своихъ шпионовъ за тѣмъ, что происходило въ Москвѣ; такъ, напр., сообщаются слухи объ убійствѣ Годуновымъ великаго князя; о претендентахъ на московскій престолъ, изъ которыхъ къ Мстиславскому самъ умирающій царь относился враждебно, Годунова считалъ недостойнымъ занять престолъ вслѣдствіе его происхожденія изъ простаго народа и преемникомъ своимъ назначилъ Θεодора Романовича; передаются толки, будто самъ Годуновъ первый возымѣлъ намѣреніе выставить самозванца для достиженія своихъ цѣлей; далѣе сообщаются извѣстія объ избраніи Годунова и смутахъ въ первые дни его правленія. Въ письмахъ проглядываетъ осторожное и недовѣрчивое отношеніе къ самозванцу. Въ заключеніе референтъ указалъ на односторонность и субъективизмъ во взглядахъ г. Прохаски на событія того времени и въ характеристивѣ историческихъ дѣятелей.

в) д. чл. Т. Д. Флоринскій сдѣлалъ библиографическое сообщеніе о новооснованномъ журналѣ Мюнхенскаго профессора Крумбахера: „*Byzantinische Zeitschrift*“, посвященномъ всесторонней разработкѣ византиновѣдѣнія (Напеч. въ журналѣ „Славянское Обозрѣніе“ за текущій годъ).

Слушамъ: докладъ о томъ, что изъ Ярославля отъ И. А. Тихомірова получено письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя дополненія къ помѣщенной въ VI-й книгѣ „Чтеній“ статьѣ В. З. Завитневича: „Вторая археологическая экскурсія въ Припетское Полѣсье“. Дополненія г. Тихомірова касаются замѣчанія г. Завитневича (стр. 65 его статья) о томъ, что топоры съ выдающимся удлинненнымъ тыльемъ (форма №№ 1-й и 2-й таблицы при статьѣ) представляютъ характеристическую особенность топоровъ (собственно сѣкиръ), встрѣчающихся по-преимуществу въ Мерянскихъ курганахъ. „Въ лучшихъ изображеніяхъ Ярославскаго герба (медвѣдь съ сѣкирой), т. е. герба страны по-преимуществу Мерянской“, пи-

шесть по этому г. Тихоміровъ, „сохранилось начертаніе топора, весьма близкаго по своей формѣ къ тѣмъ, что изображены на приложенной къ статьѣ г. Завитневича таблицѣ, а именно къ № 2-му и пожалуй къ 4-му и 5-му, но представляющаго дальнѣйшее развитіе этой формы не безъ нѣкоторой примѣси фантазіи художника-геральдика“; подобный же топоръ находился въ собраніи древняго оружія, принадлежавшемъ отцу г. И. А. Тихомірова и перешедшемъ къ профессору живописи Е. С. Сорокину. Форма топора № 1 на таблицѣ при статьѣ г. Завитневича, названная имъ скиеской точно также уцѣлѣла до позднѣйшаго времени, и образецъ такого топора, какъ примѣръ устойчивости типа, пріобрѣтенъ авторомъ письма у жителя г. Романова. Обыкновенный (плотничій) топоръ, по мнѣнію г. Тихомірова, развился изъ скиескаго топора; колунъ—изъ кельта, или цельта; мясничный образовался, или изъ скиескаго, или изъ цельта, или, наконецъ, онъ—видоизмѣненіе плотничьяго топора.

Опредѣлили: благодарить г. И. А. Тихомірова за его сообщеніе.

По произведенной въ этомъ же засѣданіи баллотировкѣ единогласно избранъ въ дѣйствит. члены Общества *Григорій Григорьевичъ Павлуцкий*.

IX. ЗАСѢДАНІЕ 27-го ОКТЯБРЯ.

Настоящее торжественное годовичное засѣданіе Общества, въ день памяти преп. Нестора лѣтописца, было открыто Секретаремъ *Н. П. Дашкевичемъ* чтеніемъ составленнаго имъ отчета о дѣятельности, составѣ и средствахъ Общества по 27 окт. 1892 г. (Напечатанъ ниже).

Затѣмъ послѣдовала рѣчь д. чл. *П. В. Владимірова*, въ которой онъ, по случаю имѣвшаго исполниться 29-го октября 50-лѣтія со дня смерти *А. В. Кольцова*, охарактеризовалъ его, какъ человека и поэта.

Въ томъ же засѣданіи единогласно избранъ въ почетные члены Общества Нестора лѣтописца *Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ* въ ознаменованіе уваженія Общества къ 50-лѣтней его дѣятельности на пользу русской исторической науки. Сверхъ того, опредѣлено во dniu празднованія его юбилея послать отъ имени Общества Нестора лѣт. поздравительную телеграмму.

ОТЧЕТЪ

о составѣ и дѣятельности Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1892 году,
читанный Секретаремъ Общества въ годичномъ торжественномъ собраніи
27 октября 1892 года.

Приурочивъ празднованіе своей годовщины къ нынѣшнему дню чествованія памяти древняго славнаго русскаго дѣписателя, имя котораго носить, Историческое Общество Нестора лѣтописца представляетъ вашему просвѣщенному вниманію, Мм. Гг. и М. Гг-ни, краткій отчетъ о своемъ составѣ и дѣятельности въ истекающемъ двадцатомъ году своего существованія.

Предлагаемая свѣдѣнія да послужатъ къ уясненію, выполнило ли Общество достоюющимъ образомъ все возможное согласно съ его составомъ, средствами и цѣлями.

Понесши въ отчетномъ году утрату въ лицѣ скончавшагося дѣйствительнаго члена К. Н. Воскресенскаго, Историческое Общество принимало дѣятельныя мѣры къ пополненію своего состава свѣжими силами и увеличило этотъ составъ избраніемъ девяти новыхъ дѣйствительныхъ членовъ, въ томъ числѣ: извѣстнаго ученаго, филолога и археолога, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. В. Помяловскаго; двухъ почтенныхъ дѣятелей Виленской Археографической комиссіи, Ю. Ѡ. Крачковскаго и И. Я. Спрогиса; знатока южно-русской старины, автора цѣнныхъ монографій о ней и издателя нѣсколькихъ важныхъ источниковъ для ея изученія, польскаго ученаго А. П. Яблоновскаго и профессора Императорскаго Новороссійскаго университета А. И. Маркевича.

Значительный составъ Общества, числящаго къ настоящему дню въ своемъ спискѣ 20 почетныхъ и 103 дѣйствительныхъ члена,

можетъ внушать постороннимъ лицамъ преувеличенныя ожиданія отъ дѣятельности Общества, при томъ — соразмѣрно съ матеріальными средствами, которыми могло бы обладать Общество при такомъ количествѣ членовъ.

Но, при оцѣнкѣ дѣятельности Общества, необходимо имѣть въ виду, что, хотя оно состоитъ при Университетѣ, который въ послѣдніе годы выдвинулъ немало достойныхъ дѣятелей исторической науки, таковыхъ въ средѣ дѣйствительныхъ участниковъ въ трудахъ Общества не такъ много. Далѣе, почти половина дѣйствительныхъ членовъ Общества, именно 48, находятся внѣ Кіева—либо потому, что оставили послѣдній для служебной дѣятельности въ иномъ мѣстѣ, либо потому, что никогда и не принадлежали нашему городу и были избраны въ члены Общества большею частію не столько въ расчетѣ на то или иное содѣйствіе Обществу съ ихъ стороны, сколько въ озбаменованіе уваженія Общества къ ихъ трудамъ. На ряду съ большинствомъ иногородныхъ и нѣкоторые мѣстные дѣйствительные члены не проявляли никакого участія къ преуспѣванію Общества, такъ что въ отчетномъ году даже взносы поступили всего отъ 41 члена (въ количествѣ 205 р.), и Общество нашлось вынужденнымъ считать сложившимися съ себя званіе его членовъ восемь лицъ, не принимавшихъ въ теченіе многихъ лѣтъ никакого участія въ выполненіи задачъ Общества. Безъ отпускаемаго ежегодно правительственнаго пособія въ количествѣ 800 рублей Общество было бы лишено возможности выпустить свое повременное изданіе: „Чтенія“, которое выходитъ теперь болѣе или менѣе правильно и все болѣе и болѣе расширяется и въ объемѣ и въ программѣ, между прочимъ—введеніемъ библиографическаго отдѣла начиная съ VII-й книги, имѣющей выйти въ свѣтъ въ началѣ будущаго года. Расходы по изданію послѣдней предположено покрыть изъ остающихся въ настоящему дню въ кассѣ Общества 876 р. 32 к. Предыдущая—VI-я книга „Чтеній“ появилась въ настоящемъ году и потребовала на свое изданіе 1182 р. 11 к.

Сообщенія, помѣщаемыя въ „Чтеніяхъ“, а также отчасти и матеріалы, не представляютъ подбора статей однороднаго содержанія; но онѣ и не могъ быть осуществлень, такъ какъ доселѣ еще не оказывалось возможности привлечь членовъ Общества къ общей и совмѣстной разработкѣ тѣхъ или иныхъ частныхъ вопросовъ какого-нибудь отдѣла исторической науки, да и врядъ ли то мыслимо при ши-

ротѣ программы Общества и составѣ его изъ лицъ весьма разнородныхъ спеціальностей въ области исторической науки и наукъ вспомогательныхъ.

По той же причинѣ и сообщенія, читающіяся и излагаемыя въ засѣданіяхъ Общества, весьма разнообразны по содержанію. Въ 8, не считая нынѣшняго, засѣданія отчетнаго года было предложено 22 сообщенія, и изъ нихъ 5 относилось къ археологій, 7—къ русской исторіи, 1—къ этнографіи, 3—къ исторіи русской словесности 1—къ всеобщей исторіи. Сверхъ того, было удѣлено три реферата обзору нѣкоторыхъ новѣйшихъ изданій по западно-русской исторіи и византологіи, и были помянуты научныя заслуги скончавшихся въ концѣ прошлаго года и началѣ настоящаго: профессоровъ А. А. Потебни и И. Я. Порфирьева, издателя „Русской Старины“ М. И. Семева, а также литературныя труды чешскаго писателя Я. Неруды.

Такова вкратцѣ дѣятельность Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ текущемъ году. Быть можетъ, она не вполне удовлетворитъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявляемы научнымъ учрежденіямъ, преслѣдующимъ узко-спеціальныя задачи и обладающимъ устройствомъ, составомъ и средствами, соответствующими этимъ задачамъ. Но Историческое Общество Нестора лѣтописца изначала не принадлежало къ числу такихъ учреждений. Его цѣль, предудказанная уставомъ, состоитъ въ спеціальной разработкѣ не только отечественной исторической науки въ широкомъ смыслѣ („исторія политической и церковной, исторія литературы и права, археологій, нумизматики и друг.“), но и наукъ вспомогательныхъ, каковы „исторія и литература всеобщая, насколько находятся въ связи съ умственной жизнью Русскаго народа“, а равнымъ образомъ и въ поддержаніи научнаго общенія между мѣстными спеціалистами всѣхъ отдѣловъ исторической науки. Послѣдняя цѣль выполнялась, между прочимъ, тѣмъ, что нѣкоторыя сообщенія вызвали живой обмѣнъ мыслей и свѣдѣній въ средѣ присутствовавшихъ членовъ Общества. Наконецъ, задачи нашего Историческаго Общества, какъ то выяснилось съ того времени, когда во главѣ его стоялъ достопамятный А. А. Котляревскій, должны быть понимаемы еще шире: состоя подѣ сѣнію высшаго научнаго учрежденія въ краѣ, Историческое Общество должно служить

однимъ изъ посредствующихъ органовъ живого общенія дѣятелей науки съ образованною публикою и распространенія среди послѣдней интереса къ гуманнѣмъ знаніямъ, къ серьезному и глубокому изученію прошлаго, какъ влюча къ настоящему и пониманію законовъ жизни, и уваженія къ исторической истинѣ. Поэтому Общество, навсегда сдѣлавшее свои засѣданія доступными для просвѣщенной публики, въ отличіе отъ намѣренія нѣкоторыхъ первыхъ его учредителей, не замыкаясь въ узкій кругъ систематическаго сосредоточенія въ одной какой-нибудь спеціальности, старалось предлагать сообщенія общедоступныя по формѣ и исполненныя болѣе или менѣе общаго интереса. Постоянно видя значительное количество посѣтителей въ стѣнахъ своей аудиторіи, Общество утѣшается мыслию, что дѣятельность его не была бесплодна и въ этомъ отношеніи, и что оно успѣло снискать серьезное участіе любителей просвѣщенія къ его трудамъ.

Въ виду указанной только что цѣли—поддержанія научной связи съ образованною публикою—Историческое Общество постановило принять участіе въ происходящемъ въ настоящемъ году общемъ чествованіи полувѣковыхъ и вѣковыхъ годовщинъ со дня прекращенія смертью дѣятельности славныхъ представителей національнаго творчества и рѣшило посвятить настоящее свое торжественное собраніе памяти одного изъ тѣхъ дѣятелей нашей художественной литературы, которые трудились въ существѣ во имя той же великой идеи, какой служить и Общество—разумѣемъ національное самопознаніе.

Вышедшій изъ малообразованной среды поэтъ-„кремень“ (по выраженію М. Н. Каткова), Кольцевъ имѣлъ широко объемлющее сердце; между проч., онъ внималъ „съ какою то радостью невольной“ и пѣснямъ „сыновъ Украины привольной“, пѣвшихъ „про жизнь своихъ дѣдовъ“:

И какъ тѣ пѣсни сердцу милы, *говоритъ онъ,*
 Какъ выразительны, улылы,
 Протяжны, звучны и полны
 Преданьями родной страны!

Силою своего чуднаго поэтическаго таланта Кольцовъ достигъ уразумѣнія народнаго духа и возсоздалъ въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ съ необычайною по силѣ и теплотѣ художественностью жизнь, поэзію повседневныхъ трудовъ, думъ, радостей и печалей, нравственные ин-

тересы и идеалы, удалъ-молодечество, грусть и крѣпкую вѣру народныхъ массъ. Онъ приблизилъ насъ къ народу и въ значительной степени содѣйствовалъ превращенію нашей инстинктивной любви къ нему въ любовь сознательную, основанную на пониманіи народнаго характера и жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ онъ причастенъ и передовому умственному движенію своего времени, сисясь въ „думахъ“ своихъ постигать и рѣшать тѣ вопросы, которые были предметомъ философскихъ бесѣдъ и горячихъ споровъ въ кружкѣ Станкевича, Бѣлинскаго и друзей послѣдняго, уразумѣть, напр., „духъ вѣчной жизни, самъ себя сознающій въ видахъ безконечныхъ“, мировую идею („Царство мысли“), неразгаданную истину, хотя и „тяжелы“ были ему „думы, сладостна“ лишь „молитва“, и сознавалъ онъ, что

Умъ нашъ не шагаетъ
 Міра за границу;
 Наобумъ мѣшаетъ
 Съ былью небылицу.

Такъ явился Кольцовъ прообразомъ, орудіемъ и однимъ изъ первыхъ живыхъ примѣровъ у насъ того общенароднаго единенія въ сферѣ нравственной и эстетической, къ которому лишь недавно мы начали стремиться!

Приложенія къ отчету

за 1892 г.

I. Списокъ членовъ Общества Нестора лѣтописца къ 27-му октября 1892 года ¹⁾).

а) Почетные члены:

Бунге Николай Христіановичъ, предсѣдатель Комитета министровъ (27 декабря 1872 г.)

Дондуковъ-Корсаковъ, князь, **Александръ Михайловичъ**, бывшій Кіевскій, Подольскій и Волинскій генераль-губернаторъ (27 декабря 1872 г.).

Бычковъ, **Аванасій Θεодоровичъ**, директоръ Императорской Публичной библіотеки (29 января 1878 г.).

Петрушевичъ, о. **Антоній**, каноникъ церкви св. Юра во Львовѣ (1 марта 1881 г.).

Ламянскій, **Владиміръ Ивановичъ**, профессоръ С.-Петербургскаго университета (8 мая 1883 г.).

Голубинскій, **Евгеній Евсиміевичъ**, проф. Москов. духовной академіи (9 октября 1883 г.; въ дѣйствительные же члены былъ избранъ 18 мая 1880 г.).

Малышевскій, **Иванъ Инатъевичъ**, членъ-учредитель, проф. Кіев. духовной академіи (9 октября 1883 г.).

Лебединцевъ, о. **Петръ Гавриловичъ**, членъ-учредитель, кафедральный протоіерей (9 марта 1886 г.).

Знаменскій, **Петръ Васильевичъ**, проф. Казан. духовной академіи (14 декабря 1886 г.).

---

¹⁾ Въ настоящемъ списокѣ имена гг. членовъ Общества перечислены въ порядкѣ по времени избранія, которое обозначается при каждомъ имени въ скобкахъ.

Вельяминовъ-Зерновъ, Владиміръ Владиміровичъ, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, Попечитель Кіевскаго учебнаго округа (25 сентября 1888 г.).

Бестужевъ-Рюминъ, Константинъ Николаевичъ, академикъ, бывшій проф. С.-Петербургскаго университета (20 ноября 1888 г.; въ дѣйств. же члены избранъ 29 января 1878 г.).

Веселовскій, Александръ Николаевичъ, академикъ и проф. С.-Петербург. университета (20 ноября 1888 г.).

Рачкій, Францъ, членъ Академіи Наукъ въ Загребѣ (20 ноября 1888 г.).

Ягичъ, Игнатій Викентьевичъ, академикъ и проф. Вѣнскаго университета (20 ноября 1888 г.).

Деляновъ, графъ, Иванъ Давыдовичъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія (11 декабря 1888 г.).

Юргевичъ, Владиславъ Норбертовичъ, вице-президентъ Одесскаго Общества исторіи и древностей (26 ноября 1889 г.).

Уварова, графиня, Прасковья Сергеевна, предсѣдатель Императорскаго Москов. археологич. общества (15 декабря 1889 г.).

Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ, членъ-учредитель, проф. университета св. Владиміра (18 марта 1890 г.).

Антоновичъ, Владиміръ Бонифатіевичъ, членъ учредитель, проф. университета св. Владиміра (18 марта 1890 г.).

Владимірскій-Будановъ, Михаилъ Флегонтовичъ, проф. университета св. Владиміра (24 ноября 1891 г.; въ дѣйствительные же члены избранъ 10 декабря 1875 г.).

Забѣлинъ, Иванъ Елоровичъ, предсѣдатель Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ (27 октября 1892 г.).

б) Дѣйствительные члены:

Хрущовъ, Иванъ Петровичъ, членъ-учредитель, членъ Учебнаго комитета Министерства народнаго просвѣщенія.

Лашкаревъ, Петръ Александровичъ, членъ-учредитель, проф. Кіев. духовной академіи и университета св. Владиміра.

Розовъ, Алексій Васильевичъ, проф. Кіев. духовной академіи (27 декабря 1872 г.).

Фортлискій, Теодоръ Яковлевичъ, ректоръ и проф. университета св. Владиміра (3 января 1873 г.).

Модестовъ, Василій Ивановичъ, проф. Новороссійскаго университета (3 января 1873 г.).

Романовичъ-Славатинскій, Александръ Васильевичъ, проф. университета св. Владиміра (27 января 1874 г.).

Дашкевичъ, Николай Павловичъ, проф. университета св. Владиміра (21 ноября 1874 г.).

Мищенко, Теодоръ Герасимовичъ, проф. Казан. университета (21-го ноября 1874 г.).

Голубевъ, Степанъ Тимофеевичъ, проф. Кіев. духовной академіи и университета св. Владиміра (8 декабря 1874 г.).

Исаевъ, Иванъ Петровичъ (10 октября 1875 г.).

Лучицкій, Иванъ Васильевичъ, проф. университета св. Владиміра (16 ноября 1875 г.).

Павловъ, Платонъ Васильевичъ, бывшій проф. университета св. Владиміра (4 марта 1876 г.).

Лавровскій, Николай Алексѣевичъ, попечитель Дерптскаго учебнаго округа (8 января 1877 г.).

Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ, ректоръ и проф. Дерпт. университета (8 января 1877 г.).

Кочубинскій, Александръ Александровичъ, проф. Новорос. университета (8 января 1877 г.).

Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, академикъ и помощникъ директора Императорской Публичной библіотеки (29 января 1878 г.).

Демченко, Василій Григорьевичъ, проф. университета св. Владиміра (29 января 1878 г.).

Петровскій, Мемнонъ Петровичъ, бывшій проф. Казан. университета (29 января 1878 г.).

Левицкій, Орестъ Ивановичъ (29 января 1878 г.).

Савваттовъ, Павелъ Ивановичъ, членъ Императорскаго Русскаго географическаго общества (17 сентября 1878 г.).

Истоминъ, Михаилъ Павловичъ (12 ноября 1878 г.).

Науенко, Владиміръ Павловичъ (12 ноября 1878 г.).

Ждановъ, Иванъ Николаевичъ, проф. С.-Петербург. историко-филологич. института (25 февраля 1879 г.).

Дилеевъ, Михаилъ Ивановичъ, (18 марта 1879 г.).

Малининъ, Василій Николаевичъ, проф. Кіев. духовной академіи (18 марта 1879 г.).

Житецкій, Павелъ Инатъевичъ (18 марта 1879 г.).

Любовичъ, Николай Николаевичъ, проф. Варшав. университета (9 декабря 1879 г.).

Люба-Радзивицкій, Сигизмундъ Владиміровичъ (9 декабря 1879 г.).

Бѣличенко, Петръ Саввичъ (1880 г.).

Лазаревскій, Александръ Матѣевичъ (1880 г.).

Успенскій, Теодоръ Ивановичъ, проф. Новорос. университета (1880 г.).

Андріевскій, Алексій Александровичъ (1 марта 1881 г.).

Багалій, Дмитрій Ивановичъ, проф. Харьков. университета (1 марта 1881 г.).

Пономаревъ, Степанъ Ивановичъ (1 марта 1881 г.).

Ливиченко, Иванъ Андреевичъ, приватъ-доцентъ Москов. университета (4 октября 1881 г.).

Стороженко, Андрей Владиміровичъ (4 октября 1881 г.).

Голубовскій, Петръ Васильевичъ, приватъ-доцентъ университета св. Владимира (25 октября 1881 г.).

Катанинъ, Иванъ Михайловичъ (25 октября 1881 г.).

Флоринскій, Тимофей Дмитріевичъ, проф. университета св. Владимира (14 марта 1882 г.).

Соколовъ, Матѣй Ивановичъ, проф. Москов. университета (25 апрѣля 1882 г.).

Трегубовъ, Емисей Кипріановичъ (25 апрѣля 1882 г.).

Иващенко, Петръ Семеновичъ (3 ноября 1882 г.).

Прохаска, Антоній Антоніевичъ, проф. Львов. университета (12 декабря 1882 г.).

Брандтъ, Романъ Теодоровичъ, проф. Москов. университета (1882 г.).

Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ, проф. университета св. Владимира (23 января 1883 г.).

Соболевскій, Алексій Ивановичъ, проф. С.-Петербург. университета (23 января 1883 г.).

Ястребовъ, Митрофанъ Филипповичъ, проф. Кіев. духовной академіи (23 января 1883 г.).

Кулишеръ, Михаилъ Инатъевичъ (23 января 1883 г.).

Слицикій, Даніилъ Александровичъ (27 февраля 1883 г.).

Щербина, Владиміръ Ивановичъ (22 мая 1883 г.).

- Ляскороноскій, Владиміръ Григорьевичъ** (9 октября 1883 г.).
- Горленко, Василій Петровичъ** (29 января 1884 г.).
- Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ**, проф. Нѣжин. историко-филологич. института (29 апрѣля 1884 г.).
- Дитриѣвскій, Алексій Аванасьевичъ**, проф. Киев. духовной академіи (13 мая 1884 г.).
- Покровскій, Теодоръ Яковлевичъ**, проф. Киев. духовной академіи (13 мая 1884 г.).
- Завитневичъ, Владиміръ Зеноновичъ**, проф. Киев. духовной академіи (27 января 1885 г.).
- Николайчикъ Теодоръ Даниловичъ** (27 января 1885 г.).
- Оглоблинъ, Николай Николаевичъ** (9 марта 1886 г.).
- Мазараки, Сергій Аркадьевичъ** (27 апрѣля 1886 г.).
- Степовичъ, Андроникъ Иоанникіевичъ** (22 марта 1887 г.).
- Стороженко, Николай Владиміровичъ** (22 марта 1887 г.).
- Сикорскій, Иванъ Алексѣевичъ**, проф. университета св. Владиміра (26 апрѣля 1887 г.).
- Праховъ, Адріанъ Викторовичъ**, проф. университета св. Владиміра (21 февраля 1888 г.).
- Булгаковъ Аванасій Ивановичъ**, проф. Киев. духовной академіи (3 апрѣля 1888 г.).
- Кнауэръ, Теодоръ Ивановичъ**, проф. университета св. Владиміра (3 апрѣля 1888 г.).
- Владиміровъ, Петръ Владиміровичъ**, проф. университета св. Владиміра (30 октября 1888 г.).
- Красносельцевъ, Николай Ѳомичъ**, проф. Новорос. университета (30 октября 1888 г.).
- Сонинъ, Адольфъ Израилевичъ**, проф. университета св. Владиміра (29 января 1889 г.).
- Вершадскій, Сергій Александровичъ**, проф. С.-Петербург. университета (30 апрѣля 1889 г.).
- Ясинскій, Михаилъ Никитичъ** (30 апрѣля 1889 г.).
- Теличенко, Иванъ Васильевичъ** (30 апрѣля 1889 г.).
- Дверняцкій, Емельянъ Николаевичъ** (4 февраля 1890 г.).
- Василенко, Викторъ Ивановичъ** (4 февраля 1890 г.).
- Ясинскій, Антонъ Никитичъ** (18 марта 1890 г.).
- Влячинъ, Василій Петровичъ** (22 апрѣля 1890 г.).

- Могчановскій** *Никандръ Васильевичъ* (22 апрѣля 1890 г.).
- Петрушевскій**, *Дмитрій Моисеевичъ* (22 апрѣля 1890 г.).
- Муонгъ-Пушкинъ**, графъ, *Александръ Алексѣевичъ*, помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа (7 октября 1890 г.).
- Ровинскій**, *Павелъ Аполлоновичъ* (21 октября 1890 г.).
- Ивановъ**, *Николай Ивановичъ* (11 ноября 1890 г.).
- Турцевичъ**, *Иванъ Григорьевичъ* (11 ноября 1890 г.).
- Мякотинъ**, *Венедиктъ Александровичъ* (11 ноября 1890 г.).
- Пискорскій**, *Владиміръ Константиновичъ* (11 ноября 1890 г.).
- Крыловскій**, *Амросій Семеновичъ* (25 ноября 1890 г.).
- Кивлицкій**, *Евгеній Александровичъ* (17 марта 1891 г.).
- Грушевскій**, *Михаилъ Сергѣевичъ* (19 мая 1891 г.).
- Ивановъ**, *Павелъ Андреевичъ* (19 мая 1891 г.).
- Бубновъ**, *Николай Михайловичъ*, проф. университета св. Владиміра (6 октября 1891 г.).
- Бѣлогриць-Котляревскій**, *Леонидъ Сергѣевичъ*, проф. университета св. Владиміра (6 октября 1891 г.).
- Бѣляшевскій**, *Николай Фодотовичъ* (10 ноября 1891 г.).
- Ляскоронскій**, *Василій Григорьевичъ* (10 ноября 1891 г.).
- Анненскій**, *Иннокентій Фодоровичъ* (24 ноября 1891 г.).
- Василенко**, *Николай Прокофьевичъ* (24 ноября 1891 г.).
- Леопардовъ**, *Николай Александровичъ* (8 декабря 1891 г.).
- Истоинъ** *Федоръ Павловичъ* (26 января 1892 г.).
- Чернезь**, *Николай Павловичъ* (26 января 1892 г.).
- Маркевичъ**, *Алексій Ивановичъ*, проф. Новорос. университета (9 февраля 1892 г.).
- Яблоновскій**, *Александръ Петровичъ* (23 февраля 1892 г.).
- Везмертнѣй**, *Евгеній Адриановичъ* (23 февраля 1892 г.).
- Крачковскій**, *Юліанъ Фомичъ* (22 марта 1892 г.).
- Спрогисъ**, *Иванъ Яковлевичъ* (22 марта 1892 г.).
- Помяловскій**, *Иванъ Васильевичъ*, проф. С.-Петербургскаго университета (9 мая 1892 г.).
- Павлуцкій**, *Григорій Григорьевичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра (11 октября 1892 г.).

II. СОВѢТЪ ОБЩЕСТВА.

а) Должностныя лица:

Предсѣдатель Общества—*Михаилъ Флегонтовичъ Владимірскій*—

Будановъ (съ 21 октября 1890 г., а членомъ совѣта съ 11 октября 1881 г.; первое избраніе въ предсѣдателя состоялось 1 ноября 1887 г.).

Кандидатъ предсѣдателя — *Иванъ Игнатьевичъ Мальшевскій* (съ 10 декабря 1889 г.; въ этой должности и членомъ совѣта состоятъ со времени учрежденія Общества).

Казначей — *Феодоръ Яковлевичъ Фортинскій* (съ 10 декабря 1889 г., а членомъ совѣта съ 11 октября 1881 г.).

Секретарь — *Николай Павловичъ Дашкевичъ* (съ 10 декабря 1889 г., а членомъ совѣта съ 11 октября 1881 г.; первое избраніе въ должность секретаря состоялось 12 февраля 1878 г.).

Библиотечарь и помощникъ секретаря — *Иванъ Михайловичъ Каманинъ* (въ должности библиотечаря — съ 21 октября 1890 г. и въ должности помощника секретаря — съ 22 апрѣля того же года).

б) Члены:

Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ (со времени учрежденія Общества).

Владиміръ Степановичъ Иконниковъ (со времени учрежденія).

Владиміръ Бонифатіевичъ Антоновичъ (со времени учрежденія).

Петръ Александровичъ Лашкаревъ (со времени учрежденія.)

Алексѣй Васильевичъ Розовъ (съ 3 января 1873 г.).

Степанъ Тимофеевичъ Голубевъ (съ 25 октября 1881 г.).

Иванъ Васильевичъ Лучицкій (съ 10 февраля 1885 г.).

Орестъ Ивановичъ Левицкій (съ 10 февраля 1885 г.).

Редакціонный Комитетъ по изданію „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“.

Комитетъ состоитъ изъ предсѣдателя Общества, его кандидата, казначея, секретаря и двухъ членовъ совѣта (*В. С. Иконникова* и *В. Б. Антоновича* — избранныхъ 1 октября 1889 г.).

III. Численный составъ Общества Нестора лѣтописца.

Къ началу 1892 г. Общество состояло изъ 20 почетныхъ и 103 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ теченіе года избраны: одинъ почетный членъ (И. Е. Забѣлинъ) и девять дѣйствительныхъ.

Въ тотъ же періодъ времени выбылъ за смертью одинъ (К. Н. Воскресенскій) и признаны сложившими съ себя званіе членовъ восемь дѣйствительныхъ.

Затѣмъ въ 27 октября 1892 г. въ Обществѣ числятся 21 почетный и 103 дѣйствительныхъ члена.

IV. Библіотека Общества.

А) *Въ библіотекъ Общества* въ началу 1892 г. находилось на лицо сочиненій и изданій по исторіи и ея вспомогательнымъ наукамъ—662 названія въ 1222 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе года вновь поступило 114 названій въ 316 томахъ и брошюрахъ.

Затѣмъ въ 27 октября 1892 г. имѣется 776 названій въ 1538 томахъ и брошюрахъ.

Наибольшее число книгъ получено отъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, Московскаго археологическаго общества, Археологической комиссіи (въ С.-ПБ.) и Дерптскаго университета, не считая нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, на которыя Общество Нестора обмѣниваетъ свои „Чтенія“.

Б) Въ *Отдѣль рукописей* новыхъ поступленій не было, и въ 27 октября 1892 г. состоитъ на лицо: а) отдѣльныхъ документовъ—11; б) фотографическихъ снимковъ рукописей—2 и γ) книгъ-рукописей—5.

В) *Изданій Общества*, по разсылкѣ ихъ членамъ и продажѣ, въ 27 октября 1892 г. осталось:

а) „Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца“: книги I-й—48, кн. II-й—113, кн. III-й—44, кн. IV-й—202, кн. V-й—220 и кн. VI-й—250 экземпляровъ.

б) „Трудовъ III-го Археологич. Съѣзда“, состоявшася въ Кіевѣ,—56 экз. (каждый изъ двухъ томовъ съ атласомъ).

в) „Указателя выставки III-го Археологич. Съѣзда“—156 экз.

г) „Сборника въ память 900-лѣтія крещенія Руси“—285 экз.

д) „Поминки по А. А. Котляревскому“—97 экз.

V. Денежныя средства Общества.

Суммы Общества Нестора лѣтописца находились съ 8-го декабря 1891 г. по 27-е октября 1892 г. въ слѣдующемъ движеніи:

<i>Поступило:</i>	<i>Израсходовано:</i>
а) Остатка 1891 г. 1085 р. 79 к.	а) На изданіе VI-й
б) Изъ Госуд. Ка-	книги „Чтеній“ 1182 р. 11 к.
значейства . . . 800 р. —	б) На бібліотеку,
в) Член. взносовъ	канцелярію и у-
только . . . 205 р. —	стройство засѣ-
г) Отъ продажи из-	даній . . . . 131 р. 70 к.
давій Общества 99 р. 38 к.	<u>Итого . . 1313 р. 81 к.</u>
<u>Итого . . 2190 р. 17 к.</u>	

Къ 27-му октября 1892 г. осталось въ наличности 876 р. 36 к.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СВѢДѢНІЯМЪ О ЗАСѢДАНІЯХЪ.

Памяти Яна Неруды, чешскаго писателя.

(Чтеніе д. чл. А. І. Степовича въ засѣданіи 26 января 1892 г.).

22 августа прошлаго года славянскій литературный міръ понесъ тяжелую и притомъ преждевременную утрату: скончался, имѣя всего лишь 57 лѣтъ отъ роду, одинъ изъ крупнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей не только чешской, но и всей славянской литературы *Янъ Неруда*. Нашему Историческому Обществу тѣмъ съ большимъ правомъ мы дѣлаемъ краткій докладъ о значеніи этого писателя, что, кромѣ чисто литературной дѣятельности, онъ занимался и народовѣдѣніемъ; его хотя и не особенно частые и, пожалуй, даже довольно случайные труды въ этой области отличались однако замѣчательнымъ знаніемъ народа, были согрѣты любовью къ нему и всегда производили на читающее общество должное впечатлѣніе; такова, напримѣръ, одна изъ самыхъ послѣднихъ, предсмертныхъ его работъ, посвященная вопросу объ исчезновеніи *народной пѣсни*, о постоянно замѣчающемся неуклонномъ уменьшеніи въ народѣ любви къ пѣнію ¹⁾. Это знаніе народа сказалось и въ чисто литературной дѣятельности покойнаго.

Я познакомился съ Нерудою лѣтъ пять-шесть тому назадъ, хотя случалось видѣть его и раньше.

Это былъ уже довольно значительно, повидимому, ослабѣвшій въ борьбѣ съ жизнью и болѣзненный человекъ, о чемъ легко можно было заключить какъ по его наружности, такъ и по той крайней сдержанности, какая замѣчалась во всемъ вообще его поведеніи и способъ обращаться съ мало знакомыми людьми; но присущій ему юморъ скрадывалъ это впечатлѣніе. Если предметъ разговора бывалъ по чему-либо интересенъ, задѣвалъ, такъ сказать, за живое, то Неруда, вообще чрезвычайно неразговорчивый, оживлялся тогда и иной разъ даже словно преображался. Литературные интересы, заботы о народномъ преуспѣяніи и вообще идеи высшаго порядка всегда дѣлали его и болѣе разговорчивымъ, и остроумнымъ, и менѣе сдержаннымъ. При нашемъ первомъ знакомствѣ разговоръ зашелъ о новомъ изданіи, предпринятомъ Нерудою, именно

---

¹⁾ См. его горячія „*Dvě slovička v čas o národní písni*“ въ фельетонѣ газеты „*Národní listy*“ отъ 28 іюня и 5 іюля 1891 года.

„*Poetické besedy*“, нѣсколько первыхъ выпусковъ котораго незадолго предъ тѣмъ вышли въ свѣтъ изданиемъ книготорговли Э. Валечки. Первый выпускъ этого прекраснаго изданія составляли „*Баллады и романсы*“ самого автора, т. е. Неруды, и объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ балладъ (O duši Karla Bogovského, т. е. о душѣ Карла Гавличка-Боровскаго, извѣстнаго писателя) этой книжечки и тогда же отозвался ¹⁾ съ самой лучшей стороны, какъ о произведеніи, превосходно передавшемъ народную основу и характеръ любопытнаго преданія и не менѣе совершенномъ со стороны содержанія и стиха. Я именно указывалъ на то, какъ хорошо выразилось въ этой балладѣ замѣчательное народное пониманіе смысла писательской дѣятельности такого крупнаго стоятеля и радѣтеля за народъ, каковымъ былъ извѣстный австрійскій мученикъ за народную идею, авторъ замѣчательныхъ „Тирольскихъ элегій“, переведенныхъ и по-русски, Карлъ Гавличекъ-Боровскій. ²⁾ Неруда принялъ мои похвалы, какъ совершенно искреннюю дань дѣйствительнаго уваженія къ его крупному писательскому дарованію и ничуть не обнаружилъ при этомъ того нерѣдкаго писательскаго смиренія, которое обыкновенно бываетъ „паче гордости“; онъ принялъ мое признаніе его литературныхъ заслугъ вполнѣ просто и естественно безъ того, такъ сказать, жеманства, какое можно часто замѣчать въ подобныхъ случаяхъ. Поблагодаривъ меня за мою критическую статейку о его поэтическомъ сборникѣ „*Kosmické písně*“ („*Pisně kosmické*“), напечатанную въ Кіевскомъ „Славянскомъ ежегодникѣ“, въ т. 5, онъ заявилъ также просто и естественно и свое согласіе съ моими взглядами... Вообще впечатлѣніе отъ нашего знакомства осталось у меня самое благопріятное для покойнаго. Относительно славянскаго вопроса онъ не успѣлъ или, можетъ быть, не хотѣлъ высказаться съ тою подробностію, какою я желалъ и ожидалъ отъ него, и всѣ наши разговоры свелись къ жалобамъ на крайне малое взаимное знакомство славянъ съ явленіями литературной и общественной жизни. Это малое знакомство сказалось даже при нашемъ разговорѣ: Неруда имѣлъ довольно смутное понятіе о смыслѣ совер-

¹⁾ Баллада эта приведена въ моей „Исторіи Чешской литературы“ (Кіевъ. 1886 г.), стр. 228—226.

²⁾ О немъ см. въ той же книгѣ на стр. 208—211: „Тирольскія элегій“; см. также въ книгѣ Н. Гербеля: „Поэзія славянъ“.

шавшейся тогда и прежде на Руси литературной и общественной дѣятельности; съ другой стороны, и я тогда только что, можно сказать, начиналъ основательное изученіе чешской жизни и литературы... Этимъ и объяснялись легко нѣсколько случаевъ нашего взаимнаго непониманія, обнаружившихся въ теченіе разговора... Впрочемъ, Неруда въ своей литературной дѣятельности, какъ кажется, намѣренно избѣгалъ славянскаго вопроса, въ которому, повидимому, относился скептически.

Чешская критика вообще держится самаго высочаго мнѣнія о литературномъ значеніи покойнаго Неруды: *онъ считается просто чешскимъ Боккачю, творцемъ легкой и изящной чешской прозы*, и, мнѣ кажется, вполне справедливо. Достаточно прочесть его замѣчательные фельетоны въ разныхъ чешскихъ повременныхъ изданіяхъ (особенно въ „*Народныхъ листахъ*“ съ 1865 г.)¹⁾, чтобы убѣдиться въ этомъ. Превосходное знаніе чешской дѣйствительности, непосредственный юморъ, благородная подкладка общественныхъ и литературныхъ воззрѣній писателя, легкій и изящный языкъ—все это придаетъ его блестящимъ наброскамъ и обзорѣніямъ скорѣе вѣчное значеніе, чѣмъ то скоропреходящее, какое обыкновенно выпадаетъ на долю подобнаго рода произведеній. Пониманіе и знаніе народной жизни въ произведеніяхъ Неруды такъ велики, что эти произведенія могутъ иногда служить матеріаломъ даже для социологическихъ изученій и выводовъ... Литературная дѣятельность Неруды была очень разнообразна и успѣшна почти во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ, кромѣ статей по народо-вѣдѣнію, путевыхъ записокъ и фельетоновъ, онъ писалъ очень недурныя *драматическія произведенія*, между коими особенно выдаются *комедіи* по ихъ неподдѣльной веселости, сценичности и юмору (таковы, напр., *Женихъ зъ гладу*, *Прадана Ласка* и др.), повѣсти и рассказы (Арабески, *Малоостранске повидки* и др.),²⁾ стихотворенія и пр.

¹⁾ Фельетоны эти помѣщены и въ полномъ собраніи сочиненій Неруды. Изданы и отдѣльно Э. Валечкою.

²⁾ Рассказы Неруды вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ пяти выпускахъ, заключающихъ въ себѣ, между прочимъ, нѣсколько такихъ очерковъ и изображеній, которые смѣло можно совѣтовать даже для перевода на инославянскіе и инородные языки. Таковы, напр., нѣкоторыя статьи 4-го выпуска (*Мелкі сесты*, т. е. дороги, путешествія), критическія оцѣнки театральныхъ и литературныхъ явленій и т. п. Нѣкоторые изъ небольшихъ рассказовъ Неруды переведены мною и помѣщены въ 1888 г. въ „Славянской Бесѣдѣ“ (вып. I, изд. Кіевскаго Славянскаго общества); таковы изъ „Арабесокъ“ три рассказа: „Быль негодяемъ“, „Арфистъ Юсифъ“, „Дурачекъ Іона“. Въ „Славянскомъ Обзорѣніи“ за 1892 г. напечатано нѣсколько „Малоостранскихъ рассказовъ“ (напр. „Панъ Ришанекъ и панъ

Послѣдняя область писательской дѣятельности Неруды, т. е. стихотворная, на нашъ взглядъ, оказывается наименѣе удачною, говоря, впрочемъ, относительно. Нельзя однако не замѣтить, что стихотворенія эти, усердно переводившіяся на нѣмецкій языкъ, доставили Нерудѣ извѣстность и за узкими предѣлами родной литературы. Нѣмецкая критика именно цѣнила въ этихъ произведеніяхъ отсутствіе того неважистаго ей „властеничества“, т. е. крайняго патриотическаго увлеченія всѣмъ роднымъ и превознесенія его, какимъ такъ ярко отмѣчена чешская поэзія предыдущаго староромантическаго періода (до 1848 года), особенно послѣ открытія извѣстныхъ памятниковъ Зеленогорской и Краледворской рукописей ¹⁾. Эта критика бывала иногда такъ милостива къ Нерудѣ, что находила его произведенія достойными распространенія не только въ нѣмецкомъ читающемъ обществѣ, но и въ болѣе широкихъ кругахъ читателей всемірной литературы; она цѣнила въ нихъ, повторяю, кромѣ выдающагося поэтическаго и беллетристическаго дарованія, напоминающаго по своему характеру Гейневское, еще и извѣстный космополитизмъ направленія, отсутствіе рѣзкой узко-національной окраски. Мелкимъ очеркамъ, рассказамъ и фельетоннымъ статьямъ Неруды нѣмецкая критика также придавала большое значеніе и въ нихъ видѣла даже выраженіе подлиннаго его писательскаго призванія. Особенно восхвалялись ею „Малоостранскіе рассказы“ („*Malostranské povídky*“), гдѣ, дѣйствительно, мы находимъ превосходное изображеніе своеобразной жизни той любопытной части города Праги, которая обыкновенно называется „Мала страна“. Отношеніе Неруды въ этихъ повѣстяхъ къ своимъ героямъ и ихъ мелкой, невид-

Шлегль“) въ переводѣ Э. П. П-ской. Кромѣ того, одинъ рассказъ изъ „Арабесковъ“ („Онъ былъ негодеямъ“) помѣщенъ, впрочемъ въ несправномъ и нѣсколько даже сокращенномъ переводѣ, въ еженедѣльномъ изданіи „Живописное Обозрѣніе“ за 1884 годъ, № 21.

Критической оцѣнкѣ, сколько намъ извѣстно, было подвергнуто въ русской литературѣ лишь одно произведеніе: „Космическія пѣсни“ (см. мои „Этюды въ области новой Чешской литературы“, вып. I, Кіевъ, 1884 г., а также „Славянскій ежегодникъ“, кн. 5, Кіевъ, 1882 г.)

Изъ вышеприведеннаго, такимъ образомъ, видно, какъ еще мало у насъ сдѣлано для распространенія произведеній Я. Неруды въ русскомъ читающемъ обществѣ. Въ Прагѣ въ настоящемъ году предпринято книгопродавцемъ Ф. Топичемъ новое изданіе сочиненій Неруды.

¹⁾ См. напр. хотя бы любопытную статью г. Густава Карпелеса въ Берлинскомъ повременномъ изданіи „Das Magazin für Litteratur“, за 1891 г., № 50. Статья эта, остаивающаяся, главнымъ образомъ, на „Космическихъ пѣсняхъ“, прямо отзывается о Нерудѣ, какъ о наиболѣе симпатичномъ для нѣмцевъ чешскомъ поэтѣ, сумѣвшемъ переступить узкія границы своей родной словесности и подняться до общечеловѣческихъ интересовъ. Но это можно сказать и о всѣхъ другихъ поэтахъ новѣйшей чешской школы: Галькѣ, Верхлицкомъ Ярославѣ и пр.

ной жизни отзывается, смѣло можно сказать, чѣмъ то Гоголевскимъ... Мы не имѣемъ теперь возможности долго останавливаться на оцѣнкѣ литературной дѣятельности Неруды и только въ заключеніе отмѣтимъ сущность сказаннаго: 1) вмѣстѣ съ Галькомъ Витѣзславомъ и Гейдукомъ Адольфомъ Неруда считается въ чешской литературѣ *начинателемъ новоромантическаго литературнаго направленія, отмѣченнаго печатью известной доли скептицизма и затѣмъ космополитизма*; 2) какъ иллюстраторъ народной жизни и беллетристъ, выказавъ онъ замѣчательно крупное дарованіе и рѣдкую наблюдательную способность; 3) какъ распорядитель Валечкова изданія „Poetické besedy“, онъ обнаружилъ и много вкуса, и пониманіе потребностей читающаго общества въ родной словесности. Знаніе народной среды и жизни помогли Нерудѣ придать своимъ произведеніямъ значительную степень долговѣчности, помимо того чисто беллетристическаго интереса, какой они возбуждаютъ и, конечно, долго еще будутъ возбуждать въ читающемъ чешскомъ обществѣ. Намъ остается только пожелать, чтобы присвоиваемый чешскій писатель поскорѣе нашелъ себѣ инославянскыхъ читателей и переводчиковъ.

Для образца стихотворнаго творчества Я. Неруды приводимъ въ собственномъ сильномъ переводѣ, за неизмѣнимъ лучшаго, одно изъ любопытнѣйшихъ его произведеній, именно „Балладу о душѣ Карла Боровскаго“, т. е. Гавличка, известнаго поэта и стоятеля за народное дѣло, мученика народной идеи. Къ сожалѣнію, мой слабый подстрочный переводъ не въ состояніи передать всей яркости и своеобразной изобразительности подлинника. Желаящіе познакомиться съ этимъ послѣднимъ могутъ найти его, какъ сказано выше, въ моемъ „Очеркѣ исторіи Чешской литературы“ (Кіевъ, 1886 г.) Они тогда могутъ лично убѣдиться, въ какой мѣрѣ поэтъ сумѣлъ сохранить въ своемъ произведеніи то замѣчательное простодушіе и непосредственный, такъ сказать, юморъ, которые такъ свойственны его подлинно-народнымъ произведеніямъ.

По долинь слезъ, печали,
Двѣ души шли безъ устали.
Третья душа вслѣдъ за ними
Поспѣшаетъ по долинь.
Къ дверямъ рая подбѣжали,
Въ нихъ всѣ разомъ постучали.
—Встаньте, Петръ, съ ключемъ
пойдите,
Кто стучится, посмотрите!

— Тамъ двѣ добрыхъ души, Боже,
Съ ними грѣшная: негоже!
— Добрыхъ двухъ вы пропустите,
Третію же прогоните!
Уважите путь-дорогу
Прямо къ адскому порогу!—
Только что святые вмѣстѣ
Поспѣшили къ столу сѣсти,

Новая пришла забота: — Праздниковъ я не святילה,
 Бухъ—бухъ въ райскія ворота. Пятницѣ тоже я не чтילה
 —Встаньте, Петръ, съ ключемъ И лишь къ небу я съ одною
 пойдите, Обращалася мольбою.
 Кто стучить тамъ, посмотрите!— —Ну, такъ стань ты на колѣни,
 —Снова грѣшная душа здѣсь, Объяви свои моленья.
 Взбудоражила намъ рай весь: „Янъ святой изъ Непомука,
 Цѣлымъ тѣломъ напираетъ Дай намъ, чехамъ, свою руку;
 И въ ворота ударяетъ. Пусть языкъ нашъ, какъ твой въ
 —Отъ воротъ ее гоните, гробѣ,
 Въ бездну поскорѣй свалите; Не сгниетъ на горе злобѣ!“
 Въ ходъ свои пустите руки, Тутъ Христось ее привѣтилъ
 Пусть узнаетъ ада муки!— И ей ласково отвѣтилъ:
 —Нѣтъ не такъ, о сынъ мой Хоть чудно твое моленье,
 милый; Ты добилась искупленья.
 Грѣшницѣ прости ты вины! Ты вдову вонъ ту провѣдай,
 —Мама, ты бѣ ее спросила, Какъ попала въ рай, развѣдай!
 Добраго что учинила? —Милостыню сотворила—
 Сколько праздниковъ святילה, Нищему грошъ подарила
 Сколько пятницѣ постомъ чтילה? И чрезъ этотъ вогъ даръ малый
 И молитвы ль не лѣнилась Я и на небо попала.
 Къ небу возсылать, постилась?

ОТДѢЛЪ II.

СООБЩЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Къ вопросу о Болоховѣ.

Вопросъ о Болоховѣ и Болоховцахъ въ послѣдніа двадцать лѣтъ не разъ подвергался обсужденію и изслѣдованію среди нашихъ и иноземныхъ ученыхъ и имѣетъ уже значительную литературу. Таковой интересъ объясняется оригинальными особенностями эпизода о Болоховцахъ, которыя на первый взглядъ совершенно выдѣляютъ его изъ обычнаго древнерусскаго политико-общественнаго уклада и дѣлаютъ этотъ эпизодъ чѣмъ-то загадочнымъ. Сопоставленная съ другими извѣстіями лѣтописи о столеновеніяхъ и борьбѣ южнорусскихъ общинъ съ княжеско-дружиннымъ строемъ въ половинѣ XIII в., борьба Болоховцевъ за абсолютную автономію если теряетъ свою загадочность, то приобретаетъ еще болѣе интереса, являясь лишь частью обширнаго, какъ можно заключить, современнаго народнаго движенія, а это послѣднее, въ свою очередь, представляетъ проявленіе того стремленія народной массы къ реформѣ общественнаго строя сообразно своимъ представленіямъ о справедливости, которое, прорываясь въ своей борьбѣ съ противными теченіями чрезъ большіе или меньшіе промежутки времени, составляетъ собственно основное направленіе, жизненный нервъ южнорусской исторіи.

При такомъ значеніи Болоховскаго эпизода, всякая, хотя бы даже незначительная, внѣшняя подробность о немъ, по моему убѣжденію, не должна остаться безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что здѣсь, несмотря на тщательныя изслѣдованія, еще много остается неяснаго, и, на примѣръ, вопросъ, имѣющій отношеніе къ Болоховцамъ, снова фигурируетъ въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ предстоящему (IX-му) археологическому съѣзду въ Вильнѣ, какъ фигурировалъ двадцать лѣтъ назадъ въ

программѣ Кіевскаго археологическаго съѣзда. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ общественномъ движеніи XIII в. вообще и о Болоховѣ въ частности весьма скудны. Отрывочныя, случайныя упоминанія лѣтописи не только не даютъ возможности представить сколько-нибудь полную, обстоятельную картину политической и общественной жизни Болохова, но и фиксировать географически его можно лишь съ трудомъ, такъ что нѣкогда изслѣдователи въ приуроченіи Болоховскихъ городовъ колебались между берегами южнаго и западнаго Буга, да и доселѣ опредѣленіе Болоховской территоріи, какъ мнѣ кажется, не можетъ считаться еще вполне прочно установленнымъ, вполне рѣшеннымъ. Весьма обстоятельно обоснованное опредѣленіе Болоховской территоріи, принадлежащее проф. Н. П. Дашкевичу ¹⁾, опредѣленіе болѣе чѣмъ вѣроятное и принятое многими, остается, какъ кажется, до сихъ поръ въ положеніи весьма правдоподобной гипотезы, между прочимъ и потому, что свои выводы почтенный ученый первоначально долженъ былъ дѣлать почти исключительно на основаніи лѣтописныхъ данныхъ, какъ сказано было, не особенно богатыхъ, хотя выводы эти, какъ увидимъ ниже, нашли себѣ затѣмъ рядъ новыхъ подтвержденій.

Въ настоящей своей замѣткѣ я хочу обратить вниманіе на документальное извѣстіе, которое, какъ мнѣ кажется, можетъ пригодиться, въ числѣ другихъ данныхъ, при опредѣленіи Болоховской территоріи.

Въ Литовской метрицѣ Московскаго Архива Министерства Юстиціи я встрѣтилъ документъ, до сихъ поръ, какъ кажется, не опубликованный; я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ указаній на него. Это— „листъ“ королевы Боны, въ вѣдѣніи которой находилось, между прочимъ, Кременецкое староство въ первой половинѣ XVI в. (съ 1536 г.), въ кременецкому старостѣ Петру Семашку, данный въ Варшавѣ въ 1553 г. Рѣчь въ немъ идетъ о селахъ, которыя войтъ Лепесовки Янъ Хотимовичъ за позволеніемъ Сигизмунда Стараго осаживалъ въ Кременецкомъ повѣтѣ за *Гориню на Болоховѣ*. Нѣсколько такихъ сель онъ успѣлъ осадить и продолжалъ осаживать, надѣясь пользоваться въ этихъ селахъ правами войта; но староста изыалъ упомянутыя села

¹⁾ „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи“—въ „Трудахъ III-го археол. съѣзда“, т. II-й и отдѣльно; „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ“—Универ. Извѣстія (Кіевскія), 1884, кн. VI, и отдѣльно.

„з моцы и справы его войтовское“ и передалъ своему служебнику Семену. Королева приказываетъ возвратитъ Хотимовичу „тые вси села на Болоховѣ, которые через него тамъ осажены суть“, и не нарушать его войтовскихъ правъ.

Изъ документа этого видно прежде всего, что имя Болохова въ половинѣ XVI в. носило обширное пространство, запустѣвшее къ тому времени цѣликомъ или отчасти, такъ что на немъ можно было тогда осадить не мало сель.

Что до мѣстонахожденія этого Болохова, то его можно опредѣлить съ извѣстною приблизительностію на основаніи данныхъ самого документа. Прежде всего, принимая во вниманіе, что „листъ“ писанъ въ Варшавѣ и адресованъ въ Кременецъ, мы должны полагать это „за Гориню“ на правомъ берегу ея. Полоса Кременецкаго староства за Горыню, по обводу границъ в. кн. Литовскаго 1546 г., на юго-западѣ проходила нѣсколько южнѣе теперешней границы Кременецкаго уѣзда съ Подольской губерніею, захватывая Черниховъ, Збаражъ и Волочискъ, затѣмъ переходила на верховья р. Бужка, который служилъ границею почти до устья; оттуда граница направлялась параллельно р. Богу, почти по теперешней границѣ Волынской губерніи, до „Чорного шляху“, пролегавшаго по водораздѣлу двѣпровскаго и бужскаго бассейновъ, „и тою Черною дорогою на могилу Гончариху“, которая, какъ видно, должна быть приурочена къ мѣстности у верховья Тетерева, нѣсколько западнѣе отъ него, примѣрно на водораздѣлѣ р. Коранки и Сниводи ¹⁾. Эта же Гончариха служила пограничнымъ пунктомъ Волыни съ Кіевскимъ воеводствомъ. По нѣсколько болѣе позднему описанію границъ Кіевскаго воеводства—1566 г.—Кременецкая граница на востокѣ шла „отъ Гончарихи въ Случь“, и затѣмъ внизъ теченіемъ р. Случи ²⁾. На сѣверъ эта Загорыньская полоса Кременецкаго повѣта простиралась, по переписямъ второй половины XVI в., до Заслава (включительно) ³⁾.

¹⁾ Обводъ границъ 1546 г.—въ Виленскомъ „Археографическомъ сборникѣ“, т. I (с. 111—121), а также въ *Limites regni Poloniae et m. d. Lituaniae* Догеля (1758). Какъ видно изъ позднѣйшаго обвода границъ Кіевскаго воеводства (1754 г.), Гончарихою называлась не только могила, но и окружающая мѣстность (какъ Перепетовы могилы дали имя Перепетову полю)—см. книгу № 4638 Кіевскаго центрального архива, л. 928. Документъ этотъ былъ сообщенъ мнѣ проф. В. Б. Антоновичемъ, которому приношу искреннюю благодарность:

²⁾ Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, с. 365.

³⁾ *Zródła dziejowe*, t. XIX, p. 28, 134, 148.

Такова та полоса „за Горинею“, гдѣ мы должны помѣщать села на Болоховѣ, по смыслу нашего документа. То обстоятельство, что „осаженемъ“ этихъ сель занимался Лепесовскій войтъ, даетъ возможность ближе опредѣлить ихъ мѣстоположеніе, такъ какъ естественно думать, что новоосаженные села находились въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ Лепесовскаго войтовства. Лепесовка не разъ упоминается въ люстраціяхъ половины XVI в.; изъ нихъ видно, что она находилась въ сосѣдствѣ Ямполь, Шумбара и Радошовки ¹⁾. Очевидно, это теперешняя Лепешовка, около Ямполь (Волинскаго), на лѣвомъ берегу Горыни. Села, осаженные на Болоховѣ нашего документа, естественно же всего предполагать непосредственно за Горыню, въ югу отъ Ямполь. Отмѣчу, что въ люстраціи 1545 г., въ этой именно мѣстности указаны новоосѣлыя замковыя села Вороневцы, Осники, Бѣлозерка ²⁾; эти села перечислены и въ люстраціи 1552 г., какъ сидяція на волѣ, и къ нимъ присоединяется еще село Ильбовцы (всѣ существуютъ доселѣ подъ своими именами) ³⁾. Возможно, что эти села или нѣкоторыя изъ нихъ и есть тѣ, осаженные Лепесовскимъ войтомъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ документѣ, хотя на тождествѣ ихъ я, конечно, не могу настаивать.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ, мы можемъ приурочить искомую мѣстность приблизительно къ водораздѣлу верхней Горыни и Случи, въ области р. Жерди, Польвы и др. Повторяю, по смыслу документа Болохово не ограничивалось территоріею этихъ нѣсколькихъ сель; но въ какомъ направленіи простиралось оно далѣе—на востокъ ли, въ область Хоморы и Икопоты, или въ другія стороны, на это документъ не даетъ никакихъ указаній.

Покончивъ съ самимъ документомъ, естественно спросить, въ правѣ ли мы относить его данныя къ древнему Болохову XII—XIII в.? Известно, что въ послѣдующіе вѣка мы встрѣчаемъ *Болоховцевъ* въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ—въ XVI в. на

¹⁾ Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, с. 126 (grunt kniehini Piney, сосѣдній съ Лепесовкою,—это Ямполь, см. с. 119—120), ср. с. 31 (здѣсь упоминается въ Лепесовкѣ, вмѣстѣ съ путными слугами, *Янъ войтъ*, очевидно—Хотимовичъ) в Zródła dziejowe, VI, p. 103—104.

²⁾ Zródła dziejowe, VI, p. 104.

³⁾ Архивъ Ю.-З. Россіи, VII, II, с. 34.

Подольѣ, въ XVII—въ Киевщинѣ, въ XVIII—въ далекомъ Заднѣ-провьѣ ¹⁾, такъ что это дало поводъ къ предположенію, что имя Болоховцевъ въ то время было какъ бы нарицательнымъ ²⁾. Я не буду входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, замѣчу только, что названія цѣлыхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, пространствъ, каковымъ въ данномъ случаѣ является Болохово, обладаютъ болѣе устойчивостью, не отличаются такою удобоподвижностью, какъ имена отдѣльныхъ поселковъ. Поэтому, будемъ ли мы связывать позднѣйшихъ Болоховцевъ съ древними, или же нѣтъ, будемъ ли мы считать ихъ потомками древнихъ жителей Болохова ³⁾, или нарицательнымъ именемъ, это не лишитъ насъ права связывать Болохово XVI в. съ Болоховымъ XII и XIII.

Комбинируя лѣтописныя данныя и сопоставляя ихъ съ современною топографическою номенклатурою, проф. Дашевичъ даетъ слѣдующее опредѣленіе старой болоховской территоріи: „она была расположена по верховьямъ Бога и по притокамъ обѣихъ его сторонъ до поворота его на югъ, по верхнему теченію Случи до впаденія въ нее Хомора и по верховьямъ Тетерева и его притокамъ не далѣе Гнилопята“, при чемъ Межибожь и теченіе Хомора находились уже внѣ Болоховской земли“ ⁴⁾.

Дѣйствительно, соображая лѣтописныя данныя, приходится признать верхнее Побожье (кромѣ самаго верховья) и верхнюю Случь за наиболѣе вѣроятный районъ Болоховскихъ поселеній; на это же пространство приходится и тѣ Болоховскіе города, мѣстоположеніе которыхъ можно опредѣлить съ весьма большою вѣроятностію—Деревичъ, Губинъ и Кудинъ, теперь села—Деревичи на р. Деревичѣ (Новгородволынскаго уѣзда), Губино на Случи (на границѣ Новгородволынскаго и Староконстантиновскаго у.) и Кудинка на Богѣ (Летичевскаго у.) ⁵⁾.

Сравнивая съ этимъ данныя, выведенныя изъ показаній нашего документа, находимъ, что предположенное нами мѣстонахожденіе селъ,

¹⁾ Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. V, т. I, с. 137; VII, т. I, с. 610 и др.

²⁾ „Населеніе Югозападной Россіи до Люблинской уніи“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, с. 59.

³⁾ „Болоховская земля“, 128--129; „Новѣйшіе домысли о Болоховѣ“, с. 14—15 отгиска.

⁴⁾ „Болоховская земля“, с. 87; ср. с. 79.

⁵⁾ „Болоховская земля“, с. 84; „Новѣйшіе домысли“, с. 26—27.

осаженных на Болоховѣ XVI в., находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ территоріею древняго Болохова, какъ она была опредѣлена проф. Н. П. Дашкевичемъ, именно—у верховьевъ Случи и Божка, при чемъ самое „Болохово“ могло простираться и далѣе на востокъ. Такимъ образомъ, нашъ документъ подвигаетъ районъ Болохова нѣсколько на западъ. Конечно, съ теченіемъ времени Болоховская территорія могла сокращаться и расширяться, и въ древности граница ея могла проходить восточнѣе, по верховьямъ Случи и Бога. Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе Болоховской территоріи проф. Дашкевича находитъ себѣ подтвержденіе въ нашемъ документѣ. Это обстоятельство имѣетъ немалое значеніе: первоначально опредѣленіе это, какъ было указано, дано было почти исключительно на основаніи лишь сопоставленія лѣтописныхъ данныхъ съ современными топографическими названіями; позже присоединились къ этому археологическія данныя, въ видѣ древнихъ городищъ около Болоховскихъ городовъ Деревича, Губина и Кудина ¹⁾. Затѣмъ являются новыя подтвержденія въ видѣ документальныхъ свидѣтельствъ: такова грамота Ягайла 1395 г., подтверждающая существованіе Божска въ области Бога ²⁾; таковъ настоящій „листъ“ королевы Боны. Все это, по моему мнѣнію, сильно говоритъ въ пользу упомянутаго опредѣленія болоховской территоріи.

Свидѣтельствомъ нашего документа подтверждается также высказанное раньше проф. Дашкевичемъ мнѣніе, что Болохово XII и XIII в.в. обозначаетъ не отдѣльное поселеніе, а цѣлую территорію, цѣлую землю ³⁾.

Въ дополненіе къ сказанному присоединю встать еще одну маленькую подробность о Болоховскомъ городѣ Кудинѣ, встрѣченную мною въ той же Литовской метрицѣ, только въ коронномъ ея отдѣлѣ: въ книгѣ ревизіи документовъ воеводства Подольскаго и Бельскаго приведена грамота Станислава Лянскоронскаго, старосты Подольскаго, нѣкоему Ивану Величку Волицу, 1510 г., на „locum desertum Kudzincze, qui multis ab annis desertus est, circum fluvium dictum

¹⁾ „Новѣйшіе домыслы“, с. 26; ср. „Болоховская з.“, с. 84.

²⁾ Грамота эта издана въ Codex epistolaris Witoldi (р. 39) и въ Archivum ks. Sanguiszków t. I (р. 19); ср. „Новѣйшіе домыслы“, с. 29.

³⁾ „Новѣйшіе домыслы“, с. 20.

Вон⁴ 1). Такимъ образомъ, поселеніе этого имени существовало здѣсь еще въ XV в.—новое данное въ пользу тождества его съ древнимъ Кудинимъ.

М. Брушевскій.

---

1) Переписи, В. кн. № 17, ф. 55. Этотъ документъ я встрѣтилъ затѣмъ и въ коронной метрицѣ Варшавскаго Главнаго Архива кн. № 28 ф. 91.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII, отд. II.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Листъ, писанный до старосты кремянецкого пана Петра Семашка войту лепесовскому Яну Хотимовскому на войтовство в селахъ тыхъ, которые онъ осадилъ на Болохове, за Горинею, до воли господарьской.

Бона, Божою милостью, королева полска, навышпа княгня литовска, руска, пруска, жомойтска, мазовецька и иныхъ.

Старосте нашему кремянецькому пану Петру Михайловичу Семашку, а в небытности его самого в томъ замьку напомъ Кремянецькомъ—ино тому, хто на тотъ часъ отъ него тотъ замокъ нашъ заведати будетъ. Жаловалъ намъ тыхъ часовъ войтъ нашъ тамошний лепесовьскій Янъ Хотимовскій о томъ, штожь дей онъ, за розказанемъ короля его милости и святое памяти пана а малжопька нашего, тамъ в повете напомъ Кремянецькомъ, за Горинею, на Болохове, осадилъ некоторые певные села и теперь дей еще осаживаетъ, за которые дей працы свои, которыи поднялъ, тые села осаживаючи, в тыхъ же тамъ селахъ, чрезъ него осажонныхъ, войтомъ быти сподевалъ, якожь дей оныя села в заведанью своемъ за перьвыхъ старостъ нашихъ тамошнихъ кремянецькихъ и за тебе ажъ и до сихъ часовъ мель. То пакъ дей ты, нетъ ведома, для которое причины, на него ся звазнивьши, з моцы и справы его войтовское тые села вынялъ и тую владность его, которую онъ надъ тыми селы мель, отъ него отънявши, служебьнику еси своему Семену поручилъ, в чомъ себе онъ отъ тебе шкodu и кривду великую быти менуетъ; и билъ намъ чоломъ, ижь быхмо ему в томъ до тебе листъ нашъ дати казали. Што естли бы такъ было, тогда быхмо того не ради слышали, ижъ бы еси то безъ воли наше чиняти мель, и приказуемъ

тобе, хотячи то мети, и жъ бы еси ему тые вси села на Болохове, которые через него тамъ осажены суть, опять в справу его подалъ и ему над ними тое владности войтовское, которую онъ за иншихъ старость нашихъ тамошнихъ и за тебе самого ажъ до сихъ часовъ мель, и теперь мети не заборонялъ, а тому служебнику своему Семену в томъ ему некоторое переказы чинити не казалъ и не допускалъ, до воли и ласки наше господарьской.

Писан в Варшаве, лета Божого нароженя 1553, мѣсяца мая 11 день.

Явъ Маковецкий, писаръ.

Метрика литовская, записи А, кн. № 33, л. 134 об.

Крестьянское землевладѣніе въ Западной Россіи до пол. XVI в.

Въ исторіи западно-русскаго права легко найти моментъ (не весьма удаленный отъ нашего времени), когда имущественныя и личныя права какъ бояръ, такъ и крестьянъ были приблизительно одинаковы: тѣ и другіе пользовались правами потомственного владѣнія землею и многими правами распоряженія ею; права владѣнія тѣхъ и другихъ одинаково ограничивались публично-частною властію великаго и удѣльныхъ князей и тѣхъ немногихъ пановъ, которымъ принадлежало *jus ducale*. Съ пол. XVI в. значительная часть бояръ быстро пошла по пути, ведущему въ польскій шляхетскій рай, какъ говорили старыя писатели, а другая часть ихъ и всѣ крестьяне такъ же быстро начали опускаться въ чистилище крѣпостнаго состоянія. Уловить пунетъ, съ котораго начинается подъемъ бояръ къ шляхетству, было задачей прежняго нашего очерка: „Помѣстья Литовско-русскаго государства“ (Кіевъ, 1889 г.). Определить моментъ, съ котораго начинается спускъ подобныхъ же гражданъ (крестьянъ) въ безправное крѣпостное состояніе, есть задача настоящаго этюда. Именно здѣсь мы намѣрены показать, что до пол. XVI в. сельское населеніе пользовалось всѣми тѣми правами землевладѣнія, какія были тогда доступны и всѣмъ другимъ свободнымъ классамъ, т. е. подъ условіемъ исполненія повинностей. Въ виду этого мы должны уяснить: 1) *повинностный характеръ* тогдашняго землевладѣнія, чтобы показать, что крестьянское землевладѣніе не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; 2) обозначить *права крестьянъ на пріобрѣтеніе земельныхъ имуществъ и распоряженіе ими*¹⁾. Такимъ образомъ, наша

¹⁾ Третій вопросъ — о формахъ крестьянскаго землевладѣнія былъ предметомъ особой нашей статьи, недавно изданной въ „Кіевскомъ сборникѣ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожаа“ (Кіевъ, 1892 г.), гдѣ, впрочемъ, сюжетъ остался незаконченнымъ, по особымъ условіямъ этого изданія.

задача точно ограничивается сферою частно-правною; мы совершенно отстраняемъ отъ себя вопросы о государственномъ значеніи крестьянъ, какъ сословія, и тамъ, гдѣ поневолѣ сопривасаемся съ этими вопросами, говоримъ о нихъ мимоходомъ, какъ о предметѣ стороннемъ. — Тѣмъ не менѣе связь имущественныхъ правъ со всѣми прочими (личными и государственными) такова, что однимъ изъ главнѣйшихъ выводовъ нашего изслѣдованія будетъ тотъ, что крѣпостное состояніе есть результатъ мѣръ, направленныхъ къ признанію права собственности на крестьянскую землю за государствомъ, панами и боярами.

I.

Повинностный характер землевладѣнія и его виды.

Наименованіе „крестьянинъ“ не свойственно литовско-русскому правовому и бытовому языку и совершенно неизвѣстно въ Западной Россіи. То, что мы называемъ этимъ терминомъ, составляло рядъ разнообразныхъ классовъ, отличныхъ другъ отъ друга по положенію. Въ актахъ половины XVI вѣка попадаются термины: „мужики“, „мужичья земля“, „мужичьи повинности“; но и подъ этими наименованіями не дается однороднаго и твердаго понятія. Болѣе точности имѣеть юридическій терминъ западно-русскаго языка: „подданные“; но и онъ заключалъ въ себѣ въ XV и нач. XVI в. весьма сложные элементы.

Для опредѣленія того, что мы будемъ разумѣть подъ именемъ крестьянъ и крестьянскаго землевладѣнія, необходимо отвѣчаться отъ позднѣйшей общеизвѣстной картины сословнаго строя государства и возстановить его старинный общій видъ. Все государство въ XV и началѣ XVI вѣка состоитъ изъ повѣтовъ (земель, княжествъ и волостей) съ центральнымъ замкомъ въ каждомъ изъ нихъ. Замки и окружающія ихъ волости находятся во владѣніи великаго князя и весьма немногихъ высшихъ фамилій панскихъ, которыя замѣнили собою удѣльныхъ князей и пользовались въ своихъ волостяхъ княжескимъ правомъ. Все населеніе земель (повѣтовъ) находится въ служебномъ, зависимомъ отношеніи къ в. князю (или панамъ); различіе его классовъ опредѣляется родомъ повинностей, которыя та или другая группа отправляетъ въ пользу замка и церковныхъ учреждений. Замки ну-

ждаются во множествѣ разныхъ услугъ (военныхъ и экономическихъ), а потому вся территория замка подѣлена на небольшіе (сравнительно) участки земли, находящіеся во владѣніи отдѣльныхъ лицъ, отбывающихъ за то опредѣленныя повинности государству или пану. Право государства на земли, а равно и панское право не есть ни чисто государственное, ни частное. Въ замкѣ или простомъ дворѣ великаго или удѣльнаго князя или пана ведется частное хозяйство, и для того при немъ всегда есть большее или меньшее число невольной челяди, или парубковъ; часть ихъ работаетъ во дворѣ; другая помѣщена на земельныхъ участкахъ. Но хозяйство ведется шире собственныхъ средствъ замковъ и дворовъ; поэтому окрестное свободное населеніе обязывается доставленіемъ во дворъ готовыхъ продуктовъ и нѣсколькими днями личныхъ работъ. Замокъ требуетъ также услугъ государственныхъ: его нужно исправлять, сторожить и защищать; поэтому другая часть повинностей распределяется между тѣми же, или другими спеціальными классами окрестныхъ обывателей.

Разсматривая детали этой общей картины, находимъ, что обыватели, кромѣ города, живутъ по селамъ. Каждое село состоитъ изъ нѣсколькихъ дворищъ (иногда изъ одного), или службъ, или жребіевъ. На каждое изъ дворищъ назначены опредѣленныя повинности: большая часть дворищъ суть тяглыя, обремененныя такъ называемыми мужичьими повинностями (дьялами, толоками, подводю, сторожовщиной и пр.); нѣкоторыя дворища, освободившись отъ работъ, обложены чиншемъ (денежнымъ взносомъ). Въ нѣкоторыхъ сидятъ замковые ремесленники (бондари, колесники, муралы, дойлиды и пр.); они обязаны доставлять въ замокъ опредѣленное количество предметовъ своего ремесла. Иные, вмѣсто повинностей, должны помогать княжеской охотѣ (таковы: бобровники, сокольники, осочники). Другіе нужны замку для посылокъ (развозить письма, объявленія и пр.); это—путные бояре. Наконецъ, нужна часть обывателей для военной службы постоянной; это—бояре и земяне (зародышъ будущаго шляхетства). Имъ обыкновенно дается сверхъ одного участка (дворища), гдѣ живетъ самъ бояринъ, еще одинъ или нѣсколько населенныхъ и ненаселенныхъ.

Всѣ владѣльцы: тяглые, чиншевики, слуги (ремесленные и военные), бояре (конные и путные) владѣютъ землею какъ своею, на правахъ условной собственности, т. е. подъ условіемъ повинностей

и платежей. Эта идея „условной“, или „ограниченной“, собственности, столь чуждая современному намъ понятію о собственности (какъ правѣ полномъ и независимомъ), есть явленіе общее всѣмъ европейскимъ народамъ въ т. н. средніе вѣка. Изъ исторіи правъ поземельной собственности ее нельзя устранить или замѣнить другими понятіями, обозначающими иныя вещныя права (*jura in re aliena*).

Въ существѣ повинностей характеръ всѣхъ исчисленныхъ классовъ одинаковъ: и боярское и крестьянское землевладѣніе равно несвободны (ниже мы укажемъ основанія даже большей свободы для крестьянскаго, чѣмъ для боярскаго землевладѣнія); но впоследствии изъ одного выработалось вѣрнопостное состояніе, а изъ другаго—шляхетское полноправіе; поэтому намъ необходимо ближе ознакомиться съ тѣми видами землевладѣнія, какіе мы находимъ въ началѣ XVI в.; всѣ они цѣликомъ или частію входятъ въ общій типъ крестьянскаго землевладѣнія.

Кромѣ основныхъ свободныхъ типовъ землевладѣнія (великокняжескаго, панскаго и церковнаго, которыхъ теперь касаться мы не имѣемъ нужды), всѣ остальные виды правъ на землю носятъ повинностный (прекарный) характеръ и отличаются одинъ отъ другаго только родами повинностей; таковы именно: 1) *чиншевое землевладѣніе*, т. е. владѣніе подъ условіемъ однихъ платежей (денежныхъ или натуральныхъ); 2) *тяглое землевладѣніе*, т. е. владѣніе подъ условіемъ отправленія хозяйственныхъ повинностей и платежей; 3) *свободно-служебное* владѣніе, т. е. подъ условіемъ отправленія специальныхъ хозяйственныхъ или государственныхъ услугъ; 4) *боярское владѣніе*, т. е. подъ условіемъ отправленія госуд. повинностей (близко соприкасающееся однакожъ съ предыдущимъ); наконецъ 5) *невольно-служебное владѣніе*, или владѣніе на невольной службѣ (при чемъ владѣніе принадлежало полусвободнымъ и даже несвободнымъ людямъ—челяди).

Начнемъ съ такого изъ названныхъ видовъ землевладѣнія, который былъ доступенъ всѣмъ классамъ тогдашняго общества, въ томъ числѣ и крестьянамъ.

Чиншевое землевладѣніе.

Владѣніе на чиншу или „урочное“, которое можно бы перевести старымъ московскимъ терминомъ „оброчное владѣніе“, не есть право аренднаго пользованія: взявшій землю на чиншу, не былъ ограни-

чень срокомъ владѣнія, передавалъ его по наслѣдству и могъ отчуждать свой участокъ (съ обычными тогдашними условіями дозволенія и утвержденія). Владѣніе на чиншу устанавливается *вѣчное*; напр., въ привилегіи Хребтовича м. Липску 1594 г. говорится, что жители, устроивъ себѣ млины, могутъ владѣть ими вѣчно. Размѣръ чинша устанавливается повсюду навсегда неизмѣнный; такъ въ той же привилегіи установленъ чиншъ отъ морга пахатной земли—6 гр., сѣнокосной—4 и прибавляется: „а сверхъ этого ни при нашей жизни, ни послѣ нашихъ потомкамъ не будутъ обязаны отправлять никакой повинности“; дается грамота съ этими условіями на вѣчныя времена ¹⁾. Последующее возвышеніе платежей со стороны владѣльца давало поселенцамъ право исца, который разрѣшается согласно съ грамотою, установившею чиншевое владѣніе; такъ напр. рѣшенъ исца между жителями м. Филиппова и державцею Гваниномъ на судѣ королевскихъ ревизоровъ, которые постановили, что жители обязаны платить согласно съ уставомъ короля и „ничего больше“.

Терминъ „чиншъ“ и чистый типъ чиншевого владѣнія есть явленіе сравнительно позднее; оно начало распространяться въ Литовско-русскомъ государствѣ по мѣрѣ проникновенія въ него правъ нѣмецкаго и польскаго, особенно же утвердилось во 2-й пол. XVI в., со времени введенія волочной системы. Но сущность этого вида землевладѣнія, т. е. владѣнія на условіяхъ платежа деньгами или натуральными продуктами, весьма древня.

Чистое чиншевое владѣніе не составляетъ характерной черты крестьянскаго землевладѣнія; оно могло принадлежать и лицамъ всѣхъ прочихъ состояній. На чиншу владѣли землею:

а) Бояре; кромѣ участковъ, владѣемыхъ на боярской службѣ, имъ доступно было только чиншевое владѣніе, такъ какъ тяглая служба считалась знакомъ „мужичества“. Такъ въ с. Высокомъ Пинск. княжества сидѣли на чиншу все или бояре, или путные слуги, занимая участки, равные крестьянскимъ (по 1 волоку); между ними бояре Богданъ и Васко Андреевичи Высоцкіе приняли (при волочномъ измѣреніи) въ 1555 двѣ волоки, по приказанію и дозволенію старосты пинскаго Станислава Хвальчевскаго ²⁾.

¹⁾ Ак. Вил. Ком., I, стр. 164.

²⁾ Писц. кн. Пин. княж. Хвальч., стр. 74.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII, отд. II.

б) Путные слуги получают добавочные участки въ своимъ землямъ, обязаннымъ путною службою, также на чиншу; напр., въ томъ же селѣ Гринецъ и Павелъ Маневичи приняли въ путной конной службѣ на чиншу—1 волоку.

в) Лица и учрежденія духовныя могутъ получать крестьянскіе участки только на чиншу; такъ, въ томъ же селѣ Высомъ Юліана Почаповская, игуменья монастыря св. Пятницы, получила волоку на чиншу ¹⁾. Въ этомъ случаѣ чиншъ назначался въ болѣе высокихъ цифрахъ, потому что крестьяне-чиншевики всетаки большею частію несли добавочныя личныя повинности, а именно: толоки, подводы, замковыя сторожи и др.

г) Евреи если брали (что, впрочемъ, составляетъ рѣдчайшее исключеніе) крестьянскіе участки, то на чиншу, конечно по неспособности ихъ къ личному сельскому труду; такъ, въ с. Кущичахъ „Израиль Песаковичъ, жидъ пинскій, принялъ 2 волоки; Нохимъ Песаковичъ принялъ на чиншу двѣ волоки“ ²⁾. Мѣщане христіане владѣютъ крестьянскими участками также на чиншу: въ с. Купечичахъ Михно Некрашевичъ, мѣщанинъ пинскій, принялъ на чиншу двѣ волоки ³⁾.

д) Обыкновенные „подданные“, т. е. крестьяне, иногда владѣли землями только на чиншу по особымъ условіямъ мѣстности, именно— по невозможности для нихъ являться въ замокъ или во дворъ на работы вслѣдствіе отдаленности и совершеннаго отсутствія путей; такъ въ с. Грожищѣ, Пинск. княжества, „подданные посажены на чиншу, а не на тяглою службѣ, ради рѣкъ и великихъ болотъ, чрезъ которыя они никогда не могутъ прибыть на дворовыя пашни со своими орудіями и волами; во должны пѣшіе исполнять 6 толокъ въ году съ чѣмъ прикажутъ; зимою же обязаны волочить неводъ въ своемъ озерѣ до тѣхъ поръ, пока неводничій отъ нихъ не уѣдетъ“ ⁴⁾.—Село Сосно (Szoszno) того же княжества посажено на чиншу, „по причинѣ отдаленности отъ дворцовъ за рѣками и болотами“ ⁵⁾. Прежде (до

¹⁾ Писц. кн. Пинск. княж., 74.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., 72.

⁴⁾ Ibid., 77.

⁵⁾ Ibid., 80.

подѣленія на волоки) крестьяне этого села служили конюшенную службу въ Пинскомъ замкѣ ¹⁾. Въ такомъ же положеніи с. Селище, Гулевичи и др. ²⁾.

е) Всѣ остальные крестьяне, кромѣ тяглаго участка, могли владѣть на чиншу другимъ участкомъ.

ж) Всѣ крестьяне (въ томъ числѣ тяглые) владѣютъ селитбными мѣстами на чиншу ³⁾.

з) Послѣ введенія волочной системы, земли въ застѣнкахъ всѣ поступаютъ на чиншъ ⁴⁾, между прочимъ, крестьянамъ.

Собственно-характеричнымъ крестьянскимъ становится чишевое владѣніе въ своихъ смѣшанныхъ типахъ, переходныхъ къ тяглому.

Древнѣйшій и важнѣйшій видъ чиншевиновъ составляли *данники*; это тѣ же тяглецы, которые въ замѣнъ разныхъ тяглыхъ работъ и дьяла платили дань, именно дань медовую и продуктами охоты („медомъ и скорою“, какъ говорилось въ древнѣйшія времена). Причина образования этого класса владѣльцевъ заключалась въ томъ, что въ огромныхъ лѣсныхъ пространствахъ Литовскаго государства земледѣліе было почти невозможно; населеніе промышляло пчеловодствомъ и охотою. Въ такихъ мѣстахъ хозяйственные дворы великаго князя и пановъ были рѣдки, а потому государство и паны мало нуждались въ хозяйственныхъ услугахъ населенія. Иногда въ одномъ и томъ же поселеніи часть сель сидѣла на тяглой службѣ, другая состояла изъ данниковъ ⁵⁾. Впрочемъ, въ XVI в. данники уже въ значительной степени смѣшиваются съ тяглецами; они, кромѣ дани медовой и грошовой, обязываются издѣльными работами въ пользу замка или двора; напр., въ с. Гнѣздиловичахъ (въ Жмуд. землѣ) все населеніе состоитъ изъ данниковъ, которые „дани даютъ меду 16½ пудовъ (съ цѣлой общины) и денежной дани 1½ копы грошей, жита ½ бочки, 2 бѣлки натурою („шерстью“); но сверхъ того Гнѣздиловцы обязаны носить сѣно въ количествѣ 7 чел. (изъ цѣлой общины, въ которой считалось 47 дымовъ), уплачивая при этомъ завоснаго по грошу отъ

¹⁾ Писц. кн. Пинск. княж., 80.

²⁾ Ibid., 85, 129.

³⁾ Ibid., 76.

⁴⁾ Ibid., 45—46.

⁵⁾ См. инвент. виѣнія Титовлянъ въ Ак. Вил. Ком., XIV, стр. 8—11.

косы; весной и осенью должны являться по 2 чел. на дворовую работу съ топорами, уплачивая при этомъ отъ топора по 2 гроша служебнику панскому ¹⁾).

Тяглое владѣніе.

Центральный элементъ крестьянства составляютъ люди сельскаго и городскаго состоянія, обязанные тяглыми повинностями и владѣющіе участками земли подъ условіемъ тяглою службы. Мы увидимъ ниже, что земля составляетъ ихъ наследственную, или потомственную собственность (въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова). Сами они, разумѣется, лично свободны и полноправны. Отнюдь не слѣдуетъ представлять себѣ, что это пользователи чужихъ земель, уплачивающіе за землю личною работою. Повинности и работы, исполняемыя ими, суть послѣдствія, а не источникъ ихъ правъ на землю. Всякій владѣющій землею обязанъ въ отношеніи къ государству или тому, кому оно уступить свое право (панамъ и церквамъ), извѣстными повинностями, составъ которыхъ указываетъ на полное смѣшеніе элементовъ государственныхъ и частныхъ.

Какъ ни обширенъ былъ районъ чиншеваго владѣнія, между прочимъ и среди крестьянскаго населенія, но онъ далеко уступалъ размѣрамъ примѣненія тяглою владѣнія, которое и составляетъ характерную особенность крестьянства, или подданничества. „Люди тяглые“, или люди дявольные, составляютъ центральное зерно этого класса; ихъ судьбою опредѣляется вся исторія крестьянскаго вопроса въ Литовско-русскомъ государствѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, тяглецы составляютъ центральный классъ всего населенія государства; въ нихъ заключалась вся финансовая и даже личная сила государства, пока центръ тяжести не перенесся на шляхетство.

Какъ тяглецы составляли главный земледѣльческій классъ, такъ тяглое владѣніе было основнымъ типомъ крестьянскаго землевладѣнія; прочіе виды были исключеніями. То были коренные владѣльцы земли, „отчичи“. Повинности, лежавшія на тяглыхъ людяхъ, отнюдь не означали, что эти люди и ихъ имущества составляютъ частную собственность казны или пановъ владѣльцевъ, подобно тому, какъ

---

¹⁾ Ibid., стр. 10—11.

землянскія имущества (отчипы), будучи обложены конною военною службою, не были, въ силу того, частными имуществами великаго князя.

Крестьянскія повинности были точно опредѣлены обычаемъ и отдѣльными постановленіями. Конечно, при огромномъ протяженіи государства и географическомъ разнообразіи его частей, составъ повинностей не могъ быть вездѣ одинаковъ ¹⁾. Но онъ былъ очень устойчивъ въ каждой отдѣльной странѣ. Такъ, тягло не измѣнялось тогда, когда великіе и удѣльные князья жаловали тяглыхъ людей церквамъ или свѣтскимъ владѣльцамъ. Для конца XV в. и для Припетскаго Полѣсья можемъ привести слѣд. показаніе: въ 1492 г. пинская княгиня Марья Сем. завѣщаетъ на церковь Лѣщанскую одно дворще (въ с. Волбичахъ) Филиппа Гордовича и братанича его Ивана съ ихъ землями пашными и со всѣми входами, какъ они издавна владѣли, живучи на томъ дворщѣ. А съ этихъ людей, прибавляетъ княгиня, идетъ: три ведра меду, возъ (повозу) 40 грош. 2 лагвицы, побору—20 гр., баранъ, лисица, стогъ сѣна, уговъ 5, яиць 15. Если эти люди будутъ пахать, то должны будутъ давать съ сохи по колодѣ овса (колода по 5 полумѣрокъ). „А службу должны служить на ту церковь Божію такъ, какъ на насъ служивали“ ²⁾. Служба на замокъ состояла въ доставленіи подводъ, въ работахъ по ремонту замка, хожденіи въ ловы ³⁾, хожденіи въ заставу (сторожу) въ замокъ или двору, косьбѣ сѣна. Повинности эти назывались тяглыми—*мужицкими* ⁴⁾.

Составъ тягла не измѣнялся при измѣненіи личнаго состава крестьянскихъ дворщъ.—Останется ли вдова съ маленькими дѣтьми, занимаетъ ли новый крестьянинъ пустое дворще,—тягло остается тоже. Повинности крестьянина опредѣлялись не личными условіями каждаго изъ нихъ съ владѣльцемъ, а общими нормами обычнаго права. Тягло мало измѣняется только отъ различія численнаго состава дворщъ, т. е. количества дымовъ, составляющихъ дворще. Это можно видѣть

¹⁾ Повсемѣстное изображеніе повинностей отнюдь не входитъ въ задачи этого этюда. См. для Украины наше изслѣдованіе: „Населеніе Юго-Запад. Россіи отъ пол. XV в. до Люблин. уніи“, Киевъ, 1891, стр. 153—158.

²⁾ Ревизія Пуць, стр. 130.

³⁾ Ibid., стр. 330.

⁴⁾ Ibid., 338; земля тяглая называется „мужицкою“ (ibid., стр. 346).

изъ соотношенія „писчаго“ съ прочими поборами (писчее всегда взима-лось съ дымовъ, именно по 2 гроша отъ дыма).

Чтобы показать устойчивость тягла разныхъ дворищъ одного села, приведемъ примѣръ села Сваричевичей (Пинск. повѣта) ¹⁾. Въ немъ были слѣд. дворища и на нихъ положены такія повинности и платежи:

Полудье.	Посошное.	Лягница ²⁾ .	Сѣно.	Писчее ³⁾ .	Овесь.	Праборъ.	Повозъ.	Прагонъ.
7 гр. 4 п.	20 гр.	Двоорище (=42 гр.)	33 гр.	Остаповичи 16 гр.	24 гр.	2 копн.	—	—
7 гр. 4 п.	20 гр.	Дв. Назорное (=42 гр.)	33 гр.	6 гр.	24 гр.	—	1 к.30 гр.	—
7 гр. 4 п.	—	Дв. Кухаревичи (=42 гр.)	33 г.	4 гр.	24 гр.	—	—	20 гр.
7 гр. 4 п.	10 гр.	Дв. Бѣленевичи 21 гр.	33 гр.	2 гр.	12 гр.	—	1 к.30 гр.	—
7 гр. 4 п.	10 гр.	Дв. Витковичи 21 гр.	33 гр.	2 гр.	12 гр.	—	1 к.30 гр.	—
3 гр. 7 п.	—	Дв. Исаковичи 10½ (½ лягв.)	16 гр. (½ воза.)	раздѣлено на двѣ половины 4 гр.	—	—	—	оброчную и 45 гр. 10 гр.

Чтобы показать устойчивость тягла (и условія его видоизмѣненій) въ разныхъ селахъ, приведемъ слѣдующія данныя, относящіяся къ тому же Пинскому вѣнѣжеству.

¹⁾ Писц. кн. Пинскаго стар. Л. Войны, ч. II, стр. 380 и слѣд.

²⁾ Лягница—lagena, сосудъ и мѣра (мѣръ для вина); см. „Stownik“ Лянде. Lagena, мѣра жидкостей и сыпучихъ тѣлъ, особенно у Англичанъ, по „Lexic. manuale“ par l'abbé Migne d'Arni.

³⁾ Писчее—всегда по 2 гр. съ дыма.

Повинности въ другихъ частяхъ государства (собственно-литовскихъ ¹⁾, бѣлорусскихъ и южно-русскихъ) измѣнялись въ своемъ составѣ, наименованіяхъ и величинѣ; такъ какъ исчисленіе ихъ отнюдь не входитъ въ нашу задачу, то ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что повсюду эти повинности имѣли двойственный, т. е. государственно-частный, характеръ. Ни въ одномъ краю государства ихъ нельзя разсматривать какъ арендную плату за пользованіе чужой землей. Въ частности, анализируя данныя приведенныхъ выше таблицъ (для Пипскаго княжества), находимъ, что всѣ указанные тамъ виды тяглыхъ повинностей и платежей, съ нашей теперешней точки зрѣнія могутъ быть разложены на двѣ категоріи: повинности государственныхныя и частныя. Къ первымъ относятся: древнее *полюдь*, извѣстное съ начала исторической жизни Русскаго народа—отъ миѣическихъ временъ Игоря и Ольги; то былъ сборъ, совершаемый князьями, при объѣздахъ волостей, со всего населенія на нужды государственныхныя (содержаніе дружины) и вмѣстѣ на частныя потребности самихъ князей. Въ Литов. государствѣ этотъ сборъ таксированъ весьма точно—по 7 гр. 4 пен. съ каждаго дворища. Такимъ образомъ, величина полюдья не сообразуется со степенью имущественной состоятельности дворища (за немногими исключеніями).

Второй видъ налоговъ той же категоріи есть *посошное*, прямой налогъ на имущества, а потому измѣняющійся, смотря по количеству дымовъ дворища (40, 20, 10 гр.).

Къ разряду государственныхныхъ налоговъ можно отнести также *писчее*, т. е. плату, взимаемую за производство кадастра, за описаніе имуществъ и слѣдующихъ съ нихъ платежей.

Всѣ прочіе платежи могутъ быть отнесены (съ нашей точки зрѣнія) къ разряду частныхъ доходовъ съ имѣнія. Изъ нихъ одни обозначаютъ собственно тяглое состояніе плательщиковъ; это т. н. *дякла* (*annona ducalis*), т. е., ежегодный сборъ сельско-хозяйственныхныхъ продуктовъ для содержанія дворовъ княжескихъ, въ частности для содержанія княжескихъ конюшенъ; поѣтому, главными предметами сбора были сѣно и овесъ, уже таксированные въ деньгахъ; величина побора одинакова для всѣхъ дворищъ (33 гр. за возъ сѣна и 24 гр. за 2 бочки овса); величина эта уменьшается вдвое или втрое лишь

¹⁾ См. Акты Вилен. Ком., т. XIV, № 2, гдѣ тягло состоитъ изъ посѣди, кунциъ и дякла.

тогда, когда одно двориче дѣлится на двѣ половины или три трети. Къ этому же виду можно отнести плату т. н. „баранъ“, т. е. деньги, замѣнившія натуральный сборъ овцами, а равнымъ образомъ *поволовцину* южно-русскихъ (по преимуществу скотоводческихъ) земель, которая взималась чрезъ извѣстный цѣль годовъ. Сходство съ *дякломъ* имѣеть т. н. *стація*, т. е. сборъ продуктовъ (куръ, утокъ, гусей и пр.), но временный,—въ случаѣ приѣзда въ волость в. князя или его воеводы и старосты.

Другая сторона тяглыхъ повинностей, наиболѣе характеризующая тяглое состояніе, заключается въ *личныхъ услугахъ* экономическаго характера. Таковъ т. н. *повозъ* (или *подводы*), т. е. обязательное снабженіе средствами сообщенія княжескихъ (и панскихъ) гонцовъ и чиновниковъ; *примонъ*, т. е. обязанность работать во дворѣ владѣльца извѣстное число дней въ году (иногда перелагаемая на деньги), и *толоки*, т. е. созывъ всего населенія въ извѣстные дни экономическихъ работъ во время уборки хлѣба и сѣна.

Этотъ зародышъ будущей панщины, до пол. XVI в., былъ вовсе не обременителенъ и не имѣлъ характера „невольной“ (рабской) службы.

Вся послѣдняя категорія повинностей, которую мы назвали преимущественно частною, не составляетъ, однако, арендной платы за землю, что, между прочимъ, видно изъ того, что количество платежей не сообразуется (какъ указано сейчасъ) съ разнообразнымъ характеромъ крестьянскихъ участковъ, составляющихъ дворича.

Два указанные сейчасъ элемента тягла (государственный и частный) обыкновенно не выдѣлялись при переходѣ имущества изъ коронаго въ частное владѣніе (т. е. тягло въ цѣломъ составѣ поступало частному владѣльцу). Кажущееся исключеніе въ этого представляютъ крайніе южно-русскіе повѣты Литвы и Польши, гдѣ иногда государство удерживало въ свою пользу *подымное* (замѣнъ пососнаго) и полюдь. Но это объясняется тѣмъ, что тамъ коронаго имущества большею частью жалуемы были на т. н. ленномъ правѣ, т. е. продолжали считаться коронаными; владѣніе частныхъ лицъ въ такомъ случаѣ называлось посессією.

Собирая вышеизложенныя черты тяглаго владѣнія, заключаемъ, что а) оно не есть пользованіе чужою землею (государственною или панскою); б) тягло есть такая же служба государству (посредственная или непосредственная), какъ и военная служба бояръ.

Службное владѣніе.

Спеціальныя услуги замку дали бытіе особому виду землевладѣнія и особому классу людей, называемыхъ слугами. Ихъ два вида: одни несутъ собственно экономическую службу, другіе—государственную. Къ первымъ причисляются ремесленники: бондари, тесли (плотники), муралы (каменьщики), дойлиды, волесники, саники и т. п. Въ подобномъ же положеніи были промышленники, каковы: рыболовы, бортники, осочники, подлазники и проч. ¹⁾ Ко вторымъ относятся низшіе государственные слуги замка (пушкари, одверные, воротные и т. д.). Люди каждаго отдѣльнаго ремесла составляли *сотню*, которая управлялась сотникомъ.

Всѣ они наследственно отправляли свою службу замку, т. е. или совершали спеціальныя работы своего ремесла (плотники, каменьщики и пр.), или доставляли въ замокъ извѣстную часть произведеній своей спеціальности (бортники, рыболовы и пр.).

Въ силу легкой возможности наследственно усвоить такія немудрыя профессіи, повинности ихъ легко мирились съ наследственностію владѣнія участками, обложенными этою повинностію.

Несмотря на нѣкоторое различіе отъ крестьянъ собственно, *слуги*-ремесленники причислялись къ тяглымъ или дявольнымъ людямъ, иначе „мужикамъ“. Спеціальныя особенности ихъ повинностей дѣлали ихъ владѣніе даже болѣе зависимымъ, чѣмъ владѣніе тяглое, потому что какъ ни просто ихъ ремесло, однако требуетъ кое-какихъ спеціальныхъ знаній; владѣніе утверждается за ними подъ условіемъ приобрѣтенія этихъ знаній.

Несмотря на это, слуги, и особенно такіе, какъ пушкари, составляютъ переходъ къ боярству, а службное землевладѣніе стоитъ на перепутьѣ между тяглымъ и боярскимъ. Переходъ слугъ къ боярству опредѣляется измѣненіемъ повинностей; безъ возложенія военной конной службы, слуга не дѣлался бояриномъ-земляниномъ; это былъ такъ сказать обѣленный крестьянинъ—и только; напримѣръ, пинскій князь Федоръ Ив. пожаловалъ слугъ своихъ Говена Мышляковича и братаиначя его Мишева Борыловича и братьевъ послѣдняго Кузьму, Лихача, в Хому землю въ с. Любинахъ въ придачу къ ихъ отчинѣ, съ обязательствомъ платить какъ съ этой, такъ и отчинной земли по 50 гро-

¹⁾ См. подробное исчисленіе ихъ въ Актахъ Вилен. Ком., т. XVII, стр. LVIII.

шей ежегодно, и отправлять службу по прежнему; но княгиня Анна (жена в. кн. Свидригайла) сняла съ Мышляковичей обязанности тяглой службы; при кор. Бонѣ староста пинскій опять было привернулъ ихъ въ тяглую службу, отъ которой въ 1544 г. Бона освободила ихъ снова, титулуя однако ихъ въ своей грамотѣ „подданными“¹⁾.

Явленія такого рода составляютъ переходное состояніе; рано или поздно подобный обязанный слуга-крестьянинъ попадетъ въ состояніе путвыхъ слугъ, а потомъ бояръ, если вновь не возвращается въ состояніе подданничества.

Другой видъ служебнаго владѣнія, совершенно приближающій его къ боярскому (кромѣ упомянутыхъ повсемѣстныхъ службъ пушкарей и проч.), наблюдаемъ особенно въ юго-восточныхъ окраинахъ государства, именно, въ Кіевской землѣ (по люстраціи 1471 г.). Здѣсь, по условіямъ мѣстности, требовалась постоянная военная защита страны; всѣ другія потребности государства отходили на второй планъ предъ военною; государство не разсчитывало здѣсь на доходы. А потому большая часть сель состоитъ изъ военныхъ *слугъ*, которые „на войну ходятъ и иного ничего не знаютъ“. Лишь иногда они уплачиваютъ подымное, но не каждый годъ. Это населеніе сельское, крестьянское, мужичье, но положеніе его боярское. Это тотъ межуточный элементъ въ сословномъ строѣ, какой послѣ именовался въ той же мѣстности козачествомъ. Все отличіе такого служебнаго владѣнія отъ боярскаго заключается въ томъ, что украинскіе слуги владѣютъ не населенными имѣніями, а обыкновенными крестьянскими участками (что, впрочемъ, какъ увидимъ сейчасъ, было возможно и для боярскаго землевладѣнія въ другихъ частяхъ государства).

Боярское землевладѣніе.

Рѣчь о боярскомъ землевладѣніи отнюдь не выводитъ насъ за опредѣленныя рамки настоящаго этюда, посвященнаго крестьянскому землевладѣнію. Всѣмъ извѣстно, что бояре составили впоследствии главную количественную основу шляхетскаго сословія; но извѣстно также, что огромная часть того же класса вошла потомъ въ разрядъ крѣпостныхъ, подданныхъ частныхъ пановъ, т. е. составила высшій и важнѣйшій элементъ крестьянства.

¹⁾ Рев. пущъ, стр. 330.

²⁾ См. Арх. Ю.-З. Рос., ч. VII, т. II, стр. 27—28.

Однако не одни соображенія о будущности этого класса заставляют насъ упомянуть здѣсь о немъ; для насъ важнѣе близость боярскаго землевладѣнія къ врестьянскому въ ту эпоху, которою мы заняты теперь.

Все пестрое, кажущееся различіе классовъ отличается въ нач. XVI в. въ сущности полнымъ однообразіемъ: всѣ обязаны службою государству и подъ условіемъ исполненія ея владѣютъ земельными имуществами. Поэтому-то и не легко выдѣлить тотъ классъ, который можно назвать преимущественно крестьянами. Боярами называются лица, получившія участки земли подъ условіемъ отправления одной военной службы; они были какъ на земляхъ великокняжескихъ, такъ и въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ. Легкая возможность перехода изъ одного класса въ другой объясняется возможностью измѣненія родовъ повинностей, которыми было обложено имущество. И на государственныхъ земляхъ легко было замѣнить одну повинность другою; на панскихъ же такая замѣна была частою и даже необходимою: сами паны не нуждались въ военныхъ услугахъ подчиненнаго имъ населенія, а военная конная служба въ пользу государства могла быть отправляема ими посредствомъ наемныхъ ротъ. Поэтому возможенъ былъ переходъ какъ изъ служебнаго и тяглаго состоянія въ боярское, такъ и обратно.

Бояре—будущіе земьяне и шляхтичи, иногда совсѣмъ смѣшиваются со слугами и происходятъ изъ этихъ послѣднихъ. Такъ, при ревизіи 1554 г., *землянинъ* пинскій Иванъ Пархвеновичъ предъявилъ привилегію Сигизмунда и Боны на 4 дворища, пожалованныя ему въ двухъ селахъ; съ нихъ онъ и его потомки обязаны служить земскую (т. е. боярскую) службу, „а въ случаѣ надобности золотарствомъ и пушкарствомъ“, такъ какъ „предокъ его былъ золотарь и пушкаръ“ ¹⁾. Золотари и пушкари, какъ лица низшихъ службъ, равнялись тяглымъ. Переходъ изъ тяглаго состоянія въ боярское былъ не особенно труденъ; такъ при кор. Бонѣ былъ въ имѣніяхъ ея межевнымъ сторожемъ нѣкто Полюха; онъ особенно угодилъ королевѣ, и она „получила его въ боярство“, освободивъ отъ тяглой службы и платежей; это было въ 1526; а въ 1554 г. на ревизію

¹⁾ Ревиз. пущь, стр. 226.

явились съ привилегіями уже „земяне повѣту Пинского Богданъ, Савва и Кирилъ Полуховичи“¹⁾ Первоначально также не труденъ былъ переходъ изъ боярства въ тяглое состояніе: стоило только переимѣнить родъ повинности владѣльца. Лишь съ развитіемъ сословнаго права такой переходъ постепенно затрудняется. Такъ, напр., нѣкто Зиновъ Лозичъ билъ челомъ княгинѣ Маріи Семеновнѣ, что его посадили на служебной землѣ; княгиня, убѣдившись, что онъ *сынъ боярскій*, сняла служебный характеръ съ его земли: „не давать ему ни сена, ни овса, ни подъ ворота (на сторожу) не ходить,—нижли онъ бояринъ есть, какъ который“²⁾.

Самое основаніе землевладѣнія такихъ бояръ одинаково съ основаніемъ крестьянскаго права на землю: ее раздають мѣстные старосты до воли господарской. Напр., въ 1536 г. *подданный* королевскій Пинской волости Андрей Короневичъ просилъ старосту, „чтобы онъ выпустилъ его съ 5 сыновьями изъ Пинской волости, не имѣя на чемъ поживиться здѣсь“, ибо староста отнялъ у него прежній участокъ и отдалъ другимъ, которые предъявили права наслѣдства къ этому участку. Староста, не желая, чтобы подданные господарскіе расходились прочь, спрашивалъ волостныхъ стариковъ и десятниковъ, нѣтъ ли гдѣ среди волости пустой земли; такая нашлась и отдана просителю³⁾. Въ 1554 г. этотъ Короневичъ является уже въ качествѣ боярина съ приведенною сейчасъ грамотою, какъ привилегією.

Что всего замѣчательнѣе, иногда поляки-колонисты, титулуемые *земянами*, сидятъ въ литовскихъ пущахъ на тяглой службѣ; напр., въ пуцѣ Книшинской сидитъ „с. Черная, населенная земьянами Чорніевскими, которые, продавши имѣньяца и осѣдлости свои въ Мазовіи, осѣли тутъ въ той пуцѣ, во владѣніяхъ королевскихъ, и теперь, живучи, исполняютъ такія же повинности, какъ и иные люди тяглые“⁴⁾. Это уже въ точномъ смыслѣ *земяне*—крестьяне не только по роду дѣятельности, но и по роду повинностей. И въ прочихъ, внутреннихъ, повѣтахъ Литовскаго государства были шляхетско-крестьянскія общины, впрочемъ сохранившія право на военную,—конную службу.

¹⁾ Ревиз. пудъ, стр. 285.

²⁾ Ibid., стр. 282.

³⁾ Ibid., стр. 243.

⁴⁾ Ibid., стр. 33.

Были цѣлыя повѣты (Дрогичинская и Белзская земли), гдѣ *земляне* имѣли по одному крестьянскому участку, обрабатывали землю собственными руками и отправляли конную военную службу цѣлыми обществами. Такия же шляхетско-крестьянскія общины встрѣчаемъ въ воеводствахъ Троцкомъ, Киевскомъ (Овруцкая околичная шляхта), въ Подольскомъ (Барская околичная шляхта) и въ другихъ мѣстахъ.

Чтобы показать возможность полнаго смѣшенія боярскаго и тяглаго состоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и попытки въ нач. XVI в. найти какой-либо разграничительный признакъ между ними, сошлемся на слѣд. примѣръ. Дѣло происходило въ Троцкомъ повѣтѣ въ концѣ XV и нач. XVI в., въ Эйшицкой волости. Еще во времена кор. Казимира Эйшицкіе мѣщане вошли съ просьбою къ королю о томъ, чтобы не они одни, но и волость (сельскіе обыватели) несли общія тягости подводной повинности. Казимиръ приказалъ разобрать дѣло мѣстному воеводѣ Радзивилу Остиковичу и п. Стану Костевичу. Оказалось, что вся волость (крестьяне) присвоивала себѣ боярскія права, а потому и не хотѣла дѣлить съ мѣщанами тяглою службы и платить дякло. Но Радзивиль и Костевичъ, выслушавши свидѣтелей, нашли, что издавна эта волость въ подводу хаживала и дякла давала. Поэтому и впредь было рѣшено оставить жителей волости при прежней тяглою повинности, за исключеніемъ только *бояръ-клейнотниковъ*, т. е. такихъ, которые имѣютъ гербы; но такихъ оказалось въ волости только 7 фамилій. Сверхъ этихъ семи, еще одно „племя“ обязано было стеречь сокола, т. е. состояло на сокольничьей службѣ; относительно этого послѣдняго Радзивиль съ товарищемъ постановили, что такого большаго племени слишкомъ много для одной сокольничьей службы, а потому изъ всего племени отдѣлили только Юрія и Насуса стеречь сокола, но и они обязаны давать дякло, а освобождены лишь отъ одной подводы. Когда двое назначенныхъ въ сокольники помрутъ, то подобнымъ же образомъ двое ихъ того же племени должны будутъ быть избранными въ премники ихъ службы, а всѣ прочіе должны пойти въ тяглую службу „безъ кривды“. Въ заключеніе судьи-коммиссары постановили, чтобы никто изъ бояръ-клейнотниковъ не принималъ никакого волостнаго человѣка въ свое племя подъ угрозою лишенія боярства для него самого ¹⁾.

¹⁾ Лит. метр., копія кн. 198, стр. 207.

Затѣмъ кор. Сигизмундъ I пожаловалъ пасынку своего дворянина Михаила Ивановича кн. Павлу Бердевяговичу двухъ изъ мнимыхъ Эйшицкихъ бояръ, какъ тяглыхъ людей. Пожалованные довольно долго молчали и служили новому пану, но затѣмъ занесли жалобу, утверждая, что они не тяглецы, а бояре. Король поручилъ рассмотреть дѣла мѣстному воеводѣ кн. К. И. Острожскому, который, не постановивъ рѣшенія, представилъ его королю; а король далъ приговоръ согласно съ грамотою в. кн. Александра и приказалъ воеводѣ тщательно смотрѣть, чтобы въ томъ воеводствѣ бояре не выводили въ боярство людей тяглыхъ, „ибо никто не можетъ тяглаго человѣка учинить шляхтичемъ, кромѣ государя“.

Въ собственно-литовскихъ повѣтахъ, гдѣ уже были „влейнотники“, водились гербы, можно было, хотя и не всегда, отличить боярина отъ крестьянина; въ прочихъ же (русскихъ) повѣтахъ бояре-крестьяне гербовъ не имѣли и во всемъ уподоблялись крестьянамъ, пока не сдѣлались одни шляхтичами, а другіе настоящими крестьянами крѣпостными (сохраняя, однако, названіе бояръ).

Но самый неуловимый отгѣнокъ между боярствомъ и крестьянствомъ составляли *слуги, или бояре путные*; въ самомъ дѣлѣ, если одному человѣку давался участокъ подъ условіемъ ловить бобровъ или выѣзжать на охоту, а другому подъ условіемъ развозить письма и т. п., то какая между ними разница? А потому не только крестьянская служба могла быть превращена въ путную, но и наоборотъ, путная служба могла быть переименована на тяглую; напр., въ с. Журильчицахъ нѣкто „Павель Полтарейкевичъ, который предъ тѣмъ служилъ путную службу, при новомъ измѣненіи (волочномъ) посаженъ на тяглою службѣ“¹⁾.

Путные слуги поступаютъ въ пожалованіе отъ князей частнымъ владѣльцамъ, наравнѣ въ тяглыми; такъ в. кн. Александръ пожаловалъ своему дворянину Зузину дворъ Бучемль въ Каменецкомъ (Литовскомъ) пов. „съ людьми“. Но Зузинъ попросилъ дать ему и слугъ путныхъ того же двора, а именно Вавулку и Пронца съ ихъ товарищами. „Ино мы съ ласки нашей (пишетъ в. князь) тѣмъ его пожаловали и слугъ путныхъ ему дали“²⁾.

¹⁾ Писц. кн. Пин. княж. Хвальчев., стр. 449.

²⁾ Ревиз. пущь, стр. 164.

Отъ слугъ путныхъ вѣсколько отличались слуги *панцырные*, считаясь людьми болѣе обѣленными; когда Клецкій староста началъ гнать слугъ панцырныхъ съ листами, то они вошли съ жалобою, и кор. Бона освободила ихъ; между прочимъ, они лично со своихъ домовъ не платятъ серебщизны ¹⁾).

Изъ этого примѣра видно, что положеніе и панцырныхъ бояръ, или слугъ, было весьма шатко; и для нихъ было возможно ниспаденіе въ разрядъ путныхъ слугъ, а затѣмъ крестьянъ.

Въ составъ боярства входили *мѣщане*, владѣвшіе землею въ повѣтѣ; такъ, въ 1541 году, въ Гродненскомъ повѣтѣ рѣшалось дѣло, тянувшееся съ весьма давнихъ временъ, объ освобожденіи двухъ боярынь отъ тяглой службы и дьякла по землямъ, которыми онѣ владѣли. Король особю грамотою повелѣлъ имъ служить „мѣстскую“ службу съ ихъ „мѣстскихъ“ земель, титулуясь „боярами“ ²⁾).

Возвращаясь отъ личныхъ и повинностныхъ отношеній къ самому боярскому землевладѣнію, находимъ, что въ началѣ XVI в. оно, по сущности правъ, ничѣмъ (кромѣ рода повинности) не отличается отъ тяглаго. Прежде всего владѣніе *населенною землею* (и крестьянами) не составляетъ его существеннаго и отличительнаго признака: обыкновенно боярину (или слугѣ) дается въ его частно-правное обладаніе такой же пустой участокъ (иногда 2), т. е. дворище, какимъ владѣли и крестьяне; здѣсь онъ поселяется и заводитъ свое частное хозяйство. Но для правильнаго исполненія конной службы, соединенной съ расходами, ему же дается еще одно, два или болѣе населенныхъ дворищъ; однако тяглое населеніе этихъ дворищъ (т. е. крестьяне-собственники земель) остается при своихъ прежнихъ правахъ на землю; бояринъ, получившій пожалованіе, пользуется отъ нихъ лишь тѣми доходами и повинностями, какія прежде они исполняли государству (объ этомъ упомяну ниже подробнѣе).

Во-вторыхъ, права распоряженія, соединенныя съ боярскимъ землевладѣніемъ, не отличаются большею полнотою и прочностію, сравнительно съ правами распоряженія, предоставленными тяглицамъ ³⁾).

¹⁾ Ревн. пущь, стр. 362—364.

²⁾ Акты Вил. Ком., т. XVII., № 703.

³⁾ Объ этомъ см. наше изслѣд.: „Помѣстья Литовско-русскаго государства“.

Лишь съ пол. XVI в. боярскія права (личныя и имущественныя) начинаютъ приближаться къ панскимъ (черезъ польскій институтъ шляхетства), въ особенности на коронныхъ земляхъ; возможно было тоже явленіе и въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ (были, напр., „земляне кн. Острожскаго“ и др.); но большая часть бояръ въ имѣніяхъ панскихъ (и церковныхъ) перешла въ разрядъ крѣпостныхъ.

Владѣніе на невольной службѣ (койминцы, невольная челядь).

За другою границею крестьянскаго населенія стоятъ люди невольные. Однако и съ этой стороны предѣлы классовъ не были точно опредѣленными. Средину между крестьянствомъ и невольною челядью занимаютъ т. н. *койминцы*¹⁾ или „люди непохожіе“; они, подобно невольникамъ, могли быть покупаемы и продаваемы. Въ 1540 г. предъ Гродненскимъ судьей происходила тяжба между князьями-татарами Мисковичами—съ одной стороны, и койминцами ихъ Николаевичами—съ другой. Вторые утверждали, что они—люди государскіе похожіе, а отнюдь не невольники ихъ. Татарскіе же князья доказывали, что это—мужики ихъ непохожіе, койминцы купленные. Въ подтвержденіе была представлена купчая, въ которой значилось, что князья купили означенныхъ двухъ людей у хорунжаго высокодворскаго за двѣ копы грошей, „но не за паробковъ (невольниковъ), а за койминцевъ, т. е. съ тѣмъ, что они должны жить подъ властію покупщиковъ („подъ ними“), въ домахъ, а не во дворѣ служить“. Подлинность акта была подтверждена свидѣтелями, почему и судья приговорилъ, чтобы отбѣтчики служили истцамъ и жили подъ „ними“ въ домахъ своихъ, со своими „статками“²⁾.

Итакъ, главное внѣшнее отличіе койминцевъ отъ невольниковъ состоитъ въ томъ, что первые не состоятъ на дворовой службѣ, а живутъ *въ своихъ* домахъ, на участкахъ земли, отведенной имъ; это, т. е., крестьяне по ремеслу и образу дѣятельности; но лично они уже несвободны и потеряли право перехода. Это и есть зарождающійся типъ крѣпостнаго состоянія, къ которому впослѣдствіи подошли и всѣ крестьяне и челядь.

¹⁾ Происхожденіе термина „койминцы“ для насъ неясно.

²⁾ Ак. Всл. Ком., XVII, № 249.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII отд. II.

Наименованіе „койминцы“, повидимому мѣстное, свойственно западнымъ окраинамъ Литовскаго государства; изрѣдка оно встрѣчается въ изданныхъ актахъ, относящихся все въ той же мѣстности; напр. въ описаніи имѣній воеводины Виленской, по поводу раздѣла ихъ между ея сыновьями ¹⁾; именно въ той части акта, которая касается Кейданъ и Буйвилишевъ, находимъ слѣд.: „войминцовъ, которые около двора сѣдятъ, тыи дяволь не даютъ, только службу тяглую служатъ; а плату никоторого не даютъ“. Этимъ наше понятіе о койминцахъ дополняется только одною чертою: койминцы занимаютъ дворовую землю, а не собственную—крестьянскую; этимъ они сближаются съ невольною челядью, которая не вся составляла дворовую прислугу, а частью работала на дворовыхъ поляхъ. Другая черта, которою койминцы отличаются отъ крестьянъ, это то, что первые не вносили дяель и не платили денегъ. Очевидно, что имъ платить не съ чего, ибо земля, которую они обрабатываютъ, не ихъ. Но выше было указано, что койминцы не могутъ быть вполне уравнены съ невольниками.

Хотя, какъ мы сказали, наименованіе койминцы—мѣстное, но явленіе, имъ обозначаемое, повсюдно. Для развитія его открылся особенный просторъ съ пол. XVI в.

Кромѣ замка, какъ центрального пункта земли, повѣта или удѣла, на территоріи княжествъ были разбросаны *дворы господарскіе*, гдѣ князья, а потомъ и великій князь, а также паны имѣли свое частное хозяйство. Земля этихъ дворовъ обрабатывалась *невольною челядью*, которая приобрѣталась путемъ купли и уголовного возмездія за преступленія. Впрочемъ, не всѣ древніе источники рабства удѣляли въ Литвѣ въ пол. XVI в.; такъ, бракъ между свободнымъ и рабомъ и обратно не вель уже за собою потери свободы для другой стороны. Напр., среди челяди двора Ставецкаго (въ Пинск. вл.) считаются: „Катруша, а мужъ ея вольный; Васица, а мужъ ея вольный“ ²⁾. Женившійся на невольной, безъ согласія господъ, долженъ, если хочетъ продолжать бракъ, жить при дворѣ владѣльца, который въ такомъ случаѣ обязанъ ему дать огородъ и халуцу; въ против-

¹⁾ Археогр. Сборн., т. I, № 23.

²⁾ Писц. вл. Пин. княж. Хвальч., ст. 48.

номъ случаѣ можетъ уйти, куда хочетъ¹⁾. Челядь занималась работою во дворѣ; но довольно значительное число ея дѣлало излишнимъ ея дворовыя услуги; а потому большая часть ея была посажена на участкахъ дворной земли. Такъ, въ Пинскомъ староствѣ, во дворѣ Селецкомъ было невольниковъ: мужч. 13, женщ. 14,

во дворѣ Ставецкомъ	„	8,	„	14.
„ Дружиловскомъ	„	8,	„	8.
„ Ститичевскомъ	„	24,	„	16.
„ Кнубовскомъ	„	11,	„	9.

Нѣкоторые изъ нихъ занимали земли издавна; другіе были посажены на землю при введеніи волочной системы. Такъ обр. уже успѣла образоваться разница между дворными землями и землями ихъ (невольниковъ) „собственными“; напр., въ с. Кнубовскомъ „нѣтъ вовсе пашни (т. е. земли, эксплуатируемой непосредственно для двора), есть только огородъ. А паробки невольные посажены на дворныхъ земляхъ, а частію на земляхъ ихъ стародавнихъ, на которыхъ прежде сидѣли“²⁾ Во дворѣ Дружиловскомъ имъ отдана въ 1555 г. частію земля дворная, частію поповская, а частію и ихъ собственная (własna). При введеніи волочной системы каждому изъ нихъ назначалось по 9 морговъ (по 3 морга въ полѣ), если же поселяемо было цѣлое семейство (мужъ и жена, братъ и сестра), то давалось двойное количество (18 морговъ³⁾); сверхъ того, давались дворовыя мѣста съ жилищами⁴⁾. Иногда, если почва была особенно плоха, надѣлъ возвышался до 11 морговъ⁵⁾.

При нарѣзываніи земли, при введеніи волочнаго хозяйства, паробкамъ отдавалась обыкновенно ихъ прежняя земля; такъ, въ с. Прикладникахъ Пинск. стар. описаны „земли паробкоція, на которыхъ они (паробки) оставлены сообразно съ ихъ стародавнимъ владѣніемъ (według starodawnego uch dziedziczenia)“⁶⁾.

Поселеніе челяди на землю мало по малу уравниваетъ ее со свободными поселенцами относительно владѣнія землею; земля раз-

¹⁾ Акты Вил. Ком., т. XVII, № 460.

²⁾ Писц. кн. Пин. княж. Хвальчев., стр. 171.

³⁾ Ibid., стр. 41.

⁴⁾ Ibid., стр. 103.

⁵⁾ Ibid., стр. 103.

⁶⁾ Ibid., стр. 248.

дается имъ „на невольной службѣ“, однако не очень отяготительной; именно, получая по 9 морговъ, они обязываются служить двору въ недѣлю 3 дня ¹⁾. Но иногда часть челяди совсѣмъ выводится изъ положенія невольной службы и, при измѣреніи на волоки, допускается къ занятію волокъ, наравнѣ со свободными; въ такомъ случаѣ, ихъ прежнія „паробочкія“ земли раздаются остальной челяди ²⁾. Правда, тѣ паробки, которые допущены къ занятію волокъ на тяглой, а не невольной службѣ, не дѣлаются чрезъ то лично свободными („którym yest zemia oddana na czyagley służbie, a z niewoli pue są wiruszczeni“) ³⁾; но фактическое положеніе ихъ совершенно уравнивается съ положеніемъ непохожихъ крестьянъ.

И послѣ введенія волочнаго хозяйства, когда невольная челядь, или паробки, всѣ посажены на землю, они отнюдь не сравнены съ свободными крестьянами; къ этому времени надо отнести лишь начало исчезновенія рабства, какъ явленія *sui generis*, хотя въ книгахъ волочнаго измѣренія встрѣчаемъ такіа выраженія: „паробки, которыхъ *предъ тѣмъ* считали невольниками“ ⁴⁾ и которые теперь всѣ получили участки земли въ качествѣ огородниковъ подъ условіемъ службы, именно мужчины, должны отбывать пѣшую работу по три дня въ недѣлю, а женщины отслужить 12 толовъ въ годъ на жнива или полоть.

Что рабство оставалось и послѣ того до конца XVI в., это открывается изъ инвентарей имѣній 70-хъ годовъ XVI в. и даже позднѣйшихъ. Напр., въ инвентарѣ имѣнія Росскаго ⁵⁾ находимъ перечень паробковъ такого рода: Степурка козачокъ, жена вольная, дѣтей нѣтъ; Василь вухарь Дуло, жена вольная; Иванъ Рудый и жена невольная, сынъ 1; Денисъ Минцевичъ, жена невольная, дѣтей нѣтъ, и т. д.

Владѣніе на невольной службѣ, субъектомъ котораго были *несвободные* люди, отнюдь не можетъ быть поставлено рядомъ съ прочими видами землевладѣнія: несвободный не пользуется никакими

¹⁾ Писц. кн. Пин. княж. Хвальчев., стр. 459 и 476.

²⁾ Ibid., стр. 469.

³⁾ Ibid., стр. 425.

⁴⁾ Писц. кн. Пин. стар. Л. Войны, II, стр. 180—182.

⁵⁾ Археогр. Сб., т. I, № 46.

правами и въ томъ числѣ правами на землю. Мы сопоставили этотъ видъ землевладѣнія съ другими для того, чтобы рѣзче отгнать мысль о зависимости личныхъ правъ отъ имущественныхъ: паробовъ (холоповъ), надѣленный землею, уже значительно отличается отъ обыкновенныхъ дворовыхъ холоповъ, можетъ со временемъ получить землю на тяглой службѣ и т. д. Однако этотъ естественный путь къ уничтоженію рабства былъ прерванъ развитіемъ крѣпостнаго права среди крестьянъ, которые мало по малу приблизились къ состоянію „паробовъ“, сойдясь съ ними на среднемъ терминѣ (состояніи коймищевъ).

Но этотъ печальный результатъ лежитъ за предѣлами настоящаго очерка; мы, напротивъ, должны перейти къ изображенію полноты правъ крестьянъ до пол. XVI в. въ отношеніи къ землевладѣнію.

II.

Права крестьянъ на землю.

Земля, занятая крестьянами, не есть земля казенная или панская, лишь арендуемая крестьянами на срокъ; повинности, которыми они обязаны, и подати, которыя они уплачиваютъ казнѣ или пану, не составляютъ арендной платы, а суть повинности въ обоихъ случаяхъ государственно-частныя. Земля составляетъ вѣчное и потомственное владѣніе крестьянъ.

Прежде всего надо отвѣстись отъ представленія о бродяжничествѣ крестьянъ. Отнюдь не слѣдуетъ думать, что основаніемъ гражданскихъ правъ крестьянъ есть право перехода и основаніемъ крѣпостнаго состоянія—лишеніе этого права. Переходили съ мѣста на мѣсто (сравнительно) весьма немногіе, и притомъ наиболѣе легковѣсные элементы сельскаго общества, т. е. обнищавшіе, облѣбнившіеся, ищущіе временныхъ льготъ, потерявшіе связь со своею общиною. Главная же и господствующая масса хозяевъ состояла изъ людей, которыхъ отцы, дѣды и прадеды были постоянными членами волости и села. Владѣя собственной землею, они не имѣли ни малѣйшаго интереса и охоты бросать свою усадьбу, ими выстроенную, свою землю, ими расчищенную, или купленную, или приобретенную чрезъ пожалованіе отъ князя на вѣкъ.

Поэтому въ описаніяхъ сель при введеніи волочной системы, о крестьянахъ переходящихъ, бродягахъ, вовсе не упоминается. Ихъ можно лишь подразумѣвать и предполагать среди т. н. потужниковъ, не перечисляемыхъ поименно. Они подсосѣживались въ готовые дворища въ стариннымъ и настоящимъ хозяевамъ, для которыхъ лишеніе земли съ голымъ правомъ перехода было бы великимъ бѣдствіемъ.

Вотъ почему, при исчисленіи дворищъ 1553—1555 годовъ, весьма рѣдко можно найти указаніе на цѣлое дворище пустое; напр., на все Пинское княжество въ 50-хъ годахъ XVI в. не насчитается такихъ и десятка (напр. дворища Страховщина и Рудичи въ с. Плотницахъ ¹⁾), дворище Ивановичи въ с. Ласвицкомъ). Такія запустѣвшія дворища отдаваемы были на оброкъ землянамъ, боярамъ, мѣщанамъ. Запустѣніе могло произойти отъ причинъ случайныхъ: выморочности, осужденія за преступленія и т. п. Впрочемъ, главною причиною существованія пустыхъ дворищъ надо считать образованіе новыхъ участковъ изъ пустопорожныхъ земель, участковъ, которые еще не были заняты крестьянами, не были никому пожалованы. Словомъ, это—земли новыя, которыя государство или частный владѣлецъ намѣревались обратить въ населенныя.

Всѣ прочія земли состоятъ въ потомственномъ владѣніи крестьянъ. Термины, которыми крестьяне обозначаютъ свое право, суть: „земля влостная, или властная, отчизная“ ²⁾, или „купленина“, смотря по способу пріобрѣтенія. Тѣмъ же самыми терминами, какъ извѣстно, въ тѣ времена обозначалось право собственности вообще всѣхъ другихъ лицъ въ государствѣ.

Отношеніе правъ королевскихъ крестьянъ на землю къ правамъ государства отнюдь не могутъ быть опредѣляемы нашими понятіями о собственности. Какъ въ сѣверной Руси говорили, что „то—земля Божья да государева“, такъ и на югѣ (въ Черкасахъ) заявляли: „своего ничего не маемъ, одно Божье да государево“. Здѣсь понятіе о государевой землѣ такъ же далеко отъ конкретныхъ юридическихъ отношеній, какъ и понятіе о Божьей землѣ. Вся земля—

¹⁾ Писц. кн. Пин. стар. Л. Войны, т. I, стр. 286—287.

²⁾ Акты Вил. Ком., т. XVII, № 320, 327, 357, 446 (искъ кр—на противъ боярина), 520, 542.

территорія принадлежитъ государю, какъ главѣ государства, и никому въ частности, кромѣ лицъ, владѣющихъ ею непосредственно. Для ближайшаго уясненія дѣла считаемъ возможнымъ привести слѣд. примѣръ: въ 1539 г. въ Гродненскомъ судѣ производилось дѣло по спору о сѣнокосѣ, который затопилъ своимъ ставомъ гроднен. ключникъ п. Лукашъ Гриневицъ, между этимъ послѣднимъ и крестьянами—Засидранами (т. е. слобожанами, поселенными за р. Сидрою). Интересы крестьянъ на судѣ представлялъ справца (правитель) староства Гродненскаго королевы Боны—п. Требскій. Требскій, оспаривая право Гриневица, утверждалъ, что спорный сѣнокосъ „есть грунтъ власный господарскій, сеножати тыхъ подданныхъ господарскихъ по обудву сторонъ р. Сидры“. Изъ такой двойственности субъектовъ права еще ничего нельзя вывести, какъ смотрѣлъ представитель короны на отношеніе правъ крестьянъ къ государству. Но въ началѣ своей судебной защиты, когда ему пришлось точно выразить сущность дѣла, онъ выразился такъ: „я вашей милости отъ подданныхъ господарскихъ повѣдамъ, ижъ то суть сеножати ихъ властные и вечистые“.

Для вопроса объ отношеніи правъ крестьянъ къ правамъ государства интересенъ и слѣд. эпизодъ того же дѣла: „хотя господарь его милость дозволилъ ключнику (Гриневицу) ставъ къ берегу своему засыпать, но п. Виленскій (староста Гродненскій), видя вредъ отъ этого крестьянамъ господарскимъ, того ему никогда не позволялъ“. Когда же онъ наконецъ засыпалъ прудъ и затопилъ имъ сѣнокосы, то „подданные господарскіе нигды того не молчали и королевой ей милости ся жаловали“. Так. обр. распоряженіе короля относительно государственныхъ имуществъ встрѣчаетъ противодѣйствіе и неисполненіе со стороны крестьянъ, владѣльцевъ земли, которой оно касается, и со стороны лицъ, ближайшимъ обр. заинтересованныхъ въ ихъ благосостояніи ¹⁾.

Права крестьянъ на землю, занимаемую ими, не опредѣляются закономъ. Напротивъ, со времени 1-го Лит. статута законодатель явнымъ образомъ склоняется къ признанію исключительнаго права на землю за короною, панами, земянами и церковію. Но за то статутъ ясно свидѣтельствуетъ о дѣйствительной (фактической) принадлеж-

¹⁾ Акты Вил. Ком., т. XVII, № 137.

ности правъ крестьянамъ, но старается ихъ ограничить и парализовать. Именно въ немъ ¹⁾ содержится постановленіе о томъ, что никто не имѣеть права закупать землю у чужаго челоуѣка безъ воли пана его; однако въ формѣ выраженій этого артикула совершенно ясно выступаетъ дѣйствительность, несогласная съ опредѣленіями закона. „Устанавливаемъ, что никакой бояринъ или челоуѣкъ не можетъ закупать земли у чужаго челоуѣка безъ воли пана его“; такъ обр. здѣсь признается: 1) что крестьянинъ можетъ покупать землю; 2) что крестьянинъ даже частновладѣльческій можетъ продавать землю, только не иначе, какъ съ согласія пана.

Въ другомъ мѣстѣ ²⁾, говоря о владѣніи бортиами и о входахъ въ пуци, статутъ мимоходомъ замѣчаетъ: „какъ часто случается между мужиками, продають пчель, не имѣя чѣмъ платить дань, или отдають за дочерьми борти со пчелами затыамъ въ другое село, а зятя накладывають свои знамена на эти борти“. Такъ обр. здѣсь прямо признается (но опять, какъ фактъ) владѣніе крестьянъ угодыми.

Говоря о владѣніи лѣсами ³⁾, статутъ различаетъ порубки, сдѣланныя шляхтичемъ шляхтичу и мужикомъ *мужику*, чѣмъ подтверждается, что владѣльцемъ лѣса можетъ быть „мужикъ“ (крестьянинъ); виновный мужикъ долженъ за насильственную („гвалтомъ“) порубку заплатить 3 рубля грошей, „такъ какъ бы онъ *ему* между переоралъ“; изъ этого слѣдуетъ, что мужикамъ приписывается и право владѣніи *пахотною землею*, межи которой охранялись закономъ. За покражу въ саду шляхтичу платится 12 рубл. грошей, а мужику—3 р.

Так. обр. 1-й статутъ, уже явно съносящійся въ сторону непризнанія правъ собственности на землю за крестьянами, содержитъ однако въ себѣ фактическое свидѣтельство о томъ, что въ ту эпоху крестьяне и королевскіе и частновладѣльческіе пользовались правомъ на недвижимость: землю пахотную, угодыя, сады и лѣса, и что эти права лишь поставлены въ зависимость отъ панскаго права.

¹⁾ Статутъ I, раздѣлъ VIII, артикулъ 21.

²⁾ Разд. IX, ар. 7.

³⁾ Разд. IX, ар. 18.

Но показанія статута, какъ извѣстно, относятся ко 2-й четверти XVI в. и содержатъ въ себѣ попытки измѣненій древняго права въ пользу новаго—панскаго строя. Въ эпоху болѣе раннюю, т. е. въ XV и нач. XVI в., а также въ обычномъ правѣ и въ эпоху дѣйствія 1-го статута (до пол. XVI в.) права крестьянъ на землю были болѣе независимы и прочны.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ имѣть въ виду преимущественно отношеніе правъ крестьянъ къ правамъ государства потому, что въ этой сферѣ правовыхъ отношеній мы располагаемъ болѣе обильнымъ и болѣе опредѣленнымъ матеріаломъ. Но и панское землевладѣніе первоначально ничѣмъ не отличалось отъ государственнаго по отношенію къ нему правъ крестьянъ на землю; всѣ нижеизложенныя черты правъ крестьянъ на государственныхъ земляхъ могутъ быть безошибочно приложены и къ панскимъ землямъ. Впрочемъ, для показанія этой тождественности въ концѣ сгруппируемъ нѣсколько фактовъ, относящихся непосредственно къ панскимъ землямъ.

Какъ на государственныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ крестьянамъ принадлежали всѣ тѣ права приобрѣтенія и распоряженія муществами, какія вообще тогда были доступны частнымъ лицамъ (т. е. съ ограниченіями ихъ правами государства, или пана, но меньшими тѣхъ, какія были изложены нами въ другомъ мѣстѣ для помѣстныхъ правъ служилыхъ лицъ), а именно: имъ принадлежало право наслѣдованія законнаго и завѣщательнаго, которое однако подлежало контролю государства со стороны правильности отправленія повинностей; они приобрѣтали земли чрезъ обработку (оккупацию въ древне-русскомъ смыслѣ этого понятія), чрезъ куплю-продажу и залогъ какъ между лицами тяглаго состоянія, такъ и отъ лицъ прочихъ состояній, чрезъ дарованіе отъ государства (центральной и провинціальныхъ властей). Столь же обширны были и права распоряженія землею, принадлежавшія крестьянамъ; они могли продавать свои участки, какъ лицамъ тяглаго состоянія, такъ и лицамъ другихъ сословій; могли сдавать ихъ и мѣнять, могли отдавать въ заставу; крестьянскіе участки могли идти въ удовлетвореніе по ихъ частнымъ обязательствамъ; всѣ упомянутыя права подлежатъ обыкновеннымъ тогдашнимъ ограниченіямъ, истекающимъ изъ повинностнаго характера всѣхъ имуществъ;

всѣ права пользованія (сдача земель въ наемъ, т. е. аренда) принадлежатъ крестьянамъ безъ ограниченій ¹⁾.

Источники права собственности крестьянъ на землю: наследованіе, разработка (окупація), купля и застава, пожалованіе.

Основной источникъ приобрѣтенія крестьянами правъ на землю есть *наследованіе*. Это—самый обширный (по объему дѣйствія) и самый важный (по силѣ вліянія на права владѣнія) источникъ крестьянскаго владѣнія.

Обширность примѣненія наследственности крестьянскаго земле-владѣнія видна ясно изъ того обстоятельства, что обыкновенно родовое наименованіе дворищъ совпадаетъ съ фамиліею владѣльцевъ—крестьянъ: напр., дворищемъ Осиповичъ (с. Жолкини) владѣютъ Василій Осиповичъ и Ѳедоръ съ потужниками; дворищемъ Нестеровичъ—Филиппъ, Василь, Яцына, Ненадецъ и Дмитрій Нестеровичи; дворищемъ Толоковичъ—Григорій, Ѳома, Жданъ, Иванъ, Кенадъ Толоковичи (ошибка или въ фамиліи, или въ названіи дворища); дворищемъ Кожемячичъ—Мимъ и Илько Кожемячичи; дворищемъ Демидовичъ—Пронъ Демидовичъ и Степанъ Жуковичъ; дворищемъ Мамоневичъ—Иванъ и Григорій Мамоневичи и т. д. ²⁾.

Отсюда нельзя заключать, что наименованія дворищъ измѣнялись каждый разъ съ переменною крестьянина-владѣльца; напротивъ, иногда, хотя и рѣдко, дворище носитъ названіе родовое, но совершенно не соотвѣтствующее фамиліи хрестьянина; напр. дворище Бѣльчевичъ находится во владѣніи Перевальчичей и Лвощевичей ³⁾; дворищемъ Стрѣльниковичъ владѣютъ Лукьяновичи ⁴⁾ и др. Очевидно, что первымъ нѣкогда владѣли Бѣльчевичи, а вторымъ Стрѣльниковичи;

¹⁾ Для дальнѣйшаго изложенія правъ крестьянъ преимущественнымъ источникомъ служатъ Гродненскіе земскіе акты, къ счастью сохранившіеся за нѣсколько лѣтъ 1-й пол. XVI в. Мы пользовались ими прежде въ рукописяхъ (въ Вилен. центр. архивѣ); нинѣ три актовыхъ книги Гроднен. зем. суда цѣликомъ изданы Вилен. арх. комиссіею, которая оказала этимъ наукѣ большую услугу; акты, касающіеся гражд. правъ крестьянъ, послѣ уже не попадали въ официальные книги судовъ, ибо права ихъ не были уже признаваемы закономъ.

²⁾ Писц. кн. Пин. стар. Л. Войны, ч. II, passim.

³⁾ Ibid., стр. 272.

⁴⁾ Ibid., стр. 276.

съ переходомъ къ новымъ владѣльцамъ, эти дворича не перемѣнили своего имени. Если же въ громадномъ большинствѣ случаевъ наименованія дворичъ и владѣльцевъ ихъ одинаковы, то, очевидно, одни и тѣ же лица владѣли ими съ самаго основанія дворичъ.

Громадное юридическое значеніе наслѣдственности участковъ видно изъ того, что участки, состоящіе въ наслѣдственномъ владѣніи крестьянъ, именно потому и титуловались, какъ ихъ *властные, отчизные*. Напр., въ 1545 г., староста пинскій разсматривалъ тяжбу между землевладѣльцами (духовнымъ и свѣтскимъ), съ одн. стороны, и крестьянами-бондарями королевскими села Колодѣвскаго, съ др. стор. о правѣ на Медвѣжьей островъ: „подданные Колодѣвскіе... отпоръ чинили и повѣдали, что мы тѣ земли, сѣножати и боръ держимъ и пользуемся ими, какъ нашими собственными отчизными¹⁾“. Не признавъ за ними права собственности (не потому, чтобы такового не могло быть вообще на крестьянскихъ участкахъ, а по частнымъ обстоятельствамъ дѣла), судъ призналъ однако право вѣчнаго сервитута (пастбищъ и пользованія лѣсомъ).

Наслѣдственные права на дворичныя земли даже брали перевѣсъ надъ всѣми прочими источниками правъ собственности, въ частности надъ пожалованіемъ этихъ земель частнымъ владѣльцамъ (землянамъ). Такъ, въ с. Мрозовичахъ двориче Кущовщину держалъ землянинъ пинскій Богд. Лемешъ на оброкѣ; а затѣмъ оно возвращено собственнымъ (*własny*) отчичамъ того дворича (крестьянамъ), которые продолжали сидѣть на немъ и во время владѣнія Лемеша, не желая переселяться (*się powłoczyć*)²⁾.

Крестьянскія земли переходили въ наслѣдство какъ *по завѣщанію*, такъ и *по законному преемству*. Достойно вниманія, что въ тѣ времена завѣщательное распоряженіе имуществомъ среди крестьянъ было гораздо болѣе распространено, чѣмъ нынѣ. Мы разумѣемъ письменные акты завѣщаній. Изъ всей массы судебныхъ дѣлъ, доннынѣ опубликованныхъ, по спорамъ о наслѣдствѣ, почти нѣтъ ни одного, при которомъ бы не было представлено въ судъ духовнаго завѣщанія.

¹⁾ Ревиз. пуцъ, стр. 248.

²⁾ Писц. кн. Пин. княж. Хвальчев., стр. 181—182.

Завѣщанія пишутся по одной опредѣленной формѣ; скрѣпляются свидѣтелями и печатами ихъ.

Завѣщанія пишутся не только лицами мужескаго пола—отцами, но и женщинами—вдовами ¹⁾).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщательное распоряженіе сталкивается съ обычнымъ порядкомъ наслѣдованія, преимущество отдается волѣ завѣщателя; напримѣръ, мужъ завѣщаетъ женѣ пользованіе его долею имущества въ общемъ дворницкомъ владѣніи на извѣстный срокъ; братъ умершаго протестуетъ, но судья, „не отступуючи отъ духовницы“, присудилъ въ пользу вдовы ²⁾).

Изученіе содержанія завѣщательныхъ актовъ крестьянъ (какъ и вообще права наслѣдованія среди нихъ) въ высшей степени важно для провѣрки нашихъ свѣдѣній о древнѣйшемъ порядкѣ наслѣдованія, какъ онъ изложенъ въ Русской Правдѣ и другихъ древнѣйшихъ законахъ. Между прочимъ мы замѣчаемъ, что завѣщательныя распоряженія всегда совершаются въ пользу законныхъ наслѣдниковъ и лишь устанавливаютъ раздѣлъ имущества между ними. По крайней мѣрѣ, мы не встрѣтили ни одного акта завѣщанія въ пользу стороннихъ.

Примѣненіе порядка наслѣдованія какъ завѣщательнаго, такъ и законнаго, видно, наприм., изъ слѣд. акта: въ 1539 г. разбиралась тяжба въ Гродненскомъ судѣ о наслѣдствѣ между двумя братьями, изъ которыхъ старшій жаловался, что младшій не уступаетъ ему законной части въ имуществѣ, которое куплено было отцомъ ихъ будто-бы вмѣстѣ съ нимъ; на судѣ оказалось, что, по распоряженію отца, младшій братъ получилъ благопріобрѣтенное имущество и домъ, въ которомъ онъ жилъ вмѣстѣ съ отцомъ, какъ неотдѣленный сынъ. „Отчина“ же, т. е. родовое имущество, было оставлено отцомъ старшему сыну. Для доказательства правъ младшаго сына въ судѣ была представлена „духовница“ (завѣщаніе), при чемъ разсматривалась въ судѣ правильность составленія завѣщанія и опрашивались свидѣтели ³⁾. Покупщикъ земли—отецъ—былъ колесникъ; купленная имъ земля была муральская; такимъ образомъ, земля, подѣленная между

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 35.

²⁾ Ibid., № 840.

³⁾ Ibid., № 18.

двумя сыновьями, сообщила каждому изъ нихъ особый родъ службы. Такая связь наслѣдственности земли съ наслѣдственностію службы не препятствовала наслѣдственной передачѣ имущества, если свойства службъ допускали возможность исполненія ихъ вѣмъ угодно.

Изъ этого же акта видно, что завѣщательному распоряженію подлежали какъ родовыя, такъ и благопріобрѣтенныя имущества.

Изъ того же примѣра видно, что домъ, въ которомъ жилъ неотдѣленный (младшій) сынъ вмѣстѣ съ отцомъ, достался младшему, согласно съ постановленіемъ Рус. Правды.

Къ имуществу, переходящему по законному преемству, призывались всѣ сыновья наслѣдодателя въ равныхъ доляхъ. Для доказательства твердости такого порядка приведемъ слѣд. примѣръ: въ 1539 г., крестьянинъ Коробчина сорока Гапидовичъ, умирая, оставилъ въ наслѣдство закупныя свои поля; наслѣдниками должны были явиться: одинъ сынъ его, рожденный отъ первой жены, и четверо сыновей, рожденных отъ второй жены. Но первый старался завладѣть третью частію закупныхъ полей отца и успѣлъ пожать жито съ этой третьей части. Мачиха занесла жалобу въ судъ, гдѣ отвѣтчикъ—пасынокъ пытался утверждать, что отецъ отказалъ ему третью часть, ссылаясь на то, что еще при жизни отецъ, собравши копу людей добрыхъ, производилъ съ нимъ расчетъ („рахунокъ“). Изъ трехъ, поименно указанныхъ, свидѣтелей истица выбрала одного, который былъ вызванъ въ судъ; но ссылки отвѣтчика онъ не подтвердилъ, заявивъ, что онъ былъ дѣйствительно призываемъ къ „рахубѣ“ отца съ сыномъ, но дѣло шло о движимости (статѣ животины, овцахъ и свиньяхъ), но не о поляхъ. Сама же истица заявила, что она имѣетъ отъ своего мужа четырехъ сыновей и четырехъ дочерей и что, хотя „пятому—пасынку отецъ его не отказалъ изъ полей ничего, но она не отнимаетъ у него пятой части“. Сообразно съ этимъ, судья присудилъ пасынку пятую часть полей отца ¹⁾.—О дочеряхъ, которыхъ было 4, ни сама мать, ни судья вовсе не упоминаютъ, какъ о наслѣдницахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что дочери при братьяхъ ихъ не наслѣдовали; вдова же оставалась распорядительницею имущества дѣтей своихъ.

Въ 1540 г., въ томъ же судѣ жаловалась королевская крестьянка Дорота на своего пасынка—Петра, что онъ не выдѣляетъ ей сыну

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 48.

(своему единокровному брату) 3-й части имущества, отказаннаго отцомъ, который имѣлъ отъ перваго брака двухъ сыновей и отъ втораго брака—одного. Отвѣтчикъ сначала отвергалъ фактъ отказа отцомъ 3-й части младшему; но когда судья спросилъ о духовной грамотѣ отца, которая оказалась существующею и была представлена въ судъ, то въ ней нашли, что отецъ подѣлилъ имущество на 3 части между всѣми 3-мя сыновьями ¹⁾. Судья рѣшилъ, что 3-я часть дохода съ имущества должна быть выдаваема Доротину сыну; что же касается самой земли, то она должна быть раздѣлена также на три части, но не прежде, какъ по достиженіи совершеннолѣтія этимъ послѣднимъ. Обѣ стороны взяли себѣ „дѣльчимъ“ хорунжаго Гродненскаго, который долженъ раздѣлить между ними хлѣбъ (збоже) и прочее движимое имущество (статки).

Замѣною перехода правъ по наслѣдству отъ отца къ сыновьямъ служить иногда *сдача* отцомъ земля сыновьямъ при жизни, съ обязанностию для сыновей давать отцу прокормленіе. Причиною до- смертной сдачи служить повинностный характеръ земли: отецъ, который уже не можетъ исполнять повинностей по старости, возлагаетъ эту обязанность на сыновей. Въ 1539 г., предъ Гродненскимъ урядомъ явился пивоваръ Микита Михайловъ съ 3 сыновьями и нѣсколькими сосѣдями (какъ свидѣтелями сдѣлки) и заявилъ, что онъ сдалъ сыновьямъ всю „отчину“ и изъ „купленыны“ по огороду; а сыновья обязались выдавать отцу жито копнами, а на ярину часть поля для посѣвовъ ¹⁾.

Наслѣдство послѣ матери достается тому изъ дѣтей ея, у кого она жила и умерла. Въ 1540 г., жаловались Гродненскому судѣ два брата Радвиловичи, королевскіе рыболовы, на третьяго брата своего Янушка въ томъ, что онъ, по смерти матери, не хочетъ подѣлиться съ ними ея статками (домашними животными, деньгами, хлѣбомъ и клѣтью). Отвѣчая на обвиненіе, Янушко начинаетъ съ слѣд. заявленія; „правда, matka наша покойница прежде у нихъ жила, а потомъ пришла ко мнѣ и предъ смертію мнѣ отписала свои статки“ ¹⁾. При этомъ предъявлена была судѣ совершенно правильная духовная, исполнѣ подтвердившая заявленіе отвѣтника. Зачѣмъ, въ такомъ слу-

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 657.

²⁾ Ibid., № 86.

³⁾ Ibid., № 310.

чаѣ, отвѣтчикъ завель рѣчь о томъ, у кого жила мать? Очевидно, онъ этимъ желаетъ уничтожить единственное законное основаніе, которое могли имѣть его противники. Согласно съ постановленіемъ Русской Правды, тотъ, у кого мать жила, кто кормилъ ее до смерти, тотъ и получаетъ наслѣдство послѣ нея (Кар. ст. 4).

Права наслѣдованія вдовы опредѣляются иначе, смотря потому, остаются ли сыновья умершаго, дѣлать ли они наслѣдство, совершеннолѣтніе ли они, или малолѣтніе. При взрослыхъ сыновьяхъ и раздѣлѣ наслѣдства между ними, мать-вдова получаетъ отъ каждой сыновней доли часть на прожитокъ. Въ 1539 г., Гродненскому суду жаловался Хилимонъ Лидинъ на матку свою за то, что она каждый годъ пользуется полемъ на бочку посѣва „властной отчизны“ своихъ сыновей. На судѣ оказалось, что вдову-мать дѣлили съ ея сыновьями „мужи“ (члены общины) и присудили, чтобы сыновья давали матери ежегодно по бочкѣ жить на посѣвъ. Два сына подчинились этому рѣшенію, а 3-й, жалобчикъ, не хотѣлъ. Судья рѣшилъ согласно съ приговоромъ мужей, ибо-де „не годится матери ихъ на старость волочиться“ (таскаться по людямъ) ¹⁾.

Если вдова остается съ сыномъ малолѣтнимъ, то она можетъ продолжить прежнее экономическое и служебное состояніе семьи посредствомъ выхода въ замужество и принятія новаго мужа на извѣстную часть службы. Въ 1540 г., предъ тѣмъ же Гродненскимъ судомъ разбиралось слѣд. дѣло: нѣкто господарскій колесникъ Олекса умеръ, оставивъ вдову и малолѣтняго сына. Къ наслѣдству примкнулъ братъ покойника и занялъ 1-ю часть; вторая часть должна была сохраняться для малолѣтняго, а на 3-ю часть вдова приняла нѣкоего Онопрія. Но братъ покойнаго былъ пьяница и задорный человекъ, такъ что новая семья должна была уйти прочь со своего имущества. Лишь по смерти его всѣ они вернулись и, при посредствѣ сотника, упросили судью утвердить Онопрія на 3-й части ²⁾.

Вообще, при нераздѣльности семьи, вдова (при малолѣтнихъ дѣтяхъ и, какъ увидимъ ниже, безъ дѣтей), оставаясь хозяйкою въ домѣ, совершенно замѣняетъ личность своего мужа: можетъ отка-

¹⁾ Ал. Вкл. Ком., XVII, № 98.

²⁾ Ibid., № 157.

заться отъ наслѣдства, если находить службу съ него невыгодною, ведетъ искъ, заключаетъ сдѣлки объ уступкѣ земли. Все это видно изъ слѣдующей семейной исторіи, происходившей въ 30-хъ годахъ XVI в. въ Городенскомъ повѣтѣ: нѣкій крестьянинъ Бобренскаго сорока Петръ оставилъ на своемъ имуществѣ жену Зохну. Какъ видно, и въ тѣ дни на общинныхъ сходбахъ мироѣдство было въ ходу: мужи-сорочники, обижая беззащитную вдову, раздѣлили „отчину“ мужа ея на двѣ службы и на два дякла, т. е. вдовѣ приходилось нести двойныя повинности съ одной и той же земли. Притѣсенная вдова ушла было съ той земли прочь; но потомъ рѣшилась попробовать счастья и пошла къ королю просить его о восстановленіи прежняго положенія ея земли, т. е. оставить ее при одной службѣ. Король приказалъ Городенскому старостѣ Юр. Ник. Радивилу разслѣдовать дѣло; Радивиль выслалъ для опроса на мѣстѣ ключника Городенскаго, который собралъ показанія какъ отъ сорочниковъ, такъ и отъ сосѣдей; на основаніи ихъ, Радивиль оставилъ ее при одной службѣ. При такомъ благопріятномъ поворотѣ дѣлъ, нашлись охотники изъ родственниковъ воспользоваться частію наслѣдства, а именно нѣкто Козакъ и Юхно. Вдова была не прочь подѣлиться съ ними, но потребовала возвращенія части затраченныхъ ею денегъ на хлопоты у короля. Козакъ вернулъ 3-ю часть, и ему уступлена была 3-я часть земли, а Юхно не заплативши умеръ и оставилъ запись своей женѣ на 3-ю часть той же земли, которой еще не получилъ. Судья отказалъ вдовѣ этого послѣдняго въ ея претензіи ¹⁾.

Владѣніе вдовъ землею по смерти мужей и искъ на нихъ по обязательствамъ мужей и обратно составляютъ постоянное явленіе; напр., въ 1540 г., крестьянка Гродненскаго повѣта Бѣлчина сорока Хянна жалуется на роднаго брата своего мужа, крестьянина того же сорока, Богдана Желича, что „онъ на моей властной земли жито небожчика мужа моего пожалъ“ ²⁾. Что эта „ея собственная земля“ получена ею отъ мужа, доказывается тѣмъ, что оспариваемое ею жито, какъ оказалось на судѣ, завѣщено брату ея мужемъ.—Въ 1539 г., въ Гроднен. судѣ искала крестьянка Ганна на невѣствѣ своей крестьянкѣ Пашковой (вдовѣ Пашка) и на крестьянинѣ Янкѣ, заявляя, что покойному

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, №, 274.

²⁾ Ibid., № 504.

мужу ея заставили поле въ двухъ мѣстахъ за 70 гр. мужъ отвѣтчицы и упомянутый Янко, а затѣмъ отняли поле, не заплативши денегъ ¹⁾. Изъ обонихъ приведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что жена по смерти мужа остается полноправною хозяйкою его имущества, считаетъ землю его своею „властною землею“ и вообще продолжаетъ собою имущественную личность умершаго. Все это нужно разумѣть лишь въ томъ случаѣ, когда въ домѣ продолжается жизнь семьи, т. е. когда остаются дѣти, и въ томъ случаѣ, когда бытіе семьи можетъ быть продолжено искусственно (какъ увидимъ сейчасъ).

Если вдова остается безъ дѣтей, то недвижимое имущество переходитъ къ братьямъ умершаго; вдова же получаетъ лишь часть движимости; при этомъ выдѣлъ совершается съ утвержденія „копы“. Впрочемъ, бездѣтная вдова можетъ удержать за собою и право на домъ, если получить разрѣшеніе принять *пріймака*, который бы заступилъ личность ея мужа въ отправленіи повинностей; такое разрѣшеніе даетъ мѣстная власть (воевода, намѣстникъ, староста). Напримѣръ, въ 1539 г., вдова нѣкоего Балтромея (Варфоломея), крестьянина Новой недѣли Гродненскаго повѣта, жаловалась на своихъ деверьевъ (братьевъ мужа), что они не выдаютъ ей ея „статковъ“ и гонять изъ дома. На судѣ первое не подтвердилось; напротивъ, оказалось, что для выдѣла ей статковъ деверья два раза собирали копу и, по рѣшенію копы, назначили ей выдѣлъ изъ всего „статка“ умершаго мужа. Что же касается дома, то деверья не гонять вдовы, но не знаютъ, разрѣшить ли ей панъ (староста) принять пріймака. Судья назначилъ сторонамъ явиться къ пану; деверья на срокъ явились, невѣстка—нѣтъ. Результатъ дѣла остался неизвѣстнымъ ²⁾.

Благопріобрѣтенное и заставное владѣніе мужъ могъ завѣщать женѣ безусловно: въ 1540 г., въ Гродненскомъ судѣ производилась тяжба между кр. Мартиномъ Говеновичемъ и кр. Петрушею Демидовскаго сорока о землѣ, которую обѣ стороны объявили своею отчиною; но оказалось, что земля была въ заставѣ у мужа Петруши и отказана ей мужемъ ³⁾.

Впрочемъ, по одному дѣлу, производившемуся въ Гродненскомъ

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 41.

²⁾ Ibid., № 32.

³⁾ Ibid., № 268.

судѣ въ 1540 г., оказывается, что заставное владѣніе въ рукахъ вдовы не всегда оставляется, ради правильности отправленія повинностей: королевскіе крестьяне въ Гродненскомъ повѣтѣ жаловались на Кахну, вдову коваля въ томъ, что она владѣтъ ихъ отчиною. Кахна заявила, что эту землю закупилъ мужъ ея у отца истцовъ. Судья нашель, что того, чтобы служба господарская не сгинула, слѣдуетъ возвратить поле истцамъ, обязавъ ихъ уплатить завладную сумму по частямъ крестьянкѣ вдовѣ ¹⁾).

Итакъ, вдова-крестьянка, совершенно согласно съ постановленіями древняго русскаго права, или продолжаетъ бытіе семьи, въ качествѣ главы ея, или получаетъ выдѣлъ.

Выше сказано, что *дочери* при сыновьяхъ не наследуютъ. Но если дочь является единственною преемницею, то можетъ наследовать и въ недвижимомъ имуществѣ, по крайней мѣрѣ, въ порядкѣ завѣщательнаго преемства; такъ, въ Гродненскомъ повѣтѣ, въ 1541 году, въ судѣ занесена была жалоба на крестьянку Оксюху Васильеву въ неправильномъ будто бы владѣніи ею 3-ю частью „отчиной земли“. При разборѣ дѣла оказалось, что отецъ Оксюхи—родной братъ истцамъ,—завѣщаль своей дочери и своему зятю, мужу ея, третью часть отчиной земли. Судья утвердилъ права отъѣтчицы. Изъ этого примѣра видно, что дочь можетъ наследовать имущество, обремененное повинностями, лишь подъ условіемъ выхода въ замужество; зять является какъ бы замѣною сына ¹⁾. Другой примѣръ изъ той же мѣстности и эпохи указываетъ, что отецъ, отдавши при жизни своей дочь замужъ, можетъ сдѣлать зятя равноправнымъ дольщикомъ дворничнаго имущества: крестьянинъ жаловался, что дядьвовичи (потужники) выгоняютъ съ земли его зятя; судъ утвердилъ права этого послѣдняго ²⁾).

Лица женскаго пола, наследовавшія имущество, обязанное повинностями, могли потомъ, при невозможности исполнять службу, переуступить это имущество въ стороннія руки: такъ, въ томъ же повѣтѣ, въ 1540 г., пушкарка просила дозволенія „спустить и продать 4-ю часть

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 281.

²⁾ См. еще *ibid.*, № 223, гдѣ отецъ завѣщаетъ дочери и зятю $\frac{1}{3}$, а братьямъ $\frac{2}{3}$ своей отчины.

³⁾ *Ibid.*, № 760.

пашни своей пушварской пушварю Роману Никитичу, ибо сама уже стара и недужа (не въ силахъ) служить службы пушварской". Такую сдѣлку старались разрушить „деверичи“ ея (т. е. племянники отъ братьевъ мужа), ссылаясь на *близкость* свою, т. е. право родового наслѣдованія, и требовали, чтобы земля была передана имъ. Судья, однако, дозволилъ сдѣлку на томъ основаніи, что племянники „пушварской службы не умѣютъ“ (т. е. не имѣютъ надлежащихъ знаній). Но такъ какъ отчужденіе вдовою имущества мужа въ сторонній родъ противорѣчило обычному праву, то судья присоединилъ, что сдѣлка не должна разрушать права наслѣдства „деверичей“: впоследствии, когда кто-нибудь изъ нихъ хорошо научится пушварской службѣ, то можетъ возвратить свою часть наслѣдства отъ покупщика, уплативъ ему соотвѣтственную долю покупной платы ¹⁾.— Остается однако неразгаданнымъ, какимъ образомъ женщина могла отправлять пушварскую службу (безъ передачи права на землю другому лицу), когда мужчинѣ нужно было предварительно обучаться пушварскому искусству, чтобы унаслѣдовать пушварскую землю.

Изъ этого же случая (равно какъ и изъ многихъ другихъ) видно, что право наслѣдства въ крестьянскихъ имуществахъ, за немѣннѣемъ членовъ семьи, переходило въ *боковымъ родственникамъ*, именно братьямъ и ихъ нисходящимъ. Историческое возникновеніе наслѣдованія боковыхъ и его отношеніе къ наслѣдованію нисходящихъ составляетъ, какъ извѣстно, весьма неясный пунктъ въ исторіи древне-русскаго права. Поэтому факты исторіи западно-русскаго права приобрѣтаютъ для насъ двойную цѣнность.

Есть нѣсколько данныхъ, указывающихъ на право боковыхъ родственниковъ участвовать въ наслѣдствѣ, *вмѣстѣ съ нисходящими*. Во-первыхъ, если остается одинъ наслѣдникъ, и притомъ малолѣтній, который не въ состояніи исполнять повинностей, лежащихъ на землѣ, то часть отчины можетъ перейти въ брату умершаго, какъ это видно изъ вышеприведеннаго примѣра ²⁾.

Но возможно, что, и при совершеннолѣтіи наслѣдниковъ нисходящихъ, явится возможность применить къ оставленному имуществу

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 198.

²⁾ Ibid., № 157.

для боковыхъ. Такъ въ приведенномъ выше примѣрѣ жалобы сына на мать о завладѣніи ею будто-бы „отчиною“, сынъ-жалобщикъ въ числѣ мотивовъ своего иска приводилъ и то, что будто-бы для сыновей-наслѣдниковъ и безъ того трудно исполнять службу господарскую, ибо „земля малая, и къ тому же дядковичъ нашъ (т. е. двоюродный братъ) на ту же землю къ намъ пришелъ и хочетъ имѣть съ нами долю въ той же землѣ“¹⁾. Правда, въ актѣ не объяснено, какія права имѣлъ этотъ дядковичъ, но до нѣкоторой степени вѣроятно, что права его были основаны на родовомъ наслѣдованіи; думать надобно, что отецъ его, братъ наслѣдодателя, былъ совладѣльцемъ этого послѣдняго; затѣмъ по смерти или до смерти своего отца сынъ ушелъ изъ дому искать удачи въ другихъ мѣстахъ, но не найдши ея, вернулся къ своей наслѣдственной отчинѣ.

Вообще, характеръ дворичнаго совладѣнія дѣлалъ неясными предѣлы правъ наслѣдниковъ нисходящихъ и боковыхъ; наслѣдуютъ всѣ совладѣльцы, весь родъ, составляющій двориче (пока оно не подѣлилось).

Но при семейномъ владѣніи лишь отсутствіе нисходящихъ давало право наслѣдованія боковымъ: въ 1541 г., въ Гродненскомъ судѣ спорили два брата—Маковичи о раздѣлѣ наслѣдства послѣ третьяго брата (который умеръ 40 лѣтъ тому назадъ). Истецъ говорилъ: „по смерти небожчика третяго брата нашего Супруна спалъ спадокъ (открылось наслѣдство) на насъ, явъ земля, такъ домовое будованье и статки, бо дей дети его скоро по смерти его померли“. Землю оставшіеся братья тогда же подѣлили между собою, а домовыя постройки и движимое имущество взялъ себѣ одинъ братъ (отвѣтчикъ) и дѣлиться ими съ другимъ не хочетъ. Отвѣтчикъ сослался не на 40-лѣтнюю давность, а на то обстоятельство, что онъ жилъ вмѣстѣ съ умершимъ братомъ въ совладѣніи („съ одного“) и затѣмъ похоронилъ его и его дитя. Судья же, рѣшивъ дѣло въ пользу отвѣтчика, основалъ свое рѣшеніе исключительно на давности²⁾, а не на единствѣ хозяйства двухъ братьевъ. Очевидно, древнѣйшія основы права наслѣдства, коренившіяся въ идеѣ единства дома (хозяйства), сохранялись въ со-

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, 98.

²⁾ Ibid., № 888.

знаніи населенія; судья, какъ представитель интеллигенціи, руководствуется уже новыми, искусственными постановленіями законодательства.

Всѣ акты перехода правъ по наслѣдству (завѣщательные и безъ завѣщанія) требовали разрѣшенія и утвержденія власти (подобно тому, какъ и въ землянскихъ-боярскихъ имуществѣхъ до пол. XVI в.). Характеръ акта утвержденія виденъ изъ слѣд. примѣра: въ 1540 г., королевскій крестьянинъ-санинъ Гродненскаго повѣта Мелешко Борисовичъ явился къ начальству съ сотникомъ санинцемъ, билъ челомъ, чтобы ему дали на службу его отчинную санинскую землю, которую до того времени держалъ отецъ его. Подстароста опросилъ сотника, дѣйствительно ли проситель—отчичъ той земли; сотникъ подтвердилъ это и сверхъ того прибавилъ, что упомянутую землю желаетъ держать вмѣстѣ съ просителемъ зять его, а равно и службу они будутъ отправлять вдвоемъ. Подстароста, за поручительствомъ сотника, удовлетворилъ просителя, т. е. далъ ему и зятю его „землю отчинную“¹⁾.

Около того же времени въ тотъ же урядъ явился крестьянинъ Раковскій и объявилъ, что при жизни отца ходилъ „по наймѣхъ“; затѣмъ, вернувшись, засталъ отца на смертномъ одрѣ и, похоронивъ его, просилъ позволенія осѣсть на землѣ Нестеровщинѣ, какъ отчинѣ. Подстароста дозволилъ ему осѣсть на батьковщинѣ, чтобы подати на землѣ „не омѣшгивали“²⁾.

Выше былъ указанъ случай, когда родовая земля могла достаться наслѣднику лишь подъ условіемъ, если онъ научится той спеціальной службѣ, которая соединена съ владѣніемъ этого участка и притомъ со внесеніемъ выкупа тому, кому она была отдана прежде, какъ умѣющему. Но возможны были случаи, когда право на наслѣдство вовсе терялось, если наслѣдникъ долговременно не исполнялъ службы: такъ, въ 1540 г., въ Гродненскомъ повѣтѣ нѣкто Романъ Кунатовичъ жаловался на королевскаго пушгара Хому Кочержина въ томъ, что онъ владѣетъ—неизвѣстно, по какому праву—отчинною землею просителя; самъ же истецъ, оставшійся малолѣтнимъ послѣ отца, ходилъ по людямъ, нанимаясь на службу. На судѣ оказалось, что отвѣтчикъ

¹⁾ Ак. Вла. Ком., XVII, № 195.

²⁾ Ibid, № 831.

держитъ землю около 15 лѣтъ по пожалованію отъ старостинскаго уряда и исполняетъ пушкарскія повинности съ этой земли, т. е. прежде давалъ по 12 фунтовъ пороху, а теперь платитъ по копѣ грошей. Судья рѣшилъ, что такъ какъ во время отлучки наслѣдника, когда онъ по людямъ ходилъ, земля оставалась бы пустою, безъ всякой пользы для королевской казны, то истцу „сказано молчанье“, т. е. полная потеря права. Такую потерю права можно бы объяснить вліяніемъ давности, ибо въ предыдущемъ случаѣ право наслѣдства не было потеряно даже и тогда, когда земля была передана другому по частвой, и притомъ возмездной сдѣлкѣ. Но въ анализируемомъ случаѣ весьма важенъ тотъ общій мотивъ рѣшенія, который прибавилъ судья, а именно: „бо мужикъ покуль добръ, потуль есть отчичъ“¹⁾, т. е. право наслѣдства рѣшительно уступаетъ повинностному, зависимому свойству крестьянской собственности: мужикъ наслѣдуетъ лишь въ томъ случаѣ, если годенъ для службы. Что это прежде вовсе не было общимъ принципомъ, мы видѣли уже изъ примѣровъ наслѣдованія лицъ женскаго пола, которыя исправляли службу чрезъ замѣстителей. Въ вышесказанномъ принципѣ сказывается начало будущаго порядка, т. е. полного отрицанія правъ собственности на землю за крестьянами.

Но пока этотъ порядокъ не наступилъ, право наслѣдства торжествуетъ надъ правомъ государства раздавать ее плательщикамъ повинностей; въ 1540 г. крестьянинъ Снарскаго сорока Гродненскаго повѣта искалъ земли на крестьянинѣ того же сорока Булангѣ Русановичѣ; оказалось, что истецъ два года назадъ ушелъ самъ прочь со своей отчинной земли и бродилъ, нанимаясь въ службу. Мѣстный староста, видя, что въ оставленной землѣ нѣтъ службы и податей въ пользу казны, *отдалъ ее временно, до возвращенія собственника*, отвѣтчику Русановичу. Судья призналъ права истца, только потребовалъ у него поруки въ томъ, что впредь онъ будетъ служить службу и исправлять государственныя повинности²⁾.

Въ 1541 г., Гродненскій судья рѣшалъ исскъ крестьянъ Жорославскихъ Василевичей на крестьянъ Гринца Симаневича и на потужника его Малейца Юдевича. Изъ разбора дѣла оказалось, что истцы пре-

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, №, 292.

²⁾ Ibid., № 327.

тендовали отобрать землю у отвѣтчиковъ на томъ основаніи, что это ихъ дядковщина, т. е. наслѣдство, оставленное ихъ дядею. Отвѣтчики не отрицали „близкости“ (т. е. наслѣдственныхъ правъ) истцовъ, но указывали, что истцы и безъ того имѣютъ свою „отчину“, а имущество ихъ дяди, какъ совершенно отдѣльное (лежащее на другомъ берегу Нѣмана), было отдано отвѣтчикамъ прежнимъ державцею Жоро-славскимъ, п. Аврамомъ; они служатъ съ нея особую службу и даютъ даяла. Судья, желая провѣрить права наслѣдованія и повинностный характеръ земли, спрашивалъ истцовъ, могутъ ли они, получивъ свою дядковщину, служить съ нея и давать даяла, какъ теперь служатъ и платятъ съ этой земли отвѣтчики? Истцы отвѣчали, что они не обязаны ни служить, ни платить даяла, потому что и отчина и дядковщина ихъ составляютъ одну рыболовскую землю (рыболовы ограничивались доставленіемъ рыбы на замокъ). Но судья нашелъ, что для государства важнѣе служба и подати, чѣмъ доставленіе рыбы, а потому оставилъ навсегда спорную землю во владѣніи отвѣтчиковъ¹⁾.—Очевидно, что наслѣдованіе послѣ боковыхъ родственниковъ допускается лишь тогда, когда наслѣдникъ не имѣетъ своей отчины; въ противномъ случаѣ, мѣстные правители могли разсматривать такое наслѣдство (при отсутствіи нисходящихъ), какъ выморочное, и могли раздавать его стороннимъ лицамъ подъ условіемъ службы. Впрочемъ, если законные наслѣдники согласились бы платить и служить съ боковаго наслѣдства, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго имущества, то они предпочитаются стороннимъ, которые хотя и получили землю по распоряженію власти, должны были бы уступить ее наслѣдникамъ.

Еще болѣе интересенъ слѣдующій случай торжества наслѣдственныхъ правъ крестьянъ: въ Гродненскомъ повѣтѣ крестьяне (колесники) Тютейковичи (цѣлое дворіще: Мийлашь и Янецъ, Мартиновичи, Стась Говеновичъ, Гостило Янковичъ, Стецко Курундевичъ, Гришко и Аврамъ Бартошевичи) владѣли землею; но вслѣдствіе крайней тяжести замковыхъ повинностей („за великимъ драпежествомъ отъ замку“), не могли уже тянуть службу и обнищали; а потому почти всѣ пошли съ той земли прочь и ходили по людямъ, чтобы поправиться заработками; однако *одного изъ своей среды оставили на своей отчинѣ „для наслѣдку“*, т. е. для сохраненія правъ на землю. Въ этотъ промежутокъ времени, по неосмотрительности остав-

леннаго ими члена дворища и еще потому, что некому было запахивать ихъ землю, ею овладѣлъ бывший Гродненскій писарь Яганусъ. Когда крестьяне, поправивъ свое состояніе, вернулись къ своей отчинѣ, то писарь отказался возвратить имъ эту землю. Крестьяне обратились къ судѣ; отвѣтчикъ — писарь представилъ жалованную грамоту, данную ему королемъ Сигизмундомъ I-мъ, утверждая, что ему пожалована именно та земля, о которой идетъ споръ. Но въ жалованной грамотѣ она названа Игнатовщиною, между тѣмъ какъ спорная земля называлась, по имени дворища, Тютковщиною. Свидѣтели обѣихъ сторонъ утверждали, что не знаютъ вовсе земли Игнатовщины. Быть можетъ въ королевскую грамоту вралась ошибка въ названіи; во всякомъ случаѣ, какая-нибудь земля была же пожалована писарю, между тѣмъ Игнатовщины не отыскивалось. Судья допустилъ рѣшеніе жребіями вопроса, кому присягнуть; жребій выпалъ крестьянамъ, которые и присягнули въ томъ, что это ихъ земля отчизная. Судья присудилъ имъ на вѣчность держать эту землю, какъ отчизну ихъ ¹⁾.

Какъ сказано выше, въ старину наследственное (потомственное) владѣніе служило преимущественнымъ показателемъ права собственности, а потому понятно, что земля, состоящая во владѣніи крестьянъ и передаваемая ими по наследству, называется ими *своею собственною*; такое же наименованіе дается ей и въ официальныхъ актахъ; такъ, при измѣреніи на волоки, совершенномъ въ нач. XVI в., когда крестьянамъ раздаваема была земля на новыхъ основаніяхъ, писцы (въ Пинскомъ княжествѣ) обозначали, что такой-то получилъ свою собственную землю: „Рымко Ивановичъ обвелъ свою землю, которую занималъ до новаго измѣренія“ ²⁾.

Но это отнюдь не единственный способъ пріобрѣтенія земли крестьянами. Въ источникахъ весьма часто указывается и на другое (кромѣ наследства) основаніе такого права „собственности“, а именно: *разработку*; напр.: „Яцко Чернакъ показалъ и обвелъ по старымъ межамъ (землю), которую онъ самъ вновь разработалъ“ ³⁾. „Будило Петраневичъ показалъ и обвелъ свою землю, которую владѣлъ (trzymał) по

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 757.

²⁾ Ibid., № 978.

³⁾ Писцов. кн. Пинск. княж., изд. 1888 г., стр. 63.

старой разработкѣ; онъ раздѣлился со своими братьями, и получилъ (по раздѣлу) третью часть всѣхъ разработанныхъ земель (przegobek), какъ новыхъ, такъ и старыхъ¹⁾. „Тучи (въ друг. мѣстѣ Ючи) Якубовичъ сидитъ въ сторонѣ отъ села на землѣ отъѣздной (odjezdney), а другія земли, которыя вновь разработалъ, показалъ и обвелъ по старымъ границамъ“. „Гринъ и Шимко Кролевичи обвели и указали свою землю ихъ разработки“²⁾. „Юрій Янковичъ и Гринъ Якубовичъ обвели и указали свою землю по старымъ межамъ на разныхъ мѣстахъ, по разработкѣ ихъ“³⁾. „Богданъ Пучейковичъ и Радко Некрашевичъ съ пасынкомъ своимъ Димитріемъ Алексѣевичемъ обвели и указали свою землю по разнымъ мѣстамъ и по островамъ, вновь разработаннымъ“. „Южно Богдановичъ показалъ свою новоразработанную землю“; „Павель Рымковичъ показалъ и обвелъ свою землю, которую вновь разработалъ на Мокрой Дубровѣ“⁴⁾.—Крестьяне с. Ворочевичъ Пинскаго княжества начали было разработывать въ корол. пуцѣ островъ Воень; но нѣкто Яковъ Хричиновичъ, „пришедши“ туда (вѣроятно получивши въ сосѣдствѣ пожалованіе), выгналъ ихъ изъ того „переробку“; началась тяжба, которая не окончилась и при старостѣ Ив. Кардѣвѣ, который выѣхалъ было на мѣсто для рѣшенія спора, но запросилъ у крестьянъ „повлону“ (т. е. взятки) 10 копѣ грошей, а они ему не хотѣли ничего дать. На томъ дѣло и остановилось⁵⁾; изъ него, однако, видно, что разработка земли давала право защиты владѣнія искковымъ порядкомъ.

Самый интересный актъ о правѣ, даваемомъ разработкою, представляетъ грамота кн. Феодора Ивановича Ярославича 1498 г.⁶⁾. Этотъ князь и жена его пожаловали своей служебницѣ Святохнѣ Щепиной два пустыхъ дворища въ с. Кошевичахъ, именно: Ластовское и Карноуховское. Но люди Кошевицкіе (крестьяне)—Горностаевцы и Ганковцы—не позволили ей воспользоваться землею, именно, по словамъ жалобщицы, „землю всю забрали и розробили, а мѣ хлѣба не на

¹⁾ Писцов. кн. Пинск. княж., 64.

²⁾ Ibid., 65.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid., 67.

⁵⁾ Ibid., 126.

⁶⁾ См. Ревизію пуцѣ, изданн. Вил. Ком., стр. 277.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII отд. II.

чѣмъ пахати“. Святохна просила князя подѣлить эту землю на ровныя дворища и разровнять. Князь самъ выѣзжалъ на мѣсто и хотѣлъ старыя поля дѣлить на ровныя дворища; но „мужи Кошевицкіе повѣдали: мы, милостивый государю, не на Святохну тые земли розробливали, але на себе; а такъ дай, ваша милость, дубровы на противку тыхъ полей нашихъ старыхъ, нехай вона такъ же себе розробливаеть“. Князь увидѣлъ, что это будетъ, дѣйствительно съ кривдою для „мужей“ (крестьянъ) его, еслибы имъ пришлось дѣлить старыя разробленныя поля, и спросилъ „муживовъ своихъ“, гдѣ бы они могли уступить (поступити) поля Святохнѣ, въ замѣнъ вышеуказанныхъ? Крестьяне указали на два острова, которые князь присудилъ Святохнѣ: „маеть она тые острова розробливати и ихъ вживати на вѣчныя часы“¹⁾.

Такимъ образомъ, здѣсь право, основанное на разработкѣ земли, столкнулось съ правомъ самого князя на пожалованіе, и послѣднее уступило первому. Этому отнюдь не противорѣчитъ то, что право разработки зависитъ отъ позволенія князя; за недозволенную разработку „винами карають“²⁾. Казалось бы, что князю всегда выгодно, если его земля, дикая, пустая и необработанная, получаетъ новую, высшую цѣнность чрезъ разработку. Очевидно, что самъ князь смотритъ на разработку, какъ на освоеніе; разработанную землю онъ самъ уже не признаеть своею. Здѣсь, какъ и въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, оккупация земли требовала добавочнаго титула—согласія власти. Но разъ оккупация въ формѣ разработки уже состоялась, была допущена государствомъ, она становилась самостоятельнымъ и законнымъ источникомъ права собственности.

Не удивительно, что даже при новой раздачѣ земли во время введенія волочной системы, земли разработанныя не шли въ общій передѣлъ, а были отдаваемы крестьянину, разработавшему ихъ, какъ показываютъ приведенныя выше факты. Во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ (число которыхъ можно весьма увеличить) земля оставлена за прежними владѣльцами.

Разработанную землю крестьяне защищаютъ отъ стороннихъ захватовъ, какъ свою: такъ при с. Ціолковичнѣ (Пин. стар.) Коро-

¹⁾ Фактъ приведенъ нами въ статьѣ, напечатан. въ „Кіев. Сборникъ“ для другой цѣли.

²⁾ Ревиз. пущъ, стр. 280—281.

левскіе подданные дворища Осмоловичъ заявили, что земля, ими распаханная и измѣренная, отнята силою крестьянами Жидичинскаго монастыря ¹⁾.

Крестьянскіе участки были приобрѣтаемы путемъ *купли* и *залога*, отъ стороннихъ лицъ какъ тяглаго состоянія, такъ и служилыхъ (бояръ и землянъ).

Между крестьянами одного вѣдомства (государственными или панскими) передача земли по куплѣ-продажѣ всегда допускалась; напр.: „подданные господарскіе повѣту Кнышинскаго, села Добрыневскаго, на имя: Наумъ и Хома Ленцевичи и Степанъ Широносавичъ заявили (при ревизіи 1569), что купили землю бортную въ Городенской пущѣ у Ивана Юрьевича, осочнива изъ Добрышева, на что представили и листъ Войцѣха Требскаго, правителя староства Городенскаго, писанный въ слугѣ его Петру, который тогда завѣдывалъ пущею, чтобы онъ не воспрещалъ имъ входовъ въ господарскую пущу ¹⁾).

Крестьяне нетяглые (осочники и пр.) и тяглые имѣли неограниченное право приобрѣтенія земли по купчимъ отъ бояръ и другихъ служилыхъ лицъ; такъ въ 1553 г. осочники Крижскіе, Охремъ Олешковичъ и Мартынъ Стенцевичъ Книшевичи, купили за 2 копы и 22 гроша землю бортную со пчелами, съ уходами и сѣновосами обель вѣчно у Степана Омеляновича и Папая Андреевича Лесковичей. Королева Бона утвердила эту куплю въ 1555 г. ²⁾. Въ 1498 г. подданный королевскій Данило Ходоровичъ Дробишевичъ изъ Гугова (Пинск. пов.) купилъ у бояр. Олехна Курейши двѣ поросли нивы—вѣчно и непорушно. Покупщикъ припустилъ брата своего Василія къ тѣмъ порослямъ на третью часть ³⁾. У того же Курейши другіе крестьяне того-же с. Гугова закупили нѣкогда землю большимъ обществомъ ⁴⁾.

Королевскій крестьянинъ Жданъ Кигирь купилъ у Пинскаго боярина Федора Калаура землю Литвяновскую въ с. Печатовѣ: „на эту землю упомянутый крестьянинъ имѣлъ листъ (грамоту, утверждающую покупку) королевы Боны. Права его вазались столь твер-

¹⁾ Писц. кн. Пинск. стар. Л. Войны, ч. II, стр. 419.

²⁾ Ревизія пущъ, стр. 188.

³⁾ Ibid., стр. 174.

⁴⁾ Ibid., стр. 258.

⁵⁾ Писц. кн. Пинск. княж. Хвальчевъ, стр. 121.

дими даже реформаторамъ 50-хъ годовъ XVI в., что вопросъ о правѣ Кигири на Литвиновскую землю отложенъ на благоусмотрѣніе короля ¹⁾).

Въ 1540 г. Гродненскимъ судомъ разрѣшалась тяжба между королевскимъ крестьяниномъ Бѣлчина сорова Михаиломъ Тимошевичемъ и бояриномъ королевскимъ Игнатомъ Минютовичемъ о ниже слѣдующемъ: первый жаловался на второго въ томъ, что онъ „вытискаеть“ его изъ селидбы—„изъ дубровы и мокради“, которую еще отецъ истца купилъ у отца отвѣтчика; въ доказательство онъ представилъ и купчій листъ. Отвѣтчикъ бояринъ призналъ, что онъ имѣлъ намѣреніе отнять у истца спорное имущество, потому что не зналъ о его правахъ; теперь же, посмотрѣвши на купчую, уже не претендуетъ болѣе, „ибо я (прибавилъ бояринъ) тамъ же вмѣстѣ съ ними имѣю свою отчину—дуброву и мокрадь“ (т. е. въ совладѣніи съ крестьяниномъ) ²⁾).

Въ томъ же году, противъ того же боярина (Игната Минютовича) вель искъ другой кр—нъ королевскій Михаилъ Борисовичъ объ отнятїи якобы у него половины дубровы и мокради, „которую онъ самъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Минютою продали мнѣ (кр—ну) на вѣчность“. Бояринъ заявилъ, что онъ не совершалъ такой продажи и отъ отца своего не слышалъ о ней. Истцу было отказано только по недостатку документовъ; хотя кр—нъ представилъ „листъ продажный“, но листъ оказался безъ печати, не былъ признанъ отвѣтчикомъ и не подтвержденъ свидѣтелями. Въ виду такихъ обстоятельствъ продажа осталась недоказанною ³⁾. При этомъ оказалось, что у истца—кр—на, дѣйствительно была и есть своя дуброва и мокрадь, но только та, которую онъ „вытерebилъ“ (разработалъ) и на томъ мѣстѣ поселился, а мокрадь, принадлежавшую къ той же дубровкѣ, пригородилъ въ дому своему.

Въ 1539 г. въ Гродненскомъ судѣ одинъ братъ кр—нъ искалъ на другомъ братѣ „пашни муральской, которую купилъ вмѣстѣ съ отцомъ“. Обыкновенно покупка совершалась отъ имени *цѣлой семьи*; но въ данномъ случаѣ оказалось, что истецъ былъ „въ отдѣлѣ отъ

¹⁾ Писц. кн. Пинск. стар. Л. Войн., ч. II, стр. 398; самую купчую см. въ Ревиз. пущъ, стр. 314—315.

²⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 231.

³⁾ Ibid., № 618.

отца, на своемъ хлѣбѣ“, а потому участвовать въ покупкѣ не могъ; младшій же братъ жилъ при отцѣ и по завѣщанію отца получилъ „купленину“ ¹⁾).

Въ 1541 г. въ томъ же судѣ разбирались между собою бояринъ Фед. Можейковичъ съ вр-номъ Мат. Нацевичемъ о нивѣ, которая оказалась *вымышленною* отцомъ вр-на у отца боярина и съ тѣхъ поръ находилась во владѣніи перваго нѣсколько десятковъ лѣтъ ²⁾).

Значительная часть имуществъ пріобрѣталась крестьянами путемъ *заставы*; такъ въ 1539 г. на Гроднен. судѣ, при разборѣ одного дѣла выяснилось, что одверный господарскій Ив. Миленскій держитъ въ заставѣ землю, которую матери его „запродали“ отцы бояръ господарскихъ Радивоновичей и Обуховичей (бояре выступили на судѣ въ числѣ 5 лицъ и еще именовъ братьи и дядьковичей своихъ; очевидно, что и боярскіе роды держались крупныхъ формъ родового или дворичнаго совладѣнія) ³⁾).

Въ 1540 году тотъ же судѣ рѣшилъ дѣло о землѣ, заставленной боярынею и сыномъ ея Войткомъ Гейсимонтовичемъ крестьянину королевскому Масютѣ Мелеховичу ⁴⁾); тогда же бояринъ Николай Ходоровичъ заставилъ королевскому селянину Жужу Петровичу два поля въ двухъ копахъ грошей ⁵⁾).

Ограничиваемся этими примѣрами, число которыхъ можно бы увеличивать сколько угодно.—Несомнѣнный выводъ, подсказываемый ими, тотъ, что въ 1-й пол. XVI в. крестьяне безусловно могли пріобрѣтать земельныя имущества путемъ заставы и при томъ не только отъ лицъ того же состоянія, но и отъ бояръ.—Здѣсь слѣдуетъ только оговориться на счетъ „заставы“, какъ источника вещныхъ правъ на недвижимыя имущества. Застава относится къ тѣмъ формамъ залога, которыя въ римскомъ правѣ извѣстны подъ терминомъ *actum fiduciae*. Заставное имущество поступало не только во владѣніе и пользованіе вѣрителя, но послѣднему принадлежало и право распоряженія по актамъ завѣщательнымъ, дальнѣйшему залогоу и даже от-

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 18.

²⁾ Ibid., № 858.

³⁾ Ibid., № 85.

⁴⁾ Ibid., № 269.

⁵⁾ Ibid., № 294.

чужденію по сдѣлкамъ купли-продажи. Обыкновенно такое имущество передавалось въ наслѣдство наравнѣ съ прочими имуществами наслѣдодателя (могло составлять и отдѣльную долю наслѣдства для одного наслѣдника, тогда какъ другіе получали свои доли изъ прочихъ имуществъ). Для залогодателя и его потомковъ сохранялась однако всегдашняя надежда выкупить заставленное имущество.

При изложенныхъ личныхъ способахъ пріобрѣтенія правъ на землю, отнюдь нельзя видѣть главный способъ пріобрѣтенія крестьянами земель въ *надѣленіи ихъ участками со стороны государства*. Акты пожалованія крестьянамъ немногочисленны, но тѣмъ болѣе важны для насъ, какъ таіе, посредствомъ которыхъ въ старину сообщалась землевладѣнію печать высшей прочности правъ. Приведемъ примѣръ пожалованія, исходящаго непосредственно отъ князя.

Въ 1520 г. вн. Ѳедора Ив. Ярославича Пинскаго просили подданные с. Поршевичъ: Матвѣй Хилимоновичъ, Игнатъ Бобровичъ и Ст. Себастьяновичъ пожаловать имъ къ ихъ отчизнымъ землямъ островъ Загоровичи. Князь пожаловалъ островъ вѣчно и непорочно имъ, ихъ женамъ и дѣтямъ, съ условіемъ лишь ежегодной платы въ 2 копы грошей и съ воспрещеніемъ прочимъ крестьянамъ того села пользоваться этимъ островомъ ¹⁾.

Но пожалованіе крестьянамъ чаще исходило не непосредственно отъ высшей власти государства (великихъ князей, или удѣльныхъ—владѣтельныхъ), а отъ мѣстныхъ правителей и даже очень мелкихъ державцевъ; напр., въ 1541 г., въ Гродн. судѣ искали королев. вр-не Сенью Кореневичъ съ потужникомъ своимъ Игнатомъ Ленковичемъ на вр-нѣ королев. Жорославской волости Андреѣ Сивовичѣ о землѣ, доказывая свои права на землю тѣмъ, что ее далъ имъ п. Зелепуга, бывшій державца Жорославскій на чиншу ²⁾. Гродн. вр-не Козевичъ съ потужниками, споря противъ боярина Андрея Сварскаго, ссылаются на „листъ вн. Александра Юрьевича“ ³⁾.

¹⁾ Ревизія пущъ, стр. 812.

²⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 717.

³⁾ Ibid., 830.

Кр-нъ Богданъ Заполяннъ, споря съ евреемъ о землѣ, ссылается на листъ п. Виленскаго (старосты Гродн.) и п. Требскаго (подстаросты) ¹⁾.

Выше мы видѣли, что пожалованіе присоединялось къ прочимъ источникамъ права собственности въ смыслѣ дозволенія и утвержденія; но мы упоминали также, что главнѣйшее значеніе принадлежать этимъ другимъ источникамъ.

Таковы способы пріобрѣтенія правъ на землю крестьянами, несомнѣнно засвидѣтельствованные актами того времени.

Права распоряженія.

Обращаясь теперь къ правамъ распоряженія крестьянъ землею, находимъ, что они не менѣе обширны и разнообразны и въ суммѣ своей составляютъ, то, что соотвѣтствовало тогдашнему понятію о правѣ собственности. Остановимся преимущественно на правѣ *продажи земель*.

Отдѣльные лица крестьянскаго сословія могли продавать свои земли, какъ входившія въ составъ ихъ дворичнаго владѣнія, такъ въ особенности ими лично пріобрѣтенныя,—продавать какъ лицамъ другихъ состояній (боярамъ, мѣщанамъ), такъ и членамъ того же крестьянскаго сословія. Слѣдующіе примѣры указываютъ на право крестьянъ продавать земли *боярамъ*: при в. кн. Александрѣ дворянинъ королевскій Макаръ прикупилъ къ пожалованному ему имѣнію Рогожинцу въ Гродн. пов. двѣ бортныя земли у „людей господарскихъ городнянъ: Ив. Демьяновича и Юрія Ганусовича“; великій князь утвердилъ покупку ²⁾.—Въ 1512 г. Сигизмундъ I утверждаетъ за нѣкимъ Бартошевичемъ земли, которыя онъ купилъ у „людей господарскихъ“ Гродненскаго пов.: у Кирилла Ивановича и у его сыновей—Павла, Федца, Левца и Семена, ихъ отчинное поле, сѣножати и гаи,—на вѣчность; а у Богдана Максимовича и у его братьевъ Василя и Михалка также отчинное поле ихъ на вѣчность, а также мѣнялся съ людьми Гродненскими: Стецкомъ, Панкратомъ, Гавриломъ и съ Ортюхомъ Селивановичами, полемъ—вуплею своею—на ихъ поле от-

¹⁾ Ак. Вилен. Ком., XVII, № 889.

²⁾ Рев. пуцъ, стр. 175.

чизное ¹⁾. Въ 1552 г. кор. Сигизмунъ-Августъ утверждаетъ за боярами Угличами земли, прикупленныя ихъ отцомъ къ выслуженному имѣнію у нѣкоторыхъ подданныхъ господарскихъ Городен. волости, — земли, которыя принадлежали этимъ крестьянамъ на отчинномъ правѣ ²⁾).

При с. Порѣчьѣ (Пинск. стар.) была закуплена земля Войной Гричиновичемъ къ его Порѣцкому двору у королевскихъ крестьянъ дворища Хведичъ и Хлесновичъ въ двухъ мѣстахъ ³⁾).

Продажа земли крестьянами между прочимъ лицамъ *мѣщанскаго сословія* утверждалась королевскими грамотами, т. е. право это достигало высшей тогдашней санкціи. Въ 1538 г., Городенскій соборный дьяконъ Дорофей Офанасовичъ, защищаясь противъ иска, заявилъ, что онъ держитъ отчину свою, на которой оставилъ его отецъ, купивъ ее у отцовъ и предковъ тѣхъ людей, которые противъ него ищутъ; въ подтвержденіе онъ представилъ королевскую грамоту на пергаментѣ съ печатью, въ которой значилось, что мѣщанинъ Офанасъ (отецъ дьякона) скупилъ у мѣщанъ и людей господарскихъ (крестьянъ) и у женъ, и дѣтей ихъ дворища, поля, сѣнокосы и огороды обель вѣчно, а именно: у Мишка Пересмыковича—селище его отчизное и нивку; у Сенюты Олисѣвича и у Сенюты Мишковича—отчину ихъ, наслѣдственную часть (дѣльницу) и усадьбы; у Чолуговичей, у Трофима Тормосича, у Сенюты Мишковича, у Ханца Проневича—огороды ихъ отчинныя съ полями; у Ивана Олисѣвича, Некраша Галенчича, у дядьовичей его и у Солохи Чичанки—поля отчинныя; у Ханца Проневича—гаи и дубровы; у Федора Ильковича—огородецъ отчинный“. Затѣмъ на судъ были представлены и вучія на эти земли. Судья призналъ права отвѣтника ⁴⁾).

Въ писцовой книгѣ Пинскаго староства, при описаніи дворища Стытычева, указывается, что подъ селомъ Красовымъ находится нива Кухтицкаго дворища, бывшая прежде во владѣніи Пинскаго мѣщанина Ждана Граната *за купно* (напеч. „за купно“, быть можетъ: „закупна“) отъ нѣкоторыхъ королевскихъ крестьянъ ⁵⁾).

¹⁾ Рев. пуцъ, стр. 185.

²⁾ Ibid. стр. 192.

³⁾ Писц. кн. Пинск. стар. Лавр. Войны, I, стр. 580.

⁴⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 211.

⁵⁾ Писц. кн. Пинск. стар. Лавр. Войны, I, стр. 186.

Право купли-продажи *между крестьянами* (одного вѣдомства) до такой степени твердо, что не нуждается въ подтвержденіи многими примѣрами; приведемъ лишь два изъ нихъ; въ 40-хъ годахъ XVI в. въ Гроднен. пов. крестьяне Засидранской слободы купили сѣнокосъ у крестьянина Дороша Жоровлевича и братанича его Павла ¹⁾. Тогда же и тамъ же рѣшалось дѣло между королевскими крестьянами о землѣ, которую, по заявленію истца, „отецъ его Качанъ, зъ иншею братією своею, продалъ отцу моему на вѣчность и подписался отецъ его (отвѣтчика) отцу моему, ижъ не мель онъ самъ, ни которыхи потомки поискивати“ ²⁾.

Какъ извѣстно, въ древности договоръ купли-продажи не всегда былъ передачею права собственности; иногда это право не принадлежало самому продавцу, который въ такомъ случаѣ передавалъ по куплѣ-продажѣ другія вещныя права, принадлежавшія ему (именно право вѣчнаго владѣнія); тавія сдѣлки получили въ сѣверно-русскомъ правѣ особое наименованіе „поступныхъ“. Съ другой стороны, продавецъ, которому право собственности на продаваемую вещь дѣйствительно принадлежало, сдѣлкою купли-продажи лишался этого права не безусловно; за нимъ и его потомками удерживалась возможность выкупа у покупателя и его потомковъ. Здѣсь не мѣсто входить въ общій разборъ этихъ явленій, напр., рѣшать вопросы: чѣмъ въ такомъ случаѣ отличается сдѣлка купли-продажи отъ залоговой (заставы; уже мы выше говорили о заставной сдѣлкѣ отдѣльно)? Всегда ли купля-продажа означала условный переносъ права собственности? Для насъ пока достаточно напомнить о существованіи такихъ особенностей въ древней куплѣ-продажѣ вообще, чтобы при помощи ихъ объяснить возможность начинающихся ограниченій въ правѣ западно-русскихъ крестьянъ отчуждать свою землю на вѣчность. Изъ предыдущихъ и нижеслѣдующихъ примѣровъ оказывается, что 1) акты продажи крестьянами земли отнюдь не могутъ быть признаны всѣ только „поступными“; большая часть ихъ суть дѣйствительные акты отчужденія права собственности; 2) если, благодаря повинностному характеру крестьянскихъ земельныхъ участковъ, судьи и правители въ 40-хъ годахъ XVI в. нерѣдко уничтожали

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, №, 584.

²⁾ Ibid., №, 590.

продажныя сдѣлки крестьянъ, то не потому, что права собственности не принадлежали крестьянамъ, а потому, что сдѣлка купли-продажи вообще не была безусловною ни для какихъ лицъ отчуждающихъ. Въ 1541 г., въ Гродненскомъ судѣ жаловался одверный господарскій Ив. Миленкій на крестьянина королев. Одельской волости — Матѣя Пашевича съ братіею—за отнятіе у него земли, которую самъ же Матѣй продалъ ему съ сѣножатю и гаемъ за три копы грошей; при этомъ истецъ представилъ и листъ свой купчій, а ихъ продажныи, „съ печатами людей добрыхъ“ — бояръ; въ листѣ было написано, что если бы продавцы стали „торгомъ своимъ вартовати“ или „торгъ взрывать“ (нарушать), то обязаны уплатить вины на замокъ три рубля грошей. Вызванные свидѣтели-печатники подтвердили содержаніе сдѣлки. Но судья приговорилъ, что Миленкій имѣеть право *держатъ землю, пока ему пенези* (3 копы) не *отдадутъ*, и назначилъ срокъ уплаты ¹⁾. Почему же сдѣлка купли-продажи превращена судомъ въ заставную? Разумѣется, въ этомъ можно усматривать начинающееся направленіе судебной практики не допускать для тяглыхъ людей распоряженія ихъ имуществами по сдѣлкамъ полного отчужденія; но судья для достиженія этой цѣли, очевидно, пользуется близостію сдѣлки купли-продажи къ заставному договору.

Кр-нъ Андрей Пашковичъ и жена его Алжбета продали кр-ну Андрею Олгимонтовичу два огорода. И хотя продавщица (оставшись вдовою) отрицала сдѣлку, утверждая, что она въ ней не участвовала, купчая, представленная Олгимонтовичемъ оставляла дѣло внѣ сомнѣнія; она скрѣплена печатами людей добрыхъ, въ томъ числѣ боярина Олизара Григорьевича, который лично подтвердилъ дѣйствительность продажи и участіе въ ней Алжбеты Пашковичевой. Но такъ какъ о той же землѣ былъ раньше судъ,—при прежнемъ правителѣ староства, и этотъ послѣдній рѣшилъ, что продавцы должны вернуть покупщику его деньги и тогда могутъ получить землю обратно, то и теперь судья рѣшилъ также ²⁾. Это не значитъ однако, что всякая купля-продажа земли между крестьянами равнялась залогу, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра: въ 1539 г. рѣшался споръ между Гродненскимъ муралемъ Маньяковичемъ и

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, 724.

²⁾ Ibid., № 882.

крестьянами Богатыревичами о сѣвности. На судѣ оказалось, что спорная земля была куплена отцомъ Богатыревичей у Домны Маньяковичевой еще при в. кн. Александрѣ; письменная купчая была представлена судѣ, и въ ней значилось, что Маньяковичева „продала тыи сеножати на вечность“. Тогда же она продала и другія пахатныя земли свои другимъ лицамъ (Ломакѣ, а Ломака—Олизару). Судья признаетъ права отвѣтчиковъ по купчей и по давности ¹⁾; выкупъ не былъ допущенъ.

Значеніе актовъ купли-продажи, какъ сдѣлокъ полного отчужденія правособственности, видно между прочимъ изъ того, что крестьяне могли продавать не только цѣлыя участки (при чемъ покупщикъ лишь замѣщаль бы лицо продавца въ повинностномъ отношеніи), но и отдѣльныя, даже очень мелкія, части ихъ. Такъ, въ 1539 г. господарскій садовникъ Гродненскаго повѣта Луцъ Коледичъ продалъ крестьянину Засидранской волости, т. е. слободы, Миколаю Петровичу 3-ю часть третьей части волоки, которая ему принадлежала. Такимъ образомъ, все имущество продавца состояло изъ 3-й части волоки, и онъ отчуждаетъ 3-ю часть его (9-ю часть волоки). Судья, убѣдившись въ томъ, что сдѣлка дѣйствительно была, утверждаетъ продажу ²⁾. Крестьянинъ Засидранской слободы продаетъ 3-ю часть своей волоки крестьянину же с. Полоткова, и судъ признаетъ право покупщика ³⁾.

Тотъ же характеръ сдѣлокъ купли-продажи виденъ изъ *формы ихъ совершенія*: сдѣлки купли-продажи совершаются непременно письменно; купчая—*„листъ“*—дается отъ продавца покупщику. Пишется онъ на—дому обыкновенно дьяками. Сдѣлка скрѣпляется свидѣтелями „барышниками“, обыкновенно тремя, и приложеніемъ печатей т. н. печатниковъ. Отсутствие печати и неявка свидѣтелей для подтвержденія сдѣлки ведутъ къ признанію недействительности сдѣлки ⁴⁾.

Если за купленную землю покупщикъ не сразу внесъ всѣ деньги, то сдѣлка считается продолжающеюся, незаконченною, и купчій листъ

¹⁾ Ал. Вил. Ком., XVII, № 99.

²⁾ Ibid., № 116.

³⁾ Ibid., № 265.

⁴⁾ Ibid., № 950, 618.

въ такомъ случаѣ не выдается покупщику, а отдается на руки третьему—стороннему лицу.

Если письменный актъ купли-продажи уничтоженъ по окончаніи сдѣлки продавцомъ (чтобы уничтожить самую сдѣлку), то по удостовѣренію этого факта свидѣтельскими показаніями купля-продажа утверждается судомъ ¹⁾.

Если свидѣтели, записанные въ актѣ, подтверждаютъ сдѣлку, но не были очевидцами уплаты, то сдѣлка не признается судомъ, и покупщику возвращается половина суммы, обозначенной въ сдѣлкѣ (это то, что въ другихъ краяхъ Россіи называется „грѣхъ по поламъ“) ²⁾.

Въ 1540 г. королев. крестьяне Пашевичи продали одвернѣму господарскому Ив. Миленькому земли на три бочки и къ той же землѣ гай съ сѣножатью—все за 3 копы гр.; но затѣмъ, „пѣнязей ему не отдавши, поле поорали“. Крестьяне заявили судѣ, что хотя они дѣйствительно продали и выдали купчую, но денегъ получили отъ продавца только 1 копу гр. Судья назначилъ срокъ для представленія свидѣтелей. Очевидно, сдѣлка считалась дѣйствительною только съ момента полной уплаты цѣны вещи ³⁾.

Купчій листъ, правильно составленный и признанный продавцомъ на судѣ, служить (за исключеніемъ вышеприведенныхъ условій) непреложнымъ актомъ перехода правъ, и сдѣлка не могла быть опровергаема уже ничѣмъ. Гродненскій крестьянинъ Артимъ Дробышевичъ съ женою и дѣтьми своими продалъ крестьянину Гринцу Кацевичу, его женѣ и дѣтямъ на вѣчность шесть нивъ своей отчизной земли (каждая нива съ принадлежностями: съ сѣножатями и, сверхъ того, гаемъ); въ купчей было оговорено, что если бы кто-либо сталъ спорить противъ этой продажи, то долженъ заплатить 12 рублей грошей на замокъ. Продавецъ однако предъявилъ искъ въ судѣ и утверждалъ, что онъ не продавалъ земли, а заложилъ ее только. Но, припертый къ стѣнѣ яснымъ содержаніемъ купчей, онъ заявилъ, что предъ совершеніемъ купчей его подпоили, и онъ допустилъ ее въ пьяномъ видѣ. Судья, „принявши во вниманіе постановленіе земскаго права, что при-

¹⁾ См. Ак. Вил. Ком., XVII, № 110.

²⁾ Ibid., XVII, № 116; здѣсь рѣчь идетъ собственно о заставѣ, но условія дѣйствительности актовъ одни и тѣ же.

³⁾ Ibid., № 288.

знавшій свою запись подлинною, долженъ исполнить её, рѣшилъ въ пользу покупщика ¹⁾. Отсюда видно, что юридическія дѣйствія крестьянъ по отчужденію недвижимаго имущества опирались не на шаткой почвѣ только обычнаго права, не на усмотрѣніи мѣстныхъ представителей государственной власти, а на общемъ законѣ, точно такъ же, какъ и права прочихъ классовъ общества.

Итакъ купля-продажа крестьянами земли, по своей юридической силѣ, несомнѣнно равняется вообще куплѣ-продажѣ недвижимыхъ вещей въ древнее время, совершенной кѣмъ бы то ни было.

Сравнивая это право съ правами бояръ и земянъ того времени на распоряженіе земельными имуществами, мы видимъ, что первоначально крестьяне обладали въ этомъ отношеніи болѣе обширными правами; владѣнія бояръ и земянъ состояли преимущественно изъ пожалованій; пожалованіе давалось имъ часто пожизненно или „до воли“ вел. князя ²⁾. Между тѣмъ крестьяне основывали свое право преимущественно на наследованіи и обработкѣ; понятно, почему и права распоряженія ихъ могли быть независимѣе и обширнѣе.

Однако отнюдь нельзя признать и этотъ видъ права собственности вполнѣ независимымъ и свободнымъ; тогдашній общій прекарный характеръ правъ на землю, несомнѣнно, простирается и на крестьянскую собственность. Она покрыта повинностями въ пользу государства и потому не можетъ быть въ безусловномъ распоряженіи собственника. На шляхетскихъ земляхъ повинностное значеніе постепенно уступало мѣсто свободному, частво-правному элементу ³⁾; наоборотъ, крестьянскія права на землю, первоначально болѣе свободныя, постепенно и очень быстро совращались и, наконецъ, въ томъ же XVI в. дошли почти до полного уничтоженія.

Отмѣтимъ сначала тѣ ограниченія, которыя общи какъ шляхетскимъ, такъ и крестьянскимъ правамъ на землю.

Обыкновенно, при отчужденіи земли крестьянами лицамъ другаго состоянія, требовалось *дозволеніе* или *утвержденіе* сдѣлки мѣстною или центральной властію. Но такое „дозволеніе“ не предваряло, а

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, 827.

²⁾ См наше изслѣдованіе: „Помѣстное право Литовско-русскаго государства въ XV в.“.

³⁾ Ibid.

сопровождало сдѣлку; напр., одинъ изъ крестьянъ Гродненскаго повѣта нѣкто Федько Суковичъ владѣлъ 5-ю частью отчизной бортной земли по раздѣлу съ братьями; но онъ весьма обнищалъ и былъ не въ состояніи („недужь“) платить дань медовую въ пользу королевскаго замка, а потому *спустилъ* (продалъ) свою землю господарскимъ Саражскимъ землянамъ—Щепину и Войтеу Ходоровичамъ за 3 копы грошей на вѣчное время. Уже затѣмъ онъ явился къ правителю Гродненскаго староства съ просьбою утвердить эту сдѣлку; подстароста „допустилъ спустити“ (позволилъ продать) именно въ тѣхъ видахъ, чтобы дань господарская выходила (уплачивалась) сполна; покупщики—земляне—должны, вмѣстѣ съ братьями продавца-крестьянами, платить пятую часть дани господарской ¹⁾.

Свободный переходъ крестьянскихъ участковъ между тяглымъ населеніемъ сначала допускался безъ всякихъ ограниченій, и уже впоследствии явилось требованіе „дозволенія“, „допущенья“, или утвержденія урядниковъ. Въ Гродненскомъ повѣтѣ въ началѣ XVI в. одинъ изъ тяглецовъ (конюховъ) Яцъ Ивановичъ продалъ „держати“ сѣнокосъ Мильвиду Сурувойновичу (очевидно сербу); сынъ этого послѣдняго Миланъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Станкомъ, съ женами и дѣтьми своими, продали этотъ сѣнокосъ на вѣчность Евсею Мелейховичу и брату его Федцу Юдевичамъ съ обязанностію „очищать“ (т. е. защищать отъ стороннихъ притязаній); между тѣмъ сынъ одного изъ продавцовъ, именно Станка, Андрей заложилъ ту же землю третьему лицу, именно сотнику конюшенному Станку Петровичу; на эту послѣднюю сдѣлку взято дозволеніе у Гродненскаго конюшаго; дозволеніе это письменное и имѣетъ видъ укрѣпленія сдѣлки. Тѣмъ не менѣе, при возникшемъ о томъ спорѣ, судья призналъ купчую и отвергъ незаконную закладную, хотя и утвержденную урядникомъ ²⁾. Здѣсь дозволеніе относится къ заставѣ, а не продажѣ, но относительно послѣдней должно разумѣться само собою.

Если сдѣлка даже утвержденная вызывала затѣмъ съ чьей-либо стороны споръ, то она могла быть разрушена судомъ не на основаніяхъ частно-правныхъ, а по финансовымъ интересамъ государства.

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 9.

²⁾ Ibid., № 945.

Обсуждая на судѣ споры, возникавшіе изъ сдѣлокъ о землѣ, судья (онъ же и правитель) всегда принималъ во вниманіе не только частно-правные мотивы законности сдѣлки, но и интересъ финансовый. Напримѣръ, Гродненскіе „муралі“ (каменщизни) Матвій и Николай Янковичи уступили принадлежащую имъ четвертую часть муральской земли своимъ сотоварищамъ по ремеслу; но прочіе муралі не позволили этой передачи и не отдали уступленной земли приобрѣтателямъ. Судья (въ 1540 г.), рассмотрѣвъ тяжбу о томъ, рѣшилъ противъ продавцовъ, т. е. не призналъ сдѣлки на томъ основаніи, что отчуждившіе участки сами живутъ въ Вильнѣ, „а на службахъ и земляхъ своихъ не живутъ и отписуютъ части свои земли и службы муральское, которыхъ сами не мають“ ¹⁾.

Въ томъ же году, санникъ господарскій (Гродненскаго повѣта) Жукъ Ходаневичъ искалъ огорода на Аннушеѣ, вдовѣ Провоца, также санничѣ. Огородъ промѣнялъ ея мужъ истцу на землю съ придаткомъ 2 копь гр. и 2 бочекъ жита. На судѣ было дознано, что мѣна дѣйствительно состоялась; былъ представленъ мѣновой листъ, въ которомъ написано, что „Прокопъ съ женою своею Аннушкою и съ дѣтьми своими промѣнялъ (огородъ) обель вѣчно“. Но свидѣтели сдѣлки заявили на судѣ, что жена (Анна), хотя и названа въ актѣ, однако при заключеніи сдѣлки не присутствовала. Судья рѣшилъ: „вгдыжъ тая Аннушка зъ мужемъ своимъ того огорода не промѣняла, а ни певязей весполовъ съ нимъ брала, а бачечи тежъ, изъ тая Аннушка, не маючи земли суполное (т. е. не имѣя полного участка), службы господарское послужити не можетъ, оставилъ есми ее при томъ огородѣ“ ²⁾.

До 40-хъ годовъ XVI в. финансовые расчеты правительства были лишь второстепеннымъ, приводящимъ мотивомъ при рѣшеніи вопросовъ о правѣ крестьянъ на землю. Два права, лежавшія на землѣ: крестьянское и государственное, не приходили еще въ коллизію и примирались легко; государственнымъ властямъ не было ни нужды, ни побужденія выставять чистое свое право собственности на крестьянскую землю. Ограниченія, лежавшія на крестьянской собственности,

¹⁾ Ркн. Вил. центр. арх., кн. Гроднен. зем. суда за 1540, стр. 292—298.

²⁾ Ак. Вил. Ком., т. XVII, № 222.

были отнюдь не строже ограничены, лежавших на собственности бояръ, землянъ и вообще всего населенія государства. Всякій могъ наследовать землю отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, всякій могъ завѣщать ее, покупать и продавать, мѣнять и дарить съ разрѣшенія правительства, лишь бы исполнялъ службу и повинности, лежавшія на землѣ. При неисполненіи обязанностей земля отнималась и жаловалась другому столько же по частному праву государя, сколько, или еще болѣе, по праву государства, какъ политическаго союза. Публичное и частное право вообще далеко еще не выдѣлились и не обособились.

Но въ половинѣ XVI в. происходитъ въ Литовскомъ правѣ сильный переворотъ (благодаря, между прочимъ, вліянію польскаго права). Въ актахъ рѣшсній судовъ начинаютъ постепенно проторгаться новыя понятія, слышатся новыя ноты, пока только неясныя, но предвѣщающія скорое наступленіе иной гармоніи общественныхъ идей. Возьмемъ слѣд. примѣръ.

Въ 1541 г., Гродненскому судѣ жаловались бояре господарскіе Довтортовичи на крестьянъ королевскихъ Мицутича, Федковича и Войтковича о томъ, что послѣдніе отняли у первыхъ поле, которое отцы отвѣтчиковъ-крестьянъ, вмѣстѣ съ самими отвѣтчиками, продали отцу истцовъ на вѣчность за 15½ копъ грошей. Купчая была представлена; оказалось, что на такую продажу дано дозволеніе намѣстника Гродненскаго. Сверхъ того оказалось, что проданная земля не есть служебная, т. е. не входитъ въ составъ тѣхъ земель, „съ которыхъ продавцы-крестьяне должны служить службу замку и платить подати“. Хотя отвѣтчики и предьявляли разные отводы (о неучастіи своемъ въ сдѣлкѣ, о рѣшеніяхъ этого дѣла, будто бы раньше состоявшихся на судѣ въ ихъ пользу), но это были только обыкновенныя судебныя уловки; дѣло было ясно; права покупщиковъ несомнѣнны. Чтожь дѣлаетъ судья? Вмѣсто того, чтобы признать полное право собственности бояръ на купленную у крестьянъ землю, онъ рѣшилъ: „не допуская, чтобы бояре держали „на вѣчность“ землю *государскую*, они имѣютъ право держать ее до тѣхъ поръ, пока наследники-крестьяне не возвратятъ имъ уплаченной за землю суммы безъ процентовъ („истыи пенязи“), т. е. 15½ копъ грошей. Когда такая уплата наступитъ, то земля должна быть возвращена крестьянамъ-отвѣтчикамъ, „бо, прибавляетъ судья, *дякольный человекъ ни-*

комъ земли на вѣчность продати не можетъ“¹⁾). Вотъ принципъ совершенно новый. Не только предшественники этого судьи утверждали сдѣлки продажи крестьянами земли на вѣчность (см. выше), но и при этомъ самомъ судѣ въ томъ же городѣ подобныя сдѣлки совершались и утверждались. Въ этомъ дѣлѣ не то важно, что судья замѣнилъ вѣчное право правомъ заставнымъ (залоговымъ); въ тѣ времена выкупъ проданныхъ имуществъ часто допускался и при такъ называемой продажѣ „на вѣчность“. Важенъ именно принципъ, что дявольный человекъ (тяглый) вообще не имѣетъ права на свою землю, даже и тогда, когда съ оставшагося имущества онъ можетъ служить службу замку. Важно, наконецъ, отвлеченное сознание, что земля, владѣемая крестьянами, есть господарская.

Такимъ образомъ, торжество правъ государства (и пановъ) надъ правами крестьянъ на ихъ землю начинается уже въ 1-й пол. XVI в. и до нѣкоторой степени водворяетъ произволъ мѣстныхъ властей въ распоряженіи крестьянскими землями. Напримѣръ, въ 1539 г. одинъ крестьянинъ Лабенской волости Гродненскаго повѣта продалъ другому крестьянину той же волости два огорода „обель вѣчно“ и далъ купчую. Между тѣмъ урядъ Лабенскій эти земли взялъ „на дворъ“ Лабенскій, т. е. присоединилъ къ непосредственнымъ дворовымъ владѣніямъ. Покупщикъ занесъ жалобу судѣ. Судья (подстароста Гроднен.) нашелъ, что „*мужикъ простой не маєтъ моцы земли господарской обель продавати*“, а потому присудилъ, чтобы продавецъ (оставшійся безъ земли) возвратилъ покупщику полученную отъ него сумму²⁾. Въ этомъ актѣ рѣчь идетъ о „человѣкѣ“ господарскомъ и объ огородѣ; но едва ли здѣсь разумѣются полусвободные люди двора (войминцы), которымъ именно давались въ надѣлъ огороды. Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о продажѣ крестьяниномъ крестьянину.

При судебныхъ спорахъ о землѣ, проданной крестьянами боярамъ, въ 40 хъ годахъ уже часто повторяются рѣшенія о возвращеніи денегъ покупщику и земли продавцу. Такъ, въ томъ же судѣ разбиралось дѣло между бояриномъ Томкевичемъ, отецъ котораго

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 881.

²⁾ Ibid., № 214.

купилъ землю, и крестьяниномъ Домашевичемъ, отецъ котораго и дядько продали эту землю. Кр-нъ отнялъ ее силою у боярина и судья приговорилъ оставить за крестьяниномъ землю съ обязанностью уплатить часть суммы и съ правомъ для боярина исвать другой части на другомъ продавцѣ. Рѣшеніе мотивировано тѣмъ, что сдѣлка совершена лѣтъ 20 тому назадъ, „поки еще права земскіе писанные не выданы были“¹⁾.

Повинностныя отношенія крестьянскаго землевладѣнія вызвали особый видъ отчужденія крестьянскихъ участковъ, т. н. *сдачу* земли: „первей тую землю (говорится въ одномъ актѣ 1540 г.) Юсь держаль...; ино вже не змогъ той земли пахати и далъ мнѣ (корол. муралю Шембеню)“²⁾; правитель староства дозволилъ эту сдѣлку и отдалъ приобрѣтателю землю на чиншу (однако наследникъ Юса — племянникъ заявилъ претензію на эту землю).

Такъ сокращалось съ теченіемъ времени право крестьянъ на отчужденіе земли по куплѣ-продажѣ. Въ этомъ разрушеніи древняго права участвовали многіе факторы, каковы: изданіе 1-го статута, практическое прониженіе польскаго права, измѣненія въ сферѣ словныхъ отношеній. Но для 1-й половины XVI в. эти явленія были пока лишь зародышами будущаго, отдаленными раскатами грома наступавшей крѣпостной грозы. Въ общемъ 1-я половина XVI в. есть несомнѣнно эпоха полнаго права крестьянъ на землю,—полнаго въ смыслѣ понятій того времени.

Не забѣгая впередъ, обратимся къ прочимъ правамъ распоряженія, которыми пользовались тогда крестьяне.

Подобно куплѣ-продажѣ свободно допускалась и *мѣна* крестьянскихъ земель; такъ санникъ Гродненскій промѣнялъ землю на „селидбу“ крест-на корол., по смерти котораго жена его хотѣла было отнять назадъ селидбу³⁾. При мѣнѣ всегда полагался „придатокъ“ деньгами или вещами. Договоръ требовалъ составленія акта („мѣновнаго листа“), скрѣпленнаго свидѣтелями и печатью „печатниковъ“.

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 74.

²⁾ Ibid., № 487.

³⁾ Ibid., № 441.

Особенно часто могла практиковаться мѣна между крестьянами-односельцами. Здѣсь можно бы было, повидимому, обойтись безъ всякихъ формъ и письменнаго акта; однако и въ этихъ случаяхъ составлялись „листы“; такъ рыболовъ Гродненскій Трумна спустилъ по листу огородъ земли своей отчизной Родевичу и его дѣтамъ; „въ одмену“ получилъ онъ въ полѣ столько же земли и придатокъ въ 43 гроша ¹⁾).

Если иногда мѣна совершается безъ мѣноваго листа и затѣмъ доказывается на судѣ свидѣтельскими показаніями, то это составляетъ явленіе исключительное, допущенное съ скрытою цѣлью одной стороны отказаться впоследствии отъ сдѣлки: въ Гродненскомъ повѣтѣ одинъ вр-нъ (сорочникъ Шиндельскій) помѣнялся землею съ вр-номъ Петромъ Бобровникомъ. Мѣна совершена „на вѣчность“: „умова промежь нихъ была такая, что они сами и дѣте ихъ должны эту мѣну вѣчно на вѣки держать“; сдѣлка состоялась 15 лѣтъ назадъ (около 1525 г.) при свидѣтеляхъ. На судѣ отвѣтчики отрезались отъ сдѣлки, но, уличенные свидѣтелями, сами сознались, что потому тогда и не составляли письменнаго акта, чтобы имѣть возможность отречься отъ договора. Судья призналъ сдѣлку доказанною ²⁾).

Кромѣ продажи и мѣны, крестьяне могли отчуждать земли путемъ *даренія*. Здѣсь мы преимущественно имѣемъ въ виду надѣленіе церквей землею со стороны крестьянскихъ обществъ; примѣромъ этого могутъ служить надѣленія церквей цѣлыми крестьянскими обществами сель: Купечичъ, Жолкини, Вольвичъ и Старыхъ-Коней Пинскаго старства ³⁾).

Другая сдѣлка, приводившая къ отчужденію земли и практиковавшаяся между крестьянами гораздо чаще, есть *застава*, т. е. передача земли (или другаго недвижимаго имущества) во владѣніе кредитора впредь до уплаты долга. Терминъ застава въ описательныхъ формахъ замѣнялся многими другими; напр., „запродалъ ми поля на бочку“, говорил истецъ Гродненскому судѣ въ 1539 г.; свидѣтель, подтвердившій показаніе истца, выразился такъ: „Иванецъ ему въ тыхъ пѣнезахъ на бочку поля *завелъ*“; судья рѣшилъ: „маеть онъ

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 28.

²⁾ Ibid., № 758.

³⁾ См. наше изслѣдованіе въ „Кіев. сборникѣ“, стр. 22.

тую землю *держати*, поки п'янизи ему отдасть". Если отдающій въ заставу—запродаетъ, то получающій ее—*закупаеть* владѣніе.

Заставное владѣніе обыкновенно не ограничивалось срокомъ; иногда кредиторъ и его потомки держатъ землю въ заставѣ 40 и болѣе лѣтъ; тѣмъ не менѣе заставное право не переходило никогда въ право собственности: должникъ и его потомки всегда могли „отложить“ занятія деньги и возвратити свою землю. Но въ эпоху послѣ изданія Статута такое долговременное владѣніе по заставѣ судьямъ казалось уже достаточнымъ для приобрѣтенія права собственности: въ 1540 г. Гродненскій судья рѣшалъ дѣло о заставѣ, продолжавшейся именно 40 лѣтъ, но не рѣшился дать окончательнаго постановленія, отложивъ его до прибытія высшей власти и оставивъ землю у заставнаго владѣльца ¹⁾).

На практикѣ застава служила постоянно замѣною приобрѣтенія въ собственность; владѣи изъ поколѣнія въ поколѣніе, владѣлецъ навсегда удерживалъ вещь въ своихъ рукахъ; выкупъ наступалъ рѣдко.

Въ обычномъ правѣ, вѣроятно, допускался при этомъ „выпустить“, т. е. погашеніе долга пользованіемъ; по крайней мѣрѣ собственники иногда ссылаются на необходимость выпуска, когда произвольно нарушаютъ владѣніе кредитора и подвергаются за то отвѣтственности по суду ²⁾. По народному воззрѣнію земля должна „отрабатывать“ свой долгъ, какъ это обыкновенно было при личномъ закладѣ. Но судъ уже не признаетъ выпусковъ и требуетъ уплаты долга, хотя бы земля была въ заставѣ многія десятилѣтія. Въ 1539 г. крестьянинъ, отвѣчая по иску жида за произвольное отнятіе заложеннаго ему сѣновоса, ссылаясь на „выпустить“; но такъ какъ въ актѣ „выпуска“ не оказалось, то крестьянинъ былъ обвиненъ ³⁾. „Онъ поле наше уже два года пахалъ и уже за эти деньги на той землѣ отпахалъ“, говорятъ отвѣтчики; но судъ приговариваетъ ихъ къ уплатѣ долга ⁴⁾.

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 850 и 853.

²⁾ Такъ, Петричевичи, отвѣчая на Гродненскомъ судѣ объ отнятій заставленной ими земли у Барбары Станиславовой, говорили, что „заставили ей поля безъ службы и подачекъ“ (т. е. безъ перевода повинностей); она держитъ это поле уже давно, такъ что оно „могло бы ся у нее вырости“ (т. е. могло бы уже отработаться). Судья однако приговорилъ ихъ къ полной уплатѣ долга (Ак. Вил. Ком., XVII, № 118).

³⁾ Ibid., № 77.

⁴⁾ Ibid., № 805.

Служа подспорьемъ владѣнію на правѣ собственности, застава практиковалась широко между всѣми классами тогдашняго общества; но преимущественно часто прибѣгаютъ къ ней крестьяне въ XVI в ¹⁾. Почему? Повидимому, причиной того было возникающее сомнѣніе въ ихъ правѣ распоряжаться землею по сдѣлкамъ полного отчужденія.

Застава требуетъ составленія акта, но можетъ быть доказываема и свидѣтельскими показаніями ²⁾.

Земля можетъ быть заставлена лицамъ всякаго свободнаго состоянія, напр. мѣщанамъ ³⁾, боярамъ ⁴⁾, евреямъ. Если земля получена въ заставу такимъ лицомъ, которое лично не отправляетъ тяглой службы, то для него тяглая служба можетъ быть замѣнена чиншемъ: бояринъ Пав. Внучко (въ Гродн. пов.) взялъ въ заставу землю отъ королев. крестьянина Стаса Черниковича; правитель староства—Требскій далъ ему „листъ“ на эту землю, позволяющій держать ее на чиншу ⁵⁾.

Самымъ же обыкновеннымъ явленіемъ была застава земли отъ крестьянина крестьянину. Эта сдѣлка практиковалась и между ближайшими родственниками, напр., между родными братьями ⁶⁾.

„Застава“ могла быть передаваема отъ одного лица къ другому посредствомъ передачи „закупныхъ листовъ“; такъ въ удовлетвореніе за долгъ теткѣ племянники-крестьяне передали закупный листъ отца своего на поле, „за которымъ листомъ я и теперь тое поле держу“, говоритъ тетка ⁷⁾.

Но заставная сдѣлка и безъ письменнаго акта могла быть признана судьбою, если подтверждалась свидѣтельскими показаніями; такъ, Гродненскіе крестьяне колесники тягались (въ 1539 г.) о землѣ, ко-

¹⁾ См. Ак. Виц. Ком., XVII, №№ 11, 13, 16, 41, 42, 77 (запродажа), 108 (запродажа), 113 (запродажная земля), 116 (запродажа), 244 (застава отъ королевскихъ крестьянъ крестьянамъ частновладельческимъ), 374, 385, 388, 431 (отъ крестьянина пушкарю), 451 (отъ крестьянина боярину), 723 (обрусный господарь заставилъ свою отчину землю обрусному), 753, 805, 842.

²⁾ Ibid., № 374.

³⁾ Ibid., №№ 116, 388, 464.

⁴⁾ Ibid., № 960.

⁵⁾ Ibid., № 451.

⁶⁾ Ibid., №№ 876, 869.

⁷⁾ Ibid., № 13.

торуку одинъ изъ нихъ хотѣлъ получить, какъ свою дяковщину, но которую другой получилъ отъ дядки испца въ видѣ заставы; листа не оказалось, но судъ призналъ заставу на основаніи свидѣтельскихъ показаній ¹⁾). Также судъ поступалъ въ случаѣ спора о подлинности акта ²⁾).

Самоуправное отнятіе заставной земли собственниками ея часто влечетъ не возвращеніе земли кредитору и не наказаніе за самоуправство, а лишь обязательство уплатить долгъ въ срокъ, назначенный судомъ ³⁾). Впрочемъ, вообще при рѣшеніи споровъ о заставномъ владѣніи, судъ превращаетъ безсрочное обязательство въ срочное; напр., крестьянинъ, заставившій землю пушкарю, въ заставномъ листѣ своемъ обязался „не отнимать своей земли до того времени, пока отдастъ деньги“ ⁴⁾). Судья назначилъ срокъ уплаты черезъ 4 недѣли.

При выкупѣ заставной земли имѣетъ мѣсто „заказъ“, т. е. выкупающій объявляетъ (заказываетъ) кредитору, чтобы тотъ не пахалъ земли подъ посѣвъ будущаго года, ибо-де имѣетъ наступить уплаты и выкупъ ⁵⁾). Заказъ долженъ быть сдѣланъ предъ людьми.

Въ 40-хъ годахъ XVI в. власти (королевскіе урядники) вмѣшиваются и въ сдѣлки крестьянъ по заставѣ въ интересахъ казны. Такъ въ Гродненскомъ повѣтѣ одинъ изъ коноховъ заставилъ свою землю п. Внучеву, но затѣмъ самовольно возвратилъ ее въ свое владѣніе. Когда панъ пожаловался судѣ, то крестьянинъ призналъ, что земля была дѣйствительно заложена имъ; но онъ возвратилъ ее потому, что „п. Требскій (подстароста) хотѣлъ насъ за то карати, же мы ему земли свои заставуемъ“. Быть можетъ, здѣсь играютъ роль личные мотивы, именно по отношенію къ п. Внучеву, но во всякомъ случаѣ урядникъ считаетъ себя въ правѣ препятствовать сдѣлкамъ крестьянъ ⁶⁾).

Наконецъ, крестьянскія земли отчуждались въ *удовлетвореніе по частнымъ обязательствамъ* крестьянъ. Такъ напр., поручительство, при несостоятельности или бѣгствѣ того, за кого ручались, приводило

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 16.

²⁾ Ibid., № 842.

³⁾ Ibid., № 885.

⁴⁾ Ibid., № 481.

⁵⁾ Ibid., № 753.

⁶⁾ Ibid., № 960.

въ передачѣ земли въ пользу вѣрителя. Обыкновенно поручителями являлись сочлены дворища—родственники и въ такомъ случаѣ расплачивались тою долею земли, которая приходилась ихъ несостоятельному сочлену ¹⁾. Для доказательства приведемъ слѣдующій примѣръ: Гродненскій крестьянинъ Снарскаго сорока Янко Вазгирдовичъ поручился за крестьянина Янка Носовича мѣщанину въ 18 копахъ грошей. Сдѣлалъ онъ это, не будучи въ тому обязанъ, по просьбѣ родственникововъ и потужниковъ должника, именно двоюрод. братьевъ его, Петрашковича и Рымковича. Должникъ оказался несостоятельнымъ и сбѣжалъ прочь съ женою и дѣтьми. Такимъ образомъ, поручитель долженъ былъ заплатить мѣщанину 18 коп. гр.; зато потужники бѣглеца уступили было ему (поручителю) половину земли своей за „поручныя деньги“, но затѣмъ опять выгнали его съ той земли; тщетно обиженный обращался къ суду подстаросты; земли онъ не получилъ на томъ основаніи, что не внушалъ увѣренности подстаростѣ, что будетъ въ состояніи нести крестьянскія повинности, такъ какъ, платя по поручительству, обнищалъ и не имѣлъ „статка“ (рабочихъ лошадей и проч.). Впрочемъ, послѣ того состоялась мировая: отвѣтчики обязались уступить Вазгирдовичу третью часть своей отчины, т. е. ту, которая приходилась на долю ихъ дядка (сбѣжавшаго несостоятельнаго должника), и дали ему на то „листъ“ свой. Однако и послѣ того истецъ не получилъ ни земли, ни денегъ, и снова явился къ судѣ, ссылаясь на то, что теперь онъ уже обзавелся (запомогся) и въ состояніи отправлять повинности. Отвѣтчики усиливались отрицать самую сдѣлку поручительства и выдачу ими письменнаго обязательства; однако свидѣтели, поименованные въ актѣ, подтвердили показаніе истца; судья рѣшилъ отдать 3-ю часть земли отвѣтчиковъ Вазгирдовичу съ тѣмъ, чтобы онъ служилъ 3-ю недѣлю и давалъ 3-ю долю дякла, а отвѣтчики—2 недѣли и давали $\frac{2}{3}$ дякла ²⁾. При другомъ однородномъ случаѣ, одинъ изъ „дядковичей“—совладѣльцевъ оказался несостоятельнымъ по поручительству; въ вознагражденіе кредитору отдается 3-я часть земли (приходящаяся на долю несостоятельнаго); прочіе члены дворища тщетно протестовали на судѣ ³⁾.

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 20.

²⁾ Ibid., № 75.

³⁾ Ibid., № 911.

Послѣ сказаннаго о правѣ крестьянъ распоряжаться землею по сдѣлкамъ купли-продажи и заставы, нечего и упоминать о томъ, что всѣ прочія сдѣлки, доступныя собственнику земли, практиковались и крестьянами; такъ, крестьянинъ отдаетъ землю въ наемъ ¹⁾; дается въ наемъ и пахатная земля на одинъ или два посѣва (корол. вр. Янъ Мартиновичъ королев. же крестьянину Янву Милостовичу въ Гродненскомъ повѣтѣ) ²⁾.

Въ тогдашней терминологіи наемъ иногда смѣшивается съ заставою: такъ, въ 1539 г. въ Гродненскомъ судѣ истецъ увѣряетъ судью, что „нанялъ“ у отвѣтчика на одинъ годъ двѣ нивки; отвѣтчикъ признается, что „заставилъ“ ему эти нивки ³⁾. Очевидно, наемъ отъ заставы отличается только срочностью.

Всѣ изложенныя выше права крестьянъ на землю имѣютъ *исковый характеръ*, т. е. могутъ быть защищаемы и восстанавливаемы путемъ суда.

Твердость сознанія права среди крестьянъ видна изъ того, что „отчичи“ (наслѣдники-собственники) ищутъ земли за 20, 30, 40 и болѣе лѣтъ. Такъ, въ Гродненскомъ повѣтѣ крестьяне Тютейковичи ищутъ своей отчины, которую уже 20 л. держитъ писарь латинскій Гродненскій Яганусъ по купчей. Жаловались они и прежде не однократно, но не получали удовлетворенія и, наконецъ, самоуправно отняли землю и засѣяли ⁴⁾.

Защита правъ на землю посредствомъ суда ведется самими крестьянами предъ государственными органами суда, т. е. старостою, воеводою и королемъ. Это не есть, такъ сказать, домашнее разбирательство управителей королевскихъ имѣній, а судъ государственный.

Въ случаѣ неясности дѣла назначается выѣздъ на спорную землю и такъ называемое „веденіе *кочы*“ зъ уряду“, т. е. по приказанію власти; обязанность поднимать судей, т. е. платить имъ, падаетъ на ястца ⁵⁾. Коча (общинный судъ) является органомъ государственной судебной власти.

¹⁾ Ак. Вил., Ком. XVII, № 333 (дѣло о наймѣ сѣнокоса Новодворскимъ крестьяниномъ Грода. пов. у корол. крестьянина Максимова сорока). См. еще *ibidem*, № 64.

²⁾ *Ibid.*, № 403.

³⁾ *Ibid.*, № 88. См. тоже въ № 39.

⁴⁾ *Ibid.*, № 542.

⁵⁾ *Ibid.*, № 446.

Иски ведутся иногда чрез „прокуратора“ (представителя) ¹⁾.

При дворичномъ совладѣнїи иски ведутся всѣми (полноправными) членами дворища, а равно и отвѣчаютъ также члены дворища солидарно; отвѣтчикъ поэтому имѣлъ право требовать отсрочки разбора дѣла до явки родственниковъ его. Въ 1541 г., обрусный господ. Ярмола жаловался на такого же обруснаго Проня Нацевича объ отнятіи этимъ послѣднимъ у перваго заложенной отцомъ Нацевича отчинной земли, которая досталась ему по выдѣлу отъ братьевъ. Отвѣтчикъ не хотѣлъ отвѣчать одинъ безъ старшаго брата и обязался явиться къ суду вмѣстѣ съ нимъ; однако къ назначенному сроку брата не поставилъ, заявивъ, что „самъ не знаю, гдѣ мнѣ брата своего искать“. Тогда уже онъ отвѣчаетъ одинъ ²⁾.

Права частновладѣльческихъ крестьянъ на землю.

Повидимому, гораздо труднѣе допустить развитіе правъ крестьянъ на земляхъ частновладѣльческихъ. Здѣсь и надо бы ожидать полного установленія сразу идеи исключительной собственности на сторонѣ владѣльца и полного отсутствія ея на сторонѣ крестьянъ. Формы актовъ жалованныхъ, дарственныхъ и купчихъ, повидимому, явно указываютъ на безраздѣльное право на землю первыхъ. Напримѣръ, кн. Федоръ Ив. Ярославичъ далъ на церковь Божію „человѣка въ селѣ нашомъ въ Сошнемъ, на имя Телеша, зъ его дворищемъ и съ его землею пашною, и со всѣмъ съ тѣмъ, что изъ старины къ тому дворищу принадлежало, какъ тотъ Телешъ состоялъ, живучи въ томъ дворищѣ“ ³⁾.

Тотъ же князь пожаловалъ слугѣ своему Дмитровичу за его службу двухъ человѣкъ въ с. Масѣвичахъ; „далъ ему тѣхъ людей вѣчно, непорушно, ему, его женѣ и ихъ дѣтямъ, съ ихъ (крестьянъ) землями пашными, бортными, сѣнокосными, съ тѣми рѣками и всѣми другими угодіями (входами), которыя издавна принадлежали къ ихъ дворищамъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, 723.

²⁾ Ibid., № 851.

³⁾ Ревиз. пущь, стр. 255.

⁴⁾ Ibid., стр. 263.

Ревизорамъ 1554 г. „жиды“ гор. Пинска Аврамовичи представили привлегію кор. Боны, по которой оказалось, что еще кн. Ѳедоръ Ив. Ярославичъ пожаловалъ отцу ихъ жида Авраму Рышковичу дворище въ селѣ Крайновичахъ съ людьми—Олексою Толонцевичемъ, съ его дѣтьми, братаничами и дядковичами и съ землями ихъ пашными, бортными, съ сѣновосами на вѣчность, ему самому и дѣтямъ его, и отъ всѣхъ замковыхъ повинностей тѣхъ людей уволил ¹⁾.

Однако и въ указанной формѣ пожалованіе, а равно и другіе способы приобрѣтенія населенныхъ имѣній частными владѣльцами, вовсе не означало передачу въ собственность владѣльца земли крестьянъ (и ихъ личности); жалуеты были только тѣ доходы, которые принадлежали прежде государству съ этихъ крестьянъ. Напримѣръ, княгиня Кобринская жалуетъ въ 1401 г. (?) монастырю св. Спаса село Корчичи „со всѣми доходами, съ данью, съ полюдьемъ, съ грошми и со всѣми тѣми доходами, которые тѣ Корчичане давали предкамъ нашимъ и намъ самимъ“ ²⁾. Кн. Юрій Семеновичъ, выслуживши у короля имѣніе Дружиловичи, жалуетъ изъ этого имѣнія церкви св. Николая Дружиловскаго человѣка въ Опольи на имя Игната съ братією его, съ данью и со всѣми дачеами. „А тому человѣку ненадобе ни на одну службу нашу ити“, прибавляетъ князь ³⁾. Въ этомъ и состоятъ всѣ обязанности къ владѣльцу пожалованнаго крестьянина.

Иногда при пожалованіи отношенія крестьянина къ землевладѣльцу опредѣляются вполне какъ отношенія двухъ стороннихъ лицъ; въ 1504 г. Пинскій кн. Ѳедоръ Ив. Ярославичъ даетъ пожалованіе новооснованной имъ церкви въ Ставкѣ; между прочимъ онъ пожаловалъ попу „на однорядку“, на ладанъ и проскуры—80 грошей ежегодно; обязанность выдавать этотъ доходъ возложена на „человѣка“ княжескаго Осю и братію его. Названнымъ крестьянамъ дано было въ прибавку къ ихъ отчинной землѣ дворище Андруховщина, съ котораго они прежде платили князю 80 гр., а теперь этотъ самый платежъ переведенъ на церковь ⁴⁾. Въ этомъ и состояли всѣ обязатель-

¹⁾ Ревизія пущь, стр. 312—313.

²⁾ Ак. Вил. Ком., III, № 21.

³⁾ Ревизія пущь, стр. 252—253.

⁴⁾ Ibid., стр. 221.

ства крестьянъ къ новому владѣльцу. Такія пожалованія (фундуши) впоследствии обращались въ имѣнія на правѣ собственности, а крестьяне-плательщики—въ крѣпостныхъ.

Бытовые акты и явленія указываютъ на возможность вечныхъ правъ крестьянъ на землю и въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Достаточно вспомнить дожившее до нашихъ дней чиншевое право на частныхъ земляхъ, чтобы перенестись мысленно къ явленіямъ древнимъ, для которыхъ нынѣшнее чиншевое право служить только слабымъ отголоскомъ. Всего лучше знакомить насъ съ понятіями древности непосредственныя *выраженія* въ бытовыхъ памятникахъ стариннаго языка. Въ концѣ первой половины XVI в. провозводился обводъ границъ между Польшею и Литвою. Когда комиссары дошли до границъ Волыни и Ратенскаго старства, принадлежавшаго уже Польшѣ, то приблизились къ землямъ села владыки Луцкаго—Качина. Пограничные владѣльцы обоихъ государствъ, обыкновенно, указывали неодинаковыя границы и спорили между собою. Такъ точно и Качинцы, спора съ сосѣднимъ польскимъ селомъ Нюемскимъ, заявили: „то есть отъ р. Быстрицы до р. Сыновки *наша властная, отчизная и дѣдизная земля, и отъ давнихъ часовъ мы ее во вжыванью и въ спокойномъ держанью, отъ великого князя Витольда ажъ и до тыхъ часовъ, маемъ*“¹⁾. Такъ могутъ говорить только люди, сознающіе свое „вѣчное“ (какъ тогда говорили) право. Между тѣмъ село это принадлежитъ Луцкому владыкѣ, и говорятъ это его крестьяне. Это сразу отвлекаетъ насъ отъ привычнаго, но ошибочнаго представленія о похожихъ людяхъ, которые нынѣ здѣсь, а завтра тамъ.

Во всякомъ случаѣ, частновладѣльческимъ крестьянамъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ королевскимъ, присуще сознаніе права собственности на владѣемую ими землю. Напримѣръ, въ 1540 г. крестьянинъ пана (каштеля). Виленскаго (въ Гродн. повѣтѣ) заявилъ судѣ жалобу, что „бояринъ господарскій Василій Яковцовичъ на властной отчизной земли моей жита моего... на 30 копъ пожалъ“²⁾. Тогда же крестьянинъ монастыря Борисоглѣбскаго (въ Гроднѣ) жаловался на королевскаго крестьянина за потраву въ собственномъ овсѣ его³⁾. Котренскіе

¹⁾ Археогр. Сбор., I, стр. 73.

²⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 380.

³⁾ Ibid., № 325.

крестьяне капт. Виленскаго Харитонъ и Иванъ Алексичи жаловались на крестьянъ королевскихъ Горницкихъ, что они „на властномъ полѣ нашомъ овесъ нашъ сѣеный поорали, а иншіе пожали и погравили, и къ томуужъ полю на 20 копѣ сеножати съ гвалтомъ повосили“¹⁾.

Болѣ рѣшительное значеніе имѣютъ акты, свидѣтельствующіе о правахъ частновладѣльческихъ крестьянъ на распоряженіе землею. Они могутъ *отдавать ее въ заставу*, какъ показываетъ слѣд. примѣръ, взятый изъ той же мѣстности того же времени. Жаловались королевскіе крестьяне *на п. Андрея Сопотка*, конюшаго Городенскаго, *и на людей его—Иванелевича съ братаничами Якубомъ и Станишемъ*,—говоря, что они „держатъ землю нашу собственную, которую мы заставили было имъ въ копѣ гр.; теперь мы деньги возвращаемъ, а они денегъ не берутъ и земли уступать не хотятъ“. Отвѣчали п. Сопотко и вышеназванные крестьяне; но панъ землевладѣлецъ фигурируетъ только ради юридической фивціи; въ дѣйствительности же отвѣтъ ер-нѣ былъ таковъ: „то наша земля собственная („властная“); но при предкахъ нашихъ была запродаана упомянутымъ королевскимъ крестьянамъ, и мы эту землю, какъ свою отчину, у нихъ выкупили въ двухъ копахъ безъ 10 гр“. Это говоритъ не панъ, а крестьяне его; они называютъ землю своею властною, они отдаютъ ее въ залогъ и выкупаютъ. Панъ прибавилъ только отъ себя новую жалобу, что королевскіе крестьяне перепахали между на его собтвенной землѣ. Эта жалоба была рѣшена отдѣльно, прежде и независимо отъ дѣла о крестьянской землѣ. Въ назначенный срокъ для рѣшенія этого послѣдняго дѣла жалоба и отвѣтъ были повторены буквально, но частновладѣльческіе крестьяне представили суду два листа (грамоты) въ подтвержденіе своего права; въ одной изъ грамотъ значилось, что Андрюшко Иванелевичъ, человекъ п. Сопотка, выкупилъ у (такихъ-то) королевскихъ крестьянъ въ копѣ гр. часть отчины своей, заложенной было отцомъ его; въ другомъ листѣ тотъ же королевскій крестьянинъ заявляетъ, что Андрюшко Иванелевичъ выкупилъ и другую половину своего поля за 50 гр. Такъ какъ документы были оспариваемы, то судъ рѣшилъ землю отдать королевскимъ крестьянамъ, которые должны уплатить панскимъ крестьянамъ деньги по закладной²⁾. Черезъ нѣкоторое время королевскіе

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, 378.

²⁾ Ibid., № 244.

крестьяне заплатили людямъ пана Сопотка за отчинную землю свою, которая у тѣхъ людей была, 2 копы безъ 10 гр. ¹⁾).

Во всякомъ случаѣ, изъ этого акта слѣдуетъ, что частновладѣльческіе крестьяне признавали землю, которою владѣютъ, своею собственною, и могли отдавать ее въ заставу лицамъ другаго вѣдомства или получать отъ стороннихъ землю въ заставу; ни противная сторона, ни судъ, ни панъ не отрицали за ними этого права; крестьяне ведутъ искъ въ своемъ интересѣ и отъ своего лица, хотя и при помощи пана. Приведемъ еще примѣръ въ доказательство того, что частновладѣльческіе крестьяне защищаютъ свое право на землю судомъ и ведутъ искъ отъ своего лица: въ 1540 г. Гродненскому судѣ жаловался человекъ плебана Индурскаго Милько Ивасиковичъ на сорочника Демидовскаго Шимона Якубовича, утверждая, что этотъ послѣдній вступается „у влостную сеножать мою за Одлою“, т. е. церковный крестьянинъ признаетъ землю своею собственною. Судья назначилъ на мѣстѣ съѣздъ сосѣдей, людей добрыхъ, для рѣшенія вопроса о правѣ на этотъ сѣнокосъ ²⁾).

О прочихъ правахъ распоряженія свидѣлствуютъ слѣд. акты: въ томъ же году и въ томъ же судѣ жаловался подданный пана Виленскаго изъ Котренскаго двора Винашъ Салкевичъ на корол. крестьянина Мелешкова сорока Гаврила Ивановича о томъ, „штожь де онъ вступается во влостную мою землю Мотроневскую“ ³⁾). Отвѣтчикъ увѣрялъ, что ему слѣдуетъ изъ этой земли половина, потому что отецъ его купилъ эту землю вмѣстѣ съ истцомъ (панскимъ крестьяниномъ); половину платы за землю (20 гр.) онъ самъ — отвѣтчикъ — уже по смерти отца отдалъ истцу, который и „припустилъ“ было его въ пользовацію землею. Здѣсь панскій крестьянинъ *покупаетъ* землю у сторонняго.

Въ 1541 г. въ томъ же судѣ крестьяне кашт. Виленскаго, ища свободы отъ панскаго права, рассказываютъ о своемъ происхожденіи якобы отъ такихъ предковъ, которые не входили въ число пожалованныхъ отъ короля, и, излагая свою родословную, между прочимъ

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 259.

²⁾ Ibid., № 315.

³⁾ Ibid., № 396.

⁴⁾ Ibid., № 694.

объ одномъ изъ предковъ—Сенютѣ говорятъ, что онъ умеръ безпотно „и часть земли его мы межя себе держимъ“, т. е. крестьяне, и по утверженію частнаго владѣльческаго права надъ ними, владѣютъ *наслѣдственно* своими участками и на этомъ опираютъ свое право противъ владѣльца. Это уже при сильномъ развитіи панскаго права, которое заставило ихъ хлопотать объ освобожденіи.

Частновладѣльческіе крестьяне распоряжаются своими землями при *пожертвованіяхъ на церковь*. Въ 1546 г., королевскіе бояре въ Дубновицѣ задумали основать у себя въ селѣ новую церковь, затрудняясь ѣздить въ свою прежнюю приходскую. Вновь основанная церковь, по обычаю, снабжается имуществами („надавіями“) или фундушами. Бояръ въ селѣ оказалось не мало, именно 12 семействъ, очевидно мелкопомѣстныхъ, однако имѣвшихъ здѣсь своихъ „подданныхъ“—крестьянъ. Каждый изъ бояръ далъ, что могъ: Головня—два поля, сѣнокосъ и 10 бортовыхъ деревьевъ, Федько Аргюшевичъ—три поля, сѣнокосъ и 10 бортовыхъ деревьевъ; Гриць—одно поле и 10 деревьевъ бортовыхъ и т. д. всѣ 12 бояръ. Отъ крестьянъ, очевидно, нельзя ожидать ничего, когда владѣльцы ихъ на лицо и жертвуютъ свои земли. Но, къ удивленію, мы находимъ въ актѣ неожиданное продолженіе: „А подданные наши Дубновицкіе (жертвуютъ церкви): Яковъ Хомичъ ниву далъ подъ Перевестемъ, а дерева бортоваго четверо, а пчолы въ соснѣ, а сѣножать на Березникахъ; Антонъ Догадневичъ нивы двѣ далъ, одна на Заборьи, а другая черезъ Смужавинку, такъ же (тамъ же?) недалеко, а сѣножать подъ Гумнищами, а четверо дерева бортоваго; Лувьянъ Селивоновичъ поле далъ подъ Хоронастою, а дерева бортоваго пятеро, а сѣножать за Кращиною; Мацъ Ильковичъ поле далъ у Еверинахъ“¹⁾. Повторяемъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ весьма мелкопомѣстною средою; всѣ 12 семействъ бояръ владѣютъ крестьянами вмѣстѣ, что видно изъ приведеннаго выраженія: „подданные *наши*“; у каждаго изъ нихъ имущества немного болѣе того, каковымъ владѣютъ и крестьяне; у всѣхъ бояръ вмѣстѣ былъ „млинь спольный“ (общій). Такіе малоимущіе владѣльцы, какъ извѣстно, всего менѣе способны были дать просторъ для развитія имущественныхъ правъ

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XI, № 9.

своихъ крестьянъ; дорожа средствами, они гораздо скорѣе, чѣмъ вельможные паны, должны были дать почувствовать крестьянамъ, что земля ихъ, а не крестьянская. И вотъ, даже при такихъ условіяхъ, крестьяне каждый жертвуетъ изъ своихъ владѣній почти столько же, сколько и паны ихъ. Разумѣется, они дѣлаютъ это съ согласія своихъ пановъ, быть можетъ, даже по настоянію ихъ; тѣмъ не менѣе имущества принадлежали крестьянамъ; земли ихъ (поля и сѣножатѣ) лежатъ въ отдѣльныхъ урочищахъ, т. е. очевидно, состоятъ въ полномъ владѣніи ихъ.

Когда Ив. Сем. Сопѣга, воевода Подляскій, основалъ городъ Кудню, то далъ построенной въ немъ церкви св. Михаила разныя земли, и въ томъ числѣ сѣножатку въ Добрынѣ, которую люди Страдецкіе (т. е. крестьяне) дали, ... а третью въ Щенятинѣ, которую люди Окнинскіе надали, за позволеніемъ его милости¹⁾.

Права крестьянъ въ частныхъ владѣніяхъ нѣсколько видоизмѣнились по родамъ субъектовъ владѣнія. Наибольшей высоты правъ крестьянъ достигали на церковныхъ имуществахъ и въ частности на имуществахъ приходскихъ церквей. Кому принадлежитъ право на такія имущества? Приходское духовенство приписываетъ это право себѣ (и не безъ основанія); напр., въ 1553 г., попъ Козмодемьянской церкви, жалуясь на совладѣльцевъ Зенковичей о захватѣ земли (которою они должны были владѣть по-поламъ съ церковію) въ свое исключительное владѣніе, говорить, что спорную землю—островъ Поболовскій—издавна, при в. кн. Витолдѣ, держали два брата Дитятко и Михайлочко, а затѣмъ „продокъ мой попъ Рогачевскій Козмо-Демьянскій небощигъ Дмитрій“. Описывая права своихъ предковъ и свои, попъ-истецъ перечисляетъ земли, сѣнокосы, дерево боргное, дворную пашню, бобровые гоны, звѣринные и пташья лова, рыбныя ловли въ р. Добоснѣ и хмѣлища на лугахъ. Вообще спорное имущество, т. е. „островъ“, было довольно значительное; на немъ были населенныя села.—Между тѣмъ, въ качествѣ истцовъ на судѣ явился не одинъ попъ; напротивъ, комиссары кор. Боны, рѣшавшіе дѣло, пишутъ, что они „выѣзжали на право (т. е. судъ) между людьми попа Козмодемьянскаго... и землянами господарскими Зенковичами. Когда

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVI, № 4.

предложено было сторонамъ рѣшить дѣло третейскимъ порядкомъ, то „Федоръ попъ съ своими людьми церковными на то позволилъ“ (согласился). Въмѣсто общаго владѣнія „островомъ“ былъ совершенъ раздѣлъ по р. Добосну между церковію и Зенковичами: церкви досталось два села съ людьми. Сѣнокосы людей церковныхъ, лежавшіе по ту сторону р. Добосны, замѣнены; бортовые деревья церковныхъ людей остаются по прежнему. Словомъ, вездѣ рѣчь идетъ объ имуществѣ „людей церковныхъ“. Но такъ какъ при раздѣлѣ произошла замѣна и самыхъ селъ съ людьми, то любопытно, какъ это мирится съ земельными правами крестьянъ, за которыя они такъ усердно стояли на судѣ? На этотъ счетъ въ третейскомъ приговорѣ было постановлено: „а что касается людей церковныхъ, которые достались на обѣ стороны, т. е. Зенковичамъ и попу, то вольны они, кому хотять, тому будутъ служить, оставшись на грунтахъ *земли своей*“¹⁾.

Чтобы показать отношеніе крестьянъ къ землѣ въ имѣніяхъ монастырскихъ, приведемъ слѣд. эпизодъ изъ исторіи с. Чащичей (Гроднен. пов.), принадлежащаго Борисоглѣбскому монастырю. Когда-то село это (вѣроятно, вмѣстѣ съ самимъ монастыремъ) принадлежало пану Богушу, который держалъ тамъ „намѣстникомъ“ своимъ (прикащикомъ) боярина господарскаго Глѣбка Клопотовича. Въ числѣ крестьянъ этого села сидѣлъ нѣкій Щербъ, который затѣмъ ушелъ изъ роднаго села и поселился въ другомъ краю; на мѣстѣ, гдѣ онъ прежде жилъ въ Чащичахъ, осталось одно „печище“. Но участокъ земли его выпросилъ себѣ для поселенія нѣкто Гришко Некрашевичъ; прикащикъ Глѣбка, отдавая Некрашевичу опустѣвшій участокъ, обязалъ его давать по бочкѣ соли. Года съ три Некрашевичъ исполнялъ эту повинность и жилъ въ Чащичахъ; но затѣмъ оказался неисправнымъ, пересталъ давать соль и за это былъ „согнанъ“ съ земли. Между тѣмъ сыновья кр. Щерба, прежняго отчинника этой земли, возвратились на родину и, разумѣется, предъявили права на свою наследственную землю. Намѣстникъ отдалъ ее имъ. Согнанные Некрашевичи ушли на королевскую землю и сдѣлались крестьянами кор. Боны. Въ 1541 г. они занесли жалобу судѣ на Борисоглѣбскаго архимандрита, требуя возвращенія имъ земли, яко бы непра-

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XI, № 14.

вильно присоединный монастыремъ къ своимъ владѣніямъ. На судѣ они утверждали, что то была ихъ отчинная земля, вымѣненная отцомъ ихъ у отца Щербовичей. Какое значеніе могла имѣть ссылка на такое право? Крестьянинъ, такъ или иначе, ушелъ изъ монастырскаго имѣнія; оставленный имъ участокъ монастырь, разумѣется, могъ передать другому. Между тѣмъ судья допустилъ представленіе и провѣрку доказательствъ, очевидно, въ томъ предположеніи, что въ случаѣ перевѣса доказательствъ въ пользу крестьянъ, земля могла быть отсуждена отъ того, кому далъ ее монастырь, въ пользу другого, т. е. крестьянъ-отчичей. Но на судѣ крестьяне ничѣмъ не могли подкрѣпить своего иска: мѣновая грамота на землю будто-бы сторѣла у нихъ; 18 свидѣтелей, выставленныхъ архимандритомъ, по предписанію статута, показали, что земля была не ихъ отчиною, а отчиною Щербовичей; монастырь по этому выигралъ дѣло ¹⁾).

Такимъ образомъ на земляхъ частновладѣльческихъ крестьянскіе участки составляютъ предметъ права наслѣдства, мѣны и исковъ въ самимъ владѣльцамъ.

Что касается до *панскихъ* имѣній, которыя обыкновенно обнимали цѣлыя волости и даже повѣты и мало отличались отъ княжествъ то права крестьянскаго землевладѣнія въ такихъ имѣніяхъ въ сущности ничѣмъ не разнились отъ правъ королевскихъ крестьянъ. Органы правительственной и судебной власти въ такихъ имѣніяхъ вполне равнялись государственнымъ. Права крестьянъ противъ стороннихъ лицъ защищались предъ панскимъ урядомъ и королевскими чиновниками путемъ судебныхъ процессовъ; при этомъ панскіе уряды иногда рѣшали вполне добросовѣстно въ пользу стороннихъ и противъ крестьянъ своего собственнаго пана ²⁾).

Въ панскихъ владѣніяхъ, какъ и въ государственныхъ повѣтахъ, были замки и города, нерѣдко снабженные магдебургскими привилегіями; были земляне, бояре конные, панцырные и путные и всѣ тѣже разряды крестьянъ, какъ и на коронныхъ земляхъ. Поэтому, всѣ виды землевладѣнія, съ тѣмъ же повинностнымъ характеромъ ихъ, присущи и панскимъ владѣніямъ; такъ, панскіе бояре могли владѣть населенною землею (съ крестьянами). За то и права крестьянъ на землю

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 883.

²⁾ Ibid., XI, № 17 (декретъ Несвижскаго намѣстника кн. Радзивила 1556 г.).

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII отд. II.

развивались въ такой же широкой свободѣ, какъ и въ коронныхъ владѣніяхъ. Въ обширной сферѣ панскаго права отношенія пана къ крестьянской землѣ были слишкомъ отдаленны и не непосредственны. Внутри этихъ владѣній свободное передвиженіе правъ на крестьянскіе участки (посредствомъ купли, мѣны, залога, наслѣдства) не встрѣчало никакихъ препятствій.

Разумѣется, противъ самого пана права крестьянъ, какъ и права землянъ, бояръ и мѣщанъ, не были ничѣмъ гарантированы, подобно тому, какъ вообще въ государствѣ права всѣхъ гражданъ въ отношеніи къ королю.

Однако въ одномъ отношеніи возможна была защита правъ крестьянскаго землевладѣнія противъ самихъ пановъ. Если, при пожалованіи коронной земли частнымъ лицамъ, кому-либо изъ крестьянъ удавалось посредствомъ суда утвердить свою независимость отъ новаго владѣльца, то вмѣстѣ съ тѣмъ они предъявляютъ права и на земли свои, отвоёвывая ихъ отъ владѣльца. Таеъ Индурская волость была пожалована п. Виленскому; но нѣкоторые изъ крестьянъ Индурскихъ („линники“) отвоёвали свою свободу и тотчасъ же завладѣли участкомъ земли--„дядковщиною“ своею, считая ее принадлежащею себѣ по праву наслѣдства ¹⁾.

Права крестьянъ въ боярскихъ (землянскихъ) имѣніяхъ уже выяснены приведенными выше примѣрами, которые показываютъ, что владѣльцамъ въ такихъ имѣніяхъ предоставляются лишь повинности, а не права на крестьянскую землю ²⁾.

Однако, именно въ этихъ имѣніяхъ коренился первый зародышъ будущаго крѣпостнаго права. Дальнѣйшая исторія, т. е. описаніе хода развитія крѣпостнаго безправія и его причинъ, не входитъ въ задачу этого очерка. Другому времени или другимъ лицамъ предоставляемъ мы тяжкій трудъ выясненія этого мрачнаго предмета, обнимающаго весьма сложныя явленія: бытовое пронильновеніе въ Литву польскаго и нѣмецкаго права, изданіе статута съ тенденціями шляхетско сословными, измѣненія въ сферѣ государственнаго устройства и въ области экономическихъ сношеній. Ступени, по которымъ указанные

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 969.

²⁾ Ревиз. пущъ, стр. 252—253.

причины привели къ крѣпостному состоянію, были таковы: а) крестьяне-собственники земли (*отчичи*) теряютъ право перехода; поэтому б) большинство стремится сохранить за собою значеніе вольныхъ похожихъ людей, а земля ихъ признается панской; в) путемъ давности и другихъ мѣръ число вольныхъ похожихъ людей сокращается: обезземеленные крестьяне лишаются личныхъ правъ. Здѣсь достаточно сказать, что и эпохѣ, избранной нами (до пол. XVI в.), далеко не чужды начальныя ступени этой лѣстницы крѣпостнаго права. То самое, что было прежде основою полноправія крестьянъ, т. е. ихъ наслѣдственное владѣніе землею, сдѣлалось источникомъ ихъ безправія, тогда какъ легковѣсныя части крестьянскаго общества, бродячіе — похожіе люди еще сохраняютъ свою свободу, — „отчичи“ — владѣльцы земли разсматриваются часто, какъ прикрѣпленные крестьяне; если въ актахъ укрѣпленія имущества они не были перечислены, то доказательствомъ частной принадлежности ихъ могли быть другіе акты, на примѣръ раздѣльные акты между панами, если при этомъ составлялись поименные реестры крестьянъ. Тогда единственнымъ способомъ защиты отъ прикрѣпленія оставалось доказать званіе похожего человѣка, утвердить, что „я человѣкъ господарскій, вольный“¹⁾; бродячій человѣкъ, хотя ни къ кому не приуроченъ, но въ качествѣ, такъ сказать, *ges nullius* есть человѣкъ господарскій — королевскій. Въ первой половинѣ XVI вѣка суды и власти были еще очень осторожны въ признаніи правъ пановъ на личность такихъ людей; „не желая на свою голову брать, чтобы человѣка и его будущихъ потомковъ на вѣчность выдавать кому либо“, отлагали такія дѣла до королевскаго суда²⁾.

Почему лучшая, осѣдлая и имущественно-полноправная часть крестьянскаго общества прикрѣпляется раньше бродячей, бездомной и безземельной? Отчичи суть владѣльцы земли, если признать за ними право отказываться произвольно отъ службы своему пану, то это значило бы допустить выходъ изъ-подъ власти пана *съ землею*, т. е. допустить возможность полного разрушенія панскихъ правъ. Ни сами паны, ни государство не могли еще объявить ихъ

¹⁾ Ак. Вил. Ком., XVII, № 263.

²⁾ Ibid.

права на землю ничтожными. Сейчасъ былъ приведенъ фактъ борьбы крестьянина съ паномъ Виленскимъ, при чемъ первый, освободившись лично отъ власти пана, влечетъ вмѣстѣ съ собою изъ-подъ его власти и свою землю. Паны должны были парализовать личныя права крестьянина, чтобы сохранить за собою его землю.

М. Владимірскій-Будановъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Для показанія того, какъ долго (до пол. XVIII в.) сохранялись по мѣстамъ древнія формы сельской общины, дворицнаго совладѣнія и права частновладѣльческихъ крестьянъ на землю, прилагаемъ слѣдующій актъ изъ книгъ Барскаго староства за 1731 г.:

Roku 1731, iunij 23. W sprawie między pracowitemi Iwanem Zielenkiem powodem, oczewisto, a pracowitym Ilkiem Kaszczyenkiem pozwanym, oczewisto, do sądu zamkowego zayszley o to, iż pomieniony powod Zielenko, będąc z dawnych dawien, z dziada y oycа, obywatelem Łuczanskim, w teyże wsi Łuce, w części Trykowej nazwaney, mieszkał z domowstwem swoim, a tak, gdy podczas inkursyi różnych, domowstwo swoje porzucic y ze wsi Łuki ustąpic musiał, Ilko Kaszczenko, pozwany teraznieyszy, porzuciwszy dawne swoje domowstwo do iego pomieszkania przeniósł się y tak sady, stawy, grunta, lasy y sianożęci na osobę swoją odebrał. Pracowity zas Iwan Zielenko, powrociwszy przy pokoju do wsi Łuki, tak u gromady swego upominał się dziedzictwa, iako też o to y do sądu teraznieyszego zamkowego Ilka przypozwał, oraz y gromadę Łuczanską stawił na swiadectwo ¹⁾. Iakoż iuż ta gromada Łuczanska, godząc strony, pomiarkowanie między niemiż we wsi Łuce, dnia 14 miesiąca y roku teraznieyszych, uczynili,—wyszrzczoneму Zielenkowi grunt jego dawny przyznali, a temu

¹⁾ Крестьянинъ села Луки Барскаго староства Зеленко, „бывшій съ давнихъ давень, отъ дѣда и отца, обывателемъ“ этого села, долженъ былъ, вслѣдствіе разныхъ нарядовъ на село, уйти; оставленное имъ имущество его: домъ, сады, ставы, грунты, лѣса и сѣнокосы, занялъ другой крестьянинъ—Кашіенко. По успокоеніи края первый хозяинъ однако возвратился въ родное село и потребовалъ свое имущество назадъ; онъ обратился для этого къ гromадѣ Лучанской. Громада признала права истца; Кашіенко долженъ былъ уступить; но, въ замѣнъ того, громада дала ему „въ вѣчное владѣніе“ выморочный грунтъ Романенковъ—садокъ и ставокъ съ сѣнокосами; такое пожалованіе выражено было на письмѣ, съ приложеніемъ рукъ членовъ громады.

Ilkowi grunt nazwany Romanenkow, sadek y stawek z sianożęciami spadłe, w dzierzawe wiecznemi czasy podali, y na to się rekoma swemi własnemi podpisali.

Сąd tedy zamkowy, referując się do tegoż pomiarkowania y one we wszystkim approbując y zachowując, pracowitemu Zielenkowi grunt iego dawny, ktorego przedtym zażywał, przysądza y, aby z pracowitemi Lewkem Prodernenkem y Leskem Pasieczniczenkem, iako w teyże części mieszkającymi, stawku y sadku, co iest w lesie, iako też y sianożęci, oprócz sadow, we wsi znajdujących się, po-półowie zażywali, nakazuie ¹⁾. Ilkowi zaś Kaszczyenkowi grunt od gromady nadany y wydzielony, nazwany Romanenkow, na co osobliwszy od gromady ma skrypt, także z sadem, stawkiem, sianożęciami, także wiecznemi czasy do spokoynego podaie używania, iakoż y z chałupy, w którey teraz siedzi, ustępować niema.

Ze zaś pracowity tenże Ilko Kaszczenko w sadzie tym, ktory teraz Zielenkowi iest przysądzony, drzewa sadowego, pracy y kosztu niemało przyłożywszy, siła nasadził, y nagrodzenia teyże swoiey pracy za owe sadowinę u pracowitego Zielenka affektuie y dopomina się,—sąd zamkowy, stosując się do słusznosci, nakazuie, aby strony obydwie po dwoch ludzi z strony swoiey we wsi Łuce do pomiarkowania, czego sad wart, uprosili. Ci zaś uproszeni ludzie y sprowadzeni do przerzeczonego sadu, iakie drzewa są y czego warte, zważą y, aby nagrodził pracowity Zielenko Ilkowi, nakażą, y we wszystkich pretensjach strony obydwie pogodzą.

Ктóremу то декретови strony obydwie zadosyc uczynić powinni będą pod grzywnami y winami замковими.

Кн. декретовъ Барск. замк. юрисдикции, хранящаяся въ Киев. центр. арх., № 5684, л. 66, актъ 175.

---

¹⁾ Замковий судъ утвердилъ распоряженіе громады, дополнивъ его лишь нѣкоторыми подробностями, а именно: старинный грунтъ Зеленка (теперь возвращенный ему) находился въ части, т. н. Трыковой. Частью называется *грунта нѣсколькихъ хозяевъ-совладальцевъ* (въ данномъ случаѣ—трехъ). Поэтому замковый урядъ приказываетъ, чтобы возвратившійся крестьянинъ владѣлъ и пользовался сообща съ крестьянами Продерненкомъ и Пасѣчниченкомъ, „какъ живущими въ той же частя“; общее владѣніе простирается на ставъ, на тотъ садъ, который находится въ лѣсу, а равно и на сѣнокосы, но не простирается на сады, находящіеся въ селѣ. Очевидно, „часть“ представляетъ то, что въ старину называлось дворницемъ,—члены ея совладѣютъ всѣми имуществами, кромѣ усадебъ.

Возвратившійся крестьянинъ долженъ вознаградить своего предмѣстника за улучшенія, сдѣланныя этимъ послѣднимъ въ саду, по оцѣнкѣ третьихъ лицъ.

Новыя данныя для біографіи Івана Федорова, русскаго первопечатника.

Въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, въ Луцкихъ градскихъ книгахъ за 1575 и 1576 г.г. находятся акты, на основаніи которыхъ могутъ быть восполнены имѣвшіяся доселѣ біографическія свѣдѣнія объ Иванѣ Федоровѣ за время пребыванія его въ Западной Россіи, особенно на Волини у кн. Константина Острожскаго ¹⁾. Немногое даютъ Луцкіе акты въ восполненіе этихъ свѣдѣній; но немногое значимо и цѣнно, когда рѣчь идетъ о такой замѣчательной личности, какъ нашъ русскій первопечатникъ. Припомнимъ вкратцѣ тѣ главные моменты и факты изъ жизни Федорова въ Западной Россіи, которые были извѣстны до настоящаго времени, чтобы, такъ сказать, примостить къ нимъ новыя данныя, а изъ совокупности тѣхъ и другихъ сдѣлать и нѣкоторые выводы относительно трудовъ Федорова въ томъ дѣлѣ, которое онъ считалъ своимъ призваніемъ.

29 октября 1565 г. Федоровъ и его товарищъ Петръ Тимоѣевичъ Мстиславецъ окончили печатаніемъ въ Москвѣ вторую изъ своихъ первопечатныхъ книгъ—*Псалтирь съ Часословомъ*—и вскорѣ затѣмъ подпали гоненію отъ невѣждъ и принуждены были бѣжать, говоря по тогдашнему, въ Литву. Время этого бѣгства и прибытія ихъ въ Литву точно не опредѣлено; но несомнѣнно, что оно было не ранѣе конца 1565 г. Въ Литвѣ московскіе приплецы-печатники имѣли честь найти благосклонный пріемъ у короля и пановъ рады Литовской, какъ говоритъ это самъ Федоровъ въ предисловіи въ

---

¹⁾ Акты найдены и указаны мнѣ, а нѣкоторые, и притомъ важнѣйшіе, сообщены въ копіяхъ И. М. Каманинымъ.

своему Львовскому Апостолу 1574 г. Это могло быть въ Вильнѣ въ концѣ 1565 или началѣ 1566 г., или же въ Гроднѣ въ половинѣ 1567 г., потому что въ первый изъ этихъ моментовъ происходилъ Литовскій сеймъ въ Вильнѣ, а во второй—въ Гроднѣ, и на обоихъ присутствовалъ король со всею Литовскою радою.—Благосклонный пріемъ московскихъ пришельцевъ самимъ государемъ объясняется, помимо тогдашнихъ отношеній Литвы къ Москвѣ, особенно ходатайствомъ за нихъ Виленскаго каштеляна и гетмана великаго княжества Литовскаго, Григорія Александровича Ходкевича, который, какъ выражается Ѳедоровъ, „со тпцаніемъ умоли за насъ государя Сигизмунда-Августа“. Этотъ же „вельможный панъ, продолжаетъ Ѳедоровъ, прія насъ любезно въ своей благоуспѣшной любви, и упокоеваше насъ *немало время*, и всякими потребами тѣлесными удовляше насъ; еще же и сіе недовольно ему бѣ, аще тако устроити насъ, но и весь немалу дарова ми на упокоеніе мое“¹⁾. Это было въ имѣніи Ходкевича Заблудовѣ (нынѣ мѣстечко въ Бѣлостоцкомъ уѣздѣ Гродненской губ.), вблизи котораго и дана была Ѳедорову немалая вещь, или село. Здѣсь въ Заблудовѣ или, какъ думаютъ нѣкоторые, въ сейчасъ упомянутомъ селѣ, Ѳедоровъ и Мстиславецъ, по желанію и на средства своего покровителя, устроили типографію и въ 1568—1569 г. напечатали *Учительное Евангеліе*, а въ 1570 г. уже самъ одинъ Ѳедоровъ (Мстиславецъ удалился въ Вильну) напечаталъ *Апостолъ*. Но затѣмъ старость и частыя головныя боли, какъ рассказываетъ Ѳедоровъ, а вѣроятно, прибавимъ съ своей стороны, и тѣ огорченія и затрудненія, какія причинилъ Ходкевичу исходъ крайне противной ему Люблинской уніи, вынудили послѣдняго прекратить дѣйствіе типографіи²⁾. „Повѣле

¹⁾ Предисловіе къ Львовскому Апостолу Ѳедорова 1574 г., нѣсколько разъ напечатанное, въ послѣдній разъ пропечатано въ статьѣ г. *Пташицкаго*: „Иванъ Ѳедоровъ, Московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ“ (Русская Старина за 1884 г., Мартъ).

²⁾ Извѣстно, что всѣ Ходкевичи были сильными противниками Люблинской уніи, а Григорій Ходкевичъ собирался даже выступить съ открытымъ возстаніемъ противъ нея, что соединялось съ большими неприяностями для него. Извѣстно также, что въ данное время онъ испытывалъ большія денежныя затрудненія. Это видно особенно изъ письма его отъ 1 марта 1572 г. къ игумену Киевскаго Никольско-Пустынскаго монастыря, которому онъ не могъ уплатить долга въ 200 копъ грошей вслѣдствіе „великаго утиску и недостатку“ въ его имѣніяхъ (Вил. Археогр. Сборникъ, Т. IX, № 25, стр. 75. Вильна. 1870 г.). Денежныя затрудненія, вѣроятно, были однимъ изъ поводовъ къ прекращенію дѣйствія типографіи,—требовалось издержекъ.

намъ, говорить Федоровъ, работанія сего престати и художество рукъ нашихъ ни во чтоже положить и въ веси земледѣланіемъ житіе міра сего препровождати“. Но Федоровъ чувствовалъ себя призваннымъ трудиться, какъ самъ выражается, не раломъ пахатнымъ, а своимъ художествомъ, и не житныя сѣмена сѣять, а духовныя сѣмена разсѣвать по вселенной чрезъ книгопечатаніе. Поэтому онъ оставляетъ Заблудовъ и свою весъ и отправляется во Львовъ. Труденъ былъ путь его. „Въ путь шествующу ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, но и презельному повѣтрію, и путь шествія моего ста силищу, и просто рѣщи все злое и злыхъ злѣе“. Упоминаніемъ о *презельномъ повѣтріи* довольно точно опредѣляется время путешествія Федорова изъ Заблудова во Львовъ. Это дѣйствительно страшное повѣтріе свирѣпствовало именно въ 1572 г. ¹⁾, къ которому и надо относить переходъ Федорова изъ Заблудова во Львовъ.

Во Львовѣ видимъ Федорова въ январѣ 1573 г. и притомъ уже устраивающимъ свою типографію; слѣд., прибылъ онъ сюда нѣсколько ранѣе, т. е. въ концѣ 1572 г. Во Львовѣ, послѣ многихъ затрудненій и огорченій въ борьбѣ съ равнодушіемъ къ его дѣду однихъ, съ противодѣйствіемъ другихъ, онъ наконецъ нашелъ добрыхъ людей изъ незнатнаго класса и съ помощію ихъ успѣлъ устроить свою типографію, а въ 1574 г. уже окончилъ въ ней печатаніе Апостола, въ предисловіи къ которому съ глубокою почитательностію и благодарностію говоритъ о своемъ благодѣтелѣ Ходкевичѣ. На основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ Львовскихъ архивовъ и сообщенныхъ въ извѣстныхъ изслѣдованіяхъ о Федоровѣ галицко-русскаго ученаго, достопочтеннаго о. А. С. Петрушевича, и русскаго ученаго С. Л. Пташицкаго, писавныхъ по случаю истекшаго 5 декабря 1883 г. 300-лѣтія со времени кончины Федорова,—знаемъ, что Федоровъ во Львовѣ назывался *Иванъ Федоровичъ русскій друкарь*, по-латыни *Iwan Fedorowicz impressor ruthenus*, или просто *Иванъ Друкарь*, *Iwanus Impressor*. Знаемъ также, что здѣсь жилъ съ нимъ взрослый сынъ его, также *Иванъ*, называемый *друкаровичемъ*, т. е. сыномъ дру-

¹⁾ О страшной моровой язвѣ, отъ которой вымирали цѣлыя села, упоминается въ документальной лѣтописи Супрасльскаго монастыря подъ 1572 г. (Вил. Археограф. Сборн. іѣ., стр. 76).

каря, а по ремеслу *introligator*, или *переплетчикъ*, что были здѣсь у Ѳедорова и другія дѣти, еще недорослыя. Знаемъ, между прочимъ, еще, что Ѳедоровъ съ тѣмъ именемъ Ивана Ѳедоровича бывалъ во Львовѣ въ іюлѣ и октябрѣ 1577 г., что предъ послѣднимъ временемъ хаживалъ въ Валахію и Турцію¹⁾. Позже, именно 2-го марта 1579 г., онъ является во Львовѣ, уже какъ *magnifici palatini Kijowiensis famulus*, т. е. *служебникъ* вн. *Константина Острожскаго*, съ которымъ слѣдовательно еще прежде вошелъ въ извѣстныя служебныя отношенія. Наконецъ, съ 1580 года онъ печатаетъ Новый Завѣтъ, а потомъ въ 1580—81 г.—Библию. Затѣмъ, но когда именно—въ точности неизвѣстно, онъ опять переходитъ во Львовъ, борется съ затрудненіями, особенно изъ-за долговъ, накопившихся по немъ на его Львовской типографіи, которую еще прежде отдалъ въ заставу еврею Исааку Якубовичу въ суммѣ 411 злотыхъ, а потомъ заложилъ и 140 книгъ. 5 декабря 1583 г. Ѳедоровъ умираетъ, оставляя взрослого сына и другихъ малолѣтнихъ дѣтей, а типографія, долгъ на которой возросъ до громадной тогда цифры въ 1500 злотыхъ, остается въ залогѣ у еврея, у котораго была выкуплена епископомъ Львовскимъ Гедеономъ, при содѣйствіи Львовскаго братства, въ 1585—86 г. и послужила основаніемъ къ учрежденію знаменитой типографіи этого братства.

Лучшіе акты пополняютъ свѣдѣнія о Ѳедоровѣ только за небольшой моментъ 1575—76 г., но въ связи съ прежними свѣдѣніями отрываютъ возможность выводовъ на болѣе широкое время.

Первый актъ отъ 6 марта 1575 г. есть запись жалобы, которую занесъ въ гродскій судъ нареченный игумень Дерманскаго монастыря Михайлъ Игнатовичъ Дчуса на вн. Константина Острожскаго въ томъ, что онъ насильно изгналъ его изъ монастыря и отдалъ его со всѣми имѣніями „до рука“ *Ивана Ѳедоровича*, котораго „предложилъ“ надъ этимъ монастыремъ. Этотъ актъ былъ уже напечатанъ покойнымъ проф. Н. Д. Иванишевымъ въ I ч. I т. „Архива Юго-Зап. Россіи“²⁾. Но издатель не сдѣлалъ никакого поясненія къ упоминаемому въ немъ имени Ивана Ѳедоровича, чего бы онъ, конечно, не упустилъ, если-бы могъ видѣть, что этотъ Иванъ Ѳедоровичъ есть

¹⁾ У г. Пташицкаго, тамъ же.

²⁾ № 11.

именно первопечатникъ Иванъ Федоровъ, какъ видимъ это теперь мы, зная, что Федоровъ уже предъ тѣмъ во Львовѣ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Ивана Федоровича, что въ слѣдующихъ затѣмъ Луцкихъ актахъ лицо, получившее отъ князя Дерманскій монастырь, называется то *Иваномъ Друкаремъ*, то *Иваномъ Федоровичемъ*, какія названія утвердились и во Львовѣ за Иваномъ Федоровымъ. Изъ приложеннаго къ жалобѣ королевскаго листа оазывается, что Дчуса, мірянинъ изъ мѣстныхъ дворянъ, еще въ 1571 г., послѣ отказа дѣйствительнаго игумена о. Федора Яновича, получилъ монастырь по рекомендаціи Черскаго каштеляна, старосты Варшавскаго Зигмунда Вольскаго, ревизовавшаго Острожскія имѣнія короля Сигизмунда-Августа, переданныя ему Сѣрадскимъ воеводою Альбрехтомъ Ласкимъ; а прежній игумень о. Федоръ Яновичъ въ свое время получилъ монастырь по наданью отъ Беаты Костелецкой и князя Семена Слуцкаго. Не входи въ болѣе подробныя объясненія по этому предмету, ограничусь замѣчаніемъ, что, изгоняя Дчусу изъ Дерманскаго монастыря, кн. Константинъ Острожскій возстановлялъ свое, отъ праѣда наслѣдованное имъ, патронатское право надъ этимъ монастыремъ, незаконно и хищнически присвоенное другими людьми, а съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлъ полное право передать монастырь лицу по своему выбору и назначенію, какимъ оказался теперь у него Иванъ Федоровичъ. Хотя онъ былъ только діакономъ и притомъ изъ бѣлаго, а не монашествующаго духовенства, но, по тогдашнимъ обычаямъ, не только діакономъ, но и мірянинъ могъ быть „справцею“, т. е. управляющимъ монастыремъ, завѣдывать его имѣніями, какъ то мы и видѣли сейчасъ на примѣрѣ Дчусы.

Въ званіи справцы Дерманскаго монастыря Федорову пришлось попасть въ колею, для него совсѣмъ непривычную, втягиваться въ дѣла и интересы, ему несродные. Это отерываютъ намъ слѣдующіе Луцкіе акты, въ числѣ пяти. Первый изъ нихъ отъ 23 мая 1575 г., второй отъ 9 августа 1575 г., третій отъ 6 апрѣля 1576 г., четвертый отъ 2 іюля и пятый отъ 5 сентября того же 1576 г. ¹⁾ Не излагая подробно содержанія ихъ, отмѣчаемъ главное для нашей цѣли. Всѣ эти акты представляютъ собою записи жалобъ со стороны землянъ села Спасова, принадлежавшаго вдовѣ Григорія Ходьевича, урожденной княжнѣ

¹⁾ Эти акты напечатаны ниже въ приложеніи.

Вишневецкой, на крестьянъ принадлежащаго Дерманскому монастырю села Кунина, на ихъ атамановъ и на „справцу“ монастыря Ивана Друкаря по поводу грабежей и побоевъ, причиняемыхъ ими жалобщикамъ на Спасовскихъ поляхъ, а также— заявленія возныхъ, производившихъ осмотръ грабежей и побоевъ. Дѣло представляется такъ, что сперва Кунинскіе крестьяне грабительски запахиваютъ Спасовскія поля, что въ слѣдующій разъ они подъ предводительствомъ своихъ атамановъ грабятъ на этихъ поляхъ хлѣбъ и скоть, нападаютъ и на самое село, побиваютъ и ранятъ Спасовскихъ пановъ и крестьянъ, что „справца“, или „державца“, монастыря, служебникъ князя Острожскаго Иванъ Друкаръ, въ одномъ изъ первыхъ случаевъ нападенія Куницевъ на Спасовцевъ, обѣщавшій дать удовлетвореніе обиженной сторонѣ, затѣмъ въ двухъ другихъ случаяхъ и самъ участвуетъ въ нападеніяхъ, имѣя при себѣ вооруженныхъ людей, и что онъ дѣлаетъ это по властному, т. е. собственному, приказу князя Острожскаго. Въ послѣднемъ изъ описываемыхъ въ актахъ нападеній, которое произведено служебникомъ того же друкаря Ивана Ѳедоровича Ганусомъ, и соединилось съ грабежемъ и побоями, уже и самъ князь Острожскій чрезъ двухъ своихъ пановъ приказалъ Ивану Ѳедоровичу возвратитъ пограбленное; но когда Спасовскіе явились на свои грунты, чтобы получить заграбленное, Друкаръ не захотѣлъ отдать имъ ничего.

Факты, представляемые этими актами, неожиданны и неприяты въ біографіи Ивана Ѳедорова, бросая тѣнь на него и видимо противорѣча съ тѣми симпатичными чертами характера его, какія мы знали въ немъ и до новыхъ данныхъ о немъ, собранныхъ изъ Львовскихъ архивовъ Петрушевичемъ и Пташицкимъ, и какія подтверждаются и этими данными, ибо по всѣмъ этимъ даннымъ онъ представляется человекомъ, хотя весьма энергическимъ, но энергическимъ въ своемъ художествѣ, которому безызытно преданъ былъ, предпочевшимъ ради него отказаться отъ Забудовской веси, человекомъ, способнымъ на борьбу съ затрудненіями и лишеніями, но прямодушнымъ, готовымъ на мирныя сдѣлки, терпѣливымъ и снисходительнымъ. Желательно поэтому выяснитъ обстоятельства *Спасовскаго дѣла*, къ чему и даютъ нѣкоторую возможность справки по другимъ документамъ, изданнымъ и неизданнымъ, но имѣющимся въ тѣхъ же Луцкихъ книгахъ.

Село Спасово, сосѣднее съ селомъ Дерманскаго монастыря Кунинымъ, принадлежало въ числу Волынскихъ имѣній Григорія Ходке-

вѣча, доставшихся ему въ приданое заженою, урожденною княжною Маріею Вишневецкою. Самъ Ходкевичъ не проживалъ въ этихъ имѣніяхъ, а управлялъ ими его урядникъ, имѣвшій свое пребываніе въ селѣ (нынѣ мѣстечкѣ) Муравицѣ, главною изъ нихъ. Во время Ходкевича Спасовскіе земляне прославились смѣлостію въ грабежахъ и разбояхъ, поощряемые къ тому безнаказанностію. Наѣзды, грабежи между сосѣдними панами, землянами и крестьянами ихъ были тогда довольно обычнымъ явленіемъ. Смѣлѣе въ этихъ дѣлахъ были земляне въ тѣ моменты, когда принципалъ ихъ былъ лицо особенно высокопоставленное и сильное, при которомъ они могли рассчитывать на защиту и безнаказанность. Спасовцы имѣли такого пана-принципала въ лицѣ Григорія Ходкевича, Виленскаго каштеляна и найвысшаго гетмана Литовскаго, а ближайшаго защитника въ лицѣ его Муравицкаго урядника. Вотъ примѣръ разбойничества Спасовцевъ. Въ февралѣ 1564 г. королевскій дворянинъ Василій Богдановичъ Шашкевичъ съ отрядомъ Москвитянъ, дѣтей боярскихъ (вѣроятно, поступившихъ на службу литовскую изъ плѣнныхъ или бѣглецовъ), отправляясь на военную службу, проходилъ невдалекѣ отъ Спасова. Къ вечеру потребовался ночлегъ. Найдя мѣсто ночлега для двухъ частей отряда въ сосѣднихъ селахъ, Шашкевичъ третьей части предоставилъ просить ночлега у жителей Спасова. Но Спасовцы не только не приняли Москвитянъ, но еще напали на нихъ передъ селомъ, многихъ изъ нихъ поранили, пострѣляли, поизбивали до полусмерти, ограбили у нихъ деньги, оружіе, посядрили самую одежду на нихъ. Всѣхъ избитыхъ и ограбленныхъ было до 30, а нѣкоторые изъ отряда пропали безъ вѣсти, и Шашкевичъ подозрѣвалъ, что они умерщвлены или захвачены въ плѣнъ. Шашкевичъ занесъ жалобу Муравицкому уряднику; но тотъ отвѣчалъ, что онъ не будетъ чинить суда и управы землянамъ своего пана и отказался дать какое бы то ни было удовлетвореніе ¹⁾). Въ виду такого разбойническаго характера Спасовцевъ, поощряемыхъ при томъ безнаказанностію, естественно полагать, что они давали себя знать съ этой стороны и своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, жителямъ села Кунина, принадлежавшаго Дерманскому монастырю. Но теперь, по смерти Гр. Ходкевича, при его овдовѣвшей женѣ,

¹⁾ Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волынн. Т. II, стр. 268—272. Кі-въ. 1849 г.

жившей при томъ далеко, Спасовцы потеряли въ лицѣ его сильнаго пана, между тѣмъ какъ Куниинцы имѣли надъ собой князя Острожскаго, возстановившаго свои права на Дерманскій монастырь и его владѣнія. Теперь настала очередь Куниинцамъ показать свою силу надъ Спасовцами, свести съ ними старые счеты, возникшіе, какъ водится, изъ-за полей, потому что они начинаютъ свои нападенія именно нападеніями на поля Спасовцевъ. То замѣчательно, что нападенія свои на Спасовцевъ Куниинцы со справцею Дерманскаго монастыря Иваномъ Друкаремъ и съ атаманомъ дѣлають даже „по собственному рассказанію“ князя Острожскаго, получивъ, можетъ быть, и вооруженную подмогу отъ него для нападенія. Слѣдуетъ поэтому думать, что князь считалъ Спасовцевъ въ чемъ-либо виновными предъ Куниинцами, и затѣмъ также присовокупить, что у самого Острожскаго были старые счеты съ Ходкевичами, что ему, какъ Волинцу, не могло быть пріятно вторженіе на Волинь этихъ знатныхъ литовскихъ пановъ ¹⁾.

Уясненіе обстоятельствъ или мотивовъ дѣла между Куниинцами и Спасовцами сразу измѣняетъ представленіе о характерѣ отношенія къ этому дѣлу Ивана Федорова, какъ „справцы“ Дерманскаго монастыря, которому принадлежало село Куниинъ. Ему въ этомъ дѣлѣ не принадлежали ни починъ, ни главная роль. Онъ былъ здѣсь орудіемъ воли другихъ, невольною жертвою своего новаго положенія, какъ „справцы“ Дерманскаго монастыря. Въ первыхъ числахъ марта 1575 г. водворенный княземъ Острожскимъ въ Дерманскомъ монастырѣ въ званіи „справцы“ его на мѣсто изгнаннаго М. Дчусы, Федоровъ пробылъ въ этомъ званіи не болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ крестьяне монастырскаго села Кунина заняли поле обывателя села Спасова, о чемъ гласитъ запись отъ 23 мая 1575 г. Такимъ образомъ, дѣло начинаютъ сами Куниинцы, имѣвшіе какія-то притязанія на

---

¹⁾ Еще во время Люблинскаго сейма послѣдовалъ взрывъ ссоры между Константиномъ Острожскимъ и Иваномъ Ходкевичемъ, племянникомъ Григорія Ходкевича. Въ „Дневникѣ Люблинскаго сейма“ (изд. проф. Кояловичемъ. Спб. 1869 г.), рассказывающемъ объ этомъ случаѣ, не разъ упоминается и о томъ, что волинцы вообще не долюбивали литовскихъ пановъ за ихъ будто-бы гордость и стремленіе прибирать въ свои руки высшія должности въ предѣлахъ Волини и Кіевской земли. Извѣстно еще, что у Константина Острожскаго были какіе-то споры съ самимъ Григоріемъ Ходкевичемъ по дѣлу объ опеку надъ малолѣтними князьями Жеславскими.

Спасовскія поля; а новыі „справца“ Дерманскаго монастыря, если и былъ попустителемъ въ дѣлѣ, то невольнымъ, не могшимъ и разобратъ въ томъ, насколько были правы или неправы Куниинцы въ своихъ притязаніяхъ на эти поля. Да и самая запись обвиняетъ въ этомъ дѣлѣ еще не „справцу“ монастыря, а только Куниинцевъ. Слѣдующая затѣмъ запись отъ 9 августа 1575 г., представляющая собою показаніе вознаго объ осмотрѣ грабежей и побоевъ, учиненныхъ Куниинцами надъ Спасовцами, также не обвиняетъ Ивана Друкера, какъ „справцу“ Дерманскаго монастыря, какъ попустителя или участника въ дѣлѣ, напротивъ, представляетъ его дающимъ обѣщаніе одно возвратитъ, а о прочемъ развѣдать съ тѣмъ же обѣщаніемъ возврата. Только въ третьей записи отъ 6 апрѣля 1575 и четвертой отъ 2 іюля того же года вожакомъ въ нападеніяхъ представляется самъ Иванъ Друкеръ, имѣвшій помощниковъ въ Дерманскихъ боярахъ, въ атаманыхъ монастырскихъ селъ и вообще въ слугахъ и подданныхъ Дерманскаго монастыря и села Кунина. Но какъ первое изъ этихъ нападеній онъ дѣлаетъ *по собственному приказу князя Острожскаго*, то необходимо предполагать это и во второмъ нападеніи. Очевидно, что справца Дерманскаго монастыря, послѣ первыхъ нападеній, начатыхъ самими Куниинцами, не преминулъ снести съ своимъ патрономъ-княземъ, который, — потому ли, что считалъ правоту въ спорныхъ дѣлахъ между Куниинцами и Спасовцами на сторонѣ первыхъ, или по какимъ бы то ни было другимъ побужденіямъ, — далъ Федорову не только полномочіе, но и приказъ продолжать нападенія. Что касается до показанія въ послѣдней записи отъ 5 сентября 1576 г., гдѣ Иванъ Друкеръ обвиняется въ томъ, что, не смотря даже на приказъ князя, не хотѣлъ возвратитъ панамъ Спасовскимъ того, что пограбилъ у нихъ служебникъ Друкера Ганусъ, то это можетъ быть объяснено просто самою трудностію принудитъ какого-то буяна Гануса возвратитъ пограбленное. Впрочемъ, превращеніе въ Луцкихъ городскихъ книгахъ записей о дальнѣйшемъ ходѣ Спасовскаго дѣла можетъ вести къ предположенію, что и самое дѣло прекратилось по волѣ князя, или же по старанію Ивана Федорова, которому оно не могло быть по душѣ.

Если этихъ объясненій по поводу Спасовскаго дѣла и участія въ немъ Федорова не достаточно для огражденія нравственнаго характера дорогой намъ личности, то слѣдуетъ еще взять во вниманіе,

что дѣло происходило не въ Московской Руси, а въ Литовской. Тамъ прямое или косвенное участіе духовнаго лица въ наѣздахъ и грабежахъ было бы страннымъ явленіемъ, а здѣсь оно было дѣломъ зауряднымъ. Проявленія такого участія могли встрѣчаться здѣсь въ жизни не какихъ-либо только буяновъ изъ среды игуменовъ, владыкъ, а и въ жизни людей столь почтенныхъ, каковъ напр. Острожскій пресвитеръ Демьянъ Наливайко, духовникъ князя Острожскаго; этотъ добрый пресвитеръ, ревнитель православія, упражнявшійся и въ книжныхъ трудахъ, былъ союзникомъ своего удалаго брата Северина Наливайка и другихъ смѣльчаковъ въ нападеніяхъ на имѣнія тѣхъ, кого считали тогда отступниками православія ¹⁾. Болѣе всего страннымъ и неожиданнымъ можетъ казаться участіе Ѳедорова въ нападеніяхъ именно на Спасово село, какъ село вдовы *Ходкевича*, его благодѣтеля, о которомъ еще недавно Ѳедоровъ говорилъ съ такою почительностію и благодарностію. Но дѣло началось и велось собственно не съ нею, а съ панами и землянами Спасовскими, отъ имени которыхъ и заносятся жалобы. Сама *Ходкевичева*, повидимому, и не жившая въ Спасовѣ, была въ сторонѣ отъ того, что земляне села ея могли дѣлать другимъ или терпѣть отъ другихъ василія.

На этомъ пока и остановимся до могущаго послѣдовать усмотрѣнія новыхъ актовъ и данныхъ оположеніи Ѳедорова, какъ „справцы“ Дерманскаго монастыря. Но оставаясь пока въ предѣлахъ имѣющихся новыхъ данныхъ и примѣняя къ нимъ данныя, прежде извѣстныя, попытаемся, наконецъ, сдѣлать нѣкоторые выводы, могущіе имѣть отношеніе къ главному художеству или призванію Ѳедорова, какъ книгопечатника.

Итакъ, новыми лучшими актами констатируется, 1) что Иванъ Ѳедоровъ не съ 1579 г., а еще съ марта 1575 г. состоялъ при князѣ Острожскомъ, именно какъ его служебникъ и „справца“ Дерманскаго монастыря, нося и установившееся за нимъ прозваніе Ивана Друкаря. Безъ сомнѣнія, онъ получилъ этотъ монастырь, какъ пожалованіе отъ князя въ виду предстоящихъ трудовъ его—друкаря—по книгопечатанію, подобно тому, какъ прежде за подобныя труды получилъ немалую вещь отъ *Ходкевича*. Нѣкоторые изслѣдователи приблизительно къ 1575 г. относятъ извѣстный фактъ приобрѣтенія княземъ Острожскимъ изъ Москвы списка полной славянской (Геннадіевой)

¹⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. I, №№ XXVII—XXIX.

Бібліі, испрошенаго імъ у царя Івана Васильевича чрезъ литовскаго посланніка Михаила Гарабурду ¹⁾. Возможно, что между этимъ фактомъ и фактомъ призыва княземъ Острожскимъ Федорова на службу къ себѣ есть связь и по существу дѣла, и по времени, т. е. что, получивъ изъ Москвы полный списокъ Библіи, онъ въ слѣдъ затѣмъ призывалъ къ себѣ изъ Львова московскаго книгопечатника съ мыслію о печатаніи Библіи, теперь уже вполне созрѣвшею у князя.

2) Отмѣченные въ изслѣдованіи г. Пташицкаго, на основаніи данныхъ изъ Львовскихъ архивовъ, факты пребыванія Федорова во Львовѣ въ іюлѣ и октябрѣ 1577 г. ²⁾ должны быть теперь понимаемы такъ, что это были *временныя посѣщенія* имъ Львова,— по дѣламъ своей типографіи, которая оставалась во Львовѣ и по которой велись здѣсь расчеты, можетъ быть, и по дѣламъ своихъ дѣтей, продолжавшихъ еще жить во Львовѣ, наконецъ и по дѣламъ своего новаго патрона, касавшимся предположеннаго устройства типографіи въ г. Острогѣ ³⁾. Думаемъ, что свои поѣздки во Львовъ Федоровъ предпринималъ уже не изъ Дермани, а именно изъ Острога, то есть, что онъ послѣ безпокойныхъ годовъ его службы въ качествѣ „справцы“ Дерманскаго монастыря, какими были годы 1575 и 1576, охотно бросилъ эту службу и, согласно желанію князя, переселился въ Острогъ, чтобы заняться подготовленіями къ устройству типографіи. Такимъ образомъ, переселеніе его изъ Дермани въ Острогъ должно было послѣдовать послѣ сентября 1576 г., такъ какъ въ этомъ году и мѣсяцѣ прекращаются сообщаемыя луцкими аетами данныя о пребываніи Федорова въ Дермани.

¹⁾ Это мнѣніе высказалъ покойный Филаретъ, арх. Харьковскій, въ своемъ „Обзорѣ Русской духовной литературы“ (Харьковъ, 1859 г., стр. 255). Известно, впрочемъ, что М. Гарабурда, начиная съ 1560 г., отправлялся нѣсколько разъ посланникомъ изъ Литвы въ Москву, гдѣ онъ былъ также въ 1570, 1572 и 1573 гг.

²⁾ Въ изслѣдованіи г. Пташицкаго эти факты понимаются, какъ указанія на *постоянное* пребываніе Федорова во Львовѣ съ января 1573 г. до означеннаго времени (Тамъ же, стр. 467).

³⁾ Въ томъ же изслѣдованіи г. Пташицкаго сообщается, между прочимъ, что во Львовѣ жилъ у Федорова ученикъ и помощникъ Гринъ Ивановичъ, котораго онъ нѣкогда выписалъ изъ Заблудова и отдалъ во Львовъ въ обученіе маляру Лаврентію Филипповичу, въ теченіе *двуух* лѣтъ платилъ за обученіе его и затѣмъ въ 1579 г. взялъ съ собою въ Острогъ, гдѣ заключилъ съ нимъ условіе, чтобы онъ работалъ только для его типографіи и безъ воли Федорова не работалъ для другихъ и не устраивалъ своей типографіи.

3) Возможенъ затѣмъ еще слѣдующій выводъ, представляющій особый интересъ. Въ изслѣдованіи г. Пташицкаго цитруется извлеченная изъ „acta advocatialis“ Львовскаго архива документальная записъ отъ 22 окт. 1577 г., по которой какой-то сербъ Иванъ изъ Сочавы уничтожаетъ всѣ претензіи, бывшія у него къ Ивану Ѳедоровичу *въ Валахіи и Турціи*. Основательно признавая въ этомъ Иванѣ Ѳедоровичѣ нашего Ѳедорова, встрѣчающагося подъ этимъ названіемъ въ другихъ Львовскихъ актахъ, а также, прибавимъ, и въ Луцкихъ актахъ, г. Пташицкій выражается: „изъ записи слѣдуетъ заключить, что онъ, т. е. Ѳедоровъ, *оставивъ Львовъ, побывавъ въ Валахіи и Турціи*, и уже оттуда отправился къ князю Острожскому“, т. е. отправился *опервие*. Далѣе въ своемъ выводѣ г. Пташицкій не могъ идти. Но теперь мы можемъ идти далѣе, исходя изъ того же, вновь открывшагося изъ Луцкихъ актовъ факта, что Ѳедоровъ еще въ мартѣ 1575 г. поступилъ на службу къ Острожскому въ Дермань, откуда послѣ сентября 1576 г. перешелъ въ Острогъ. При наличности такого факта, слѣдуетъ утверждать, что Ѳедоровъ, до октября 1577 г. совершившій путешествіе въ Валахію и Турцію, предпринялъ его не изъ Львова, а изъ Острога, и только на пути туда и обратно посѣщалъ Львовъ. Если такъ, — то возникаетъ вопросъ, для чего Ѳедоровъ могъ путешествовать въ Валахію и Турцію? Безъ сомнѣнія, не для празднаго любопытства, даже и не для торговли. Всецѣло преданный интересамъ своего художества, своего типографскаго дѣла, онъ могъ путешествовать въ интересахъ только этого дѣла. Трудно, впрочемъ, предположить, чтобы онъ предпринялъ это путешествіе по своей инициативѣ и на свой счетъ. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ предпринялъ его по желанію и на счетъ князя Острожскаго, у котораго состоялъ теперь на службѣ. За то интересъ самаго князя въ этомъ дѣлѣ совпадалъ, думаемъ, съ интересомъ Ѳедорова. Имѣя у себя полученный изъ Москвы списокъ Библии, имѣя опытнаго и ревностнаго книгопечатника, князь не могъ однакоже приступить къ печатанію Библии. Въ предисловіи къ своей Острожской Библии 1580—81 г., князь сообщаетъ намъ, что когда бывшіе при немъ книжные люди стали сличать Московскій списокъ и другіе, имѣвшіеся на лицѣ, списки священныхъ книгъ, то оказалось много разностей и поврежденій. Это смутило князя (конечно, онъ и самъ участвовалъ въ сличеніи, самъ видѣлъ разности и поврежденія), и тѣмъ болѣе, что были

лица, порицавшия его намѣреніе, какъ несбыточное или опасное. На вѣкоторое время князь приостановился съ своею мыслію, но потомъ опять возымѣлъ ее, рѣшившись преодолѣть трудности. Съ этою цѣлію онъ, какъ самъ сообщаетъ намъ, посылалъ нарочныхъ людей въ далевія страны, въ монастыри *греческіе, болгарскіе и сербскіе*, въ самому, напр., Іереміи и на островъ Кандію или Критъ, поручивъ имъ *приобрѣтати новыя болѣе исправныя и свидѣтельствованныя списки священныя книгъ, а также призывать и людей наставленныя въ святыя писанія, эллинскія и славянскія*. И списки священныя книгъ и свѣдущіе въ нихъ люди были приобрѣтены для князя, какъ сообщаетъ онъ въ томъ же предисловіи. Кто были посланцы князя, ходившіе въ разныя страны Востока для прибрѣтенія этихъ списковъ и для присканія свѣдущихъ людей, долго ли они странствовали по тѣмъ странамъ, когда возвратились,—все это осталось неизвѣстнымъ. Не былъ ли въ числѣ ихъ и самъ Федоровъ? Не въ этомъ ли смыслѣ должно понимать фактъ путешествія его въ Валахію и Турцію, открываемый записью въ Львовскихъ *acta advocatialis* отъ 22 октября 1577 г.? Такое пониманіе кажется намъ весьма возможнымъ. Федоровъ былъ уже опытнымъ странникомъ, привыкшимъ выносить и преодолевать трудности странствій. Такимъ образомъ, онъ былъ пригоднымъ для посылки на Юго-Востокъ и, какъ служебникъ князя, могъ быть назначеннымъ для этого. Цѣль посылки могла также быть по душѣ и самому Федорову, потому что была существенно связана съ тѣмъ дѣломъ, которому онъ былъ преданъ всею душею, т. е. съ дѣломъ предстоящаго печатанія священныя книгъ. Тотъ сербъ Иванъ изъ Сочавы, который по записи 22 октября 1577 г. уничтожаетъ претензіи, какія имѣлись у него къ Ивану Федоровичу въ Валахіи и Турціи, былъ, представляется намъ, или спутникомъ его въ странствіи, взятымъ изъ Острога (ибо при дворѣ князя были, какъ извѣстно, и сербы), или же найденнымъ во время путешествія пособникомъ по разыскванію и прибрѣтенію списковъ священныя книгъ въ греческихъ и болгарскихъ монастыряхъ, находившихся въ Валахіи и Турціи.

Съ дѣломъ этого разыскванія и прибрѣтенія и вообще путешествія связаны были, по всей вѣроятности, и тѣ претензіи, которыя сербъ Иванъ уничтожалъ записью 22 октября 1577 г., какъ удовлетворенныя. Если все это такъ, то путешествіе Федорова въ Валахію и

Турцію, то есть въ тамошніе греческіе и болгарскіе монастыри, имѣло мѣсто между 15 іюля и 22 октября 1577 г., т. е. между тѣми двумя моментами, въ которые мы застаемъ его во Львовѣ ¹⁾. Трехъ—четырехъ мѣсяцевъ было достаточно для путешествія въ *ближайшіе* греческіе и болгарскіе монастыри Валахія и Турція, которыми и могло ограничиться это путешествіе Ѳедорова, при предположеніи, что въ болѣе далекія мѣстности, какъ Царьградъ и Кандію, были отправлены другія лица. Съ признаніемъ факта путешествія Ѳедорова въ греческіе и болгарскіе монастыри Валахія и Турція для пріобрѣтенія списковъ священныхъ книгъ, значеніе его труда по печатанію этихъ книгъ еще болѣе возвышается. Если Ѳедоровъ былъ посредникомъ князя по пріобрѣтенію списковъ священныхъ книгъ, то дѣло его по Острожскимъ изданіямъ, какъ изданіе Новаго Завѣта съ Псалтырю 1579 г. и изданіе всей Библии 1580—81 г.г., не ограничивалось типографскимъ дѣломъ или художествомъ. Онъ могъ принимать участіе въ сличеніи списковъ и *въ нѣкоторыхъ хотя бы и незначительныхъ „исправленіяхъ“* текста по спискамъ, признаваемымъ болѣе древними или исправными. Правда, Острожская Библия напечатана, какъ извѣстно, преимущественно, по одному изъ списковъ Гаввадіевой Библии 1499 г., полученному княземъ изъ Москвы, съ повтореніемъ и нѣкоторыхъ ошибокъ его. Но есть признаки и нѣкоторыхъ исправленій въ текстѣ Острожской Библии. Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, участвовавшій въ трудахъ по изданію этой Библии, конечно, не былъ сильнѣе Ѳедорова для работы надъ этими исправленіями.

4) Предполагаемое путешествіе Ѳедорова въ греческіе и болгарскіе монастыри для пріобрѣтенія списковъ священныхъ книгъ и призыва людей, „наказанныхъ въ святыхъ писаніяхъ эллинскихъ и словенскихъ“, даетъ поводъ къ постановкѣ еще одного вопроса по слѣдующему обстоятельству: извѣстно, что въ Острожской Библии за предисловіемъ къ ней князя слѣдуетъ молитва его, помѣщенная здѣсь въ двухъ столбцахъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ; въ концѣ же книгъ—послѣсловіе Ивана Ѳедорова, помѣщенное тоже въ двухъ столбцахъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Это можетъ свидѣтельствовать прежде всего, что въ моментъ

¹⁾ У г. Пташицаго, тамъ же, стр. 466 и 467.

изданія Острожской Библии имѣлся на лицѣ въ Острогѣ какой-то грекъ или не-грекъ, а славянинъ, но знавшій греческій языкъ; онъ и могъ перевести на греческій языкъ и молитву князя и послѣсловіе Федорова и быть пособникомъ при самомъ изданіи священныхъ книгъ, напечатанныхъ здѣсь въ 1579—1581 гг. Естественно предполагать, что онъ былъ изъ тѣхъ людей, „наказанныхъ въ эллинскихъ и словенскихъ писаніяхъ“, за которыми князь посылалъ на Востокъ, или же такой человекъ найденъ былъ и въ самой Руси юго-западной ¹⁾. Но считая несомнѣннымъ, что этотъ грекъ или не-грекъ, но знатокъ греческаго языка, перевелъ на греческій языкъ молитву князя Острожскаго, находимъ возможнымъ, по поводу греческаго текста послѣловія Федорова, ставить вопросъ: не успѣлъ ли и самъ Федоровъ нѣсколько ознакомиться съ греческимъ языкомъ? Возможность практическаго ознакомленія съ этимъ органомъ представлялась для него во Львовѣ, гдѣ было немало грековъ, а затѣмъ и въ Острогѣ, гдѣ какъ и указано, были въ данное время грекъ или славянинъ, знавшій греческій языкъ. Страніе ознакомиться съ греческимъ языкомъ могло быть достигнуто и предполагаемымъ путешествіемъ Федорова въ греческіе и болгарскіе монастыри въ Турціи и Валахіи, а болѣе всего желаніемъ имѣть возможность сколько-нибудь сознательно относиться къ тексту печатаемыхъ священныхъ книгъ въ тѣхъ, хотя бы то и весьма немногихъ, случаяхъ, когда Острожскіе издатели дѣлали *попытки* или, по крайней мѣрѣ, подыались до возможности слышать недоумѣнныя мѣста славянскаго текста съ греческимъ; князь Андрей Курбскій въ преклонныхъ уже лѣтахъ изучалъ латинскій языкъ для трудовъ по переводу отеческихъ твореній. Не могъ ли Федоровъ возревновать о *приобрѣтеніи, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго* познанія въ греческомъ языкѣ ради болѣе сознательнаго выполненія своего труда по печатанію священныхъ книгъ, которому предавъ онъ былъ всею душою? Греческій текстъ его послѣловія, хотя бы и не ему принадлежалъ, не былъ ли однакоже понятенъ ему болѣе, чѣмъ кн. Константину Острожскому греческій текстъ его молитвы?

¹⁾ Большинство историковъ и изслѣдователей, говорящихъ объ Острожской Библии, повторяется утвержденіе, будто въ трудѣ по изданію ея участвовалъ извѣстный *Кириллъ Лукарисъ*, бывшій, какъ думаютъ, ректоромъ Острожской школы съ 1580 г., т. е. съ и до изданія Библии. Это ошибочное утвержденіе или просто недоразумѣніе, въ разъясненіе котораго теперь не входимъ, въ надеждѣ сдѣлать его при другомъ случаѣ.

Конечно, нѣкоторое знаніе греческаго языка, если оно было у Федорова, не оказало ощутительнаго вліянія на изданіе Острожской Библии, какъ не оказало такого вліянія и участіе въ трудахъ по изданію ея и присутствіе при изданіяхъ грека либо славянина, знавшаго греческій языкъ: Библия Острожская, какъ сказано, издана по Московскому списку Библии 1499 г. ¹⁾ Но заслуживаетъ вниманія, по крайней мѣрѣ, *pium desiderium* у князя и Федорова обратиться къ греческому тексту для исправленія славянскаго въ имѣвшихся на лицѣ спискахъ Библии, найденныхъ неисправными. Исполниться это *pium desiderium* могло только въ послѣдующее время, при другихъ болѣе сильныхъ средствахъ къ тому.

И. Малышевскій.

---

¹⁾ Что издатели Острожской Библии имѣли однакоже въ виду греческіе списки священныхъ книгъ,—это видно, между прочимъ, изъ замѣчанія ихъ въ концѣ 3 книги Маккавейской, гдѣ они говорятъ: сей книги не находится ни въ славянской библии, ни въ латинскихъ и польскихъ, а есть только въ греческой и чешской.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

*Акты изъ Луцкихъ городскихъ книгъ, относящіеся ко времени пребы-
ванія Ивана Ѳедорова въ должности „сравцы“ Дерманскаго мона-
стыря.*

I.

Актъ отъ 6 марта 1575 года, сообщающій объ изгнаніи вн. Кон-
стантиномъ Острожскимъ изъ Дерманскаго монастыря п. Михаила Игна-
товича Дчусы и о передачѣ этого монастыря Ивану Ѳедоровичу
(Ѳедорову), послѣдовавшихъ 2 марта 1575 г. Этотъ актъ напечатанъ
въ „Архивѣ Юго-Западной Россіи“, ч. 1, т. I, № II, стр. 48—51.

II.

Актъ отъ 23 мая 1575 года, сообщающій о первомъ случаѣ за-
нятія крестьянами принадлежавшаго Дерманскому монастырю села
Кунина полей села Спасова, принадлежавшаго вдовѣ наивысшаго
гетмана великаго княжества Литовскаго Григорія Ходкевича (Луцкая
городская книга за 1575 г. № 2049, л. 186, актъ 58). Этотъ актъ не
печатается здѣсь, а цитруется только, какъ указаніе именно на новое
дѣло въ спорѣ между жителями сельъ Кунина и Спасова, начавшемся
уже тогда, когда справцею Дерманскаго монастыря былъ Иванъ Ѳе-
доровъ, который впрочемъ въ актѣ не упоминается, безъ сомнѣнія по-
тому, что споръ начался помимо его, и Куинцы еще не имѣли по-
вода въ своей жалобѣ называть справцу монастыря *Ивана Друкаря*,
какъ то они уже дѣлаютъ въ слѣдующихъ за тѣмъ актахъ. Эти
акты помѣщаются далѣе цѣликомъ.

№ III.

Свидѣтельство возного по жалобѣ пп. Еска и Василія Спасовскихъ, землянъ п. Виленской, частію о сожженіи, а частію о грабежѣ сѣна на ихъ Спасовской землѣ, а также объ ограбленіи и нанесеніи побоевъ ихъ крестьянамъ Кунинскими крестьянами справцы Дерманскаго монастыря Ивана Друкаря, обѣщавшаго дать удовлетвореніе жалобщикамъ,— 9 августа 1575 года.

Року хѣфое, мѣсяца августа ѣ дня.

Передо мѣною, Семеномъ Хребтовичомъ Богуринъскимъ, писаромъ вгородскимъ Луцкимъ, будучимъ на местцу пана Михайла Вильгорского, подстаростего Луцкого, от его милости князя Богуша Корецького, воеводы земли Волынской, старосты Луцкого, Браславского и Веницкого, ставши очевидно, возный повету Луцкого Юрей Рогачовский до книг вгородскихъ Луцкихъ созналъ теми словами: будучи дей мнѣ з уряду вгородского Луцкого приданымъ на справу пану Еску а пану Василю Спасовскимъ, земляномъ ее милости панее Виленское, гдѣхъ дня вчерашнего, в понеделокъ, мѣсяца августа осмого дня, маючи я при себе шляхту людей добрыхъ, пана Юря Нарковскаго, служебника пана Ерека Лотрынковскаго, старосты Познанскаго, а пана Мосея Вирховскаго, за оказованемъ и обвоженемъ панов Спасовскихъ виделъ есми на вгрунте ихъ Спасовскомъ, на вровичу у Волхова луга, сѣно у двадцати местцахъ попалено и знагъ, же у копицахъ стояло; а в другомъ местцу на покосѣ лежало; и оповѣдали мнѣ, возному, и шляхте панове Спасовские, ихъ дей тое властное сѣно наше, котораго было на сорокъ воз, одно попалили, а другое на возы кладши до домовъ своихъ до Кунина отправадили подданные монастыря Дерманскаго Кунинские; в тому оповѣдали мнѣ, возному, и шляхте панове Спасовские, ихъ дей на тотъ же часъ на вгрунте нашомъ Спасовскомъ на добровольной дорозѣ, которая идетъ с Кунина до Спасова, двухъ подданныхъ нашихъ Спасовскихъ, Ермака и Сидора, подданные жъ Кунинские позбивали и поранили; якожемъ я, возный, виделъ у Ермака губу розбитую и два зубы выбито; при которомъ збитіи и зраненіи своемъ тотъ Ермакъ шведъ собѣ быти повѣдалъ: готовыхъ грошей двадцатъ литовскихъ, восѣ две, сермягъ двѣ, а влячу з возомъ и с хомутомъ взято; и вгдыжъ есмо до Ивана Друкаря, справцы монастыря Дер-

манскою, для прошеня справедливости на служебника его Миколая и на отамана Ивана Шишку, так теж и для тых грабежов, ездили, оный *Иван Друкар, справца монастыра Дерманскою*, влячу на рукоемство до права дати прибедал, а о иншия ся дей речи припытати и тые вернуты обедал, так теж обо вси тые вриды и шкеды и о збите и зъранене подданных *Иван Друкар, справца монастыра Дерманскою*, зложил паном Спасовскимъ ровъ на служебника своего Миколая а на отамана Кунинского Ивана Шишку от светого Спаса, то ест мѣсяца августа шостого дня, за чотыри недели; а так я тое очевистое сознание возного до книг вгородскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Кн. Кіев. централ. архива № 2049, л. 870 об., актъ 25.

IV.

Жалоба отъ имени землянъ п. Виленской (жены Виленскаго каштеляна Григорія Ходкевича) Есифа и Василя Малиновичей—Спасовскихъ о причиненіи побоевъ ихъ крестьянамъ и грабежъ ихъ имущества справцей Дерманскаю монастыря Иваномъ Друкаремъ, при наѣздѣ его съ слугами, боярами и крестьянами Кунинскими монастырскими на принадлежащее жалобщикамъ с. Спасово,—6 апрѣля 1576 года.

Року хѣфос, мѣсяца апрѣля 5 дня.

Писал и прислал на вриад вгородский Луцкий, до мене, Михайла Вилгорского, подстаростего Луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты Луцкого, Брацлавского и Веницкого, наместникъ Муравицкий и Кнегиненский пан Семен Захаревич Симоновский, жалуючи и оповедаючи именем землян ее милости панее своее, панее Виленское, панее Григоровое Ходкевичовое, то ест пана Есифа а пана Василя Малиновичов-Спасовских, на пана *Ивана Друкара, справцу монастыря Дерманскою*, иж дей он дня прошлого, в понедѣлокъ, мѣсяца апрѣля второго дня, в року теперешнем, семдесят шостом, за властным росказанем его милости князя воеводы Киевского, пана своего, маючи при себе помочниками боярина Дерманского Наума Гарабурду, Ивана Рубанива, атамана Белашовского а Мартина Кора-

невича, атамана Куненского, и иных слуг, бояр, подданных монастырских немало, с которыми дей наехавши мощно, вгвалтом на имене тых менованных землян ее милости панее моее Спасово, самых панов и подданных их Спасовских позбивали и поранили, а быдла рогатого двадцатеро, коней двадцатеро; одно овец двадцатеро и двое; сермяг п'ят, плахту одну, кожухов два, поясов зъ мошнами два; в которых мошнах было готовых грошей десять; шапки две, совери двѣ пограбивши и тепер в себе держат; и просил пан Семен Захаревич Симоновский, наместник Муравицкий и Кнегининский, именем менованных землян ее милости панее Виленское панов Спасовских, абы то было записано. А так я тую жалобу и оповедане его до книг вгородских Луцких записат казалъ.

Кл. Киев. централ. архива № 2050, л. 97, актъ 129.

—
У.

Жалоба отъ имени землянъ жены Виленскаго каштеляна Маріи Ходкевичевой пана Василя и др. Спасовскихъ о причиненіи побоевъ ихъ крестьянамъ, грабежъ ихъ имущества и проч. державцей Дерманскаго монастыря Ивановъ Друкаремъ при наездѣ его на с. Спасово съ Кунинскими монастырскими слугами и крестьянами, — 2 іюля 1576 года.

Року 4488, мѣсяца іюля 6 дня.

Пришодчи на врид вгородский Луцкий, до мене, Михайла Вилгорского, подстаростего Луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы землѣ Волинское, старосты Луцкого, Браславьского и Веницкого, земенин велможное ее милости панее Григоровое Ходкевича, панее Виленское, гетмановое навышное великого князства Литовского, вняжны Мари Вишневецкого, пан Иван Василевичъ Спасовский жаловал именемъ отца своего пана Василя Спасовского, такъ теж именемъ брата своего младшого Еска Спасовского и иншого брата своео панов Спасовских, тым обычаем, иж дей року тепер идучого, семдесят шостого, мѣсяца іюня двадцат шостого дня, в олторокъ, служебник велможного его милости князя Костянтина Островского, воеводы Киевскаго, маршалка землѣ Волинское, старосты Воло-

димерскаго, *Іван Друкар, державца монастыра Дерминскаго*, наехавши моцно, вгвалтом з слугами и с поддаными своими Кунинскими, а меновите: Мартыномъ, Савкою Кореневичами, Иваномъ Шишкою, Федорцемъ Дудкою и иными многими поддаными помочниками своими на властный вгрунт ее милости панее наше под село наше Спасово, подданных наших позбивали, помордовали и з них серяги, поясы з мошнами, з грошми и шапки познимали; на первой у Мартинца а в сынов его Ждана и в Тимоша серягъ три, поясов три з ножами, з мошнами и з грошми, а шапок три отняли; у во Ивана Федоринича серягу, шапку, пояс, з ножами, з мошною и з грошми отняли; а в Андрѣя Левонича серягу, шапку, поясъ з ножами, з мошною и з грошми отняли; волов сорокъ осмь з желѣзы, собир девят; а готовых грошей в тых менованых подданных наших двѣ копе литовскихъ взяли; плутаторов и погоничов позбивали, помордовали; серяги и кошули, так теж шапки и поясы з мошнами и з грошми з них познимали; и мало дей на том маючи, отвергнувшись от села, а поехавши до череды наше, пастухов наших позбивали, помордовали; серяги, кожухи з них поздирали и ледве их самых з душами попускали; кони, быдло, овцы с череды вгвалтовне побрали, а меновите коней двадцатеро и одно, яловиц одиннадцат, овец тридцатеро трое взяли и то все з собою отпровадили. И просия пан Иванъ Спасовскій, именемъ отца своего и братьи своее панов Спасовскихъ, абы то было записано; а такъ я тую жалобу и оповеданне его до книг вгородских Луцкихъ записати казал.

Кн. Киев. централ. архива № 2050, л. 242 об., актъ 384.

VI.

Свидѣтельство вознаго обь осмотрь имъ на п. Олехнъ Спасовскомъ и на Спасовскихъ крестьянахъ побоевъ и ранъ, причиненныхъ имъ смрой п. Ивана Друкаря, и обь отказъ постднню возвратитъ заграбленное имущество, — 5 сентября 1576 года.

Лѣта Бож. нарож. 4408, мѣсяца сентебра 5 дня.

Передо мною, Михаиломъ Вильгорьскимъ, подстаростим Луцкимъ, ставши очевисто, возный повету Луцкаго панъ Марко Збран-

ный до книгъ вгородскихъ Луцкихъ созналъ теми словы, иже за приданнемъ вышей милости, пане подъястаростий, врядовымъ въ пятницу прошлую мѣсяца августа тридцать первого дня, маючи я при собе шляхту людей добрыхъ, то есть Федора Житаньского, а служебника пана кашталяна Волыньского Федора оглядал и видел есми у пана Олехна Федоровича Спасовъского на лѣвой рuce палець середнии мало не отгят; у подданого пана Василя Спасовъского Мацька Чоботара над лѣвымъ окомъ у брови рана штыховая; у слуги пана Василева Дмитра на правой руцѣ ровно з окомъ рана рубаная; которое зранене менили быти от служебника пана *Ивана Друкара* на имя Гануса; к тому што которые грабежи тогож дня в пятницу, мѣсяца августа тридцать первого дня, панъ *Иванъ Друкаръ* паномъ Спасовскимъ на вгрунте ихъ Спасовскомъ, за рассказаннем его милости князя воеводы Киевского, черезъ пана Юхна Уръвеньского, а через пана Ивана Уездецкого поворочат мел, где панове Спасовские на томъ вгрунте своемъ Спасовскомъ готовы были тые грабежи от пана *Ивана Друкара* взяти, нижьли ихъ панъ *Иванъ Друкаръ* отдать не хотел и не отдал; што панове Спасовские мною, возъным, осветчили; а такъ я тое очевистое сознание возного до книгъ вгородскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Кл. Киев. централ. архива № 2050, л. 394, актъ 521.

„Сыскныя дѣла“ о кладахъ въ XVII в.

Какъ относилось русское общество XVII в. къ памятникамъ родной старины? проглядывало-ли въ этихъ отношеніяхъ что-либо сознательное и ясно мотивированное, или на оборотъ—памятники древности совсѣмъ не привлекали его вниманія, или привлекали только съ внѣшней, матеріальной стороны? какъ отражались тѣ или другія отношенія общества къ старинѣ на дѣйствіяхъ правительства въ этой области? придавало ли правительство—въ XVII вѣкѣ болѣе передовое, чѣмъ общество—какую-либо цѣну памятникамъ древности, или относилось къ нимъ безразлично?

Полагаю, что отвѣты на эти вопросы будутъ не безынтересны и для исторіи русскаго самосознанія, и для исторіи нашей археологіи. Послѣдняя обыкновенно начинается свою исторію съ XVIII в., не рѣшаясь—за отсутствіемъ матеріаловъ—углубляться въ XVII в. и дальше ¹⁾. Между тѣмъ, эти матеріалы встрѣчаются въ архивахъ и ждутъ своихъ изслѣдователей. Напр., въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи мнѣ извѣстны два „сыскныя дѣла“ о кладахъ, найденныхъ въ XVII в., и именно—о находкѣ *денежнаго* клада въ *Шацкѣ* въ 7153 (1645) г. ²⁾ и *вещеваго* клада въ деревнѣ *Кутуковой, Старорязанскаго* стана, въ 181 (1673) г. ³⁾. Послѣднее дѣло особенно обширно (около 150 л.) и наиболѣе любопытно.

---

¹⁾ См. мою замѣтку „Раскопки клада въ Можайскѣ, въ 1702 г.“ („Вѣстникъ археологій и исторіи“, вып. VII).

²⁾ Разрядн. приказа *Владимір. стола* столбецъ № 119, лл. 1—9.

³⁾ *Приказнаго стола* столбецъ № 446.

Кромѣ того, въ одной изъ „старыхъ описей“ XVII в. встрѣчаемъ краткое описаніе хранившагося въ 17 в. (1668) г. въ архивѣ приказнаго стола разряднаго приказа „сыскаго дѣла“ 134 (1626) г. о находѣ *вещеваго* клада въ *Путивльскомъ* уѣздѣ ¹⁾. Не смотря на всю краткость описи этого документа,—и отсюда можно *извлечь нѣкоторыя данныя*, тѣмъ болѣе любопытныя, что они касаются начала XVII в.

На основаніи этихъ 3 документовъ постараюсь дать посильные отвѣты на вышеставленные вопросы объ отношеніи русскаго правительства и общества XVII в. къ памятникамъ родной старины. Эти отвѣты должны имѣть нѣкоторую цѣну уже по тому одному, что, будучи основаны на 3 документахъ, относящихся къ тремъ различнымъ годамъ XVII в., раздѣленнымъ промежутками около 20 и около 30 лѣтъ, они представляютъ обзоръ интересующаго насъ предмета въ хронологической послѣдовательности, обнимающей почти весь XVII в.

I.

Путивльскій кладъ 134 (1626) г.

Опись „сыскаго дѣла“ о Путивльскомъ кладѣ 134 г. такъ велика, что привожу ее цѣликомъ:

„Въ числѣ документовъ приказнаго стола Розряда въ 176 (1668) г. хранилось между прочимъ—„*дѣло сысканое*“ по *отпискѣ* изъ Путивля селитреного мастера Романа *Гаврилова* въ *находномъ* *золотѣ* и *серебрѣ*, что на *селитреныхъ варницахъ* прикащикъ ево и работники наши въ *курганы* волота *два прута, до 26 плащей, да 9 персей* золотыхъ, и *пуговицы, и иные мелкіе* статьи золотыя и серебряныя; и то золото и серебро привезено къ Москвѣ въ *Розрядъ*, и *смотрѣно* и *цѣнено*, и по челобитію и по *выпискѣ* то находное золото и серебро *отдано* ему, *Роману, на церковное строеніе*“.

Это свидѣтельство любопытно уже въ томъ отношеніи, что указываетъ на одну изъ причинъ безслѣднаго исчезновенія у насъ множества кургановъ, городищъ и селищъ, покрывавшихъ въ прежнее время пространство Россіи въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ какое видимъ теперь. „Селитренное варенье“, для котораго очень „при-

¹⁾ „*Старыя описи*“, кн. № 4, л. 108.—За это любопытное указаніе приношу благодарность г. А. А. Гоздаво-Голомбьевскому.

годились“ земля древнихъ кургановъ, городищъ и селищъ, истребило въ XVI—XVII вв. массу этихъ памятниковъ старины. Правительство XVII в., усердно заводившее выработку столь необходимой для того боеваго времени селитры, нерѣдко обращалось къ мѣстнымъ властямъ съ требованіями о розыскѣ кургановъ и городищъ и объ устройствѣ въ сосѣдствѣ ихъ „селитренныхъ варницъ“. Напр., въ 138 (1630) г. приказу Казанскаго дворца былъ объявленъ государевъ указъ объ отысканіи въ Тобольскомъ, Томскомъ и др. сибирскихъ уѣздахъ „старыхъ городищъ и селищъ“, которыхъ „земля къ селитреному дѣлу пригодилась“, и о заведеніи тамъ „селитренаго варенья“ ¹⁾. Приказъ Казанскаго дворца немедленно отправилъ о томъ грамоты Тобольскимъ и Томскимъ воеводамъ ²⁾.

Изъ отвѣтныхъ воеводскихъ отписокъ сохранилась отписка Томскихъ воеводъ, 139 (1631) г., въ которой они сообщаютъ государю, что въ Томскомъ, Нарымскомъ, Кецкомъ и Енисейскомъ уѣздахъ не нашлось „старыхъ городищъ или селищъ, или какихъ *жилищныхъ мѣстъ*, которая-бы земля къ селитреному дѣлу пригодилась...“ ³⁾.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла мнѣ не извѣстенъ, но во всякомъ случаѣ и изъ приведеннаго видно, что въ началѣ XVII в. правительство отнюдь не смотрѣло на „старыя городища и селища“ какъ на достойныя вниманія и охраны памятники древности: оно цѣнило ихъ съ одной узкой утилитарной точки зрѣнія—какъ богатые склады земли, годной для выдѣлки селитры.

Возвращаясь къ „сыскному дѣлу“ 134 (1626) г. Оно свидѣтельствуетъ, что правительство XVII в. и на *кураны* смотрѣло съ той же практической точки зрѣнія, какъ и относительно городищъ съ селищами; подобно послѣднимъ, и курганы съ разрѣшенія правительства служили для добыванія изъ нихъ земли, годной для „селитренаго варенья“.

Въ Путивльскомъ у. въ 134 (1626) г. подобною антиархеологическою раскопкою кургановъ занимался „селитреной мастеръ“ Романъ Гавриловъ. Былъ-ли этотъ Гавриловъ правительственнымъ агентомъ по „селитренному варенью“ въ Путивльскомъ у., или это было частное лицо („селитреной уговорщикъ“), подрядившееся изготовить для государевой

¹⁾ *Сибирск. приказа* столбецъ № 25, л. 100.

²⁾ *Ibid.*, лл. 103 и 106.

³⁾ *Ibid.*, столб. № 54, л. 1 и слѣд.

казны селитру,—трудно рѣшить. Но судя потому, что опись говорить о „приказчикѣ“ Гаврилова, нужно думать, что послѣдній былъ не „казеннымъ селитреннымъ мастеромъ“, а промышленнымъ человекомъ. Этимъ же обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить и тотъ фактъ, что Гавриловъ прямо отписалъ въ Москву о находѣ клада, не прибѣгая къ посредству мѣстнаго воеводы.

Документъ, къ сожалѣнію, не говоритъ—въ какой именно мѣстности Путивльскаго у. производилъ Гавриловъ „селитренное варенье“ изъ курганной земли. Но не нужно забывать, что весь вообще Путивльскій уѣздъ—одинъ изъ старѣйшихъ уголковъ русской земли, лежавшей на старомъ рубежѣ съ степной окраиной—въ XVII в. долженъ былъ изобиловать курганами, и притомъ очень цѣнными въ археологическомъ отношеніи.

И дѣйствительно, даже изъ краткаго перечня клада, слѣланнаго описью, ясно видно, что курганъ, разрытый „приващикомъ и работниками“ Гаврилова,—былъ очень богатъ вещами. Находка состояла *единственно* изъ *золотыхъ* и *серебряныхъ* предметовъ. Опись точно перечисляетъ только главнѣйшія изъ найденныхъ въ курганѣ *золотыхъ* вещей: „2 прута, да 26 плащей, да 9 персней“, затѣмъ она говоритъ о золотыхъ и серебряныхъ „*пуговицахъ*“, не обозначая ихъ количества, и, наконецъ, глухо упоминаетъ объ „*иныхъ*“ также золотыхъ и серебряныхъ „*мелкихъ*“ статьяхъ“ (т. е.—предметахъ).

Несомнѣнно и въ наше время кладъ былъ бы названъ богатымъ не въ одномъ прямомъ смыслѣ, но и въ археологическомъ. Погребенные (а ихъ было нѣсколько, судя по количеству „персней“) въ разрытомъ Гавриловымъ курганѣ принадлежали къ богатой народности періода употребленія благородныхъ металловъ.

Что такое представляли собою 2 золотые „прута“? было ли это какое оружіе, или украшеніе къ оружію? или какой-нибудь предметъ изъ домашняго обихода—украшеніе, обломокъ украшенія?—трудно сказать. Замѣчу только, что въ XVII в. понятіе о „прутѣ“ было вполне тождественно съ нашимъ представленіемъ о немъ.

Еще труднѣе объяснить значеніе 26 „плащей“. Конечно, это не были „плащи“ въ нашемъ смыслѣ—какъ извѣстное одѣяніе (извѣстное впрочемъ и Руси XVII в. подъ тѣмъ же названіемъ), но какъ одѣяніе, преимущественно польское и вообще иновозное.

Въ „росписи“ отписанныхъ на государя „животовъ“ богатаго

торговаго кіевлянина конца XVII в., гречанина Николая Торніота, между прочимъ, показана и „тесъма шелковая, на ней *плащи* серебряные вызолочены, съ каменья“, т. е., вѣроятно, поясъ; рядомъ съ этою „тесъмою“ стоитъ „турецкій кушакъ“¹⁾. Очевидно, что подъ „плащами“ здѣсь разумѣются какія-то пластинки, которыми была украшена „тесъма“.

Такимъ образомъ, найденные Гавриловымъ 26 „плащей“ должны означать какіе-то плоскіе и широкіе предметы изъ золота, противоположные по своей формѣ узкимъ, круглымъ и тонкимъ „прутамъ“.

Были ли въ Путивльскомъ курганѣ *костяки*?—Несомнѣнно были, хотя опись „сысеннаго дѣла“ и не упоминаетъ о нихъ какъ о предметахъ, далеко отстоящихъ по цѣнности отъ благородныхъ металловъ. Существованіе здѣсь „костяковъ“ необходимо предположить, потому что—судя по курганнымъ раскопкамъ нашего времени—если попадаются курганы съ „костяками“ и безъ вещей, то кургановъ съ обратнымъ содержимымъ—съ вещами, но безъ „костяковъ“—не встрѣчается (исключая, конечно, случаевъ трупосоженія). Присутствіе вещей необходимо предполагаетъ и присутствіе костяка. Полнѣйшее ислѣніе костей, если и встрѣчается, то въ курганахъ самаго древнѣйшаго періода—каменнаго, а никакъ не въ курганахъ позднѣйшаго періода, знакомаго съ выдѣлкою золотыхъ и серебряныхъ вещей. Костяки послѣдняго періода, встрѣчаются въ курганахъ, вскрываемыхъ и въ наше время. Тѣмъ лучше, конечно, сохранялись костяки этого періода болѣе 260 лѣтъ тому назадъ.

На присутствіе костяковъ въ курганѣ 1626 г. указываетъ нахождение въ немъ „9 персей“ и неизвѣстнаго количества золотыхъ и серебряныхъ „пуговицъ“. Послѣднія были, конечно, принадлежностію *платья* курганныхъ людей.

О томъ же свидѣтельствуетъ, наконецъ, и то обстоятельство, что всѣ найденныя вещи были возвращены правительствомъ Роману Гаврилову подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ, согласно его же желанію („по челобитью“ его), употребилъ находку только „на церковное строеніе“. Какой смыслъ этого распоряженія?—Очевидно, Гавриловъ встрѣтилъ въ курганѣ костяки и, хотя убѣдился въ отсутствіи здѣсь признаковъ христіанскаго погребенія, тѣмъ не менѣе не

¹⁾ См. мою замѣтку „Изъ архива. мелочей о Кіевѣ XVII в.“ въ „Кіев. Старинѣ“, 1889, № 5—6, стр. 584.

могъ не почувствовать нѣкотораго уваженія и къ костямъ „нехристей“. Это чувство не позволило ему распорядиться найденными вещами на свои мірскія потребности и заставило его отдать ихъ церкви, въ рукахъ которой все неправопріобрѣтенное людьми очищается и становится безгрѣшнымъ. Этотъ взглядъ и сейчасъ можно встрѣтить въ русскомъ народѣ. Гавриловъ же иначе и не могъ смотрѣть на богатство, снятое имъ съ костей покойника. Одно нарушеніе могильнаго покоя издавна причислялось и причисляется русскимъ народомъ къ числу крупныхъ грѣховъ и ставится почти рядомъ со святотатствомъ. Тѣмъ строже относился народъ къ прямому ограбленію могилъ. Очевидно, и Гавриловъ счелъ своимъ невольнымъ грѣхомъ вскрытіе могилы невѣдомыхъ ему покойниковъ и поспѣшилъ „замолатъ“ этотъ грѣхъ пожертвованіемъ всего найденнаго вклада „на церковное строеніе“.

Какъ же отнеслось правительство къ факту находки Гавриловымъ курганныхъ вещей?—Получивши отписку Гаврилова, Разрядъ приказалъ—или мѣстному воеводѣ, или особо посланному лицу—произвести ни мѣстѣ „сыскъ“. Какъ производились подобныя „сыски“, чего они добивались и къ какимъ результатамъ приводили—это будетъ видно изъ послѣдующаго обозрѣнія сохранившихся „сыскныхъ дѣлъ“ о вкладахъ. Нельзя, однако, не пожалѣть, что до насъ не дошелъ „сыскъ“ о Путивльскомъ кладѣ 134 (1626) г.; мы имѣли бы картину первой (извѣстной) курганной раскопки на Руси и получили бы болѣе полное и ясное представленіе о содержаніи раскрытаго Гавриловымъ кургана, такъ какъ въ „сыскѣ“ несомнѣнно были раскрыты всѣ обстоятельства раскопки и заключался какъ точный перечень всего найденнаго, такъ и довольно обстоятельная опись предметовъ.

Когда былъ произведенъ на мѣстѣ „сыскъ“, его отправили вмѣстѣ со всѣми найденными предметами въ Разрядный приказъ. Здѣсь все „находное“ золото и серебро было „смотрѣно и цѣнено“.—

Когда же Гавриловъ представилъ „челобитіе“ о возвратѣ ему находки для употребленія ея „на церковное строеніе“, разрядъ распорядился сдѣлать „выписку“ по челобитію, т. е.—навести справки изъ старыя документовъ о существованіи въ прошломъ подобныхъ случаевъ находки кладовъ и о правительственныхъ распоряженіяхъ въ

такихъ случаяхъ. Государь уважилъ челобитье Гаврилова, не только на основаніи существовавшихъ въ 134 (1626) г. взглядовъ на подобныя находки, но и руководствуясь предыдущею практикою Разряда въ аналогичныхъ случаяхъ, практикою, восходившею до половины XVI столѣтія, если не раньше. Такимъ образомъ, распоряженіе объ отдачѣ найденныхъ въ кладѣ вещей „на церковное строеніе“ можно признать не единичнымъ и первымъ случаемъ въ практикѣ Разряда, но уже установившимся съ теченіемъ времени обычаемъ, хотя и не приобрѣвшимъ силу и значеніе прямого закона.

Итакъ, извѣстіе о Путивльскомъ курганномъ кладѣ 134 (1626) г. свидѣтельствуетъ, что на *кураны*, какъ на памятники древности, правительство и общество не обращали вниманія, но къ *содержимому* кургановъ относились довольно *внимательно*: и хотя не придавали археологическаго значенія „находнымъ“ предметамъ, но чувствовали къ нимъ какое-то невольное, бессознательное *уваженіе*. Для начала XVII вѣка и этого зародыша вниманія и уваженія вполне достаточно...

Вотъ все, что можно сказать по поводу краткаго извѣстія о Путивльскомъ кладѣ 134 (1626) г. Перехожу къ слѣдующимъ двумъ фактамъ находки кладовъ, о которыхъ сохранились подлинныя и подробныя „*сысенныя дѣла*“.

II.

Шацкій кладъ 153 (1645) г.

Въ августѣ 153 (1645) г. Разрядный приказъ получилъ „*отписку*“ Шацкого воеводы Никиты Дмитриевича Бестужева о находкѣ въ городѣ денежнаго клада. Воевода писалъ государю, что 23 іюля „вѣдомо мнѣ, холопу твоему, учинилось: говорятъ де, государь, въ Шацкомъ *въ мѣрть* многіе люди, что въ Шацкомъ *въ козачьей слободѣ* козакъ пахалъ пашню и на той пашнѣ нашель-де онъ кладъ“. Въ тотъ же день воевода потребовалъ въ сѣвскую избу „отаманьевъ“ бѣломѣстныхъ козаковъ Марка Бучева и Григорія Долгова и сталъ спрашивать ихъ: „кто *иманемъ*“ изъ козаковъ нашель кладъ, и *какой кладъ*, и въ которомъ *мѣстѣ*, и о кою *пору*, и въ которомъ числѣ, и вамъ про то вѣдомо-ль“?

Атаманы „въ распросѣ сказали“: „слухомъ-де они слышали, что говорятъ у нихъ въ козачьей слободѣ многіе люди: пахалъ де Бори-

совской станицы Кочюкова козакъ Евдокимъ *Каревъ* съ детьми своими съ 3 сыны пашню подъ рѣпу, и на той же онъ пашнѣ нашолъ *кладъ*, а какъ великъ и какой *кладъ*—того имъ не вѣдомо. Они знаютъ только, что послѣ *Карева* на той же его пашнѣ „находили разные люди того владу *деньги не рускова дѣла*“. Такъ, Бучевъ видѣлъ *копейку* у козака Проньки Григорьева сына *Мьденово-Языка* (прозвище), а Долгову такую же „копейку“ показывалъ конской пастухъ *Никита Михайловъ Кривоносовъ*.

Распросивши атамановъ, Бестужевъ „поставилъ передъ собою въ свѣзжей избѣ“ казака Евдокимъ *Карева*, съ дѣтьми, съ женою и съ снохами, а также и другихъ людей, находившихъ деньги на пашнѣ *Карева*. Воевода снялъ со всѣхъ „*распросныя рѣчи*“ („сыскъ“), посланныя вмѣстѣ съ отпискою въ Разрядъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи пользуюсь данными какъ этихъ распрссныхъ рѣчей, такъ и воеводской отписки.

Каревъ показалъ, что дѣти его (пасынки) пахали пашню подъ рѣпу, но онъ самъ въ этой работѣ не участвовалъ и „*кладу не нахаживалъ*, а дѣти мои на пашнѣ какой владъ нашили или нѣтъ—того не вѣдаю“: дѣти ничего ему „не объявили“ о найденныхъ деньгахъ.

Старшій пасынокъ Петрушеа *Микитинъ* сознался въ находкѣ денегъ, о которой рассказывалъ такъ: въ канунъ Троицына дни пахалъ онъ, вмѣстѣ съ младшими братьями *Никифѣромъ* и *Михѣйкомъ*, „на *Соломенной горѣ*“ пашню подъ рѣпу—„ажно на той пашнѣ *появились деньги*, невѣдомо какіе, *не русково дѣла*, и я съ братьями тѣхъ денегъ собрали *алтынъ съ десять* или больше“. Деньги они привесли домой, но никому не объявили о находкѣ—ни вотчиму, ни матери, ни женамъ своимъ, а „схоронили деньги у себя на дворѣ за избою, у огородныхъ воротецъ, и нынѣ тѣхъ денегъ *найти не умѣемъ* и того мѣста не узнаемъ“.

Младшій братъ *Михѣйко* показалъ вполне согласно съ старшимъ. Но средній—*Никифоръ Микитинъ* выдалъ старшаго брата и сознался, что о деньгахъ они объявили и матери, и женамъ (двухъ старшихъ братьевъ), только вотчиму не связали. О самой находкѣ *Никифоръ* показалъ согласно съ *Петромъ*, только добавилъ что „о тѣ поры многіе люди около насъ пашню пахали и того никто не видали“.

Мать ихъ *Соломонида*, жена *Евдокима Карева*, подтвердила, что

дѣти ея не говорили о деньгахъ вотчиму своему, но ей и женамъ своимъ сказали, а куда спрятали деньги—того она не вѣдаетъ.

Овдотьица и Марьица, жены Петра и Никифора, согласно съ мужьями рассказали о находкѣ ими денегъ (когда „драги на пашнѣ залогъ“) и объяснили, что „свекру Овдокиму тѣхъ денегъ не объявили, потому что онъ мужикъ-бражникъ“...

Карева и пасынковъ его воевода „велѣлъ дать за приставы“. Допросъ пасынковъ, ихъ женъ и матери происходилъ 25 іюля. Но еще 23 іюля (послѣ допроса Карева) воевода посылалъ 2 подъячихъ съѣзжей избы Ивашку Байкова и Одоньку Хлѣбникова, атамановъ М. Бучева и Гр. Долгова, да 2 казаковъ и велѣлъ имъ—„обискать Овдокимовъ дворъ Карева для того владу и дѣтей его взявъ привести въ съѣзжую избу. И Овдокимовъ дворъ Карева *обыскиванъ*, и ничего не нашли“, равно какъ и дѣтей не встрѣтили во дворѣ. Мать ихъ сказала, что они на пашнѣ (только 25 іюля они вернулись и были допрошены).

Возвращаясь со двора Карева, подъячіе и атаманы „съ понятыми“ проходили мимо двора казака Левонтія Лукьянова—„ажно онъ Левонтей стоитъ на улицѣ у своихъ воротъ, а съ нимъ стоитъ казакъ Емелька Черемисиновъ. И учалъ тотъ казакъ Левонтей спрашивать: зачѣмъ-де вы ходите и для каково поличново—не для-ль-де вы ходите Карева владу?—И взялъ (Левонтей) къ себѣ на дворъ и учалъ говорить: ходили-де мои робятка съ Омеляновыми робятки Черемисинова на пашню, а въ которой день—того не упомяну; и слышали де они, „что Каревъ съ дѣтьми нашли деньги на своемъ „рѣпищѣ“, на Соломенной горѣ. „Робятки мои“—дочь дѣвка Овдотьица да сноха Оетиньица—пошли на пашню Карева „и нашли 9 копеекъ“, которыя и отдали Левонтью.

Черемисиновъ сказалъ, что и его „робятка“—Куземка да Панька—„о тѣхъ поры нашли на томъ же мѣстѣ 12 копеекъ“ и передали ему.

„Да тутъ же принесла“ на дворъ Левонтья и отдала подъячимъ 4 копейки Дарьица, жена Корнѣя Черемисинова, объявивши: „шла де ова съ дочерью черезъ пашню Карева и *подняла* на той пашнѣ 4 копейки“.

Всѣ эти „находныя деньги (25 копѣекъ, представленныхъ Лукъ-

яновымъ, Черемисиновымъ и Дарьей) у нихъ взяты (подъячими) и принесены въ съѣзжую избу“.

26 іюля стали являться, повидимому добровольно, въ Шацкую съѣзжую избу разныя лица, находившія деньги на Каревской пашнѣ. Первыми принесли казаки—„конной пастухъ“ Микита Кривоносовъ и Екимко Будановъ, которые рассказывали: „ходило-де насъ робять 7 человекъ по ягоды“, пли черезъ пашню Карева, о которой уже знали въ казачьей слободѣ („слухъ былъ“), что дѣти Карева нашли тамъ кладъ. Когда „робята“ подошли къ пашнѣ Карева, то увидѣли, что „на той пашнѣ толока великая“. Всѣ взялись внимательно разсматривать землю и двое изъ нихъ (Кривоносовъ и Будановъ) „подняли“ на той пашнѣ по копейкѣ, „а остальные ихъ товарищи“ не нашли ничего.—„И тѣ у нихъ 2 копейки взято“.

Тогда же принесъ въ съѣзжую избу 1 „копейку нерусскова дѣла“ („и та у него копейка взята“) полковаго казака сынъ „Савка Павловъ, „а сказалъ“: за 3 дня до Ильина дня „ходилъ я въ лѣсъ по лыжи, и иду съ лыжи ко двору—ажно на Овдокимовой пашнѣ Карева робять-дѣвочекъ съ десять роютъ землю, и я ихъ спросилъ: чево вы ищите?—и они мнѣ сказали: тутъ де казакъ Овдокимко нашолъ кладъ.—И я межъ ими поднялъ копейку, да и пошолъ отъ нихъ прочъ“.

„Пронька Григорьевъ сынъ, *прозвище Мѣденово Языка*“, казакъ станицы Марка Бучева“, принесъ копейку и сказалъ: шелъ онъ какъ-то „съ повосу“ и повстрѣчался съ казакомъ Лунькой Шелудяковымъ, который показывалъ ему „копейку нерусскова дѣла“, найденную имъ на пашнѣ Карева; Пронька взялъ у Луньки копейку, чтобъ показать ее „стороннимъ людемъ“, принесъ въ казачью слободу и показывалъ атаману Бучеву и инымъ казакамъ, а теперь представляетъ ее воеводѣ.

Шелудяковъ объяснилъ, что на 3-й день „послѣ Петрова дни“ шелъ онъ изъ лѣсу черезъ пашню Карева и видитъ „на той пашнѣ невѣдомая какая великая толока, и я пришолъ тое толоки смотрѣть, ажно тутъ лежитъ копейка—нерусское дѣло“. Онъ поднялъ ее и пошелъ въ казачью свободу, гдѣ „казалъ“ ее многимъ казакамъ, а на другой день передалъ Пронькѣ Мѣденому-Языку.

Наконецъ, казакъ Любимка Роговъ принесъ 1 копейку и рассказалъ: стоялъ онъ „въ казачьихъ въ острожныхъ воротѣхъ на ка-

раулѣ“ и слышалъ отъ многихъ проходившихъ казаковъ о находкѣ Каревымъ влады. „На завтрея“, освободившись отъ караула, Любимка пошелъ на пашню Карева „нарокомъ“ (нарочно), и на той пашнѣ „толока велика, и я на той толовѣ поднялъ копейку неруссково дѣла“. Когда онъ показывалъ копейку многимъ казакамъ и объяснялъ, гдѣ и какъ нашелъ ее, услышалъ это Каревъ и за то „меня лаялъ при многихъ людѣхъ всякою неподобною лаею—матерны, и хотѣлъ было я тое копейку объявить (раньше) воеводѣ въ сѣзжеѣ избѣ, да за тѣмъ не объявилъ, что запла дѣловая поря. И та у него копейка взята“.

Такимъ образомъ 26 іюля воевода получилъ 5 „копеекъ“ изъ Каревскаго влады, а съ принесенными раньше составилось всего 30 копеекъ, *по щету*—10 алтынъ“ (т. е. переведа эти 30 „копеекъ неруссково дѣла“ на русскій счетъ).

28 іюля явились въ сѣзжую избу Соломонида Карева и принесла „находныхъ денегъ по щету—13 алтынъ 2 деньги (сколько и именно принесла она „копеекъ“—не сказано), а сказала, что она тѣ деньги нашла съ своими снохами у себя на дворѣ, что дѣти ее хоронили“.

Послѣ этого Каревъ съ пасынками освобождены „изъ-за пристава“ и отданы „на вѣрпкія поруки съ записями, до государева указу“..

5 августа 153 (1645) г. Бестужевъ отправилъ въ разрядъ свою „отписку“ и „распросныя рѣчи“, вмѣстѣ съ „находными деньгами“ (на 23 алтына 2 деньги).

На отпискѣ читаемъ такой приговоръ государя: „государь, слушавъ сеѣ отписки, указалъ отписать: велѣтъ того казака, которой *будто* нашолъ владѣ—свободить и ничего надъ нимъ чинить не велѣлъ, а деньги отдалъ держать подъячему Матвѣю Култыкову.“

Царская грамота Шацкому воеводѣ, отъ 18 августа 153 (1645) г., увѣдомляя о полученіи присланныхъ воеводою „находныхъ татарскихъ денегъ“—23 алтынъ 2 денегъ, говорить: „и мы для блаженныя памяти отца нашего, великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русіи, казака Овдокима Карева пожаловали—велѣли ево съ дѣтми въ томъ дѣлѣ учинить свободныхъ“ и „поручную запись, что по нихъ взята въ томъ дѣлѣ, имъ выдать“...

Внизу текста грамоты стоитъ помѣта: „а деньги отданы подъ-
зачему Матвѣю Култыкову“.

Что же это былъ за „кладъ“? какъ онъ найденъ? и какъ отне-
слось въ факту находки *правительство* въ лицѣ мѣстной и москов-
ской администраціи?

Мѣстность находки клада опредѣлена довольно точно: онъ найденъ
на *Соломенной горѣ*, вблизи *казачьей слободы* города Шацка. Лица, зна-
комыя съ топографіей Шацка въ XVII в. и современной, вѣроятно,
могутъ и сейчасъ опредѣлить эту мѣстность. Что такое Соломенная
гора? не было ли здѣсь какого-либо древняго городища, или вообще
укрѣпленія? не связано-ли съ этою горою какихъ-нибудь преданій о
татарахъ („находныя деньги“, по опредѣленію Разряда, были „та-
тарскія“), или другихъ инородцевъ.

Какъ бы тамъ ни было, но на этой Соломенной горѣ, на пашнѣ
казака Карева пасынки его „драли залогъ“, т. е. вспахивали землю,
уже нѣсколько лѣтъ не паханную. Повидимому, земля эта давно уже
лежала „въ залогъ“; какъ только Каревы начали ее пахать, сейчасъ
же и обнаружили на поверхности „копейки“. Предыдущее вспа-
хиваніе этой земли также должно было обнаружить деньги и, если
бы оно было недавно, то память объ этой прежней находкѣ жила
бы среди населенія. Но въ 153 (1645) г. никто изъ участниковъ въ
находкѣ клада ничего не заявилъ о случаяхъ отыскиванія денегъ на
пашнѣ Карева въ прежнее время.

Всѣ показанія „сыскныхъ людей“ обнаружили, что найденныя
пасынками Карева и др. казаками „копейки неруссково дѣла“ ле-
жали *не глубоко* въ землѣ. Первые находчики—братья Микитины,
пасынки Карева, заявили, что когда они пахали, то на пашнѣ вдругъ
„*появились* деньги“. Другія показанія говорятъ тоже самое: Дарья
Черемисинова „*подняла* на той пашнѣ 4 копейки“, Кривоносовъ и
Будановъ „*подняли*“ 2 копейки, Шелудяковъ увидѣлъ, что на пашнѣ
лежитъ копейка и проч.

Но когда слухъ о кладѣ распространился по казачьей слободѣ
(повидимому, секретъ о кладѣ держался строго между слобожанами
и не выходилъ за предѣлы слободы, по крайней мѣрѣ, въ „сыскѣ“
встрѣчаемъ только казаковъ съ ихъ семьями) и всѣ—взрослые и
дѣти—бросились отыскивать „копейки“; деньги, лежавшія на поверх-
ности, были уже подобраны, и новымъ кладоискателямъ приходилось

рыть землю. Такъ, казачій сынъ Савва Павловъ видѣлъ, что на пашнѣ Карева „робять-дѣвочекъ съ десять *роютъ землю*“. Нашли ли что-нибудь дѣвочки—не извѣстно, но Павловъ „межь ими“, т. е. на взрытой ими землѣ „поднялъ копейку“.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что „копейки“ лежали не на одномъ уровнѣ: часть найдена въ томъ пластѣ земли, который подняла соха пасынковъ Карева, другія копейки лежали ниже.

Деньги лежали не въ одной кучѣ, всё вмѣстѣ, но были *разбросаны* въ разныхъ углахъ пашни Карева—отдѣльными кучками и одиночными экземплярами. Самую большую кучу напши пасынки Карева. Воевода Бестужевъ почему-то не упомянулъ ни разу—сколько именно они нашли „копеекъ“. Но онъ перевелъ ихъ находку на русскій „щету“ и—вышло, что Каревы нашли „копеекъ“ на 13 алтынъ 2 деньги. находку же другихъ казаковъ воевода точно подсчиталъ: оказалось „30 копеекъ неруссково дѣла“, а по русскому „щету“=10 алтынамъ. слѣдовательно, на 13 алтынъ 2 деньги (находка Каревыхъ) должно пойти больше „копеекъ“—около 40 в.

Итакъ Каревы нашли около 40 „копеекъ“. Другіе казаки, ихъ жены, дѣти и пр. находили затѣмъ въ разное время гораздо меньшія кучки „копеекъ“— въ 9 штукъ, 12, 4 и 2 штуки. Наконецъ, 3 лица нашли по 1 копѣйкѣ. Несомнѣнно отсюда, что найденныя монеты были разбросаны по полю въ разныхъ мѣстахъ.

Мы насчитали около 70 монетъ. Но въ дѣйствительности ихъ было найдено гораздо больше: эти 70 монетъ владонскатели представили воеводѣ, а сколько же „находныхъ“ денегъ было припрятано?—Изъ „сыска“ видно, что если одни казаки повидимому добровольно являлись въ съѣзжую избу и передавали воеводѣ находныя деньги (а можно ли поручиться, что они доставляли *все* найденное ими?), то другіе (и прежде всего пасынки Карева, обнаружившіе кладъ) отдавали деньги весьма неохотно и часть ихъ припрятывали.

При томъ же, „сыскъ“ былъ произведенъ довольно небрежно: кромѣ семейства Каревыхъ и казачьихъ атамановъ, воевода болѣе никого не призывалъ въ съѣзжую избу, и остальные „сыскные люди“ сами являлись къ воеводѣ и приносили ему находныя деньги. Да и вообще „сыскныхъ людей“ было очень мало. Между тѣмъ, число владонскателей было такъ велико, что по прошествіи нѣсколькихъ дней, когда искали денегъ—вся пашня Карева представляла такую „*толоку* вели-

кую" по показаніямъ свидѣтелей, что невольно бросалась всѣмъ въ глаза и говорила, что здѣсь перебивала масса людей. Но изъ всей массы было спрошено всего 18 человекъ! Савка Павловъ встрѣтилъ однажды на Каревской пашнѣ около 10 „робятъ-дѣвочекъ“, рывшихъ землю. Самъ онъ нашель „межь има“ 1 копейку. Необходимо допустить, что и дѣвочки нашли нѣсколько монетъ. Между тѣмъ, ни одна изъ нихъ не была допрошена воеводою, хотя это вовсе не были малолѣтки; казакъ Л. Лукьяновъ причислилъ къ „робяткамъ“ и свою сноху, т. е.—уже замужнюю женщину. Слѣдовательно, слово „робята“ употреблялось въ то время въ Шацкѣ въ смыслѣ вообще „дѣтей“, хотя бы и взрослыхъ (въ этомъ же смыслѣ слово „робята“ примѣнялось и къ женщинамъ).

Найденныя монеты, очевидно, лежали въ землѣ безъ всякаго прикрытія сосудомъ и т. п. Полагаю, что если бы такое прикрытіе было найдено вмѣстѣ съ деньгами, о немъ кто-нибудь изъ сыскныхъ людей промолвился бы. Между тѣмъ на это и намекъ нѣтъ въ „распрошенныхъ рѣчахъ“.

Ни владонскатели, ни воевода не могли опредѣлить точно—съ какими деньгами они имѣютъ дѣло. Они поняли только, что это „денги нерусково дѣла“. Слово же „копейка“ въ примѣненіи къ найденнымъ деньгамъ они употребляютъ какъ обозначеніе единицы монетъ. Были-ли эти „копейки“ серебряныя или мѣдныя, „сыскное дѣло“ не говоритъ.

Въ Москвѣ же, въ Разрядномъ приказѣ, Шацкія „копейки“ были опредѣлены какъ „татарскія денги“. Несомнѣнно, это были старинныя „татарскія денги“—можетъ быть царства Монгольскаго. Если бы же это были современные татарскія денги, напр. Крымскаго царства, то вѣроятно нашлось бы въ порубежномъ Шацкѣ среди ратныхъ людей не одно лице, знакомое съ новыми татарскими деньгами.

Вотъ и всѣ тѣ немногія данныя о Шацкомъ кладѣ 153 (1645) г., какія даетъ намъ „сыскное дѣло“ о немъ. Хотя мы видѣли, что „сыскъ“ производился воеводою Бестужевымъ недостаточно обстоятельно (напр. еще: воевода не позаботился самъ лично или чрезъ посланныхъ лицъ осмотрѣть мѣсто находки клада—пашню Евдоевима Карева), тѣмъ не менѣе въ общемъ выходитъ, что находка клада казаками не прошла незамѣченною воеводою. По одному говору въ Шацкомъ „мірѣ“ онъ успѣшилъ прозвезсти сыскъ и немедленно

отписаль о томъ въ Разрядный приказъ. Сыскъ произведенъ имъ безъ предварительнаго испрашиванія у Разряда разрѣшенія на то. Такъ поступали воеводы или въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства и требовавшихъ въ интересахъ дѣла немедленнаго распоряженія мѣстной власти, или же въ тѣхъ случаяхъ, когда административная практика разрѣшала имъ производство „сыска“, не испрашивая на то разрѣшенія Разряда. Здѣсь въ дѣлѣ о Шацкомъ кладѣ необходимо предположить оба мотива: съ одной стороны—слѣды клада могли совсѣмъ исчезнуть, если бы воевода промедлилъ съ производствомъ сыска, съ другой же—сыски о кладахъ не были уже въ половинѣ XVII в. дѣломъ необычнымъ, требовавшимъ предварительнаго разрѣшенія Разряда (мы знаемъ о сыскѣ 134 (1626) г., а несомнѣнно были и другіе сыски). Самостоятельное производство воеводою Бестужевымъ „сыска“ о кладѣ ясно говоритъ, что подобные сыски о кладахъ уже начали входить въ кругъ обычныхъ обязанностей воеводскаго управленія половины XVII в. Слѣдовательно, въ это время „сыскныя дѣла“ о кладахъ увеличились, то есть—увеличилось и смутное пока стремленіе русскаго общества того времени къ памятникамъ старины...

Итакъ, о воеводѣ Бестужевѣ можно сказать, что вообще онъ отнесся довольно *внимательно* къ Шацкому кладу. Но центральная администрація—Разрядный приказъ—обнаружила гораздо меньшую долю вниманія: „сыскомъ“ воеводы приказъ вполне удовлетворился и ничѣмъ не пожелалъ его дополнить.

„Находныя татарскія деньги“, полученныя Разрядомъ отъ воеводы, были переданы разрядному подъячему Матвѣю Култыкову, очевидно—на храненіе. Врядъ-ли, впрочемъ, это храненіе было продолжительно: по всей вѣроятности, „находныя“ въ Шацкѣ „копейки“ были употреблены на какое-нибудь дѣло—были перелиты на московскія деньги и т. п. Если же они и долго хранились, то, конечно, не изъ археологическаго уваженія къ нимъ, но просто вслѣдствіе невозможности сдѣлать изъ нихъ какое-нибудь житейское употребленіе.

Кстати слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что сохранилось еще одно краткое извѣстіе о находкѣ *денежнаго клада* въ предѣлахъ нынѣшней Тамбовской губерніи. Въ описи документовъ Приказнаго стола Разряда за 167 (1659) г., между прочими, встрѣчаемъ такіе документы:

„Отписка изъ Тамбова, что писалъ къ великому государю околь-

ничій кн. Иванъ Дмитреевичъ *Пожарской* и прислалъ *судное дѣло*, что *искалъ* въ *Танбовѣ* предъ *стольникомъ* и *воеводами* предъ *Иваномъ Полевымъ* да предъ *Василемъ Лихаревымъ* *Танбовскаго уѣзду* *Верхоценской волости с. Романова* крестьянинъ *Васка Ооминъ* сынъ прозвище *Шоруха* тое жъ волости с. *Устья* на крестьянинѣ на *Томилкѣ Судоплатовѣ*: въ прошлыхъ де годѣхъ тотъ *Томилко нашолъ въ земль поклажей—старые деньги*. И то дѣло вершено¹⁾.

Очевидно, нынѣшняя Тамбовская губ. въ XVII в. была довольно богата кладами, особенно денежными. Очень жаль, что извѣстіе о *Верхоценскомъ „поклажѣ“* (кладѣ) слишкомъ кратко, такъ что нельзя сдѣлать здѣсь никакихъ выводовъ. Слѣдуетъ только заключить, что если крестьяне завели „судное дѣло“ о найденныхъ „старыхъ деньгахъ“, значитъ—кладъ былъ достаточно великъ, чтобы возбудить къ себѣ такой интересъ. Споръ между *Шарухой* и *Судоплатовымъ* изъ-за вопроса о правѣ владѣнія кладомъ возникъ, нужно полагать, оттого, что кладъ повидимому былъ найденъ на спорной землѣ—на границѣ между землями сс. *Романова* и *Устья*.

III.

Кутуковскій кладъ 181 (1673) г.

Обширное „сыскное дѣло“ о находѣ въ 181 (1673) г. вещеваго клада въ дер. *Кутуковой, Старорязанскаго стана, Переславль-Рязанскаго уѣзда*, сохранилось въ архивѣ безъ начала и конца²⁾. Уцѣлѣлъ собственно самый „сыскъ“ о находѣ клада (и то безъ начала), производившійся въ *Старорязанскомъ стану* особой комиссіей, посланной изъ *Москвы*. „Сыщиками“ были назначены—*стольникъ Андрей Михайловичъ Борисовъ-Бороздинъ* и *подъячій Приказа Тайныхъ Дѣлъ Перфілій Федоровичъ Оловениковъ*. Комиссія, засѣдавшая „на съѣзжемъ дворѣ“ въ с. *Усторони* (того же стана) и имѣвшая въ своемъ распоряженіи нѣсколькихъ *подъячихъ, стрѣльцовъ* и др. лицъ, произ-

¹⁾ „*Старья описи*“, кн. № 4, л. 313 об.—За указаніе этой записи приношу благодарность *А. А. Гоздаво-Голомбьевскому*.

²⁾ На одномъ изъ заглавныхъ листовъ дѣла стоитъ такая помѣта (судя по почерку XVII в.): „*присланной столтникъ съ Резани, а въ немъ—распроси разныхъ чиновъ людей о старинной золотой и серебряной поклажи, начала мѣтъ, 181 (1673) году*“.

водила „сыскъ“ въ августѣ 181 (1673) г. и заключила его въ сентябрѣ 182 (1674) г.

По чьей иниціативѣ была назначена эта коммиссія Бороздина и Оловеникова?—Прямого отвѣта нельзя дать, такъ какъ не уцѣлѣло ни самого начала сыска (не достаетъ 2—3 листовъ, на которыхъ находилось предисловіе сыска, гдѣ несомнѣнно были высказаны мотивы возникновенія дѣла), ни документовъ, предшествовавшихъ сыску и послѣдовавшихъ за ними. Впрочемъ, въ самомъ „сыскѣ“ есть намеки на то, что дѣло о Кутузовскомъ кладѣ поднято по иниціативѣ частнаго лица.

Кладъ былъ найденъ крестьянами дер. Кутуковой, принадлежавшей Ѳедору *Ртищеву*, но на землѣ не Ртищева, а сосѣднихъ помѣщиковъ с. *Усторонн* Елисея Садоѣева *Житова* „съ товарищи“. Земля, повидимому, была спорная: владѣлъ ею Житовъ и др. Усторонскіе помѣщики, но и Кутузовскіе крестьяне предъявляли на нее какія-то права. Обѣ стороны ждали „писца“, который долженъ былъ при переписи земель рѣшить вопросъ о принадлежности спорной земли той или другой сторонѣ. Кутузовскіе крестьяне даже проговорились во время сыска Бороздина, что они собираются подкупить „писца“ и при его помощи отнять землю у Житова... Вообще, между Житовымъ и другими Усторонскими помѣщиками (Беклемишевымъ и пр.), съ одной стороны, и Ртищевымъ и его Кутузовскими крестьянами, съ другой—издавна шла „ссора большая за вотчинныя дѣла“ вообще. Въ частности, предметомъ ссоры была и та земля, на которой найденъ кладъ.

Житову не пришлось воспользоваться кладомъ: львиною долею его овладѣлъ Ртищевъ, меньшая часть осталась въ рукахъ Кутузовскихъ крестьянъ, а Житову ничего не досталось. И вѣроятно онъ подалъ царю челобитную на крестьянъ. Онъ подаетъ Бороздину словесныя „извѣты“ на Кутузовскихъ и др. крестьянъ, отыскиваетъ и указываетъ коммиссіи кладовскателей, скупщиковъ вещей клада, свидѣтелей и пр., ловить по уѣзду разные слухи о кладѣ и обо всемъ докладываетъ сыщикамъ и пр. и пр. Словомъ, онъ играетъ въ сыскѣ самую видную роль, всѣ шаги которой направлены къ тому, чтобы доказать свои права на Кутузовскій кладъ и опредѣлить размѣры и стоимость клада. Несомнѣнно, Житовъ преслѣдовалъ здѣсь чисто практическую цѣль—завладѣть тѣмъ богатствомъ (а кладъ, какъ уви-

димъ, дѣйствительно былъ очень богатъ), какое было найдено на его землѣ, но которое миновало его рукъ.

Сыскъ Бороздина и Оловеникова о Кутузовскомъ кладѣ 181 (1673) г. начинается съ отрывка разспросныхъ рѣчей крестьянина дер. Кутузовой Васьки *Ломова*, пасынокъ котораго Обращко *Сергѣевъ* былъ именно лицомъ, открывшимъ кладъ. Вотчимъ Обращки показывалъ, что „золото и серебро“ было найдено Обращкою „въ рч. *Мариченки*, потому что *берегъ* въ томъ мѣстѣ *обвалился*, а *погребъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ серебро и золото имали, былъ ли или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ“. Обращка передалъ вотчиму 12 золотыхъ и серебряныхъ „*прутовъ*“, которыхъ Ломовъ „по *торшкамъ* на продажу не важивалъ и никому не продаывалъ“.

За этимъ отрывкомъ слѣдуетъ вполне уцѣлѣвшее показаніе *Парашки*, жены Васьки Ломова: по ея словамъ—кладъ найденъ сыномъ ея Обращкою на другой день Георгіева дни 181 (1673) г., 24 апрѣля, когда онъ пасъ съ товарищамъ на полѣ „животину“. Обращка принесъ матери „12 *брусковъ* въ *слиткахъ*, да 13-е мѣсто *слиточекъ* небольшой, а серебро-ль или золото было—того она не вѣдаетъ“. Онъ рассказывалъ, что „тѣ бруски и брусочекъ *поднялъ* въ *овражкѣ* у рч. *Мариченки*“. Мужъ Парашки былъ въ это время въ городѣ Михайловѣ. Въ его отсутствіе явился къ ней провѣдавшій о кладѣ приказчикъ Ѳ. Ртищева Гришка *Максимовъ* и „тѣ бруски и слиточекъ изъ кадушки вынялъ и *взялъ* къ себѣ, а больша-де того *серебра прutowого* и *волоचनाго*, и *плитъ* и *чепей* золотыхъ, и иной никакой *казны* сынъ еѣ Обращка къ ней, Парасковѣ, не принашивалъ, и мужъ еѣ Васька и сынъ Обращко ни съ кѣмъ никакой *старинной казны* не вынимали, и отцу своему духовному попу *Тарасу 3 прutowъ* серебра она не показывала, и про *погребъ* что съ *поклажею*, никому не сказывала, и по *торшкамъ* и по *ярмонкамъ* мужъ еѣ Васька серебра не важивалъ и не продаывалъ“....

Интересно показаніе *Обращки Сергѣева* („малой“ лѣтъ 16-ти) объ открытіи имъ клада: „нынѣшнимъ лѣтомъ пасъ онъ, Обращко, животину той же деревни (Кутузовой) съ крестьянскими дѣтьми съ Гришкою Юдвинымъ, съ Максимкою Лишениномъ съ Терешкою Ивановымъ, съ Евтюшкою Ѳектистовымъ, съ Самошкою Тарасовымъ, съ

Аношкою Брылевымъ, съ Першкою Давыдовымъ, и пошелъ отъ нихъ къ рч. *Маричинкѣ* пить; и у той де рѣчки, у берегу, къ Елисеѣвой землѣ *Житова* съ товарищи, *поднялъ* онъ, *Обрашко*, *6 брусковъ серебра въ песку* и *поднявъ* сказалъ товарищамъ своимъ. И тѣ де товарищи ево съ нимъ, *Обрашкою*, пошли къ тому же мѣсту къ рч. *Мариченкѣ*, и (*Обрашко*) *поднялъ 6-же брусковъ да слитокъ золота*; и товарищи ево въ то время подняли: *Терешка—4 бруска серебра*, *Максимко—3 бруска*. *Гришка Юдинъ—4 бруска*, *Аношка Брылевъ—1 брусокъ*, *Евтюшка Фектистовъ—2 бруска*, *Самошко Тарасовъ—3 бруска*, *Першка Давыдовъ—2 бруска*. „И то де серебро *12 брусковъ да слитокъ золота* отдалъ (*Обрашко*) *вотчиму своему Васькѣ самому, а не матери своей, а вотчимъ-де ево въ то время былъ дома, а не въ отъѣздѣ-де*“ (какъ выше показывала мать). *Послѣ же отъѣзда вотчима все золото и серебро взялъ у матери приказчикъ Гришка Максимовъ. „А погребавъ де въ томъ мѣстѣ онъ, Обрашко, не видалъ“*. На другой день послѣ находки вклада *вотчимъ поѣхалъ „солюю торговать, а погребавъ съ поклажею* исвать ни съ кѣмъ не хаживалъ—ни *вотчимъ, ни онъ, Обрашка, и другихъ находокъ въ томъ мѣстѣ послѣдній „не подымывалъ“*.

Мальчикъ-пастухъ Терешка Ивановъ, товарищъ Обрашки, сказалъ, что онъ „нашелъ 4 бруска серебра да пятое мѣстечко золота витою“. *Иванъ Осиповъ, вотчимъ Терешки, подтвердилъ, что получилъ отъ пасынка „серебра 4 бруска слитку, да золота плетеного съ перстѣ толщиною“*. *Серебро и золото взялъ у него приказчикъ Гр. Максимовъ и все отобранное у крестьянъ „отвезъ къ Москвѣ къ боярину своему“ (Фед. Ртищеву)*. *Послѣ его отъѣзда (показывали многіе крестьяне, хотя другіе отвергали), „етое жъ деревни Кутукова крестьянскіе дѣти-пастухи такіе-жъ бруски у рч. Маричинки подбрали“*. Относительно „погребавъ“ всѣ (какъ Осиповъ, его пасыновъ и др.) единогласно показывали, что его никто „не видалъ“.

Подробное показаніе далъ приказчикъ *Гришка Максимовъ*:

Въ вышнѣшнемъ 181 (1673) г. „передъ (вешнимъ) Николаевымъ днемъ“ *крестьянинъ Юдка Прокофьевъ* сообщилъ приказчику, что *крестьянскіе дѣти-пастухи* пасли „животину на полѣ, и *животина-де* пошла черезъ рч. *Мариченку* съ *Федоровы* земли *Ртищева* на *Елисеѣву* землю *Житова* съ *товарищи*; и *животина-де отоптала берегу у рѣчки—мызы* ¹⁾

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ „смыска“ (въ показаніи *Гришки Юдина*) слово „мызы“ передано (въ соотвѣтствующемъ данному выраженіи) словомъ—„мысы“.

и мызы обвалился въ рѣчку, и съ той землею выпалъ горшечекъ небольшой съ серебромъ слитымъ; нашли (горшечекъ) разбитъ, а серебро-де лежить по дорожъ и въ рѣчкѣ. И поднявъ-де то серебро въ слиткахъ, называли робята промежь себя укладомъ. И онъ-де, Гришка, слыша тѣ рѣчи, крестьянъ своихъ про то *расспрашивалъ* и по роспросу у крестьянъ *сыскалъ на дворѣхъ 29 брусковъ серебра*, да въ дву мѣстахъ *золота витова*. И взявъ-де онъ то серебро и золото отвезъ къ Москвѣ, къ боярину своему. А *въсомъ-де серебра было 14 фунтовъ* безъ невелика, а *золота* сколько было—того не вѣдаетъ, потому что *не въсилъ*. Золото было „свитое“, и въ обоихъ кускахъ его „было по камышку, а какіе камышки были—того онъ не вѣдаетъ, потому что крестьяне то золото дали ему *безъ камышковъ*“. Куда бояринъ его „то серебро и золото дѣлъ—того онъ не вѣдаетъ“, равно какъ не знаетъ и того—продавали-ли кому крестьяне найденное ими серебро и золото. Про „погребъ“ Максимовъ ничего не слышалъ.

17 августа Максимовъ далъ второе показаніе, сознавшись, что въ первомъ своемъ *разпросѣ своровалъ, 2 бруска серебра утаилъ*, и на тѣ 2 бруска серебра въ Москвѣ *обложилъ тройные складни*, а за достальное находное серебро, что осталось за овладомъ, серебряного ряду у торгового человѣка—какъ зовутъ, не вѣдаетъ—взялъ деньгами, а сколько *взялъ денегъ*—того не упоминаетъ. Эти утаенные 2 бруска получилъ онъ отъ крестьянина Юдки Прокофьева. Точно также утаилъ онъ и часть золота, именно: у Васьки Ломова *взялъ онъ „пересѣченной слитокъ золота“* такой же величины, какъ и раньше объявленные имъ 2 золотыхъ слитка. Эгогъ „пересѣченной брусковъ золота“ онъ показывалъ своему боярину, который „меньшой отсѣчекъ того золота *взялъ къ себѣ*, а большой отсѣчекъ того-жъ золота *Федоръ Ртищевъ отдалъ ему, Гришеѣ*, а сказалъ, что тотъ-де отсѣчекъ *мѣдь*, а не золото“. Поѣхавши изъ Москвы въ Каширскую вотчину Ртищева, Максимовъ свой „отсѣчекъ золота въ с. Свиномъ изъ чеши выронилъ“.

По одному показанію, кладъ открылся такимъ образомъ, что на берегу рч. Мариченки „*проступила-де корова въ яму*“ и изъ той ямы обнаружались слитки золота и серебра.

Пастухъ Гришка *Юдинъ* (сынъ Юдки Прокофьева) между прочимъ показалъ, что нашель онъ на землѣ Елисѣя Житова „на берегу рч. Мариченки, *въ мысу 8 прutowъ серебра*“. Отецъ его Юдка

„продать на торгу 4 прута въ Резанскомъ уѣздѣ въ с. *Киструсть серебряникомъ*“, приѣзжимъ будто бы изъ г. *Елатьмы*, „а взялъ за 4 прута“ 2 рубля. Остальные 4 прута переданы Максиму. Онъ же, Юдка, съ крестьянами Патрикѣемъ Петровымъ и Захаромъ Мелековымъ ходили *досматривать* мѣсто находки вклада, „и пришедъ, того мѣста гдѣ вынато серебро смотрѣли, а *погребѣ*-де на томъ мѣстѣ они не видали, и сами не *рывали*, и *чепей* и *плитъ* золотыхъ, и серебра *литого*, и золота *витого*, и иной никакой серебряной и золотой *старинные поклажи* изъ того мѣста не выкапывали“...

Эта фраза „о чепяхъ и плитахъ“, о „погребѣ“ и пр., повторяющаяся почти во всѣхъ разспросныхъ рѣчахъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, очевидно была отвѣтомъ на обращенный ко всѣмъ сыскнымъ людямъ вопросъ „сыщиковъ“. Послѣднимъ былъ извѣстенъ ходившій въ народѣ слухъ о находкѣ „чепей“ и пр. (или же сыщики узнали объ этомъ изъ челобитной Житова), и они усердно добивались правды по этому интересному вопросу.

Одинъ изъ мальчиковъ-пастуховъ нѣсколько видовзмѣнилъ эту обычную фразу о „погребѣ“: онъ сказалъ, что „погребѣ и никакихъ *стоячихъ досокъ* онъ не видѣлъ“...

Крайній интересъ представляетъ рядъ показаній по вопросу: не было-ли на найденныхъ брускахъ серебра какихъ-либо *надписей*?— Вопросъ поднялъ пастухъ Евтюшка *Фектистовъ* (можетъ быть грамотный), который настойчиво утверждалъ, что „на *одномъ-де брускѣ* (изъ двухъ найденныхъ имъ) *нампѣчено въ пяти мѣстехъ*, а что *нампѣчено*—того онъ не вѣдаетъ“.

Стольникъ Борисовъ-Бороздинъ и подъячій Оловениковъ очень внимательно отнеслись къ этому любопытному показанію мальчика Евтюшки и сейчасъ-же принялись за провѣрку его, возвращаясь къ нему не одинъ разъ въ продолженіи всего „сыска“. Прежде всего они обратились къ приказчику Гришкѣ Максиму, который показалъ: „которые-де 2 находные бруска серебра взялъ онъ, Гришка, у Евтюшкина отца у Фектиста Лишянина, и на тѣхъ де 2 брускахъ *помѣтъ* никакихъ не было, да и на иныхъ-де серебряныхъ брускахъ, которые онъ, Гришка, взялъ у крестьянъ и у дѣтей ихъ и отвезъ къ Москвѣ, къ Ѡ. Ртищеву—*подписей* или какихъ *помѣтъ* не было жъ“.

Однако Евтюшка упорно настаивалъ, что на одномъ изъ найденныхъ имъ брусковъ были „*помѣтки*“, но „вакіе *помѣтки* и *старые-ль*;

или *новые* того онъ не вѣдаетъ“. Отецъ же его нивакахъ „помѣтокъ“ не замѣтилъ, но ему показалось, что „были на тѣхъ брускахъ *отъ ржавчины ямочки*“...

Показаніе Евтюшки нашло неожиданное подтвержденіе со стороны очень авторитетной. Митька Шаровъ, приказчикъ вн. Федора Волжонскаго, одного изъ Усторонскихъ помѣщиковъ, слышалъ отъ Усторонскаго же Семіоновской церкви попа *Тараса*, что когда онъ былъ послѣ Георгіева дня (въ 1673 г.) у крестьянина дер. Кутуковой *Ивашки Осипова*, то „слышалъ, что онъ, *Ивашко*, вынялъ *поклажею*, и на дворѣ-де жена его, *Ивашкова*, ему, попу, показывала 3 прута серебра, и на одномъ-де прутѣ серебрѣ, сказывала ему, *Митькѣ*, попу *Тарасъ*, что *была подпись*, только де онъ той *подписи не прочелъ*. Да *Ивашкова* жъ де жена ему, попу *Тарасу*, съ тѣмъ же серебромъ показывала *свертокъ волоченого золота*“...

С. *Исадъ* (стольника *Луки Владиміровича Ляпунова*) староста *Ювъ Триооновъ* слышалъ отъ попа *Тараса*, что тотъ видѣлъ у одного *Кутуковскаго* крестьянина „*карася серебряного*“...

Допрашивали крестьянъ и др. сосѣднихъ сель и деревень (с. *Мартина*, дер. *Грамаковы*, д. *Дурненокъ* и пр.), но большинство отозвалось невѣдніемъ о *Кутуковскомъ* владѣ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ показаній оказались довольно существенными. Такъ, приказчикъ дер. *Шатрищъ* слышалъ отъ Старорязанскаго „серебряника“ *Алешки Кобыляка*, что „на торшку“ въ с. *Киструсь* онъ *купилъ* у *Кутуковскаго* крестьянина „*золотникъ золота*, а даль-де 40 алтынъ“... Староста и крестьяне с. *Усторони* слышали отъ попа *Тараса*, что *Кутуковскіе* крестьяне „*поклажей* нашли и выняли въ слиткахъ серебро *карасиками*“...

Тотъ же попу *Тарасъ* сказывалъ *Усторонскому* помѣщику *Ивану Ивановичу Беклемишеву*, что *кутуковецъ* *Ивашко Осиповъ* показывалъ попу „*одинъ серебряной карасикъ*“ и „на томъ-де *карасикѣ* *подпись видѣлъ*, только-де онъ той *подписи не прочелъ*, да и *золотые-де карасики* слиткомъ тѣжъ *кутуковскіе* крестьяне нашли-жъ-де“...

18 августа 181 (1673) г., „на сѣзжемъ дворѣ“ стольнику *Борисову-Бороздину Елисей Житовъ* „билъ челомъ словесно“: „сказывалъ-де ему“ *Усторонскій* крестьянинъ *Антипо Артемьевъ*, при приказчикѣ *Митькѣ Шаровѣ*, что какой-то крестьянинъ дер. *Кутуковой* „*похвалялся*: какъ-де будетъ *писецъ*, и они-де у *Елисѣя Житова* съ то-

варищи *поле Закомары*, на которомъ полѣ выняли поклажей Ѳедоровы (Ртищева) крестьяне дер. Кутузовы—*отоймутъ*, а дадутъ-де за то поле хотя 500 рублей да 50 золотыхъ, а тѣмъ-де полемъ ему, Елисею, съ товарищи у нихъ не владѣть“... Житовъ просилъ стольника вызвать и допросить Антипку и Митьку.

Антипка подтвердилъ ссылку на него Житова (нѣсколько видоизмѣнивши ее): онъ слышалъ отъ кутузовцевъ Давида Ломова съ товарищи, что „не видать-де Елисею поля Закомаръ: бааринъ-де ихъ Ѳедоръ Ртищевъ за то поле Закомаръ хотя-де дастъ 500 р. да 50 золотыхъ, а за Елисеемъ-де тому полю Закомары не бывать, а писцу-ль дать 500 р. и 50 золотыхъ, или иному кому—того отъ нихъ онъ, Антипка, не слыхалъ“...

Далѣе слѣдуетъ въ сыскомъ дѣлѣ „отписка“ Бороздину и Оловеникову „Духовнаго приказа“ Переславль-Рязанскаго митрополита, отъ имени Богословскаго монастыря архимандрита *Иоасафа* и Спасваго попа Герасима. Начальные люди Духовнаго приказа писали сыщикамъ, что по грамотѣ изъ Патриаршаго разряду они допросили Усторонскаго попа *Тараса* и его „скаску“ посылаютъ сыщикамъ. „Скаска“ очень дѣнна обстоятельнымъ описаніемъ видѣнныхъ попомъ „слитковъ серебра“.

На Георгіевъ день—разсказываетъ попь Тарасъ—былъ онъ „у праздника“ въ с. Мартинѣ, Старорязанскаго стана, а на 3-й день праздника отправился домой, въ с. Усторонь, вмѣстѣ съ Кутузовскимъ крестьяниномъ Ивашкой Осиповымъ. Дорогою Ивашко назвалъ къ себѣ попа ночевать. Утромъ, когда попь проснулся, вошла въ нему Агафьяца, жена Осипова, и „внесла въ пазухѣ 3 слитка серебра, на срединѣ въ ширину *вершка* будетъ *въ полтора*, на оба конца *клиномъ сведено*, а въ толщину въ *полвершка*. Да она-жъ, Огафьяца, выневъ изъ пазухи, показывала *свитокъ тямцова золота*, а тотъ свитокъ въ длину будетъ *въ четверть аршина* слишкомъ, а толщиною гораздо толще *человѣческаго большого перста*, а то золото *тямто въ серезное тонкое кольцо*“... Агафьяца сказала попу, что то золото и серебро нашель сынъ ея Терешка „въ оврагѣ на *Студеницѣ* у рч. Мариченки, въ ямѣ“... Кромѣ того, попь „слухомъ слышелъ, что тое находку они, крестьяне, межъ себя *дѣлили*, а ссора межъ ими, крестьяны, была послѣ находки, а не на *дѣлу*“ (не во время дѣлежа)...

12 августа архимандритъ Іоасафъ послалъ новую отписку въ Бороздину, съ дополнительной краткою „скаскою“ попа Тараса относительно „подписей“ на слиткахъ серебра. Попъ вопреки ссылкамъ на него Белемишева и др. лицъ — категорически заявилъ, что на показанномъ ему Агафьицей золотѣ и серебрѣ „подписи никакіе не видалъ“...

Между тѣмъ Бороздинъ и Оловениковъ продолжали допрашивать разныхъ лицъ. Крестьяне с. *Старой Рязани* слышали въ селѣ „на базарѣ“ говорили межъ себя всякихъ чиновъ люди, что Кутуковскіе крестьяне нашли повлажей“ и, между прочимъ, „золотыхъ карасей“. Нѣкоторые слышали отъ попа Тараса, что онъ видѣлъ у одного Кутуовца „два лемешка серебряныхъ“.

Любопытенъ въ историко-юридическомъ отношеніи слѣдующій эпизодъ сыскаго дѣла:

Старорязанскій крестьянинъ Кирюшка Савостьяновъ слышалъ о „серебряныхъ карасяхъ“ отъ Переславль-Рязанскаго пушкаря Стеньки Шмирева, пріѣзжавшаго въ с. Старую Рязань для высылки ратныхъ людей на службу. Шмиревъ же отвергалъ ссылку на него Кирюшки. На „очной ставкѣ“ оба они остались при своихъ показаніяхъ, при чемъ оба, каждый въ свою пользу, ссылались на свидѣтеля—„казеннаго плотника“ Андриюшку. Въ заключеніе Кирюшка заявилъ, что „будетъ-де тотъ плотникъ съ товарищи своими противъ ихъ ссылоевъ не скажутъ, и ови-де *шмотца на свои кожи*: онъ-де, Кирюшка, въ томъ *шмотца на свою и на ево, Стенькину, кожу*, что, де онъ, Стенько, говорилъ ему, Кирюшкѣ, про вынатые серебряные караси, а не про службу. А Стенька, выслушевъ, сказалъ и *на кожи межъ себя смался* въ томъ, что онъ, Стенько, ему, Кирюшкѣ, говорилъ про службу, а не про серебряные караси“...

Интересно затѣмъ показаніе „серебреника“ Алешки *Кобыляка*: послѣ Пасхи сидѣлъ онъ какъ то „на торшку въ лавкѣ“, когда пришелъ къ нему Кутуковецъ Юдка Прокофьевъ и принесъ „находново одинъ брусокъ серебра—*мѣрою въ длину 2 вершка, шириною въ вершокъ, а въ толщину въ пол-вершка*, а далъ де ему за то серебро десятину пашенные земли подъ еровой хлѣбъ, а *въсомъ-де* было того серебра *пол-фунта*“. Послѣ Николина дня „на торшку“ въ с. Куструсѣ Кутуковецъ Васька Ломовъ „продалъ золота *прутового крулова* кончибъ длиною *пол-вершка*, а *въсомъ* того золота съ $1\frac{1}{2}$ золотника, а

далъ де ему за то золото 40 алтынъ“. Кобылякъ держалъ у себя золото около 4 педѣль, но такъ какъ оно почему-то „въ дѣло не пошло“, то онъ вернулъ его Ломову. А „купленное серебро онъ, Алешка, *принесъ* нннѣ къ объявѣ на сѣзжей дворъ—*бруска отсѣчекъ* разбитово, а вѣсомъ того отсѣчка серебра 16 золотниковъ, а достальное де серебро того серебра до сыску онъ, Алешка, истерялъ въ дѣлѣ“...

Юдка Прокофьевъ сознался, что въ первомъ своемъ показаніи выдумалъ Елатомскихъ серебряниковъ: въ дѣйствительности онъ носилъ 2 бруска серебра къ Кобыляку, который и взялъ 1 брусокъ, обѣщая дать деньги или „десятину пашни“—„будетъ-де *чистое серебро*“. Брусокъ оказался „чистымъ серебромъ“, но Юдка не получилъ отъ Кобыляка ни денегъ, ни пашни. 4 бруска Прокофьевъ отдалъ прикащику Максиму, а „3 бруска серебра и нннѣ у него, Юдки, *схороняны* въ огородѣ, а схоронилъ де онъ то серебро до прїѣзду сыщиковъ и *до обыску*, какъ у нихъ въ дер. Кутуковѣ *на двортѣхъ* обыскивали“...

Васька Ломовъ также сознался, что „утаялъ“ у себя „отломокъ *золота свитого*“, вѣсомъ „*пол-пята* золотника“. Этотъ „отломокъ“ онъ продалъ Касимовцу Тимофѣю Вялину, съ котораго получилъ по 1 р. 10 алтынъ за золотникъ. А *полъ-золотника* того „отломка“ продалъ Кобыляку за 40 алтынъ. Въ послѣднемъ былъ „*камышекъ лазоревой*“, который „*выталъ изъ мѣда* у него, Васьки, въ избѣ, а сысканъ-ли или нѣтъ—того не вѣдаетъ, а какой тотъ камышокъ—того не знаетъ“. Кромѣ того, пасынокъ его Обраща Сергѣевъ нашелъ „*прутъ золота*“, который Ломовъ показывалъ Максиму, но тотъ не взялъ и „сказывалъ, что тотъ пруть—*мѣдъ*, а не золото“.

Одинъ „отсѣчекъ“ этого прута и теперь находится у Ломова, а другой онъ передалъ племяннику Петрушкѣ Ломову. Послѣдній показывалъ „отсѣчекъ“ Алешкѣ Кобыляку, „а продалъ ли онъ ему, Алешкѣ, или назадъ взялъ—того онъ не вѣдаетъ“...

Вслѣдствіе этихъ показаній стольникъ Борисовъ-Бороздинъ отправилъ въ дер. Кутукову подъячаго Микиту Максимова и стрѣльцовъ, для производства обыска на дворахъ Юдки Прокофьева и др.; посланные по указаніямъ Юдки „выняли у него, Юдки, въ огородѣ подлѣ тына въ землѣ находново 3 бруска серебра, да у Васькиной жены Ломова Парасковьицы въ клѣти подъ лавкою взять *устьчекъ*

золота прутowego, длиною на вершокъ, да у Васькина сына Ломова у Андриюшки взять *камышекъ лазоревой*; и то серебро, и золото, и камышекъ принесено на съѣзжей дворъ“. Парасковьица показывала, что „витой пруть“ золота, длиною въ $1\frac{1}{2}$ *вершка*, мужъ ея разсѣкъ на 3 части и 2 крайнихъ „усѣчка“ отдалъ приказчику Максиму, а „усѣчекъ середки“ велѣлъ ей схоронить.

Андриюшка, братъ Обранки Ломова, сказалъ, что камушекъ былъ въ „витомъ“ золотѣ и „изъ гнѣзда“ выпалъ, „какъ-де учаль отецъ его Васька съ того витого золота землю счищать“, и заватился „подполь“, откуда Андриюшка и вытащилъ его.

Петрушка Герасимовъ Ломовъ, племянникъ Васьки Ломова, отвергнувъ показаніе дяди, будто тотъ передалъ Петрушкѣ „отсѣчекъ золота“. Петрушка самъ нашель съ пастухами у рч. Мариченки „слиточекъ небольшой прутowego золота“, который показалъ „серебреннику“ Алешкѣ *Кобыляку* (крестьянину с. Подола); „и Алешка-де, смотря того золота, назадъ ему, Петрушкѣ, не отдалъ, и то де золото и нынѣ у него, Алешки“...

Уличенный племянникомъ, дядя сознался, что поклепалъ напрасно на него... Кобылякъ также признался, что въ первомъ своемъ разспросѣ напуталъ относительно золота. Въ дѣйствительности дѣло было такъ: у Васьки Ломова Алешка Кобылякъ купилъ за 50 алтынъ (10 алт. еще не отдавалъ) $1\frac{1}{2}$ золотника „витого золота“ и „половину“ его „въ позолоту издержалъ, а другая-де половина тово витого золота и нынѣ у него, Алешки, во дворѣ“. У Петрушки Ломова „взялъ онъ посмотрѣть отсѣчекъ прутowego золота зъ золотникъ съ четвертью“. И этотъ „отсѣчекъ“ хранится у него же, Алешки. Наконецъ въ слободѣ Хириной у неизвѣстнаго по имени крестьянина купилъ Алешка „брусокъ серебра такой же, что купилъ онъ, Алешка, у Юдки, даль 2 рубли“.

15 августа „противъ роспросныхъ рѣчей серебряника А. Кобыляка посланы московскіе стрѣльцы Титко Васильевъ съ товарищи въ Резанской уѣздъ въ слободку Хирино“, вмѣстѣ съ Кобылякомъ, по указанію котораго взять тамъ и доставленъ на съѣзжій дворъ крестьянинъ Власко Алексѣевъ. Власко показалъ, что по порученію Кутузовскаго крестьянина Давида *Семенова* онъ продалъ Кобыляку „одинъ *лемешекъ*“ серебра за два рубля. Семеновъ сознался, что на 3-й день послѣ Георгіева дня „пахалъ де онъ, Давидко, на полѣ

и пошелъ на рч. Мариченку, гдѣ пастухи находили серебро и золото, и *въ томъ же де мѣстѣ въ рѣчкѣ* нашель онъ, Давидко, одинъ *брусокъ серебра*“, который и поручилъ Власъѣ продать Кобыляку. „А больша-де того серебра и золота онъ, Давидко, не подымывалъ“.

Крестьянину Якушкѣ Степанову Васька Ломовъ показывалъ на своемъ дворѣ „серебро литое *брусками*, въ длину брусковъ *вершка на два*, а инья-де и меньши, *литы крестами*“...

3 сентября 182 (1674) г. явился на сѣзжій дворъ Касимовскій пушкаръ Тимофѣй *Вьялинъ* и показалъ: въ Петровъ постъ ѣхалъ онъ въ лодкѣ „сверху, съ хлѣбомъ, внизъ по *Окѣ* рѣкѣ въ Касимовъ, и присталъ къ Ѳедоровой землѣ Ртищева деревни Кутуковы, и въ то де число пришолъ къ нему въ лодкѣ“ Васька Ломовъ. Продавши Вьялину „вощинъ на 3 рубля“, Ломовъ показалъ 2 „отломка *цѣли золотой*“, предлагая купить по 40 алт. за золотникъ. Вьялинъ взвѣсилъ—оказалось „*пол-пята* золотника слишкомъ“, и „онъ де, Тимошка, то золото у него взялъ *на уворе* и сказалъ ему: будетъ то золото въ дѣло пойдетъ, и онъ ему деньги заплатитъ, по чему люди приговорять. И онъ-де, того золота не изтеравъ, *принесъ* нынѣ на сѣзжей дворъ—въ 4 мѣстехъ“ (т. е. 4 куска): въ Ярославль-де онъ показывалъ покупку „серебряникамъ“, и они, „смотря то золото, переломили для опыту“...

„И того жъ числа то золото у Тимошки Вьялина на сѣзжемъ дворѣ взято, а *по вѣсу* того золота 5 *золотниковъ*, а по досмотру то золото знатно отломлено *отъ чели золотой*“.

17 августа 181 (1673) г. на сѣзжемъ дворѣ „*извѣщалъ* словесно“ Усторонскій помѣщикъ Елисей Садовьевъ *Житовъ*, что въ июль „сказывалъ“ ему с. Яростова (Ярустова) Георгіевскій попъ Трофимъ Захарьевъ о покупкѣ племянникомъ его дьячкомъ *Левкою* (сыномъ Конона изъ с. Спаса-Зарѣцкаго, Савина монастыря) „отломка *слитова золота*“ у Кутуковскихъ крестьянъ „на торгу“ въ с. Старой Рязани.

24 августа Борисовъ-Бороздинъ и Оловениковъ отправили „отписку“ къ „архимандриту Іоасафу и попу Герасиму, съ требованіемъ допросить и прислать допросныя рѣчи поповъ Трофима и Конона и дьячка Левки, а также снять дополнительную „сваску“ съ пона *Тараса* относительно „золотыхъ и серебряныхъ *карасей съ подписями*“... О „словесномъ отвѣтѣ“ Житова они писали государю и 24 августа получили „грамоту“, которая предписывала „поповъ и дьячковъ и

церковныхъ причетниковъ и иныхъ духовнаго чину людей про ту *выимочную казну* по нашимъ (Бороздина и Оловеникова) присылкамъ допрашивать и очныя ставки давать вамъ (Іоасафу и Герасиму), и тѣ записки и очныя ставки присылать къ намъ“. О томъ же предписываетъ и „грамота“ изъ „Патріарша двора“, пересылаемая чрезъ Бороздина къ Іоасафу.

2 сентября 182 (1674) г. Бороздинъ и Оловениковъ послали къ Іоасафу и Герасиму другую „отписку“, гдѣ просили допросить между прочимъ попа *Тараса*: отъ кого онъ слышалъ, что „когда-де Кутуковскіе крестьяне *старинной поклажей* нашли и *дѣлим*, и онъ де послѣ *дѣлу* слышалъ, что межъ ими была ссора“... Выѣстѣ съ тѣмъ комиссія просила допросить с. Старой Резани Спасскаго попа Игнатія о томъ, что онъ знаетъ и слышалъ о находкѣ Кутуковскаго „поклажея“. Въ заключеніе комиссія требуетъ поторопиться съ присылкою допросовъ поповъ Конова и Трофима и дьячка Левки, о чемъ писано къ нимъ еще 24 августа, а между тѣмъ „сентября по 2-е число (вы) къ намъ не писывали и допросныхъ рѣчей не присылавали, и затѣмъ *учинили* сыскному дѣлу *моччанья*, и мы на васъ о томъ будемъ *писать* великому *государю*“...

Эта угроза подѣйствовала на Духовный приказъ и—4 сентября комиссія получила его „отписку“ съ приложеніемъ „допросныхъ рѣчей“ дьячка Левки Кононова, его отца попа Конова и поповъ Трофима и Тараса. Первые трое голословно отвергли ссылку на нихъ Житова.

Попъ Тарасъ дополнилъ свою прежнюю „скаску“ относительно ссоры Кутуковскихъ крестьянъ изъ-за дѣлежки вклада: „была ссора у Кутуковскихъ крестьянъ Ѳедора Ртищева, которымъ той находки *не достилось*, съ тѣми крестьяны, которые нашли и говорили: намъ-де бы отъ того не погибнуть! И по той де крестьянской ссорѣ Ѳедоровъ прикащикъ Ртищева Гришка Максимовъ у крестьянъ тое находку и выбиралъ“...

Не получивши отъ Духовнаго приказа дополнительной „скаска“ попа Тараса о „подписяхъ“ на „серебряныхъ карасивахъ“, комиссія снова и настоятельно проситъ новою „отпискою“—„допросить (попа) вправду, съ великимъ подкрѣпленіемъ“: говорилъ ли онъ прикащику Митьѣ Шарову и другимъ лицамъ про „серебряного караса съ подписью“ и „про золотые литые карасы?“...

Духовный приказъ поспѣшилъ прислать (при „отпискѣ“ отъ 4 сентября 182 (1674) г. слѣд. „распросныя рѣчи“ попа Тараса.

Попъ снова утверждаетъ, что ни Шарову, ни другимъ лицамъ онъ не говорилъ, будто на серебряныхъ слиткахъ у Ивашки Осипова видѣлъ „подпись“.. Не говорилъ онъ также старостѣ с. Исады Ювкѣ Трифонову, будто у Кутуковского крестьянина „видѣлъ караса серебряного, развѣ-де онъ Іевка серебряной *слитокъ карасемъ назвалъ*“. И о „золотыхъ карасяхъ“ не рассказывалъ онъ помѣщику Беклемишеву... Этими рѣчами „ево, попа Тараса, клепятъ напрасно, за одно всѣ они, помѣщики дер. Кутуковой, *рылся* на Ѳедоровыхъ крестьянъ Ртищева, а межъ де ими ссора большая за вотчинныя дѣла...“ 26 августа 181 (1673) г. зазвалъ его въ себѣ послѣ обѣдни Елисей Жытовъ и „послѣ обѣда“ говорилъ попу Тарасу: „скажи-де передъ сыщивомъ, *будто видѣлъ* или слышелъ у Ѳедоровыхъ крестьянъ Ртищева *караси* серебряные и золотые, и *чети* *временіе*, и *доску серебряную*, и будто на серебряныхъ карасяхъ и на доскѣ видѣлъ *подпись*. А онъ де, попъ Тарасъ, ничего того не знаетъ и не вѣдаетъ“...

12 сентября архим. Іоасафъ и попъ Герасимъ прислали „допросныя рѣчи“ попа Игнатія, который показалъ, что „слышелъ“ о Кутуковскомъ „поклажѣ“, но никакихъ подробностей не знаетъ.

Далѣе слѣдуетъ въ дѣлѣ „*пытчныя рѣчи*“, снятыя во время „*пытки*“ съ обвиняемыхъ въ утайкѣ влады:

„181 (1673) г., августа въ 25 день, *по грамотѣ* великого государя... Ѳедоровъ прикащикъ Ртищева дер. Кутукова Гришка Максимовъ, да крестьяне Ѳедька Марковъ, Оська Евтифѣевъ, Ивашко Осиповъ, Васька Ломовъ, Юдка Прокофьевъ и ихъ дѣти-пастухи и которые крестьяне золото и серебро находили—*къ пытку и къ огню приведены и порознь спрашиваны*“:

„Прикащикъ Гришка Максимовъ въ роспросѣ у пытки и у огня сказалъ противъ прежнихъ и другихъ своихъ распросныхъ рѣчей: больши того серебра и золота во взятѣ у крестьянъ и въ отвозѣ къ Ѳедору Ртищеву и въ находкѣ погребя съ стариннымъ поклажемъ—не винылся“.

Пастухъ Обращеа, пасынокъ Васьки Ломова, „которой (Обращеа) *сперва* золото и серебро находилъ у рч. Мариченки“, „къ пыткѣ и въ огню приведенъ и спрашиванъ съ пристрастіемъ“: онъ повторилъ, что нашелъ только 12 брусковъ серебра, 2 куска „витого“ и

1 кусокъ „литого“ золота, и что „погребѣ съ стариннымъ поклажемъ не нахаживалъ, и окомѣ тово въ находѣ иново золота и серебра не винился“.

Васька Ломовъ также „у пытки и у огня спрашивая съ пристрастіемъ, а въ роспросѣ сазалъ *прежня свои рѣчи*“...

Остальные владонскатели, скупщики и нѣкоторые свидѣтели (кромѣ вышеперечисленныхъ еще—Терешка Ивановъ, Гришка Юдинъ, Давидъ Семеновъ, сынъ его Першка, Аношка Брилевъ, Евтюшка Оеттистовъ Лишенинъ и Максимко („а Давидко онъ же“ Лишенинъ)— всѣ они были „у пытки и у огня“ и „сказали *прежня свои рѣчи*“...

Такимъ образомъ и „пыточные рѣчи“, вырванныя у несчастныхъ владонскателей, не дали комиссіи ничего новаго... Тогда Бороздинъ и Оловениковъ приступили къ послѣднему акту своихъ дѣйствій—къ *досмотру мѣстонахожденія* Кутуковского влада. Привожу цѣликомъ этотъ любопытный документъ о досмотрѣ:

„Августа въ 26 день, стольникъ Андрей Михайловичъ Борисовъ-Бороздинъ да Приказу великого государя Тайныхъ Дѣлъ подъячей Перфілей Оловениковъ, *взявъ съ собою с. Усторони Елисея Житова крестьянъ, старосту Кондрашку Федорова съ товарищи, да дер. Кутуковы крестьянина Васькина пасынка Ломова Обращку, и изъ разныхъ сель и деревень стороннихъ людей, для подлинного розыску, къ тому мѣсту, гдѣ находилъ сперва серебро и золото Обращка Ломовъ и послѣ ево той же деревни пастухи, къ рѣчкѣ Мариченкѣ ѣздили досматривать; и въ томъ мѣстѣ крестьяне обрыли земли сажень съ шесть и больши, а погребѣ никакова и признакъ погребныхъ не сыскано. А чьихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ крестьяне у того мѣста сторонніе люди землю обрывали, и которыхъ сель и деревень,—и тѣмъ людямъ ияна писаны ниже сего“.*

Выбрасываю этотъ именной перечень крестьянъ с. Усторони и др. (на оборотѣ акта досмотра помѣщены ихъ рукоприкладства).

„Сыскное дѣло“ оканчивается слѣдующимъ *приворомъ* „сыщиковъ“ Борисова-Бороздина и Оловеникова:

„182 (1674) г., сентября въ 14 день, *по грамотѣ* великого государя... самодержца, Федоровъ человекъ Ртищева деревни Кутуковы прикащикъ Гришка Максимовъ и той деревни крестьяне: Федька Марковъ, Оська Евтифѣевъ, Ивашко Осиповъ, Васька Ломовъ, Юбка Прокофѣевъ и пастухи, Васькинъ пасынокъ Ломова Обращко съ товарищи, которые находили золото и серебро,—*изъ тюрьмы освобождены*“.

Нельзя не пожалѣть, что не сохранилось государственной „грамоты“, на основаніи которой эти крестьяне были освобождены: грамота несомнѣнно разъясняла мотивы такого рѣшенія и передавала разные распоряженія не только о подсудимыхъ, но и относительно найденныхъ „сыщивами“ у крестьянъ и отобранныхъ слитковъ серебра и золота и проч.

Но хотя дѣло и представляется незаконченнымъ (нѣтъ также никакихъ слѣдовъ допроса Федора Ртищева въ Москвѣ и пр.), тѣмъ не менѣе и то, что сохранилось изъ него и что выше изложено— настолько богато фактическими, крупными и мелкими данными о Кутуковскомъ кладѣ, что является необходимость выдѣлить изъ массы подробностей всѣ наиболѣе существенные факты и постараться освѣтить ихъ по мѣрѣ возможности.

Кутуковскій кладъ найденъ 25 апрѣля 1673 г. крестьянскимъ мальчикомъ Обращкою Сергѣевымъ, пасынкомъ крестьянина дер. Кутуковой Василья Ломова. Мѣсто находки клада— „поле *Закомары*“, на берегу рч. *Мариченки* („а *Студенецъ* она жъ“), впадавшей (важется) въ р *Оку*. Рѣчка раздѣляла землю Кутуковскаго помѣщика Федора Ртищева отъ земли помѣщиковъ с. Усторони Елисаѣя Житова „съ товарищи“. Кладъ найденъ на берегу, принадлежавшемъ послѣднимъ помѣщикамъ.

„Поле *Закомары*“ спускалось къ рч. *Мариченкѣ* „*оврагомъ*“ (оврашвомъ), который у рѣчки заканчивался „*мызомъ*“ („мысомъ“). Здѣсь-то— „въ мысу“ и найденъ былъ кладъ Обращкою Сергѣевымъ и его 7 товарищами, когда они пасли „животину“ на противоположномъ берегу, на землѣ Ртищева.

„Животина“ перешла неглубокую рч. *Мариченку* и на берегу Житова „отоптала берегу у рѣчки—мызгъ, и *мызгъ обвалился въ рѣчку*, и съ тою землею *выпалъ юршечекъ* небольшой съ серебромъ“. Серебро высыпалось изъ разбившагося горшечка на землю и частью въ рѣчку. Когда подошелъ сюда Обращка, а за нимъ и товарищи его—имъ сразу бросились въ глаза лежавшіе „въ песку“ и отчасти въ водѣ „*слитки серебра и золота*“. Мальчики-пастухи стали „поднимать серебро и золото друшка передъ друшкою—хто что захватилъ“. Обращка захватилъ 12 „брусковъ“, его товарищи—8, 4, 3, 3, 2, 2 и 1 „брусковъ“, (7 человекъ) всего—35 „брусковъ“ серебра. Золота же они тутъ нашли 5 кусковъ.

Все это была находка перваго дня—25 апрѣля. Въ слѣдующіе дни, когда вѣсть о кладѣ разошлась по дер. Кутуковой, почти все населеніе ея перебивало тутъ, отыскивая серебро и золото. И дѣйствительно, крестьяне продолжали находить то и другое. Сколько именно было найдено—въ точности не извѣстно. „Сыщики“ Борисовъ-Бороздинъ и Оловениковъ могли частію отыскать, а частію только знать о находкѣ крестьянами еще 4 *брусковъ серебра* и 2 *кусковъ золота*.

Вотъ и все „находное“ золото и серебро Кутуковскаго клада, какое фигурируетъ въ „сыскномъ дѣлѣ“. Въ дѣйствительности его было найдено гораздо больше: многое крестьяне успѣли продать, другое припрятать и не объявить сыщикамъ. Но и это количество 39 брусковъ серебра и 7 кусковъ золота—само по себѣ представляетъ очень цѣнный кладъ.

Что же это былъ за кладъ?—Очевидно, это не былъ курганъ, ибо о присутствіи востява въ мѣстѣ находки серебра и золота нигдѣ въ сыскномъ дѣлѣ нѣтъ и намека. О существованіи здѣсь какихъ-либо слѣдовъ бывшаго когда-то жилья—также нѣтъ никакихъ указаній. Между окрестнымъ населеніемъ распространился слухъ, что Кутуковскіе крестьяне нашли „погребъ“. Но сами владомисватели и другіе Кутуковцы единогласно утверждали, что никакого погреба здѣсь не было. Это подтвердилъ и досмотръ мѣсто-нахожденія клада, произведенный „сыщиками“: не только „погреба“, но даже и „признакъ погребныхъ“ они не нашли.

Остается предположить, что если и здѣсь не было когда-то въ незапамятную старину человѣческаго жилья, слѣды котораго могли совершенно исчезнуть въ XVII вѣку, то этотъ „горшечекъ“ съ золотомъ и серебромъ слѣдуетъ признать „кладомъ“ въ собственномъ смыслѣ, т. е. спрятаннымъ въ землю для сохранности богатствомъ неизвѣстнаго первоначальника данной мѣстности.

Что этотъ кладъ былъ спрятанъ въ эпоху *глубокой древности* и не заключалъ въ себѣ предметовъ, знакомыхъ XVII вѣку—объ этомъ свидѣтельствовали всѣ лица, видѣвшіе самый кладъ или только слышавшіе о немъ. Всѣ они называютъ „находное серебро и золото“— „старинной казной“, „старинной поклажей“ и т. п.

Кстати отмѣтить, что слово „кладъ“, употреблявшееся въ „сыскномъ дѣлѣ“ о Шацкомъ кладѣ 153 (1645) г., въ Кутуковскомъ сыскномъ

дѣлѣ встрѣчается только 2 раза (да и то однажды въ измѣненномъ видѣ— „укладъ“). Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ оно замѣняется (какъ и въ описи дѣла о Тамбовскомъ кладѣ 167 (1659) г.) словомъ— „*поклажей*“, а иногда— „*казна*“. Слово „*поклажей*“, очень точно передающее сущность выражаемаго имъ представленія, было распространено среди крестьянъ, духовенства, помѣщиковъ и др., словомъ, было въ ходу не только въ Рязанскомъ краѣ, но и среди московской интеллигенціи (его употребляли и присланные изъ Москвы сыщики).

Итакъ, Кутуковцы и др. свидѣтели единогласно утверждали, что „*поклажей*“, найденный около дер. Кутуковой, былъ именно „стариннымъ *поклажемъ*“. Къ такому же заключенію приводятъ и разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ сыскаго дѣла *описанія* найденныхъ предметовъ. Сведемъ эти описанія вмѣстѣ и постараемся опредѣлить значеніе „*находнаго золота и серебра*“.

Прежде всего о *серебрѣ*, такъ какъ оно преобладало въ „*поклажѣ*“ надъ золотомъ. Всѣ 39 серебряныхъ „*брусковъ*“ были, судя по описаніямъ, предметы *однородные* и по формѣ, и по вѣсу, и по размѣрамъ. Различныя названія, данныя свидѣтелями этимъ предметамъ, въ сущности даютъ представленіе объ одной и той же формѣ. Крестьяне и др. лица называли найденное серебро чаще всего „*брусками*“, затѣмъ— „*карасями*“ и „*лемешками*“, т. е. какими-то продолговатыми и плоскими предметами.

Но сохранились въ дѣлѣ и болѣе подробныя и точныя описанія найденнаго серебра. Такъ, „серебряникъ“ А. Кобылякъ представилъ точное опредѣленіе размѣровъ купленнаго имъ одного „*бруска серебра*“: „*мѣрою въ длину 2 вершка, шириною съ вершокъ, а въ толщину въ пол-вершка*“; крестьянинъ Я. Степановъ видѣлъ бруски „*въ длину вершка на два, а иныя-де и меньше*“.

Попъ Тарасъ, указывая почти тѣ же размѣры, отмѣчаетъ одну характерную особенность въ формѣ этихъ „*брусковъ*“: онъ видѣлъ „3 слитка серебра—*на серединѣ* въ ширину вершка будетъ въ полтора, *на оба конца клиномъ сведено*, а въ толщину въ полъ-вершка“. Ту же особенность подмѣтилъ и крест. Степановъ, когда говоритъ, что бруски были „*литы крестами*“. Онъ не сказалъ прямо, что это были кресты, но бруски только подходили по формѣ къ крестамъ, т. е. имѣли *расширеніе въ серединѣ*, „а на оба конца“—какъ дополняетъ попъ Тарасъ—были „*клиномъ сведены*“.

Мнѣ кажется, что въ этихъ расширенныхъ по срединѣ и удлиненныхъ въ концамъ „брускахъ“ серебра можно видѣть именно древнерусскія „гривны“ („шестиугольныя кievскія гривны“?). Однородность формы всѣхъ 39 „брусковъ“, самая форма ихъ, вѣсъ и размѣры—все это напоминаетъ именно тѣ гривны, которыя и по сей часъ изрѣдка попадаютъ въ русскихъ вкладахъ.

Если это такъ, то Кутуковскій „повлажей“ принадлежалъ, дѣйствительно, къ очень глубокой древности.

Серебряные бруски были очень крупнаго *вѣса*. Привазчикъ Гр. Максимовъ, отвезшій къ Ѡ. Ртищеву большую часть Кутуковского вклада, свѣсилъ 29 брусковъ и нашель въ нихъ „14 фунтовъ безъ невелика“, т. е.—въ общемъ почти по полфунта въ каждомъ (какъ, дѣйствительно, и вѣсятъ такъ-называемыя „гривны“). Серебряникъ Кобылякъ нашель, что его брусковъ серебра былъ именно „вѣсомъ пол-фунта“.

Интересенъ вопросъ о „подписяхъ“ на брускахъ, поднятый пастью Евтющою *Фектистовымъ*, который утверждалъ, что на одномъ изъ найденныхъ имъ брусковъ серебра было что-то „наметчено въ пяти мѣстехъ“. Хотя и отецъ его, и привазчикъ Максимовъ, отобравшій тотъ брусокъ, отвергали показаніе Евтющки, мальчикъ продолжалъ стоять на своемъ, что „помѣтки“ были, но „старіе-ль или новые“ того онъ не вѣдаетъ. Ясно отсюда („старые“ или „новые“), что Евтющка подъ „помѣтками“ разумѣлъ именно „подписи“.

Попъ Тарасъ уже прямо утверждалъ въ разговорахъ съ помѣщиками и крестьянами, что на одномъ брускѣ „была подпись, только-де онъ той подписи не прочелъ“... До „сыска“ о владѣ многія лица слышали о „подписяхъ“ отъ попа Тараса, но во время „сыска“ Бороздина попъ почему-то счелъ нужнымъ отвергнуть ссылки на него свидѣтелей и увѣрять, что никакихъ подписей онъ не видалъ и никому о нихъ не говорилъ. „Очныхъ ставовъ“ ему не дѣлали, да и вообще онъ лично не являлся предъ комиссіей „сыщиковъ“, а давалъ отвѣты черезъ свой Рязанскій „духовный приказъ“. И хотя сыщики чрезвычайно старались разъяснить вопросъ о „подписяхъ“, неразъ въ продолженіи сыска подымая его, но отъ попа Тараса не могли болѣе ничего добиться. Вообще, вопросъ о подписяхъ остался не рѣшеннымъ и для сыщиковъ, да остается такимъ и для насъ.

Но если допустить, что попъ Тарасъ говорилъ о „подписяхъ“

правду до „сыска“, а во время „сыска“ лгалъ и не хотѣлъ сознаться о видѣнныхъ имъ „подписяхъ“ (можетъ быть въ виду большаго значенія, несомнѣнно приданнаго сыщивами вопросу о подписяхъ), тогда можно признать существованіе „подписей“ на Кутуковскихъ „брускахъ“. Такимъ образомъ прибавится еще одно доказательство въ пользу предположенія, что въ Кутуковскихъ „брускахъ“ слѣдуетъ видѣть древне-русскія „гривны“¹⁾.

Перехожу къ *золоту* Кутуковскаго „поклажея“: 7 найденныхъ кусковъ его представляли „отломки“ вещей и были двухъ видовъ: одни были „прутовые, круглые“, другіе — „плетеные, витые“. Размѣры и вѣсъ обломковъ были не одинаковы. Такъ, А. Кобылякъ купилъ у Васьки Ломова „золота прутowego круглого кончицеъ длиною въ пол-вершка, а вѣсомъ того золота съ $1\frac{1}{2}$ золотника“, пастухъ Терешка Ивановъ нашелъ кусокъ „золота плетеного съ перстѣ толщиною“.

Въ 2 „витыхъ“ кускахъ золота было „по лазоревому камышку“: они сидѣли „въ мѣздахъ“, откуда выпали при очищеніи кусковъ отъ земли. — По всей вѣроятности, это была бирюза. Величина ея не обозначена.

Очевидно, все это были „отломки“ колецъ, браслетовъ, перстней, серегъ и т. п. предметовъ украшенія. Такъ именно и опредѣлены нѣкоторыми свидѣтелями видѣнные ими золотые „отломки“. Напр., попъ Тарасъ видѣлъ „свитокъ тянутого золота, а тотъ свитокъ въ длину будетъ въ четверть аршина слишкомъ, а толщиною гораздо толще человѣческаго большаго перста, а то золото тянуто въ серезное тонкое кольцо“... Полагаю, что въ этомъ описаніи нужно видѣть именно серыу („серезное тонкое кольцо“) съ привѣскою,²⁾ представлявшею также кольцо, но неправильной формы („свитокъ“ вообще, по опредѣленію попа) и очень внушительныхъ размѣровъ (длиною „въ $\frac{1}{4}$ аршина“, толщиною больше „большаго перста“ человѣка).

Пушкаръ Т. Вьялинъ купилъ у Васьки Ломова „2 отломка цѣли золотой“ вѣсомъ „пол-пята золотника слишкомъ“ ($4\frac{1}{2}$). Комис-

¹⁾ То были, повидимому, гривны типа переходнаго отъ Кіевскаго къ Новгородскому, которыя, сохраняя форму Кіевскихъ гривенъ, по вѣсу равнялись Новгородскимъ.

Прим. ред.

²⁾ Это, очевидно, шейная гривна. Прим. ред.

сія „сыщиковъ“, куда Въялинъ представилъ „отломки“, перевѣсила ихъ и нашла вѣсу 5 золотниковъ. Она также признала, что это золото „знатно отломлено отъ чети золотой“.

Итакъ Кутуковскій кладъ состоялъ изъ довольно богатой нумизматической (если признать, что „бруски“ серебра были серебряныя „гривны“) и художественной (серьги, цѣпи, кольца и пр.) коллекцій. Если первая говоритъ о глубокой древности клада, то послѣдняя свидѣтельствуемъ, что владѣлецъ „поклажея“ принадлежалъ къ богатой народности (всѣ украшения изъ золота), у которой производство предметовъ украшенія стояло на довольно высокой степени развитія.

Вотъ все, что можно сказать о составѣ и значеніи предметовъ Кутуковского „поклажея“ 181 (1673) г.

Въ чемъ же и какъ именно выразились въ Кутуковскомъ сыскномъ дѣлѣ отношенія русскаго общества 2-й половины XVII в. къ предметамъ древности?

Точнаго и обстоятельнаго отвѣта на этотъ вопросъ нельзя дать, такъ какъ, къ сожалѣнію, дѣло дошло до насъ далеко не въ полномъ своемъ видѣ. Но изъ сохранившагося неполнаго производства его можно все-таки сдѣлать кое-какіе выводы по поставленному вопросу.

Прежде всего нельзя не отмѣтить факта *значительнаго вниманія правительства* къ Кутуковскому кладу, выразившагося въ *посылку* на мѣсто *особой комиссіи*, хотя бы и по инициативѣ частнаго лица (помѣщика Елисея Житова); послыла эта несомнѣнно свидѣтельствуемъ о такомъ вниманіи. Присутствіе въ комиссіи Оловеникова (въ качествѣ товарища стольника Борисова-Бороздина)—подъячаго „Приказа великаго государя *Тайныхъ Дѣлъ*“—говоритъ и о личномъ вниманіи въ дѣлу самаго *исударя*.

Бороздинъ и Оловениковъ вели „сыскъ“ очень *внимательно*: была допрошена масса лицъ—кладоискателей, ихъ родственниковъ, скупщиковъ вещей, разныхъ свидѣтелей и пр., не только изъ дер. Кутуковой, но и изъ всѣхъ сосѣднихъ селъ и деревень. Допрашивали крестьянъ, духовенство, помѣщиковъ и пр., допрашивали однихъ и тѣхъ же лицъ по нѣскольку разъ, приводили даже „сыскныхъ людей“ къ „пытѣ и огню“ („по грамотѣ“ изъ Москвы, а не по личному распоряженію сыщиковъ)... Сыщики „обыскивали дворы“ Кутуковцевъ,

произвели „*досмотръ*“ мѣсто-нахожденія клада, сдѣлали даже здѣсь *раскопку* и пр. Словомъ, кладу было оказано полное вниманіе.

Любопытно, что *особенный интересъ возбудилъ вопросъ о „подписяхъ“* на „брускахъ серебра“. Сыщики употребили много усилій на разъясненіе этого вопроса, и не ихъ вина, если вопросъ все-таки остался не уясненнымъ окончательно. А интересовались они имъ едва-ли не больше другихъ вопросовъ о кладѣ: съ попа Тараса снимаютъ нѣсколько „скасовъ“ о „подписяхъ“, Рязанскому Духовному Привазу дѣлаютъ выговоръ за промедленіе въ высылкѣ одной изъ этихъ „скасовъ“, допрашиваютъ и другихъ лицъ по этому же вопросу о „подписяхъ“ и пр. Нельзя не видѣть здѣсь стремленія постигнуть *смыслъ и значеніе* найденныхъ предметовъ.

Если бы дѣло сохранилось въ полномъ своемъ видѣ, тогда мы имѣли бы еще больше доказательствъ вниманія правительства къ Кутуковскому кладу. Нельзя вообще не пожалѣть, что не сохранилось документовъ, послѣдовавшихъ за „сыскомъ“ Бороздина и Оловеникова. Не можетъ быть, чтобы Федоръ Ртищевъ, получившій отъ своихъ крестьянъ 29 брусковъ серебра и часть золота изъ Кутуковского клада, чтобы онъ не былъ допрошенъ въ Москвѣ и чтобы не было осмотрѣно здѣсь его золото и серебро. Можно думать, что въ Москвѣ это дѣло *производилось* въ государевомъ *Приказѣ Тайныхъ дѣлъ*. Тамъ, вѣроятно, была рѣшена судьба всѣхъ найденныхъ предметовъ—и переданныхъ Ртищеву, и найденныхъ комиссіей Бороздина и Оловеникова.

Вообще полваго сужденія объ этомъ кладѣ нельзя сдѣлать, пока не будетъ найдено окончаніе Кутуковского „сысенаго дѣла“ (напр — въ дѣлахъ Преображенскаго Приказа).

Какіе же *общіе выводы* можно сдѣлать изъ всѣхъ рассмотрѣнныхъ нами „сысвнхъ дѣлъ“ о кладахъ въ XVII в.?

Если судить только по этимъ „сыскнымъ дѣламъ“, то слѣдуетъ признать, что въ русскомъ обществѣ XVII в. не замѣчается вполне сознательнаго отношенія къ памятникамъ родной старины. Тѣмъ не менѣе нельзя отвергать, что въ XVII в. мы наблюдаемъ *первыя зародыши* такого отношенія. Въ обществѣ начинаетъ бродить мысль о какомъ-то иномъ, помимо матеріальнаго, значеніи находящихся предметовъ древности (напр. внимательный розыскъ о „под-

писяхъ“ на „брускахъ серебра“, въ „сыскѣ“ о Кутузовскомъ кладѣ). Проглядываетъ смутное *стремленіе понять смыслъ* этихъ предметовъ, *зарождается археологическое любопытство*. Къ найденнымъ предметамъ старины чувствуется какое-то бессознательное *уваженіе* (передача ихъ въ руки церкви—въ Путявльскомъ кладѣ).

Все это заставляло правительство производить тщательные „*сыски*“ о владахъ. „Сыскѣ“ о Шацкомъ кладѣ, предпринятый воеводою по собственной инициативѣ, безъ предварительнаго сношенія съ Разряднымъ приказомъ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что въ половинѣ XVII в. „сыски“ о владахъ начинаютъ *входить въ кругъ обычныхъ обязанностей воеводъ*. Въ случаяхъ находки владовъ особенной важности центральное Московское правительство снаряжаетъ на мѣсто цѣлыя *комиссіи* для изслѣдованія находки (комиссія о Кутузовскомъ кладѣ). Словомъ, все свидѣтельствуетъ, что предметы древности въ XVII в. начинаютъ привлекать къ себѣ вниманіе общества и правительства.

Будемъ надѣяться, что съ открытіемъ другихъ матеріаловъ по данному вопросу явится возможность подтвердить только что высказанные скромные выводы новыми доказательствами или даже расширить эти выводы въ ту или другую сторону и продвинуть ихъ глубже—за предѣлы XVII вѣка ¹⁾.

Н. Оглобинъ.

---

¹⁾ Выводъ автора, что дѣла о владахъ XVII в. свидѣтельствуютъ о первыхъ зародившихся сознательнаго отношенія къ памятникамъ родной старины,—выводъ, опирающийся на томъ, что государственная власть сама производитъ сыски о владахъ,—едва ли можетъ быть принятъ. По началу, дѣйствующему со временемъ глубокой древности, всякій кладъ (thesaurus) принадлежитъ государству; въ Печерскомъ Патерикѣ рассказывается, что кн. Мстиславъ Святополковичъ, узнавъ, что Печерскій инокъ Ѳеодоръ нашелъ въ Варяжской пещерѣ варяжскую поклажу, „повелѣлъ мучить его крѣпко“, питать въ дыму и, наконецъ, замучилъ, не допытавшись, куда инокъ скрылъ найденное сокровище.

Одинъ изъ образовательныхъ проектовъ времени Петра Великаго.

Разысканія въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ за послѣднее время не разъ приводили къ открытію новыхъ или малоизвѣстныхъ памятниковъ и матеріаловъ. Такъ, были найдены; отвѣтъ ц. Ивана Васильевича Грознаго на мнѣнія Яна Рокиты, члена общ. богемскихъ братьевъ, извѣстный до того времени въ латин. переводѣ по сборн. І. Ласицаго; печатный указъ Петра В. по одному изъ существенныхъ церковныхъ предметовъ; матеріалы для исторіи Пугачевщины въ архивѣ Астр. духовной консисторіи и по исторіи крѣпостнаго права въ нѣкоторыхъ губернскихъ архивахъ; Новгородскія грамоты въ одномъ изъ прибалтійскихъ архивовъ ¹⁾ и т. п. Многія бумаги изъ болѣе или менѣе важныхъ частныхъ архивовъ нашли себѣ мѣсто въ новыхъ коллекціяхъ, образовавшихся въ послѣднее время, какъ напр. бумаги Снегирева, Мельникова (Печерскаго), Бодянскаго—въ библіотекахъ А. А. Титова (въ Ростовѣ Яр. губ.) и И. А. Вахрамѣева (въ Ярославлѣ ²⁾. „Пропозиція“ Ѳедора Салтыкова, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящемъ нашемъ сообщеніи, найдены въ библ. П. Н. Тиханова, по списку котораго онѣ и напечатаны Общ. люб. древней письменности (С.-Пб. 1891).

Если бы проектъ этотъ не заключалъ въ себѣ никакихъ указаній на время своего происхожденія, то, по одному общему характеру, историкъ отнесъ бы его ко времени Петра В. Широта преобразова-

¹⁾ См. „Опытъ рус. исторіографіи“, I, 766, 850, сслѣд., сслѣд.

²⁾ См. „Новыя коллекціи рукописей въ Россіи“, К. 1890.

тельныхъ замысловъ и глубокая вѣра въ силу просвѣщенія — вотъ чѣмъ по преимуществу характеризуется эта эпоха. Одинъ изъ выдающихся птенцовъ Петра, Татищевъ, въ слѣдующихъ словахъ выразилъ намъ эту вѣру въ знаніе, какъ основаніе народнаго благосостоянія: „Все, что я имѣю, чины, честь, имущество, *а наиболее умъ*, я имѣю по милости Петра В.“ А знаменитый сподвижникъ многихъ реформъ Петра В. Теофанъ Прокоповичъ, въ надгробномъ словѣ ему, очевидно, не переставалъ вѣрить и въ ихъ прочность: „Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ“. Но надежды Теофана далеко не оправдались. Болѣе вѣрно судилъ, быть можетъ, самъ Петръ, когда, въ минуты самой напряженной дѣятельности, писалъ: „только еще облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ, яко финиковъ, котораго насаждающіи не получаютъ видѣть“. Въ другомъ письмѣ повторяется почти тоже: „ожидаемъ благого утра, дабы мракъ сумнѣнія нашего прогнанъ былъ“¹⁾.

Вопросъ о значеніи Петровской реформы представляется тѣмъ болѣе важнымъ въ историческомъ отношеніи, чѣмъ болѣе вызываетъ онъ споры, а они имѣютъ свою литературу²⁾, начиная съ эпохи Петра до послѣдняго времени (В. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, К. Леонтьевъ, П. Е. Астафьевъ и др.), и въ значительной степени зависятъ отъ господствующихъ теченій въ нашей общественной жизни, съ возникновеніемъ которыхъ то повышается, то понижается и нравственный цензъ реформы, конечно не у историковъ. Было время, когда достаточно было сказать, что Петръ В. ввелъ бранобритіе и перемѣнилъ платье, какъ дѣлаютъ и теперь нѣкоторые (см. Н. Время 1891, № 5429), чтобы связать этотъ фактъ со всею древнею культурою и признать въ самой реформѣ антинаціональныя стремленія. Однако хорошо извѣстно, что уже первый славянофилъ Крижаничъ возражалъ противъ восточнаго платья русскихъ — этого „важнаго признака разума у народовъ“³⁾, а царь Ѳедоръ Алексѣевичъ не задумался ввести при дворѣ и для служилыхъ людей короткіе кафтаны вмѣсто длинныхъ охабней

¹⁾ Соловьевъ, „Исторія Россіи“, XIV, 290.

²⁾ Е. Шмурло: „Петръ В. въ русской литературѣ“, Сиб., 1889, гл. 1-я.

³⁾ Арс. Маркевичъ: „Ю. Крижаничъ“, стр. 52—54.

и однорядокъ ¹⁾, и это распоряженіе вызвало даже похвалы у современниковъ ²⁾.

Несомнѣнно, что въ историческихъ явленіяхъ существуетъ извѣстная преемственность и въ этомъ отношеніи царствованіе Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича, а также Ивана Грознаго и Бориса Годунова были въ извѣстномъ смыслѣ подготовкою къ Петровской реформѣ. Но, съ другой стороны, между ними и эпохой Петра В. есть глубокая разниаца. Если бы мы захотѣли опредѣленно охарактеризовать главное направленіе реформы Петра, слѣдуя исторической терминологіи, то мы назвали бы его *секуляризацией русской мысли*. До него въ сближеніи съ Западомъ имѣли мѣсто правтческие интересы; школа могла быть только церковною о чемъ съ такою ясностью свидѣтельствуетъ уставъ Греко-славянской академіи, относящійся уже въ самому послѣднему времени передъ эпохою Петра ³⁾. И въ прежнее время появлялись иногда переводы классическихъ сочиненій западной литературы, какъ напр., по желанію патр. Никова, были переведены кievскими учеными извѣстная „Анатомія“ Андрея Везалія и обширная „Космографія“ (въ 3-хъ фоліан.), въ которой объясняются системы Птоломея и Коперника (съ рисунк.), при чемъ о послѣдней замѣчено, что „нынѣ изящнѣйшіе всѣ математики Копернику подражаютъ“, хотя сами переводчики и не берутся рѣшить преимущество какой-либо изъ нихъ ⁴⁾. Но переводы эти, конечно, оставались въ рукописяхъ и вмѣстѣ съ другими классическими произведеніями, находившимися въ бібліотекѣ патр. Никона (а многіе изъ

¹⁾ Соловьевъ, XIV, 277.

²⁾ „Долгія одежды приличны женскому платью и къ служилому и дорожному времени были не потребны, да и многоубыточны“ (Изборн. Попова, 253). „Какъ царь Ѳедоръ Ал. приказалъ охабни перемѣнить, и въ одинъ мѣсяцъ перемѣнили и указу его не ругали, а твой указъ ни во что ставятъ, въ семь лѣтъ не переведутъ“, читаемъ въ одномъ подметномъ писмѣ (1708), по поводу перемѣны платья при Петрѣ Вел. (Соловьевъ, XVI, 82, пр. 55) Брандобрітѣ на Руск имѣетъ также свою исторію („Чт. о яз. и словесн.“, изд. II отд. Имп. Ак. Н., 1857, с. 113; Москвитининъ, 1853, II, 130—132; ср. „Ближ. бояр. Ординъ-Нащокинъ“, Р. Стар. 1883, XL, 304—305). При Алексѣѣ Мих. сынъ боярина Шереметева сбрилъ бороду (Соловьевъ, XIV, 277—278).

³⁾ Вѣрная оцѣнка его сдѣлана Соловьевымъ (XIII, 329—330): „привнесутъ блистатели съ учителями слова: „виновенъ въ неправославіи“, и костеръ запылаетъ для преступника“, говоритъ авторъ „Исторіи Россіи“.

⁴⁾ „Новые матер. о патр. Никонѣ“, нашъ очеркъ, стр. 48, 70—71.

нихъ онъ приобрѣлъ еще въ Новгородѣ), служатъ свидѣтельствомъ несомнѣнной любознательности и широкаго ума патріарха. Что же касается представителей двухъ господствовавшихъ въ Москвѣ направленій, боровшихся за вліяніе, въ лицѣ Лихудовъ и Симеона Полоцкаго, въ основныхъ воззрѣніяхъ на міръ, то они несомнѣнно стояли на точкѣ зрѣнія схоластическаго Аристотеля и Космы Индикоплова ¹⁾.

Точка зрѣнія на міръ, на политическія и общественныя отношенія ²⁾ существенно измѣняется со времени Петра В., когда получаютъ право гражданства въ литературѣ и школь идеи Ньютона ³⁾, Гравезанда ⁴⁾ и т. п. и когда переведена была „Книга мірозрѣнія“, извѣстнаго математика Гюйгенса ⁵⁾. дважды напечатанная при Петрѣ В. (1717, 1724), въ которой принята система Коперника, между тѣмъ какъ еще въ географіи, изданной въ 1710 г., предпочиталось мнѣніе Тихо Браге. Книга Гюйгенса въ свое время считалась у насъ самою богопротивною и противъ нея въ рукописяхъ извѣстны жестокія нападки нашихъ ханжей, по замѣчанію Пекарскаго ⁶⁾. Подарокъ знаменитаго Готторнскаго глобуса (1713 г., котораго, однако, мы не сумѣли сохранить въ цѣлости), сдѣланный администраторомъ Голштиніи, Петрѣ В. ставилъ выше всего, что могла поднести ему эта страна ⁷⁾, — взглядъ, котораго не могъ высказать ни ц. Алексѣй Михайловичъ, ни его преемникъ Федоръ Алексѣевичъ. Въ ряду переводныхъ сочиненій по политическимъ наукамъ, вышедшихъ въ этотъ періодъ (нѣкоторыя въ рукописи), мы встрѣчаемъ имена: Пуфендорфа, Варенія, Клувера, Слейдана, Ю. Липсіа, Гуго-Гроція,

¹⁾ Смирновъ: „Ист. Слав. греко-латин. акад.“, 60—63; „Симеонъ Полоцкій“, Л. Н. Майкова (Древ. и Нов. Россія, 1875, III, 131).

²⁾ Замѣтимъ, что Крижаничъ совѣтовалъ перевести на рус. яз. „Политику“ Аристотеля (Посл. его къ ц. Федору Алекс. см. въ Уч. зап. Казан. унив., 1865, кн. I).

³⁾ Пекарскій, „Наука и литер. при Петрѣ В.“, I, 281, 544.

⁴⁾ Вильг. Як. ванъ-Гравезандъ, голландскій геометръ и философъ (1688—1742). Сочиненія: „Oeuvres philosophiques et mathématiques“ (1774). Въ спорѣ по поводу трактата Германа („Мем. Петерб. акад.“, I) онъ былъ на сторонѣ послѣдняго, противъ Кларка, а также издалъ пол. собр. соч. Гюйгенса (Увельль, „Ист. индукт. наукъ“, II, сс. 101, 761).

⁵⁾ Хр. Гюйгенсъ (1629—1695), голл. матем. и членъ Париж. академіи, авторъ весьма важныхъ трактатовъ (Увельль, II, 90, 759—61; Пекарскій, I, 282—283, 511; II, 388, 389).

⁶⁾ Пекарскій, I, 283; ср. стр. 511.

⁷⁾ „Кабинетъ Петра В.“, изд. Бѣлевинъ, I, 169—171.

Бекмана, Ло и мн. др. и нѣкоторыя изъ нихъ (напр. „политику“ Пуфендорфа) Теофанъ Прокоповичъ рекомендуетъ, какъ руководство, въ проектированномъ имъ регламентѣ духовной академіи ¹⁾). Не менѣе любопытенъ списокъ книгъ, купленныхъ во Франціи и Голландіи докт. Петромъ Постниковымъ, въ 1710 г., изъ котораго видно, какъ много приобрѣтено было тогда сочиненій на франц. языкѣ по юриспруденціи, военнымъ и др. наукамъ ²⁾). Далѣе, по отношенію къ вопросу о Сводномъ Уложеніи при Петрѣ В., заслуживаетъ вниманія рукопись: „Выписка 1711 г. изъ книги правъ французскихъ, сочин. по повел. кор. Французскаго въ Парижѣ, въ 1679 г., г-мъ Клаудіемъ Ферріеромъ, парл. адвокатомъ, докт. и профессоромъ правъ“ ³⁾). А въ 1718 г. послѣдовало уже общее распоряженіе: „переводить книги юриспруденціи и проч.“ ⁴⁾). Современные бібліотеки (Матвѣева, вн. Голицына, гр. Брюса, Татищева⁵⁾) наполнены были подобными же сочиненіями. Но окончательное торжество западная наука получаетъ въ Россіи съ учрежденіемъ Академіи Наукъ и въ тѣсной связи съ нею перваго университета, при участіи и содѣйствіи Лейбница и Вольфа ⁶⁾, при чемъ на первыхъ порахъ въ ея составѣ встрѣчаются имена Яв. Германа, Н. Делиля, бр. Бернулли, Эйлера, а въ I томѣ ея „Мемуаровъ“ (1728) появляются трактаты Германа, Бильфингера и Вольфа, обратившіе на себя вниманіе на Западѣ ⁷⁾). Понятно, что пытливый умъ „перваго русскаго ученаго“ (Ломоносова) не могъ удовлетвориться преподаваніемъ въ старой школѣ, какъ-то схоластическими приѣмами въ философіи и полнымъ отсутствіемъ матеріаловъ по физикѣ и математикѣ ⁸⁾).

Правда „облакъ сумнѣнія“ не разъ представалъ въ воображеніи Петра В. на счетъ будущаго его реформы, а наблюдательные совре-

¹⁾ Духов. Регламентъ.

²⁾ „Матер. для ист. рус. и иностр. бібліографіи“, И. Токмакова (Библіогр. 1885 №№ 4, 6, 7).

³⁾ Свод. Улож. дл. 408—442 въ „Опис. рукоп. Царскаго“, с. 692.

⁴⁾ П. Собр. Законовъ, V, № 3208.

⁵⁾ См. „Опытъ рус. историографіи“, II, 1077—1085.

⁶⁾ Пекарскій, „Ист. Акад. Наукъ“, I, предисл.

⁷⁾ Уэвелль, II, 101—102.

⁸⁾ Куникъ, „Матер. о Ломоносовѣ“, 392—рѣчь идетъ о Киев. академіи; ср. „Ист. Слав.—гр.—лат. акад.“ Смирнова, 250.

менники прямо ставили судьбы ея въ зависимость отъ продолжительности его жизни, какъ это видно изъ многочисленныхъ отзывовъ иностранныхъ резидентовъ, бывшихъ тогда въ Россіи ¹⁾. Вскорѣ по смерти Петра В. саксонскій посланникъ Лефортъ писалъ (1728) своему двору: „Когда я обращаю вниманіе на настоящее управленіе государствомъ, мнѣ кажется, что царств. Петра Вел. было не что иное, какъ сонъ. Всѣ живутъ здѣсь въ такой безопасности, что человѣческій разумъ не можетъ постигнуть, какъ такая огромная машина держится безъ всякой помощи; каждый старается избавиться отъ заботъ; никто не хочетъ взять что-либо на себя и молчать, потому что лучшіе со- вѣтники не пользуются поддержкою ²⁾“.

Дѣйствительно, предшествовавшая эпоха стояла цѣлою головою выше непосредственно слѣдовавшаго за нею періода. Такъ, уже въ 1728 г., вышедшая на французскомъ яз. рѣчь Н. Делиля о вращеніи земли не могла быть напечатана по русски ³⁾. Переводъ соч. Фонтенеля „О множествѣ міровъ“, сдѣланный вн. А. Кантемиромъ въ 1731 г., могъ быть напечатанъ лишь въ 1740 г., съ особаго разрѣшенія ⁴⁾. Въ началѣ царств. Елизаветы Петровны появляются доносы на соч. Гюйгенса и Фонтенеля, какъ защищавшія именно систему Коперника, ⁵⁾ и тогда же возбуждено было преслѣдованіе противъ нѣкоторыхъ книгъ, изданныхъ прежде ⁶⁾. Въ 1757 г. ученикъ Славяно-греко-латинской академіи Пельскій пишетъ замѣчанія на сочиненіе въ стихахъ Тредьяковскаго „Феопагія“ и въ числѣ „сумнительствъ“ отмѣчаетъ мѣста, въ которыхъ шла рѣчь о неподвижности солнца, обращеніи около него земли и т. п.⁷⁾; но и Тредьяковскій, въ свою очередь, обращалъ вниманіе Синода на оду, напеч. въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ 1755 г., въ которой высказывалось положительное мнѣ-

¹⁾ „Новые матер. для ист. царств. Петра В.“, нашъ очеркъ, с. 49—50.

²⁾ „Сборн. Рус. Истор. общ.“, V, 308.

³⁾ Отъ разрѣшенія Синодомъ русскаго перевода въ Академіи ставили тогда въ зависимость и судьбу другихъ философскихъ предметовъ, о которыхъ появлялись разсужденія со временемъ; но такого разрѣшенія не было дано („Ист. Ак. Наукъ“, I, 145—146). Сестра Петра II (Наталія) читала эту рѣчь съ акад. Гольдбахомъ (*ibid.*, 163).

⁴⁾ Пекарскій, I, 511; „Ист. Акад. Наукъ“, I, 215.

⁵⁾ Пекарскій, I, 511.

⁶⁾ „Сборникъ постановл. о цензурѣ“, 13—14; „Историч. свѣд. о цензурѣ“, стр. 3.

⁷⁾ Пекарскій, I, 175; Москвитянинъ, 1851, №№ 19 и 20.

ніе о множествѣ міровъ. Въ 1756 г., была сдѣлана даже попытка прекратить печатаніе книгъ, относящихся къ этому предмету¹⁾. Нѣсколько позже извѣстный историкъ Россіи, вн. М. М. Щербатовъ, проводя параллель между двумя эпохами, до-петровскою и послѣ нея, по поводу учрежденія Славяно-греко-латин. академіи, говоритъ: „Но чему бы въ сей академіи научились? Научились бы языкамъ греческому и латинскому, философіи Аристотелевой и его категоріямъ, тонкимъ и часто непонятнымъ разсужденіямъ Платона и богословіи; разумѣли бы всѣхъ лучшихъ писателей аѳинскихъ, цвѣтущаго Рима и св. отцовъ. Но познали-ль бы новыя открытія, учиненныя новыми? Познали-ль бы новую систему свѣта, изобрѣтенія въ физикѣ, химіи и математикѣ?“ „Нѣтъ“, отвѣчаетъ онъ, полагая паче себѣ правиломъ не сообщаться не съ единовѣрными, утверждаясь еще болѣе въ сей ненависти...., то якобы отдѣленная отъ другихъ частей свѣта земля должна была сама все изыскивать или бы превозмочь ненависть свою къ чужестраннымъ и съ ними въ сообщеніе войти“²⁾. Недовѣрчивое и вмѣстѣ съ тѣмъ ироническое отношеніе къ опытамъ надъ электричествомъ, производимымъ въ то время въ Петербургѣ акад. Рихманомъ (паль жертвою своихъ наблюденій надъ громоотводомъ 26 іюля 1753 г.), выраженное въ славянскомъ стилѣ, такимъ лицомъ, какъ авторъ записокъ, ген. Нащокинъ, со ссылками даже на „Ионку“, изд. въ XVII вѣкѣ въ Киевѣ, лучше всего показываетъ, какъ малъ еще былъ тогда кругъ вліянія западной науки у насъ³⁾. Вотъ почему Ломоносовъ справедливо опасался, что несчастный случай съ Рихманомъ можетъ неблагопріятно повліять на распространеніе въ обществѣ научныхъ знаній, а потому онъ писалъ извѣстному И. И. Шувалову: „чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки“. И академическая канцелярія не находила даже возможнымъ, чтобы въ торжественномъ собраніи Академіи 6 сентабря была произнесена рѣчь объ электричествѣ, „по причинѣ случая смертнаго профессора Рих-

¹⁾ „Редакторы, сотрудники и цензура въ рус. журн. XVIII в.“, Пекарскаго, 43—44.

²⁾ „Состояніе Россіи до Петра В.“ (Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1860, I, 26).

³⁾ „Записки В. А. Нащокина“, изд. 1842 г., стр. 116. Какъ воспользовались этимъ обстоятельствомъ обскуранты на Западѣ см. Уэвелль, III, 827—828.

мана¹⁾. Что же касается собственно ученаго свѣта, то тамъ, по поводу кончины Рихмана, появился цѣлый рядъ статей, изслѣдованій и разсужденій. Въ честь его писались даже стихи....

Понятно, что положеніе политическихъ наукъ было еще хуже. Въ извѣстныхъ процессахъ зн. Д. М. Голыцина и А. П. Волинскаго шла рѣчь о такихъ сочиненіяхъ, какъ Макиавелли, Юста Липсіа, Боккалинни, которыя свободно обращались прежде; а Татищевъ ссылается уже на примѣръ Боккалинни въ подтвержденіе того, какъ опасно писать современную исторію. И въ указѣ имп. Анны 1738 г. повелѣвалось обратить особенное вниманіе на переводныя сочиненія²⁾.

Если „облакъ сумнѣнія“ закрадывался въ душу Петра при взглядѣ на окружающую его среду, то онъ прекрасно зналъ и матеріаль, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло, чтобы не отступать „передъ разъ намѣченными цѣлями“³⁾; но у его ближайшихъ преемниковъ эти цѣли отступаютъ на задній планъ, и, напротивъ, снова берутъ верхъ элементы, враждебные науцѣ. Такимъ образомъ, большія надежды, возлагавшіяся Петромъ В. на переводную литературу, оказались напрасными. Она не сослужила русскому обществу той службы, какою онъ ожидалъ отъ нея. Уже въ 1752 г. въ конторѣ Московской синод. типографіи накопилось столько петровскихъ изданій, вышедшихъ изъ петербургской и моск. типографій, что синодальное начальство признало необходимымъ или продавать ихъ на публичныя фабрики, или употреблять на обертки вновь выходящихъ книгъ: такъ, эта мѣра приводилась въ исполненіе въ 1752, 1769 и 1779 г. Не говоря о вѣдомостяхъ и календаряхъ, которые истреблялись тысячами, книги научнаго содержанія подвергались истребленію въ количествѣ 100—300 и болѣе экзempl. Вообще, истребленныя

¹⁾ „Матер. для біогр. Ломоносова“, собр. Билярскимъ, Спб. 1866, 216; „Ист. Акад. Наукъ“, Пекарскаго, I, 712—714.

²⁾ См. въ нашемъ очеркѣ: „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общ. образованія“ (В. Евр. 1876, № 9, с. 178—179).

³⁾ „Что мало охотниковъ, писалъ Петръ въ одномъ изъ своихъ указовъ, и то правда, понеже нашъ народъ яко дѣти, неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарять, что ясно. изъ всѣхъ книжныхъ дѣлъ: не все ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“ (Соловьевъ, XVI, 219).

книги были оцѣнены въ 7412 р.¹⁾, или на наши деньги до 67000 р.—сумма, по тому времени, весьма значительная²⁾. Другія изъ петровскихъ изданій подверглись не менѣ печальной участи: соч. Пуфендорфа („Введ. въ европ. исторію“) отбиралось у частныхъ лицъ при Аннѣ Ивановнѣ³⁾, соч. В. Стратемана („Театронъ или позоръ историческій“—это исторія отъ сотв. міра до 1680 г., авторъ—протестантъ)—при Елисаветѣ Петровнѣ⁴⁾, а въ 1756 г. въ Синодъ и Академію Наукъ, по требованію правительства, свезено было такое множество книгъ для просмотра, что самому правительству пришлось дѣлать разъясненія по этому поводу⁵⁾.

Само собою ясно, какъ всѣ эти факты идутъ въ разрѣзъ съ образовательными цѣлями и планами Петра В. Изданіе лѣтописей и историческихъ трудовъ при Академіи встрѣчало большія затрудненія и препятствія; ученая переписка и матеріалы по географіи, собранные участвовавшими въ ученыхъ экспедиціяхъ лицами, попадали въ слѣдственную комиссію или въ кабинетъ, а статистическія изслѣдованія о русской торговлѣ сдѣлались совсѣмъ невозможными⁶⁾. „Чего можно было ожидать въ этомъ отношеніи въ промежутокъ отъ смерти Петра до Екатерины II, говоритъ Шлёцеръ?... Даже свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ товаровъ считались тогда государственною тайною. Впослѣдствіи Чулковъ напечаталъ безчисленное количество такихъ списковъ въ своихъ многочисленныхъ квартантахъ о русской торговлѣ. Этотъ новый міръ открылся, когда императрица, по случаю моей ссоры съ Ломоносовымъ, ограничила понятіе о государственной тайнѣ. При ней стали издаваться и статистическія таблицы, на основаніи приходскихъ списковъ, долго валявшихся въ академіи“⁷⁾.

Ко времени Петра В. относится множество проектовъ и плановъ, касавшихся той или другой стороны преобразованій. Ихъ писали философы (Лейбницъ и Вольфъ), публицисты (Гюйсенъ), служилые иноземцы (Физъ, Люберасъ), русскіе люди (Вас. Н. Тати-

¹⁾ Пекарскій, „Наука и литература“, I, предисл., с. п.

²⁾ Ключевскій, „Русскій рубль“ (Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1884, I, 72).

³⁾ Пекарскій, I, 326—327.

⁴⁾ Ibid. II, 615. „О всеобщей исторіи Стратемана“, А. Зиновьева (Ж. М. Н. Пр. 1835, т. V).

⁵⁾ „Сборн. постановл. о цензурѣ“, 14; „Ист. свѣд. о цензурѣ“, с. 3.

⁶⁾ „Русскіе университеты“, 178—182.

⁷⁾ „Автобіографія Шлёцера“, 120—121, 144—145.

щевъ, Ив. Посошковъ, Ив. Филипповъ и др.). Независимо отъ того, въ многочисленныхъ центрахъ Западной Европы проживали русскіе, посланные для изученія разныхъ наукъ, и нарочные агенты, нерѣдко присылавшіе оттуда записки по той или другой отрасли управленія, или привлекавшіе иностранцевъ въ русскую службу ¹⁾; а изъ недавно напечатанныхъ матеріаловъ можно видѣть, какая масса книгъ, не только на нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ, но и во Франціи прибрѣталась этими агентами и отправлялась въ Россію ²⁾. Но только по изданіи всѣхъ писемъ и бумагъ Петра В. можно будетъ судить вполнѣ о его личномъ участіи въ томъ или другомъ проектѣ и предпріятіи. Тольки объ учрежденіи въ Россіи высшаго ученаго и образовательнаго заведенія возникаютъ въ 1711—16 гг., когда впервые являются предложенія Лейбница, и окончательно опредѣляются къ 1718—21 гг. ³⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ Петръ ясно выразилъ и главную цѣль: „каковы *кратчайшій и способнѣйшій путь* изобрѣсти, чтобъ завести *науки* и онѣмъ людей своихъ, елико мощно *скорѣе, обучити*“ ⁴⁾. Этой цѣли должно было удовлетворить и первоначальное устройство Академіи Наукъ (притомъ временное, какъ заявлялъ самъ Петръ), представлявшей соединеніе *ученаго общества, университета и гимназій*; но научныя цѣли стояли здѣсь уже на первомъ планѣ ⁵⁾.

Тотъ же „кратчайшій путь“ въ дѣлѣ распространенія образованія въ Россіи имѣетъ въ виду и проектъ О. С. Салтыкова, при чемъ этотъ послѣдній заслуживаетъ вниманія уже тѣмъ однимъ, что онъ принадлежитъ едва ли не къ самымъ раннимъ проектамъ этого рода, не исключая и предложеній Лейбница. До послѣдняго времени было извѣстно лишь, что Салтыковъ представилъ Петру обширный проектъ

¹⁾ „Новые матер. для истор. царств. Петра Великаго“, 13, 21; Милоковъ, „Госуд. хозяйство Россіи въ цар. Петр. В.“, 532.

²⁾ „Опытъ рус. исторіогр.“, I, стр. хлvi.

³⁾ Въ Парижѣ Петръ В. интересовался коллегіумомъ Мазарини, имѣя въ виду учредить подобную же школу въ Россіи, и женскимъ заведеніемъ въ Сенъ-Сирѣ (Шкарскій, „Наука и литер.“, I, 49), на которое обратила потомъ вниманіе Екатерина II. (Подробности о пребываніи Петра въ Сенъ-Сирѣ Е. Лихачева, „Матер. для ист. жен.образов. въ Россіи“, стр. 45—46).

⁴⁾ „Лѣтописи русской литер.“, V, 4.

⁵⁾ „Для сочиненія соціетата наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ“ („Наука и литерат.“, I, 534).

преобразованій и нововведеній ¹⁾, но педавно, почти одновременно, появились изданіе этого проекта по списку П. Н. Тиханова (Прилож. V въ отчетамъ о засѣд. Общ. люб. древ. письмен., Спб. 1891 г.), подъ заглавіемъ: „Пропозиціи Ѳедора Салтыкова“ ²⁾ и изложеніе проекта, по списку Госуд. архива, въ книгѣ П. М. Милкова: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра В.“, Спб. 1892 (первонач. напеч. въ Журн. Мин. Нар. Пр.), гдѣ онъ озаглавленъ по первымъ строкамъ своимъ: „Доношеніе о нѣкоторыхъ состоятельныхъ (sic!), которыя прилежно выбраны изъ правленія уставовъ разныхъ, какъ англійскихъ, французскихъ, германскихъ, такжеде и прочихъ европейскихъ присудствуемыхъ приличеству самодержавія“. Оба списка состоятъ изъ 25 главъ, но списокъ Госуд. архива важенъ тѣмъ, что статьи его сопровождаются обычными значками Петра, крестиками и крестиками въ кружкѣ, поставленными противъ мѣстъ, особенно его заинтересовавшихъ. Такими знаками отмѣчены статьи о майоратѣ, о купечествѣ, о посылкѣ молодыхъ людей за границу учиться торговымъ наукамъ, морскому дѣлу, дипломатическому искусству и др.

Стольникъ Ѳ. С. Салтыковъ—сынъ боярина Ст. Ив. Салтыкова, служившаго воеводою въ Тобольскѣ, у котораго онъ былъ въ товарищахъ (съ 27 февр. 1690 г.—20 дек. 1692 г.)³⁾. Здѣсь-то, еще въ молодости, онъ былъ пораженъ страшнымъ взяточничествомъ служилаго класса, противъ котораго онъ совѣтовалъ теперь Петру проинвестировать общую ревизію дѣлъ относительно сборовъ и пошлинъ посредствомъ нарочныхъ людей (глава X, предложеніе 5). Затѣмъ, въ чинѣ капитана гвардіи, онъ участвовалъ въ неудачной битвѣ подъ Нарвою (1700), съ извѣстіемъ о которой и планахъ Карла XII былъ посланъ въ польскому вор. Августу II ⁴⁾, а нѣсколько позже, въ званіи корабельнаго мастера, занимался постройкою военныхъ судовъ на Олонецкой верфи (1703—1704) и въ Новой Ладогѣ (1710—11). Порученія эти несомнѣнно служатъ свидѣтельствомъ способностей и

¹⁾ Веселаго: „Общій морской списокъ“, Спб., 1885, I, 321—332. Впрочемъ, весь проектъ писанъ на 37 листахъ въ 4-ю долю.

²⁾ Такъ называетъ проектъ издатель (стр. хii).

³⁾ „Записки, къ Сибирской исторіи служащія“ (Древн. Рос. Вивл., III, 275—279).

⁴⁾ „Письма и бумаги импер. Петра Вел.“, I, Сиб. 1887, стр. 408—10, 844.; Устряловъ, IV (II), 11—12. Въ перепискѣ Петра онъ называется также постельничимъ (Берхъ, т. I).

сочувствія Салтыкова реформамъ Петра В., но до насъ дошли, кромѣ того, указанія на то, что онъ пользовался расположеніемъ царя и въ числѣ близкихъ къ нему лицъ удостоивался со стороны его писемъ объ успѣхахъ русскихъ войскъ въ борьбѣ со шведами (о взятіи Ніен-Шанца и битвѣ въ устьяхъ Невы ¹⁾). Наконецъ, въ 1711 г. Салтыковъ посланъ былъ за границу „инкогнито подѣ видомъ російскаго дворянина“, съ порученіемъ собрать свѣдѣнія о продающихся во Франціи, Голландіи и Англіи корабляхъ „и о способахъ, какимъ образомъ оныя корабли купить возможно“. Поэтому, въ теченіе 1711—15 гг., онъ посѣтилъ главнѣйшіе приморскіе города западныхъ морскихъ государствъ, при чемъ приобрѣлъ въ Англіи и отправилъ въ Россію 11 кароблей и 4 фрегата и нанялъ въ русскую службу многихъ англійскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Независимо отъ того, на него возложено было наблюденіе за находившимися за границею для обученія молодыми русскими людьми ²⁾. Салтыковъ проживалъ частію въ Амстердамѣ, но главнымъ образомъ въ Лондонѣ, откуда и велъ свою переписку³⁾. Между тѣмъ, уже въ письмѣ отъ 1 дек. 1712 г. къ Петру, Салтыковъ вызвался, въ интересахъ *государственныхъ доходовъ* и „всенароднаго обученія“, представить означенный проектъ, а Петръ, въ свою очередь, въ письмѣ отъ 12 янв. 1713 г., потребовалъ отъ него прислать этотъ послѣдній.

Проектъ Салтыкова составленъ былъ въ видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ, а потому интересы фиска даютъ себя чувствовать почти въ каждой его статьѣ и не всегда мирятся съ существующимъ положеніемъ вещей. Мы только вератцѣ укажемъ на его содержаніе и затѣмъ перейдемъ къ главному вопросу, насъ интересующему.

¹⁾ „Письма и бумаги“, II, стр. 536—537, 624—625, 689—691.

²⁾ Веселаго, „Общій морской списокъ“, I, 331—332. Въ недавно изд. „Архивъ кн. О. А. Куракина“ (II, 1891, Сиб.) напеч. „Наказъ“ кн. А. Д. Меншикова Салтыкову, отъ 13 іюня 1711 г., въ которомъ предписывалось ему „ѣхать въ Коллегию и явиться къ рус. послу кн. Долгорукову, а по совѣщаніи съ нимъ заняться приторгованіемъ кораблей“ (357—358). Тутъ же переписка о немъ между Б. И. Куракинымъ (въ Гагѣ) и Долгоруковымъ (361, 367, 368). О подчиненіи его Куракину (ib., III, 310, 313).

³⁾ „Пропанція Салтыкова“, предисловіе, стр. III—VIII; „Архивъ Куракина“, II, стр. 51, 54, 62, 64, 75, 100. Такъ какъ миссія Салтыкова была секретная, то почти вся переписка его велась криптографіей (XIV).

Глава I. Въ ней предлагается введеніе гербовъ для всѣхъ духовныхъ чиновъ отъ митрополитовъ до игуменовъ, келарей, строителей и игуменій съ ежегодною записью ихъ въ книги (какъ и для свѣтскихъ чиновъ) и опредѣленнымъ взносомъ (по чинамъ) за гербы и запись: „и погодную книгу печатать такъ, какъ статьи печатаются въ Аглинскомъ и Французскомъ (государствахъ) по вся годы“... „а они (духовные чины) имѣютъ доходы немалые; они же безнаслѣдственные суть, не такъ какъ мірскіе“... „А въ иныхъ государствахъ всякой духовной имѣетъ свои гербы собственные, на прикладъ какъ въ имперіи: епископы Минстерскій, Падерборнской, Вирцбургскій, архим. Фульдскій, игуменья Кведлембургская; въ Англіи епископы: Кентерборской, Йоркской. Вотчины духовныхъ чиновъ обращать въ чины какъ дворянскія и за то брать противъ дворянскихъ въ полтора раза. Положить дани на всѣ церкви на жалованье солдатамъ, понеже церкви и вѣра защищаются отъ непріятеля ими. И когда на нихъ будетъ больші дани, тогда они будутъ благочиннѣе и простираться будутъ къ *читанію книгъ*, чрезъ что могутъ себѣ довольно присовокупить“.

Глава II. Предлагается введеніе *майората*. „Сей уставъ во всей Великобританіи“. При переходѣ вотчинъ въ другой родъ берутся двойныя пошлины. „Меньшіе братья простираться будутъ прилежно къ *службѣ* всякой своему государству и къ *наукамъ*, чтобъ имъ превосходить по заслугамъ своимъ въ высочайшее достоинство и богатство, также и отцы ихъ стануть ихъ принуждать во всякіе ученіи дабы имъ не имѣть нужды и убожества¹⁾. Благороднымъ не довлѣетъ имѣть купеческихъ стяжательствъ, и ежели кто изъ дворянъ будетъ имѣть купечество или промыслъ, тогда брать съ него пошлины въ полтора раза или ему лишаться дворянства и записаться въ бюргеры, т. е. въ мѣщане“. Простые чины не имѣютъ права землевладѣнія; но, приобрѣвъ богатство, они могутъ купить дворянство, „за то его бла-

---

¹⁾ Майоратъ введенъ былъ въ Россіи указомъ 18 марта 1714 г. Параллельныя мѣста „предложеній“ и указа отмѣчены г. Милюковымъ (586 и 588). Но Петръ В. заинтересовался этимъ вопросомъ еще ранѣе. Матвѣевъ сочувственно говоритъ о немъ въ журналѣ о пребываніи своемъ во Франціи въ 1705 г. (см. „Новые матер. для истор. царств. Петра В.“, нашъ очеркъ, стр. 16). Исторія составленія указа и справки по этому поводу въ книгахъ, приведенныхъ въ-за границы Постниковымъ, у Соловьева, XVI, 198—200.

городство и за его стяжательства брать въ казну деньги по указу, и дать бы ему на то жалованную грамоту и гербъ (какъ обычаи есть въ Европѣ: въ Имперіи, и во Франціи, и Англіи). А если кто имѣетъ стяжательство, а не учинить себя въ благородствѣ, брать съ нихъ подати въ полтора. Лучшихъ дворянскихъ дѣтей слѣдуетъ посылать по 2 или 3 человекъ къ разнымъ дворамъ, гдѣ обрѣтаются министры, и они будутъ приучаться къ дѣламъ, а въ случаѣ отсутствія министровъ, замѣнять ихъ. Надобно нѣсколько человекъ послать въ Англію и Голландію для ученія того, какъ у нихъ состоятся налоги, подати и пошлины и вѣданіе всѣхъ ихъ интересовъ для правленія купеческаго; также послать въ Англію, Голландію или Францію для обученія адмиралтейскихъ дѣлъ и какіе указы даются морскимъ правителемъ, и флаги, и какъ отпускается провізія, а также всякіе подряды по адмиралтейству, и храненіе и починка всякимъ судамъ¹⁾. Слѣдуетъ росписать во всякихъ губерніяхъ и городахъ волости, слободы, села и деревни и, смотря по размѣру, обратить ихъ въ ландграфства, графства, баронства и дворянства и дать на означенныя достоинства привилегіи и гербы, какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ, а не одного своего роднаго прозвища, и чтобы всякій стяжатель платилъ на годъ отъ своихъ достоинствъ по уставу. И отъ того въ прибыляхъ будетъ доходъ со всего государства немалой, а они будутъ довольствоваться удобнѣе раздѣленіемъ титуловъ своихъ. Всѣ они вносятся въ книгу со взносомъ извѣстной пошлины (за женъ и дѣтей платится половина), а также берется плата, когда у кого родится сынъ или дочь, или кто женится. Книги эти также печатаются (здѣсь приложена таблица, опредѣляющая количество дворовъ по достоинствамъ и пошлинъ за гербы и записи).

„Всѣмъ князьямъ не велѣтъ писаться князьями, понеже они никакихъ княженій подъ собою не имѣютъ, также нѣкоторые пошли отъ князей татарскихъ, а имѣютъ равныя князія прозвища“. Есть

¹⁾ Въ началѣ 1715 г. Кононъ Зотовъ посланъ былъ за границу для изученія всего, „что ко флоту надлежитъ“ (Голицыновъ, VI, 251, 293, Ферхъ, „Собр. писемъ Петра I“, т. I, 301—302). А въ 1716 г. состоялась отправка до 50 молодыхъ людей, посланныхъ учиться морскому дѣлу въ Англію, Францію, Голландію, Венецію и Испанію (подробности см. у Устрялова, II, с. 315 и въ ст. А. Рачинскаго: „Первые русскіе гардемарини за границей въ XVII стол.“, въ „Сборн. Моск. глав. арх. мин. иностран. дѣлъ“, в. I).

же въ томъ числѣ отъ родовъ изрядныхъ, только обѣдѣли и не могутъ своихъ княжескихъ чиновъ имѣть за своими недостатками; изъ нихъ, для самыхъ лучшихъ, которые въ милости и въ заслугахъ отечеству обрѣтаются, могутъ быть пожалованы именными титулами по городамъ, какъ въ Англіи“ (приложена роспись городовъ по титуламъ и пошлинъ за пожалованіе).

Глава III. О вычетѣ полугодоваго жалованья при повышеніи въ чинахъ и тѣ деньги обращать на содержаніе раненыхъ солдатъ и матросовъ, придавъ нѣсколько монастырей, гдѣ устроить жилище имъ и питаніе, какъ въ Англіи сдѣлано солдатамъ въ Челси и матросамъ въ Гриничѣ (госпиталя). По образцу Англіи завести печатную книгу всѣмъ чинамъ. Дьякамъ писаться секретарями, старымъ подьячимъ—оберъ-шрейберами, молодымъ—шрейберами, а площаднымъ—нотариусами (такіе чины въ Англіи и Голландіи).

Глава IV. О купечествѣ. Въ ней говорится о торговыхъ компаніяхъ, съ субсидією отъ казны $\frac{1}{4}$ капитала, которыя вели бы торговлю внутри и внѣ Россіи (въ Европѣ и Азій) и объ учрежденіи консульствъ, „чтобъ иностранные купцы не богателись излишно нашего государства товарами, понеже купечество есть твердое основаніе богатства всѣхъ государствъ, какъ нынѣ цвѣтетъ въ Англіи и Голландіи¹⁾. Необходимо также выслать нѣсколько дѣтей торговыхъ людей въ Голландію и Англію и велѣть имъ учиться купечеству, какъ у нихъ книги купческія содержатся, какъ ихъ интересы (ведутся), какія (у нихъ) корреспонденціи и какія ихъ въ томъ хитрости²⁾. Для поощренія купечествъ учреждаются званія баронетовъ, патриціевъ и бургграфовъ, какъ въ Англіи, Имперіи и разныхъ городахъ, съ за-

¹⁾ „Сперва надобно, чтобы они принимали тамъ и натурализацію для свободнаго ихъ торгу, покаместъ оснуется тое купечество“ (предл. 5-е). Предложеніе о консульствахъ и иностранной торговой конторѣ Салтыкова предупредили совѣты Любераса (1715—17), въ слѣдъ за которыми состоялось назначеніе консуловъ на Западъ и въ Китай (Милюковъ, 530—531). Мысли Салтыкова о купечествѣ согласны съ мнѣніями кн. Б. И. Куракина (Архивъ, III, 154—160, 287—39). Впослѣдствіи Петръ приглашалъ съ тою же цѣлью извѣстнаго Ло (Пекарскій, I, 243—48; Р. Архивъ 1874, I, 1578).

²⁾ Въ 1714 г. Петръ распорядился выбрать въ Москвѣ изъ знатныхъ купеческихъ домовъ 15 чел. не старше 20 лѣтъ для послышки за границу (Голиковъ, V, 223; Берхъ, „Собр. писемъ Петра“, I, 301—302).

писью въ книги и гербами¹⁾. Прочіе посадскіе и мѣщане платятъ въ городахъ опредѣленную пошлину ($1\frac{1}{2}$ —3 руб.).

Глава V. О мастеровыхъ всякихъ людяхъ и промышленникахъ. Въ ней излагаются положенія о цехахъ, со ссылкой на уставы Англіи, Имперіи, Франціи и Швеціи²⁾.

Глава VI. О людяхъ боярскихъ и крестьянахъ, въ нѣсколькихъ строгахъ—о томъ, чтобы съ нихъ брать по 5 коп. за браки и родины и „потомъ деньги и записныя книги подавать въ приказъ для вѣдомости, сколько породилось и сколько поженилось“.

Глава VII. О школахъ и монастыряхъ,—самая обширная и наиболѣе интересная въ настоящее время глава по своему содержанію. Къ ней мы обратимся ниже особо.

Глава VIII. О почтѣ. Во всѣхъ губерніяхъ и по всѣмъ дорогамъ сдѣлать почту и на то учинить во всемъ государствѣ генераль-почтъ-мейстера, а во всѣхъ городахъ почтъ-мейстеровъ, какъ въ Нѣмецкой землѣ и пр., „отъ чего будетъ прибыль немалая отъ всего государства“³⁾.

Глава IX. О иноземцахъ, которые живутъ подъ Вашимъ владѣніемъ. Предлагается брать съ инородцевъ сборы съ женитьбъ и рожденій, а изъ обрусѣвшихъ устраивать полки, какъ въ Швеціи изъ финновъ, „только ихъ не держать въ тѣхъ странахъ, гдѣ они принадлежать, для револютовъ“. Дѣтей инородцевъ брать въ дома, „чтобъ навывкали всякой политикѣ и обхожденія и потомъ дать имъ свободу не крестя жъ“, и такимъ образомъ могли бы они сближаться съ русскими; „а нынѣ они живутъ только пашнею и рыбною ловлею, только чуть себя питаютъ безъ всякой государственной и своей властной прибыли“.

Глава X. О Сибири—одна изъ болѣе замѣчательныхъ главъ, по нѣкоторымъ мыслямъ автора, лично познакомившагося въ молодости съ этою страной. Онъ совѣтуетъ обратить вниманіе на доходность Сибири, если будетъ правильно организованъ сборъ пошлинъ и

¹⁾ Салтыковъ ставитъ здѣсь въ примѣръ Строгановыхъ. Строгановы въ 1722 г. получили отъ Петра В. званіе бароновъ (Устряловъ: „Именитые люди Строгановы“, стр. 24). Нѣсколько позже (1727) Екатерина I возводитъ въ это званіе братьевъ Соловьевыхъ, извѣстныхъ своими торговыми предпріятіями въ Голландіи (Б. Каменскій, „Словарь“, III, 282).

²⁾ Указъ о цехахъ, изд. 27 апр. 1722 г., также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ близокъ къ проекту Салтыкова, хотя въ немъ приняты были во вниманіе и другія предложенія (Миллюковъ, 539).

³⁾ Любопытно свидѣтельство автора, какъ дорого обходилась тогда частная корреспонденція и какъ была она затруднительна.

повинностей; усилить войско (до 20000 чел.), которое ввѣрить „искуснымъ генераламъ и офицерамъ“ для военныхъ цѣлей, построить въ степяхъ крѣпости и заняться постепеннымъ завоеваніемъ Средней и Передней Азіи, которое не такъ трудно, такъ какъ въ тѣхъ государствахъ нѣтъ никакого воинскаго обученія, и огневаго орудія мало, и то мелкое, а пушечъ нигдѣ нѣтъ, и имъ помогать некоторый государь не можетъ, и они не подлежатъ султану турецкому ¹⁾. А въ тѣхъ государствахъ изобилуютъ: мѣдь, желѣзо, пряныя зелья—виноградъ, лимоны, апельсины, шелкъ, хлопчатая бумага, китайки, пестряди ²⁾. Далѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующія предложенія автора проекта: „Велѣть построить корабли на Енисейскомъ устьѣ и на иныхъ рѣкахъ... и тѣми кораблями, гдѣ возможно, кругомъ Сибирскаго берега велѣть провѣдать, не возможно ли найти какихъ острововъ, которыми бѣ можно овладѣть подѣ Ваше владѣніе ³⁾. А ежели такихъ острововъ и не сыщется, можно на такихъ корабляхъ тамъ купечествовать въ Китай и въ др. острова, такжеже и въ Европу можно отпустить оттуда лѣса, мачты и доски, смолу и таръ, понеже тамъ изобилъство великихъ лѣсовъ, а здѣсь въ Европѣ зѣло въ томъ великая нужда и дороговизна, и въ томъ будетъ въ государствѣ прибыль великая, а лѣсовъ тамъ въ Сибири великое множество. Во всей же Сибири велѣть изыскивать прилежно всякихъ минераловъ и красокъ и всякихъ аптекарскихъ спеціаловъ, понеже такое великое положеніе земли и различество климата не малое“ ⁴⁾.

¹⁾ Этому предложенію несомнѣнно соотвѣтствуютъ экспедиціи полк. Бухгольца (1714) и кн. Бековича-Черкаскаго (1716), не имѣвшія впрочемъ успѣха.

²⁾ Кстати замѣтимъ, что Петру В. поданъ былъ, въ 20-хъ годахъ XVIII стол., проектъ завоеванія южной Америки какимъ-то голландцемъ (см. докум., сообщ. И. Е. Забѣлинымъ, Москвитян. 1851, I, 121—124).

³⁾ Уже въ 1719 г. Петръ посылалъ въ Камчатку для рѣшенія вопроса, „сошлася ли Америка съ Азіей“ (П. С. З., № 3266). Старанія Лейбница объ этомъ относятся къ 1716 г. (Письма и матер. Лейбница, изд. В. И. Герье, стр. 360). Ср. также: „Заслуги Петра В. по части распространенія географич. познаній о Россіи и погранич. съ нею земляхъ Азіи“, К. Вера (Зап. Рус. Геогр. общ., кн. IV, 1850).

⁴⁾ Припомнимъ экспедицію въ Сибирь ученаго доктора Д. Г. Мессершмидта (1716), на котораго возлагались описаніе сибирскихъ народовъ и изученіе ихъ языковъ, памятниковъ древности и вообще всего достопримѣчательнаго (Пекарскій, „Наука“, I, 350—354; „Дневникъ Мессершмидта“ 1722—26, см. въ „Сибир. древностяхъ“, В. Радлова, Спб. 1888).

Глава XI. О Казани. Въ ней предлагается произвести подобное же изслѣдованіе мѣстныхъ богатствъ края.

Глава XII. О кабакахъ. „Велѣтъ въ губерніяхъ продавать вино, пиво и медъ всякимъ людямъ; кто похочетъ держать корчму, по образу какъ въ Англіи, и съ тѣхъ корчмарей брать отъ ихъ корчмъ, также отъ ведра вина и отъ мѣрной бочки пива и меду; а съ нихъ брать же по тому, сколько приходитъ отъ ведра вина и отъ бочки мѣрной пива и меда прибыли“.

Глава XIII. О помѣстныхъ дѣлахъ и земельныхъ ссорахъ. Авторъ рекомендуетъ завести книги по алфавиту земельнымъ владѣніямъ для удобства пріисканія, на случай тяжбъ о нихъ, и приступить къ межеванію земель, чтó можно поручить ученикамъ математическихъ школъ, а велѣтъ имъ межевать по теодолиту или компасу, по примѣру Германіи и Англіи, при чемъ прилагается и образецъ такого описанія ¹⁾).

Глава XIV. Объ учрежденіи ландъ-милиціи, по примѣру Швеціи и Швейцаріи.

Глава XV. О печати (гербовой маркѣ). „Когда всякія купчія станутъ писаться на гербовыхъ бумагахъ, тогда довлѣтъ къ тѣмъ купчимъ ватискать государственную на то нарочно устроенную печать, и за ту печать брать по полуполтинѣ и въ томъ будетъ прибыль, какъ есть здѣсь уставъ въ Англіи, которую печать при семъ посылаю... а къ инымъ дѣламъ отнюдь не привладывать, понеже оныя всякія дѣла бываютъ по нуждѣ“ ²⁾).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсматриваемаго нами проекта. Его близкое отношеніе, хотя и не исключительное, къ нѣкоторымъ современнымъ актамъ законодательства Петра В.—несомнѣнно. Несомнѣнно также, что въ этомъ проектѣ ясно обозначается аристократическая тенденція ³⁾, которая не могла встрѣтить сочувствія у Петра

¹⁾ Петръ В. въ 1719 г. повелѣлъ сочинить писцовый наказъ сообразно съ геометрическими правилами, а въ 1723 г. дана была первая инструкція инжен. Кулону для обмежеванія Ингерманландіи геодезистами; для разобранія же межевыхъ споровъ съ 1715 г. посылались ландраты, знакомые съ межеваніемъ („Историч. взглядъ на межеваніе въ Россіи до 1765 г.“ П. Малиновскаго, Спб. 1844, стр. 116, 120, 124; „Историч. очеркъ межевыхъ учрежд. въ Малороссіи“, А. Ханенка, Черн. 1870, с. 19).

²⁾ Рисунокъ указанной печати приложенъ въ изданіи.

³⁾ Миллюковъ, 536.

В., но которая объясняется, очевидно, непосредственнымъ вліяніемъ западно-европейскихъ формъ, въ могущественное значеніе которыхъ вѣрилъ авторъ проекта, какъ и другіе его современники, сочувствовавшіе реформѣ. Въ настоящее время для насъ большее значеніе имѣетъ глава *о школахъ*.

Она заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ предложеній. Вотъ болѣе существенныя изъ нихъ: „Велѣть во *всѣхъ губерніяхъ* учинить *по одной академіи или по двѣ*, а на тѣ академіи отдать нѣсколько монастырей, а изъ тѣхъ монастырей вывести чернцовъ, только оставить при церквахъ для служебъ священниковъ и причетниковъ. И въ тѣ академіи собрать *мастеровъ изъ иныхъ государствъ*, а велѣть тѣхъ мастеровъ призывать и ихъ содержать тѣми монастырскими доходами. Въ тѣ-жъ монастыри велѣть набрать учениковъ *дворянскихъ и купеческихъ дѣтей* и *всякихъ иныхъ разныхъ чиновъ*; и учинить штрафъ на отцовъ, чтобъ они приводили дѣтей своихъ отъ 6 лѣтъ; и быть бы имъ тамъ до 23 лѣтъ и велѣть ихъ тамъ записывать, съ котораго году кто начнетъ учиться. А по прошествіи тѣхъ урочныхъ лѣтъ употреблять ихъ въ *службы воинскіе и градскіе*; и больше тѣхъ лѣтъ отнюдь не держать подъ штрафомъ на мастерахъ, чтобъ они не укрывали отъ службъ. Ежели кто въ тѣ 17 лѣтъ не выучится, то онъ уже не будетъ ключимъ больше. Когда молодые дѣти отъ юности своей *всегда вмѣстѣ* между собою будутъ, тогда они будутъ природы свои обощрять безпрестаннымъ обхожденіемъ лучше, нежели какъ нынѣ дворянскія дѣти свое *воспитаніе* имѣютъ въ деревняхъ, подобно тому какъ лѣсъ нечищеной растетъ. Содержать тѣхъ учениковъ, т. е. давать имъ *платье, питаніе и жилище въ монастыряхъ изъ монастырскихъ доходовъ*, чтобъ Вашей *казнѣ въ томъ истраты не было*. А въ тѣхъ монастыряхъ учинить *друкарни*, для того, ежели какой *мастеръ или изъ учениковъ* кто издастъ о чемъ какую книгу и та освидѣтельствуется, что не въ противность закона и государства и намъ во всякую пользу, и тѣ тамъ велѣть печатать. Въ тѣхъ же академіяхъ велѣть *изъ разныхъ языковъ и наукъ сдѣлать библіотеки*, какъ въ Англии, въ *Оксфордъ и Кембриджъ*“.

Въ кругъ преподаванія въ академіяхъ входятъ слѣдующіе предметы: 1) *языки*: латинскій, греческій, нѣмецкій, англійскій, французскій; послѣдніе три „для обхожденія и разговоровъ съ разными народами. Тѣхъ языковъ учать *во всѣхъ академіяхъ* въ Имперіи, Фран-

ціи и Англіи“: 2) *Свободныя науки*: „для праваго писанія и глаголанія—грамматика, риторика“; „для стихотворенія—поетика“; „для разсужденія натуры—философія“; „для познанія истиннаго Бога и законовъ: богословія“; „для всякихъ образовъ и правленій и извѣстія о всѣхъ государствахъ: гисторіи универсальныхъ и партикулярныхъ“ (sic!). 3) *Математическія науки*, для гражданскихъ и воинскихъ правленій: ариметика, геометрія, тригонометрія, навигація, фортификація, артиллерія, механика, статика, гидростатика, перспектива, архитектура, оптика, гномоника, мусика, пиктура, скульптура, миниатура; „для знаемости и положенія мѣсть: географія“; „для обороны собственной и для изящества учиться: на лошадахъ ѣздить, на шпагахъ биться и танцовать“.

Въ какихъ широкихъ размѣрахъ должно было даваться это образованіе, можно судить по слѣдующему расчету автора проекта. „Ежели во всѣхъ губерніяхъ, пишетъ онъ, сдѣлаются по 2 академіи, а во всякой академіи было бы по 2000 студентовъ“, итого будетъ 18000 студентовъ и по прошествіи 17 лѣтъ изъ всякой академіи будетъ выходить чел. по 100, окончивъ нѣкоторыя свободныя науки и т. д.¹⁾ И такъ мы по сему образцу *сравняемся во вѣсѣхъ свободныхъ наукахъ со всеми лучшими европскими государствами, а безъ свободныхъ наукъ и добрыхъ руководѣній* не можетъ государство стяжать себѣ *умнаго имѣнія* и также будетъ всегда требовать *во вѣсѣхъ дѣлахъ изъ другихъ ученыхъ государствъ* людей на послуги свои и вспоможеніе“.

Къ этому общему плану мужскихъ учебныхъ заведеній авторъ дѣлаетъ еще два дополненія: 1) „надобно сдѣлать (составить), говорить онъ, *исторію Россійскаго государства* и о всѣхъ въ немъ заключающихся градахъ и велѣть ее перевести на нѣмецкій и на французскій языкъ, и велѣть ее напечатать и отослать въ нѣмецкія государства и въ прочія европскія для извѣстія, чтобы они знали объ ономъ подробно и на оборону (въ защиту), что старые и иностранные сосѣдственные исторіки писали оное съ поносомъ о немъ“. 2) „Велѣть сперва перевести *исторіи универсальныя и партикулярныя* и

¹⁾ Въ это время знатные иноземцы (Брюсъ) разскивали уже за границею „штудентовъ“, для воспитанія своихъ дѣтей въ Россіи, но поиски ихъ оказывались неудачными (Рус. Стар., 1890, LXVI, ст. Д. Струкова, 347—350).

велѣтъ ихъ напечатать и приказать, *чтобъ всѣ, вмѣсто часовниковъ и псалтирей, учились словесному по нимъ: сіе будетъ вспоможеніе на извѣстіе о всѣхъ государствахъ и ихъ управленіи*“.

Изъ нѣкоторыхъ ссылокъ автора проекта (на примѣръ Оксфорда и Кембриджа), можно заключать, что онъ имѣлъ въ виду именно эти учрежденія, въ которыхъ, какъ равно и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ на Западѣ, нерѣдко примѣнялись названія „академіи“¹⁾. Съ другой стороны объ этомъ свидѣтельствуетъ кругъ преподаванія „свободныхъ наукъ“ и искусствъ и учрежденіе при нихъ типографій и библіотекъ²⁾.

Помѣщеніе академій въ монастыряхъ, помимо соблюденія интересовъ казны, сближало ихъ съ англійскими коллегіями, а количество студентовъ въ этихъ послѣднихъ не осталось, конечно, безъ вліянія на слишкомъ радужныя надежды автора относительно распространенія просвѣщенія въ Россіи³⁾. Соединеніе же средней и высшей школы въ одномъ учрежденіи могло повидимому облечь осуществленіе самаго плана, какъ и поступилъ потомъ Петръ В. въ регламентѣ Академіи Наукъ.

Петру В. должны были понравиться предложенія автора о привлеченіи къ столь важному дѣлу, какъ образованіе, монастырскихъ средствъ, какъ онъ привлекалъ ихъ и на другія надобности страны⁴⁾, и весьма вѣроятно, что въ связи съ предложеніями Салтыкова находятся извѣстные указы Петра В. отъ 20 и 28 февр. 1714 г., объ учрежденіи при знатныхъ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ школъ

¹⁾ А. А. Матвѣевъ въ 1706 г. въ своемъ журналѣ писалъ: „Всей Франціи высокихъ фамилій дѣти, отъ самыхъ юностихъ ногтей, имѣютъ воспитаніе весьма изрядное, поученіе въ разныхъ языкахъ и во всѣхъ свободныхъ наукахъ, особливо же въ математикѣ, географіи, геометріи, ариметикѣ, въ воляскихъ обученіяхъ и конной ѣздѣ, на что имѣютъ учрежденныя въ Парижѣ великія академіи, и потомъ въ танцахъ, и пѣніи и разныхъ наукахъ“ (см. „Нов. матер. Петра В.“, нашъ очеркъ, 16—17).

²⁾ Заботы о библіотекахъ составляли выдающуюся черту въ реформѣ Петра (см. „Опытъ рус. исторіогр.“, II, 1075—86). При царской аптекѣ находилась прекрасная библи. на разныхъ языкахъ („Записки Юля“, Р. Арх. 1892, № 7, с. 320—321).

³⁾ „Исторія англ. университетовъ“, В. Игнатовича (Ж. Мин. Нар. Просв. 1861, ч. СХІ, стр. 152, 157, 173, 178, 181, 213—220).

⁴⁾ Въ это время за монастырями считалось болѣе 100000 крест. дворовъ (Горчаковъ, „Монаст. приказъ“, 144).

для обученія дворянскихъ и приказныхъ дѣтей 10—15 лѣтъ цифри и геометріи и о запрещеніи жениться безъ экзаменаціоннаго свидѣтельства¹⁾. Петръ отмѣтилъ также крестомъ въ кружѣ то мѣсто, гдѣ авторъ совѣтуетъ вмѣсто часовниковъ и псалтирей перевести для обученія „исторіи универсальныя и партикулярныя“²⁾. Этой потребности должна была удовлетворить переводная дѣятельность по разнымъ наукамъ, которая, какъ мы видѣли, такъ широко была поставлена при Петрѣ Вел.

Конечно, средства страны и состояніе элементарнаго обученія не позволяли осуществить проектъ Салтыкова въ широкихъ размѣрахъ (припомнимъ здѣсь и ту „грубую толщу“, о которой въ свое время говорилъ Сперанскій и которая давала себя постоянно чувствовать, при всѣхъ благихъ реформахъ—Петра В., Екатерины II, Александра I и д), а что вопросъ о болѣе широкой постановкѣ свѣтскаго образованія занималъ въ то время многихъ, это видно изъ другаго проекта, 1715 г. Въ этомъ послѣднемъ снова рекомендуется учрежденіе *академій*, въ которыхъ юноши не только разнымъ языкамъ и экзерциціямъ, но и всѣмъ прочимъ ученіямъ, какъ фортификаціи, архитектурѣ, навигаціи и тѣмъ подобнымъ ученіямъ выучиться могли бы. Въ такихъ академіяхъ, по указанію означеннаго проекта, обученіе будетъ стоить дешевле, надзора будетъ больше и легче будетъ каждаго понятность и склоненіе испытывать, чѣмъ въ чужихъ земляхъ, а самыя поѣздки за границу „по достигшей понятности изъ академій“ сдѣлаются гораздо полезнѣе, такъ какъ будутъ предприниматься только *для совершеннаго обученія*³⁾. Нельзя не видѣть въ этомъ проектѣ близости къ предложеніямъ Салтыкова. А нѣсколько позже извѣстный прибыльщикъ Курбатовъ (ок. 1721 г.) снова рекомендуетъ устроить въ Петербургѣ и Москвѣ „академіи свободныя разныхъ наукъ на разныхъ діалектахъ какъ церковныхъ, гражданскихъ, такъ и военныхъ наукъ“, предлагая обезпечить ихъ припиской конфискованныхъ вотчинъ; кромѣ того, онъ совѣтуетъ „учинить школы въ епархіяхъ при домахъ архіерейскихъ и *въ знатныхъ монастыряхъ*—для приготовленія духовенства, а для прочихъ сословіи школы въ губерніяхъ“⁴⁾.

¹⁾ П. Собр. Зак., №№ 2762 и 2778.

²⁾ Милюковъ, 541—542.

³⁾ Пекарскій, „Ист. Ак. Наукъ“, I, ххш—ххiv; Милюковъ, 572—573.

⁴⁾ Милюковъ, 542—543, примѣч.

Но съ „грубою толщею“ трудно было имѣть дѣло даже Петру В., при всей его энергій и крайне жестокихъ мѣрахъ. Молодые люди, назначенные въ ученіе, за границею убѣгали въ иностранную службу или на Афонъ, гдѣ постригались въ монахи, а изъ Россіи скрывались за границу ¹⁾. Правда, начальныя городскія училища, находившіяся въ вѣдѣніи „Городовой канцеляріи“, вопреки утвержденію нѣкоторыхъ, продолжали существовать и долго спустя послѣ Петра В. ²⁾. Однако, постепенно, самому же Петру пришлось освободить отъ обязательнаго обученія въ школахъ сначала дѣтей дворянскихъ, потомъ купеческихъ, а наконецъ и духовенства, и обязательность обученія осталась только для дѣтей приказныхъ, которыхъ учили съ цѣлью приготовленія къ службѣ ³⁾.

Тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія проектъ Салтыкова, что авторъ коснулся въ немъ и женскихъ училищъ ⁴⁾. Онъ посвящаетъ этому предмету отдѣльный „аддитаментъ“ (присовокупленіе). „Надобно-жь, говоритъ онъ, во всѣхъ губерніяхъ учинить *женскія школы* и на то обратить *женскіе монастыри*, а изъ тѣхъ монастырей вывести старицъ; но если въ которыхъ губерніяхъ нѣтъ богатыхъ женскихъ монастырей, и на то очистить мужскіе монастыри, на содержаніе, питальнице и жилище и на содержаніе мастеровъ. И велѣть, подъ штрафомъ на отцахъ, чтобъ водили въ тѣ школы дочерей своихъ отъ 6 лѣтъ, и быть имъ тамъ до 15 лѣтъ ⁵⁾, и велѣть ихъ учить *женскимъ наукамъ*: 1) для домоводства—читать, писать, цифривъ; 2) для изящества—въ языкахъ французскаго и нѣмецкаго; 3) для забавы—пиктуры, миниатюры и перспективы; 4) для забавы же своей и *въ компаніи* веселаго обхожденія: музыкѣ инструментальной и вокальной, сирѣчь на всякихъ инструментахъ и воспѣвать; танцовать ⁶⁾. *Чтобъ и женской наукѣ*

¹⁾ См. выше, статьи А. Рачинскаго и Д. Струкова. О существованіи въ Москвѣ и Петербургѣ нѣсколькихъ иноязычныхъ школъ съ средне-учебнымъ характеромъ, постепенно закрывшихся—Гр. Д. А. Толстой: „Взглядъ на учеб. часть въ Россіи въ XVIII стол.“ стр. 1.

²⁾ См. замѣтку Н. И. Барсова, на основаніи „Опис. дѣлъ Синод. архива“ (Ист. Вѣст. 1891, № 11, стр. 410—411).

³⁾ См.: у Толстого, стр. 2—4; также въ Чт. М. Общ. ист. „Калужская лѣтопись“, 1877, II, 112.

⁴⁾ На необходимость ихъ указывалъ уже Крижаничъ.

⁵⁾ Въ Сень-Сирѣ дѣвочки принимались съ 7 лѣтъ и оставались въ заведеніи до 20 лѣтъ (Лихачева, 84—85).

⁶⁾ Какое значеніе въ XVIII стол. придавали обученію танцамъ, какъ имѣвшимъ цѣлью „пріучить молодыхъ людей къ обществу“, „къ пристойному обхожденію“, и „любезности“.

Чтенія въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII, отд. II.

народъ уравнился съ европейскими государствами равно“. При этомъ авторъ считалъ необходимымъ остановиться и на воспитательной части: „А въ тѣ монастыри, говоритъ онъ, отнюдь мужескаго пола не пускать, даже свойственниковъ, *кромя матерей*, и учредить въ тѣхъ училищахъ *надзирательницъ*; а если которая ученица похочетъ ѣхать къ отцу и къ свойственникамъ на время, для свиданія, то ихъ отпущать свободно. И какъ онѣ будутъ *всегда вѣствовать*, то будутъ *гораздо умнѣе и обходительнѣе, нежели какъ онѣ у отцовъ своихъ живутъ въ домѣ до замужества, не зная обхожденія людскаго и разговоровъ*“. Любопытенъ еще пунктъ, касающійся количества и размѣровъ этихъ училищъ. „Во всѣхъ губерніяхъ, читаемъ въ проектѣ, сдѣлать *по два женскихъ училища*, а въ тѣхъ училищахъ быть по 500 дѣвицъ въ каждомъ и того будетъ во всѣхъ губерніяхъ 9000 ученицъ“.

Такимъ образомъ, Салтыковъ своимъ проектомъ предупредилъ на 50 лѣтъ основаніе Смольнаго института Екатериною II, на тѣхъ же началахъ и основаніяхъ интерната, съ тою однако разницею, что программа его соотвѣтствуетъ лишь первому возрасту училища для малолѣтнихъ благородныхъ дѣвицъ, но при этомъ въ обоихъ случаяхъ замѣчается одинаковое отношеніе къ языкамъ и искусствамъ¹⁾. Какъ извѣстно, Екатерина II, при учрежденіи Смольнаго института, главнымъ образомъ, имѣла въ виду порядки Сенъ-Сира, хотя во многомъ и отступила отъ нихъ въ своемъ уставѣ²⁾. Что же касается общаго преподаванія, то и во Франціи требованія въ этомъ отношеніи въ сочиненіяхъ, оказавшихъ вліяніе на устройство женскаго средне-учебнаго заведенія (аббатовъ Флери и Фенелона), не шли далѣе элементарныхъ знаній, необходимыхъ для домашняго обихода³⁾. Съ другой стороны, программа г-жи Мэнтенонъ (учред. Сенъ-Сира) была шире своей формулы, а программа воспитательнаго общества Екатерины II въ дѣйствительности не выполнялась и на половину⁴⁾. Замѣтимъ еще, что Матвѣевъ, въ

можно видѣть изъ отзывовъ акад. Фишера и Державина, касающихся студентовъ и учениковъ гимназій (Сухомлиновъ, „Ист. Рос. академіи“, II, „Сборн. Ак. Наукъ“, т. XIV, стр. 33; Соч. Державина, т. VI, 420).

¹⁾ Лихачева, 109--110.

²⁾ Ibid., 99—100, 133, 144—145.

³⁾ Ibid., 77—80, 87—88, 91—93.

⁴⁾ Ibid., 145. О Смольномъ инст. въ соч. гр. Д. А. Толстого: „Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII стол. до 1782 г.“, Спб. 1883, стр. 48—56.

свою бытность въ Парижѣ (1705), обратилъ уже вниманіе на широкое распространеніе музыкальнаго образованія среди французскихъ женщинъ того времени ¹⁾.

Эта забота о просвѣщеніи лучшихъ людей эпохи Петра В., въ самомъ широкомъ смыслѣ, съ каждымъ новымъ явленіемъ въ области изслѣдованій по исторіи послѣдней, все рѣзче обрисовываетъ передъ нами преобладающій культурный характеръ его реформы; а съ этой точки зрѣнія проектъ Салтыкова несомнѣнно занимаетъ выдающееся мѣсто среди другихъ проектовъ того времени. И если вскорѣ послѣ смерти Петра подобныя стремленія должны были надолго заглухнуть, то, слѣдуетъ признать, что ближайшее поколѣніе людей, вышедшихъ изъ школы Петра, какъ Татищевъ, Неплюевъ, Ломоносовъ и др., умѣли уже цѣнить все значеніе его образовательной дѣятельности. Въ позднѣйшее время эта послѣдняя могла быть заслонена другими, болѣе широкими преобразованиями и вызвала не разъ ожесточенную полемику, которая не задумывалась ставить въ зависимость отъ нея вопросъ о сомобытности Россіи, но люди ближайшаго поколѣнія, чуждые ретроспективной критики, иначе смотрѣли на дѣятельность Петра В. въ этомъ отношеніи. Такъ, извѣстный публицистъ времени Екатерины II и историкъ Россіи—кн. Щербатовъ, воспитанный на Юмѣ, проникнутый строго-аристократическими воззрѣніями, далеко не безусловный поклонникъ реформъ Петра и, напротивъ, весьма благосклонно относящійся ко многимъ сторонамъ стариннаго русскаго быта, въ своемъ разсужденіи: *„Примѣрное времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла бы Россія, сама собою, безъ самовластия Петра В., дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи простыщенія и славы“*, утверждаетъ, что Россія пришла бы въ такое состояніе, еще бы и не прославивъ себя, развѣ около 1892 г., да и то считая, что въ теченіе сего великаго времени не было бы никакого помѣшательства, ни внутренняго, ни внѣшняго. А кто, говоритъ онъ, возможесть поручиться, чтобъ въ сіе время не было бы такихъ въ ней государей,

¹⁾ „А особливо женскій полъ высокородныхъ фамилій—изрядствомъ голосовъ и игрою музыкъ на всякихъ разныхъ инструментахъ и открытостью любительныхъ своихъ и добродѣльныхъ поступковъ, особливо же къ иностраннымъ, превосходить всѣ европейскіе народы“ („Новые матеріалы“, стр. 17).

которые неблагоприятно принятыми мѣрами разрушили бы то, что два или три предка ихъ заводили и поступкомъ бы симъ продлили еще время ея просвѣщенія? Кто мнѣ поручится, чтобъ въ сіе время царствующіе государи, во Швеціи Карлъ XII и въ Пруссіи Фридрихъ II, знатныя части оной себѣ не поворили? То бы когда исполнилось сіе просвѣщеніе и гдѣ бы была нынѣ приобретенная слава? На этомъ основаніи Щербатовъ требуетъ полной дани уваженія къ Петру В., прибавляя, что и хотя много послѣ смерти его дѣлъ повреждали, но учиненное имъ основаніе, и слабости, и зависти, и тщетному самолюбію, и развратности воспротивляется, и что сей Монархъ, въ гробницу заключенный, еще побѣждаетъ своихъ враговъ и прославляетъ Россію¹⁾.

Въ заключеніе сдѣлаемъ замѣчаніе о судьбѣ автора „Пропозицій“. Петръ В., выражая ему неоднократно благодарность за исполненіе своихъ порученій, но корабли, приобретенные въ Англіи, оказались большею частію слабыми на ходу. Было сдѣлано уже распоряженіе (16 авг. 1715 г.) объ арестѣ Салтыкова и доставленіи его въ Петербургъ, а затѣмъ и о наложеніи запрещенія (4 севт.) на его имущество, но незадолго до того онъ (2 авг. 1715 г.) умеръ въ Англіи²⁾. Издатель „Пропозицій“ полагаетъ, что здѣсь могла имѣть мѣсто придворная интрига, по поводу нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ авторомъ проекта. Но едвали это такъ. Намъ кажется, что негодование Петра стоитъ въ связи съ крупными злоупотребленіями, обнаруженными въ то время, по поставкамъ и подрядамъ, въ которыхъ замѣшаны были многія лица, завѣдывавшія разными частями управленія, а также банкирская фирма Осипа Соловьева въ Амстердамѣ, черезъ кото-

¹⁾ Чтенія въ Обществѣ ист. и древ. Рос., 1860, I, 23—28.

Взглядъ Щербатова подтверждается *собственноручной* запиской Екатерины II объ ошибкахъ въ государственномъ управленіи послѣ кончины Петра Вел. (Рус. Стар. 1860 г. XXIX, стр. 1047), отличающейся болѣе правдивымъ характеромъ, чѣмъ случайный отзывъ, высказанный ею въ старости и противорѣчащій ея же собственнымъ мнѣніямъ („Записки Грибовскаго“, стр. 94; ср. стр. 42). И въ этотъ періодъ она не разъ обращается къ имени Петра, чтобы подчеркнуть собственныя дѣла (Рус. Стар. 1892, № 3, с. 546; Сborn. Рус. Ист. общ., I, 201). Тамъ же см. и отзывъ А. С. Пушкина (Р. Стар., XXIX, 1043—47).

²⁾ Указъ объ его арестѣ отданъ въ тотъ же день, какъ Петръ В. дѣлалъ смотръ флоту подъ Ревелемъ, а въ письмѣ послѣдняго прямо сказано: „многія деньги бралъ себѣ додъ лицомъ той покупки (кораблей)“; въ письмѣ же отъ 14 марта 1715 г. Петръ выражалъ ему неудовольствіе за то, „что Робинсонъ оныхъ кораблей не отпускаетъ, пока долги его не заплачены будутъ, и пр.“ (см. предисл., стр. viii).

рую совершались уплаты и по заказамъ Салтыкова ¹⁾. Дѣла эти, тянувшіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1714—17 гг.), сопровождались большими начетами, пытками и казнями ²⁾. Въ такое время Петръ В. не имѣлъ расположенія щадить виновныхъ и потому отнесся не менѣе строго и къ винѣ Салтыкова, хотя, быть можетъ, онъ и не былъ причастенъ къ этимъ злоупотребленіямъ.

В. Иконниковъ.

---

¹⁾ Соловьевъ, XVI, сс. 254—266; „Новые матер. для ист. цар. Петра В.“, 58—61.

²⁾ Неудовольствіе противъ Ос. Соловьева впервые обнаружилось въ 1713 г. (Соловьевъ, XVI, стр. 254), а изъ одного указа видно, что Салтыковъ уже 27 іюня 1715 г. вызванъ въ Россію (Верхъ, I, 317). Между тѣмъ изъ записки кн. В. И. Куракина можно заключать, какъ строго относился Петръ къ заказамъ и счетамъ по нимъ. Такъ, требовались счеты отъ англ. купца Стельса по продажѣ русскихъ товаровъ, отъ Ник. Головина требовался отчетъ въ издержкѣ 18000 еф. и Куракину поручалось „счесть его и о томъ писать, по какому указу онъ тѣ всѣ вещи закупалъ, и по счету то все на немъ доправить“ (Архивъ, III, стр. 11, 13). Обширная переписка Петра съ Салтыковымъ за время пребыванія послѣдняго за границею напечатана въ Бергомъ въ 1829 г. (тт. I и II).

Мотивы міровой поэзіи въ творествѣ Лермонтова.*

„ДЕМОНЪ“.**

Уже почти съ первыхъ моментовъ творчества Лермонтова поэзія его стала провозвѣстницею одной изъ самыхъ серьезныхъ міровыхъ темъ и затѣмъ удерживала такое направленіе до конца: въ общемъ содержаніи своемъ она можетъ быть названа глубоко скорбнымъ сѣтованіемъ о ничтожествѣ человѣка и его существованія, о бѣдствіяхъ, наполняющихъ это существованіе рядомъ съ немногими свѣтлыми моментами его, о ничтожествѣ большей части благъ, которыми тѣшится человѣкъ, и о дисгармоніи жизни человѣка вслѣдствіе сочетанія въ немъ противорѣчій; вмѣстѣ съ тѣмъ поэзія Лермонтова была могучимъ порывомъ найти высшіе устои жизни, опираясь на которые можно возноситься надъ пошлостію и пустотою обычнаго существованія. То была поэзія „печальныхъ думъ“, стремленія „въ чему-то тайному,

Къ тому, что обѣщалъ намъ Богъ,

И что бь уразумѣть я могъ

Черезъ мышленія и годы,

говорилъ поэтъ¹.

Такой характеръ поэзіи Лермонтова сложился подъ вліяніемъ природныхъ задатковъ души поэта, условій, въ которыхъ протекло его дѣтство; подъ вліяніемъ полученнаго имъ воспитанія, и, наконецъ, тѣхъ писателей, которыми онъ увлекался при началѣ своей поэтической дѣятельности.

---

* См. VI-ю книгу „Чтеній“.

** Остальные этюды о Лермонтовѣ предназначены нами къ помѣщенію въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1893 г. *Леторгъ*.

¹ I, 78.

Въ „пылкой душѣ“ Лермонтова рано замѣчается развитіе усиленной чувствительности², впечатлительности и воспріимчивости къ красотамъ природы³. Имѣя лишь 10 лѣтъ отъ роду, онъ навсегда полюбилъ горы Кавказа⁴. Тогда же онъ извѣдалъ — „такъ рано!“ — первую любовь⁵, напоминая въ этомъ отношеніи Данте, если только справедливо то, что послѣдній рассказываетъ о своей любви къ Беатриче. Воспоминаніе объ этой первой любви долго не умирало въ мечтѣхъ юноши⁶, и съ того времени чувство любви въ той или иной формѣ не переставало господствовать въ душѣ Лермонтова⁷, при чемъ онъ могъ наблюдать въ себѣ самомъ непостоянство и потому впадать въ скеп-

² „Когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ... Ее пѣвала мнѣ покойная мать“. I, 113—114.

³ „1830. Я помню одинъ сонъ, когда я былъ еще 8-ми лѣтъ. Онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ разъ ѣхалъ въ грозу куда-то, и помню облако, которое—небольшое, какъ бы оторванный черный клочокъ чернаго плаща—быстро несло по небу: это такъ живо передо мною, какъ будто вижу. Когда я еще малъ былъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разнovidныя облака, которыя въ видѣ рыцарей съ шлемами тѣснились будто вокругъ нея; будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства“. I, 114. Упомянутыя о томъ, какъ поэту нравился свѣтъ луны, имѣются и въ стихотвореніяхъ Лермонтова: напр., I, 32 и 61; въ послѣднемъ стихотвореніи луна названа „дарицею лучшихъ думъ лѣвца“. Указаніе на Армиду явилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ начавшаго выходить въ 1828 г. перевода поэмы Тассо; переводъ этотъ принадлежалъ Рачу, одному изъ наставниковъ университетскаго пансіона.

⁴ I, 70: „Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу мени пріучили, и я съ той поры все мечтаю объ васъ, да о небѣ“. См., далѣе, I, 75.

⁵ „1830 г., 8 іюля, ночь. Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду? Мы были большимъ семействомъ на водахъ Кавказскихъ“ и т. д. I, 110—111. — Руссо влюбился впервые, когда ему было 12 лѣтъ.

⁶ См., напр., I, 75:

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горы!
 Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
 Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ—
 И сердце лепечетъ, воспомина тотъ взоръ:
 Люблю я Кавказъ!

Ср. VI, 28.

⁷ Это обуславливалось отчасти тѣмъ, что „первое общество, въ которое попалъ Миадель, было преимущественно женское, и оно непремѣнно должно было имѣть вліяніе на его впечатлительную натуру.“ *Р. Обзорніе* 1890, № 8, стр. 728. — Лермонтовъ „во второй разъ любилъ 12 лѣтъ въ ефремовской деревнѣ въ 1827 году,—и по нынѣ люблю“, при-

тицизмъ относительно любви ⁸. Бурныя чувствованія, подлежащія удержу, и слышанные мальчикомъ фантастическіе рассказы развивали въ немъ, далѣе, мечтательность и вдумчивость.

Ту же раннюю вдумчивость начали вырабатывать въ юношѣ и другія обстоятельства его жизни въ связи съ его воспитаніемъ.

Это воспитаніе, повергавшее мальчика въ избалованность ⁹, развивавшее въ немъ характеръ гордый, своевольный и властный, чрезмѣрное самолюбіе и инстинкты необузданности ¹⁰, вмѣстѣ съ тѣмъ не разъ наталкивало его на ограниченія, какія должна претерпѣвать личная воля въ столкновеніи съ посторонними условіями, и заставило его рано извѣдать горе изъ-за разлада въ родной семьѣ: много огорченія должна была приносить Лермонтову разлука съ отцомъ, котораго Михаилъ Юрьевичъ горячо любилъ, но который не могъ взять къ себѣ своего сына отъ знатной и богатой бабушки послѣдняго. Должны были оскорблять мальчика и предрассудки касательно бѣдности и незнатности рода, во имя которыхъ бабушка пренебрежительно от-

бавилъ поэтъ въ 1829 г. (I, 31). Въ 1830 г. Лермонтовъ писалъ (I, 114): „Мнѣ 19 лѣтъ). Я однажды (3 года назадъ) укралъ у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ, и потому безнадежно любимой мною, бисерный снурокъ... Какъ я былъ глупъ“... и далѣе (I, 117):

... три раза я любилъ,

Любилъ три раза безнадежно.

Разъясненіе см. VI, 91 и слѣд.

⁸ См., напр. I, 85:

Въ старинныя годы люди были

Совсѣмъ не то, что въ наши дни;

[*Коль въ мѣръ есть любовь*] любили

Чистосердечнѣе онъ.

Такое обвиненіе своего времени въ оскуднѣніи любви нерѣдко въ поэзіи; такъ, напр., Франц. поэтъ XVI в. Клеманъ Маро высказалъ то же обвиненіе.

⁹ По словамъ А. Шанъ-Гиря, бабушка, воспитывавшая Михаила Юрьевича, „любила безъ памяти“ своего внука. Послѣдній „въ жизни не зналъ никакихъ лишеній, ни неудачъ: бабушка въ немъ души не чаяла и никогда ни въ чемъ ему не отказывала; родные и короткіе знакомые носили его, такъ сказать, на рукахъ“. Русское Обзорніе 1890, № 8, стр. 725 и 728. *Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой*, изд. второе, Спб. 1870, стр. 80: „Въ чужѣ отраднo было видѣть, какъ старушка Арсеньева боготворила внука своего Лермонтова... она жила имъ однимъ и для исполненія его прихотей; не нахвалится бывало имъ, не налюбуется на него“.

¹⁰ Нѣкоторые (напр., VI, 20—21) готовы примѣнять къ самому Лермонтову то, что послѣдній говоритъ о Сашѣ (V, 368): „горничныя дѣвушки рассказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противуобщественными“.

носила къ отцу поэта ¹¹. Бросалась, наконецъ, въ глаза впечатлительному мальчику тиранія крѣпостнаго права, внушавшая ему отвращеніе, не разъ проглядывающее въ его раннихъ произведеніяхъ. Лермонтову пришлось, такимъ образомъ, съ дѣтства столкнуться съ весьма серьезнымъ и важнымъ вопросомъ человѣческаго обществя: о личности въ отношеніи въ обществу, съ которымъ она расходуется. Впечатлительный мальчикъ рано пережилъ весьма много и, дѣйствительно, могъ испытать немало разочарованія. Онъ „столько любилъ и потерялъ“ ¹².

И этотъ ранній опытъ долженъ былъ отразиться въ поэзиі Лермонтова извѣстными предрасположеніями, лишь только юноша „началъ марать стихи въ 1828 г.“, что произошло съ поступленіемъ его въ Московскій благородный университетскій пансіонъ ¹³.

Въ дѣтствѣ будущій поэтъ почти „ничего не читалъ“ ¹⁴, но съ 1827 г. онъ началъ увлекаться литературою и быстро подпалъ ея вліянію. Въ 1828 году, рассказываетъ А. Шанъ-Гирей ¹⁵, „я въ первый разъ увидѣлъ русскіе стихи у Мишеля: Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковскаго, Козлова и Пушкина; тогда же Мишель прочелъ мнѣ своего сочиненія стансы къ ***. Вскорѣ была написана первая (sic) поэма *Индіанка* и началъ издаваться рукописный журналъ *Утренняя заря*, на манеръ Наблюдателя или Телеграфа, какъ слѣдуетъ съ стихотвореніями и изящною словесностію“.

¹¹ См. VI, 62 и слѣд. Что Лермонтовъ любилъ отца и глубоко скорбѣлъ по поводу его кончины, хотя съ виду казался равнодушнымъ, свидѣтельствуетъ „Эпитафія“, написанная въ 1830 г. (I, 73—74). См. еще V, 375. Горестъ объ уtratѣ матери также долго не умирала въ душѣ поэта (I, 75).

¹² I, 80.

¹³ I, 75: „1830. Замѣчаніе. Когда я началъ марать стихи въ 1828 г., „въ пансіонѣ“ (зачеркнуто)...—Въ болѣе раннее время своего житія въ деревнѣ Лермонтовъ выказывалъ „способности къ искусствамъ; проявленія же поэтическаго таланта въ немъ вовсе не было замѣтно въ то время; всѣ сочиненія по заказу Сапетъ онъ писалъ прозой, и нисколько не лучше своихъ товарищей“. Р. Обзор. 1890, № 8, стр. 726.

¹⁴ I, 114.

¹⁵ Русское Обзорѣніе 1890, № 8, стр. 727.

Свидѣтельство это въ связи съ первыми литературными опытами поэта интересно для насъ, показывая, что Лермонтовъ, читавшій прежде всего французскихъ поэтовъ ¹⁶, началъ увлекаться писателями родной литературы. Вскорѣ однако Лермонтовъ призналъ полную литературу бѣдною по содержанію, и въ ней лишь Пушкинъ, преимущественное вліяніе котораго замѣчается въ тетрадахъ 1829 года, да народная словесность казались ему заслуживающими вниманія ¹⁷.

Въ особенности произвели впечатлѣніе на Лермонтова иностранные поэты, съ которыми онъ ознакомился вначалѣ благодаря своимъ гувернерамъ, а затѣмъ и по собственному влеченію. Литературное образованіе Лермонтова вовсе не можетъ быть названо безпорядочнымъ. Изъ нѣмецкой литературы мощное воздѣйствіе на направленіе юнаго поэта оказали произведенія, порожденныя движеніемъ такъ называем. „бурныхъ стремленій“ и непосредственно слѣдовавшимъ творчествомъ классическаго періода, преимущественно поэзія Шиллера. Изъ англійской литературы Лермонтовъ читалъ самыхъ популярныхъ изъ писателей начала настоящаго вѣка, Байрона, Мура и Вальтеръ-Скотта ¹⁸. Сверхъ того, и театральныя представленія пьесъ Шиллера и Шекспира ¹⁹ не оставались, вѣроятно, безъ вліянія на литературное образованіе и литературныя симпатіи Лермонтова.

¹⁶ VI, 43—44.

¹⁷ Въ 1830 г. Лермонтовъ писалъ: „наша литература такъ бѣдна, что я изъ нее ничего не могу заимствовать. . если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ“. I, 114. Ср. тамъ-же замѣчанія Лермонтова о томъ, что въ русскихъ народныхъ сказкахъ „вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“. Въ воспоминаніяхъ Сушковой (Записки, 81) подъ 1830 г. читаемъ о Лермонтовѣ: „декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ“.

¹⁸ Въ 1829 г., по воспоминаніямъ Шанъ-Гирея (Р. Обзоръ 1890, № 8, стр. 728), Лермонтовъ, подъ руководствомъ англичанина Mr. Winson-a, „началъ учиться англійскому языку по Байрону и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ свободно понимать его; читалъ Мура и поэтическія произведенія Вальтеръ-Скотта (кромѣ этихъ трехъ, другихъ поэтовъ Англійи я у него никогда не видалъ.... Изученіе англійскаго языка замѣчательно тѣмъ, что съ этого времени онъ началъ передразнивать Байрона“.

¹⁹ Въ Москвѣ въ то время, когда тамъ учился Лермонтовъ, на сценѣ часто ставились „Разбойники“, „Коварство и Любовь“ Шиллера и „Отелло.“ Библ. для чт. 1859, т. CLVIII, „Вѣдическій и Московскій университетъ въ его время (изъ студенческихъ воспоминаній).“
К. Прозорова, стр. 8

Преобладающее вліяніе на Лермонтова въ самый ранній періодъ его поэтической дѣятельности оказалъ несомнѣнно Байронъ, съ огромнымъ томомъ произведеній котораго Лермонтовъ нѣкоторое время былъ неразлученъ, но уже и тогда литературное образованіе нашего поэта не ограничивалось узкимъ кругомъ немногихъ произведеній, и въ поэзіи Лермонтова сливалось воздѣйствіе цѣлаго ряда корифеевъ новѣйшей западноевропейской литературы. У поэта, произведенія которыхъ читалъ, Лермонтовъ останавливалъ свое вниманіе преимущественно на томъ, что подходило къ его личному настроенію, и онъ не только повторялъ ихъ образы и мысли, но даже выраженія²⁰. Соглашая мотивы любимыхъ родныхъ и иностранныхъ поэтовъ со своими чувствами и съ лично пережитымъ, Лермонтовъ скорѣе началъ достигать ббльшей или меньшей оригинальности въ своей поэзіи, потому что постоянно вносилъ въ нее часть своей души, собственныя думы и душевныя движенія. Несомнѣнно, что основное настроеніе и самыхъ раннихъ стихотвореній Лермонтова, впервые обнародованныхъ нескоро послѣ смерти поэта, болышею частію лишь въ послѣдніе годы, не было напускное. Иные скажутъ, какъ Шанъ-Гирей, что „скептицизмъ, мрачность и безнадежность“, характеризующіе большую часть произведеній Лермонтова съ 1829 г. по 1833 г., „въ дѣйствительности были далеки отъ него. Онъ былъ характера скорѣе веселаго, любилъ общество, особенно женское, въ которомъ почти выросъ и которому нравился живостью своего остроумія и склонностію къ эпиграммѣ; часто посѣщалъ театръ, балы, маскарады; въ жизни не зналъ никакихъ лишеній, ни неудачъ... особенно чувствительныхъ утратъ онъ не терпѣлъ; откуда же такая мрачность, такая безнадежность? Не была ли это скорѣе драпировка, чтобы казаться интереснѣе, такъ какъ байронизмъ и разочарованіе были въ то время въ сильномъ ходу, или маска, чтобы морочить обворожительныхъ московскихъ львицъ?“²¹ Но, прежде чѣмъ

²⁰ Лермонтовъ, избравшій „длинниковъ“, „корсаровъ“, „узниковъ“ въ герои первыхъ своихъ произведеній, выразился о своихъ первыхъ упражненіяхъ: „я какъ бы по инстинкту переписывалъ и прибиралъ ихъ“. I, 75.

²¹ Р. Обзор. 1890, № 8, стр. 728. То же говоритъ г. К(лючевскій)—см. статью его „Грусть“ въ „Русской Мысли“ 1891 г., № 7.

взводить такое обвиненіе, не слѣдуетъ ли отнестись доврчивѣе и внимательнѣе къ тому, что говоритъ поэтъ:

. . . отъ своей души спасенья

И въ самомъ счастья нѣтъ.

Молю о счастья бывало . . .

Дождался наконецъ—

И тягостно мнѣ счастье стало,

Какъ для царя вѣнецъ!

И всѣ мечты отвергнувъ, снова

Остался я одинъ,

Какъ замка мрачнаго, пустаго

Ничтожный властелинъ.

Понятно, что при такомъ душевномъ состояніи

. . . черныхъ думъ не унесутъ

Ни радость дружескихъ минутъ,

Ни страстный пламень поцѣлуя ²².

Надо имѣть въ виду далѣе скрытность характера Лермонтова, прикрывавшаго веселостью самое грустное настроеніе ²³.

Вопросъ долженъ, слѣдовательно, ставиться лишь о томъ, возможно ли было дѣйствительно въ *душу* юнаго поэта то мрачное настроеніе, которое не разъ выражается въ его поэзи, какъ искренній вопль наболѣвшаго сердца?

Намъ кажется, что на этотъ вопросъ должно дать отвѣтъ положительный, если принять во вниманіе всѣ имѣющіяся передъ нами данныя для восстановленія психической жизни Лермонтова до оставленія имъ Московскаго университета. Мы видѣли, что обстоятельства жизни юнаго поэта должны были представлять ему жизнь далеко не въ одномъ розовомъ цвѣтѣ. Лермонтову пришлось испытать страшное нравственное потрясеніе вслѣдствіе тяжелой семейной драмы, разыгравшейся между его отцомъ и бабушкой, и, вѣроятно, слѣдуетъ вмѣстѣ съ г. Висковатовымъ усматривать признаніе самого Лермонтова въ словахъ одного изъ его драматическихъ

²² I, 66 и 78.

²³ Ср. VI, 71.

героевъ, Юрія: „Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе о людяхъ. Помнишь ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей....“ Довелось Лермонтову разочаровываться и въ дружбѣ, которой поэтъ такъ жаждалъ съ поступленія въ Московскій университетскій пансіонъ, не находя отрады въ домашнемъ кругу²⁴.

Въ отношеніи къ мрачному взгляду на міръ весьма важно было то, что, уже „впя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ“, нашъ поэтъ зналъ печальное раздвоеніе въ самомъ себѣ. Съ одной стороны, „высокимъ сердце билось, въ душѣ горѣли лучи небеснаго огня“, а съ другой Лермонтовъ видимо весьма рано началъ испытывать глубокое недовольство собою:

... какъ скученъ день осенній,
 Такъ жизнь моя была скучна;
 Такъ впечатлѣній неприятныхъ
 Душа всегда была полна—
 Понинъ о годахъ развратныхъ
 Не престаешь скорбѣть она²⁵.

А такое раздвоеніе является однимъ изъ источниковъ мировой скорби²⁶.

²⁴ VI, 67—68 и 50—51.

²⁵ II, 384 и III, 49. Ср. I, 42:

Для меня бываетъ время:
 Какъ о прошломъ вспомню я,
 Сердце (Богъ тому судья)
 Жметъ невѣдомое бремя!...

или I, 222 (1831):

Не обнажай минувшихъ дней:
 Въ нихъ не откроешь ничего ты,
 За чтобъ меня любить сильнѣй...
 Тебѣ открыть мнѣ было бъ больно,
 Какъ жизнь моя пуста, черна,
 ... недостойнъ я участія...

²⁶ Auerbach, Deutsche Abende, Stuttgart, 1867, статья: „Der Weltschmerz mit Beziehung auf Nicolaus Lenau.“

Будучи недоволенъ не только другими, но и собою, поэтъ, хотя по склонности въ идеализаціи могъ увлекаться иными личностями, вообще началъ презирать людей. Въ 1830 г. онъ писалъ:

Зачѣмъ такъ рано, такъ ужасно
Я долженъ былъ узнать людей? ²⁷

Уже въ тѣ ранніе годы, когда въ Лермонтовѣ пылалъ „жаръ любви къ родинѣ“, какъ и въ героѣ одной задуманной имъ драмы ²⁸, поэтсмъ овладѣвало негодование при видѣ печальной жизни отчизны, гдѣ

. . . . . душно кажется
И сердцу тяжело, и душа тоскуетъ,

и онъ готовъ былъ представить, что

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ. . . .
И пища многихъ будетъ смерть и кровь. . . ²⁹

Да и общее созерцаніе жизни, неизбежныхъ въ ней утратъ и горестей увяданія, помимо всѣхъ личныхъ скорбей, повергало поэта въ глубокое раздраженіе, отравляло для него всѣ радости, дѣлало для него невозможнымъ полное и беззаѣтное увлеченіе даже любовью ³⁰. Уже тогда юношу одолевало убійственное представленіе о ничтожествѣ земнаго существованія, о томъ, что жизнь не даетъ счастья, что она— „горькій даръ“, и воображенію Лермонтова рисовались страшно мрачные образы смерти, въ виду которыхъ, говоритъ поэтъ,

. . . . . изрекъ я дикія провлятья
На моего отца и мать—на всѣхъ людей, *и т. д.* ³¹;

земля казалась ему „гнивѣдомъ разврата, безумства и печали“, а чело-
вѣкъ—„земнымъ червемъ, сыномъ праха и забвенья“ ³². Мысль о смерти не разъ заявляетъ себя въ поэзіи юнаго Лермонтова съ

²⁷ I, 82.

²⁸ IV, 2—7; ср. VI, 54 и 32.

²⁹ I, 21 (ср. VI, 35—36); I, 116.

³⁰ I, 76—77.

³¹ I, 73; IV, 166; I, 79—82. Стихотворенія Лермонтова съ названіями „Ночь“ г. Висковатовъ сближаетъ съ произведеніями Байрона (см., между проч., VI, 88), но ихъ слѣдуетъ сопоставлять также съ „Ночами“ А. де-Мюссе.

³² I, 84. Ср. въ Гамлетѣ II, 2, 320—321: „what is this quintessence of dust?“ и т. п.

силою, почти безпримѣрною въ писателѣ столь молодомъ, какъ, напр., въ стихотвореніи „Одиночество“:

Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный,
 Страданья въ сердцѣ стѣснены,
 И вижу какъ, судьбѣ послушно,
 Годы уходятъ будто сны,
 И вновь приходятъ съ позлащенной,
 Но той же старою мечтой. . . .
 И вижу гробъ уединенной—
 Онъ ждетъ; что-жъ медлить надъ землею?

Повидимому въ Лермонтовѣ не разъ выникала мысль о самоубійствѣ³³.

Уже въ годы юности (1829 и слѣд.) поэтъ говорилъ о „свѣтломъ призракѣ дней минувшихъ“, „быломъ счастья“. Въ настоящемъ уже не было „веселости прекрасной“³⁴, „безпечности, дружескихъ обѣтовъ и отваги“:

Въ сердцѣ ненависть и холодъ
 Водворились!³⁵
 Мой духъ погасъ и состарѣлся . . .
 . . . я теперь, какъ нищій, сирь;
 Брожу одинъ какъ отчужденный!³⁶
 Какъ солнце осени суровой,
 Такъ пасмурна и жизнь моя.
 Среди людей скучаю я³⁷.

Поэтъ уже испыталъ „отчаянныя порывы“³⁸, былъ „измученъ“ „тоской и холодной, и нѣмой“³⁹, былъ удручаемъ „грустью“⁴⁰.

³³ I, 88—89; VI, 69, 83 и 101.

³⁴ III, 50.

³⁵ I, 37.

³⁶ Тамъ-же.

³⁷ III, 50.

³⁸ I, 38.

³⁹ I, 74 и I, 42.

⁴⁰ I, 78.

Его тяготили „жизни сей оковы“⁴¹, и онъ какъ будто радостно готовъ былъ встрѣтить смерть. Онъ писалъ:⁴²

Пора уснуть послѣднимъ сномъ,
Довольно въ мѣрѣ пожилъ я;
Обмануть жизнью былъ во всемъ
И ненавида и любя.

Даже наружность Лермонтова нѣсколько выказывала его душевное настроеніе. И. А. Гончаровъ, напр., такъ обрисовалъ Лермонтова-студента въ своихъ воспоминаніяхъ; „Онъ казался мнѣ апатичнымъ, говорилъ мало и сидѣлъ всегда въ лѣнливой позѣ, полулежа, опершись на локоть“⁴³.

Соотвѣтственно преобладанію скорби и тоски въ настроеніи Лермонтова, онъ былъ почти съ перваго же момента своего творчества чуждъ „вѣжныхъ и веселыхъ пѣсней“, забылъ „сторону свѣтлыхъ вдохновеній“⁴⁴. Въ лирикѣ его по преимуществу выражалось указанное меланхолическое настроеніе со всѣмъ субъективизмомъ, какому благоприятствуетъ этотъ родъ поэзіи. Въ драмѣ это настроеніе достигало нѣкотораго объективированія въ сюжетахъ мрачныхъ, иногда кровавыхъ. Наконецъ, въ эпикѣ поэтъ, душа котораго „съ дѣтскихъ лѣтъ чудеснаго искала“, какъ и „въ умѣ своемъ

..... создалъ мѣръ иной

И образовъ иныхъ существованья“⁴⁵.

И съ той поры онъ не переставалъ во всю свою жизнь находить утѣшеніе въ созданіяхъ своей мечты:

Предъ мною носятя видѣнья,
Жизнь обманувшія мою,
И не рожденный для забвенья,
Я вновь черты ихъ узнаю⁴⁶.

⁴¹ I, 88.

⁴² I, 203; ср. I, 60.

⁴³ Вѣстникъ Европы 1887, № 4, „Изъ университетскихъ воспоминаній“ И. А. Гончарова, стр. 489.

⁴⁴ III, 49.

⁴⁵ I, 165.

⁴⁶ I, 73. Ср. I, 115 и IV, 117:

Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжный.

Воображеніе поэта какъ бы двояко настраивалось согласно раздвоенію, которое онъ переживалъ и которое было причиною его мученій:

. . . . . я любилъ
 Всѣ оболщенья свѣта, но не свѣтъ,
 Въ которомъ я минутами лишь жилъ . . .
 . . . . . всѣ образы мои,
 Предметы мнимой злобы иль любви,
 Не походили на существъ земныхъ.
 О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ! ⁴⁷

Это свидѣтельство поэта о фантастичности и контрастахъ образовъ, наполнявшихъ его воображеніе, мы можемъ принять съ полнымъ довѣріемъ какъ въ силу того, что намъ извѣстно о личномъ характерѣ Лермонтова, такъ и въ виду другихъ примѣровъ столь же пылкой поэтической фантазіи, извѣстныхъ намъ изъ исторіи поэзіи.

Итакъ, образы особыхъ существъ носились передъ воображеніемъ юнаго поэта. Конечно, эти образы не были созданы впервые его воображеніемъ: они были первоначально вычитаны Лермонтовымъ у другихъ и затѣмъ усвоены его пылымъ воображеніемъ, какъ болѣе или менѣе близко подходившіе къ личной душевной жизни поэта, къ раздвоенію, которое онъ испытывалъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „населялъ таинственные сны“ тѣми „полными мукъ мгновеньями“, которыя онъ переживалъ въ „свѣтѣ“.

Въ поэзіи Лермонтова сохранился цѣлый рядъ набросковъ мрачныхъ сюжетовъ. Изъ этихъ поэтическихъ замысловъ Лермонтова вызрѣлъ преимущественно одинъ. Онъ представляетъ особый интересъ, какъ одно изъ самыхъ любимыхъ дѣтищъ поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ,

Очевидно, мечты были любовныя. Ср. извѣстное стихотвореніе „Первое января“ (1840 г.) (I, 286—287), гдѣ, между проч., читаемъ:

Люблю мечты моея созданье
 Съ глазами полными лазурнаго огня,
 Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
 За рощей первое сіянье.

Г. Висковатовъ относить (VI, 28) эту мечту къ предмету первой любви Лермонтова, но это едва ли основательно.

⁴⁷ I, 165; ср. I, 56: Премудрой мыслью выискалъ
 Я въ пѣсни ада, въ пѣсни рая....

какъ принадлежащій въ одной изъ самыхъ грандіозныхъ концепцій міровой литературы.

Сатана интересовалъ поэтическое творчество въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ и имѣетъ весьма длинную исторію въ литературѣ, не лишенную значительнаго интереса, если принять во вниманіе, что надъ поэтическою разработкою этого образа трудились не только народныя массы, но и такіе поэты первостепеннаго таланта, какъ Тассо, Мильтонъ, Гёте, Байронъ, не говоря о множествѣ второстепенныхъ, каковы Фондель, Лесажъ, Клопштокъ и др.

Бѣглый взглядъ на исторію сатаны въ литературѣ⁴⁸ можетъ обстоятельно разъяснить намъ, изъ какихъ элементовъ сложилась личность демона у Лермонтова, и есть ли что оригинальнаго въ этомъ образѣ у нашего поэта. Пройдемъ же спѣшно вдоль длинной поэтической галлерей образовъ демона, въ которыхъ послѣдній предстаетъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Оставивъ совсѣмъ въ сторонѣ болѣе древнія представленія о духѣ зла, мы ограничимся самыми краткими замѣчаніями о видоизмѣненіяхъ въ изображеніи его въ Европѣ новаго времени.

Въ средніе вѣка діаволь долго былъ въ высшей степени грознымъ призракомъ, и одни, фантазія которыхъ подпадала болѣзненному страху, съ ужасомъ отереживались отъ рисовавшагося ихъ воображенію заклятаго врага Божія и противника всѣхъ стремящихся къ добру, и отъ этого тяжелаго кошмара не могли освободиться даже суровые аскеты, проводившіе всю жизнь въ подвигахъ благочестія и, казалось, вовсе не долженствовавшіе бояться врага рода человѣческаго; другіе же совсѣмъ преклонялись передъ мощью діавола и становились его почитателями. Діаволь былъ героемъ множества легендъ, въ которыхъ являлся въ роли искусителя; между прочимъ, средневѣковая фантазія знала

---

⁴⁸ Къ сожалѣнію, г. Н. Котляревскій обошелъ эту исторію, давъ взамѣнъ ея въ своей книгѣ мало идущій къ дѣлу общій очеркъ смѣны типовъ демоническихъ мужичиъ и ангельской доброты женщиъ. Одинъ изъ лучшихъ этюдовъ по исторіи дьявола и различныхъ легендъ о немъ принадлежитъ А. Graf-у и озаглавленъ: *Il Diavolo*; мы имѣли передъ собою Terza edizione, Milano—Frat. Treves. 1890. См. еще *Roskoff*, *Geschichte des Teufels*, I—II Bd., Leipz., 1869; *Baissac*, *Histoire de la diablerie chrétienne*, I, *Le diable*, Paris, и *F. T. Hall*, *The Pedigree of the Devil*, Lond. 1888; *Θ. И. Гуслаевъ*, *Мои досугъ*, ч. II, М. 1886, „Бѣсъ“.

и о томъ, что діаволомъ были обольщаемы дѣвушки⁴⁹, между проч.— монахини. Былъ весьма распространенъ также мотивъ о преніи діавола съ ангеломъ за грѣшную душу⁵⁰. Но въ концу среднихъ вѣвовъ въ повѣстенкахъ потѣшнаго содержанія, каковы Fableaux, діаволь выступилъ въ самой обыденной житейской обстановкѣ, являясь участникомъ нерѣдко глупыхъ и смѣшныхъ приключеній. Въ этихъ веселыхъ рассказахъ въ тонѣ легкой насмѣшки выражается народное представленіе о діаволѣ, и послѣдній предстаётъ какъ чертенокъ-проказникъ, любящій помучить человѣка и пугнуть его, постоянно вмѣшивающійся въ дѣла людей, чтобы толкать ихъ во зло, и нерѣдко при этомъ зло подсмѣивающійся. Діавола винятъ во всѣхъ неудачахъ и во всѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ человѣка. Діаволь отстаётъ-де отъ своей несчастной жертвы лишь въ томъ случаѣ, когда за послѣднюю вступятся Богородица и святые; онъ изобрѣтаетъ тысячи способовъ соблазнять человѣка и является въ различныхъ видахъ, между проч. и въ образѣ женщины; опасаясь, что жертва, которою онъ овладѣлъ, можетъ ускользнуть изъ его власти, діаволь старается поскорѣе умертвить ее. Онъ обладаетъ острымъ и подвижнымъ умомъ, силенъ въ словопреніяхъ и отличный „логикъ“⁵¹. Народная драма послѣднихъ столѣтій средневѣковья, впадая въ фривольность, также надѣлила діавола, получавшаго въ ней все болѣе и болѣе мѣста, ролью комика и интригана, смѣялась надъ нимъ и ставила его въ комическія положенія, при чемъ иногда онъ подвергался потасовкѣ изъ-за человѣческихъ душъ. Этотъ діаволь одновременно и страшенъ и смѣшенъ. Наружность его получила видъ, какой приписывала ему грубая народная вѣра и вслѣдъ за нею средневѣковое искусство: черти

⁴⁹ О такихъ легендахъ XIII в. см. у Л. Ю. Шенелевича: Очерки изъ исторіи средне-вѣковой литературы и культуры, вып. I, Харьк. 1890, стр. 15—26. Подобная вѣра держалась и въ послѣдующее время. См., напр., *U. Molitor* (эта фамилія автора стоитъ въ концѣ книжки), *Tractatus per vtilis de phitonicis mulieribus.*—*Ex Constap. Anno Domini. M. soss. lxxxix.* На одномъ изъ изображеній представлена женщина въ объятіяхъ дьявола, нивѣющаго видъ мужчины.

⁵⁰ См., напр., у *Θ. Д. Батюшкова*: Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средне-вѣковой литературы, С.-Петербургъ 1891, стр. 192.

⁵¹ См. ст. *G. Schiavo*: „Fede e Superstizione nell'antica poesia francese. V. II Diavolo“ въ „*Zeitschrift für romanische Philologie*“, XV (1891), s. 289—317. См. еще *Lenient*, *La satire en France au moyen âge*, Nouv. édit., Par. 1877, p. 89—90, 171 и слѣд., 400 и слѣд.

были снабжены рогами, когтями, хвостами и лошадиными копытами; они черны и т. п.⁵².

На зарѣ Возрожденія Данте помѣстил Люцифера въ самомъ глубокомъ мѣстѣ преисподней, въ центрѣ вселенной, „тамъ, гдѣ льдомъ

Со всѣхъ сторонъ затерты духи злые,
Какъ пузырьки мельбѣя подѣ стекломъ.

„Владыка царства вѣчныхъ слезъ“,

. . . . . возставъ на своего

Творца, таѣзъ гнусенъ сталъ, какъ былъ прекрасенъ⁵³.

Въ „Morgante Maggiore“ Луиджи Пульчи дьяволъ Astarotte добръ, учтивъ, услужливъ и говоритъ съ полнымъ уваженіемъ о Богѣ и христіанской вѣрѣ. Въ поэмѣ Боярдо: „Влюбленный Роландъ“ дьяволъ почти еще отсутствуетъ⁵⁴. У Аріосто же онъ направляетъ Градасса въ походъ на Францію⁵⁵. Въ поэмѣ Тассо сатана воздвигаетъ въ Сиріи и Палестинѣ цѣлый рядъ помѣхъ крестоносцамъ, хотя въ то же время долженъ подчиняться чародѣю въ родѣ Ismeno,

Предъ воимъ самъ Плутонъ дрожалъ

На тартарскомъ престолѣ;

Исменъ, какъ царь, повелѣвалъ,

Располагалъ духами,

И разрѣшалъ ихъ и вязалъ

Волшебными словами.⁵⁶

⁵² О дьяволѣ въ средневѣковомъ театрѣ см. у *Jusserand*, *Le Théâtre en Angleterre*, 1881, p. 50. О костюмѣ демоновъ см. еще въ статьѣ *Bapst*-а: „Etude sur les mystères au moyen âge“—*Revue Archéologique*, nov.-déc. 1891, p. 312, и отдѣльный оттискъ.

⁵³ *Inf.* XXXIV, 11—12, 28, 34—36:

Là, dove l'ombra tutte eran coperte,

E trasparèn come festuca in vetro...

Lo'imperador del doloroso regno...

S'ei fu sì bel com'egli è ora brutto,

E contra 'l suo Fattore alzò le ciglia;

Ben dee da lui procedere ogni lutto.

О демонологіи Данте см. *A. Graf*, *Miti, Leggende e Superstizioni del Medio Evo*, vol. II, Torino 1893, вступл.: „Demonologia di Dante“.

⁵⁴ Есть у Боярдо дьяволъ *Scarpino*, но онъ не играетъ видной роли.

⁵⁵ *Orl. Fur.* XXVII.

⁵⁶ *La Gerusalemme Liberata*, C. II, ott. I: *Ismeno*

Fin ne la reggia sua Pluto spaventa,

E i suoi demon negli empî uffici impiega

Pur come servi, e li discioglie e lega!

Усвоивъ огромную власть дѣвольской силѣ, Тассо явился однимъ изъ выразителей того поворота вспять, который замѣчается во второй половинѣ XVI-го вѣка не только въ Италиі, но и въ Германіи.

Послѣ реформаціи дѣволъ вновь началъ казаться могучимъ врагомъ. Лютеранство въ противоположность раціонализму гуманизма содѣйствовало усилению вѣры въ личнаго дѣвола и его пособниковъ. Изображеніе дѣвола въ сатирѣ Фишарта „Jesuitenhüttlein“ было согласно съ общою видною ролью, какую послѣдователи реформаціи приписывали темной силѣ въ людскихъ бѣдствіяхъ. Протестантская публика XVI-XVII вв. съ ужасомъ созерцала на сценѣ, какъ въ сѣти дѣвола попалъ даже ученѣйшій докторъ Фаустъ.⁵⁷

Въ половинѣ XVII-го в. голландскій католикъ Joost van den Vondel въ своемъ драматическомъ произведеніи о паденіи ангеловъ и человѣка („Luisevaer“, 1654) представилъ гордаго, себялюбиваго, честолюбиваго и завистливаго Люцифера въ величавомъ видѣ героя, полнаго силы и мужества, выдвигая въ то же время въ немъ предостерегающій политическо-аллегорическій примѣръ.

Поэму Vondel-я зналъ, вѣроятно, Мильтонъ. Этотъ великій поэтъ и публицистъ первой англійской революціи и пуританства въ обрисовкѣ сатаны выказалъ огромную мощь таланта и сдѣлалъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ обычнымъ представленіемъ о врагѣ всякаго добра. Мильтонъ отрѣшилъ образъ демона отъ искаженій, которымъ подвергся этотъ типъ въ народной фантазіи, и, напротивъ того, усвоилъ Сатанѣ значительную возвышенность ума и величіе, такъ что Сатана является главнымъ лицомъ въ „Потерянномъ раѣ“, а всѣ остальные личности блѣдны по сравненію съ нимъ и отступаютъ на задній планъ. Поборникъ англійской революціи изобразилъ въ Сатанѣ неукротимо гордаго революціонера-республиканца, побѣжденнаго, но не сломленнаго, не пожелавшаго признавать высшій авторитетъ и предпочитавшаго царство въ аду рабству на небѣ. Сатана Мильтона, „непрестанно помышляя о тщетной борьбѣ съ небомъ“⁵⁸, надменно говорить: „Divided empire with heav'n's King I hold“⁵⁹. Онъ надѣленъ качествами мощнаго начинателя и вождя революціи. Онъ гордъ, исполненъ пламенной ненависти и несокрушимъ въ своемъ мужествѣ.

⁵⁷ См. піесу Марло „Doctor Faustus“ и нѣмецкія театральныя представленія XVII в.

⁵⁸ Paradise lost, II, 8—9.

⁵⁹ Ibid. IV, 111.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не вполне заглохло влеченіе въ добру: увидѣвъ невинную человѣческую чету, Сатана былъ тронутъ почти до слезъ. Онъ все-таки сохранялъ отпечатокъ своего прежняго величія. Онъ Богоподобенъ, какъ и Михаилъ, и не вполне лишился своего прежняго блеска. Въ немъ все еще можно узнать перваго когда-то между ангелами. И въ то же время Сатана Мильтона громаденъ, и видъ его чудовищенъ и страшенъ⁶⁰. Въ общемъ однако образъ энергичнаго, все преодолевающего Сатаны внушаетъ удивленіе читателю поэмы Мильтона и, понятно, производилъ глубокое впечатлѣніе и оказалъ значительное вліяніе на поэтическое творчество. Онъ положилъ начало представленію Сатаны какъ бы съ чертами Промедея библейскаго вѣроученія и былъ первообразомъ гордаго и непримиримаго на всю вѣчность Байронова Люцифера⁶¹.

Но на первыхъ порахъ такое опоэтизированіе Сатаны и оттѣненіе грандіозности его характера не могло еще вполне возобладать надъ обычными вѣрованіями о немъ, и въ XVIII в. демонъ долго еще представалъ въ обрисовкѣ, согласной съ вѣковыми преданіями.

Вслѣдъ за Мильтономъ и Клопштокъ въ изображеніи Сатаны болѣе или менѣе возвратился къ библейскому представленію о демонахъ. Сатана и Абрамелехъ—лишь упорные противники Божіи. Но при этомъ, прославляя Бога, какъ отца любви, Клопштокъ отвергалъ вѣчность адскихъ наказаній, и у этого поэта отпадшій ангель Аббадона въ концѣ будетъ спасенъ и, призванный Спасителемъ, станетъ блаженнымъ, какъ и Сатана примиряется съ Богомъ у нѣкоторыхъ новѣйшихъ поэтовъ. Кающійся Аббадона очень нравился сентиментальнымъ современникамъ Клопштока.

Демонъ Анамелехъ въ идилліи Гесснера „Смерть Авеля“—существо гораздо низшаго порядка, чѣмъ Сатана Мильтона и „глава духовъ“ Байрона, не имѣетъ ни смѣлости тѣхъ демоновъ, ни всего другаго, что внушаетъ удивленіе. Онъ трусливъ и дѣйствуетъ испод-

⁶⁰ По словамъ Мильтона, Сатана, олицетворявшій мощь зла, „равнялся называемому въ баснословіи чудовищному великому Титаниду, или сыну земли, ополчившемуся на Юпитера, Бриарею или морскому звѣрю Левіагану, котораго Богъ сотворилъ огромнѣйшимъ изъ всѣхъ плавающихъ въ пучинахъ океана“ (Ibid., I, 196—202).

⁶¹ Вопросъ объ отношеніи поэмы Мильтона „Потерянный Рай“ къ цѣлому ряду поэтическихъ произведеній на ту же тему, между прочимъ, и къ Фонделеву, разработанъ уже обстоятельно. См. хотя бы замѣтку L. Proescholdt-a: „Eine neue Quelle Miltons“ въ Zeitschrift für Vergleichende Litteraturgeschichte, I Bd. (1886), 81—84.

тишка. Такое изображеніе близко къ народнымъ представленіямъ о діаволѣ, которыя не разъ продолжаютъ выникать и въ творчествѣ новаго времени.

Какъ въ искушеніяхъ св. Антонія Фламандской школы діаволь предстаетъ въ видѣ рогатыхъ чудовищъ, такъ и у Cazotte-а въ повѣсти: „Le Diable AmoureuX. Nouvelle Espagnole“ (1772), которая читается и теперь, находимъ еще сплетеніе средневѣковыхъ мотивовъ: діаволь, въ существѣ безобразный, искушаетъ Dom Alvare-а, для чего принимаетъ видъ прекрасной, обольстительной женщины и прибѣгаетъ также къ другимъ превращеніямъ. Повѣствованію приданъ аллегорическій смыслъ⁶². Діаволь по прежнему являлся также героемъ мелкихъ шутливыхъ повѣствованій, какъ, напр., у Hagedorn-а⁶³.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ XVIII в. онъ долженъ былъ воспринять въ себя скептическое настроеніе того времени, поднявшись, какъ представитель систематической насмѣшки и отрицанія, ступеню выше по сравненію съ средневѣковою своею ролью.

„Хромой бѣсъ“ Лесажа (1707 года), желавшаго дать широкую картину нравовъ Парижскаго общества, сталъ утонченнѣе бѣса той испанской сатирическо-аллегорической новеллы „Diablo

⁶² Oeuvres badines et morales de M. Cazotte. Nouvelle Éd. Corrigée & augmentée. T. IV, Londres 1788, p. 280—281: „Le petit ouvrage que l'on donne aujourd'hui réimprimé & augmenté ....fut inspiré par la lecture du passage d'un auteur infiniment respectable, dans lequel il est parlé des ruses que peut employer le démon quand il veut plaire et séduire. On les a rassemblées, autant qu'on a pu le faire, dans une allégorie où les principes sont aux prises avec les passions: l'âme est le champ de bataille; la curiosité engage l'action, l'allégorie est double, et les lecteurs s'en appercevront aisément“. Въ этомъ эпизодѣ указаны мотивы, заставившіе автора значительно измѣнить содержаніе повѣсти во второмъ изданіи, гдѣ герой устоялъ противъ искушенія. Въ 1-мъ изданіи (A Naples, 1772; на дѣлѣ то было Парижское изданіе), въ Avis de l'éditeur читаемъ, что это произведеніе „est très-moral“. „Il semble que l' Auteur ait senti qu'un homme qui a la tête tournée d'amour est déjà bien à plaindre; mais que lorsqu'une jolie femme est amoureuse de lui, se caresse, l'obsède, le mène et veut à toute force s'en faire aimer, c'est le diable . . . le diable est bien malin; . . . il n'est pas toujours si laid qu'on le dit „(P. vij-vijj). Ср. p. 137, 144 и въ особенности p. 112: „dans toutes les occasions où nous avons besoin de secours extraordinaires pour régler notre conduite, si nous les demandons avec force, dussions-nous n'être pas exaucés“ . . .

⁶³ Объ источникахъ этого разсказа см. въ ст. *Spiridion Wukadinović-a: Die Quellen von Hagedorns „Aurelius und Beelzebub“* въ Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, V, 4 (1892).

сојне)о⁶⁴, которая послужила однимъ изъ источниковъ для французскаго романиста. У испанскаго новеллиста діаволь только чародѣй и сатирикъ. У Лесажа Асмодей понятъ шире. Это—болѣе прочихъ извѣстный въ обоихъ мірахъ и самый занятой изъ всѣхъ бѣсовъ, такъ какъ ему очень много хлопотъ въ свѣтѣ, гдѣ онъ водворяетъ роскошь, всѣ новѣйшія моды, буйство, азартныя игры и химію, карусели, танцевальныя и музыкальныя увеселенія, комедіи, устраиваетъ смѣшныя браки и содѣйствуетъ разврату; это—демонъ сладострастія. Онъ изворотливѣе испанскаго и остроумнѣе въ обнаруженіи передъ своимъ спутникомъ, которому служить изъ благодарности, закулисной стороны человѣческой жизни; онъ зло и вмѣстѣ весело раскрываетъ всю изнанку этой жизни и людскую глупость. Онъ все видитъ, все знаетъ въ прошломъ и настоящемъ (но не въ будущемъ) и, переступая всѣ правила, смѣется надъ всѣми глупостями и пренебрегаетъ всѣми авторитетами.

Изъ-подъ пера Вольтера явилась надъ названіемъ „Бѣднаго чертенка“ („Le pauvre Diable“, 1758) одна изъ самыхъ удачныхъ и язвительныхъ сатиръ его.

Такой же поворотъ въ изображеніи демона замѣчается и въ нѣмецкой поэзіи второй половины XVIII в. Гёте въ письмѣ къ Шиллеру 1799 г. призвалъ сюжетъ Мильтоновой поэмы извѣденнымъ червями, и автору Фауста принадлежитъ преобразование и обновленіе типа демона, между проч. и въ направленіи Лесажа, а не только въ духѣ народныхъ представленій о цинически-провырливомъ бѣсѣ. Библейскій демонъ съежился и сталъ насмѣшливымъ Мефистофелемъ. Последній занятъ совращеніемъ съ пути истины одного изъ даровитѣйшихъ представителей рода человѣческаго, котораго старается завлечь въ свои сѣти искушенія, чтобы доказать, что и этотъ человѣкъ разстанется съ

---

⁶⁴ Новелла эта была написана въ 1641 г. испанскимъ драматургомъ Луисомъ Велесомъ де Гевара (род. между 1570 и 1574 гг., ум. въ 1644 г.), который любилъ, между проч., демоническіе сюжеты. Наружность Асмодея описана у Лесажа такъ: бѣсъ представлялъ „une figure d'homme en manteau, de la hauteur d'environ deux pieds et demi, appuyé sur deux béquilles. Ce petit monstre boiteux avait des jambes de bouc, le visage long, le menton pointu, le teint jaune et noir, le nez fort écrasé; ses yeux qui paraissaient très petits ressembaient à deux charbons allumés; sa bouche excessivement fendue était surmontée des deux crocs de moustache rousse et bordée de deux lèvres sans pareilles“.

Богоподобіемъ, лишь только поставитъ его въ соприкосновеніе съ обольщеніями со стороны зла. Новою чертою въ демонѣ, изображенномъ Гёте, явилось отчетливое отрицаніе дьявольскаго отрицанія: Мефистофель — „духъ, что вѣчно отрицаетъ“⁶⁵ и издѣвается, и въ тоже время онъ подвластенъ чарамъ заклинаній. Онъ „не можетъ ничего уничтожить въ великомъ, и потому начинаетъ съ малаго“. Онъ сознается, что отъ того ему немного проку, — что онъ не можетъ ничего подѣлать съ этимъ „Нѣчто, несуразнымъ міромъ“⁶⁶, считаетъ людей жалкими⁶⁷, но все-таки не прочь еще разъ доказать свое могущество надъ человекомъ, обуреваемымъ безграничными хотѣніями и не находящимъ удовлетворенія ни въ ближайшей дѣйствительности, ни въ познаваніи далекаго⁶⁸. Во вѣдѣніяхъ своихъ Мефистофель не заключаетъ въ себѣ ничего чарующаго.

Демонъ вновь сталъ колоссальною фігурою подъ перомъ величайшаго поэта первой четверти настоящаго вѣка, Байрона, повліявшаго на весь цивилизованный міръ. Байронъ былъ могучимъ выразителемъ идей освобожденія, завѣщанныхъ интеллектуальнымъ и политическимъ движеніемъ второй половины прошлаго вѣка. Онъ протестовалъ противъ всякаго рода утѣшенія, духовнаго и политическаго, питалъ антипатію къ „тихому счастью безстрастнаго духа“, къ спокойнымъ и умѣреннымъ характерамъ, любилъ изображать сильныя страсти, гордыя стремленія, своенравныя натуры съ безпокойнымъ и скептически настроеннымъ умомъ, одержимыя мрачнымъ отчаяніемъ и горькимъ негодованіемъ, имѣлъ въ себѣ нѣчто „сатанинское“ („le satanique“), по выраженію Бодлера, и Сатана явился однимъ

⁶⁵ Faust, I, 3, 984: Ich bin der Geist, der stets verneint!

Ср. ib., I, 4006: Auf Teufel reimt der Zweifel nur.

Мефистофель въ роли неумолимаго насмѣшника выступаетъ въ виршахъ, произнесенныхъ Гёте въ разговорѣ съ Ludep-омъ въ 1806 г., и въ „Zahme Xenien“. Объ имени Мефистофеля см. неудовлетворительную, впрочемъ, ст. *A. Rudolf*-а: „Der Name Mephistopheles“ въ Archiv für das Studium der Neueren Sprachen und Literaturen, LXII (1879), S. 289—318.

⁶⁶ Ib. 1006—1014.

⁶⁷ Ib. I, Prol., 55—56.

⁶⁸ Ib. 59—65.

изъ типическихъ представителей Байроновскаго протеста, что должно отнести отчасти ко влиянію Мильтона ⁶⁹.

Образъ „врага Бога и человѣка“ представляетъ собою у Байрона въ высокой степени законченный типъ. Въ мистеріи „Кайнъ“, лучшемъ изъ драматическихъ произведеній Байрона, возвышенномъ, трогательномъ, но полномъ горечи и чрезвычайной смѣлости, „господинъ духовъ (master of spirits“) является непримиримымъ врагомъ Бога и всего существующаго порядка. Онъ принадлежитъ къ числу душъ, которыя

. . . . . дерзають наслаждаться
Своимъ безсмертьемъ и дерзають также
Всесильному въ глаза смотрѣть и прямо
О томъ, что зло—не благо, говорить.⁷⁰

Люциферъ, какъ и Кайнъ, исполненъ недовольства существующимъ порядкомъ, горькаго негодованія, ненависти къ Всемогущему и не вѣрить въ благость Божію. Рѣчи его дышуть упорствомъ и сомнѣніемъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ неукротимо гордъ. Все это находится въ связи съ его безпокойною натурой, отстаиваніемъ правъ и вультомъ ума. Девизъ Люцифера свазался въ его совѣтѣ Кайну:

Будь независимъ. Умъ свободный можетъ
Царить надъ міромъ. Умъ не ползать долженъ,
Но возвышаться гордо надъ землею.

Уча такъ Кайна, сколь рѣзко отличается Люциферъ отъ Мефистофеля, который старался прежде всего подѣйствовать усыпляющими, чарую-

⁶⁹ Новѣйшій взглядъ—*F. Blumenthal*-я: Lord Byron's Mystery „Cain“ and ist Relation to Milton's „Paradise Lost“ and Gessner's „Death of Abel“ въ Städtische Ober—Realschule und Vorschule zu Oldenburg. Bericht über das 47. Schuljahr 1890—91. Авторъ игнорировалъ предшествующія монографіи объ источникахъ „Кайна“, напр. *Schaffner*-а Lord Byron's „Cain“ und seine Quellen (Страсбургская диссертація 1880 г.). У *Schaffner*-а указаны монографіи о „Кайнѣ“, предшествовавшія его диссертаціи.

⁷⁰ Souls who dare use their immortality,
Souls who dare look the omnipotent tyrant in
His everlasting face and tell him that
His evil is not good....

щими образами на чувство Фауста и побуждалъ послѣдняго отречься отъ умствованій и пуститься поскорѣе въ наслажденіе благами жизни:

Wir müssen das gescheiter machen,
Eh uns des Lebens Freude flieht.⁷¹

Люциферъ умѣетъ мастерски будить мучительныя сомнѣнія въ груди Каина и раздувать въ немъ протестъ противъ предполагаемой несправедливости Божіей. Вознесши Каина въ пространство міровъ, Люциферъ показалъ ему въ теченіе часа, какъ неизмѣримо великъ былъ міръ въ протекшія времена, какъ мелко и ничтожно настоящее и неутѣшительно будущее, и открылъ своему спутнику многія изъ тайнъ міротворенія и мировой жизни. На ряду съ высокими интеллектуальными дарованіями падшій ангелъ надѣленъ у Байрона небесной красотою и мало утратилъ изъ своей первоначальной лучезарности. Меланхолическій отпечатокъ несчастія, сообщенный его образу⁷², внушаетъ участіе къ нему⁷³, и привлекательности діавола поддается не только Каинъ, но и Ада, которая говоритъ:

Пришельцу, что́ стоитъ передо мной,
Я отвѣчать не въ силахъ; не умѣю
Противиться и на него смотрю
Съ пріятнымъ, тайнымъ страхомъ; убѣжала бъ,
Но не могу. Его блестящій взглядъ
Своавъ меня своей могучей силой;
Въ груди трепещетъ сердце . . . онъ страшитъ
И въ то же время ближе всё и ближе
Влечетъ къ себѣ⁷⁴ . . . .

⁷¹ Faust, I, 8, 1095—1092 и 1464—1465.

⁷² Сравнивая Люцифера съ ангелами, Ада говоритъ:

Не лучезаренъ ты, быть-можетъ, какъ они,
Но кажешься прекраснѣ ихъ и выше.

⁷³ Ада говоритъ: „ты кажешься несчастнымъ“, а Каинъ называетъ Люцифера „вѣчно грустнымъ“.

⁷⁴ . . . . . I cannot abhor him;
I look upon him with a pleasing fear;
And yet I fly not from him; in his eye
There is a fastening attraction which
Fixes my fluttering eyes on his; my heart
Beats quick; he awes me, and yet draws me near,
Nearer and nearer.

Ср. слова Ады: „Thou seem'st Like an ethereal night“ и проч.

Въ мистеріи Байрона „Heaven and Earth“ (Небо и земля)⁷⁵ лишь мелькомъ поминается Сатана. Творецъ

. . . . . отдѣлили могучаго его
 Отъ духовъ остальныхъ и въ славу міроздавца
 Оставилъ средь небесъ вращаться одного,
 Подобно солнцу межъ туманными звѣздами.
 Онъ былъ прекраснѣй дня . . . .
 О, небо и земля, кто кромѣ лишь Того,
 Кто править міромъ всѣмъ, кто силой и красотою
 Сравниться въ небѣ могъ съ могучимъ Сатаною?

Но

. . . . . его огненной волѣ
 Было легче страдать, чѣмъ покорствовать долѣ.

Въ мистеріи „Небо и земля“ выведены ангелы, которые пали, поддавшись земной любви. Исходнымъ пунктомъ для Байрона послужило толкованіе повѣствованія 2-го ст. VI-й главы Книги Бытія въ такомъ именно смыслѣ и апокрифическая книга Эноха⁷⁶. Въ разсматриваемой мистеріи изображена, между проч., взаимная любовь Аны и Аголибамы, принадлежавшихъ въ потомству Каина, и серафимовъ Азасила и Саміазы; любовь земныхъ дочерей эти ангелы предпочитаютъ небесной святости и блаженству, пребыванію „межъ звѣздъ и престола“, Раю и счастью тысячъ лѣтъ, и съ наступленіемъ потопа хотятъ унести своихъ милыхъ на одну изъ планетъ, становясь открытыми мятежниками противъ Бога. Байронъ имѣлъ въ виду чисто „человѣчный интересъ“ („all the human interest“) этой исторіи, каковой онъ, по его собственнымъ словамъ, „старался сообщить даже ангеламъ“. Въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе въ этой мистеріи прекрасная, задумчивая, кроткая, невинная, повор-

⁷⁵ О ней см. диссертацию *G. Мауна*: Ueber Byron's „Heaven and Earth“, Breslau (1887). Написана эта мистерія въ октябрѣ 1821 г., напечатана впервые въ 1822 г.

⁷⁶ У Мильтона слѣды этой легенды—въ кн. V, ст. 447—448 „Потеряннаго Рая“ и въ кн. XI, ст. 622 и слѣд.

ная и любящая робко и съ полною преданностію, Ана. Она мало

. . . . . похожа на суровыхъ
И горделивыхъ Каина потомковъ,
За исключеньемъ дивной красоты,
Равно имъ всѣмъ ниспосланной отъ Бога.

Она—образецъ чистѣйшей женственности со всею нѣжностію чувства, присушекъ женщинѣ. Она любитъ Бога и относится къ Его волѣ съ покорностію,—не такъ, какъ ея сестра Аголибама и остальное потомство Каина. Ану страстно обожаетъ мечтательный и сентиментальный Іафеть, но она задумчиво возводитъ свои взоры къ звѣздамъ и любитъ Азавила, и послѣдній возноситъ ее съ собою въ вышнія сферы, со словами:

. . . . . Оставимъ, Ана, эту
Тюрьму изъ праха, созданную Богомъ,
Къ которой вновь стихія подступаютъ,
Чтобъ превратить ее въ хаосъ, какъ было . . . .
Свѣтлѣйшій міръ чѣмъ этотъ мы увидимъ,
Гдѣ будешь ты дышать эфиромъ жизни.

Но брачный союзъ небожителей съ дочерьми праха былъ невозможенъ и не могъ принести счастья ни тѣмъ ни другимъ, и о томъ пророчески говорятъ и Іафеть, и Ной, и Рафаилъ ⁷⁷.

Почти одновременно съ Байрономъ ту же тему о взаимной любви ангеловъ и дочерей земли разработалъ англійскій же поэтъ Томасъ Муръ въ поэмѣ „The Loves of the angels“, выпущенной въ свѣтъ до выхода Байроновой мистеріи. Мура плѣнила въ этой фабулѣ не только пригодность ея для поэтической обработки, но и возможность внесенія въ нее аллегорическаго смысла, прообразующаго судьбу души, лишасящейся первоначальной чистоты и подпадающей наказаніямъ за гордость и дерзновенную попытку проникнуть во вну-

⁷⁷ Во второй, не написанной, части рассматриваемой мистеріи, Байронъ предполагалъ-было изобразить осужденіе ангеловъ и гибель ихъ спутницъ, поглощенныхъ въ концѣ концовъ волнами потопа.

шающія благоговѣнныя тайны Божіи ⁷⁸. У Байрона исторія любви ангеловъ и дочерей человѣческихъ не развита вполне: изображенъ лишь одинъ моментъ ея,—средній, тотъ, когда начиналась гибель Каинова потомства въ волнахъ потопа; у Мура же трое ангеловъ, любившихъ земныхъ дѣвъ, передаютъ полностью главнѣйшія обстоятельства своихъ отношеній съ этими дѣвами, включая и конецъ послѣднихъ, и чрезъ все это повѣствованіе сквозитъ довольно замѣтно аллегорическій смыслъ, указанный авторомъ въ предисловіи.—При сопоставленіи поэмы Мура съ Байроновой мистеріей явственно выступаетъ различіе міровоззрѣній того и другаго поэта. У Байрона постоянно проглядываетъ пессимизмъ какъ въ рѣчахъ почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и въ изображеніи ихъ судьбы. У Мура же ангелы, полюбившіе дочерей человѣческихъ, также наказаны Богомъ, но не ропщутъ на Него и не озлоблены противъ Него. Возлюбленная перваго ангела сразу становится блаженной, а третій ангелъ, носящійся въ пространствѣ вмѣстѣ со своею подругою подобно Дантовымъ Паоло и Франческѣ, будетъ принятъ со временемъ въ небо въ награду за вѣру въ Бога. У Мура, слѣдовательно, повѣствованіе не мрачно протестующее, а примиряющее съ приговорами Промысла, благо устрояющаго, мудраго и справедливаго.

Лишь самое отдаленное отношеніе къ сюжету Лермонтовскаго „Демона“ имѣетъ одинъ изъ эпизодовъ романа Мура *Lalla Rook*, именно—носящій заглавіе „*Paradise and the Peri*“, но интересно, что на сродный „Демону“ сюжетъ наталкивалъ Байронъ Мура въ письмѣ отъ 28 августа 1813 г. „Я придумалъ было—писалъ Байронъ—исторію, основанную на любви Пери къ смертному, нѣчто въ родѣ „Влюбленнаго бѣса“ Казотта, но въ болѣе филантропическомъ родѣ. Въ нее однако потребовалось бы вложить пропасть поэзіи, а по части нѣжнаго чувства я не мастеръ. Вотъ причина, въ связи съ нѣкоторыми

---

⁷⁸ In addition to the fitness of the subject for the poetry, it struck me also as capable of affording an allegorical medium, through which might be shadowed out (as I have endeavoured to do in the following stories) the fall of the Soul from its original purity—the loss of light and happiness which it suffers, in the pursuit of this world's perishable pleasures—and the punishments, both from conscience and Divine justice, with which impurity, pride, and presumptuous inquiry into the awful secrets of God, are sure to be visited. The Loves of the angels, a poem, By Thomas Moore, Preface.

другими, побудившая меня отказаться отъ этой темы, которую я вамъ предлагаю единственно въ предположеніи, что вы могли бы ею воспользоваться“⁷⁹.

Новый, весьма возвышенный и поэтичный, полетъ творческой фантазій въ обработкѣ мотива о любви падшаго ангела къ женщинѣ сказался въ „мистеріи“ Альфреда де-Виньи „Éloa, ou la Soeur des anges“, написанной въ 1823 г. и вышедшей въ свѣтъ въ 1824 г.⁸⁰: Элоа, сестра ангеловъ, происшедшая изъ слезы Спасителя, пролитой при видѣ умершаго Лазаря,⁸¹ увлекаемая любопытствомъ, спустилась въ низшую сферу, гдѣ усилилось зародившееся въ ней ранѣе состраданіе къ Сатанѣ, и она согласилась раздѣлить скорбную участь послѣдняго. Въ задуманной, но не выполненной поэмѣ „Satan sauvé“ de Vigny хотѣлъ представить Сатану спасеннымъ любовью Элоа⁸². Этимъ вполне выясняется возвышенная основная мысль поэмы de Vigny, оригинально внесенная имъ въ старую легенду⁸³: поэтъ хотѣлъ символически представить всю глубину состраданія, къ какому способна высшая любовь, любовь невинной души, даже въ отношеніи къ крайнему злу, къ существу вполне грѣховному, въ которомъ ангельская душа усматриваетъ лишь наиболѣе

⁷⁹ По мнѣнію г. Тр-н-скаго, „Сѣверный Вѣстникъ“ 1891, № 12, стр. 102, Лермонтовъ могъ обратить вниманіе на это мѣсто „Мемуаровъ“ Байрона, „которые онъ усердно перечитывалъ въ дѣне свои годы (1828—1832 гг.)“, и „первая идея поэмы „Демона“ была заимствована отсюда“. Послѣднее замѣчаніе, какъ вскорѣ увидимъ, не вѣрно; можно сказать только, что въ поэмѣ Лермонтова уцѣлѣлъ слѣдъ знакомства его съ поэмою Мура въ словахъ: „какъ Перси спящая мила“ и т. д.

⁸⁰ Asselineau, Bibliographie romantique, Trois. éd., Paris MDCCLXXIV, p. 279. Первоначально de Vigny хотѣлъ дать своей поэмѣ заглавіе „Satan“.

⁸¹ Ср. у Клопштока происхожденіе Аббадонны изъ улыбки Іеговы и перенесеніе молитвы Христа на небо. У нѣмецкаго поэта имя Элоа носитъ первый изъ ангеловъ, возншениѣйшій и наччаще посылаемый Богомъ для исполненія Его велѣній.

⁸² Тогда исполнилось бы то, о чемъ пѣли хоры небесныя при появленіи Элоа:

Quand elle aura passé parmi les malheureux,
L'esprit consolateur se répandra sur eux.

Poèmes par le comte Alfred de Vigny. Cinquième édition. Brux. MDCCLXXXIV, p. 85.

⁸³ Легенда о слезѣ Спасителя возникла еще въ средніе вѣка. См. нашу монографію: „Сказаніе о св. Граалѣ“, К. 1877, стр. 197, прим. 2. Другія данныя для исторіи этой легенды будутъ указаны нами въ приготавливаемой нами къ печати новой монографіи о Граалѣ.

достойное жалости изъ самыхъ несчастныхъ существъ ⁸⁴; далѣе, онъ задумывалъ показать и всю силу, присущую такому состраданію, возможность для послѣдняго переродить зло любовію. Идея эта, несмотря на недостатки и промахи въ художественномъ выраженіи ея ⁸⁵, столь увлекала читателей, что поэма де-Виньи встрѣтила восторженные отзывы во Франціи ⁸⁶ и не перестаетъ доселѣ находить весьма благосклонную оцѣнку.

Въ то самое время, когда слагалась поэма Лермонтова о демонѣ, послѣдній привлекалъ вниманіе и нѣмецкихъ романтиковъ. У нихъ Сатана получилъ особое истолкованіе въ смыслѣ міровой силы, какъ бы играющей творческимъ процессомъ ⁸⁷. Immermann, представившій драматическую обработку средневѣковаго сказанія о волшебникѣ Мерлинѣ, въ которой хотѣлъ соперничать съ Гётевскимъ Фаустомъ, удѣлилъ видное мѣсто въ своей миѣческой драмѣ („Merlin, Eine Mythe“, 1832) Сатанѣ, который предстаётъ то какъ отвратительное чудище, то какъ „прекрасный князь міра“, провозвѣстникъ лъбующей чувственности и чувственного наслажденія, богъ весны, сочетавающій

⁸⁴ Когда Элоа узнала исторію Люцифера,

La tristesse apparut sur sa lèvre glacée
Aussitôt qu'un malheur s'offrit à sa pensée.... (P. 86).
Et toujours dans la nuit un rêve lui montrait
Un Ange malheureux qui de loin l'implorait (P. 88) и т. п.

⁸⁵ Таковы, напр., подробности о небожителяхъ въ родѣ слѣдующей:

Un Ange eut ces ennuis qui troublent tant nos jours...
Éloa s'écartant de ce divin spectacle,
Loin de leur foule et loin du brillant Tabernacle,
Cherchait quelque nuage où dans l'obscurité
Elle pourrait du moins rêver en liberté (P. 86—87).

⁸⁶ В. Гюго, по выходѣ „Éloa“, помѣстилъ восторженный отзывъ о ней въ „La Muse Française“. Теофиль Готье назвалъ это произведеніе прекраснѣйшей поэмой, быть можетъ самой совершенной на французскомъ языкѣ. См. *Biré, Victor Hugo avant 1830, Paris, Nantes 1883, pp. 317—324.* De Vigny писалъ Гюго о своей поэмі: „Je le crois supérieur à tout ce que j'ai fait... Cette composition s'est beaucoup étendue sous mes doigts, elle renferme d'immenses développements“.

⁸⁷ Въ „Hexensabbath“ Тика читаемъ: „Und was ist Luzifer? Die Kraft, die die Welt, die Bewegung, das Leben der Natur, Geist und Strömung der Materie in Bewegung setzt und durch scheinbare Vernichtung schafft, und durch scheinbare Schöpfung vernichtet“.

въ себѣ пріятность съ величавостію⁸⁸. Вопреки ученію Христа объ отреченіи отъ міра Сатана желалъ бы удержать пеструю, показную красоту на землѣ. Онъ овладѣлъ благочестивою, невинною дѣвушкой Кандидой, когда она, пришедши однажды къ знакомому отшельнику и оставшись за позднимъ временемъ ночевать въ одной ближней пещерѣ, отошла ко сну, позабывъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. Сатана надѣялся, что сынъ его отъ этой дѣвушки, Мерлинъ, явится противникомъ Христа и покорнымъ и крѣпкимъ орудіемъ демоническаго ученія; но онъ ошибся въ своемъ расчетѣ, такъ какъ Мерлинъ унаслѣдовалъ на ряду съ чувственностію, демоническою мощью деміурга и обширнѣйшимъ, нечеловѣческимъ, знаніемъ, благочестіе и мягкій нравъ своей матери, скорбѣвшей о своей участи и невинно погибшей послѣ рожденія сына, и потому мучился своимъ существованіемъ. Онъ былъ пророкъ, помышлявшій о спасеніи челоуѣчества, но не могшій осуществить своихъ идей, такъ какъ попытки его примирить чувственность и духъ были безуспѣшны. Мерлинъ хотѣлъ бы устранить произведенное Христомъ раздвоеніе въ мірѣ. Онъ признаетъ въ своемъ отцѣ, Сатанѣ, творца Деміурга, съ почтеніемъ называетъ его имя⁸⁹ и, самъ того не замѣчая, дѣйствуетъ ему въ руку, но не поддается сознательно внушеніямъ его и, чуждый эгоизма, вполне отдающійся міровому цѣлому⁹⁰, поносимый Сатаною, до конца держится вѣры въ Бога. Мерлинъ весьма печально оканчиваетъ свою жизнь,

⁸⁸ *Immermann*, Merlin, eine Mythe, 688—686:

—Merlin: Ich grüsse dich, du schöner Fürst der Welt!
—Satan: So werd' ich stets den Adligen mich zeigen.
Die Missgestalt ist mir nur eigen
In der Plebejer Phantasie.

⁸⁹ Merlin, 756:

Was kümmert dich der Wahn der Laffen?
Du bist der Demiurgos, Schöpfer; wir erkennen,
Wir Wissenden dich an, und deinen Namen nennen
Wir achtungsvoll . . .

⁹⁰ *Ibid.*, 1637—1654. Здѣсь Мерлинъ говоритъ о себѣ между прочимъ слѣдующее:

Weil ich denn ganz mich an das All verschenkt',
Hat sich das All in mich zurück gelenkt,
Und in mich wachsen, welken, ruhn und schwanken
Nicht meine, nein! die grossen Weltgedanken.

поднавъ, въ ослѣпленіи своей чувственности, чарамъ магическаго слова, которое самъ же открылъ своей возлюбленной. Наиболѣе оригинально въ этой трагедіи представленіе Сатаны какъ бы древнимъ, стѣсненнымъ въ своихъ правахъ, Титаномъ, родственнымъ кое въ чемъ гностическому Деміургу⁹¹.

Разсмотрѣнное произведеніе Immermann-а врядь ли было извѣстно Лермонтову, какъ не могли повліять на зарожденіе и развитіе идеи „Демона“ произведенія о Фаустѣ, явившіяся въ нѣмецкой литературѣ первыхъ 40 лѣтъ настоящаго вѣка, въ томъ числѣ „Фаустъ“ Ленау, въ мысли котораго въ 1832 г. также носилось „цѣлое гнѣздо юныхъ привидѣній“. Осталась, далѣе, безъ вліянія на Лермонтовскаго „Демона“ поэма Ламартина „La chute d'un ange,“ явившаяся позднѣе (1838), а также драматическая фантазія Крашевскаго „Szatan i kobieta“ (1841). Далекъ отъ основной идеи Лермонтовскаго „Демона“ и „Гимнъ Сатанѣ“ новѣйшаго итальянскаго поэта Карлуччи, у котораго въ лицѣ Сатаны олицетворена „непобѣдимая сила человѣческой мысли,“ а также „великое начало и душа всего сущаго,“ и который привѣтствовалъ въ Сатанѣ „*ribellione*“ и „*forza vindice della ragione*“⁹².

Въ нашей новѣйшей литературѣ А. С. Пушкинъ въ стихотвореніи „Демонъ“ (1824 г.), если не ошибаемся, одинъ изъ первыхъ изобразилъ

⁹¹ Immermann такъ охарактеризовалъ своего Сатану: „*Mein Satan ist nicht der Mephistopheles, der böse Lakai Gottes; er ist der alte berechtigte Titan, dem Unrecht geschehen, und hat etwas vom gnostischen Demiurgos.*“ См. еще слова Мерлина Сатанѣ, V. 856 fgde:

Du kamst ja nur von ihm, und warst der Diener dessen,
Der dich zum Werke günstig auserkoren....
Er hat in dir sich als den Hass gesetzt,
Weil überschwenglich ihn die Liebe zog... и т. п.

⁹² Орывки изъ „Фауста“ Ленау явились въ печати впервые въ 1835 г., цѣликомъ же вышло первое изданіе въ 1836 г. Русскій переводъ см. въ „Пантеонѣ Литературы“ 1892, № 1 и 2. Въ 1838 г. Ленау писалъ, что въ Мефистофелѣ онъ хотѣлъ отложить всю свою адскую матерію, которую тотъ уже „*beladen wie ein Steinesel. Wenn er nur nicht überhaupt ein Esel ist.*“—Гимнъ Карлуччи написанъ въ одну сентябрьскую ночь 1863 г., напечатанъ въ 1865 г. На русскомъ языкѣ о немъ можно прочесть въ статьѣ С. Г.: „Очерки новѣйшей итальянской поэзіи“, Вѣстникъ Европы 1883, № 5, стр. 229—231.

„злбнаго генія,“ который „тоской внезапной осынил“ „часы надеждъ и наслажденій“ поэта:

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистоцимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Быть можетъ, въ этомъ образѣ надо усматривать крайне рѣзкое обособленіе и наиболѣе яркое закрѣпленіе цѣлаго періода духовнаго развитія Пушкина, когда онъ впалъ въ юношеское разочарованіе и поддался скептицизму вопреки задаткамъ своей природы, обладавшей неисчерпаемыми силами идеализма; быть можетъ, слѣдуетъ признать вмѣстѣ съ г. Поливановымъ⁹³, что „Демонъ“ Пушкина имѣетъ значеніе эскиза, который, будучи законченъ, остался отдѣльнымъ этюдомъ на пути созданія Онѣгина во II-й главѣ романа. Но весьма вѣроятно при этомъ, что Пушкинъ, при обрисовкѣ образа своего демона, имѣлъ въ виду черты Гетевского демона. Оттуда-то подробность объ искушеніи Провидѣнія клеветою. Не лишено, далѣе, значенія, что Вениитиновъ въ стихотвореніи, написанномъ, вѣроятно, послѣ Пушкинскаго „Демона,“ выразился о Гѣте:

„Наставникъ нашъ, наставникъ твой“.

Необходимо, наконецъ, признавать полное значеніе за тѣмъ изъясненіемъ, которое самъ Пушкинъ давалъ созданному имъ образу демона: „Въ лучшее время жизни сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго... Мало по малу вѣчныя противорѣчія существен-

⁹³ См. ст. г. *Поливанова*: „Демонъ Пушкина. На основаніи новаго пересмотра рукописей поэта“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1886, № 8, стр. 827—850, и Сочиненія Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики, Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы, Т. I, М. 1887, стр. 141—145.

ности рождаютъ въ немъ сомнѣніе... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души. *Недаромъ великій Гёте называлъ вѣчнаго врага человечества духомъ отрицающимъ...* И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ „Демонѣ“ олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ *приятной* картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка? Интересъ Пушкина въ „Фаусту“ Гёте доказывается написанною нашимъ поэтомъ „Сценою изъ Фауста“ (1825 г.), въ которой Кюхельбеверъ усматривалъ первоисточникъ основнаго настроенія „Героя нашего времени.“ По словамъ Бѣлинскаго, эта сцена—не что иное, какъ развитіе и распространеніе мысли, выраженной Пушкинымъ въ его стихотвореніи „Демонъ.“

Пушкинъ, въ своей творческой выработкѣ образа демона, не остановился на однѣхъ отрицательныхъ чертахъ характера демона. „Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,“ презиравшій и ненавидѣвшій міръ, не вполнѣ утратилъ идеализмъ въ представленіи Пушкина. Въ стихотвореніи „Ангелъ“ (1827 г.) „мрачный и мятежный“ демонъ изображенъ въ тотъ моментъ, когда онъ узрѣлъ ангела, сіявшаго „въ дверяхъ Эдема:“

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ....

И демонъ призналъ, что для него не прошло безслѣдно созерцаніе лучезарнаго ангела:

Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

Отсюда уже не далеко переходъ къ тому представленію о демонѣ, которое найдемъ у Лермонтова.

Вотъ въ какихъ разнообразныхъ обрисовкахъ предстаётъ демонъ въ мировой литературѣ: онъ является то въ величавомъ видѣ вождя возстанія противъ неба въ началѣ міра или въ крупныхъ событіяхъ человѣческой исторіи (Книга Бытія, Данте, Тассо, Фондель, Мильтонъ, Клопштокъ), то какъ искуситель отдѣльныхъ личностей съ цѣлью завлечь ихъ въ сѣти ада, какъ искуситель, который, по выраженію Фауста, „не будучи въ силахъ разрушать великое, началъ разрушать по мелочамъ“ (церковныя легенды, Марло, Кальдеронъ, Гёте), то въ

видѣ мелкаго интригана (повѣстенки и драмы среднихъ вѣвовъ); въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ его изображали соблазнителемъ дѣвѣ изъ желанія имѣть отъ нихъ сына, который могъ бы противопоставить отпоръ искупленію рода человѣческаго Христомъ (средневѣковые романы о Мерлинѣ и драма Иммерманна), или вообще изъ злостнаго умысла лишать небо лицъ, ему дорогихъ и угодныхъ (легенды объ искушеніи дѣвѣ, поэма де Виньи); въ новѣйшее время діаволъ оказывается представителемъ протеста и отрицанія во имя глубокой мысли, которой исполненъ (таковы Люциферъ Байрова и отчасти Гётевскій Мефистофель и Пушкинскій демонъ).

Ознакомившись съ исторіею Сатаны въ міровой поэзии, мы можемъ основательнѣе выяснитъ и оцѣнитъ образъ демона, созданный Лермонтовымъ.

Демонизмъ началъ занимать Лермонтова съ 15-тилѣтняго возраста (съ 1829 г.), если не ранѣе,—съ того времени, когда и нашъ юный поэтъ, проникшись недовольствомъ собою и всѣмъ остальнымъ, исполнился присущей Байронову Каину неудовлетворенности своимъ существованіемъ, боязни и ненависти къ смерти, которая должна прекратить это существованіе, признавъ, что жизнь не имѣетъ цѣны потому, что должно умереть, и пересталъ находить удовлетворительное объясненіе въ догмѣ преданія. Все это сближало Каина съ Люциферомъ, а нашего поэта съ тѣмъ и другимъ. Подобно Байронову Каину и Лермонтовъ началъ говорить, что Богъ создалъ человѣка только для сграданій и смерти; и Лермонтовъ готовъ былъ усматривать въ людской судьбѣ дѣло Божіей несправедливости и протестовать противъ послѣдней подобно Люциферу и злымъ духамъ „Неба и Земли;“ и Лермонтовъ готовъ былъ восклицать столь же горестно, какъ Іафетъ, послѣдними словами котораго въ мистеріи „Heaven and Earth“ былъ возгласъ:

Why, when all perish, why must I remain? ⁹¹.

⁹¹ См. выше и приведенное ниже заключеніе втораго очерка „Демона“ (III, 74). Въ раннихъ произведеніяхъ Лермонтова и въ тѣхъ выдержкахъ, которыя мы заимствовали изъ нихъ, напр., въ замѣчаніяхъ о томъ, что Богъ создалъ насъ для мученій (ср. „Каинъ“, I, сд. 1, и „Небо и Земля“, слова хора смертныхъ въ концѣ), мы встрѣтили не разъ совпаденіе съ идеями героевъ Байрона, являвшихся въ своихъ рѣчахъ выразителями мыслей самого Байрона, что можно сказать, напр., о Люциферѣ и Каинѣ. Мы сочли излишнимъ отмѣчать всѣ эти совпаденія въ частности.

Понятно послѣ этого, какъ Лермонтовъ пришелъ къ созданію своего „Демона.“

Самъ поэтъ о своемъ увлеченіи этимъ любимымъ его образомъ демона сообщаетъ слѣдующее:

[Бѣсовъ вообще рисуютъ безобразныхъ.]
 Но я не такъ всегда воображалъ
 Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
 Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
 Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
 Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
 Такой волшебной-сладкой красотою,
 Что было страшно . . . И душа тоскою
 Сжималася—и этотъ дивный бредъ
 Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.⁹⁵

Очевидно, этотъ поэтический образъ вырѣзалъ въ воображеніи Лермонтова долго и постепенно.

Уже въ годъ составленія первой редакціи поэмы „Демонъ“ (1829) поэтъ питалъ особый интересъ къ герою ея и началъ открывать въ себѣ демонизмъ. Въ стихотвореніи „Демонъ“ Лермонтовъ говоритъ:

Собранье золь—его стихія . . .
 . . . . . унылъ и мраченъ онъ . . .
 Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
 Онъ презрѣлъ чистую любовь . . .⁹⁶

Быть можетъ, вслѣдъ за Пушкинымъ⁹⁷, еще не возвысившись до гордаго отношенія Манфреда къ адской силѣ, Лермонтовъ надѣлилъ де-

⁹⁵ II, 334—335. Ср. въ стихотв. „В. Л.“ (1830: I, 89):

Нѣтъ, я не требую вниманья
 На *грустный бредъ души* моей . . .

и въ посвященіи „Демона“ В. А. Б. 1838 г. (III, 4):

И не узнаешь здѣсь простого выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ;
 И примешь за игру иль сонъ воображенья
 Большой души *тяжелый бредъ*....

⁹⁶ I, 45.

⁹⁷ См. разсмотрѣнное выше стихотвореніе послѣдняго „Демонъ“ 1823 г. и примѣч. къ нему въ изд. Морозова, т. I, Сиб. 1887, стр. 292—293.

мона особою ролью, какъ бы ролью древне-греческаго *δαίμων*, духа, живущаго въ людяхъ, и вмѣстѣ значеніемъ голоса, немолчно смущающаго нашу душу указаніями на то, что есть мрачнаго, прискорбнаго и враждебнаго челоуѣку въ міропорядкѣ⁹⁸. Лермонтовъ сдѣлалъ демона своимъ спутникомъ въ жизни и отчасти усвоилъ ему роль, какую Мефистофель игралъ въ отношеніи къ Фаусту. На первыхъ порахъ поэтъ не доходилъ еще до полнаго сближенія себя съ демономъ⁹⁹, хотя въ Лермонтовѣ, по его собственнымъ словамъ, съ самаго ранняго дѣтства жилъ „мятежный духъ,“ и нашъ поэтъ, имѣя шестнадцать-семнадцать лѣтъ, отличался уже „язвительно-насмѣшливой улыбкой“¹⁰⁰, и у него „былъ всегда злой умъ и рѣзкій языкъ“¹⁰¹. Два года спустя послѣ первыхъ обнаруженій интереса къ демону Лермонтовъ опредѣлилъ еще яснѣе значеніе, какое должно было принадлежать демонизму въ его жизни:

И гордый демонъ не отстанеть,
Пока живу я, отъ меня
И умъ мой озарять онъ станеть
Лучемъ чудеснаго огня.
Покажетъ образъ совершенства
И вдругъ отниметь навсегда
И, давъ предчувствіе блаженства,
Не дастъ мнѣ счастья никогда¹⁰².

⁹⁸ Этотъ демонъ какъ бы то же, что геній въ другомъ стихотвореніи, написанномъ въ томъ же 1829 г. („Къ Генію“: I, 31). О понятіи демоническаго см., между проч., у А. Metz-a: *Über Wesen und Wirkung der Tragödie*, Berl. 1886, S. 13-15 и примѣч. 3.— Изъ Байронова „Манфреда“ имѣемъ въ виду заключительныя слова Манфреда къ духу въ послѣдней сценѣ этой поэмы.

⁹⁹ См. III, 49—50, посвященія 1-е и 2-е „Демона“.

¹⁰⁰ Записки Хвостовой, 78.

¹⁰¹ Тамъ-же, 90; ср. 241 о послѣднемъ времени жизни Лермонтова. И въ концѣ своей жизни Лермонтовъ выказывалъ въ себѣ, по словамъ Панаева, „никогда что-то сатанинское и Байроническое, прозительныя взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, страсть показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже задоръ бретера“.

¹⁰² I, 218. Это стихотвореніе 1831 г. представляетъ, очевидно, передѣлку перваго, носящаго то же названіе: „Мой демонъ“ и написаннаго въ 1829 г. (I, 45-46). Ср. въ поэмѣ Лермонтова 1830-31 г. обрисовку демона тѣми же чертами—Стихотвореніе А. С. Пушкина, напечатанное въ „Мнемозинѣ“ 1824 г. и перепечатанное въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1825 г., также носило заглавіе: „Мой демонъ“.

Въ томъ самомъ 1831 г., къ которому относится второе стихотвореніе съ заглавіемъ: „Мой Демонъ“, Лермонтовъ писалъ:

Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
 Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ ¹⁰³.
 Никто не дорожитъ мной на землѣ,
 И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ.
 Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
 Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
 Толпѣ кажуся.... ¹⁰⁴

Въ 1832 г. Лермонтову не нравились люди обычные: „Всѣ люди— такая тоска: хотъ бы черти для смѣха попадались“ ¹⁰⁵. Въ 1831—1832 гг. Лермонтовъ воплотилъ черты демонизма въ горбачѣ-Вадимѣ, героѣ неоконченной его повѣсти, въ которомъ изобразилъ отчасти собственную душевную жизнь. ¹⁰⁶

Сопоставляя себя съ образомъ демона, какой лепѣлъ въ своемъ воображеніи, Лермонтовъ открылъ по малу мало и въ самомъ себѣ много родственнаго этому неотступному спутнику людскихъ заблужденій, скорбей и горя. Въ посвященіи ко второй редакціи „Демона“ уже находимъ сближеніе автора съ демономъ ¹⁰⁷, и дѣйствительно въ Лермонтовской поэзіи тѣхъ лѣтъ можно открыть немало тоновъ, сходныхъ съ настроеніемъ демона, какъ послѣдній изображенъ Лермонтовымъ. Въ нашемъ поэтѣ воплотилось отчасти самосознаніе вольнодумца XVIII-го вѣка, превозносившаго мощь разума, Вольтеровскій демонизмъ, гордая

¹⁰³ I, 218.

¹⁰⁴ I, 165.

¹⁰⁵ V, 383.

¹⁰⁶ V, 1 и III, 117.

¹⁰⁷ III, 55:

Какъ демонъ хладный и суровый,
 Я въ мірѣ веселился зломъ;
 Обманы были мнѣ не новы,
 И ядъ былъ на сердцѣ моемъ.

Теперь, какъ мрачный этотъ гений,
 Я близъ тебя опять воскресъ
 Для непорочныхъ наслажденій,
 И для надеждъ, и для небесъ.

апотеоза воли человѣка¹⁰⁸. Мрачно настроенный поэтъ „цѣнь преду-
бѣжденій умомъ свободнымъ потрясалъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ
демонъ, „царь воздушный“, чувствовалъ себя одинокимъ въ мірѣ, „при-
выкнувъ съ давнишнихъ дней не открывать свои желанья“, хотя и
„страшно жизни сей оковы намъ въ одиночествѣ влачить“, былъ
гордъ и

. . . . . чуждъ для свѣта,
Но чуждъ за то и небесамъ!¹⁰⁹

По временамъ онъ, подобно падшему ангелу, подпадалъ увлеченію
земными прелестями, и въ тѣ моменты онъ могъ сказать о себѣ:

Я не плѣненъ небесной красотой;
Но я ищю земнаго упоенья . . . .
И я къ высокому въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые;
Но мнѣ милѣй страданія земныя—
Я къ нимъ привыкъ и не оставлю ихъ!¹¹⁰ . . .

Но такія увлеченія не властвовали всецѣло поэтомъ; въ стихотворе-
ніи „Прелестницѣ“ (1830) онъ говоритъ:

. . . передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви¹¹¹.

Скептически относился поэтъ и къ „высокому на землѣ“:

Повѣрь—великое земное
Различно съ мыслями людей:
Сверши съ успѣхомъ дѣло злое—
Великъ, не удалось—злудѣй . . . .¹¹²

¹⁰⁸ У, 90: „Что можетъ противустоять твердой волѣ человѣка?... воля... есть отпе-
чатокъ Божества, творческая власть, которая изъ ничего создаетъ чудеса.... О, если бы
волю можно было разложить на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ—какъ всемо-
гущи и всезнающіи были бы мы!“ („Горбачъ Вадимъ“).

¹⁰⁹ I, 88—89; „Толпѣ“ (1832): I, 228.

¹¹⁰ I, 47. Ср. рѣчи Азраила III, 177, 179, 182.

¹¹¹ I, 72. Ср. III, 51: Ему желанья были чужды, и т. п.

¹¹² I, 76.

Не удивительно, что какъ въ демонѣ было „пусто, пусто, какъ въ пустынь“¹¹³, такъ точно и въ поэтѣ водворилась „душевная пустота“¹¹⁴, и въ душѣ его былъ такой же мракъ, какъ въ душѣ демона, которому „все горько сдѣлалось“¹¹⁵. Мрачно настроенное воображеніе рисовало крайне печальныя картины, и впечатлѣніе, какое онѣ вызывали, поэтъ выражаетъ въ словахъ:

Съ отчаяньемъ безсмертья долго, долго,
Жестокаго свидѣтель разрушенья,
Я на Творца ропталъ, страпась молиться,
И я хотѣлъ изречь хулы на небо....¹¹⁶

При видѣ смерти друзей,

. . . . . Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца ропталъ, страпась молиться!....¹¹⁷

Демонъ Лермонтова, „полонъ скуки непонятной, скоро кинулъ міръ развратный“, съ пренебреженіемъ относясь къ человѣческому обществу, въ которомъ нѣтъ постоянной любви; тамъ

. . . . . страсти мелкой только жить,
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое—
Но дни бѣгутъ и стыветъ кровь.¹¹⁸

Такъ и поэтъ находилъ, что

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви....¹¹⁹

¹¹³ III, 176 и 51.

¹¹⁴ Ib., 50.

¹¹⁵ III, 52.

¹¹⁶ I, 82. Ср. Байрона „Кавиъ“, II, сд. II и выше прим. 31.

¹¹⁷ I, 85.

¹¹⁸ III, 82; 183; 88; 102, 36. Ср. „Кавиъ“, II, сд. I. О непостоянствѣ земной любви не разъ говорится въ поэзіи Лермонтова, напр. I, 69:

Иль женщинъ уважать возможно,
Когда мнѣ ангелъ измѣнилъ?

¹¹⁹ I, 273. Ранѣе Лермонтовъ говорилъ:

Любовь пройдетъ, какъ тѣнь пустаго сна.

Демонъ, „все на свѣтѣ презирая, жилъ, не вѣря ничему и ничего не принимая“¹²⁰. Лермонтовъ также постоянно противопоставлялъ свой индивидуальный мѣръ тиранніи общественныхъ предразсудковъ, пошлости „глупаго, надменнаго свѣта“. Какъ и Лермонтовъ, его Демонъ

Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ,
Душею жизнь ея обьялъ . . .

Онъ желалъ „въ толпѣ стихій мятежной сердечный ропоть заглушить.“

Поэтъ готовъ былъ даже гадательно переносить себя въ ситуацію, совпадающую съ отношеніемъ демона къ Тамарѣ. Въ 1830 г. онъ писалъ къ неизвѣстной намъ личности:

Ты для меня была, какъ счастье рай
Для демона, изгнанника небесъ¹²¹,

а въ 1831 г.:

Быть можетъ, въ странѣ, гдѣ не знаютъ обмана,
Ты ангеломъ будешь, я демономъ стану¹²².

Довольно и этихъ выдержекъ, чтобы видѣть, какой интересный образчикъ поэтической иллюзіи представляетъ исторія замысла, приведшаго къ созданію перваго крупнаго поэтическаго произведенія Лермонтова и притомъ такого, надъ которымъ онъ наиболѣе работалъ, занимаясь имъ съ 15-лѣтняго возраста до конца жизни. Кажется, что въ теченіе своего продолжительнаго существованія въ литературѣ демонъ рѣдко встрѣчалъ до Лермонтова такого собрата въ средѣ людей, собрата, который въ такой мѣрѣ сживался бы съ дьявольскими думами и страданіями.

Образъ демона получилъ для юнаго поэта особый смыслъ, какъ олицетвореніе духа недовольства кратковременными радостями и эфемерными благами жизни и демоническаго пессимизма, котораго былъ исполненъ самъ поэтъ въ средній періодъ своей жизни. Это недовольство лишало Лермонтова полнаго счастья, но, при всей мучительности настроенія, въ которое повергало, было вмѣстѣ съ тѣмъ для нашего поэта „лучемъ чудеснаго огня“, „озарявшимъ“ его „умъ“; оно сообщало его поэзіи энергію и значительный подъемъ.

¹²⁰ III, 52 и 56.

¹²¹ I, 74. Ср. въ указанномъ выше стихотвореніи „Ангель“.

¹²² I, 222. Ср. ниже (прим. 130) выраженіе Лермонтова о своей любви, какъ о „потерянномъ раѣ“.

Тотъ демонъ, котораго Лермонтовъ принималъ въ свои спутники, былъ обязанъ своею основною идеею отчасти Гетевскому, Байроновскому и Пушкинскому демону; какъ и самъ Лермонтовъ нѣсколько уподоблялся Гетевскому Фаусту разочарованіемъ даже въ наукѣ.

Но на ряду съ этимъ демонизмомъ въ душѣ поэта не умирала любовь¹²³, которая доставляла моменты отрады, хотя и кратковременной. Любовь представляла контрастъ демонизму въ его исключительности, но контрастъ, который не разъ уживался съ послѣднимъ въ литературномъ преданіи, и такъ какъ Лермонтову была особливо дорога его чистая любовь къ предмету его постоянной сердечной привязанности съ лѣтъ юности и до могилы, то не удивительно, что его по преимуществу заинтересовали тѣ фабулы о демонѣ, въ которыхъ гордый врагъ Бога подпадаетъ любви къ смертной, плѣннившей его своею душевною и вѣшною красотой, и ищетъ успокоенія въ этомъ чувствѣ. Не удивительно, что поэтъ занялся съ необычайною любовью переработкою этихъ легендъ: онъ, какъ то свойственно великимъ поэтамъ, влагалъ въ избранный сюжетъ часть собственной души и, одолевая его, одолевалъ то, что тяготило его духъ¹²⁴. Слова Лермонтова 1841 г. о демонѣ поэмы этого имени:

. . . . . и этотъ дивій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ,
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался стихами!¹²⁵

должны быть принимаемы, какъ косвенное указаніе на автобіографическое значеніе поэмы „Демонъ“¹²⁶, вполне отчетливо выступающее въ

¹²³ Ср. 115—116.

¹²⁴ Ср. исторію созданія „Вертера“ Гёте: написавъ этотъ романъ, Гёте отдѣлался отъ Вертеризма. Недаромъ Лермонтовъ посвятилъ своего „Демона“ Варварѣ Александровнѣ Допухиной (по мужу Бахметевой), которую любилъ постоянно. См. III, 4 и 94. Ср. посвященіе передъ вторымъ очеркомъ „Демона“ (III, 54—55); въ посвященіяхъ перваго очерка намекъ на любовь поэта есть, но-слабѣе (III, 49—50).

¹²⁵ II, 335.

¹²⁶ Ср. въ стихотвор. „Толпѣ“ 1832 г. (I, 228):

Мои слова печальны, знаю,
Но смысла ихъ вамъ не понять.
Я ихъ отъ сердца отрываю,
Чтобъ муки съ ними оторвать.

концѣ втораго очерка ея (1830—1831), гдѣ Лермонтовъ говоритъ:

Я не для ангеловъ и рай
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу страдая,
Про это больше знаетъ Онъ.

Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.

Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни ¹²⁷.

Въ 1841 г. поэтъ, склоняясь уже въ сторону Лесажевскаго представленія о бѣсѣ и возвысившись до болѣе реальнаго и зрѣлаго выраженія своихъ идей, могъ назвать свое любимое произведеніе „безумнымъ, страстнымъ, дѣтскимъ бредомъ“ ¹²⁸, но, тѣмъ не менѣе, оно имѣло глубокое значеніе въ его творчествѣ даже въ пору большей зрѣлости его таланта и сохраняетъ крупную цѣну¹²⁹: недаромъ поэтъ съ такою любовію и такъ долго работалъ надъ „Демономъ“, „впя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ“.

Когда Лермонтовъ принялся за первые наброски своей поэмы, онъ зналъ уже и неукротимо гордаго Мильтонова Сатану, сатану-революціонера, который предпочелъ царство въ аду рабству на небѣ,

¹²⁷ III, 74. Ср. въ началѣ этого очерка, въ посвященіи, гдѣ читаемъ (III, 55):

Скажу ли—преданъ самовластью
Страстей печальныхъ и судьбъ,
Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но всѣмъ обязанъ я тебѣ.

Далѣе слѣдуетъ то, что приведено въ примѣч. 107:

Какъ демонъ хладный и суровый, и проч.

Ср. заключительныя строфы стихотв. А. С. Пушкина: „Къ А. П. Кернъ“.

¹²⁸ См. II, 384 („Я прежде пѣлъ про демона много“ и проч.) и примѣч. 95 и 125. Готовъ такъ же смотрѣть на „Демона“ и г. Н. Котляревскій.—Русскій переводъ Лесажа вышелъ въ трехъ частяхъ подъ заглавіемъ: „Хромоногій бѣсъ. Соч. Ле Сажа. Пер. Пасынова Спб. 1832“. Въ „Сказкѣ для дѣтей“ бѣсъ названъ, впрочемъ, однажды Мефистофелемъ.

¹²⁹ Такъ же точно и Гёте, написавъ „Вертера“, могъ смотрѣть потомъ на Вертеризмъ, какъ на пережитую точку зрѣнія, но никто не назоветъ „Вертера“ ребячскимъ произведеніемъ.

и Байроновскаго Люцифера, вѣчнаго врага Божія: и тотъ и другой величавы и въ самомъ паденіи не утратили первой красоты. Оттуда-то, вѣроятно, чудная и вмѣстѣ страшная краса того демона, образъ котораго рано началъ тревожить душу поэта¹³⁰. Зналъ Лермонтовъ и язвительнаго насмѣшника Мефистофеля¹³¹, и демона, который являлся Пушкину. Были извѣстны Лермонтову, далѣе, и нѣкоторые другіе литературные образы демона. Юный поэтъ не убоился состязанія съ корифеями творчества и вышелъ изъ этого состязанія съ торжествомъ, которое тѣмъ значительнѣе, что сюжетъ, которымъ онъ занялся, представлялъ особыя трудности въ нашъ вѣкъ нерасположенія къ символизму въ поэзіи¹³².

---

¹³⁰ Въ не разъ уже цитованной нами „Сказкѣ для дѣтей“ 1841 г. Лермонтовъ такъ отличаетъ „великаго сатану“ отъ мелкихъ бѣсовъ (II, 335):

То былъ ли самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ семейныхъ и любовныхъ—
Не знаю.

Поэма Мильтона „Потерянный Рай“ вышла въ русскихъ переводахъ въ С.-Петербургѣ (съ приобщеніемъ поэмы „Возвращенный рай“, 4 части, 1824) и въ Москвѣ незадолго до возникновенія перваго замысла Лермонтовскаго „Демона“ и пользовалась большимъ успѣхомъ въ русской читающей публикѣ. Что Лермонтовъ былъ знакомъ съ Мильтоновой поэмою, видно изъ одного выраженія его, относящагося къ 1830 г.: первую свою любовь Лермонтовъ назвалъ „потеряннымъ раемъ“ (I, 111). См. также ниже примѣч. 154. Подробнѣе о томъ, какъ демонъ влюбился въ монахиню, напоминаетъ повѣствованіе Мильтона о томъ, какъ Сатана, при видѣ невинности первой четы, полюбилъ ее, и эта любовь еще болѣе побудила его подчинить людей себѣ. У Мильтона есть также подробнѣе о снахъ, которые навѣвалъ Сатана (С. III), и о состязаніи послѣдняго съ ангеломъ. Все это могло повліять на концепцію Лермонтовскаго „Демона“. Забѣгнемъ еще, что не только Люциферъ Байрона грустенъ, но уже Сатана Мильтона испытывалъ „нескончаемую муку“, какъ груститъ до извѣстной степени и Люциферъ народной книги о Фаустѣ и Мефистофель въ драмѣ Марло.

¹³¹ См. упоминаніе о Фаустѣ, относящееся къ 1830 г.: IV, 123. Мефистофель и Фаустъ являются также въ сатиры „Пиръ Асмодея“ 1830 г.: I, 145.

¹³² Въ прошломъ столѣтіи Гёте въ письмахъ къ Шиллеру призналъ сюжетъ Мильтоновой поэмы „abscheulich, äusserlich scheinbar und innerhalb wurmtstichig und hohl“. Авторъ новѣйшей оцѣнки поэзіи Лермонтова говоритъ о „Демонѣ“: „наше время не любитъ символовъ, не только субъективно-узкихъ, но и объективно-широкихъ, почему, читая эту поэму теперь, мы... проходимъ мимо его главнаго героя съ какимъ-то предубѣжденіемъ или даже насмѣшкой“ (Н. Котляревскій, 66). Кажется однако, что этотъ приговоръ отъ имени „нашего времени“ слишкомъ преувеличиваетъ современную нелюбовь къ символизму въ поэзіи и въ частности отрицательное отношеніе къ „Демону“ Лермонтова.

Чѣмъ впервые было обращено вниманіе Лермонтова на сказаніе о любви демона въ смертной, притомъ обреченной себя на служеніе Богу и соблюденіе дѣвства, мы точно не знаемъ¹⁸³. Мы должны лишь ограничиться предположеніемъ, которое кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ, именно — что исходнымъ пунктомъ поэмы Лермонтова о

Въ послѣднемъ предъ читателемъ выступаетъ символъ, но — весьма живой и понятный, имѣющій значеніе вполне реальнаго существа, такъ какъ религіозное ученіе укореняетъ вѣру въ дѣйствительное его существованіе. Что до символизма вообще, то онъ врядъ ли можетъ быть отвергаемъ безусловно, и лишь крайности, вычурности и уродства, какими онъ отличается, напр., у нѣкоторыхъ современныхъ декадентовъ и символистовъ, неумѣстны и вредятъ въ поэзіи. Нельзя не признать вѣрными замѣчаній о символизмѣ, высказанныхъ Дядро еще въ прошломъ столѣтіи по поводу произведеній de La Grenée (См. „Salon de 1767“). Ср. еще статью С. Meyer-a: „Kunst und Symbol“ въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung 1891: № 330 (Beilage-Nummer 279) и др. Даже въ лиричѣ символизмъ является могучею формою выраженія, болѣе дѣйствующею, чѣмъ непосредственное изліяніе чувства поэта, и потому поэты любятъ высказывать свое чувство не прямо, а заставляя его просвѣчиваться сквозь какой нибудь образъ природы или изображаемаго поэтомъ событія.

¹⁸³ Утвержденіе г. Висковатова, что уже въ дѣтствѣ Лермонтова „его ужъ поразило повѣрье о томъ, что духъ зла можетъ вернуться къ добру, если будетъ любимъ непорочною дѣвой“, и что въ первыхъ очеркахъ „Демона“ „связозитъ и другое Кавказское преданіе о демонѣ, полюбившемъ монахиню“ (III, 117), ничѣмъ не подкрѣплено. Ни откуда не видно, чтобы такіа Кавказскія преданія были извѣстны Лермонтову въ 1829 г.: по крайней мѣрѣ, въ первомъ наброскѣ „Демона“ не видно никакого слѣда такихъ преданій о спасеніи падшаго ангела любовію невинной дѣвушки. Во второмъ очеркѣ „Демона“ изображена умирающая монахиня, шептавшая о демонѣ (III, 71):

Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты бѣ мой спастись, а погубилъ . . .

и, слѣдовательно, какъ бы знавшая „преданіе о возможности для „Демона“ возвратиться къ добру, какъ только онъ полюбитъ и будетъ любимъ непорочнымъ существомъ“, — преданіе, неосновательно выводимое г. Висковатовымъ (III, 122) изъ словъ: „ужели небу я дороже всѣхъ“ и проч.; но тамъ же прямо упоминается о невозможности исправленія „злаго духа“ (III, 66):

. . . . . онъ перемѣниться
Не могъ бы. Это былъ лишь сонъ;
И поздно ль, рано ль пробудиться
Навѣки долженъ былъ бы онъ.
Ужъло зло укорениться
Въ его душѣ съ давнишнихъ дней:
Добро не ужилось бы въ ней, и т. д.

Ср. III, 57, 75, 80 и 84—85. Соотвѣтственно тому и себя, сближая съ демономъ, поэтъ называетъ „чужимъ для небесъ“ (III, 74). Слѣдовательно, этотъ демонъ Лермонтова

демонъ были произведенія сроднаго содержанія, не задолго до того явившіяся въ западной литературѣ; разумѣемъ поэмы: „Елоа“ Аль-

быль похожъ на Сатану, соблазнившаго Элоа и лишь на мгновенье почувствовавшаго порываніе измѣниться въ своемъ существѣ. Таковъ же демонъ четвертаго очерка (см. III, 84—85). И въ пятомъ очеркѣ (1838 г.), по словамъ г. Висковатова (III, 96), „нѣтъ еще рѣчи Тамары, въ отвѣтъ на которую Демонъ произноситъ клятву. Въ этой рѣчи видно, что Тамара знаетъ повѣрье о томъ, что любовь непорочной дѣвы можетъ вернуть Демона къ добру. Словомъ, въ очеркѣ 1838 года .... Демонъ является еще искусителемъ, тогда какъ въ очеркѣ 1840 и 41 годовъ онъ дѣлаетъ попытку вернуться къ небесамъ, попытку безумную“. Если-бы вѣрно было это утверженіе г. Висковатова о демонѣ послѣдняго очерка, то вотъ къ какому позднему времени пришлось бы отнести обнаруженіе идеи, источникъ которой г. Висковатовъ указываетъ въ Кавказскихъ „сказаніяхъ о горномъ или зломъ духѣ, полюбившемъ дѣвушку, грузинку“ (III, 119)! Самыми этими преданіями Лермонтовъ замѣтно воспользовался не ранѣе очерка 1838 г. Должно имѣть въ виду однако, что горный духъ грузинскихъ народныхъ сказаній не то, что демонъ, и послѣдній слабо выступаетъ въ этихъ сказаніяхъ. „Горнаго духа“ Лермонтовъ такъ и называетъ. Далѣе, самъ же г. Висковатовъ отмѣчаетъ, что до 1838 г. въ „Демонѣ“ „дѣйствіе происходило въ Испаніи“ (III, 94). Г. Висковатовъ (III, 117-118; ср. VI, 56-57) объясняетъ это тѣмъ, что „фантазія поэта въ то время была занята не Кавказомъ, а Испаніей,“ но это замѣчаніе не вполне вѣрно въ своей исключительности и нисколько не подкрѣпляетъ тезиса г. Висковатова о томъ, что источникомъ „Демона“ послужили Кавказскія преданія. Замѣтимъ еще, что въ первомъ очеркѣ совсѣмъ даже не видно приуроченія дѣйствія къ Испаніи (III, 52); тамъ говорится только:

Въ полночь, между высокихъ скалъ,
Однажды надъ волнами моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,
Бѣглець эдема пролеталь....

Что до перенесенія дѣйствія въ Испанію, то не слѣдуетъ ли специальную причину того искать въ одномъ изъ источниковъ, которые привели Лермонтова къ фабулѣ о любви демона къ монахинѣ? См., напр., легенду о благочестивой монахинѣ Юстинѣ, обработанную Кальдерономъ (1637 г.), о которой имѣется монографія: *Calderon et Goethe ou le Faust et Le Magicien Prodigieux. Mémoire de Dr. Ant. Sanchez Moguel. Trad. par. J.-G. Magnabal, Paris. 1883 г.* Нѣмецкій переводъ этой драмы, принадлежавшій Гриве-у вышелъ въ 1816 г. Интересно, что во второмъ очеркѣ „Демона“ Лермонтовъ называетъ своимъ источникомъ монастырскую легенду, „рассказъ таинственный“, который „перевелъ на свой языкъ“ „какой-то странникъ“ (III, 60—61). Укажемъ, кстати, по поводу значенія, какое усвоится дѣвушкѣ легендѣ объ исторженіи ея изъ утѣ ада, что въ одной изъ балладъ Вальтера-Скотта дѣвушка поцѣлуемъ возвращается къ жизни своего брата, убитаго ея женихомъ и явившагося къ ней изъ ада. Баллада эта могла быть извѣстна Лермонтову и въ русскомъ переводѣ, вышедшемъ въ 1827 г. („Битва при Ватерлоо, сочиненіе Вальтера Скотта; съ присовокупленіемъ избранныхъ балладъ сего писателя, Москва“), но, конечно, мы не приписываемъ ей вліянія на замыселъ Лермонтова, приведшій къ созданію „Демона.“

фреда де-Виньи ¹³⁴, отчасти „Marmion“ Вальтеръ-Скотта ¹³⁵, и въ особен-

¹³⁴ Что Лермонтовъ былъ знакомъ съ поэмою де-Виньи, свидѣтельствуется кромѣ оглошесковъ ея въ „Демонѣ“, на которые будетъ указано ниже, отвѣтъ Лермонтова А. Шанъ-Гирею, приведенный послѣднимъ: Р. Обзорѣніе 1890, № 8, стр. 747. Не отражается ли знакомство Лермонтова съ Элоа въ „Горбачѣ-Вадимѣ“, въ замѣчаніи объ Ольгѣ (V, 6): „это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человѣчествѣ“?

¹³⁵ Къ „Демону“ Лермонтова имѣеть нѣкоторое отношеніе тотъ эпизодъ „Марміона“, въ которомъ говорится о монахинѣ, (по переводу В. А. Жуковского:)

Отступницѣ, дерзнувшей снятъ
Съ себя монашества обѣтъ,
И, сатанѣ продавъ за свѣтъ
Всѣ блага кельи и креста,
Забить Спасителя Христа,

и затѣмъ заживо погребенной по приговору безжалостнаго судилища. Что Лермонтовъ былъ знакомъ съ этимъ эпизодомъ, свидѣлствуютъ тѣ стихи нашего поэта, которые составляютъ подражаніе слѣдующимъ соответствующимъ стихамъ „Марміона“, Canto II, XXXIII:

Even in the vesper's heavenly tone,
They seem'd to hear a dying groan,
And bade the passing knell to toll
For welfare of a parting soul.
Slow o'er the midnight wave it swung,
Northumbrian rocks in answer guns *и т. д.*

Въ концѣ поэмы Лермонтова „Исповѣдь“ (II, 10) находимъ:

И въ эту ночь могильный звонъ
Былъ степи вѣтромъ принесенъ
Къ стѣнамъ обители другой,
Объятой сонной тишиной;
И въ храмъ высокій онъ проникъ....

Сравни. душевное состояніе монахини, изображенной въ этой поэмі, съ описаніемъ того, какъ Тамара, стоя въ храмѣ, помышляла не о молитвѣ, а объ иномъ. Уже въ концѣ „Исповѣди“ читаемъ слѣдующіе стихи (II, 11), которые, нашедши ихъ въ „Бояринѣ Оршѣ“, г. Спасовичъ считаетъ навѣянными сходнымъ мѣстомъ „Валленрода“ Мицкевича (Соч. В. Д. Спасовича, II, 358—359):

Когда-жъ унылый звонъ проникъ
Въ обширный храмъ—то слабый крикъ
Раздался, пролетѣлъ и въ мигъ
Утихъ. Но тотъ, кто услышалъ,
Подумалъ, вѣрно, или сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой!...
Любовь и жизнь онъ взялъ съ собой.

ности „The loves of the angels“ Томаса Мура¹³⁶. Что до мистерій Байрона „Каинъ“, изъ которой заимствованъ эпиграфъ ко второму очерку „Демона“¹³⁷, „Небо и земля“, и драматической поэмы „Манфредъ“, то онѣ, какъ и нѣкоторыя другія произведенія, оказали второстепенное вліяніе на замыселъ Лермонтова рѣзкимъ выраженіемъ того общаго пессимистическаго взгляда на міръ и жизнь людей, которымъ пропитаны Каинъ, Люциферъ, Манфредъ и большая часть дѣйствующихъ лицъ мистеріи „Небо и земля“¹³⁸, и представителемъ котораго въ поэмѣ Лермонтова является демонъ¹³⁹. Такимъ образомъ „Демонъ“ Лермонтова составляетъ творческій сплавъ мотивовъ, оставшихся

¹³⁶ Какъ видно изъ приведеннаго выше свидѣтельства Шанъ-Гирея, Лермонтовъ читалъ Мура одновременно съ Байрономъ. Совпаденія въ „Демонѣ“ Лермонтова съ поэмою Мура будутъ указаны ниже.

¹³⁷ III, 54.

¹³⁸ Даже архангелъ Рафаилъ у Байрона не чуждъ этого пессимистическаго взгляда.

¹³⁹ Объ отношеніи Лермонтовскаго „Демона“ къ Люциферу Байронова „Каина“ говорили уже не разъ. См., напр., В. Водовозова: Новая русская литература, второе, дополненное изд., Спб. 1870, стр. 234 и слѣд. Въ послѣднее время о томъ же говорилъ г. Мартыновъ въ статьѣ: „Новыя свѣдѣнія о М. Ю. Лермонтовѣ“, Историч. Вѣстникъ 1892, № 11, стр. 371—372. Ср. съ жалобою демона на тоску 1-й монологъ Манфреда и далѣе II, I III, 1. Краски, которыми Демонъ разрисовывалъ Тамарѣ ожидавшее ее блаженство, напоминаютъ отчасти слова перваго духа въ той же поэмѣ „Манфредъ“ и обѣщаніе Азазіла Анѣ въ концѣ мистеріи „Небо и земля“. Клятва Демона передъ Тамарой нѣсколько сходна съ клятвою голоса въ 1-й сценѣ „Манфреда“.—Ср., далѣе, съ обрисовкою демона у Пушкина то, что говорится у Лермонтова (III, 82):

Онъ замѣшался межъ людей,
Чтобъ ядомъ пагубныхъ рѣчей
Убить въ нихъ вѣру въ Провидѣніе,

и отношеніе обоихъ демоновъ къ природѣ. Аналогію къ той идеѣ о демонѣ, которую г. Висковатовъ считаетъ заимствованною изъ Кавказскихъ преданій, представляютъ слѣдующія слова влюбленнаго бѣса-женщины у Casotte-a (изд. 1772, p. 45): „A peine vous vis-je sous la voûte, cette contenance héroïque, à l'aspect de la plus hideuse apparition, décida mon penchant: Si, dis-je à moi-même, pour parvenir au bonheur, je dois m'unir à un mortel, prenons un corps“... Отмѣтимъ тамъ же еще нѣкоторыя подробности, представляющія аналогію Лермонтовскому „Демону“. Вѣсъ-героиня разсказа Casotte-a, называющая себя „Fille du Ciel et des airs“ (p. 80), „Sylphe d'origine et le plus considérable d'entre eux“ (p. 94), выражаетъ слѣдующія гордыя мечты о счастіи, которое принесетъ ей и Альвару взаимная любовь: „Si je me réduis au simple état de femme, si je perds, par ce changement volontaire, le droit naturel des Sylphides & l'assistance de mes compagnes, je jouirai du bonheur d'aimer & d'être aimée. Je servirai mon vainqueur; je l'instruirai de la sublimité de son être, dont il ignore les prérogatives; il nous soumettra avec les éléments dont j'ai abandonné l'empire, les esprits de toutes les sphères. Il est fait pour être le Roi du monde

въ воображеніи автора отъ впечатлѣній, произведенныхъ цѣлымъ рядомъ произведеній, съ которыми ознакомился поэтъ; при этомъ главнымъ источникомъ вдохновенія было сближеніе, въ которомъ поэтъ приравнивалъ себя къ демону, подобно послѣднему хватаясь за свою любовь, какъ за единственный выходъ изъ демоническаго пессимизма.

Наиболѣе совпаденій представляетъ поэма Лермонтова съ названной поэмою Мура: въ исторіи *одного* демона у Лермонтова повторяются подробности печальныхъ любовныхъ исторій трехъ ангеловъ Мура.

Отмѣчая черты сходства обоихъ этихъ произведеній, должно начать съ того, что какъ ангелы Мура утратили небо не въ силу прямого возстанія противъ Бога, а лишь изъ-за любви къ земнымъ дѣвамъ, такъ и героиня „Демона“ въ первомъ и второмъ очеркѣ этой поэмы вначалѣ была любима *ангеломъ* и любила его, и лишь потомъ влюбилась въ одного изъ демоновъ¹⁴⁰, при томъ далеко не главнаго¹⁴¹.

Демонъ Лермонтова плѣнился Тамарой, пролетая надъ землею, какъ и первый ангелъ Мура.¹⁴²

Демонъ смущалъ Тамару чарующими рѣчами, „мечтой пророческой и странной“, внушая ей „страсть безотчетную,“ „тоску и трепеть“, навѣвая заманчивые сны, прежде чѣмъ предсталъ передъ нею. Такъ точно поступалъ съ красавицей, которую полюбилъ, и

& j'en serai la Reine, & la Reine adorée de lui“ (р. 95—96). Глядя на свою возлюбленную, Альваръ, между проч., думалъ (р. 97—98): „Pourquoi une femme ne seroit-elle pas faite de rosée, de vapeurs terrestres & de rayons de lumière, des débris d'un arc-en-ciel condensés?“—Что до эпизода объ умерщвленіи жениха Тамары, то нѣкоторую аналогію тому находимъ въ сказкахъ. Такъ, въ индійскихъ сказкахъ Somadeva Bhatta, изъ Кашемира, изданныхъ Brockhaus-омъ, и въ другихъ индійскихъ сказкахъ говорится о томъ, какъ одинъ демонъ или толпа демоновъ губили искателей руки принцессы. Въ русскихъ сказкахъ говорится о девятиголовомъ змѣѣ, умерщвлявшемъ жениховъ. И т. п.

¹⁴⁰ III, 50 („ангелъ любилъ смертную“) и 64.

¹⁴¹ См. ниже.— Замѣтимъ, впрочемъ, что и въ мистеріи „Небо и земля“ Байрона дѣвы любятъ ангеловъ.

¹⁴² One morn, on earthly mission sent,...

I saw, from the blue element и т. д.

The works of Thomas Moore etc. Leipsic 1826, p. 110—111. Ср. ниже заимствованіе Лермонтовымъ изъ исторіи третьяго ангела подробности о возникновеніи любви въ демонѣ подъ вліяніемъ услышанной имъ пѣсни дѣвы.

второй ангелъ Мура: онъ воспламенялъ фантазію дѣвы и возбуждалъ въ ней неясныя желанія въ снахъ и видѣніяхъ. Онъ говоритъ:

From the first hour she caught my sight,
 I never left her—day and night
 Hovering unseen around her way,
     And mid her loneliest musings near,
 I soon could track each thought that lay,
     Gleaming within her heart, as clear
     As pebbles within brooks appear....
 It was in dreams that first I stole
     With gentle mastery o'er her mind—
 In that rich twilight of the soul,
     When Reason's beam, half hid behind
 The clouds of sense, obscurely gilds
 Each shadowy shape that Fancy builds—
 'Twas then, by that soft light, I brought
     Vague, glimmering visions to her view....
 Myself the while, with braw, as yet,
 Pure as the young moon's coronet,
 Through every dream *still* in her sight¹⁴³.... и т. д.

Въ особенности монахиня Лермонтова своею „думой“, „грустью скрытной“, „печалью“ (уже во второмъ очеркѣ), „невыразимую тоскою, неизъяснимою заботой“ походить на дѣвъ, которыхъ любили ангелы у Мура. Одна изъ послѣднихъ, Lilis, выказывала даже въ своей внѣшности чудное сочетаніе небснаго и земнаго. Ея любовь обѣщала смѣшанныя услады обѣихъ сферъ:

All that the spirit seeks in heaven,
 And all the senses burn for here! ¹⁴⁴

¹⁴³ Ibid., p. 122. Ср. выше въ прим. 84 о *смазѣ* Элоа. Уже во второмъ очеркѣ „Демона“ первоначально были слѣдующіе стихи (III, 61):

. . . дѣва - взоръ яснѣй лазури—
 При шумѣ капель дождевыхъ
 Согласовала съ воемъ бури
 Игру печальныхъ струнъ своихъ.
 Но съ той минуты, какъ нечестивъ
 Къ ней приходилъ въ ночи тѣнистой,
 Она молиться ужъ неидетъ и т. д.

См. еще III, 64.

¹⁴⁴ Тамъ же.

Это была дѣвушка возвышенныхъ порываній. Она томилась жаждой все постигнуть на землѣ и на небѣ, хотя бы пришлось тотчасъ же послѣ того умереть. Она прониклась энтузіазмомъ, когда ангель началъ показывать ей чудеса міра, и стремленіе уносило ее все впередъ и впередъ, къ познанію тайнъ, недоступныхъ человѣческому разумѣнію ¹⁴⁵. Избранница перваго ангела была вполне невинна, свободна отъ недостатковъ смертныхъ въ душѣ и тѣлѣ. Она была глубоко религіозна. Она мечтательно возводила взоры къ небу, неслась туда душой, желала бы быть духомъ звѣзды, особливо привлекавшей ее своимъ блескомъ и въ чистотѣ одиноко пребывавшей въ вышинѣ; эта дѣва хотѣла вознестись туда для того только, чтобы оттуда еще болѣе славить Единого Вѣчнаго. Она полюбила Rubi не земною, а небесною любовью лишь за то, что онъ былъ ангель и принадлежалъ тому небу, къ которому она стремилась и возносила мольбы ¹⁴⁶.

Демонъ предсталъ во-очію Тамарѣ въ монастырѣ. Второй ангель у Мура также явился Lilis „въ священномъ мѣстѣ, избранномъ ею для молитвъ, въ гротѣ изъ чистѣйшаго мрамора.“ ¹⁴⁷

Развязка поэмы „Демонъ“ отчасти представляетъ какъ бы сліяніе развязокъ любовныхъ отношеній перваго и втораго ангеловъ у Мура. Первый ангель пожелалъ однажды напечатлѣть поцѣлуй на устахъ Lea и едва произнесъ при этомъ таинственное слово заклинанія, которое должно было вознести его къ небу, слово, дотолѣ не выговаривавшееся ни передъ однимъ изъ существъ земли, какъ видъ Lea преобразился въ просвѣтленіи, и она поднялась къ звѣздѣ, къ которой столь часто уносилась прежде своею фантазією, ангель же наоборотъ напрасно повторялъ мистическое слово — въ его устахъ оно не имѣло уже прежней силы, и онъ былъ обреченъ оставаться на землѣ ¹⁴⁸. Второй ангель лишился своей Lilis, когда предсталъ передъ нею, по ея просьбѣ, во всемъ блескѣ своего небснаго величія; едва онъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, какъ пламень, исходившій отъ ангела, сжегъ дѣ-

¹⁴⁵ Р. 123 и 125. Ср. обѣщанія демона Тамарѣ (III, 88):

„Толпу духовъ моихъ служебныхъ“ и проч.

¹⁴⁶ Р. 112. Ср. монахиню во второмъ очеркѣ „Демона“: III, 58, 63—64.

¹⁴⁷ Р. 123.

¹⁴⁸ Р. 115—116.

вухку, которая въ моментъ смерти напечатлѣла на его челѣ пламенный поцѣлуй¹⁴⁹.

Изъ исторіи третьяго ангела и смертной, которую онъ любилъ, въ поэму Лермонтова вошли отдѣльныя мысли, впрочемъ—нѣсколько переработанныя въ нашемъ „Демонѣ.“ Такъ, доводы демона о ничтожествѣ земныхъ благъ и чувствъ представляютъ нѣкоторое совпаденіе съ подобнымъ отзвѣомъ о земной любви у Мура¹⁵⁰,

¹⁴⁹ Р. 130—131. Ср. у Лермонтова (Ш, 37—38):

Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи.

Онъ жегъ ее. . . . .

Смертельный лъдъ его лобзанья

Мгновенно въ кровь ея проникъ. . .

Во второмъ и четвертомъ очеркѣ (Ш, 70 и 89):

Слабѣла, таяла, горѣла

Отъ неизвѣстнаго огня,

Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дня. . . . .

Ср. разсужденія г. Висковатова Ш, 130—131.

¹⁵⁰ У Мура читаемъ (Р. 135):

Love was in every buoyant tone,

Such love, as only could belong

To the blest angels, and alone

Could, ev'n from angels, bring such song!

Alas, that it should e'er have been

The same in heaven at it is here,

Where nothing fond or bright is seen,

But it hath pain and peril near—

Where right and wrong so close resemble,

That what we take for virtue's thrill

Is often the first downward tremble

Of the heart's balance into ill и т. п.

У Лермонтова (Ш, 102 и 36):

Безъ сожалѣнья, безъ участья

Смотрѣть на землю станешь ты,

Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья и проч.

Въ четвертомъ очеркѣ (Ш, 87) читаемъ:

Ты будешь раздѣлять со мной

Вѣка безсмертнаго досуга,

И власть надъ бѣдною землею,

Гдѣ носить все печать презрѣнья,

Гдѣ межъ людей съ давнишнихъ лѣтъ

Ни настоящаго мученья,

Ни счастья безъ обмана нѣтъ.

а равно объясненіе вознесенія Тамары въ рай тѣмъ, что

Она страдала и любила—

И рай открылся для любви,¹⁵¹

находить себѣ нѣкоторое соотвѣтствіе въ словахъ Мура:

..... much doth Love

Transcend all Knowledge, ev'n in heaven!

Но есть и болѣе существенныя совпаденія. „Вдохновенная пѣвица“—монахиня Лермонтова напоминаетъ Наму Мура чудною игрою на лютнѣ („lute“ и у Мура). Какъ о Zagarh-ѣ у Мура говорится:

'Twas first at twilight, on the shore

Of the smooth sea, he heard the lute

And voice of her he lov'd steal o'er

The silver waters и т. д.,

такъ и о демонѣ Лермонтова читаемъ въ первомъ и второмъ очеркахъ:

Однажды вечеромъ (въ первомъ очеркѣ: въ полночь) межъ скалъ.

И надъ сѣдой равниной моря...

Бѣглець эдема пролеталъ...

Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,

Подобный звуку лютни, внемлеть

И чей-то голосъ.

У Мура говорится:

..... upon the golden sand

Of the sea-shore a maiden stand,

Before whose feet the expiring waves

Flung their last tribute with a sigh... ;

такъ и у Лермонтова во второмъ очеркѣ первоначально было (III, 60):

Какъ часто дѣва у окошка

Взирала на берегъ морской...

На морѣ вихри бушевали,

И волны синія вставали...

¹⁵¹ III, 43. Въ образецъ совпаденій отдѣльныхъ выраженій отмѣтимъ у Мура (р. 122) „twilight of the soul“, „This twilight world of hope and fear“ (р. 135) и „сумерки души“ у Лермонтова (см. ниже).

Наконецъ, *моральный* смыслъ, на который указываетъ Муръ въ переданной имъ исторіи ангеловъ, присущъ и повѣствованію Лермонтова, хотя болѣе или менѣе полное совпаденіе замѣчается въ одномъ лишь отношеніи—въ характерахъ и стремленіяхъ дѣвъ, изображенныхъ тѣмъ и другимъ поэтомъ: любовь этихъ дѣвъ къ неземнымъ существамъ приноситъ имъ самимъ озареніе и возноситъ ихъ надъ чисто земными помыслами.

Что до личности Лермонтовскаго демона, то онъ не походитъ на ангеловъ Мура, а равно и на ангеловъ Байроновой мистеріи „Небо и земля“, ¹⁵² представляющихъ сходство съ первыми. Онъ нѣсколько напоминаетъ „влюбленнаго бѣса“ Cazotte-а ¹⁵³, близокъ къ Байронову Люциферу, но еще болѣе родства у него съ Сатаною Мильтона ¹⁵⁴ и съ демономъ Альфреда де-Виньи, также оказавшимъ значительное воздѣйствіе на поэму Лермонтова.

Демонъ у Лермонтова, какъ и Сатана у де-Виньи, является искусителемъ дѣвы, невинная красота которой увлекаетъ его, какъ отблескъ неземной красоты, и на мгновеніе въ душѣ того и другаго пробуждаются тѣ добрыя чувствованія, которыя когда-то наполняли ихъ душу ¹⁵⁵. Такимъ

¹⁵² Равнымъ образомъ и Тамара не походитъ на Ану этой мистеріи: послѣдняя заявила, что она не менѣе любила бы Азасила, если бы онъ и не былъ безсмертенъ.

¹⁵³ См. выше примѣч. 139.

¹⁵⁴ См. выше примѣч. 130. У Лермонтова—немало отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій, напоминающихъ „Пот. Рай“ Мильтона. Къ указаннымъ ранѣе реминисценціямъ отнѣтимъ еще Ш, 83, 85, 93 и 106. Въ двухъ послѣднихъ мѣстахъ (1833 и 1838 гг.) читаемъ:

По слѣду крылъ его тащи́лась

Багровой молніи струя...

Посла *потеряннаго рая*

Улыбкой горькой попрекнулъ.

Выраженіе „посла потеряннаго рая“ есть и въ концѣ втораго очерка (1830—31 гг. Ш, 74); первоначально въ томъ же очеркѣ были также стихи (Ш, 62):

Изгнанникъ помнить свѣтъ небесъ,

Огни *потеряннаго рая*...

Въ третьемъ очеркѣ читаемъ (Ш, 75):

Ты не найдешь *потерянный* свой рай...

¹⁵⁵ Въ душѣ демона у де-Виньи подъ вліяніемъ любви добро чуть-было не восторжествовало надъ зломъ:

Qui sait? le mal peut-être eût cessé d'exister?

Какъ сказано уже выше, де-Виньи задумывалъ изобразить въ концѣ спасеніе Сатаны любовью Элоа. Вѣрованіе въ возможность исправленія для діавола ведетъ свое начало съ отдаленнаго времени. См. Graf, l. c., 422 и слѣд.

образомъ, въ то время какъ у Байрона и у Мура изображено увлеченіе ангеловъ земною красотою, приводящее ихъ къ забвенію небеснаго блаженства, которымъ они дотолѣ наслаждались, у де-Виньи и въ особенности у Лермонтова, наоборотъ, демонъ, плѣненный ангельскою красотою земной дѣвы, начинаетъ испытывать порывы къ возрожденію въ себѣ прежней чистоты духа. У нашего поэта эта мысль отгѣнена весьма отчетливо. Она выступала все замѣтнѣе и замѣтнѣе при послѣдовательныхъ обработкахъ поэмы, при чемъ и демонъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе поэтической красоты, да и возлюбленная демона въ послѣдовательныхъ редакціяхъ становилась все выше и выше въ своей духовной организаціи. Какая громаднѣйшая разница между дѣвою Азраилла и монахинею перваго очерка съ одной стороны и Тамарою послѣднихъ редакцій „Демона“ съ другой! Лермонтовъ какъ бы хотѣлъ олицетворить въ своемъ демонѣ тяжесть исключительнаго сомнѣнія и отрицанія, невозможность для личности успокоиться на томъ и другомъ, и испытываемую ею и послѣ разочарованія потребность найти какое-нибудь положительное начало жизни хотя бы въ такомъ узкомъ ограниченіи послѣдняго, какъ любовь къ единому существу. Эта любовь, какъ скоро станетъ якоремъ спасенія, можетъ постепенно возвышать проникающуюся ею личность къ нравственному возрожденію, устраняя въ ней эгоизмъ гордаго отрицанія, коренящійся въ крайнемъ индивидуализмѣ. Понятно послѣ этого, что Лермонтовъ отличалъ своего демона отъ демона де-Виньи¹⁵⁶, какъ разнится своимъ нравственнымъ складомъ демонъ Лермонтова и отъ Байронова Люцифера.

---

¹⁵⁶ А. Шанъ-Гирей предлагалъ такой планъ „Демона“: „отнять у Демона всякую идею о раскаяніи и возрожденіи, пусть онъ дѣйствуетъ прямо съ цѣлью погубить душу святой отшельницы; чтобы борьба Ангела съ Демономъ происходила въ присутствіи Тамары, но не спящей; пусть Тамара, какъ высшее олицетвореніе нѣжной женской природы, готовой жертвовать собой, переходитъ съ полнымъ сознаніемъ на сторону несчастнаго, но, по ея мнѣнію, кающагося страдальца, въ надеждѣ спасти его; остальное все оставить какъ есть, и стихъ:

Она страдала и любила,

И рай открылся для любви . . . .

спасаетъ эпилогъ. „Планъ твой, отвѣчалъ Лермонтовъ, недурень, только сильно смахиваетъ на Элоу, *voeur des anges*, Альфреда де-Виньи. Впрочемъ, объ этомъ можно подумать“. Русское Обозрѣніе 1890, № 8, стр. 747.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII, отд. II.

Еще болѣе различія замѣчается въ героиняхъ поэмъ Лермонтова и де-Виньи. Правда, Тамара, не будучи женщиной-ангеломъ, какова Элоа, все-таки по своей духовной организаціи была изъ существъ необычныхъ:

Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткаль живыя струны ихъ;
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ. ¹⁵⁷

¹⁵⁷ Ш, 43. Въ восхищеніи Лермонтова реальною высшею женскою красотою отзывался платонизмъ. Вотъ какъ говорилъ поэтъ, описывая „подъ видомъ дѣвы горъ, созданіе земли и рая“: (Ш, 85—86):

И кто бъ, ее увидѣвъ, молилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, или даже слѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбки устъ, въ движеніи черныхъ глазъ—
Все, что такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что встрѣчаемъ въ жизни только разъ--
Не отличить отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Прелестный ликъ, но хладная душа!
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что сперва почелъ бы онъ душою
Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшихъ въ міръ, чтобъ утѣшать людей.

Ср. стр. 108 и образъ Тамары. Ср. о „чисто идеальныхъ грезахъ“ Лермонтова у *А. Н. Гилярова*: Платонизмъ, какъ основаніе современнаго міровоззрѣнія въ связи съ вопросомъ о задачахъ и судьбѣ философіи, М. 1887, стр. 43 и слѣд. Г. Гиляровъ ссылается на стихотворенія: „Первое января“ и „Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски“. См. однако примѣч. 46-е выше. Въ стихотв. „Любовь мертвеца“ (1840), наоборотъ, видимъ мечту безъ платонизма:

Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ,
И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узнавалъ . . . .
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
Какъ въ старину.

Ясно, какъ платоническія грезы Лермонтова имѣли исходный пунктъ въ дѣйствительномъ чувствѣ и сливались съ нимъ. Ср. еще стих.: „Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“ . . . (1841).—Интересный примѣръ обожанія только въ мечтѣ встрѣчается у Стендаля (Beyle-я), усаливавшася „воплотить свою мечту“.

Въ этомъ отношеніи Тамара, будучи близка къ подругамъ ангеловъ Мура, не совсѣмъ далека и отъ Элоа. Первоначально уподоблялась она послѣдней и въ томъ, что демонъ завлекъ ее изображеніемъ прелести любви хотя бы и въ аду, на который вдобавокъ Богъ не обращаетъ вниманія (см. во второмъ очеркѣ):

Она. Насъ могутъ слышать!...

Дем. Мы одни!

Она. А Богъ?

Дем. На насъ не кинетъ взгляда.

Онъ небомъ занять, не землей!

Она. А наказанье, муки ада?

Дем. Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со мной!

Мы станемъ жить любя, страдая,

И адъ намъ будетъ стоять рай!

Мнѣ рай вездѣ, гдѣ я съ тобой!

Далѣе, когда демонъ обольстилъ дѣву, „она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада“¹⁵⁸. Но потомъ между Элоа и Тамарою усматривается коренное различіе. Уже при первомъ знакомствѣ съ исторіею Сатаны состраданіе, являющееся одною изъ первыхъ ступеней любви, завралось въ душу Элоа, склонной къ милосердію по самой своей природѣ, по происхожденію изъ слезы, пролитой Христомъ при видѣ умершаго Лазаря. Кромѣ того Сатана прельщаетъ ангельскую дѣву Элоа у де-Виньи заманчивою разрисовкою утѣхъ любовнаго единенія, и ангельски-невинное существо, уже предварительно проникшись состраданіемъ, поддается приманкѣ этой неизвѣданной имъ прелести; никакихъ другихъ увле-

¹⁵⁸ Это находимъ въ первомъ очеркѣ „Демона“ (III, 50—51); во второмъ очеркѣ уже замѣчается нѣкоторый поворотъ къ Божію оправданію Тамары въ молитвѣ ангела, которому, казалось, сочувствовала и природа, „за душу грѣшницы молодой“ (III, 73—74).—Замѣтимъ, для параллели, что и развязка народной нѣмецкой драмы о Фаустѣ—трагическая; у Лессинга же торжество Сатаны надъ Фаустомъ оказывалось преждевременнымъ, и на дѣлѣ этому торжеству не суждено было состояться по волѣ Бога, о чемъ возвѣстилъ ангелъ въ прологѣ; такимъ образомъ, у Лессинга предполагалась примиряющая развязка, какъ въ „Johann Faust, ein allegorisches Drama in 5 Aufzügen (1775, München) и у Гёте. Послѣдній однако хотѣлъ первоначально дать своей драмѣ развязку въ духѣ народной книги, что доказываетъ W. Gwinner въ монографіи: Goethes Faustidee nach der ursprünglichen Conception aufgedeckt und nachgewiesen. Frankfurt a. Main, 1892.

кательныхъ обѣщаній Элоа не слышитъ отъ демона, потому что ничего лучшаго и не могъ онъ пообѣщать ей помимо того, что она уже знала и чѣмъ наслаждалась на небѣ. У Лермонтова рѣчи демона иныя. Демонъ не только противопоставляетъ „повѣсти тягостныхъ лишеній, трудовъ и бѣдъ толпы людской“¹⁵⁹ свою „безсмѣнную печаль“, такъ что Тамара „невольнo и съ отрадой тайной“ слушаетъ „страдальца“¹⁶⁰, который не разъ

..... передъ нею
 Съ челомъ развѣнчаннымъ стоялъ,
 Онъ отъ нея спасенья ждалъ,
 Любить и вѣровать не смѣя.
 Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ молилъ,
 Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ...¹⁶¹;

помимо того Демонъ указываетъ Тamarѣ на все ничтожество и пошлость людской жизни, на то, что на землѣ

... нѣтъ ни истиннаго счастья,
 Ни долговѣчной красоты,
 Гдѣ преступленья лишь да казни,
 Гдѣ страсти мелкой только жить,
 Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
 Ни ненавидѣть, ни любить.¹⁶²

Замѣчаніемъ о полной непрочности земныхъ привязанностей Демонъ заканчиваетъ внушеніе Тamarѣ того пессимизма, который можетъ быть присущъ всякому идеализму, извѣдавшему на опытѣ всѣ обманы и горечь жизни. Послѣ того Демонъ начинаетъ обольщать воображеніе Тamarы картиною иного существованія, къ которому она „присуждена“. намекнувъ предварительно на высшую духовную организацію Тама-

¹⁵⁹ III, 101 и 32. Приводя выдержки изъ редакціи „Демона“, впервые напечатанной у г. Висковатова (III, 6—45) и признанной имъ за „окончательную обработку 1840—1841 гг.“, мы тѣмъ еще не заявляемъ свое согласіе съ мнѣніемъ г. Висковатова объ этомъ текстѣ. Хотя второе отдѣленіе И. Академіи Наукъ и приняло мнѣніе г. Висковатова (Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, № 5), но возраженія и сомнѣнія, высказанныя относительно находки г. Висковатова гг. Суворинимъ, Мартыновымъ и др., не устранины, и вопросъ о послѣднемъ текстѣ „Демона“ все еще требуетъ разработки.

¹⁶⁰ III, 33—34.

¹⁶¹ III, 95, 24.

¹⁶² III, 102 и 36; ср. ib. 87. См. выше прим. 150.

ры, на то, что она не можетъ удовлетвориться ничтожнымъ жребіемъ людскимъ. Послѣднее было вѣрно угадано Демономъ, и его искусныя рѣчи достигли цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду. Сердцемъ Тамары не только овладѣваетъ глубокое состраданіе къ тому, кто казался столь несчастливымъ въ безсмѣнной и безконечной печали и мукахъ демонизма, которыхъ никакой другой поэтъ не передавалъ съ такою силою, какъ Лермонтовъ устами своего демона; Тамару увлекаютъ не только нечеловѣческій пылъ любви демона и сила „нездѣшной страсти,“ изливающаяся въ рѣчахъ, полныхъ чарующей прелести, „огня и яда,“ со „всѣмъ упоеньемъ безсмертной мысли и мечты“¹⁶³; „полное гордыни“ сердце Тамары окончателно плѣняютъ такія общанія, очаровывающія слухъ, самое пылкое воображеніе и сердце, какъ слѣдующія:

Мы, дѣти вольнаго ээира,
Тебя возьмемъ въ свои края,
И будешь ты царицей міра...
Пучину гордаго познамья
. . . . . *открою я тебѣ...*
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ...
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ...
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой...
Я дамъ тебѣ все, все земное...¹⁶⁴

У Байрона и также у Мура изображено увлеченіе земною красотою до забвенія небесной. У Лермонтова видимъ наоборотъ увлеченіе красотою, сообщающее нѣкоторый нравственный подъемъ даже демону; Тамара же, подобно Lea и Lilis Мура, подпадаетъ любви въ порывахъ къ неземному счастью и высшему свѣту. Тамара поддается искушенію, но немедленно умираетъ, чтобы перейти въ тотъ самый горній міръ, мечта о которомъ плѣнила ее въ рѣчахъ де-

¹⁶³ III, 99, 30.

¹⁶⁴ III, 88—89, 102—104; 36—37. Ср. IV, 240, слова Владиміра въ пьесѣ „Странный человекъ“: „Развѣ я повѣрю, чтобъ ты могла забыть того, кто бросилъ бы вселенную къ ногамъ твоимъ, если бѣ долженъ былъ выбирать вселенную или тебя“.

Изъ всего сказаннаго понятно, съ какими отрицаніями является у Лермонтова образъ демона, надъ которымъ работали вѣка и первую идею поэтической переработки котораго нашъ поэтъ заимствовалъ несомнѣнно изъ западно-европейской поэзіи. Демонъ Лермонтова не дѣволъ лишь вѣковаго преданія, „духъ изгнанья“¹⁶⁸, „гордости“, „отверженія и зла“¹⁶⁹, „бѣглець Эдема“¹⁷⁰, „мрачный искуситель“¹⁷¹, „злой духъ“¹⁷², который „перемѣнится не могъ бы“¹⁷³, „лукавый“¹⁷⁴; демонъ нашего поэта — не только обольщающій невинную душу чудными снами и искусными рѣчами величавый Сатана Мильтона; онъ не только „гордый духъ“¹⁷⁵, „мрачный духъ сомнѣнья“¹⁷⁶, „духъ безпокойный“¹⁷⁷, и вмѣстѣ „блиставшій неземной красой“¹⁷⁸, „царь познанья и свободы“¹⁷⁹ подобно Байронову Люциферу, „вѣчному противнику Бога“; соблазняя невинную дѣвственную душу, какъ въ „Элоа“ де Виньи, демонъ Лермонтова чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ порывъ возвратиться къ воспоминаніямъ лучшихъ дней, что не мыслимо для Байроновскаго Люцифера, хотя въ сущности таковой переломъ въ характерѣ Демона былъ возможенъ для него не навсегда; онъ то-

¹⁶⁸ III, 50, 55, 6.

¹⁶⁹ III, 51, 74, 82 и 27.

¹⁷⁰ III, 52.

¹⁷¹ Тамъ же в стр. 43.

¹⁷² III, 59 и 67; „нечистый“—III, 61.

¹⁷³ III, 66.

¹⁷⁴ III, 67, 21 и 30.—Всѣ эти эпитеты встрѣчаемъ въ первыхъ двухъ очеркахъ Демона.

Въ отношеніи къ этимъ редакціямъ вѣрно замѣчаніе г. Висковатова (III, 129), что „въ поэмѣ Лермонтова Демонъ отнюдь не является Сатаной, т. е. главнымъ владыкою и повелителемъ тьмы и зла“; но не таковъ Демонъ позднѣйшихъ очерковъ. Послѣдній называетъ себя „богомъ рабовъ“ своихъ „земныхъ“ (III, 29), говоритъ о своей „власти“ (III, 29 и 35), своихъ „владѣній безконечности“ (ib., 30), о братьяхъ, ему „подвластныхъ“ (III, 35), общается съ Тамарою „паричей міра“ (ib., 36) и судить въ концѣ (ib. 88, 37):

Толпу духовъ моихъ служебныхъ

Я приведу къ твоимъ стопамъ.

Въ одномъ мѣстѣ (III, 106) онъ прямо названъ „царемъ порока“; въ третьемъ очеркѣ (III, 75): „порока властелинъ“.

¹⁷⁵ III, 7.

¹⁷⁶ III, 43.

¹⁷⁷ III, 27; „духъ безпокойный, духъ порочный“—III, 97.

¹⁷⁸ III, 18.

¹⁷⁹ III, 29.

мится своимъ положеніемъ и очеловѣченъ до того, что испытываетъ „земныя мученія“, „земную страсть“ и

Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда.

У Лермонтова демонъ, „душой измученною боленъ“, охваченный мечтою ¹⁸⁰, еще въ большей степени, чѣмъ у всѣхъ предшествовавшихъ поэтовъ, приближенъ къ чловѣческой душѣ съ высшими, но демоническими порываніями. Демонъ Лермонтова умѣетъ очаровывать эту душу, одновременно затрогивая струны самыхъ сильныхъ звуковъ и гордыхъ порывовъ и вызывая „чудной нѣжностью рѣчей“ отзвуки струнъ самыхъ нѣжныхъ. Образъ демона у нѣкоторыхъ поэтовъ сближали съ Прометеемъ ¹⁸¹; демонъ Лермонтова представленъ, какъ уже пережившій время,

Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ. ¹⁸²

Демонъ нашего поэта близокъ къ чловѣку, изстрадавшемуся отъ „надеждъ погибшихъ и страстей“ ¹⁸³. Знаніе не принесло ему отрады, зло ради зла уже опостыло, „наскучило ему“ ¹⁸⁴; прежняя жизнь съ ея злодѣйствами казалась ему уже страшно тяжелою:

Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
И наслаждаться ¹⁸⁵ и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро ¹⁸⁶ вознагражденья;

¹⁸⁰ III, 53, 56, 59, 62, 68, 80.

¹⁸¹ Graf, Prometeo nella poesia, Torino-Roma 1880, p. 180 и слѣд. Второе изданіе этой монографіи вышло въ 1888 г.

¹⁸² III, 6.

¹⁸³ III, 33.

¹⁸⁴ III, 6.

¹⁸⁵ и ¹⁸⁶ Можно спросить, какое же наслажденіе испытывалъ Лермонтовскій демонъ и какое добро онъ творилъ? Очевидно, демонъ сливаетъ въ своемъ разсказѣ въ одну картину всю свою жизнь, начиная съ „дней райскаго блаженства“; ср. III, 50 и 53, 55 и 57.

Жить для себя, скучать собой,
 И этой вѣчною борьбой
 Безъ торжества, безъ примиренья!
 Всегда жалѣть и не желать,
 Все знать, все чувствовать, все видѣть,
 Все противъ воли ненавидѣть,
 Все безотрадно презирать!... ¹⁸⁷

Вотъ это-то весьма яркое раскрытіе муки демонизма и составляетъ одну изъ крупныхъ заслугъ и одну изъ оригинальнѣйшихъ особенностей Лермонтовскаго „Демона“, то новое, что внесъ Лермонтовъ въ тему, надъ которою работало столько вѣковъ. Безпросвѣтный эгоизмъ и отрицаніе не дали счастья, и Лермонтовскій демонъ въ иные моменты уже является

. . . . . любить готовый
 Съ душой открытой для добра;
 И мыслить онъ, что жизни новой
 Пришла желанная пора.— ¹⁸⁸
 . . . . . и вновь
 Въ нѣмой души его пустыню
 Проникла молніей любовь,
 И онъ опять постигъ святыню
 И міръ добра и красоты.... ¹⁸⁹

„Полонъ жизни новой“, онъ готовъ „гордо снять вѣнецъ терновый съ своей преступной (выраженіе самого демона) головы и все бывшее бросить въ прахъ“¹⁹⁰. Все это можно бы слышать изъ устъ человѣка необычайной силы страстей и воли, и всего этого можно бы ожидать въ повѣствованіи о такомъ человѣкѣ, но не о демонѣ сложившихся обычныхъ представленій. Такимъ образомъ демонъ у Лермонтова поставленъ въ положеніе, которое гораздо драматичнѣе и интереснѣе обстановокъ, въ какихъ онъ являлся у предшествовавшихъ по-

¹⁸⁷ III, 100 (съ отмѣною въ предпоследнемъ стихѣ, гдѣ стоитъ: „стараться все возненавидѣть“) и 31. То же въ сущности испытывалъ уже „несчастливый“ демонъ первыхъ очерковъ (ib. 51—52, 55—56, 62, 68—69, 75—76).

¹⁸⁸ III, 25, 52, 62, 63.

¹⁸⁹ III, 11.

¹⁹⁰ III, 30.

этовъ. Онъ—олицетвореніе демонизма, свойственнаго иной неугомной человѣческой душѣ¹⁹¹, тоже одолюваемой стремленіемъ къ „познанью и свободѣ“ и вмѣстѣ „мрачнымъ духомъ сомнѣнья.“ Человѣкъ такой души ищетъ выхода изъ своего томительнаго состоянія, можетъ на непродолжительныя сравнительно мгновенія постигать „святиню любви, добра и красоты,“ но затѣмъ прокликаетъ иногда

Мечты безумныя свои,
И *остается вновь*¹⁹² надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!...¹⁹³

Затрогивая въ человѣческой душѣ стремленіе къ иной, высшей, участи, убаюкивая душу и обольщая гордыни, несбыточными мечтами и „соблазна полными рѣчами,“ при чемъ „всѣ чувства въ ней вдругъ кипятъ“, и такой демонъ, какъ Лермонтовскій, не дастъ отрады человѣку, какъ не утишилъ души Фауста, безгранично жаждавшаго познанія и другихъ высшихъ утѣхъ, язвительный скептикъ Мефистофель. Помимо послѣдняго не удовлетворенный Фаустъ нашелъ успокоеніе въ незатѣйливой и простой, но вполне достигающей цѣли, практической дѣятельности на общую пользу и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ отказался отъ гордыхъ порывовъ къ божественному знанію и отъ жажды безграничнаго наслажденія прекраснѣйшими благами жизни. Гѣте поставилъ демона въ соприкосновеніе съ высшею человѣческою мудро-

¹⁹¹ Ср. I, 171:

Въ ангельской душѣ все чисто, въ демонской все зло;
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ.

¹⁹² Мы позволили себѣ, для большаго соответствія съ предшествующимъ вложеніемъ, слегка измѣнить форму (не смыслъ) этого стиха. Какъ понимать „безумныя мечты“ Демона, см. III, 96; ср. стихъ: „Исчезнулъ ясный рой мечтаній“ (III, 27) со стихами (ib., 25): „И входитъ оны“ и проч., и III, 84:

Простите, краткія надежды
Любви, блаженства и добра.

Но, можетъ быть, мечты касались просто вѣчнаго обладанія Тамарою и счастья, которое могло быть принесено этимъ обладаніемъ.

¹⁹³ III, 43. Такое окончаніе помимо приведенной выше (примѣч. 133) выдержки изъ втораго очерка „Демона“ лучше всего другаго опровергаетъ предположеніе о той идее, которую будто бы хотѣлъ провести Лермонтовъ въ послѣдней редакціи своего „Демона“. Ср. еще анекдотъ, приведенный у г. Мартынова: Историч. Вѣсти. 1892, № 11, стр. 373.

стію, стремившеюся постигнуть жизнь и извѣдать все лучшее въ человѣческой жизни; Лермонтовъ—въ соприкосновеніе съ одной изъ душъ, не удовлетворяющихся обычнымъ пошлымъ существованіемъ, — такихъ, которыя повлялись „земныя страсти позабыть“¹⁹⁴,

Которыхъ жизнь—одно мгновенье

Невыносимаго мученья,

Недостигаемыхъ утѣхъ.¹⁹⁵

Такая личность, которой мысль и „сердце, полное гордыни“¹⁹⁶, постоянно смущаютъ „неотразимая мечта“, таинственныя грезы и „чудныя видѣнья“ „пестрыхъ, странныхъ сновъ“, повергающія въ „тоску и трепеть“, при чемъ „огонь по жиламъ пробѣгаетъ“¹⁹⁷, въ концѣ концовъ можетъ не перенести „смертельнаго яда лобзанья“ демона—виновника этихъ грезъ, можетъ поддаться обаянію зла, но небо словами своего ангела, какъ бы примѣнительно къ изреченію Евангелія о прощеніи грѣшницъ за ея великую любовь, оправдываетъ возвышенную натуру за ея „веземную любовь“¹⁹⁸ и высшія стремленія, хотя бы въ порывѣ послѣднихъ ей пришлось пасть¹⁹⁹. Такимъ образомъ,

¹⁹⁴ III, 53, 68; 86: „забыть волненіе страстей“.

¹⁹⁵ III, 43. Ср. стихъ:

Онъ не созданъ для міра,
и выше прим. 157. Ср. еще I, 106 („Эпитафія“):
Для чувствъ онъ жизни не щадилъ . . .
И неестественнымъ желаньямъ
Онъ отдалъ въ жертву дни свои.
И въ немъ душа запасъ хранила
Блаженства, муки и страстей.
Онъ умеръ. Здѣсь его могила.
Онъ не былъ созданъ для людей.

¹⁹⁶ III, 97 и 26.

¹⁹⁷ III, 64, 19 и 21.

¹⁹⁸ III, ib. У Гёте говорится о Фаустѣ (II, V, 7308—7309):

Und hat an ihm *die Liebe* gar
Von oben Theil genommen.

¹⁹⁹ Во второмъ очеркѣ (III, 73) монахиня названа „грѣшницей молодой“ (также и въ четвертомъ: III, 93), и первоначально говорилось о молитвѣ ангела за ея душу:

Увы! напрасныя моленья,
И страстямъ нѣтъ уже прощенья. . . .

Въ пятомъ очеркѣ (III, 97; ср. 26) Тамара названа „грѣшницей прекрасной“ и „грѣшницей молодой“ (стр. 106). И въ окончательномъ, по мнѣнію г. Висковатова, текстѣ говорится о „проступкѣ“ Тамары и ея „грѣшной душѣ“ (III, 42).

въ концѣ развитія этого поэтическаго замысла и у Лермонтова какъ бы проводится идея, во имя которой получилъ небесное оправданіе Фаустъ у Гёте:

Wer immer strebend sich bemüht,
Den können wir erlösen.²⁰⁰

Итакъ, даже въ чистую, невинную душу юной дѣвушки, которой болѣе не илѣняетъ окружающая ее дѣйствительность, успѣваютъ проникать „соблазна полныя рѣчи“ демона и поселять въ ней „сомнѣнія“²⁰¹. Эти рѣчи могутъ всколебать дѣвственную душу и ея „женскія мечты“ грезами о необычномъ счастіи, и она, „покой навѣки погубя, невольно съ отрадой тайной“ прислушивается къ обольстительнымъ рѣчамъ²⁰² и становится не чуждой влеченій, сродныхъ демонизму. А что же сказать о людяхъ, которыхъ душевное состояніе вполне предрасполагаетъ къ воспріятію внушеній демонизма? Они могутъ стать весьма близкими къ демону Лермонтова. Вѣдь искуситель Тамары

... не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ—о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь,—ни мракъ, ни свѣтъ! . . .²⁰³

Въ подобномъ состояніи бываетъ и человѣческая душа:

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣтъ.

²⁰⁰ Faust, Zw. Teil, V-ter Akt, 7306—7307.

²⁰¹ III, 42 и 43. Ср. III, 11—о томъ, что уже въ моментъ, когда Демонъ впервые увидѣлъ Тамару, „порой темнили смутныя сомнѣнья ея небесныя черты“, и III, 104 о странной улыбкѣ, застывшей на устахъ мертвой Тамары:

Что въ ней? Насмѣшка надъ судьбой,
Непобѣдимое ль *сомнѣнье*?

„Сомнѣнье“ присуще и демону: III, 6.

²⁰² Тамъ же, 34.

²⁰³ Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Повѣренное по рукописямъ изданіе подъ редакціей и съ примѣчаніями И. М. Боддакова, Томъ второй. Изд. Елизаветы Гербекъ, М. 1891, стр. 204. Г. Висковатовъ для послѣдняго стиха (III, 19) принялъ редакцію, встрѣченную имъ въ текстѣ, который онъ считаетъ послѣднею обработкою:

На день, на ночь, на мракъ, на свѣтъ!

Она сама собою стѣснена;
 Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
 И небо обвинить нельзя ни въ чемъ,
 И, какъ на зло, все весело кругомъ.
 Въ прекрасномъ мірѣ—жертва тайныхъ мукъ,
 Въ созвучіи вселенной—ложный звукъ,
 Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
 Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
 Приговоренный къ казни, и назадъ
 Она кидаетъ безпокойный взглядъ;
 Но слѣдъ волны потерявъ въ безднѣ водъ
 И листъ отпавшій вновь не зацвѣтетъ ²⁰⁴.

²⁰⁴ П, 23 (1830—1831). Ср. I, 83:

..... Страшнымъ полусвѣтомъ
 Межъ радостью и горестью серединой
 Мое тѣснилось сердце,

и I, 171 (1831 г.):

Есть время—леденѣть быстрый умъ;
 Есть сумерки души, когда предметъ
 Желаній мраченъ; усиленье думъ;
 Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
 Душа сама собою стѣснена,
 Жизнь ненавистна, но и смерть страшна ..
 Находишь корень мукъ въ самомъ себѣ,
 И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

См. еще III, 198 („Джуліо“, 1830 г.):

Есть сумерки души во цвѣтѣ лѣтъ,
 Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ
 Жметъ сердце безотчетная тоска;
 Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка.
 Чтобы снастись отъ этой пустоты,
 Воспоминаемъ или игрой мечты
 Умножь одну или другую ты.

Очевидно, въ началѣ 30-хъ годовъ, къ которымъ относятся второй и третій очерки „Демона“, выраженное въ приведенныхъ выдержкахъ представленіе о порѣ „полусвѣта“, „сумерекъ“ въ человеческой душѣ было одною изъ любимыхъ темъ Лермонтова. Нашъ

Такое настроеніе человѣческой души—порожденіе демоническаго недовольства:

Есть демонъ, сокрушитель благъ земныхъ;
Онъ радость намъ дарить на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй.
Врагъ истины, врагъ неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страдающа не умчатъ, какъ сопъ,
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ,
Все, что ему еще завидно въ насъ. ²⁰⁵

поэтъ унаслѣдовалъ эту тему отъ западноевропейскихъ поэтовъ. Такъ, уже у Гёте Мефистофель говоритъ Фаусту о Богѣ (I, 1428—1430):

Er findet sich in einem ew'gen Glanze,
Uns hat er in die Finsternis gebracht,
Und euch taugt einzig Tag und Nacht.

О „сумеркахъ души“ у Мура см. выше примѣч. 151. См. еще ниже въ примѣч. 206 поддержку изъ А. де Мюссе.

²⁰⁵ П, 23. Ср. выше предъ прим. 102 заключительную строфу стихотворенія „Мой Демонъ“ (I, 218). Иначе изобразилъ демона Печоринъ, профессоръ Московскаго университета въ началѣ 30-хъ годовъ. Онъ взглянулъ на демона съ аскетической точки зрѣнія и нѣсколько напоминаетъ въ этомъ отношеніи концепцію Иммерманна. Напечатанное г. Тихонравовымъ [Русская Старина 1875, № 7 (т. XIII), стр. 454--455] стихотвореніе Печорина начинается словами:

Прочь, о демонъ лучезарный,
Демонъ счастья и любви!
Искуситель—міръ коварный!
Вспять страдальца не зови!

Ближе къ античному представленію о демонѣ, чѣмъ Пушкинское, Лермонтовское и Печоринское, было пониманіе демона у Гёте. Послѣдній разумѣлъ подъ этимъ образомъ врожденную силу и свойства каждой личности, какъ это видно изъ стихотворенія „Urworte. Orphisch“, недалекаго по времени отъ указанныхъ выше стихотвореній нашихъ поэтовъ. Стихотвореніе Гёте было написано въ 1817 г., а напечатано впервые въ 1819 г. Въ 1820 г. Гёте прибавилъ объясненіе къ этому стихотворенію. По этому объясненію, демонъ стихотворенія „Urworte“ означаетъ „die nothwendige, bei der Geburt unmittelbar ausgesprochene, begrenzte Individualität der Person, das charakteristische, wodurch sich der Einzelne von jedem Andern, bei noch so grosser Aehnlichkeit, unterscheidet.“ Гёте готовъ былъ признать, что „angeborene Kraft und Eigenheit, mehr als alles Uebrig des Menschen

Эго тягостное состояніе переживали въ первыя десятилѣтія нашего вѣка, какъ увидимъ, многіе „сыны вѣка“²⁰⁶. Хорошо извѣдалъ такую душевную муку и Лермонтовъ²⁰⁷. Его „Демонъ“ собралъ въ себѣ какъ въ фокусѣ различныя составныя части ранняго пессимистическаго настроенія поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ поэмѣ Лермонтова дана оригинальная переработка и сплавъ элементовъ демонизма, уловленныхъ и воссозданныхъ нѣкоторыми изъ лучшихъ западно-европейскихъ поэтовъ, при чемъ образъ демона у нашего поэта, не уступая замѣчательнымъ западноевропейскимъ обрисовкамъ этого типа, приобрѣлъ новый интересъ и красу вслѣдствіе отгнѣненія въ немъ такихъ чертъ, которыя выступали не столь отчетливо у другихъ поэтовъ.

Для Байрона Люциферъ былъ готовымъ традиціоннымъ образомъ, въ который наилучше могъ быть вмѣщенъ тотъ безотрадный пессимизмъ, какого былъ преисполненъ англійскій поэтъ. У Лермонтова демонъ столь же прекрасенъ, какъ у Мильтона и у Байрона, онъ одновременно и увлекаетъ своею красотою²⁰⁸, и наводитъ

Schicksal bestimme . . . der Dämon freilich hält sich durch Alles durch, und dieses ist dann die eigentliche Natur, der alte Adam und wie man es nennen mag, der so oft auch ausgetrieben, immer wieder unbezwinglicher zurückkehrt . . . allein Tyche lässt nicht nach und wirkt immerfort“.

²⁰⁶ См. въ предисловіи „Исповѣди сына вѣка“ А. де Мюссе о „сынахъ имперіи и внукахъ революціи“: „имъ оставалось только настоящее, духъ вѣка, ангель сумерекъ, которыя ни день, ни ночь“.

²⁰⁷ I, 171: вслѣдъ за строфою, начинающеюся словами: „Есть время . . . леденѣть быстрый умъ“ и приведенною выше (прим. 204), читаемъ:

Я къ состоянью этому привыкъ . . .

²⁰⁸ III, 18—19 и изданіе подъ ред. Бодакова, II, 204:

Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая неземной . . .
Съ глазами полными печали
И чудной нѣжностью рѣчей.

Ср. цитованное нами признаніе Лермонтова, относящееся къ 1841 г. (II, 335):

Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебной-сладкой красотю,
Что было страшно . . .

страхъ²⁰⁹, какъ Байроновъ Люциферъ, и умѣеть завлекать страстными рѣчами, какъ Сатана де-Виньи, но не столь мраченъ и непреклоненъ, и пессимизмъ его не столь исключителенъ, потому что то былъ пессимизмъ самого поэта-юноши, который не успѣлъ еще извѣриться во всемъ, хотя и показывалъ видъ вполне разочарованнаго человѣка. У Байрона лишь вскользь говорится о грусти Люцифера. У Лермонтова демонъ—не только носитель зла, духа сомнѣнія и отрицанія, убивающаго пышныя грезы юности, не только олицетвореніе таинственнаго голоса, смущающаго душевный покой²¹⁰, но и воплощеніе тоски и грусти, являющейся результатомъ разрушенія гордыхъ надеждъ и радостныхъ упованій. Быть можетъ, не безъ вліянія образа Клопштокова вающагося Аббадоны²¹¹ Лермонтовъ развилъ далѣе намекъ на безотрадное

См., далѣе, III, 28:

*Онъ передъ схимницей стоитъ:
Знакомой блещетъ красотою,
И утихающей грозю
Взоръ огуманенный блеститъ.*

Въ бесѣдѣ съ О. А. Смирновой А. С. Пушкинъ выразился, что Мильтоновъ „Сатана“—не богословскій, онъ слишкомъ греческій“ (Сѣверный Вѣстникъ 1893, № 5, стр. 179).

²⁰⁹ Тамара говоритъ демону (III, 84):

Неволью страхъ въ душѣ рождаешь...

²¹⁰ III, 98 и 28—29:

*Я тотъ, ...
Чья мысль душѣ твоей шептала . . .
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда расцвѣтетъ . . .
Я врагъ небесъ, я зло природы . . .*

Въ текстѣ, который г. Висковатовъ считаетъ окончательнымъ, стоитъ еще:

*Я богъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы.*

²¹¹ О знакомствѣ Лермонтова съ „Мессіадою“ Клопштока свидѣтельствуя слѣдующіе стихи въ „Сашкѣ“, относящіеся къ герою послѣдней поэмы (II, 207—208):

*Что дѣлалъ Саша?—Съ неподвижнымъ взглядомъ,
Какъ бѣлый мраморъ холоденъ и нѣмъ,
Какъ Аббадона грозный новымъ адомъ
Напуганный, но помнящій Эдемъ,
Съ поникшею столъ онъ головою
И на челѣ, наморщенномъ тѣскою,
Качались тѣни трепетныхъ вѣтвей.*

Чтенія въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII, отд. II.

душевное состояніе и на проблескъ возможности раскаянія Сатаны, встрѣченный у де-Виньи ²¹², и сдѣлалъ „горькую муку“, тоску ²¹³, грусть ²¹⁴ и жажду счастья преобладающими чертами настроенія своего демона. Послѣдній ищетъ выхода и истинетивно угадываетъ вѣрно возможность

²¹² О сѣтованіяхъ Сатаны см. знаменитыя строфы (р. 112—114), начинающіяся стихами:

Sur la neige des monts, couronne des hameaux,
L'Espagnol a blessé l'aigle des Asturies . . .

Сатана, между проч., говоритъ:

„Maudit soit le moment où j'ai mesuré Dieu!
„Simplicité du coeur! à qui j'ai dit adieu,
„Je trembe devant toi, mais pourtant je t'adore,
„Je suis moins criminel puisque je t'aime encore;
„Mais dans mon sein flétri tu ne reviendras pas! . . .
„Je souffre, et mon esprit par le mal abattu
„Ne peut remonter jusqu'à tant de vertu . . .
..... J'aurais peut-être aimé!“

Къ стиху изъ „Элоа“, какъ бы намекающему на нѣкоторый проблескъ возможности нравственнаго возрожденія Сатаны и приведенному выше въ примѣч. 155, прибавимъ еще указаніе на слѣдующую (р. 114) обрисовку душевнаго состоянія Сатаны послѣ сѣтованій послѣдняго, отрывокъ изъ которыхъ только что приведемъ нами:

Le Tentateur lui-même était presque charmé,
Il avait oublié son art et sa victime,
Et son coeur un moment se reposa du crime.
Il répétait tout bas, et le front dans ses mains:
„Si je vous connaissais, ô larmes des humains!“

²¹³ III, 34, 68, 76.

²¹⁴ III, 98—99 и 29:

Я тотъ, ...
Чью *грусть* ты смутно отгадала . . .
И *грусть* на днѣ старинной раны
Вдругъ шевельнулась какъ змѣй.

Ср. III, 88:

И не захочешь *грусть* и волю
За рабство тихое отдать.

См. еще III, 18—19:

И взоръ его съ такой любовью,
Такъ *грустно* на нее смотрѣлъ . . .
..... онъ являлся ей
Съ глазами полными печали . . .

такого выхода—въ любви ²¹⁵. Лермонтовъ, слѣдовательно, предварилъ идею, которую де Виньи хотѣлъ-было развить во второй части „Элоа“, —идею о великомъ воздѣйствіи чувства любви даже на демоническія натуры. Этимъ Лермонтовъ окончательнo очеловѣчилъ демона, и въ такомъ изображеніи демонъ, испытывающій „умиленье“, „земное первое мученье и слезы первыя“, „позавидовавшій невольно неполнымъ радостямъ людей“ ²¹⁶, сталъ символомъ и какъ бы крайнимъ типомъ неудовлетворенности и тоски людской души, измученной зломъ, какое она встрѣчаетъ въ мірѣ, неудачами и неосуществимостію ея гордыхъ и безграничныхъ порывовъ, невзгодами и собственными отрицаніемъ, души „пылкой“,

Невъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Не знавшей власти надъ собой . . . ²¹⁷,

но все-таки ищущей утѣшенія въ слѣдованіи голосу сердца и въ мистическихъ упованіяхъ и находящей свѣтлые, хотя и краткіе, моменты отрады въ чувствѣ любви. Любовь эта своимъ идеальнымъ мотивомъ успѣваетъ вызвать отвѣтное чувство даже въ душѣ, удалившейся отъ міра, которой внушаетъ слабую, не отрѣшенную отъ сомнѣнія, надежду на нравственное перерожденіе Демона ²¹⁸. Въ этомъ увлеченіи Тамара подобно Мильтоновой Евѣ является представитель-

²¹⁵ Ср. въ Lay of the Last Minstrel Вальтеръ-Скотта, гдѣ гордость и любовь выставлены, какъ противоположныя и сталкивающіяся душевныя силы. Гордость герцогини должна была смягчиться, и тогда только могла получить свободу любовь ея дочери. Уже въ самомъ началѣ поэмы горный духъ выразилъ идею, проходящую черезъ все дѣйствіе:

No kind influence deign they (разум. the stars) shower
On Teviot's tide, and Branksome's tower,—
Till Pride be quell'd and Love be free.

„Love is still the Lord of all“, говорится далѣе. Высокомѣріе порождаетъ сердечную пустоту, беспокойство, разладъ и вредъ, а любовь приноситъ счастье. Въ Лермонтовскомъ демонѣ любовь преодолеваетъ ненависть и злоба: III, 65, 85 и 27.

²¹⁶ III, 58, 76, 98 99 и 29.

²¹⁷ III, 71 и 90—91.

²¹⁸ Самъ поэтъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ не вѣрилъ въ возможность для демон-

ницей нѣжнѣйшей женственности, въ ея возвышенныхъ влеченіяхъ не неприступной для оболоченій демонизма. Образъ ея говоритъ преимущественно нашему сердцу, герой же поэмы—Демонъ—ставить также интересную загадку нашему уму, выдвигая вопросъ вѣчной важности—объ источникѣ демонизма, свойственнаго человѣческой душѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Демонъ, несмотря на всю красоту, какую надѣлилъ его Лермонтовъ, и несмотря на талантливость сообщенной ему обрисовки, все-таки остался нѣсколько шаблоннымъ поэтическимъ образомъ ²¹⁹. Онъ не заключаетъ въ себѣ причудливостей и нелѣпостей, въ которыя впадало иногда творчество поэтовъ романтики ²²⁰, но, тѣмъ не менѣе, не свободенъ отъ недостатковъ, которые были присущи этому литературному теченію съ его фантастичностью и неопредѣленными страстными порывами. Потому даже Лермонтовскій демонъ, повидимому полный индивидуальности, юношеской горячности и энер-

ческой природы измѣниться къ лучшему. Не вѣрила воплѣ демону и Тамара (см. выше примѣч. 165). Понимать стихи (III, 24) о Тамарѣ:

То думы радостной волна
Ее охватить, и бывое
Встаетъ изъ мрака, какъ живое,
И ясныхъ сновъ душа полна.
Тѣснятся въ ней воспоминанья,
Изъ дѣтства ранняго сказанья
Родной и милой старяни,

какъ прямое, по мнѣнію г. Висковатова (III, 19, прим. 39), указаніе на преданія, „говорящія о возможности Демона вернуться къ добру“, невозможно, потому что эти стихи встрѣчаются только въ одной рукописи, которую г. Висковатовъ считаетъ послѣднею редакцію „Демона“ (см. III, прим. 48 на стр. 24), какъ и стихи (III, 28):

Рышило небо нашу встрѣчу,
Любовь и торжество мое.

²¹⁹ См., напр., слова де-Виньи объ образѣ Сатаны: „Quand un contempteur des dieux paraît, comme Ajax fils d’Oïlée, le monde l’adopte et l’aime; tel est Satan, tels sont Oreste et Don Juan“.

²²⁰ Правда, нинимъ можетъ показаться изображеніе Демона, какъ существа, испытывавшаго въ теченіе нѣкотораго времени порывъ къ возвращенію въ прежнее состояніе душевной гармоніи, противорѣчащимъ основному характеру демонической природы; но не должно забывать, что Лермонтовъ имѣлъ въ виду выставить въ своемъ Демонѣ преимущественно неудовлетвореніе своимъ существованіемъ, далеко однако отстоящее отъ полнаго раскаянія. Сверхъ того необходимо принимать во вниманіе сходную обрисовку демона у нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ поэтовъ, о которой см. выше.

гін, въ сущности—общее мѣсто поэзи, а не живой конкретный образъ, заимствованный изъ ближайшей дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи поэму Лермонтова можно назвать вслѣдъ за самимъ поэтомъ „страстнымъ бредомъ“, но только не „безумнымъ“ и не „дѣтскимъ“.

Лишь по мѣрѣ того, какъ талантъ Лермонтова и изученіе имъ жизни становились зрѣлѣе, поэтъ находилъ и болѣе реальные образы и болѣе реальныхъ носителей демонизма и душевной истома, составляющей „болѣзнь вѣка“, постигшую и Лермонтовскаго демона.

И. Дашкевичъ.

ОТДѢЛЪ III.

МАТЕРІАЛЫ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

В. СТЕФАНОВИЧА (1697—1773).

Составилъ М. В.—Б.

Предлагаемые материалы для біографіи Василя Стефановича имѣють двоякій интересъ для южнорусской исторіи XVIII в. Они, во 1-хъ, нѣсколько дополняютъ наши очень скудныя свѣдѣнія о комиссіи составленія свода малороссійскихъ законовъ за время гетманства Дан. Апостола и, во 2-хъ, еще разъ свидѣтельствуютъ о значеніи малороссійскихъ культурныхъ людей въ дѣлѣ насажденія научнаго образованія въ Россіи Петромъ В. и его сподвижниками. Нѣкоторое значеніе имѣють для внутренней исторіи Малороссіи и тѣ матеріалы, которые касаются обычной служебной дѣятельности Стефановича въ званіи сотника и полковаго судьи.

Дѣдъ В. Стефановича былъ Гадяцкымъ эсауломъ и, убитый при погонѣ за татарами подъ Чигириномъ, былъ погребенъ въ Фастовской церкви. Отецъ—протопопъ Гадяцкій, умеръ въ шведскую „руину“ (т. е. Мазеповскую смуту) „безъ всякаго порока“ (безъ подозрѣнія въ измѣнѣ). В. Стефановичъ родился въ 1697 г.; учился сначала въ Кіевской Академіи, а потомъ въ Германіи, Австріи и Италіи; получивъ въ 1722 г. магистерскій дипломъ отъ Бреславльскаго университета, въ 1724 онъ вернулся въ отечество, именно въ Петербургъ, и былъ взятъ сначала въ самому Петру, а потомъ въ Меншикову въ переводчики; по смерти Петра В. участвовалъ въ изданіи въ Ревелѣ книги Теофана Прокоповича о дѣятельности этого государя, затѣмъ совсѣмъ перешелъ въ Прокоповичу и былъ профессоромъ реторики и философіи въ его семинаріи.

Вызванный гетманомъ Даніяломъ Апостоломъ, онъ въ 1729 г. оставилъ учительство въ семинаріи и былъ опредѣленъ „въ комиссію книгъ правныхъ“ (очевидно, за этимъ его и вызвалъ гетманъ); за тѣмъ произведенъ въ бунчужные товарищи и назначенъ Лохвицкимъ сотникомъ. Все это произошло въ короткій промежутокъ времени—въ теченіе одного 1729 года и начала 1730; въ комиссію по составленію свода законовъ онъ былъ назначенъ въ маѣ 1729 г. Между тѣмъ новый сотникъ поселился во своемъ сотенномъ городѣ (гдѣ имѣлъ свой домъ) и долженъ былъ тамъ на мѣстѣ заниматься переводомъ назначенной ему части источниковъ малороссійскаго права; въ дек. 1730 г. ему и другимъ его товарищамъ по комиссіи двукратно предписано было гетманомъ явиться къ 1 янв. 1731 г. въ Глуховъ, для общаго совѣщанія по своду и редакціи законовъ. Члены комиссіи, и въ томъ числѣ С—чъ, дѣйствительно, съѣхались во-время въ Глуховъ, гдѣ для занятій ихъ былъ отведенъ особый домъ; но, вѣроятно, они тамъ занимались недолго: въ маѣ С—чъ опять былъ уже въ своей сотнѣ, и оттуда вызванъ гетманомъ съ тѣмъ, чтобы отправить его въ Москву съ готовымъ уже переводомъ „правъ“ (о чемъ и самъ онъ заранѣе просилъ гетмана, имѣя свои частныя дѣла въ Москвѣ). Въ іюлѣ онъ отправился въ Москву, а въ сентябрѣ уже возвратился въ Глуховъ и оттуда—въ Лохвицу. Но, очевидно, работа, которую повезъ С—чъ въ Москву, не была окончательною; дѣло не только свода, но и перевода законовъ, продолжалось и потомъ: въ 1732 г. С—чъ долженъ былъ явиться въ Глуховъ съ порученною ему частию перевода; но не явился во-время и получилъ отсрочку до 1 мая. Въ томъ же году мѣстомъ для засѣданій комиссіи былъ назначенъ г. Прилуки, какъ болѣе центральный для съѣзда членовъ, и туда вызваны изъ полковъ писцы для работъ комиссіи. На этомъ прекращаются свѣдѣнія о комиссіи, сообщаемыя нашими матеріалами.

Въ послужномъ спискѣ своемъ С—чъ говоритъ, что онъ работалъ въ комиссіи 6 лѣтъ, живя въ Глуховѣ; въ аттестатѣ же о службѣ говорится уже о 8 годахъ его дѣятельности въ комиссіи; относится ли это свидѣтельство къ первому періоду работъ комиссіи (1728—34 гг.), когда (какъ мы видѣли) С—чъ не жилъ въ Глуховѣ, а лишь пріѣзжалъ на короткіе сроки, или, быть можетъ, онъ вновь былъ призванъ въ комиссію (въ 1734—38 гг.)? Въ спискахъ членовъ,

сообщенных Маркевичемъ, въ числѣ именъ, значащихся на окончательномъ экземплярѣ перевода Саксен. Зерцала и Магдеб. права, и въ другихъ спискахъ членовъ комиссіи, его имени не находимъ ¹⁾. Въ матеріалахъ, собранныхъ А. Θ. Кистяковскимъ, имя Вас. Стефанова упоминается лишь одинъ разъ, и это упоминаніе относится къ 1731 г. ²⁾.

Повидимому, въ первоначальномъ составѣ комиссіи онъ председательствовалъ: въ прошеніи, поданномъ въ Коллегію иностр. дѣлъ въ 1731 г., говорится, что онъ „съ товарищи“ уже два года въ Глуховѣ трудится; экономическія дѣла комиссіи поручаются ему.

Ученый законовѣдъ не избѣжалъ, однако, и военной казацкой службы, совершилъ въ отрядѣ ген. Румянцева походъ подѣ Хотинъ; ходилъ и противъ татаръ, когда они вторглись въ Миргородскій полкъ, и отразилъ ихъ за линію.

Съ 1750 г., со смерти Лубенскаго полковаго судьи Павловскаго, С—чъ исправлялъ должность судьи и въ сент. 1751 утвержденъ въ этой должности гетманомъ гр. Разумовскимъ. Скончался онъ въ 1773 г.

Служба его, можетъ быть, была небезупречна (подобно службѣ многихъ его малороссійскихъ современниковъ); въ дневныхъ запискахъ Яв. Маркевича отмѣчено, что въ 1733 г., апр. 22, „Лохвицкій сотникъ и писарь его были привезены въ Глуховъ подѣ варауломъ“; пожалованныя ему имѣнія въ с.с. Жабкахъ и Ригахъ были отобраны кн. Шаховскимъ.

Вас. Стефановичъ былъ женатъ на Марьѣ Ивановнѣ Гамалѣй, дочери Ивана Михайловича Гамалѣя (по указанію А. М. Лазаревскаго).

---

¹⁾ См. А. Θ. Кистяковскаго: „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ“, стр. 12—13, и Теличенка: „Очеркъ кодификаціи малорос. права“, Кіев. Стар., 1888 г., сентябрь.

²⁾ А. Θ. Кистяковскій, *ibid.* стр. 10.

Печатаемыя матеріалы составляютъ копіи пол. XVIII в.; они были найдены покойнымъ проф. У—та А. А. Федотовымъ-Чеховскимъ и хранятся въ Кіевск. центр. архивѣ.

Сообщилъ М. В.—Б.

•

I.

„Сказка“ о служебной дѣятельности В. Стефановича, представленная имъ самимъ по требованію гетмана гр. К. Г. Разумовскаго, — 14 января 1762 года.

1762 года, генваря 14 дня. За силу его высокородия гп—дна асаула генералнаго Журавки, в силѣ высокаго его графскаго сиятельства, ясневелможнаго высокоповелительнаго гп—дна, гп—дна Малия Россіи, обохъ сторонѣ Днепра и войскъ Запорожскихъ гетмана и разныхъ ординаровъ кавалера повелѣнія, в полковой Лубенской канцеляріи полученнаго ордера, судія полковій лубенскій Василь Стефановичъ в оной полковой канцеляріи сказкою показалъ:

1. Состоить ему, Василю Стефановичу, от роду лѣтъ шестьдесятъ пять; ¹⁾ между тѣмъ, в давнихъ мимошедшихъ годахъ, учился онъ, Стефановичъ, академическихъ учений в Кіевѣ и, оконча тамо философію и богословію, з Кіева отлучась, былъ в Германіи, в Силезіи, Саксонѣи, Моравіи, в Богемѣи—в Пряги, в Австріи—в Виеннѣ, в Италѣи: в Медіаланѣ, в Венеціи и в Римѣ, и в другихъ знатныхъ мѣстахъ, а учился в разныхъ академіяхъ тамо чрезъ шесть лѣтъ на своемъ коштѣ, для лучшей прислуги отечеству своему, и в цесарской Леополдинской Вратиславской академіи произведенъ в магистри и учителемъ философіи и наукъ, на что и печатній ему въ 1722 году данъ за цесарскою печатю патентъ, и с оного переводъ сообщаетъ.

2. А в прошломъ, 1724, году, поворотясь, онъ, Стефановичъ, з иностранныхъ государствъ, прибылъ в Санктпѣтербургъ к начинав-

¹⁾ Слѣдовательно, родился въ 1697 году.

шейся тогда тамо академіи, где сперва блженія и вѣчнославнія памяти государемъ императоромъ Петромъ Великимъ, самодержцемъ всероссійскимъ, взятъ былъ в императорскій дворъ, а оттуду, на прошение князя Меншикова, от Его Величества опредѣленъ былъ к Меншикову по дѣлу Сапѣжанскому за должніе ему от Сапѣги немаліе денги и за заложеніе маетности Гори-Горки и Думбрована,— и протчье; по якому дѣлу з многочисленнихъ писямъ переводъ, а послѣ экстракти дѣлалъ; а потомъ и грамоты от Его Императорскаго Величества на латинскомъ язѣи писалъ до его высочества короля полскаго и до Рѣчи-посполитои и оніе грамоты переводилъ жс, после чего и тіе маетности под россійское владѣніе были отдани, а дѣло отдано имѣется,—уповаеть онъ, Стефановичъ,—в іностраннихъ дѣлѣхъ коллегіи; при томъ же дѣлѣ замедлѣлъ онъ, Стефановичъ, даже до преставленія Его Императорскаго Величества от сего временнаго на вѣчное блаженство; а по преставленіи Его Величества, за неимѣніемъ еще тогда при академіи латинской типографіи, посланъ былъ в Ревель и тамо на латинскомъ язѣи печаталъ (и в исправки былъ) исторію преставленія и дѣйствъ Его Императорскаго Величества составу архіепископа Теофана Прокоповича; и после, не пожелавъ быть при Меншикову, отлучилъсѣ от двора и былъ при семинаріи у преосвященнаго Теофана, архіепископа великоновгородскаго, гдѣ и реторіи и філософіи профессоромъ былъ, и оставилъ по себѣ достойнихъ учениковъ, якіе і в знатніе люде произошли; на то же и данній от его преосвященства за рукою и печатю его патентъ сообщаетъ.

3. В прошломъ же 1729 году, позванъ будучи отъ покойнаго гетмана и кавалера Давіила Апостола, в Малую Россію прибылъ и дѣйствително ужс в Малой Россіи вступилъ тогда ж в службу и первіе, того 729 году мая 9, указомъ войсковои енеральной канцеляріи опредѣленъ былъ в комисію книгъ правнихъ, а послѣ от оногo покойнаго гп—дна гетмана и кавалера Апостола в томъ же 729 году пожалованъ в бунчуковіе товарищи и еще лохвицкімъ сотникомъ, на прошение тамошнихъ сотнянъ; да і еще з оногo сотничества сіятеливѣйшимъ графомъ высокоповелителнимъ гп—дномъ, гп—дномъ Малія Россіи, обоихъ сторонъ Днепра и войскъ Запорожскихъ гетманомъ и разнихъ ор.иновъ кавалеромъ, его сіятельствомъ Кирилломъ Григоріевичемъ Разумовскимъ пожалованъ полковимъ лубенскимъ судією,

за обыкновенными от всего полку Лубенского виборами; в якомъ чину и н-нѣ, онъ Стефановичъ, служить; на тіе же свои чини сообщаетъ подлинніе гетманскіе унѣверсали.

4. В тихъ же чинахъ будучи, онъ, Стефановичъ, служилъ по разнымъ нарядамъ и комендираціямъ, в походахъ: одномъ крымскомъ, а другомъ под Хотѣвнемъ, под командою генерала Румянцова, у Днѣпра, за Переясловлемъ, при закрытіи границъ; да проти Татаръ с тысячу команди былъ, когда они зѣмою были вторгнули в Миргородскій полкъ и тогдаж прогнани на линѣи; откудѣ и позванъ былъ в Глуховъ, в комисію книгъ правнихъ.

5. При той комисіи книгъ правнихъ служилъ чрезъ шесть годъ, живучи в Глуховѣ.

6. Былъ же еще от покойного гетмана и кавалера Апостола опредѣленъ в главный комисаріятъ і в ономъ служилъ при исправки комисарскихъ дѣлъ и при слѣдствіи об обидях в Гадяцкомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полвахъ, и содерживалъ самъ одинъ весьма затрудненную тогда щетную комисію, и тихъ полковъ полковихъ и сотенныхъ комисаровъ, ездячи по сотнямъ, за три года считалъ.

7. В 1731 году посланъ былъ за войсковими нужными дѣлами до двора Ея Императорскаго Величества в Москву, в иностранныхъ дѣлъ Коллегію; в якомъ походѣ и службѣ промедлѣлъ осмъ м-цей.

8. Сверхъ же того, в непрестанныхъ комисіяхъ разныхъ безпереривно служилъ, а іменно: 1) в розграниченіи полку Миргородского с Лубенскимъ; 2) в розграниченіи полку Лубенского с Гадяцкимъ; 3) за Днѣпромъ в комисіи Глинской и Цибулевской, и Криловской, с бунчуковимъ товарищемъ Иваномъ Остроградскимъ і войсковимъ канцеляристомъ Базилевичемъ; 4) в полку Прилуцкомъ по дѣлу бывшого еедмаршала Миниха за спорніе земли между Ярошовкою и Карпиловкою и за границу Прилуцкого полку; 5) в комисіи Хоружевской за спорніе землѣ с Недригайловцами и Смѣлянами; 6) в комисіи Смѣлянскои за спорніе землѣ козаков с монастыремъ Печерскимъ; 7) в комисіи Роменской и Коровинской; 8) в комисіи Бубновской и Мовіевской; 9) в комисіи Глинской и Перекопской; 10) на слѣдствіи о смертномъ убійствѣ и зажигательствѣ в селѣ Голѣницѣ; 11) в комисіи Сенчанскои дважды; 12) в комисіи Оржицкой по дѣлу Славуя; 13) в комисіи по дѣлу Мартосювъ в селѣ Ивахникахъ; 14) в комисіи Горошинской; 15) в ком-

мисіи за Глуховомъ, в селѣ Сопѣчахъ, за спорные землѣ между покойнимъ гетманомъ и кавалеромъ Апостоломъ и генералнимъ асауломъ Мануйловичемъ, былъ с тогдашнимъ генералнимъ асауломъ Лисенкомъ; і в другихъ меншихъ многочисленныхъ комиссіяхъ онъ, Стефановичъ, служилъ, якихъ всѣхъ и писать быlobи много, да и спомнѣть обо всѣхъ за давность времени не можетъ; на вышепоказанные же свои службы онъ, судія Стефановичъ, и письменные виды, якіе не сгорѣли, сискаться могли, самые подлинные сообщаетъ, а другіе во время пожара сгорѣли и растасканы между другимъ его, Стефановича, имуществомъ; ибо в Лохвицѣ жилой его домъ трожди сгорѣлъ, однакож о вышепоказанныхъ его, Стефановича, службахъ и сама полковая Лубенская канцелярія засвидѣтельствовать можетъ в самихъ ея опредѣленіи и нарядовъ, якож таіе комендираціи в болшой части от оной полковой канцелярії происходили.

9. Между теми же его, Стефановича, службами в опредѣленія полковой Лубенской канцелярії, за неимѣниемъ тогда еще настоящего судіи, онъ же, Стефановичъ, і в полковой канцелярії при правленіи колодничих и челобитческихъ дѣлъ служилъ по 751 годѣ.

10. В прошломъ же 751 году, онъ, Стефановичъ, пожалованъ от его ясневелможности, какъ вышей значиться, судіею полковымъ лубенскимъ, в томъ уже чину безотлучно при полковой резиденціи служить чрезъ одинадцать лѣтъ, не точию при правленіи судовихъ, колодничихъ и челобитческихъ дѣлъ, но при правленіи ежечасто полковой канцелярії, какъ о томъ и самой генеральной канцелярії небезизвѣстно есть в репортовъ и доношеній, отъ полковой канцелярії посылаемыхъ.

11. Онъ же, судія Стефановичъ, в отца, дѣда и прадѣда малоросіецъ; и его дѣдъ Тихонъ былъ полковій гадацкій асаулъ и, вѣрно высокомонаршому Россійскому престолу служачи, не щадя живота своего, в погонѣ татаръ, неподалече от Чигрина, убитъ от них и привезенъ до Хвастова, в тамошній церквѣ погребенъ далече еще до шведской руины, а в коемъ году, онъ, Стефановичъ, за давностію знать не можетъ, а только тое слыхалъ от отца своего и родного дяди, обозного генерального Якова Лизогуба; отецъ же его, Стефановича, былъ протопопъ гадацкій, и в самую шведскую руину без всякаго порока умре; да онъ же, Стефановичъ, и в близкомъ срод-

ствѣ находится с домомъ Лизогубовскимъ и Гамалѣевскимъ, в коихъ обоихъ домахъ и высочомонаршіе грамоты имѣются на дворянство.

Судія полковій лубенскій Василь Стефановичъ.

II.

Дипломъ, полученный В. Стефановичемъ отъ философскаго факультета Бреславскаго университета, — 3 іюля 1722 г.

Деканъ преславнаго факультету философскаго в преславномъ царскомъ и королевскомъ унѣверситетѣ Леополинскомъ Вратиславскомъ, езуицеомъ.

Отездя от насъ благородній и ученѣйшій гп—днъ Василій Стефановичъ, волнихъ наукъ и философіи магистеръ, похвалнимъ обичновеніямъ бывшаго его у насъ житія и ученій своихъ писменнаго свидѣтельства требоваль; справедливому прошенію дозлетваря и в дорогой цѣнѣ нами держимую добродѣтель и другимъ за слушность рекомендуя, симъ свидѣтельствуемъ, что онъ в преславномъ университетѣ Леополинскомъ Вратиславскомъ, в философскихъ ученияхъ, яко высочайшее достоинство философское, между первыми первій получить заслужилъ, такъ и трудился съ превосходительными талантовъ его рекомендаціями; для того достойнаго его аттестуемъ во всякомъ унѣверситетѣ допустить к богословскимъ учениямъ; к тому же сакламентовъ (sic) и добродѣтелей и нравовъ, якіе от академій требуются на образъ другимъ, постоянно всецѣлое изъявилъ правителямъ удовольство; для того добродѣтели и ученіемъ премного намъ себе, а черезъ насъ и другимъ учинилъ похвали достойнимъ, чего во вѣрность и сей патентъ, чина нашего печатю притисненній и собственною рубою нашею подписанній, ему данъ въ Вратиславѣ 3 дня м-ця іюля 1722 года.

Подлинній печатній подписано тако: Петръ Гордесъ, от соціетату езуитовъ факультету философскаго деканъ.

У сего патента болшая царская печать. (М. П.).

III.

Увольнительное свидѣтельство отъ должности учителя гимнази, выданное В. Стефановичу архіеп. Теофаномъ Прокоповичемъ, — 11 января 1729 г.

Отпущенъ от насъ сего обявитель, Василей Стефановичъ, по его желанію, которой отъезжая просилъ насъ о свободномъ себѣ абшитѣ

со свидѣтельствомъ бывшаго ево при насъ жытя и службы; и мы на его прошение симъ объявляемъ, что служилъ онъ при насъ в до-
мовой собственной нашей гимназіи учителемъ в реторикѣ и философіи
и жилъ съ 724 по нынѣшній 729 годъ во всемъ своемъ правленіи
честно, постоянно и неподозрительно, чего для ему, Стефановичу, и
сей абштитъ от насъ, за подписаніемъ руки нашей, в Москвѣ данъ
1729 года генваря 11 дня.

На подлинномъ тако: Смиренній Теофанъ, архиепископъ Вели-
кого Новаграда и Великихъ Луць.

У сего абшита, в вѣрное свидѣтельство, при подписаніи руки
вашей, печать приложена (М. П.). Въ книгу записанъ № 9.

IV.

*Приказъ гетм. Д. Апостола о назначеніи В. Стефановича въ число
лицъ, которымъ порученъ переводъ законовъ русскій языкъ,—12 мая
1729 г.*

П-не Стефановичъ! Поневажъ опредѣленъ в.м—сть отъ насъ
для переводу, по указу Е. В., книгъ правнихъ на русскій языкъ, того
ради в.м-сти при ономъ переводѣ быть и, якъ надлежитъ, з протчимъ
опредѣленными особами полѣщенное дѣло исправлять приказуемъ.

З Глухова мая 12 дня року 1729.

На подлинномъ тако: в.м-сти ласкавій Е. И. В. войска Запорож-
сваго обохъ сторонъ Днѣпра гетманъ Данило Апостоль.

V.

*Универсалъ гетм. Данила Апостола объ опредѣленіи В. Стефано-
вича бунчуковымъ товарищемъ,—6 нояб., 1729 г.*

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола ¹⁾. Всѣмъ, кому би о томъ
вѣдати надлежало, а особливе п-ну полковниковъ, нынѣ наказному, а
впредь совершенному гадацкому, п.п. старшинѣ полковой тамошней
и сотникамъ ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ, ижъ п-нъ Ва-
силій Стефановичъ чрезъ суплѣку свою просилъ насъ, абисмо, его

¹⁾ Здѣсь и далѣ мы опускаемъ длинный и многословный титулъ гетмана.

под нашу протекцію и оборону принявши, велѣли ему службу войсковую отправовать под бунчуковымъ знакомъ. Мы прето, гетманъ, прошеніе его, п-на Василя, принявши, вѣдаючи-же ку таковой службѣ згодность и способность, окриваемъ его нашею гетманскою протекціею и под бунчуковымъ главнымъ нашимъ гетманскимъ знакомъ службу войсковую отправовать ему опредѣляемъ; за симъ, вѣдаючи о такой волѣ нашей, п-нъ полковникъ гадацкій, нынѣ наказный, а впредь совершеній, п.п. старшина полковая, абы нѣвчомъ до него не интересовались; еслибы кто к нему имѣлъ якую претенсію, тотъ исскалъ би у насъ, гетмана, з него суда и сатисфакціи, кромѣ поточныхъ справъ и маловажныхъ, упоминаемъ и рейментарско приказуемъ.

Данъ въ Глуховѣ ноября 6 д. 1729 году.

На подлинномъ тако: Звышменованній гетманъ рукою власною (М. П.).

VI.

Универсалъ гетм. Дан. Апостола о командированіи В. Стефановича въ полки Полтавскій, Гадацкій и Миргородскій для ревизіи доходовъ и расходовъ, — 5 декабря 1729 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола.—Панамъ полковникамъ: полтавскому и наказному гадацкому, также п-намъ управляющимъ в полку Миргородскомъ и тихъ полковъ п-намъ старшинѣ полковой, сотникомъ, а особливе комиссарамъ полковымъ и сотеннымъ тамошнимъ и всѣмъ, кому би колвекъ о томъ вѣдати надлежало, ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ, ижъ учинилося намъ извѣстно, что комисаре означенныхъ Полтавского, Гадацкого и Миргородского полковъ, полковие и сотенние, непропорціональнымъ на консистентовъ провианту и фуражу опредѣленіемъ и переборами людемъ чинятъ обиди и отягощения, якихъ переборовъ на нихъ немало вискатися можетъ, од чого обивателѣ поносятъ обиду и разоренне; теде в оній Полтавскій, Гадацкій и Миргородскій полки ординовалисмо бунчукового товариша, п-на Василя Стефановича, которому, яко подѣчилисмо од вышеозначенныхъ комисаровъ полковыхъ и сотенныхъ за прошедшіе и настоящій годи, сколко на ти полки якихъ порознь опредѣлено было консистентовъ и сколко на оние, в якомъ полку и сотнѣ видано, на

которые м-спѣ и годы, натурою-ль или денгами порцій и рацій, и по якимъ квитанціямъ, взятъ щотъ, и праведное-ль од нихъ везде было чинено в опредѣленіи консистентовъ расположенне и не было-ль где якого излишнего перебору, подлинно зревѣдовать и, все тое порядочно с обстоятельствомъ на писмѣ спорадивши, за рукою намъ подать ведомость; такъ же приказуемъ, абы кого онъ, п-нъ Стефановичъ, к полѣценному его дѣлу для подлинного о томъ изслѣдованія востребуетъ, всякъ, а барзѣи комисаре полковие и сотенные, пред нимъ чинили сознаніе по самой сущой истиннѣ, вѣчего не утаеваа; а п-нове полковники полтавскій и наказній гадацкій, такъ же п-нове управляющіе в полку Миргородскомъ з п-нами старшиною полковою и сотниками свѣдчили ему, п-ну Стефановичу, надлежащее по его требованію в томъ полѣценномъ дѣлѣ помоществованіе, безъ противности и ослушанія, приказуемъ; тутже докладаемъ, абы онъ же, п-нъ Стефановичъ, будучи в полкахъ у той ревизіи, подлинно освѣдомилъ, не имѣется ли и од великороссійскихъ консистентовъ в переборѣ и в протчемъ обивателямъ якихъ обидъ, и, о томъ взявши такъ од комиссаровъ, яко и од самихъ тихъ, хто обиду имѣеть, з якимъ доказательствомъ извѣстие, даль намъ знати, предлагаемъ.

Данъ в Глуховѣ декабря 5 д. року 1729.

В подлинномъ тако: Звышеменованній гетманъ рукою власною (М. П).

VII.

Универсалъ гетм. Дан Апостола объ опредѣленіи В. Стефановича сотникомъ въ Лохвицу,—10 іюля 1730 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ п-ну полковниковѣ лубенскому з старшиною полковою, сотникомъ и всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежатъ иметь: понеже в полку Лубенскомъ в сотнѣ Лохвицкой совершенного сотника нѣтъ, а от сотнянъ тамошнихъ подана намъ челобитная, за подписаніемъ войскового товариства и мѣщанъ, чтобъ опредѣлить имъ совершенного сотника с кандидатовъ троухъ, ими избраннихъ, а имено: п-на Василія Стефановича, бунчукового товарища, да з козаковъ тамошнихъ Романа Яковлева и Петра Терещенка; того ради, по усмотрѣнію нашомъ, по прошенію атамановъ, товариства и мѣщанъ, яко з помя-

нутих трох кандидатовъ п-нъ Василій Стефановичъ в сотню Лохвицкую сотникомъ от нас опредѣленъ, и в томъ чину на вѣрность Е. И. В. виконалъ тутъ в Глуховѣ присягу, такъ по силѣ данной намъ высочомонаршой Е. И. В. жалованной грамотѣ, имѣючи власть всякіе воинскіе и гражданскіе в Малой Россіи устроить порядки, его жъ, п-на Стефановича, на томъ сотничества Лохвицкого урядѣ властью нашою гетманскою утверждаемъ и чрезъ сей нашъ універсаль предлагаемъ, абы помянутой сотнѣ Лохвицкой атамания и товариство, его, п-на Василя Стефановича, знаячи за своего комендира, отдавали ему честь и послушание с обыкновеннымъ повиновениемъ; онъ же взаимне долженъ з оними сотнями своими обходиться чинно и порядочно, доволствуючи каждого въ нуждѣ его слушною расправою и сатисфакціею безобидно. Того ради и короговъ сотенную вручить ему при собрании товариства приказуемъ.

Данъ въ Глуховѣ юля 10 д. 1730 году.

На подлинномъ тако: Звышменованній гетманъ рукою власною (М. П.).

VIII.

Письмо полковника лубенскаго Петра Апостола къ В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, по дѣлу о раздѣлѣ крестьянъ между Криштоповичемъ и его мачихою, — 1 декабря 1730 г.

Мой зичливій приятелю, пане сотнику лохвицкій! В дѣлѣ сотника сенчанскаго пана Івана Криштоповича з мачехою его, явая посылается до в.м. ипструкція, по той в подѣлѣ имѣете управитись; а хотя в оной ипструкціи в третомъ пунктѣ показано, что и изъ людей деревнѣ Лучки удѣлить мачесѣ сотниковой третую часть, однакъ, понеже и самому п-ну сотнику означенной деревни люде не брѣпки, ибо на оныя універсалу гетманскаго не имѣется, по дѣлу чинить предлагаемъ и за тимъ в.м. зичимъ здравствовать.

Данъ въ Лубняхъ 1730, 1 декабря.

На подлинномъ тако: В.м. зичливій приятель, Е. И. В. войска Запорожскаго полковникъ лубенскій Петръ Апостоль.

ІХ.

Приказъ гетм. Д. Апостола В. Стефановичу явиться къ 1 янв. 1731 г. въ Глуховъ для перевода и свода Малороссійскихъ законовъ, — 2 декабря 1730 г.

П-не сотнику лохвицкій! Сего декабря 1-го д. 1730 году получили ми предостойнѣйшую высокомонаршую Е. И. В., з коллегіи иностранныхъ дѣлъ присланную в намъ, грамоту, в которой изображено, что ежели малороссійскіе права, названіе Маидебурскіе да Саксонскіе статуты, на славянскій языкъ непереведени и из трехъ въ едно не сведени, то приказать бы намъ кому из духовныхъ и свѣдѣныхъ то дѣлать без упущенія времени с прилѣжаніемъ, о чомъ прошлого 1729 году из Святѣйшаго Правительствующаго Синоду к духовной власти указами особенно писано, и, какъ скоро возможно, то здѣлавъ, прислать в Москву и въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, намъ писать. Того ради явъ до прочихъ персонъ, для перевода и свода книгъ опредѣленныхъ, послани наши указы, такъ и до в. м-сти пишучи пишно предлагаемъ, абись в. м., по силѣ оной высокомонаршой грамоты и по двократному указу нашему для означенного перевода и свода, приездилъ в Глуховъ слѣдующаго януарія на первое число пребудущаго 1731 году всеконечне, без жаднихъ одговорокъ, даби, за неприездомъ в.м-стинимъ, в томъ дѣлѣ не учинилась остановка. А если би не имѣлъ в.м. на означенное число присхать, то нарочіи от насъ послани будутъ и з безчестіем в. м-ти сюда приприводять, где, за припровоженіемъ его сюда, и убытки тимъ, которіе, к томужъ переводному дѣлу означены, завременно в Глуховъ прибудутъ, без битности в.м. тутъ стануть жить и напрасно убито-чаться, пополнати будешъ, объявляемъ.

З Глухова декабря 2 дня 1730 году.

На подлинномъ тако: В.м-ти ласкавій Е. И. В. войска Запорожскаго обохъ сторонъ Днѣпра гет. Данило Апостоль.

Х.

Повторительный приказъ гетм. Д. Апостола В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, явиться въ Глуховъ для занятій по своду и переводу законовъ къ назначенному сроку, — 13 декабря 1730 г.

П-не сотнику лохвицкій! Сего декабря 2 дня 1730 году, по силѣ высокомонаршой Е. И. В. з Коллегіи иностранныхъ дѣлъ в намъ

присланной грамоты, писано от насъ до В.м., даби для переводу и своду книгъ правнихъ приѣздилъ в Глуховъ слѣдующого януарія на 1 число предъидущого 1731 году всеконечно, безъ жаднихъ отговорокъ, чтобъ, за неприездомъ в.м-ти, намъ в томъ дѣлѣ не учинилоя остановки. А если би неимѣлъ на означенное число приехать, то нарочніи от насъ посланни будутъ, где, за припровоженіемъ его сюда, и убитки тимъ, которіе, в томуъ переводному дѣлу опредѣлены, завременно в Глуховъ прибудутъ и станутъ жить, и напрасно убиточиться, пополнати мѣтеъ. Такъ и теперъ, повторне до в.м. пишучи, предлагаемъ, абысь в.м. для означеннаго переводу и своду книгъ правнихъ к означенномуъ числу приездилъ в Глуховъ непремѣнно, ибо сегожь декабря 10 дня и его сиятельство г-днѣ генераль маіоръ сенаторъ и кавалеръ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской к намъ писалъ и требовалъ по вышепоказанной високомонаршой грамотѣ исполнения немедленно.

3 Глухова декабря 13 д. 1730 году.

На подлинномъ тако: В.м-сти ласкавіи Е. И. В. войска Запорожского обохъ сторонъ Днепра гетманъ Данило Апостолю.

XI.

Приказъ гетм. Дан. Апостола сотникамъ: глуховскому, кролевечкому, воронежскому и новомлинскому, чтобы посполитые ихъ сотенъ доставляли дрова для отопленія дома, отведеннаго для заспданій комиссіи свода законовъ,—9 января 1731 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. П-мъ сотникамъ: глуховскому, кролевечкому, воронежскому и новомлинскому, з ихъ урядами объявляемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ: понѣже в опредѣленномъ для своду по указу Е. И. В. книгъ правнихъ дворѣ на отопление избъ дровъ не имѣтеся; того ради, аби вышеозначение п.п. сотники з своихъ сотенъ приказали посполитими людьми, в онихъ сотняхъ найдучи мися, дровъ, что потребно будетъ, до двору нашего Бѣлополовскаго, которій для оногo своду правнихъ книгъ опредѣленъ, вистатчити, и впредь до окончания того дѣла вистатчать и отдавать в томъ дворѣ сотниковѣ лохвицкому п-ну Василию Стефановичу, которій при вышеозначенномъ же переводѣ и сводѣ правнихъ книгъ найдутеся.

Данъ в Глуховѣ генвара 9 дня 1731 году.

На подлинномъ тако: Звышменованній гетманъ рукою власною (М. П.).

XII.

Приказъ гетм. Данила Апостола В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, явиться въ Глуховъ для отправки его въ Москву съ переводомъ законовъ,—9 мая 1731 г.

Пане сотнику лохвицкій! За получениемъ сего нашего указа призываемъ, абись в.м., всѣ свои домашние оставивши забави, якъ найскорѣй приездилъ к намъ в Глуховъ, отколь мѣшъ выправленъ быть до двору Е. И. В. с переводомъ части правнихъ книгъ, в Москву, понеже в.м. и самъ просилъ насъ, чтобъ ми чрезъ в.м-сти оній переводъ послали, при чемъ би и собственное свое дѣло могли в.м. тамъ, в Москвѣ, исправить; якое в.м.-тино немедленное прибытие и повторе пилно призываемъ.

З Глухова мая 9 д. 1731 году.

На подлинномъ тако: В.м-ти ласкавій Е. И. В. войска Запорожскаго обохъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ Данило Апостоль.

XIII.

Паспортъ, выданный гетм. Даниломъ Апостоломъ В. Стефановичу при отправленіи послѣдняго въ Москву,—16 іюля 1731 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. Объявляемъ симъ нашимъ пашпортомъ почтеннымъ господамъ воеводамъ, коммендантамъ и всякого чину в городахъ и селахъ великороссійскихъ, такожь на заставахъ команду имѣющимъ, и всѣмъ, кому бы о томъ вѣдати надлежало, якъ сотника лохвицкаго Василия Стефановича, отправившагося в дѣлахъ войсковыхъ, проводятся на двоихъ возахъ в Москву естные и питейные припаси, и даби в городахъ и селахъ великороссійскихъ тие припаси безъ задержанія пропущано. Чего ради во увѣреніе, за рукою нашею гетманскою и печатью войсковою, сей пашпортъ данъ в Глуховѣ іюля 16 д. 1731 году.

На подлинномъ тако: Звишменованній гетманъ и кавалеръ рукою власною (М. П.).

XIV.

Паспортъ, выданный гетм. Даниломъ Апостоломъ В. Стефановичу, возвратившемуся изъ Москвы и пѣдущему въ Лохвицу,—18 сентября 1731 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. Старшинамъ рейменту нашего, в городахъ и селахъ по тракту от Глухова до Лох-

виць обрѣтаючимся, и всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ иметь, симъ нашимъ ознаямемъ пошпортомъ, ижъ прибувшій з Москви панъ Василій Стефановичъ, сотниель лохвицкій, которій туда посланъ былъ в войсковихъ дѣлахъ, простуетъ в домъ свой в Лехвицю, второму въ томъ пути дабы давано было подводъ чотири с проводникомъ безъ всякаго задержания, приказуемъ.

Данъ в Глуховѣ сентевря 18 д. 1731 году.

На подлинномъ тако: Звышменованній гетманъ и кавалеръ рукою власною (М. П.).

На оборотѣ листа читаемъ: „Свидѣтельствовали: Обозній полковій Василь Кулябка. Писарь полковій Іаковъ Корнѣевичъ. Канцеляристъ Григорій Бѣлашъ.

XV.

Приказъ гетм. Дан. Апостола В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, немедленно явиться въ Глуховъ съ тою частію книгъ законовъ, которая ему была поручена для перевода, — 9 марта 1732 г.

И-не сотнику лохвицкій! Прошлого 1731 году, сентевріа 19 и октовріа 16 чисель, писано от насъ до опредѣленныхъ персонъ для переводу и своду книгъ правнихъ, дабы они означенные себѣ части, не опуская ничего, переводили не скоро и легко, но прилѣжно и весьма тщательно, а переведши привозили би в Глуховъ на срокъ другой недели настоящаго Великаго поста для исправки и апробаціи общей; а понеже и по сее время з о предѣленными имъ книгъ правнихъ частми они не поприездили в Глуховъ, — того ради поновително имъ сего на датѣ положенного числа от насъ писано, даби, за получениемъ нашего указа, з означенными имъ книгъ правнихъ частми приездили в Глуховъ немедленно, где и В.м-сти з опредѣленною тихъ книгъ частію, для апробаціи и своду онихъ книгъ вскорѣ надлежитъ быти; сего ради, абись, по полученіи сего указа, с тоєю себѣ опредѣленною для переводу книгъ правнихъ частію, а барзѣй для апробаціи и своду онихъ, приездилъ в Глуховъ со всякимъ поспѣшениемъ, пилно предлагаемъ.

З Глухова марта 9 1732 году.

На подлинномъ тако: В. м-ти ласкавій Е. И. В. войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ Данило Апостоль.

XVI.

Приказъ гетм. Дан. Апостола В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, явиться въ Глуховъ къ 1 мая (1732 г.) съ порученною ему для перевода частию законовъ, для общей справки ихъ, подъ угрозою штрафа за неявку,—17 марта 1732 г.

Пане сотнику лохвицкій! Писали ми ордерами пред симъ трикратне якъ до прочіихъ персонъ, которимъ для перевода и своду вручены части правнихъ книгъ, такъ и до в.м-ти, дабы оныхъ книгъ правнихъ части опредѣленіе, со всякимъ тщательствомъ и с прилѣжностію переведши, привозили для общей справки до Глухова на термѣнъ минувшей другой недѣли сего Великого поста; а понеже по сее время по тимъ ордерамъ з оними переводними показаніе для перевода опредѣленіе персоны в Глуховъ не явились,—того ради мы, для наступающихъ святъ воскресенскихъ, тотъ приездъ всѣхъ онихъ персонъ отложивши до прїйдучого м-ца мая 1 числа, (приказуемъ, абы) приездилъ в Глуховъ непремѣнно, на который срокъ и протчимъ з оними переводами персонамъ приездить велѣлисмо; а не имѣлъ би в.м. на тоє число сюда стать и переводъ свой привозить, за то в.м. останеша въ штрафѣ и в отвѣтствію, понеже то предлежитъ исполнить по указу Е. И. В., о что и повторе пилво упоминаемъ.

З Глухова марта 27 д. 1732 году.

На подлинномъ тако: В.м-сти ласковіи Е. И. В. войска Запорожскаго обохъ сторонъ Днепра гетманъ и бавалеръ Данило Апостоль.

XVII.

Паспортъ, выданный гетм. Дан. Апостоломъ Стефановичу для проъзда въ Прилуку, идъ, ради близости създа, назначено засьданіе комиссіи по переводу и своду законовъ,—7 іюля 1732 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. Старшинамъ рейменту нашего, в городахъ и селахъ обрѣтающимся, объявляемъ симъ нашимъ пашпортомъ: понеже по указу напомъ велено переводъ и сводъ книгъ правнихъ опредѣленнымъ в тому персонамъ сочинять ближайшого ради създу в городъ Прилуцъ, того ради, аби сотниковѣ лохвицкому, п-ну Васвилю Стефановичу, едучому нынѣ з Глухова в полкъ

Лубенскій в городъ Лохвицю в домъ свой, а из дому его до Прилуки, и изъ Прилуки в Глуховъ, если случай позоветъ, либо и в домъ е стамъ и оттуду возвратно в Прилуку, покаместъ означенное дѣло окончится, везде давано згородскихъ и уездныхъ подводъ чотири и возака в проводники, приказуем.

Данъ в Глуховѣ июля 7 д. 1732 году.

На подлинномъ тако: Звышменованный гетманъ и кавалеръ рукою власною (М.П.).

ХVIII.

Увѣдомленіе гетм. Д. Апостола о томъ, что имъ сдѣлано распоряженіе о присылкѣ писцовъ въ Прилуку, куда должны съѣхаться Стефановичъ и его товарищи, назначенные для перевода законовъ, — 16 октября 1732 г.

Пане сотнику лохвицкій! Листомъ своимъ, сего октовр. 13 д. к намъ присланнимъ, пишешъ в.м. объявляючи, что время тое надходитъ, которого по указу нашему надлежитъ в.м. с товариши своими на сровъ подлугъ росписокъ в.м-тей ѣхать в Прилуку для повѣренного в.м-темъ дѣла; того для требовалъ в.м., дабы от насъ предложено было до п.п. полковниковъ о присылки писцовъ з добрими характерами в Прилуку, а найпаче тѣхъ, о которихъ в.м. в нашу войсковую Генералную канцелярію реестръ подавъ, на что предлагаемъ, что еще минувшаго августа 11-го предложено от насъ указомъ до п.п. полковниковъ, дабы они, не ожидая повторного от насъ указу, на який сровъ ви мѣли востребовать, прислалъ бы всякъ съ п.п. полковниковъ двоухъ писцовъ добрихъ з чистими характерами для переписки переводнаго дѣла, з харчевимъ припасомъ в Прилуку без умедлѣння; однакъ и теперъ по требованію в.м-стиному в подтвержденіе до п.п. полковниковъ о присылки в Прилуку писцовъ, в реестрѣ в.м-стиномъ написаннихъ, предложено.

З Глухова октября 16 д. 1732 году.

На подлинномъ тако: В.м-сти ласкавій Е. И. В. войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ Данило Апостоль.

XIX.

Письмо лубенскаго полковаго судьи Семена Максимовича къ В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, по дѣлу Роменскаго протопопа Павла Свѣта,—23 мая 1739 г.

М-цѣ пане сотнику лохвицкѣй, мой велце м-цѣвѣй пане свате и благодѣтелю! Пречестнѣй отецъ протопопъ роменскѣй Павелъ Свѣтъ подалъ в полковую Лубенскую канцелярію под превысочайшимъ Е. И. В. именемъ челобитную на значковаго полку Лубенскаго товариша Данила Савойска и его сыновъ в многихъ починенныхъ ему обидахъ, гвалтахъ и о прочемъ, з прилѣжнымъ словеснымъ прошеніемъ о учиненіи по тому челобитію безъволежитнаго слѣдствія и по силѣ правъ малороссійскихъ рѣшенія: а понеже, за нынѣшнею старшини и значковихъ товарищей в походъ отлучкою, оногo слѣдствія весма поручить надежному нѣкому, мнѣ же самому, оставя многочисленныхъ в полковой канцеляріи дѣлъ, отлучиться никакъ не мощно; того ради велце прошу в.м. и пана, для прилѣжнаго его пречестности прошения, не отрезъ съехать в Хмелевъ и, пригласивъ к себѣ в присутствіе значковаго товариша Ивана Залюбовскаго да суда полковаго Лубенскаго писара Федора Дергая, к которымъ о томъ посланы ордеры, учинить о показанныхъ обидахъ, гвалтахъ и побояхъ с надлежащимъ обстоятельствомъ слѣдствіе, а по слѣдствію, если мощно будетъ, въ силѣ правъ рѣшеніе; если же оногo рѣшенія зачимъ учинить будетъ не мощно, то, приложя мнѣніе, прислать оное в полковую канцелярію; означенная же челобитная его пречестности, тако ж протести на ратушъ роменскую, якъ от его пречестности, тако и от атамана Хмелевской сотнѣ великобубновскаго, поданіе, и потому чиненное слѣдствіе, и осмотръ, бывшій в ратушу роменскомъ, над побитыми от пана сотника роменскаго, в полковую канцелярію при писмѣ присланіе, при семъ к в.м. м. пану сообщаю для оппроціи и за тѣмъ остаюсь по всегдашнему (в подлинномъ тако:) в.м. м. пану всезичливѣй свать и слуга судія Семень Максимовичъ.

Мая 23 д. 1739 году. Лубнѣ.

XX.

Универсалъ гетмана гр. К. Г. Разумовскаго о назначеніи В. Стефановича лубенскимъ полковымъ судьей,—14 сентября 1751 г.

Обычный титулъ гр. К. Г. Разумовскаго. Г-подамъ генеральной

малороссійской старшинѣ, полковникамъ, а особливе полковнику лубенскому, старшинѣ полковой, сотникамъ того полку з урядами и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, симъ нашимъ унѣверсаломъ объявляемъ: предъ симъ, по имѣвшомуся извѣстію, что судія полковій лубенскій Андрей Павловскій прошлого 1750 году декабря 20-го умре,—по данному от насъ генеральной войсковой канцеляріи ордеру, в ту судейства полкового лубенского должность от оной генеральной канцеляріи опредѣленъ отставній лохвицкій сотникъ Василь Стефановичъ, до избрания на оное лубенское судейство подлугъ правъ и малороссійскихъ обыкновеній кандидатовъ; а нынѣ, понеже полковникъ лубенскій з старшиною полковою и сотниками допощениемъ намъ представили, то по силѣ высомонаршихъ указовъ, прежнимъ примѣромъ и обыкновеніемъ и общимъ согласіемъ, в тотъ судейства полкового чинъ выбрали кандидатовъ з людей добрихъ, заслуженныхъ, в вѣрности неподозрительныхъ и того чина достойныхъ, показанного сотника Стефановича да пирятинскаго сотника Григорія Корнѣевича, и что оніе того чина достойни, об опредѣленіи з ихъ одного в тотъ судейства полкового чинъ просили нашего разсмотренія; для того мы, из оныхъ представленныхъ намъ кандидатовъ усмотря бытъ того судейского чина достойнымъ правившаго у судейства должность сотника Василя Стефановича, по данной намъ от Е. И. В. власти, опредѣляемъ упомянутого Стефановича в полкъ Лубенскій настоящимъ полковимъ судією, симъ нашимъ унѣверсаломъ повелѣвая притомъ, дабы полковникъ лубенскій, старшина полковая, сотники того полку и значковне товариши и всѣ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, о такомъ нашемъ опредѣленіи вѣдая, оного Стефановича за настоящаго судію полкового признавали и почитали; онъ же, судія полковій лубенскій Стефановичъ, в томъ чину судейства полкового лубенского будучи, полковнику тамошнему, яко командиру своему, имѣетъ бытъ послушнымъ, а в должности своей поступать и исправляться радѣтельно и справедливо, доволствуя всякаго в суднихъ дѣлахъ в силѣ малороссійскихъ правъ надлежащею и безволокитною росправою; чего во утверждение и сей нашъ унѣверсалъ з подисомъ нашимъ и при печати національной ему, судіи Стефановичу, дать повелѣли; а оній Стефановичъ в томъ чину на вѣрность Е. И. В. к присяги zde приведенъ.

Данъ в Глуховѣ 1751 году сентабра 14 д.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII отд. III.

Оригинальный подписанъ тако: Гетманъ графъ К. Разумовскій (М.(національной)П.).

XXI.

Аттестатъ о безпорочной службѣ В. Стефановича, выданный ему изъ полковой Лубенской канцеляріи, — 18 марта 1752 г.

Судия полковій лубенскій Василій Стефановичъ поданнымъ въ 1752 г. в полковую Лубенскую канцелярію доношеніемъ представилъ, что служить онъ уже двадцать чотири года и по всякимъ указнымъ нарядамъ отправлялъ служби, якъ в чину сотничества и бунчукового товариства, такъ и н-нѣ в чину полкового судейства вѣрно и радѣтельно, былъ же в комисіи книгъ правнихъ при переводѣ и сводѣ ихъ чрезъ осмь годъ на своемъ коштѣ въ Глуховѣ неискходно; за частими же указными нарядами чрезъ все вышеупомянутое время мало когда и в убогомъ его домишву обретался, ибо и за войсковыми общенародными дѣлами отправленъ былъ от покойного г-дна гетмана и кавалера Апостола к двору Е. И. В. в иностранныхъ дѣлъ Коллегію, прожилъ немалое время в Москвѣ на своемъ же коштѣ, а особливо и в главномъ комисаріатѣ трудился не мало, о чемъ всемъ и Генеральной войсковой и полковой Лубенской канцеляріямъ не безвѣстно; и до того трудился в обученіи честнихъ наукъ чрезъ лѣтъ шестнадцать, в томъ числѣ и в Герминіи и в Италиі прожилъ чрезъ шесть лѣтъ на его отца оставшомъся коштѣ, где и происведенъ в доктори наукъ и философіи в Леополдинской цессарской академіи; да і в Санктпѣтербургѣ производилъ учение реторики и философіи чрезъ пять лѣтъ; и на то все имѣются у его честние и достойные аттестати; хотя же, респектомъ взирая на его радѣтельные служби и труда, вышеупомянутой г-пднѣ гетманъ и кавалеръ Апостолъ далъ былъ ему, судіи Стефановичу, в полку Лубенскомъ в сотнѣ Лохвицкой село Жабки, а в немъ пять десять дворовъ, да в селѣ Ригахъ опредѣлено было двадцать дворовъ, точию по представленіи (sic) его, гетмана, содержавшій правление гетманское князь Шаховскій оные села Жабки и Риги от него судіи отобралъ; и село Жабки опосля отдано хоружому нѣжинскому Гривѣ, а Риги грузинцамъ¹⁾ отойшли; онъ же,

¹⁾ Грузинамъ (выходцамъ изъ Грузіи) при императрицѣ Аннѣ роздано было множество нѣмнѣй въ южной Малороссіи.

Стефановичъ, остался ни при чемъ, а производа по указамъ всегдашние долговременные радѣтельные службы, и, что по его женѣ взялъ былъ, все тое на оныя службы истощилъ, и дачей никакихъ ни на персону, ни на рангъ его, противу другихъ собратій и сочиновниковъ его, весьма ничего не имѣеть, да и купленныхъ грунтовъ уже мало осталось, отчего онъ, Стефановичъ, пришелъ в скудность, и служить долже ему самому и дѣтямъ его, коихъ онъ уже изучилъ и в службѣ годныхъ зготовилъ, будетъ ни с чего; и просилъ онъ, Стефановичъ, в засвидѣтельствование тѣхъ своихъ службъ, что за оныя высочайшій Е. И. В. милости и награждения достоинъ з полковой Лубенской канцеляріи аттестата. А понеже о вышповозанныхъ его, судіи Стефановича, службахъ и трудахъ, вторые онъ порядочно и ревностно отправлялъ намъ, нижеподписавшимся, довольно извѣсно, да и н-нѣ онъ, судія, по чину и должности своей в произвожденіи и отправленіи всякихъ судебныхъ челобитческихъ, колодничихъ и другихъ дѣлъ прилѣжные и неусипные труды имѣеть и, при полковой резиденціи безотлучно у тѣхъ дѣлъ находясь, иждивается, и, какъ человѣкъ в имѣніи скудный, содержать себе по надлежащему без жадного опредѣления крайнѣ не можетъ; того рады, яко за тѣ свои ревности в служби и труда онъ, судія полковій Стефановичъ, Высочайшей Е. И. В. милости и награжденія, по высокому... 1) графа Кирылла Григорьевича его сятельства Разумовскаго благоусмотренію достоинъ, такъ ему, судіи Стефановичу, за подписомъ рукъ нашихъ данъ сей з полковой Лубенской канцеляріи в томъ аттестатъ.

В Лубняхъ 1752 года 18 д. марта.

На подлинномъ тако: Полковникъ лубенскій Петръ Апостоль. Полковій лубенскій писарь Андрѣй Стефановъ. Асаулъ полковій лубенскій Григорій Манжовъ. Хоружій полковій лубенскій Иванъ Жуковский (М.П.).

XXII.

Репортъ гродскаго Лубенскаго суда Малороссійской коллегіи о смерти В. Стефановича, помковаго судьи, — 19 марта 1773 г.

Въ Малороссійскую коллегію изъ гродскаго Лубенскаго суда репортъ. Прошлого м-ца февраля 12 дня, полковій лубенскій судія

1) Обычный титуль гр. К. Г. Разумовскаго опущенъ.

Василій Стефановичъ, по приключившойся ему жестокой болезни, волею Божією умре, о чемъ в Малороссійскую коллегію судъ гродскій Лубенскій репортуеть.

Полковій обозній Павелъ Кулябка. Полковій писарь Григорій Ковалевскій.

1773 года марта 19.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СЛѢДСТВІЕ

О МАЕТНОСТЯХЪ

КІЕВСКАГО ПОЛКА,

1729—1730 гг.

Сообщилъ Н. П. Василенко.

„Слѣдствіе о маетностяхъ“ было произведено въ 1729—1730 гг. и имѣло цѣлью, съ одной стороны, привести въ извѣстность общее число „маетностей“, розданныхъ и подлежащихъ раздачѣ, а съ другой опредѣлить, согласно „рѣшительнымъ пунктамъ, даннымъ гетману Данилу Апостолу“, права, на основаніи которыхъ владѣли „маетностями“ различныя лица и учрежденія. Съ этою цѣлью была образована особая комиссія изъ генеральной старшины и полковниковъ, которая должна была заняться повѣркой свѣдѣній о маетностяхъ, имѣвшихся въ канцеляріи Министерскаго правленія. Повѣрка производилась сначала на мѣстѣ полковою старшиной, которая, принимая во вниманіе показанія старожиловъ и юридическихъ документовъ, дополняла или исправляла *ревизорскія книги*; комиссія же, пользуясь добытыми этимъ путемъ свѣдѣніями, опредѣляла уже различныя виды маетностей: наслѣдственныя, ранговыя, монастырскія, ратушныя и свободныя войсковыя. Въ случаяхъ сомнительныхъ рѣшалъ гетманъ по докладу комиссіи. Такимъ образомъ „Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ“ заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе важныя данныя для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи.

Къ сожалѣнію только, книги „Слѣдствія“ извѣстны намъ не по всѣмъ полкамъ. Книги Лубенскаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ, если не утеряны, должны, мы думаемъ, находиться въ архивѣ Сената, куда онѣ въ свое время были отосланы.

Изъ извѣстныхъ намъ книгъ „Слѣдствія“ до сихъ поръ не была ни одна напечатана. Въ настоящее время „Слѣдствіе Черниговскаго полка“ печатается А. М. Лазаревскимъ въ „Черниговскихъ губ. вѣдомостяхъ“ и выйдетъ отдѣльной книгой, а „Слѣдствіе Гадяц-

каго полка“ въ непродолжительномъ времени будетъ въ полномъ объемѣ напечатано нами въ „Полтав. губ. вѣдомостяхъ“ и отдѣльно.

Каждая книга „Слѣдствія“ состоитъ изъ двухъ частей: самаго слѣдствія и юридическихъ документовъ. Мы ограничиваемся пока печатаніемъ на страницахъ „Чтеній“ только „Слѣдствія“ Кіевскаго полка, надѣясь со временемъ выпустить въ свѣтъ и документы. „Слѣдствіе,“ въ свою очередь, распадается на три части: 1) данныя ревизорскихъ книгъ 1726 года, 2) повѣрка полковой старшины и 3) приговоръ комиссіи. Первую и третью части мы печатаемъ цѣликомъ подъ заглавіями, какія даны имъ въ книгѣ „Слѣдствія“. Вторую же часть помѣщаемъ въ извлеченіяхъ въ видѣ примѣчаній къ третьей, съ которою она (вторая часть) во многомъ дословно сходна.

Рукопись, изъ которой мы заимствовали вышеуказанный матеріалъ, не подлинникъ, а современная ему копія; хранится она въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго, въ Кіевѣ.

Н. Василенко.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка 1729—31 гг.

1. Справка изъ ревизіи о маетностяхъ Кіевскаго полка 1726 года,
произведенная въ 1729 г.

По справке въ канцеляріи министерскаго правленія съ ревизорскими книгами, которая ревизія во всей Малой Россіи чинена въ 1726 г., по имянному блаженніа и вѣчнодостойніа памяти Ея Императорскаго Величества увазу, Глуховскаго гварнизона оберафицерами, посланными изъ бывшой Малороссійской Коллегіи, какіе въ Малой Россіи обретаются местечка, сели и деревни, хутори, званіями каждая порознь, и что въ тѣхъ маетностяхъ дворового числа, и кто ими и по какимъ крепостямъ владееть, значится ниже:

Сотнѣ Козелецкой:

Сели *Данювка*—24, *Гламазди*—8, въ *Берлозахъ*—1, въ городе *Козелце*—5, въ *Опенкахъ*—5, въ *Лихольткахъ*—3,—итого 46 дворовъ; владееть Кіевскаго полку Козелецкаго монастыра игумень Теофанъ Степанскій зъ братією по унѣверсалу гетмана Скоропадскаго, даному 1709 году; а съ какихъ оние сели, о томъ въ ономъ унѣверсалѣ не показано.

Село *Красиловка*—8 дворовъ; владееть бывшего полковаго канцеляриста Климентія Радича жена ево Марія по жалованной грамоте, данной мужу ея въ 1719 году ¹⁾ въ вѣчное владеніе; при томъ мельница на рекѣ Острѣ объ одномъ коле мучномъ; а на какой урядъ оное село принадлежало, того не показано.

Село *Ничаювка*—55 дворовъ; владееть Кіевской войтъ Димитрей

¹⁾ 1690 года.

Полоцкой по універсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1715 году въ спокойное владеніе; а на какой урядъ оное село принадлежало, того не показано.

Село *Калита*—44 двора; владеетъ Кіевской полковникъ Танской по жалованной грамоте, данной въ 1715 году на урядъ полковничества.

Село *Чемеръ*—56 дворовъ; владеетъ Кіевского полку полковой писарь Григорій Немеровскій, данное отъ полковника въ 1725 году на урядъ писарства.

Село *Держанувка*—63 двора; владеетъ Кіевского полку полковій судія Ілія Жила по жалованной грамоте, данной въ 1719 году въ вѣчное владеніе.

Село *Вовчокъ*—60 дворовъ; во владеніи Кіево-Софійскаго монастыря по грамотѣ 1709 г., и оной грамоти изъ того монастыря не обавлено.

Въ селѣхъ: *Новикахъ*—27, въ *Димеркахъ*—8, въ *Будищахъ*—24, въ *Сморикахъ*—20, *Блудшомъ*—16, *Беркове*—15, *Тополяхъ*—23, итого 133 двора; оніе села принадлежали до ратуши Козелецкой по універсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1718 году.

Деревня *Ставиская*—13 дворовъ; владеетъ Кіевского полку хоружіи полковій Василій Харсѣка временно, по приказу Кіевского полковника Танского.

Деревня *Шапъхи*—15 дворовъ; владеетъ Кіевского полку асаулъ полковій Еустафій Гречка по писму, изъ войсковой генеральной канцелярии данному въ 1727 году на урядъ эсаульства.

Села и деревнѣ при вышеписанной ревизіи въ сотнѣ Козелецкой опущеніе:

Села *Серединка* и *Надиновка* и деревни *Копачовъ* и *Спнжотское*—во владѣніи монастыря Елецкаго Успенскаго Черниговскаго, а почему, о томъ известія ніетъ.

Село *Димерка* и деревня *Ржавецъ* и хуторецъ *Оксакука* по написанному въ вѣдомости до сихъ поръ обретаются.

Сотнѣ Остерской:

Въ мѣстечке *Остре*—116; въ селѣхъ: *Гуте*—12, въ *Одинцяхъ*—8, въ *Булаховѣ*—12, въ *Савинѣ*—12; въ деревняхъ: *Волевачахъ*—8, въ *Вовчихъ-Горахъ*—5, въ *Упирахъ*—4; въ слободѣ *Старомъ Го-*

родъ подъ Остромъ—13,—итого 192 двора, принадлежащіе до ратуши Остерской.

Слободка подъ Остромъ—9 дворовъ; владеетъ Черникова полку ротмистръ Ѳедоръ Нестеренко по універсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1716 году за службы его въ спокойное владеніе; и при томъ винница; а на какой урядъ оная слободка принадлежала, того не показано.

Селы: *Карпиловка* съ уѣдомъ—32, *Виполовка*—33, *Лутава*—23, *Косолювка*—30,—итого 168 дворовъ; во владеніи Богоявленского Братского Кіевского монастыря; а почему оной монастырь владеетъ, о томъ ись того монастыря не показано.

Село *Воропаевъ*—37 дворовъ; во владеніи Кіево-Печерского монастыря съ 713 году; а почему оной монастырь владеетъ, о томъ ись того монастыря не показано.

Въ селѣ *Евменке*—170 дворовъ; владеетъ гетмана Скоропадского жена по жалованной грамотѣ, данной мужу ея гетману Скоропадскому въ 1718 году въ вѣчное владеніе; мельница на рекѣ Деснѣ на бойдавахъ объ одномъ воле мучномъ, да винница; а на какой урядъ оное село Евменково принадлежало, того не показано.

Въ селѣхъ: *Карпокахъ*—9, въ *Льточкахъ Мамихъ*—12, въ *Соболювки*—15,—итого 36 дворовъ; владеетъ Кіевского полку бунчуковій товаришъ Сергій Солонина по універсалу гетмана ізмѣнника Мазепи, данному въ 1689 году до ласки войсковой; ко онымъ селамъ 2 мельницъ на рекѣ Острѣ о двоухъ волахъ мучнихъ да винница; а на какія уряды оніе села принадлежали, того не показано.

Въ селѣ *Омеляновъ*—9 дворовъ; владеетъ Кіевской войтъ Дмитрей Полоцкой, данное ему въ посессию для сооруженія церкви и по універсалу гетмана Скоропадского въ 1713 году; а на какой урядъ оное село принадлежало, того не показано.

Въ селѣ *Буркахъ*¹⁾—29, *Котовъ*—50, *Олбинъ*—16, деревня *Савинка*—36, въ городѣ *Острѣ*—24, въ деревнѣ *Гуте*—1,—итого 131 дворъ; владеетъ Кіевской полковникъ Танской по жалованной грамотѣ, данной на урядъ полковничества въ 1715 году.

¹⁾ Т. е. въ Боркахъ, Остерскаго уѣзда.

Въ селѣ *Коптеве*—25 дворовъ; владѣль бывший бунчуковій товаришъ Данило Солонина по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1718 году до услугъ войсковыхъ, а по смерти нынѣ владесть жена его Параскевія.

Въ селѣ *Тарасовѣ*—21, *Дешковѣ*—14, *Пархимовѣ*—35,—итого 70 дворовъ; владесть Кіевскаго полку обозній Ѳедоръ Ханенко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1712 году за услуги войсковіе во владеніе.

Въ селѣ *Пархимовѣ*—3 двора; владеетъ бунчуковой товаришъ Семень Солонина по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному матери ихъ Татіане Петровой, жене Солониновой, въ 1714 году въ спокойное владеніе; а на каковой урядъ оное принадлежало, того не показано.

Въ деревняхъ: *Песоцкомъ*, *Гладкомъ* и *Шулякахъ*—25, въ *Курланскомъ* и *Святенкомъ*, у *Брагинцяхъ*—12 ¹⁾,—итого 37 дворовъ; владеетъ Кіевскаго полку асаулъ Николай Савенко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1715 году въ спокойное владеніе, при которомъ винница.

Въ деревнѣ *Скрипчинь*—10 дворовъ; владеетъ Кіевскаго полку ротмистръ Иванъ Кукуранъ по унѣверсалу полковника Танского, данному въ 1718 году за войсковіе услуги до ласки войсковой; а на каковой урядъ оное село надлежало, того не показано.

Въ селѣ *Красиловицѣ*—18, въ деревнѣ *Сокиринь*—3,—итого 21 дворъ; владеетъ Носовской сотникъ Иванъ Прутянулъ по унѣверсалу полковника Танского, данному въ 1721 году въ свободное владеніе временно, при которомъ винница.

Села *Церковица*—7 дворовъ; во владеніи Кіевскаго Софійскаго монастыря по грамоте 1709 г.; и оной грамоти и съ того монастыря не объявлено.

Села сотнѣ Остерскоѣ, при ревизіи оставленіе:

Села *Крехавъ* и *Боденки* подъ монастыремъ Михайловскимъ Золотоверхимъ Кіевскимъ обретаются; а почему, известія не имеегся.

¹⁾ Теперь Брегинички (Брагинцы), Козелецкаго уѣзда.

Сотнѣ Носовской въ ратушнемъ ведомствѣ:

Въ местечке *Носовке*—471 дворъ; съ нихъ прежде сего збиралася стація гетману на булаву и кухню, а нынѣ оніе сборы збираются на ратушу Козелецкую.

Въ местечке *Носовке*—10 дворовъ; владеетъ бунчуковій товаришъ Семень Шаула по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1718 году въ спокойное владеніе; 3 мельницы на рекъ Острѣ о трехъ колахъ мучнихъ, одно ступное; винница; а означенной бунчуковій товаришъ Шаула въ какомъ уряде обретається, того не показано.

Села *Казари*—106, *Ржавецъ*—32,—итого 138 дворовъ; владеетъ Кіевской полковникъ Автоній Танскій по жалованной грамоте, данной въ 1715 году на урядъ полковничества.

Изъ описнихъ въ роздаче:

Село *Адамовка*—52 двора; владеетъ господинъ генераль фонъ Вейзбахъ; 5 мельницъ о 10 колахъ мучнихъ.

Деревня *Киселевка*—8, село *Медведовка*—5,—итого 13 дворовъ; владеетъ Кіевского полку полковой судія Ілія Жила по жалованной грамоте, данной ему въ 1719 году ¹⁾ въ вѣчное владеніе; ко онымъ принадлежащая на рекъ Острѣ мельница о 2 колахъ мучнихъ да 1 коло валяшное.

Сотнѣ Кобыжской:

Въ местечке *Кобыжче*—54 двора, надлежащіе до Кобыжской ратуши.

Село *Свидовицъ*—32 двори; владеетъ значковій товаришъ Максимъ Циганчувъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1713 году отцу ево Павлу Циганчуку зъ ласки войсковой; а на какой урядъ оное принадлежало, того не показано.

Въ селѣ *Свидовицъ*—3 двора; владеетъ бывшого значкового товариша Семена Якимова жена ево Анастасія, Радіонова дочь, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1713 году мужу ея въ зуполное владеніе; а на какой урядъ оное принадлежало, того не показано.

---

¹⁾ 1690 году.

Село *Мокіевка* при вышеписанной ревизіи сотнѣ Кобыжской опущено.

Сотнѣ Бобровицкой:

Село *Бобровиця*—31 дворъ; владеетъ Кіевскій полковникъ Танскій по жалованной грамоте, данной на урядъ полковничества.

Въ местечке *Бобровице*—16 дворовъ; владеетъ бывшего Нѣжинского протопопа Павла Яворского жена ево удова Марія; по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1716 году мужу ея, помянутому протопопу, въ спокойное владеніе; при томъ мельница вешняя на рекѣ Добролявѣ.

Село *Ерославка*—68 дворовъ; во владеніи Видубицкого монастыря по жалованной грамоте въ 718 году; и оной грамоти исъ того монастыря не объявлено.

Въ селѣ *Сухинкѣ*—3 двора; владеетъ бунчуковій товаришъ Иванъ Забѣла по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному до ласки войсковой въ . . .¹⁾ году; при томъ двѣ мельницы на рекѣ Бобровице о трехъ колахъ мучнихъ, о четвертомъ ступномъ; третья мельница на рекѣ Острѣ объ одномъ коле мучномъ; винница; а на каковой урядъ принадлежало, того не показано.

Въ селѣ *Заворичахъ* и деревни *Мокрецахъ*—23 двора; владеетъ бывшего бунчукового товариша Кирила Солонини жена ево вдова Домна по жалованной грамоте, данной свекру ея бунчуковому товаришу Якову Солонинѣ 7198 году²⁾ во вѣчное владеніе; при томъ винница; мельница вешняя на рекѣ Гнезной объ одномъ коле мучномъ, да коло валяшное; а на каковой урядъ оніе принадлежали, того не показано.

Въ селѣ *Заворичахъ*—13 дворовъ; владеетъ бунчуковій товаришъ Федоръ Солонина по жалованной грамоте, данной дѣду ихъ Якову Солонинѣ въ 7198 году³⁾ во вѣчное владеніе; при немъ три мельницы на рекѣ Гнезной о двухъ колахъ мучнихъ; другая на рекѣ Трубеже объ одномъ коле мучномъ, да объ одномъ валяшномъ; двѣ винницы; а на каковой урядъ оное принадлежало, того не показано.

¹⁾ Пропускъ въ рукописи.

²⁾ 1690 г.

³⁾ 1690 г.

Деревня *Бершиця*—6 дворовъ; владеетъ Бобровицкой сотникъ Костантій Василювичъ по отдаче отъ полковника Кіевскаго Танскаго, временно; при томъ винница; а на каковой урядъ принадлежало, того не показано.

Въ деревнѣ *Марковцяхъ*—11 дворовъ; владеетъ полковникъ Танскій по жалованной грамоте, а нынѣ оную отдалъ брату своему Михайлу Танскому на время; а на каковой урядъ принадлежало, того не показано.

Въ селѣ *Мостицахъ*—58, въ *Семиполкахъ*—37, *Светомъ*—19, *Рудни*—39, въ слободки *Парчъ*—5, въ хуторе *Блудшемъ*—3,—итого 161 дворъ; владеетъ генераль лейтнантъ и кавалеръ графъ Дивіеръ по указу Его Императорскаго Величества.

Сотнѣ Гоголевской:

Въ местечке *Гоголеве*—75 дворовъ, надлежащіе до ратуши Гоголевской.

Село *Свѣтлинное*—59 дворовъ; владеетъ Кіевскаго полку полковникъ Танской по жалованной грамоте, данной ему на урядъ полковничества въ 1715 году.

Въ селѣ *Великой Старицѣ*—42 двора; владеетъ Кіевскаго полку бывшаго хоружаго Івана Сулими жена ево Марія по універсалу гетмана Скоропадскаго, данному въ 1713 году мужу ея, помянутому хоружому Сулимѣ, на урядъ хоружества.

Села и деревни, при вишписавной ревизіи въ сотнѣ Гоголевской опущеніе:

Село *Бобринъ* во владѣніи Федора Ханенка, обознаго полковаго Кіевскаго, обретається; а почему содержать, при сочиненной ревизіи не слѣдовано.

Сотнѣ Моровской:

Въ местечкѣ *Муровскѣ*—57, въ селѣ *Соколовки*—36, въ деревняхъ *Руднѣ*—17, въ *Коротѣ*—6, въ хуторахъ *Бондарахъ*—7, въ *Сукачахъ*—4, въ *Самойловки*—7,—итого 134 дворы; во владѣніи Святого Софійскаго монастыря за митрополитомъ по жалованной грамотѣ 1700 году; а и съ какихъ оніе селы и деревни, того въ той грамоте не показано.

Село *Обухово* — 50 дворовъ; владеетъ Кіевскаго гварнизона бригадиръ и оберкомендантъ Григорій Наумовъ по присланному Его Императорскаго Величества изъ высокаго Сената указу и по выписки, изъ Кіевской генераль-губернаторенской канцеляріи данной въ 1723 году; при томъ двѣ мельницы о двоухъ колахъ мучныхъ; а прежде сего на каковой урядъ оное принадлежало, того не показано.

А вишписанніе монастырскіе местечка, села и деревни прежде сего на якіе уряды принадлежали, того не показано.

И вишписанніе местечка, села и деревни прежде настоящихъ урядниковъ хочай и написани за якими были урядниками, толкожь по якимъ дачамъ, по грамотамъ ли монаршимъ или по унѣверсаламъ гетманскимъ, оніе содержатъ, того за давностью ясно показать и упомнѣть не можно; а настоящіе урядники по якимъ дачамъ или крепостямъ вынѣ содержатъ, о томъ противъ каждимъ местечкомъ, селомъ и деревнею въ экстрактѣ ревизіальной книги показано и что такъ есть свидѣтельствуемъ и росписуемъ. Въ подлинномъ подписались: Его Императорскаго Величества войска Запорожскаго полковникъ Кіевскій Антоній Танскій; Ѳедоръ Ханенко обозній полку Кіевскаго; Илія Жила, судія полку Кіевскаго; Григорій Немеровскій, писарь полковій Кіевскій; Остапъ Гречка, асаулъ полковій Кіевскій; Іванъ Прутянулъ, хоружій полковій Кіевскій; Сергій Солонина, сотникъ Остерскій; Константинъ Василювичъ, сотникъ Бобровицкій; Семень Мандрика, сотникъ Кобыжскій.

Вишписанное подлинное слѣдствіе по листахъ подписалъ писарь полковій Кіевскій Григорій Немеровскій.

2. Виденіе монастырей разныхъ, въ Кіевскомъ полку обретающихся, по семь и по томъ боку Днѣпра лежащихъ маетностей, местечокъ, сель и деревень, на которіе, почему содержатъ оніе монастырѣ, жаднихъ вѣдомостей не показали, слѣдствуетъ:

Маетности *Лавры Кіево-Печерскія*, по семь боку Днѣпра обретаючіеся:

Село *Сорокошичи*—107 дворовъ; деревня *Новій Глибовъ*—34 двора; село *Старій Глибовъ*—34 двора; деревня *Окуниковъ*—15 дворовъ; село *Ошитки*—44 двора; деревня *Новосюжи*—24 двора; село

Тарасовичи—41 дворъ; село *Сваромля*¹⁾—39 дворовъ; село *Пухова*—60 дворовъ; село *Дубечня Вишня*—23 двора; село *Дубечня Нижша*—19 дворовъ; село *Новосюлки*—14 дворовъ; въ селѣ *Макароуць* и *Сухиниць*—52 двора.

Того-жъ монастыра маетности, по томъ боку Днепра обретаючієся:

Местечко *Васимовъ*—435 дворовъ; деревня *Кожуховка*—40 дворовъ; деревня *Боярка*—11 дворовъ; село *Безрадици*—34 двора; деревня *Сука*—24 двора; село *Романовка*—14 дворовъ; село *Пирогово*—59 дворовъ; село *Хотовъ*—51 дворъ;

Маетности монастыра *Свято-Софійского*, по томъ боку Днепра обретаючієся:

Местечко *Триполя*—144 двора, тамъ же подсуѣдковъ—9 дворовъ; село *Халене*—52 двора; село *Витачевъ*—35 дворовъ; село *Домина*—41 дворъ, а подсуѣдокъ—1 дворъ; деревня *Козъевка*—24 двора; село *Красное*—25 дворовъ; деревня *Деревянка*—13 дворовъ; деревня *Черняховъ*—13 дворовъ; деревня *Гирмановка*—8 дворовъ; деревня *Жуковка*—12 дворовъ; местечко *Бьлогородка*—39 дворовъ; деревня *Боярка*—18 дворовъ; село *Сусловичи*—49 дворовъ, тамъ же подсуѣдковъ—2 двора; деревня *Мархилровка*—8 дворовъ; деревня *Бодаевка Малая*—18 дворовъ; село *Енжовичи*—49 дворовъ; село *Жилане*—23 двора; деревня *Кудравецъ*—31 дворъ.

Маетности монастыра *Троецкого Болницкою Печерского*, по семъ боку Днепра обретаючієся:

Местечко *Броваръ*—55 дворовъ; село *Красилровка*—30 дворовъ; село *Осокорки*—49 дворовъ; село *Троещина*—36 дворовъ.

Маетности монастыра *Свято-Михайловского Золотоверхого* по семъ боку Днепра:

Село *Вьгуровщина*—45 дворовъ.

Того-жъ монастыра по томъ боку Днепра обретаючієся:

Село *Глеваха*—69 дворовъ; деревня *Борщаговка*—25 дворовъ; деревня *Борщаговка* другая—24 двора; село *Кроковищина*—27 дворовъ; деревня *Юрковъ*—10 дворовъ; деревня *Даниловка*—13 дворовъ; деревня *Заборъ*—11 дворовъ; деревня *Кудравецъ*—9 дворовъ.

¹⁾ Т. е. Сваромье, Остерского уѣзда.

Маетности монастыра *Свято-Николскаго Пустиннаго Кіевскаго* по семъ боку Днепра:

Слободка—8 дворовъ.

Того-жъ монастыра маетности, по томъ боку Днепра обретающіеся:

Село *Гвоздовъ*—60 дворовъ; село *Гатное*—43 двора; слобода *Помикъ*—44 двора; деревня *Борцаговка*—5 дворовъ.

Маетности монастыра *Свято-Богоявленскаго Братскаго*, по семъ боку Днепра обретающіеся:

На греблѣ *Шидловскаго*—16 дворовъ; въ деревнѣ *Упирахъ*—3 двора.

Того-жъ монастыра, по томъ боку Днепра обретающіеся:

Село *Писецкое*—54 двора; село *Мотовиловка*—30 дворовъ; местечко *Стайки*—124 двора; деревня *Борцагувка*—13 дворовъ; село *Мостица*—22 двора; деревня *Котуръ*—2 двора.

Маетности монастыра *Свято-Михайловскаго Видубицкаго*, по семъ боку Днепра обретающіеся:

Местечко *Льтки*—177 дворовъ; деревня *Рожни*—34 двора; деревня *Свиноиди*—9 дворовъ; село *Льсьники*—31 дворъ; слобода *Зьринецъ*—37 дворовъ; деревня *Гута*—4 двора; село *Осокорки*—54 дв.

Монастыра *Петропавловскаго Кіево-Подолскаго*:

Деревня *Борцагувка*—11 дворовъ.

Монастыра *Кирилловскаго*:

Село *Плоское*—65 дворовъ.

Маетности монастыра *Межигорскаго* по томъ боку Днепра:

Село *Петровци*—60 дворовъ; въ деревнѣ *Петровци*—21 дворъ; село *Лутежъ*—14 дворовъ; въ деревнѣ *Демидовъ*—3 двора; деревня *Бурки*—15 дворовъ; село *Вижъ-городъ*—30 дворовъ.

По семъ боку Днепра:

Въ деревнѣ *Одинцяхъ*—2 двора; село *Чернинъ*—41 дворъ; деревня *Злодиевка*—5 дворовъ; на *Юрковой греблѣ* подь *Остромъ городомъ*—36 дворовъ.

Монастыра *Флоровскаго Девичаго Кіево-Подолскаго* по томъ боку Днепра:

Село *Дмитровичи*—49 дворовъ; деревня *Дмитровичи*—37 дворовъ;

село *Буяювка*—108 дворівъ; село *Подлоричь*—52 двора; село *Ходосука*—24 двора.

Монастиря *Богословского Девичого* Кієво-Подолского по томъ боку Днепра:

Село *Креничи*—31 дворъ.

И на вишеписанніє всѣхъ местечка, села и деревни, почему показанніє монастирѣ владеють, крепостей зъ оныхъ монастирей не явили, толко сказки дали.

Въ подлинномъ вѣденіи подписано по сему: Кієвскій полковникъ *Антоній Тансей*.

3. Виденіє полку Кієвского о маестностяхъ, по семъ и по томъ боку Днепра обретающихся, въ местечкахъ, селахъ и деревняхъ до монастирей: *Свято-Михайловского Видубицкого*, *Свято-Троицкого Золотоверхого*, *Свято-Николского Пустинного*, *Свято-Троицкого Кирилловского*, *Свято-Флоровского Девичого*, *Свято-Богословского Девичого*, наданиихъ или купленнихъ, и кто оными прежде владелъ, ниже сего слѣдствуетъ, году 1730 гевара 21 дня:

Монастиря *Свято-Михайловского Видубицкого*:

Льтки местечко—177 дворівъ и деревню *Рожни*—34 двора—надалъ Всепресвѣтлѣйшій Государь Царь и Великій Князь *Алексѣй Михайловичъ* со всѣми до нихъ надлежащими угодіями въ року 7168¹⁾ девабра 31, а прежде оніє маестности во владеніи были гетмана *Виговского*.

Село *Льски*—31 дворъ—со всѣми до его надлежащими угодіи надалъ гетманъ *Петро Дорошенко* въ року 1670, и на тоє село имеецца грамота жалованная Пресвѣтлѣйшихъ Государей Царей и Великихъ Князей *Іоанна Алексеевича* и *Петра Алексеевича*, въ року 7198²⁾ іюля 21 дня данная.

Издравле (на) гору *Зепринецъ* (37 дворівъ въ слободѣ *Звѣринцѣ*) зъ осадю и перевозомъ на *Днѣпрѣ*, наданніє князей Русскихъ и королей

¹⁾ 1660 г.

²⁾ 1690 г.

Полскихъ имѣются привиліе: круля Жегимонта, въ року 1628 августа 14 дня писанній; другій привиліей короля Казѣмера, въ року 1608 (sic) октября 4 дня данній; и по тимъ правамъ имѣется жалованная грамота Пресвѣтлѣйшихъ Государей и Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, въ року 7198 ¹⁾ іюля 21 дня данная.

Село *Ярославку*, въ сотнѣ Бобровицкой—54 двора—зостающую, надалъ бывпій гетманъ Іоаннъ Скоропадскій со всѣми до его принадлежащими угодіи въ року 1713 октября 9 дня; по его унѣверсалу имѣется грамота жалованная блаженнія и вѣчподостойніа жизни Его Императорского Пресвѣтлѣйшого Величества Петра Перваго Императора, въ року 1718 ноября 26 дня данная; а прежде оное-жъ село Ярославка на его гетмана зоставала. И на всѣ прописанніе маетности монастыра Свято-Михайловского Видубицкого имѣется поважній унѣверсаль ясневелможного пана обоихъ сторонъ Днепра гетмана Данила Апостола, виданній въ Глуховѣ въ року 1729 февраля 5 дни.

Маетности монастыра *Свято-Михайловского Золотоверхого Кіевского*.

Грунтъ, де монастыръ зостаеть, въ городѣ и за городомъ, з деревнею *Борщилувкою* и на Крепцатику надъ самою Почайною,—наданіе фундатора князя Кіевского Михайла Святополка; и тіе грунта потвержани привелегіями круліевскими; первій привиліей короля Польского Жигмонта Перваго року 1523 марта 21, вторій привиліей короля Жигмонта Августа року 1570 іюня 14 дня, третій привиліей короля Стефана року 1578.

Село *Глеваха*—69 дворовъ, купленная отъ Семена Гринкевича въ року 1563 декабря 24; и на тое жъ село имѣется листъ ограниченній отъ князя Константина Константиновича Острозкого, воеводи Кіевского, року 1586 октября 2 дня.

Село *Юрїевка*—10 дворовъ, купленная отъ Семена Мелешковича року 1563 априля 9 дня; и на тое село имѣется потвержденіе отъ князя Константина Константиновича Острозкого, воеводи Кіевского, и ограничене року 1576 сентября 9 дня,

¹⁾ 1690 г.

Сѣнокость, прозиваемій *Короблице*, отъ короля Александра наданно, подтверждено королемъ Августомъ Жигмонтомъ въ року 1572.

Земля Любедская и съ млиномъ, наданная отъ княгини Ириви, а подтверждено и ограничено отъ князя Костантина Костантиновича Островского року 1576 сентеврія 9 дня.

Кудравецъ— 9 дворовъ, за Пробитимъ валомъ, купленній отъ Андрея Янкевича, року 1559 августа 29.

Грунтъ Воведенскій, легованній отъ Василя Черевчівича въ року 1622.

Гребля на рець Веть, где и погребелное беретса; а тое погребелное зачалося брати отъ Владимира Мономаха; а отъ Мономаха досталося въ дворъ пана Юрія Рожковского; а тотъ Рожковский отдалъ на монастырь Михайловскій и декретомъ трибунальнымъ Любелскимъ ствердилъ року 1602. И на сіи всѣ намѣсенніе грунта имеются привиліемъ крулівскіе и княжіе и протчїихъ королей Полскихъ Владиславовъ.

Даниловки селище— 14 дворовъ; до войны Хмельницкого належало до Оксака; а Хроровщина (Крюковщина?) до Василя Криницкого; а потімъ избиралися изъ тихъ селищъ приходи въ казну государственную по указамъ Его Царского Пресвѣтлого Величества; надалъ гетманъ Мазепа на монастырь въ року 1699 августа 22 дня.

Село *Вьгуровщина*—45 дворовъ; надано отъ гетмана Богдана Хмельницкого року 1654 мѣсяца мая дня 22 и по указу его жъ гетмана ограничено тое село Василіемъ Дворецкимъ, полковникомъ наказнимъ Кіевскимъ, року 1657 іюля 2 дня.

Футоръ, прозиваемій *Рижшиинъ*, близко того жъ села Вьгуровщини, отъ Маріи Рижовой Полоцковни, мещанки Кіевской, купленній августа 3 дня въ року 1693.

Озеро и сѣножати подъ тимъ же селомъ *Вьгуровщиною*, наданное отъ князя Костантина Костантиновича, воеводи Кіевского, року 1560 генваря 2 дня.

Сѣножать на *Оболонь*, наданная отъ Евкаторини Статковичовой, року 1661 сентеврія 11 дня.

Село *Крихаевъ*—104 двора и *Боденки*—56 дворовъ, наданніе отъ покойного гетмана Іоанна Скоропадского мѣсто тихъ сель, которіе отойшли за границу до Ляховъ, именно Княжичи и Блостовая; а до тихъ помененнихъ сель прикупили за килко тысячей; а тіе села прежде ишли на власть полковника Кіевского Костантия Солонини,

а потимъ на гетмана Мазепу, и гетманъ Скоропадскій ствердилъ унѣверсаломъ року 1713 генваря 19 дня.

Мливи *Острицкіе*, наданніе въ войсковіе части отъ гетмана Демяна Многогрѣшного року 1671 генваря 4 дня, и подтверждено унѣверсаломъ протчихъ гетмановъ; а позосталіе части Хмелницкіе куплею до святой обители набытіе и унѣверсаломъ покойного гетмана Скоропадского утвержденіе року 1713 мѣсяца августа 11 дня.

На той же греблѣ млинь стоячій на грѣблѣ Остерской, наданній отъ пана Коробки, полковника Кіевского, и тимъ же унѣверсаломъ гетманскимъ ствержены року 1713 октоврѣя 3 дня.

И на сіе всѣ помянутіе маетности и грунта развіе и всѣ угодія, до нихъ принадлежащіе имеется Его Царского Пресвѣтлого Величества Алексея Михайловича потвердительная грамота лѣта отъ созданія міра 7162 (1656) августа 2 дня.

Вторая грамота Его жъ Царского Пресвѣтлого Величества Петра Алексеевича на всѣ тѣи грунта со ограниченными уроками, данная въ року 1700 априля 1 дня.

Грамота Его Царского Пресвѣтлого Величества Петра Алексеевича, данная року 1716 февраля 4 дня.

Грамота Его жъ Императорского Величества Петра Второго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, данная року 1729 марта 31 дня.

Слободка, въ старомъ городѣ Острѣ найдующаяся—19 дворовъ, въ которой дворы купленніе суть, едни отъ пана Василя Танского, а другіе отъ посполитыхъ людей, яковіе то всѣ стверженніе унѣверсаломъ гетмана Скоропадского и монаршими грамотами.

Маетности монастыра *Свято-Николского Пустинно Кіевского*.

Листъ короля его милости Александра на землю Борщувку—5 дворовъ, данній въ Шишкахъ сентабра 6 дня индикта 15.

Листъ короля Жегимонта, данній на тую жъ землю Борщувку, писанъ въ Вилнѣ марта 7 дня индикта 4.

Листъ Евстафія Дашкевича, на *Гвоздово* село—60 дворовъ—данній, писанъ въ Кіевѣ мѣсяца іюня въ 23 день индикта 2.

Листъ Богдана Θεодоровича Глинского, намѣсника Путивлского, и зъ женою его Марією княгинею, данній на село *Гатное*—43 двора, писанъ въ Мелне на рецѣ Семи въ лѣто 7008 (1500) мѣсяца февраля 1 дня, индикта 3.

Листъ короля Жегимонта Августа потвердителній на вишь писанні земли и села, за рукою королевскою и печатью привисистею, на паргаминѣ; писанъ въ Варшавѣ на сейме великомъ валномъ коронномъ дня 30 мѣсяца мая лѣта Божого Нароженія 1570.

Листъ купчій, данній отъ Никити Григоріевича на землю, прозиваемую *Григоріевскую*, на которой слободка Николская—43 двора—поселенна; писанъ въ Вилнѣ іюня 15 дня индикта 1.

Листъ потвердителній на тую землю Григоріевскую короля Александра писанъ у Люблине марта 3 индикта 8.

Другій листъ потвердителній на тую землю короля Жегимонта писанъ въ Городне ноября 30 индикта 10.

На сіе жъ вишеписанніе маестности премоцнѣйшіе Ихъ Царского Пресвѣтлого Величества государственніе грамоти. Грамота Государя Алексѣя Михайловича, данная въ монастырь, отъ созданія міра 7162 (1654) августа 31.

Грамота Государя Θεодора Алексѣевича, данная отъ созданія міра 7189 (1681) мѣсяца марта 20 дня.

Грамота Великихъ Государей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой княгини Софіи Алексѣевны, данная отъ созданія міра 7193 (1685) сентеврія 19.

Грамота другая Великихъ Государей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, данная отъ созданія міра 7202 (1694) генвара 11 дня.

Грамота великого Государя Петра Алексѣевича, данная въ лѣто отъ Рождества Христова 1702 априля 21.

О сихъ всѣхъ прописаннихъ селахъ и деревняхъ монастыра Свято-Николского Пустиножителного грамоти монаршіе обявляють.

Монастира *Свято-Розмесенского Флоровского* девичого маестности:

Село *Ходорувка*—24 двора, *Подгорцъ*—51 дворъ, *Бугаювка*—108 дворовъ, *Берки*, *Селище* надани отъ королей полскихъ и ствержени привилегіями и гетманскими унѣверсалами Юрія Хмелницкого, наданній унѣверсалъ въ Чигиринѣ февраля дня 3 року 1660; гетмана Самойловича унѣверсалъ данъ въ Батуринѣ октоврія 6 року 1673, и прочіихъ гетмановъ обретаються унѣверсалы потвердителніе, и по тихъ унѣверсалахъ имеецца грамота на оніе маестности потвердителная блаженно и вѣчнодостойніа памяти Великихъ Государей Царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой княгини и царевни Софіи Алексѣевны наданно отъ созданія міра 7198 (1690).

Село *Дмитровици Великіе*—49 дворовъ и *Маліе*—37 дворовъ надала шляхцзянка Игуменница и въ ономъ монастырѣ Флоровскомъ игуменію zostавала и права свои шляхецкіи въ монастырѣ вручила, и по тимъ правамъ шляхцзянки имееся унѣверсалъ гетмана Богдана Хмелницкого потвердителній и жалованная грамота всемоцнѣйшая монаршая блаженнія и вѣчностойнія памяти Алексѣя Михайловича, а чисель не положено, въ которихъ годахъ. Крепости, виданіе на прописаніе оніе маетности, нынѣшнего времени зъ посланными zostаютъ въ Москвѣ.

Монастырѣ Свято-Троецкій Кириловскій построенъ коштомъ благовѣрной внягини Маріи Всеволодовой, дщи короля Полского Казимира, и отъ нея наданное село *Плоскольсье*, прозиваемое нынѣ Плоское—85 дворовъ, со всѣми принадлежащими угодіи; имееются виданіе привиліей королей Полскихъ: привиліей Жегимонта Августа короля Полского, данній въ року 1555 февраля 15; короля Жегимонта въ року 1605 (sic); привиліей Августа (sic) короля, данній року 1643; Михаила короля полского данній привиліей року 1670; и по тихъ привиліеяхъ круліевскихъ и гетманскихъ унѣверсаловъ имееся потвердителная грамота всепресвѣтлѣйшихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, данная отъ созданія міра 7199 мѣсяца сентеврія 26 дня, а отъ Рожденія Христова 1691 года, а межоване тихъ земель 1697 мѣсяца августа 16 дня.

Село *Креничи* —32 двора до монастыря Богословского девичого надалъ шляхтичъ Богунъ Гулкевичъ Гліебовскій року 1576 мая 30 дня; и по томъ праву имееся унѣверсалъ гетмана Скоропадского, данній въ року 1720 февраля 15; второй унѣверсалъ ясневелможного добродѣя пана гетмана обоихъ сторонъ Дніепра Даніла Апостола, данній въ року 1729.

Деревня *Хамбѣковъ* наданна блаженнія и вѣчностойнія памяти отъ пресвѣтлѣйшаго Его Царского Величества Императора Петра Церваго Чоботу, протопопу Бѣлоцервовскому, 1722 году мѣсяца сентеврія 30 числа.

На подлинномъ по листахъ подписано: Къ сей ривизиальной книги Кіевского полку Кіевской сотнѣ маетностей монастырскихъ Кіевского полку прапорщикъ полковій Іванъ Завадскій руку приложилъ.

4. Экстрактъ Кіевскаго полку о мѣстечкахъ селахъ и деревняхъ.

По указу Ея Императорскаго Величества, ми, нижеподписавшіяся, старшина генеральная и полковники, слушавъ, приговорили согласно: которіе мѣстности принадлежать мѣють на чини полковниковъ, старшини полевой и сотниковъ, а которіе по заслугахъ, и которіе въ вѣдомствѣ ратушей найдуются, а инніе сумнительніе суть и въ докладъ принадлежать, сымъ ниже слѣдующимъ образомъ року 1731.

1 статья—Кіевскаго полку мѣстности, владѣніи по высокомонаршимъ жалованнимъ грамотамъ и по універсаламъ гетманскимъ за службы войсковіе по силѣ 8-го рѣшительнаго пункта ¹⁾.

Въ сотнѣ Козелецкой:

Село *Калита*—53 двори прежде войсковое было, а потомъ, по определению полковника Солонины, Семень Кобылинскій, асаулъ полевой, на власть асаульства полевого держалъ; а по немъ Петръ Долинскій, писарь полковій Кіевскій, владѣлъ; а по немъ, по определению полковничомъ же, асаулъ полковій Кіевскій Романъ содержалъ; а потомъ зъ ласки войсковой змѣнникъ Мазепа Созонту Драбовскому далъ былъ; а теперь полковникъ Кіевскій Антоній Танскій онымъ селомъ владеетъ по універсалу гетмана Скоропадскаго, за многіе извѣстіе на службѣ Его Императорскаго Величества роненіе труда ему, полковнику Танскому, 1716 году выданномъ, также по грамотѣ государственной 1718 году іюля 7 дня ему, полковнику Танскому,

---

¹⁾ Изъ „Рѣшительныхъ пунктовъ“, данныхъ гетману Данилу Апостолу въ 1728 году, въ 8-мъ говорится о томъ, что всякое законно приобрѣтенное имѣніе козака или крестьянина должно переходить наследственно отъ мужа къ женѣ и отъ отца къ дѣтямъ.

женѣ и дѣтемъ виданной, со всѣми къ оному селу принадлежащими угодіи владѣть. *По осмомъ пункту.*

Село *Держанувка*—62 двора—прежде войсковое было, а потомъ за службу войсковую Іліи Жилѣ по жалованной грамотѣ во вѣчное владеніе дано; и до сихъ поръ онъ, Жила, по той же грамотѣ, данной ему въ 1718 году во вѣчное владеніе, онымъ селомъ владѣть ¹⁾.
По осмомъ пункту.

Село *Карасиновка*—8 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ, по опредѣленію полковника Солонины, на урядъ хорунжества полкового Кіевскаго Яковъ Горячка и Ілія Жила оное содержалы; а потомъ, по опредѣленію полковника Григорія Волскаго, асаулъ полковій, онъ же, Ілія Жила, по асаулству содержалъ; а по немъ Радичъ по жалованной грамоте, данной ему 7198 (1690) году во вѣчное владеніе, и теперь жена его Марія Радичева по оной же грамоте владеетъ ²⁾.
По осмомъ пункту.

Въ сотнѣ Остерской:

Слободка подѣ Остромъ—7 дворовъ—прежде войсковая была; а потомъ Ѳедоръ Нестеренко, Чосникова полку ротмистръ, оніе, вишь-писанніе, двори скупивши, унѣверсаломъ гетманскимъ ствердилъ и теперь онъ же, Ѳедоръ Нестеренко, по унѣверсалу гетмана Скоропадскаго, данному въ 1716 году, оными дворами владѣть также по утверженію ³⁾. *По осмомъ пункту.*

Село *Карпоки*—21, деревнѣ *Лптки Маліе*—13, *Соболювка*—21, итого 55 дворовъ—здавна войсковіе были, а съ 7198 (1690) году за службы войсковіе, по унѣверсалу змѣнника Мазени, оными Сергій Солонина, товаришъ бунчуковій, до сихъ поръ владеетъ; а млинъ на рецѣ

¹⁾ И до сихъ поръ онъ, Жила, по написанному въ экстрактѣ ревизіальной книги, онымъ селомъ владеетъ; и оное село прежде ни подѣ какими урядниками или подѣ ратушемъ не было.

²⁾ А мельница за собственніе денги куплена; и оное село прежде ни подѣ какими урядниками или подѣ ратушемъ не было.

³⁾ *Слободка подѣ Остромъ* прежде войсковая была, а потомъ за службы войсковіе, въ экстрактѣ ревизіальной книги по прописанному, Ѳедоръ Нестеренко, Чосникова полку ротмистръ, оною завладѣлъ, и по тому до сихъ поръ при дому его тая слободка обретается; а винница за собственніе денги куплена; и оная слободка прежде ни подѣ какими владѣльцами или подѣ ратушемъ не была.

Острѣ въ селѣ Буркахъ; въ ономъ двѣ колѣ: одно мучное, другое валюшное; да на той же греблѣ половина млина, въ которомъ половина кола мучного, а половина валюшного; да на той же рецѣ на другой греблѣ, прозываемой Великой, половина млина о одномъ колѣ мучномъ; и винница въ городѣ Острѣ; и оніе мелница и винница за собственніе денги куплены; а вишьписанніе селы и деревни ни подь какими урядниками или подь ратушемъ не были.—*По осмомъ пункту.*

Деревнѣ *Тарасовъ*—17 и *Дешки*—13 дворовъ—прежде войсковіе были, а потомъ полковникъ Ѳедоръ Волскій за услуги войсковіе Ѳедору Ханенку, асауловѣ полковому, отдалъ и теперь онъ же, Ѳедоръ Ханенко, обозній полковій, по унѣверсалу гетмана Скоропадского 1712 году да терзнійшаго пана гетмана Данила Апостола 1728 году виданникъ владееть за службы войсковіе ¹⁾.—*По осмомъ пункту.*

Село *Коптевъ*—35 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ змѣнникъ Мокіевскій на власть полковничую завладѣлъ онымъ; потомъ, по унѣверсалу гетманскомъ, владелъ Данило Солонина, товаришъ бунчуковій; а теперь по оному жъ унѣверсалу, данномъ въ 1718 году отъ гетмана Скоропадского, сынъ его Солонина Александръ онымъ селомъ владетъ за службу войсковую ²⁾.—*По осмомъ пункту.*

Деревня *Савинка*—28 дворовъ—прежде войсковая была, а потомъ, по определенію полковничомъ же, на власть обозничества полкового обозній полковій Кіевскій Фалковскій содержалъ; а по немъ обозній полковій же Кіевскій Барановскій содержалъ; а потомъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій содержалъ; а теперь Алексѣй Яковенко, сотникъ полковій Козелецкій, оною деревнею по унѣверсалу гетмана пана Данила Апостола, данномъ въ 1728 году за службу войсковую, содержитъ.—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Носовской:

Въ местечку *Носовицъ*—10 дворовъ; владееть бунчуковій товаришъ Семень Шаула, а въ оныхъ дворахъ подсуѣды его на его жъ власномъ купленномъ грунтѣ поселеніемъ живутъ; а теперь онъ же, Шаула, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данномъ въ

¹⁾ И оніе села прежде ни подь какими урядниками или подь ратушемъ не были.

²⁾ И оное село прежде ни подь какими урядниками или подь ратушемъ не было.

1718 году, тими дворами владѣть; мельницъ три на речѣ Острѣ и винница за собственніе денги куплены ¹⁾.—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Кобыжской:

Село *Свидовецъ*—22 двора—прежде войсковое свободное было, а въ 1713 покойного гетмана Скоропадского и 1727 годахъ нынѣшнего гетмана Данила Апостола унѣверсалами отдано Павлу Циганчуку, бывшему обозному тогобочному Бѣлоцерковскому, въ награжденіе тогобочныхъ маетностей, по указу монаршомъ на томъ боку Днѣпра оставленныхъ; якимъ селомъ, по смерти отца своего Павла Циганчука, сынъ его Михайло Циганчувъ владѣть за помененного отца своего вѣрніи и радѣтелніи службы ²⁾.—*По осмомъ пункту.*

Село *Мокіевка*, прежде бывшая слободка, до полку Кіевского принадлежащая зъ околичными угодіи, которая имѣлася прежде въ бывшего полковника змѣнника Мокіевского, а теперь имеется во владеніи Кіевского полковника Антонія Танского, по данныхъ двоухъ унѣверсалахъ покойного гетмана Ивана Ильича Скоропадского, якожъ и государственною высокомонаршою грамотою во вѣчное владѣніе ствержено, по которой силѣ послѣдовательнѣ господина Данила Апостола гетмана унѣверсаломъ ствержено 1728, а высокомонаршая грамота на оное село Мокіевку, виданна 1718 году іюля 7 дня ему, полковнику Танскому, женѣ его и дѣтемъ оное село Мокіевку во владѣніе утверждаетъ ³⁾.—*По осмомъ пункту.*

¹⁾ Оными десятии дворами хочай Семенъ Шаула, по унѣверсала гетманского стверженъ, владѣть, еднакъ же въ тихъ добрахъ подсуздки его, на власномъ купленомъ его грунтѣ поселеніе, живутъ, а мельницъ і винница за собственніе денги куплены.

²⁾ Село Свѣдовецъ з давнихъ лѣтъ въ вѣдомствѣ полковниковъ Кіевскихъ било, где оныхъ полковниковъ каждого и до днесь футори имеются; и до полковника Федора Волского всѣ полковники онымъ селомъ на урядъ полковничій владѣли; а когда Кіевскій полковникъ Антоній Танскій прибылъ на полковничество Кіевское, въ ту пору для офицеровъ всѣхъ своихъ несколькихъ человекъ, видержавши оное село два года, на время для пртулицъ, онымъ придалъ тамошнихъ людей на службу; еднакъ же свой хуторъ неуступно и всякій статокъ содержалъ. А Павелъ Циганчукъ подступно, мимо вѣдома полковника и старшини полковой Кіевской, на оное село унѣверсалъ виправилъ, и теперь онымъ селомъ сынъ его Михайло владѣть.

³⁾ Прежде поселенія оного тамошній грунтъ с полями принадлежалъ до полку Кіевского, гдѣ змѣнивъ Мокіевскій хуторъ себѣ соорилъ былъ, когорымъ хуторомъ и протчіе полковники владѣли; а потомъ, пришедши на полковничество Кіевское, полковникъ

Въ сотнѣ Бобровицкой:

Въ местечку *Бобровиць*—19 дворовъ, прежде войсковіе были, а потомъ протопопъ Нѣжинскій Яворскій, по умертвіи господарей и протчихъ въ тихъ домахъ, оніе двори у поминовеніе къ себѣ при-
владѣлъ и, мимо вѣдома полковника и старшины, унѣверсаломъ гет-
манскимъ покойнаго Скоропадского, себѣ во владѣніе даннимъ
въ 1716, ствердилъ; и оными дворами до сихъ поръ жена его, прото-
попина, владѣть; а мельница и винница за собственніе денги купле-
ны, а дворами почему владѣть крѣпости копіи не дала.—*По осмомъ пункту.*

Село *Сухинка*—3 двори. Оное село зъ давнихъ лѣтъ по уязду
сотнѣ Бобровицкой на власть полковничую ишло, которое полковникъ
Костантій Солонина унуку своему Ивану Забѣлѣ, товаришевѣ бунчу-
ковому, во владѣніе далъ; и онъ, Забѣла, зъ согласіемъ пшавгра своего
Максима Почеки, попа Нѣжинского, оное село чернцямъ Кіевопечер-
скимъ во вѣчность продалъ; и теперь чернцѣ Печерскіе владѣютъ; и
мельница и винница за собственніе денги куплены, а почему оны вла-
дѣютъ крѣпостей не дали.—*По осмомъ пункту.*

Село *Заворичи*—17 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ,
по опредѣленію полковника Солонины, владѣлъ судія полковій Кіев-
скій Незамай, а по немъ Яковъ Солонина по жалованной грамотѣ
государственной, за службу войсковую ему и наслѣдію его во вѣчное
владѣніе данной въ 7198 (1690) году; и теперь по наслѣдію его имеетъ
грамоту сынъ его Якова Солонины, Кирило Солонина; и онымъ се-
ломъ покойнаго Кирила жена его, Домникія, владѣть по вишьпи-
санной государственной грамотѣ, въ 7198 (1690) году данной; а мел-
ница и винница за собственніе денги куплены ¹⁾.—*По осмомъ пункту.*

Антонъ Таяскій виправилъ унѣверсалъ у покойнаго гетмана Скоропадского на оній
грунтъ, прозиваемій Мокіевку, со всѣми къ нему принадлежащими угодіа, и, по тому
унѣверсалу людей тамъ задѣвскихъ осадилъ и всякіе пожитки съ немалымъ еждивеніемъ,
а іменно церковь, млинъ и греблю занялъ, чрезъ четыре года роненныхъ устроилъ и со-
держалъ тое село, собою осаженое, годовъ четыре; и на тое високомонаршую грамоту
виправилъ былъ, которую покойній Скоропадскій отгялъ, и селомъ онымъ завладѣлъ; якое
село по немъ теперь во владѣніи ясневѣдможнаго и. гетмана Даніила Апостола обретається.
Теперь же знову Кіевскій полковникъ Антоній Таяскій помилутиимъ селомъ Мокіевкою
владееть, которые ему, женѣ и дѣтемъ его високомонаршею грамотою 1718 году (?)
іюля 7 дня во владѣніе ствержено.

¹⁾ И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратусемъ не было.

Въ селѣ *Заворичахъ*—12 дворовъ; прежде войсковое было, а потомъ, по опредѣленію полковника Солонина, завладѣлъ по жалованной грамотѣ государственной, за службу войсковую ему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе данной въ року вышеизображенномъ; а теперь оными дворами Ѳедоръ Солонина, товарищъ бунчуковій, владѣеть по волѣ Кирила Солонина; ибо Кирило Солонина и отцу Ѳедорову Василию Солонинѣ оныхъ дворовъ, себѣ спадающихъ, поссессиве брата-терства ради, уступилъ ¹⁾.—*По осмомъ пункту.*

Село *Мостица*—39 дворовъ—зъ давнихъ лѣтъ, по узду селъ сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ ишло; такъ же село *Семиполки*—44—Козелецкой, *Святое*—18—и слобода *Парня*—6—Остерской, *Рудня*—43—Гоголевской у *Блудшемъ*—3 двора Козелецкой же сотнѣ, оніе войсковіе были; а потомъ Григорій Волскій, полковникъ, оными всѣма селами, по жалованной государственной грамотѣ, владѣлъ; а потомъ его сынъ Ѳедоръ Волскій, полковникъ, по одной же грамотѣ владѣлъ; а потомъ госпожа генералша Кантакузина, а по ней генераль Девиеръ владѣлъ; а потомъ генераль-атютантъ господинъ Лопухинъ по увазу Его Императорского Величества содержалъ; а теперь госпожѣ генералшѣ Кантакузиной отъ господина генерала-атютанта Лопухина продажею во владѣніе пришло и до сихъ поръ въ ея владѣніи обретаются; а почему госпожа генералша владѣеть, крѣпостей не показано ²⁾.—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Гоголевской:

Село *Светилное*—53 дворы—прежде войсковое было; а потомъ, по унѣверсалу гетмана и змѣнника Мазепи, до ласки войсковой, Ѳедору Волскому было дано; а теперь полковникъ Кіевскій Антоній Танскій

¹⁾ Въ селѣ *Заворичахъ* 13 дворовъ прежде войсковіе были, а потомъ, по опредѣленію полковника Солонина, судія полковій Кіевскій Незамай, а по немъ Яковъ Солонина владѣлъ по жалованной государственной грамотѣ, за службу его войсковую ему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе данной въ 7198 (1690 г.) году; а теперь онымъ Ѳедоръ Солонина, товарищъ бунчуковій, владѣеть по волѣ Кирила Солонина, и онъ, Ѳедоръ Солонина, напрасно росписался, якъ въ экстрактѣ ревизіальной книги явствуетъ, что по грамотѣ 13-ма дворами владѣеть, ибо онъ таковой грамоты у себе не имеетъ, а мельницы и винницы за собственніе деньги куплены; и оное село ни подъ какими урядниками или подъ ратушею не было.

²⁾ А прежде оніе села ни на какіе урядники или до ратушей не надлежали.

онимъ селомъ владѣть по унѣверсалу гетмана Скоропадского, за многіе и вѣрніе на службѣ Его Императорскаго Величества роненіе труды ему, полковнику Танскому, въ 1713 году выданномъ; такъ же по грамотѣ государственной 1718 іюля 7 дня, ему, полковнику Танскому, женѣ его и дѣтемъ выданной, со всѣми къ оному принадлежащими угодіи владѣть.—*По осмомъ пункту.*

Село *Стариця*—20 дворовъ—прежде войсковая была, а потомъ зміѣнникъ Мазепа онимъ завладѣлъ и матеры своей игуменіи во владѣніе и монастыру Вознесенскому паненскому, въ крѣпости Печерской обретающемуся, придалъ былъ; и оное село хоружій енералній Иванъ Сулима выпросилъ себѣ былъ у гетмана Скоропадского на время толко въ помощь для сооруженія церкви; которымъ селомъ и теперъ жена его, хоружаго енералного, Марія владѣть по унѣверсалу, данному мужу ея, помянутому хорожому Сулимѣ, за службы войсковіе въ 1713 году, отъ гетмана покойного Скоропадского выданномъ и въ 1721 году по унѣверсалу его жъ, Скоропадского, владѣть ¹⁾.—*По осмомъ пункту.*

Село *Бобрикъ*—13 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ хоружій полковій Кіевскій Костантій Чебановскій, а по немъ Юрко, хоружій полковій же, на урядъ хоружества полевого содержали; а потомъ Ѳедоръ Ханенко, асаулъ полковій, за услуги войсковіе по унѣверсалу гетманскомъ содержалъ; и теперъ онъ же, Ѳедоръ Ханенко, по подтвердителномъ унѣверсалу гетмана пана Даниіла Апостола, въ 1728 году выданномъ, оное село Бобрикъ содержитъ ²⁾.—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Остерской:

Село *Красиловка*—20 дворовъ—прежде войсковое было, потомъ за службы войсковіе по грамотѣ государственной обозній полковій Кіевскій Подтеребъ содержалъ; по немъ хоружій полковій Кіевскій Шумъ по унѣверсалу гетманскому на чинъ хоружества содержалъ, на что и подтвердителній унѣверсаль гетмана Скоропадского въ 1719 году жена его зъ сыномъ Матвеемъ выданній имеетъ; а потомъ

¹⁾ И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

²⁾ И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

и Иванъ Прутянулъ, хоружій полковій, оное село на урядъ хоружества содержалъ; а теперъ (съ 1730 г.) онымъ селомъ Ѳеодоръ Лисенко, асаулъ войсквій енералній, владѣеть по имеющейся высокомонаршей грамотѣ 171 (1663) году, виданной его дѣду Подтеребу, обозному полковому Кіевскому; а почему теперъ (владѣеть) енералній войсквій асаулъ Ѳеодоръ Лисенко, сказкою показано ¹⁾.—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Козелецкой:

Деревня *Скрипчинъ*—8 дворовъ; оная прежде войсковая была, а потомъ на урядъ войтовства Козелецкого Александръ Аксамитній, по немъ Стефанъ Ковтунъ, Парфенъ Ивановичъ и прочіе, съ опредѣленія полковниковъ Кіевскихъ, держалы; а потомъ Иванъ Кукуракъ на власть второго асаулства полкового содержалъ и теперъ содержитъ, а въ полку лантмилицкомъ служить ²⁾.—*По осмомъ пункту.*

На *Лузь*—8 дворовъ, ратушу Козелецкому прислушающихъ; тамъ же Якова Борсука, атамана городского Козелецкого, на купленномъ его грунтѣ подусѣдковъ—11; тамъ же попадѣ Валковской подусѣдковъ же—2; тамъ же Антонію Виринскому, товаришевѣ войсковому, по опредѣленію полковничомъ даннихъ, крайне вищотнихъ—3 дворы.—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Кіевской:

Село *Обуховъ*—дворовъ (число не означено), заграничное, прежде шляхетское владенія полского было, а потомъ опустѣлое осталось, которое змѣнивше Мокіевскій людьми осадилъ, будучи полковникомъ Кіевскимъ; и во время змѣни Мазепинской онымъ селомъ сіятельнѣйшій князь Дмитрій Михайловичъ завладѣлъ, а послѣ Николаю Андреевичу Еренкову, коменданту Кіево-Печерскому, во владѣніе отдалъ; а по немъ сіятельнѣйшій князь Иванъ Юріевичъ Трубецкой онымъ селомъ владѣлъ же; а теперъ Кіевского гварнизона бригадиръ и оберъ-комендантъ Григорій Наумовъ онымъ селомъ владѣеть по присланному Его Императорскаго Величества изъ високого Сената указу и по выписке изъ Кіев-

¹⁾ А винница за собственніе денги куплена; и оное село и деревня Сокиринъ—3 двора—прежде ни на какіе урядники или подъ ратушемъ не были.

²⁾ И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

ской генералъ губернской канцеляріи, данной въ 1723 году; при томъ же мельницъ двѣ о двухъ колахъ; а почему владѣть, оными, крѣпости не показано ¹⁾.—*По осмому пункту.*

2 статія—полку Кіевского маестности, которіе, по силъ 10-го пункта ²⁾, прилични на уряды.

Въ сотнѣ Козелецкой.

Село *Чемеръ*—59 дворовъ; оное село прежде войсковое было; а потомъ по ласцѣ полковника Константія Солонини, протопопъ Козелецкій Юрій содержалъ; а по немъ на власть судейства полкового Романъ Жила содержелъ же; а потомъ на урядъ писарей полковыхъ Кіевскихъ, именно, Данила Солонини, по немъ Созонта Драбовского, потомъ Владимира Енkevича, потомъ же Василя Солонини ишло; а теперь писаръ полковій Григорій Немировскій на урядъ писарства оное село содержать.—*По десятомъ пункту.*

Деревня *Ставиская*—15 дворовъ; оная деревня прежде войсковая была, а потомъ за службы войсковіе на власть атамановъ городовихъ Козелецкихъ ишла; потомъ, по определенію змѣнника Мокиевского, во владѣніи прапорщика полкового Кіевского Петра Крещецкого была; послѣ знову на власть атамановъ городовихъ Козелецкихъ ишла; а потомъ, зъ ласки гетмана Скоропадского, протопопу Козелецкому Симеону Лясковскому во владѣніе была дана; а теперь Василій Харсѣва, по опредѣленію полковничомъ, во владѣніи оное содержать ³⁾.—*По десятому пункту.*

Въ сотнѣ Острицкой:

Село *Евминка*—164 дворы, притомъ слободка—30 дворовъ; здавна Константія Солонини, полковникъ, по жалованной государственной грамотѣ оными владѣть; а по умертвіи, змѣнникъ Мазепа за-

¹⁾ Оное село ни подъ какими больше урядниками не было.

²⁾ Изъ „Рѣшительныхъ пунктовъ“ 1728 г. 10-й утверждаетъ за малороссійскими чинами ранговныя помѣстья, несправедливо розданныя гетманомъ И. Скоропадскимъ своимъ приближеннымъ.

³⁾ И оная деревня прежде ни подъ какими владѣльцами, или подъ ратушемъ, и на урядниковъ другихъ за отдачею не была (То же сказано и о вышеозначенномъ с. Чемерѣ).

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII отд. III.

владѣлъ; а по немъ гетманъ Скоропадскій, послѣ жена его гетманша, а теперъ во владѣніи пана гетмана Даніила Апостола по грамотѣ государственной, 1730 году мая 26 дня выданной, владееть ¹⁾.—*На булаву по грамотѣ 10-му пункту.*

Село *Гурки*—24, *Котовъ*—39, въ городѣ *Остръ*—25, въ *Гуть*—1; итого 89 дворовъ. Онѣ дворы прежде войсковіе были, а потомъ змѣнникъ Мазепа Костантию Соловинѣ до ласки войсковою определилъ былъ; а потомъ змѣнникъ Мокіевскій и, по опредѣленію его, змѣнника Мазепа, на власть полковничую владѣлъ; а по немъ гетманъ Скоропадскій въ своемъ владѣніи имѣлъ; а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій владееть. Село *Котовъ* прежде войсковое было, а потомъ змѣнникъ Мокіевскій на власть полковничую завладѣлъ; а по немъ Ѳедоръ Волскій полковникъ; а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій по жалованной государственной грамотѣ, въ 1715 году выданной, владѣеть ²⁾. Вишѣписанніи дворы въ городѣ *Острѣ* зъ давнихъ лѣтъ на власть полковничую надлежать, и теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій владѣеть по той же грамотѣ государственной ³⁾.—*По десятому пункту.*

Село *Пархимовъ*—33 дворы—прежде войсковое было, а потомъ, съ опредѣленія змѣнника Мокіевского, судія полковій Кіевскій Дворецкій на власть судейства содержалъ; потомъ, съ опредѣленія полковничого Петра Соловини, сотникъ Бобровицкій до ласки войсковою содержалъ же; а по немъ, по опредѣленію полковничомъ же, Ѳедоръ Ханенко, обозній полковій Кіевскій, на власть обозничую завладѣлъ и до сихъ поръ онъ, обозній Ханенко, тимъ селомъ по унѣверсалу гетмана пана Даніила Апостола, въ 1728 году выданномъ на власть обозничества, владѣеть ⁴⁾. *По десятому пункту.*

¹⁾ А мельница и винница за собственніе денги куплены; и оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

²⁾ Деревни Гута прежде войсковая была, а потомъ, зъ вѣдома полковничого до ратуша Острицкого прислушаетъ временно.

³⁾ И вишѣписанніе села прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не были.

⁴⁾ Въ селѣ *Пархимовѣ* 3 двора; прежде были во владѣніи Семена Соловини, а теперъ, яко собственніе и на собственнихъ грунтахъ обретающіеся, подсуѣдки и инымъ людямъ зъ грунтомъ толко, а не саміе оныя подсуѣдки, проданн; и онѣ прежде до владѣнія чіею или до ратуши не подлежали.

Деревня *Писоцкое*—11, *Гладкое*—6 и *Шуляки*—4 двори,—прежде войсковіе были; а потомъ, по опредѣленію змѣнника Мокіевскаго, сотникъ Гоголевскій Рожанскій содержалъ; а по немъ Игнатъ, асаулъ полковій; а по немъ Савенко, асаулъ же полковій Кіевскій, на власть асаулства полкового содержалъ; а теперь Евстафій Гречва на власть асаулства жъ оніе деревнѣ содержать по унѣверсалу гетмана Даніила Апостола, въ 1730 году виданному.—*По десятому пункту.*

Село *Олбинъ*—11 и *Гута*—13 дворовъ; прежде сего Яковъ Барановскій, обозній полковій Кіевскій, владѣлъ, а теперь Матвѣй Шумъ, вторій асаулъ полковій Кіевскій, на власть асаулства по унѣверсалу гетмана Даніила Апостола, въ 1730 году виданномъ, владеетъ ¹⁾. *По десятому пункту.*

Въ сотнѣ Носовскоѣ:

Село *Козарь*—94 и *Ржавецъ*—33, итого 127 дворовъ; оніе села прежде войсковіе были; а потомъ змѣнникъ Мокіевскій на власть полковничую содержалъ; потомъ Федоръ Волскій, полковникъ Кіевскій, въ своемъ мѣлѣ владѣніи; а теперь владѣетъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій по жалованной грамотѣ, данной въ 1715 году на урядъ полковничества.—*По десятому пункту.*

Деревня *Киселовка*—7 дворовъ; она прежде войсковая была; потомъ змѣнникъ Мокіевскій на свою власть полковничую былъ завладѣлъ, а потомъ Іліи Жилѣ, судіи полковому, по унѣверсалу гетмана Скоропадскаго 1712 году, на урядъ судейства данному; тамъ же хуторецъ съ трема млинами, за собственніе свои денги купленній, съ полями и пущею владеетъ ²⁾. *По десятому пункту.*

Въ сотнѣ Бобровицкоѣ.

Село *Рудковка*—62 двори—зъ давнихъ лѣтъ, по уезду сель сотнѣ Бобровицкоѣ, на власть полковниковъ Кіевскихъ ишло, а потомъ покойній гетманъ Скоропадскій и гетманша Скоропадская вла-

¹⁾ Село Олбинъ прежде войсковое было, а потомъ, по опредѣленію полковничомъ, на власть обозничества полкового обозній полковій Кіевскій Фалковскій содержалъ, а теперь полковникъ Кіевскій Антоній Танскій онымъ владѣетъ (см. также прим. 19 и 20).

²⁾ Объ этой деревнѣ сказано то же, что и о д. Гутѣ. См. прим. 2 на стр. 58.

дѣлы; а теперь господинъ велможній панъ гетманъ Даніилъ Апостоль по грамотѣ государственной, 1730 году мая 26 дня выданной, на булаву гетманскую владѣть. *На булаву гетманскую по 10-му пункту.*

Местечко *Бобровиця*, въ ономъ—25 дворовъ; оное зъ давнихъ лѣтъ полковники Кіевскіе, именно Константій Солонина, Федоръ Волскій на власть полковничую содержали, а теперь полковникъ Кіевскій Антоній Танскій оное местечко на власть полковничую содержитъ, ибо оное жъ мястечко со всѣми уездными селамъ, ниже именно написанными, зъ давнихъ лѣтъ, по указомъ монаршимъ и гетманскимъ унѣверсаломъ, на власть полковничую ишли, съ которыхъ и теперь иніе подъ разныхъ владѣльцовъ розданы.—*По десятому пункту.*

Село *Ярославка*—54 дворы; оное село зъ давнихъ лѣтъ, по уезду сель сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ надлежащихъ ишло, а потомъ змѣнникъ Мазепа завладѣлъ былъ онымъ; а по немъ мати его Мазепина, игуменія, владела; а по ней гетманъ Скоропадскій владѣлъ же; а теперь во владѣніи монастыря Видубицкаго по унѣверсалу гетмана Скоропадского содержится; а унѣверсала на оное село не явлено—*По 10 пункту на урядъ полковничій надлежало.*

Деревня *Бервиця*—15 дворовъ—зъ давнихъ лѣтъ, по уезду сель сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ принадлежала; а полковники Кіевскіе, съ опредѣленія своего, сотникомъ Бобровицкимъ оную во владѣніе до ласки войсковой вступали; и теперь, съ опредѣленія полковника Антонія Танского, сотникъ Бобровицкій Константій Василіевичъ владѣть; а винница за собственніе денги куплена.—*По десятому пункту.*

Деревня *Марковцъ*—7 дворовъ—за давнихъ лѣтъ, по уезду сель сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ надлежащихъ ишла; а теперь, по ласцѣ полковника Кіевского Антонія Танского, братъ его Михайло Танскій оную деревню содержитъ.—*По десятому пункту.*

3 статья—полку Кіевскаго маестности, которіе надлежатъ въ докладъ ясневелможному пану гетману Даниилу Апостолу, а именно:

Въ сотнѣ Козелецкой:

Село *Ничагувка*—59 дворовъ; а оное прежде войсковое было; потомъ, по опредѣленію полковника Солонина, на урядъ хоружества полкового Сергій Солонина держалъ; а по немъ обозній полку Кіевскаго Павелъ; а потомъ Павелъ, оставшій судією полковымъ Кіевскимъ, содержалъ на власть судейскую; а теперь войтъ Кіевскій Полоцкій, мимо вѣдомъ полковника и старшины полковой Кіевской, подступно виправивши унѣверсалъ гетмана Скоропадскаго, данній въ 1715 году, онымъ селомъ владеетъ и унѣверсала не объявилъ ¹⁾. По десятому пункту на урядъ судейства полкового, ибо судія на урядъ маестности опредѣленной не имеетъ.

Село *Вовчокъ*—102 двора; оное прежде войсковое было, а потомъ полковникъ Солонина по жалованной грамотѣ содержалъ; а по немъ змѣнникъ Мазепа въ своемъ владеніи имелъ; по немъ же гетманъ Скоропадскій содержалъ; а теперь монастырь Кіево-Софійскій оное село Вовчокъ въ своемъ имеетъ владеніи, почему—крѣпостей не явили ²⁾. По десятому пункту мнѣніемъ узнавъ на урядъ полковничій, ибо прежде Созонтій онымъ селомъ владѣлъ полковникъ.

Въ сотнѣ Остерской:

Село *Воропаевъ*—39 дворовъ; оное прежде войсковое было, а потомъ полковникъ Кіевскій Костантій Солонина по жалованной грамотѣ на власть полковничую содержалъ; а по немъ во владеніи измѣнникъ Мазепа и мати его Мазепина, игуменія, содержалы; а теперь во владеніи Кіево-Печерскаго монастыря оное село Воропаевъ обретається; а почему, съ онога монастыря крѣпостей не явили ³⁾.

Село *Омеляновъ*—15 дворовъ; оное прежде войсковое было, а минувшаго 1713 году, мимо вѣдомъ полковника и старшины полко-

¹⁾ Объ этомъ селѣ сказано тоже, что и о деревнѣ Гутѣ. См. прим. 2 на стр. 58.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibid.

вой Кіевской, войтъ Кіевскій Полоцкій оное село только для сооруженія церкви въ гетмана Скоропадского выпроцилъ и, не сооруживши оной церкви, напрасно онымъ селомъ и до сихъ поръ владееть—почему, вѣдомости не являть ¹⁾).

Село *Крихаевъ*—104 и *Боденки*—56 дворовъ,--прежде войсковіе были, а потомъ полковникъ Костантій Солонина по грамотѣ моваршой содержалъ, а, по умертвіи его, оними селами змѣнникъ Мазепа завладѣлъ; а по немъ гетманъ Скоропадскій въ своемъ имѣлъ владѣніи; а потомъ на монастырь Золотоверхій Кіевскій во владѣніе онъ же, Скоропадскій, отдалъ; которими селами и до сихъ поръ монастырь Михайловскій Золотоверхій Кіевскій владѣеть по унѣверсалу гетмана Скоропадского, въ 1713 году виданномъ, и оного унѣверсала зъ оного монастыря не объявлено ²⁾).

Село *Карпиловка*—83, *Витолзовъ*—30, *Лутава*—22 и *Косачовка*—33,—итого 168 дворовъ; оніе прежде войсковіе были, а потомъ Костантій Солонина, полковникъ, онымъ владелъ и потомъ Трофиму Полтеребу, значному товаришевѣ войсковому, за службу его войсковую во владѣніе дали; а по немъ Григорій Карповичъ, полковникъ Кіевскій, въ своемъ имѣлъ владѣніи; а потомъ онъ же, Григорій Карповичъ, на прошеніе монаховъ Кіево-Братского монастыря ордеромъ своимъ обывателемъ Карпиловскимъ приказалъ, абы до монастыря Братского Карпиловскіи люде (на опаль) возили дрова плотами; которій ордеръ монахи Кіево-Братского монастыря взявши у змѣнника Мазепи по оному на село Карпиловку и уездніе села въ подтвержденіе тѣхъ селъ унѣверсаломъ, мимо вѣдомъ полковника и старшины полковой, подступно виправили и до сихъ поръ владеють, а почему—крѣпостей не показали.

Въ сотнѣ Носовской:

Село *Адамовка*—39 дворовъ; оное прежде войсковое было, а потомъ Мокіевскій змѣнникъ на власть полковничую завладѣлъ; а по немъ гетманъ Скоропадскій Іліи Жилѣ, судіи полковому Кіевскому, на урядъ судейства унѣверсаломъ опредѣлялъ; а теперъ генераль-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

авшефъ фонъ—Вейзбахъ онымъ селомъ ¹⁾ владееть, на которое змѣнникъ Мокіевскій грамоти государственной и унѣверсала гетманского не имѣлъ. Таевъ же и мелницъ 5 о десяти болахъ мучныхъ, на Козерской греблѣ стоячіе, никогда и ни подъ какимъ образомъ до села Адамовки не надлежали; толко оніе, яко въ селѣ Козарѣ обрѣтаются, таевъ полковникъ змѣнникъ Мокіевскій и покойній Ѳедоръ Волскій, содержачи на власть полковничества село Козарѣ, и оными млинами владѣли; а по Волскому послѣдователни на власть полковничества полковникъ Антоній Танскій оными мелницами съ 1712 по 1722 годи владѣлъ же, владѣючи селомъ Козаромъ, яко въ дачахъ до села Козары принадлежащими угоди помянутими мелницами владѣлъ же; а помянутого 1722 году господинъ генераль-авшефъ фонъ Вейзбахъ, принявши въ свое владѣніе село Адамовку, не въ дачи угодій, къ оному селу Адамовки принадлежащихъ, помянутыми пятма мелницами,—невѣдомо, по якой претенсїи,—завладѣлъ и до сихъ поръ владѣеть, а почему—крѣпости не показано.

Въ Кіевской сотнѣ:

Село *Преварка*—82 дворы—прежде войсковое было и владѣли онымъ на урядъ полковничества полковники Кіевскіе, именно: Павелъ Яненко, по немъ Филиппъ, Многогрѣшного гетмана братъ; потомъ Костантій Соловїна, по немъ Григорій Карповичъ, потомъ же змѣнникъ Мокіевскій оное село Преварку Проциковъ, Кіевскому сотниковъ, до ласки во владѣніи отдалъ; а теперъ Кіевскій войтъ Полоцкій владееть, а по якимъ крѣпостямъ—того не показано.—*На урядъ полковничества по десятому пункту.*

---

4 статья—полку Кіевскаго местечка, села и деревнѣ войсковіе свободніе, владѣльцамъ нерозданніе, съ которыхъ обыкновенно опредѣляются достойнымъ персонамъ въ награжденіе за службы ихъ войсковіе и на урядъ.

Противъ вишѣписанной четвертой стати въ Кіевскомъ полку местечокъ, селъ и деревнѣ войсковыхъ свободныхъ, владѣльцамъ нерозданныхъ, толикое число имеется, именно въ сотняхъ: Носовской—

¹⁾ (будто змѣнничимъ).

484, Кобыжской—97, въ Гоголевской—45 дворовъ въ сотенныхъ городкахъ; въ вторыхъ городахъ при ратушахъ на владѣніе оныхъ дворовъ крѣпостей не имется:

Деревня *Шапъхи*—15 дворовъ—прежде на писара полковничого дворового ишло, а по умертвіи его теперь свободная обретается ¹⁾.

Хуторцѣ: *Святенькое, Курганское, Брагинцы*, а въ оныхъ имѣются дворовъ—11; оніе теперь свободніе обретаются, которіе прежде войсковіе были, а потомъ Николай Савенко, асаулъ полевой Кіевскій, владѣль ²⁾.

Сотнѣ Остерской: *Одинць*—22, *Савинз*—10, *Упирь*—9, *Волевать*—10, *Кошки*—10, *Волчая гора*—3, слобода *подъ Остромъ*—10, *Булаховъ*—12—итого 86 дворовъ войсковіе свободніе суть и, хочая оными ратушъ Острицкая дочастно вѣдаетъ зъ разсмотренія полковниковъ Кіевскихъ и старшины полковой, однакъ же крѣпостей гетманскихъ и полковничихъ на вишьписанніе двory не имеютъ ³⁾.—*Свободніе*.

5 статья—пожу Кіевского местечка, села и деревнъ съ посполствомъ вѣзмъ своимъ городовымъ, до ратуши Козелецкой прислушающіе:

Полковой городъ Козелець со вѣзмъ своимъ посполствомъ городовымъ до ратуша Козелецкого принадлежитъ, въ ономъ дворового числа—384. *Свободній*.

¹⁾ Деревня Шапъхи прежде войсковая была, а потомъ, по опредѣленію змѣнника Мокіевского, владѣль Грабовскій, сотникъ Козелецкій; а по немъ Василій Солохина, писарь полковій Кіевскій, по опредѣленію полковничомъ, владѣль, а теперь Иванъ Матвѣевичъ, писарь двору полковничого, за службу его войсковую и дворовую писарскую, по опредѣленію полковничомъ, владеетъ; а Евстафій Гречка, асаулъ полковій, по написанному въ экстрактѣ ревизіальной книги оной деревней не владѣль, и оная прежде деревня ни подъ какими урядниками и подъ ратушею не была.

²⁾ Хуторцѣ: Святенькое, Курганское, Брагинцы, также прежде войсковіе были, а потомъ, по опредѣленію полковничомъ и по універсалу гетманскомъ, по написанномъ въ экстрактѣ ревизіальной книги Николая Савенка, бывшего асаула, жена вдова оными хуторцами владѣтъ; и оніе села и хуторцѣ прежде ни подъ какими урядниками и подъ ратушею не были, а виница за собственніе денги куплена.

³⁾ Въ названныхъ селахъ, „зъ вѣдома полковниковъ Кіевскихъ, для всякихъ нуждъ и наиздовъ отправленія полкового до ратуша Остерского опредѣленн обиватели тамошніе; а оной ратушъ на оніе села и деревни жадной крѣвности не имеетъ“.

Сотенній городъ *Остеръ* со всѣмъ своимъ посполствомъ, до города надлежить, въ ономъ дворового числа—98. *Свободное.*

Деревня *Новики*—11, село *Димерка*—9, деревня *Ржавецъ*—3, деревнѣ *Будица*—40, *Сморьки*—19, *Влудшое*—19, *Верковъ*—17, *Тополь*—14,—итого 132 двора,— прежде войсковіе были, а мивушого 1718 году, для всякихъ тяжестей и малолюдствія, въ городѣ Козельцѣ имѣющогося, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, зъ разсмотренія полковниковъ Кіевскихъ, ратушу Козелецкому приданіе; а начавши отъ гетмана Богдана Хмельницкого до гетмана Скоропадского жадного унѣверсала гетманского оній ратушѣ на показаніе села и деревнѣ не мѣлъ; толко въ силѣ пановъ гетмановъ и полковниковъ оніе села и деревнѣ були и, кому хотѣлы, оніе отдавали во владеніе; и теперъ оніе села и деревнѣ до ласки войскової при ратуши Козелецкой обретаются, на что потвержательній унѣверсаль ясневелможного пана гетмана Данила Апостола, 1729 году выдаиній, имеетъ.—*Ратушнее.*

Маєтности, прежде на уряды полковой старшины и сотниковъ надлежащія, за прежнихъ гетмановъ во владѣніе монастырамъ разнимъ розданіе:

Въ сотнѣ Козелецкой:

Село *Данювка*—26 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ, съ опредѣленія полковника Кіевского Костантія Солонини, до монастыра Свято-Григоревского Козелецкого было отдано и, по указу гетмана Самойловича, отъ оного монастыра отобрато; зъ вѣдомства жѣ полковника Кіевского Григорія Волского, для помочи во всякихъ нуждахъ ратушу Козелецкому придано было; а теперъ во владѣніи знову оного жѣ монастыра Георгіевского, за отдачею по унѣверсалу гетмана Скоропадского въ 1709 году, имеетсяя.

Хуторѣ: *Гламазди*—8, *Берлазы*—3, въ городѣ *Козельцѣ*—6, *Опенки*—3, *Лихольтки*—5,—итого 25 дворовъ зъ грунтами, за собственніе монастырскіе деньги у обывателей разнихъ купленіе и подьусѣдками-людми осажени.

Къ сотнѣ Остерской Софійского монастыра:

Село *Церковица*—56 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ, съ опредѣленія полковника Костантія Солонини, писарь полковій Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII отд. III.

Кіевскій Петръ Домонтовичъ на урядъ писарства во владѣннн со-
держалъ, а по немъ знову у вѣдомствѣ жъ полкового правленія было;
а теперъ Кіево-Софійскій монастырь онымъ селомъ владѣть по гра-
мотѣ, въ 1709 году выданной; и оной грамоти изъ того монастыря
не объявлено ¹⁾).

Въ сотнѣ Моровской Софійскаго монастыря:

Местечко *Моровскъ*—84 двory, и въездное къ нему село *Соко-
ловка*—26, и деревня *Рудня*—23, *Коронье*—9, и хуторъ *Бондартъ*—10,
Сукачъ—6,—итого 163 двory—зъ давнихъ лѣтъ, якъ прежде бывшіе
во владѣннн бѣскуповъ полскихъ, такъ потомъ во владѣннн Кіевскаго
Свято-Софійскаго монастыря отдани, которыми оной монастырь по
жалованной грамоте, въ 1700 году выданной, (владѣть) и оной
грамоти изъ того монастыря не объявлено.

Хуторъ *Самуйловка* въ козака сотнѣ Козелецкой Брилевича за
собственнн денги монастырскіе законниками Софійскими со всеми
угодіями купленъ и во владѣннн оногo-жъ монастыря обретається.

*Маетности, которіе прежде надлежали на уряды, а при первой ре-
визіи оставлены.*

Въ сотнѣ Гоголевской.

Село *Димерка*—95, *Бодановка*—29, *Рожовка*—18,—итого 142
дворы—прежде въ вѣдомствѣ полковаго правленія были, а потомъ въ
монастырь Кіево-Печерскій во владѣннн пришли, и до сихъ поръ тими
селами оной монастырь владѣть, а почему—о томъ крѣпостей зъ мо-
настыря Кіево-Печерскаго не объявлено.

Село *Русановъ*—67 дворовъ—въ вѣдомствѣ войскаго правленія
было, а потомъ Мазепина мати игуменія опустошѣлое людьми осадила
и въ своемъ владѣннн имѣла; а по ней гетманъ Скоропадскій на
власть гетманства завладѣлъ; а потомъ оное жъ село къ монастырю
Межигорскому гетманъ Скоропадскій былъ надалъ; а потомъ мона-
стыря дѣвицкаго Ерданскаго законницы были завладѣли; а теперъ

¹⁾ И въ оноиъ селѣ больше семидесять дворовъ подданныхъ имееється, которое пре-
жде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

знову во владѣніи монастиря Межигорського обретаються; а почему, о томъ изъ одного монастиря крѣпостей не показано.

Деревня *Плоское*—15 дворовъ—здавна войсковое было, а потомъ Яковенко, а по немъ Содовничій, сотникъ Гоголевскій, на власть сотничества Гоголевского онокъ владѣли; а по нихъ Мазепина мати завладѣла; а по ней гетманъ Скоропадскій на власть гетманства завладѣлъ; а по своемъ владѣніи въ монастиру Межигорскому придалъ и до сихъ поръ тотъ монастирь оною деревнею владѣть, а почему,— о томъ крѣпостей съ того монастиря не показано.

Село *Красиловка*—30 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ монастирь Троецкій Болницкій, не вѣдать, почему, онимъ завладѣлъ, ибо крѣпостей въ одного монастиря не показано.

Село *Серединка*, *Надиновка*, *Копачевъ* и *Сѣножатское* прежде войсковіе были, а потомъ гетманъ Многогрѣшній на монастирь Свято-Успенскій Елецкій Черниговскій, съ набожности своей, село Серединку 1670 году унѣверсаломъ своимъ отдалъ; также село Надиновку онъ же, гетманъ, тою же обители Елецкой 1671 году унѣверсаломъ своимъ надаль; а вишѣписанніе обидвѣ села, такъ же и деревнѣ: Копачевъ и Сѣножатское гетмана Мазепи и покойного гетмана Скоропадского универсалами 1719 году, а найпаче высокомонаршими грамотами ствержено ¹⁾

Въ подлинномъ экстрактѣ подпись:

Сіе слѣдствіе о маетностяхъ полку Кіевского, по крѣпостямъ владѣльческимъ и сознатию старожилонъ здѣланое, старшина енаралная и полковники слушали и подписалися:

Яковъ Лизогубъ, енаралній обозній.—Судія войскової енаралній Михайло Забѣла.—За енаралного писара правашій Михайло Турковскій.—Асаулъ войскової енаралній Іванъ Мануйловичъ.—Асаулъ войскової енаралній Федоръ Лисенко.—Хоружій енаралній Якимъ Горленко.—Бунчучній енаралній Іванъ Бороздна.—Ігнатій Галаганъ,

---

¹⁾ Названія села „прежде войсковіе были, а потомъ гетманъ Многогрѣшній на монастирь Успенскій Елецкій Черниговскій унѣверсаломъ своимъ во владѣніе отдалъ, а якого году, о томъ подлинной вѣдомости не имѣется. И на оніе села помянутого монастиря законники монаршую грамоту виправили, а якого году, и о томъ въ вѣдомости не показано.

полковникъ Прилуцкій, а въ мѣсто его, полковника, Дмитрій Василевъ писарь подписался.—Михайло Богдановъ, полковникъ Чернѣговскій.—Иванъ Хрущовъ, полковникъ Нѣжинскій.—Полковникъ Годяцкій Григорій Грабянка—Василь Тамара, полковникъ наказній Переяславскій.

Подленній экстрактъ по листамъ скрепилъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій.—Канцеляристъ Федоръ Данилевскій.

Два письма А. Стороженка къ Л. Сапѣгѣ, 1610 г.

I.

Письмо старшаго полковника Запорожскаго войска Андрея Стороженка къ канцлеру велик. княж. Литовскаго Льву Сипыгѣ, отъ 30 мая 1610 г., изъ лагеря подъ г. Почепомъ, съ уведомленіемъ о своей готовности двинуться на помощь королю подъ Смоленскъ, съ просьбой о присылкѣ, взаимнѣз перваго неопредѣленнаго, другаго „приповѣднаго“ листа, въ которомъ были бы точно означены размѣръ и условія уплаты жалованья его отряду, состоящему изъ 10000 козаковъ, и съ обѣщаніемъ ожидать просимаго листа подъ Брянскомъ.

Wielmożny m-cziwy panie canclerzu Wielkiego X-a Litt., panie a panie nasz m-cziwy!

Jako napowolniejsze służby nasze do m-cziwey laski W.M-ci, naszego m-cziwego pana, pilnie oddaiemy.

Nie mieszkając po oddaniu lista W. M-szi, naszego m-cziwego pana, przez Je^omc pana Samuela Zienowicza do nas pisanego, nowo przez Je^omc pana Lukasza Isaikowskiego 28 may pod Poczapowem nastąpiło, w którym nam W.M-sc, nasz m-cziwy pan, roskazowac raczysz, abysmy się, iako narychley, do posług Je^o Kr. M-czi pod Smolensk spieszyli. Wprawdzie, wielmożny a m-cziwy panie, umysł nasz ieszcze s pierwszego ruszenia naszego s kurzenia na thim zasadzon iest y na thochmy ochotnie poszli, abychmy posługami naszymi, wedlug możności, Kr. Je^o M. y Rze-pp. dogodzili, co się jusz czescią na pierwszym wstępie w ziemie Moskiewskiej za łaską Bożą y szczesliwym panowaniem Je^o Kr. M-sci y porządną sprawą W.M-sci naszego m-cziwego pana, pokazało, sz czego się

nieprzyjaciel nie na zbyt cieszy, jakosz y do konca w posługach naszych przeciwko Kr. Je^o M-sci ustawac nie chcemy; thilko nas tho, wielmożny a m-cziwy panie, trwoży, że danina, od nas (za przyczyną W. M-sci, naszego m-cziwe^o pana) uproszona od Kr. Je^o M-sci (tho iest listh przypowiedny), nie iest warowana: nie naznaczono, iestli żold gotowy nam dawac będą; nie mianowano, po czemu na człowieka na czwiere; nie wyrażono, na wiele woiska, gdysz nas iest theras do dziesiące y daley tysięcy; naostatek, nie dołożono, na kim, na czym y na ktorim miescu thego ubogiego żoldu krwawego, po wykonaniu posługi, kto się żywym zostanie, upominac bychmy się mieli. Pokornie thedy a pokornie prosimy W. M-czi, naszego m-cziwego pana: racz, W. M-cz, nasz m-cziwy pan, tho Krolu Je^o M-czi przełożyc y sam m-cziwym przyczyną bydz, żeby nas Je^o Kr. M-cz, według condithey wyszmianowanych listem przypowiednym warowac raczył; co gdy odierzemy, thym się więcey rozzarzy serce nasze do poslug Je^o Kr. M-czi y Rze-pp. y thym prędzei na miejsce, od W. M-czi naznaczone, do Krola Je^o M-sci pod Smolensk, dniem y nocą pospieszac się nie zaniechamy y thego listu przypowiednego pod Branskiem oczekywac będziemy. S tim, dai Panie Boże, abychmy o dobrym zdrowiu y szczesliwym powodzeniu W. M-czi, naszego m-cziwe^o pana, zawždy słyszeli.

Dan s pod Poczapowa, 30 may anno D-ni 1610.

W. M-czi, naszego a m-cziwego pana, nanizsze sludzzy, Andrzej Storożenko, starszy połkownik, ze wszystkim rycerstwem woiska Je^o Kr. M-czi Zaporoskiego, mp.

Wielmożnemu panu Leonowi Sapiezie, canclerzowi Wielkiego X-a Litt., Mohylowskiemu, Pernawskiemu etc. staroscie, panu naszemu m-cziwemu.

II.

Письмо А. Стороженка къ Л. Сапъгъ такого-же содержания, — отъ 2-го юня 1610 юда *).

Jasnie wielmożny a miłosciwy panie canclerzu Wielkie^o Xięstwa Litewskie^o, panie a panie nasz wielce m-sciwy!

Służby y powolności nasze rycerske w W.M-sciwą łaskę W.M., nasze^o m-sciwe^o pana, iako naypilney, offiaruiemy.

Pisac W.M., nasz m-sciwy pan, do nas raczył przez Je^o M-sc pana Samuela Zienowicza y powtaraniem przez Je^o M-sc pana Łukasza Jsaykowskiego, w którym nam W.M. dokładac raczy, abychmy na posługę Je^o Kr. M-sci pod Smolensk bez mieszkania sciążaly się. Powinność to nasza, wielmożny a miłosciwy panie, niesie, abysmy, według przedsięwzięcia swe^o, posługamy naszymy rycerskymy Krowi Je^o M-sci y Rzeczy-Pospolitey dogodzili, co się jusz po części za łaską Bożą y szczęśliwym panowaniem Je^o Kr. M-sci y porządną sprawą W.M., nasze^o m-wego pana, pokazalo, s czego się nieprzyiaciel nie na zbyt cieszy, iakoz y do konca w posługach naszych przeciwko Krowi Je^o M-sci ustawac nie chcemy; thylko nas to, wielmożny a miłosciwy panie, trwoży, że danina, od nas (za przyczyną W.M., nasze^o pana m-go) uproszona od Krowi Je^o M. (to iest list przypowiedny), nie iest warowana: nie naznaczono, iesli żold nam gotowi dawac będą; nie mianowano, po czemu na człowieka na

*) Оба эти письма однородного содержания различаются лишь тѣмъ, что одно помѣчено 30 мая, а другое—2 юня; въ первомъ отрядъ козаковъ опредѣляется въ 10000, а во второмъ — въ 15000 человекъ. Такое однообразие въ содержаніи писемъ и разница въ цифрахъ могли произойти по слѣдующей причинѣ: А. Стороженко, отправивъ 30 мая къ Л. Сапъгъ своего гонца съ первымъ письмомъ, могъ 2 юня получить извѣстіе, что гонецъ или захваченъ Московскими войсками или съ нимъ случилось что-либо въ дорогѣ, а по тому поспѣшилъ отправить второе письмо; въ этомъ послѣднемъ „старшему полковнику“ Запорожскому пришлось уже увеличить цифру козаковъ, потому что, въ промежутокъ времени между датами обомъ писемъ къ нему могъ прибыть новый отрядъ козаковъ въ 5000 человекъ. Впрочемъ, второе письмо могло быть пущено вслѣдъ за первымъ и для большей утѣренности, что одно изъ нихъ дойдетъ непременно по назначенію. А. Стороженко, по нашему мнѣнію, несомнѣнно является новымъ, неизвѣстнымъ доселѣ, вождемъ козаковъ, потому что эпитетомъ „старшій“ очень часто именовались ихъ гетманы, даже самъ Богданъ Хмельницкій. Указаніе это на новое имя тѣмъ болѣе важно, что въ спискѣ предводителей Запорожья за этотъ періодъ оказывается долгій пробѣлъ.

Разница въ правописаніи писемъ можетъ быть объяснена, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что они писаны хотя и подъ диктовку одного и того же А. Стороженка, но двумя разными лицами.

Примѣч. ред.

czwierc; nie wyrażono, na wiele woyska, gdyż nas iest teras do piętnasta tysięcy woysca y dali; naostatek, niedolożono, nakim, naszym y na którym mieyscu te^o ubogiego żolda krwawego, po wykonaniu posługi, kto się żywy zostanie, upominac bychmy się mieli. Pokornie tedy a pokornie prosimy W.M., naszego m-go pana: racz W.M., nasz miłościwy pan, to Kr Je^o M. przelożyc y sam miłościwym przyczyną byc, żeby nas Je^o Kr. M., według conditiei wyszmianowanych, listem przypowiednym warowac raczył; co gdy odierzemy, tym się więcey rozzarzy serce nasze do posług Je^o Kr. M. y Rzeczy-Pospolitey y tym prędzey na miesce, od Kr. Je^o M. naznaczone, pod Smolensk, dniem i nocą pospieszac się nie zaniechami y te^o listu przypowiednego pod 'Branskem oczekiwac będziemy. S tym, day Panie Boze, abychmy o dobrym zdrowiu y szczęśliwym powodzeniu W.M., naszego m-go pana, zawżdy słyszeli.

Dan s pod Poczapowa, dnia 2 juny anno D-ni 1610.

W.M., naszego m-go pana, nanizsze sładzy Andrzey Storożenko, starszy połkownik, ze wszystkim rycerstwem Kr. Je^o Ms. woyska Zaporoskiego, mp.

Jasnie wielmożnemu Je^o M. panu Leonowi Sapize, kanclerzowi Wielkiego X-a Litewskiego, Mohyliewskiemu, Pernawskiemu etc. staroscie, panu naszemu miłosciwemu.

Zgodność powyższych odpisów z oryginałami poswiadcza.—W Poznaniu. 17 maja 1847.—Biblioteka publiczna hrabi Raczyńskich.—Józef Lukaszewicz (M. P.).

Оба эти письма суть копія съ оригиналовъ, хранящихся въ библиотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани. Точность копіи засвидѣтельствована извѣстнымъ бібліотекаремъ этого богатаго книгохранилища Іосифомъ Лукашевичемъ 17 мая 1847 года.

Соодцилъ Я. Стороженко.

РЕДЯЦІИ

КІЄВСЬКАГО ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРА

за 1768 и 1769 гг.

Сообщилъ А. А. Андрієвскій.

Реляціи Кіевскаго генераль-губернатора за 1768 и 1769 годы.

Въ массѣ старыхъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ Кіев. Губернскаго Правленія безъ всякой описи, найдены были мною въ разное время остатки сборника „реляцій“ Кіевскаго генераль-губернатора (собственно черновокъ ихъ), отправленныхъ на Высочайшее имя въ 1767, 1768 и 1769 годахъ; найденъ былъ и „журналъ“ этимъ реляціямъ, т. е. подробнос ихъ оглавленіе. Въ этомъ журналѣ зарегистрировано за 1767 годъ 30 номеровъ, во въ моихъ рукахъ оказалось ихъ 26; за 1768 г. изъ 86, записанныхъ въ журналѣ, реляцій найдено только 76, а за 1769 г. изъ 61 недостаетъ 14.

Многія реляціи сопровождались приложеніями, состоявшими изъ писемъ, полученныхъ генераль-губернаторомъ, или донесеній, представленныхъ ему нарочно командированными имъ лицами; но, къ сожалѣнію, большей части этихъ приложеній не оказалось при найденныхъ мною реляціяхъ.

Имѣя въ виду, что реляціи эти, хотя и въ черновкахъ, представляютъ значительный историческій интересъ, онѣ списаны мною съ опущеніемъ лишь обычныхъ титулованій и такихъ же формулъ обращенія и заключенія, а равно безъ соблюденія орфографіи подлинниковъ (что въ данномъ случаѣ представлялось мнѣ совершенно излишнимъ), и наиболее важная для южно-русской исторіи часть ихъ помѣщается ниже.

Реляціи 1767 г. имѣютъ предметомъ исключительно пограничныя отношенія Россіи къ Крыму и представляютъ довольно цѣнный матеріалъ для знакомства съ дѣлами Крымскими, а отчасти и Запорожскими; реляціи 1768 г. касаются на половину дѣлъ Крымскихъ и Запорожскихъ, на половину дѣлъ Польскихъ; наконецъ, реляціи 1769 г. относятся, главнымъ образомъ, до дѣлъ, связанныхъ съ начавшимися тогда военными дѣйствіями. Въ настоящей книгѣ „Чтеній“ мы сообщаемъ только ре-

ляціи за 1768 и 1769 гг.; по такъ какъ онѣ имѣють нѣкоторую связь и съ реляціями за 1767 г., то, говоря о содержаніи первыхъ, сначала скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ.

Въ 1767 г. въ Крыму дважды произошла смѣна хановъ. Въ началѣ этого года ханъ Селимъ-Гирей былъ низложенъ Портою и на его мѣсто назначенъ былъ Арсланъ-Гирей, бывшій уже раньше Крымскимъ ханомъ и смѣненный въ 1756 г. (рел. за № 11). Но Арсланъ-Гирей, не побывавъ даже въ Крыму, умеръ въ Каушанахъ 19-го мая, а на ханство возведенъ былъ Максуть-Гирей. Реляціи знакомятъ насъ съ настроеніемъ различныхъ Татарскихъ ордъ по случаю этихъ переменъ, которыя, между прочимъ, послужили причиной того, что въ этомъ году не состоялся обычный съѣздъ пограничной комиссіи для разбора взаимныхъ ссоръ и претензій между Запорожцами и Татарами, почему и отправленные въ маѣ мѣсяцѣ наши комиссары надв. сов. Ефремовъ и кол. ассессоръ Чугуевецъ (рел. за № 13) въ августѣ мѣсяцѣ возвратились обратно въ Кіевъ (рел. за № 23).

Для обычнаго развѣдыванія о Татарскихъ „обращеніяхъ“ въ 1767 г. посылались изъ Кіева нарочные толмачъ Андрей Константиновъ и капитанъ Бастевикъ, журналы которыхъ и прилагались къ реляціямъ, но изъ нихъ сохранился лишь одинъ журналъ Константинова (рел. за № 2), ѣздившаго въ августѣ 1766 г. съ цѣлію провѣдать о новыхъ слободахъ, устроенныхъ Татарами вблизи Русскихъ границъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя объ этихъ слободахъ, представляютъ значительный интересъ для исторіи колонизаціи края. Капитанъ Бастевикъ отправленъ былъ изъ Кіева 6-го марта съ цѣлію установить способъ переписки съ „пріятелемъ“ Якубомъ, сообщенія котораго представляли особую цѣну, почему о возможно болѣе частой перепискѣ съ нимъ и предписывалось генераль-губернатору особыми рескриптами (рел. за №№ 4 и 8). Въ видѣ „приличнаго претекста“ Бастевику поручено было доставить поздравительное письмо хану. Такъ какъ во времени пріѣзда Бастевика въ Крымъ произошла смѣна хана, то онъ остался ожидать въ Бахчисараѣ прибытія новаго хана (рел. за № 5); но этотъ новый ханъ умеръ, и въ Бахчисараѣ было привезено въ іюлѣ мѣсяцѣ тѣло его для торжественнаго погребенія на ханскомъ кладбищѣ, а Бастевику было предписано оставаться до пріѣзда Максуть-Гирея, собирая разнаго рода свѣдѣнія о Крымскихъ дѣлахъ (рел. за № 18). Возвратился кап. Бастевикъ въ Кіевъ лишь въ сентябрѣ мѣсяцѣ съ отвѣтнымъ

письмомъ новаго хана (рел. за № 26) и въ томъ же мѣсяцѣ вторично былъ командированъ въ Крымъ съ новымъ „поздравительнымъ письмомъ“.

Кромѣ посланныхъ въ Крымъ подъ разными предлогами нарочныхъ, свѣдѣнія о Крымскихъ дѣлахъ доставлялись въ 1767 году еще и другими лицами: Нѣжинскимъ купцомъ грекомъ Судаклеемъ (рел. за №№ 3, 7), „пріателемъ“ Якубомъ (рел. за №№ 15, 19, 23) и Могилевскимъ корреспондентомъ (рел. за №№ 10, 11, 23), а равно пребывавшимъ въ Запорожской Сѣчи ассессоромъ Чугуевцемъ и кошевымъ атаманомъ (рел. за №№ 11, 21, 22 и 23).

Изъ реляцій этого года видно, что существенный интересъ сношеній Русскаго правительства съ Крымомъ представляло возстановленіе въ Крыму Русскаго консульства, о чемъ настаивалъ предъ Портою и находившійся въ Константинополѣ резидентъ Обрѣзковъ. Еще въ предшествующемъ 1766 году посланному въ Крымъ съ письмами къ хану, поручику Климовскому, генераль-губернаторъ Глѣбовъ приказывалъ хлопотать о принятіи Русскаго консула, къ чему, повидимому, и склоненъ былъ ханъ Селимъ-Гирей. Съ тою же цѣлью, согласно высочайшему указу 16 апрѣля 1766 г., посылалъ Глѣбовъ и капитана Бастевика ¹⁾, пріобрѣтшаго, по видимому, прочныя знакомства въ Крыму, при чемъ возлагались особыя надежды на содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ „пріятеля“ Якуба. Объ этомъ же принятіи Русскаго консула поручено было и въ 1767 г. отъ генераль-губернатора Воейкова „все-крайнѣйшее стараніе“ приложить и „пріятелю“ Якубу, и капитану Бастевику.

Не мало также заботъ вызывало улаживаніе отношеній войска Запорожскаго къ Едичгульской ордѣ, въ теченіе двухъ зимъ подрядъ вступавшей въ предѣлы Запорожскихъ владѣній и опустошавшей ихъ лѣса. Вызванныя этимъ „наглымъ поступкомъ“ Едичгульцевъ претензіи Запорожцевъ не могли быть, однако, удовлетворены, такъ какъ самый съѣздъ пограничной комиссіи для разбора этихъ претензій, за неприбытіемъ Татарскихъ комиссаровъ, не состоялся. Объ этихъ претензіяхъ, въ виду необходимости разобрать ихъ при участіи Татарскихъ депутатовъ, сносился съ Крымскимъ ханомъ непосредственно и кошевой атаманъ Кальвишевскій (рел. за № 23).

¹⁾ См. „Записки Од. Общ. И. и Д.“, т. XIV: „Матеріалы для исторіи Южно-русскаго края“, гл. XLI. Въ этой главѣ приведено обстоятельное наставленіе, данное по этому дѣлу кап. Бастевику.

Изъ реляцій 1768 г. мы видимъ, что разбирательство упомянутыхъ столкновений встрѣтило серьезныя препятствія (рел. за № 42). Едичкульскіе татары, возмущившись противъ своего сераскерь-султана, рѣшительно заявили чрезъ своихъ старшинъ, что они „по ханскому повелѣнію въ погр. комиссію депутатовъ, жалобщиковъ и виновныхъ съ своей стороны собирать и высылать не намѣрены, равно какъ и по жалобамъ Запорожцевъ возвратити ничего не хотятъ, признавая учрежденную погр. комиссію для нихъ излишнею и необычайною, а для избѣжанія отъ такихъ новостей и хлопотъ они лучше желаютъ на Кубань по прежнему переведены быть“. Объ этомъ „взволнованіи“ Едичкульцевъ генераль-губернаторъ послалъ развѣдать особаго нарочнаго. Не смотря однако на это „взволнованіе“ Едичкульцевъ и ихъ заявленіе, съѣздъ погр. комиссіи состоялся и окончился благополучно къ обоюдному удовольствію (рел. за № 58), при чемъ, по требованію генераль-губернатора, внесено было въ протоколы комиссіи обязательство, чтобы какъ Запорожцевъ, такъ и Татаръ—всѣхъ безъ письменнаго вида „шатающихся не въ своихъ границахъ обостороннихъ подданныхъ—признавать за настоящихъ бродягъ“.

Новый поводъ для жалобъ Запорожцевъ на Татаръ подалъ Едичкульскій сераскерь-султанъ, устроивши свой перевозъ черезъ Днѣпръ и потребовавъ отъ Коша, чтобы Запорожцы не чинили никакихъ въ этомъ случаѣ Татарамъ препятствій. Генераль-губернаторъ, представляя жалобу Запорожцевъ въ Коллегію Иностран. Дѣлъ, выражалъ свое мнѣніе, что такой „новости“, какъ учрежденіе Татарскаго черезъ Днѣпръ перевоза, допускать не слѣдуетъ. На жалобу же Запорожцевъ о томъ, что Едичкульскіе татары уже послѣ съѣзда погр. комиссіи вновь начали причинять имъ „своими наглými нападеніями немалыя обиды и грабительства“, Воейковъ, „уваживъ нѣжность нынѣшнихъ обстоятельствъ“, предписалъ кошевому всячески воздерживать Запорожцевъ отъ ссоръ съ Татарамы, не подавать самимъ повода къ раздору; въ случаѣ же Татары „къ явному нападенію на наши границы движенія чинить стали бѣ“, тогда кошевой долженъ немедленно репортовать и изготовить войско къ военнымъ дѣйствіямъ (рел. за № 65).

Въ виду ожидавшейся войны съ Турками представлялось важнымъ привлечь на свою сторону Едисонскую орду Татаръ, которая еще въ 1758 г. обращалась за протекціей къ Россіи, желая перейти

на Кубань, но тогда это было отелонено. Въ высоч. указѣ отъ 26-го іюня 1766 г. оберъ коменданту Ельчанинову предписывалось всячески воздерживать Едисонцевъ отъ перехода въ Русскія границы, „а буде присланы будутъ отъ нихъ въ Кіевъ нарочные съ новымъ прошеніемъ о принятіи ихъ въ наше подданство, то, выслушавъ ихъ предложенія или принявъ письма, немедленно ихъ назадъ отпустить безъ всякаго обнадеживанія и, сколько возможно, скрытно, а о прошеніи ихъ представить сюда и ожидать резолюціи“.

Но теперь, въ 1768 г., обстоятельства измѣнились, и въ октябрѣ мѣсяцѣ Воейковъ получилъ высоч. указъ о томъ, чтобы чрезъ посылку нарочнаго искуснаго человѣка провѣдать о настроеніи Едисонской орды и, буде возможно, привлечь ее на свою сторону, вызвавъ въ ней прежнія заявленія относительно протекціи (рел. за № 72). Но Воейковъ выразилъ сомнѣніе въ успѣхѣ этого дѣла, такъ какъ „пронирливою и хитрою уловкою новаго хана всѣ Татарскія орды противъ поданныхъ В. И. В. такъ озлоблены и раздражены, что никому изъ бывшихъ въ Крыму и другихъ Турецкихъ мѣстахъ для купеческаго промыслу малороссіявъ и Запорожскихъ козаковъ свободнаго къ возврату проѣзда нѣтъ, но гдѣ на кого найдутъ, безъ разбору грабятъ и убиваютъ, слѣдовательно явные уже непріятельства производятъ начали“. Тѣмъ не менѣе, во исполненіе высоч. указа, Воейковъ послалъ къ Едисонцамъ нарочныхъ съ письмами отъ ассессора Чугуевца, котораго два родныхъ брата были въ той ордѣ „не изъ послѣднихъ мурзъ“ (рел. за № 80). Нарочнымъ выдано было для подарка этимъ братьямъ Чугуевца по 50 червонцевъ.

Одинъ изъ посланныхъ эмиссаровъ былъ пойманъ 2-го января 1769 г. въ Балтѣ и только благодаря счастливой случайности вернулся въ Кіевъ съ довольно благоприятными о настроеніи Едисонцевъ извѣстіями (рел. 1769 г. за № 8): на запросъ крымскаго хана, „гдѣ лучше въ Россійскія границы впасть“, Едисонскіе мурзы отвѣчали, что они „противъ Россіи войны вчать не намѣрены“; за это 10 изъ нихъ были посажены въ тюрьму, что вызвало общее въ Едисонской ордѣ неудовольствіе.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1769 г., по совѣту ассессора Чугуевца, одинъ содержавшійся въ числѣ плѣнныхъ въ крѣпости св. Елисаветы едисонецъ Муса былъ отпущенъ на волю съ обѣщаніемъ ему хорошаго вознагражденія, если онъ доставитъ письма къ братьямъ Чугуевца и

другимъ мурзамъ. Муса поклялся исполнить это порученіе. Однако прошелъ и двойной срокъ, а Муса съ обѣщанными отвѣтами не возвратился (рел. 1769 г. за № 40).

Не мало свѣдѣній представляютъ реляціи 1768 г. и о настроеніи Запорожцевъ.

Отношеніе Запорожцевъ къ движенію гайдамакъ въ Польской украинѣ представлялось не только Туркамъ, Татарамъ и Полякамъ, но и Русскимъ властямъ весьма подозрительнымъ, и сообщенное въ рел. за № 57 свѣдѣніе о томъ, что „Гардовой полковникъ съ гайдамаками полюбовно обходится“, вызвало цѣлый рядъ ордеровъ къ кошевому атаману о воздержаніи Запорожцевъ отъ поддержки гайдамакъ.

Генераль-губернаторъ, „зная, что Запорожское войско нѣсколько огорченнымъ себя признаваетъ по причинѣ земли, подъ Екатерининскую провинцію назначенной“, высказалъ мнѣніе (рел. за № 73), что собственноручно подписанная государыней грамота „съ обнадеженіемъ монарше-материнскаго благоволенія и съ выхваленіемъ оказанной всегда при подобныхъ случаяхъ, каковы нынѣ, храбрости и вѣрности, великое всему войску придастъ ободреніе и немалую принести можетъ пользу“.

Сообщая затѣмъ въ рел. за № 81 о томъ, что кошевой атаманъ прислалъ не распечатывая полученныя имъ отъ Крымскаго хана письма, склонявшія Запорожцевъ къ измѣнѣ, генер.-губерн. Воейковъ представлялъ свое „слабѣйшее мнѣніе, что всемилостивая грамота съ высочомонаршею апробаціею его поступка по сему случаю и съ обнадеженіемъ высоч. благоволенія за вѣрность великое ободреніе ему и всему войску Запорожскому придала бѣ, ибо, если безпристрастно судить, то оное имперіи В. И. В. служить великою противъ Татаръ преградю“.

Такая грамота и была дѣйствительно прислана къ генераль-губернатору, который и отправилъ ее въ Запорожье съ секундъ-маіоромъ Воейковымъ (рел. 1769 г. за № 2), поручивъ ему „примѣчать и развѣдывать, въ какихъ мысляхъ войско Запорожское въ разсужденіи Е. И. В. находится“. Грамота эта „принята съ подобающимъ благоговѣніемъ и въ прямыхъ Запорожцахъ немалое произвела дѣйствіе, кои, чувствуя монарше-матернюю къ себѣ милость, великое оказывали удовольствіе“. Любопытенъ приложенный къ рел. за № 5 репортъ сек. маіора Воейкова, довольно подробно изображающій ту церемонію,

съ какою принята была эта императорская грамота. Видно, что суровые сбѣвики въ потребныхъ случаяхъ могли быть мастерами и застольныхъ рѣчей.

Къ „приласканію“ Запорожцевъ побуждало, между прочимъ, по обстоятельствамъ времени, и полученное свѣдѣніе о томъ, что въ Запорожскую Сѣчь подосланъ французскій эмиссаръ Тотлебенъ, къ поимѣ котораго и приняты были извѣстныя мѣры. 17-го декабря 1768 г. посланъ былъ въ Запорожскую Сѣчь для присматриванія, какъ „надежный и искусный офицеръ“, капитанъ Марковичъ, лично знавшій Тотлебена, состоявшаго прежде въ русской службѣ и командовавшаго „немалое время“ Донскими козаками (рел. 1769 г. за № 1). Въ бытность Марковича въ Запорожской Сѣчи, 26-го декабря, какъ донесъ объ этомъ командиръ Новосѣченскаго ретраншамента майоръ Микулишинъ, „отъ собравшейся многочисленной подлости Запорожскихъ козаковъ, называемой сирмахами, ввечеру сдѣлано возмущеніе разломаніемъ тюрьмы и освобожденіемъ всѣхъ колодниковъ, съ намѣреніемъ всѣхъ своихъ старшинъ убить и имѣніе оныхъ разграбить, что и въ дѣйство производить начали; но кошевой съ старшиною имѣлъ случай укрыться въ ретраншаментъ, а имѣніе оныхъ разграблено и жилище разорено“. Но на другой день это „возмущеніе хорошимъ и отважнымъ поступкомъ капитана Марковича безъ дальнѣйшихъ слѣдствій усмирено и кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій со всею войсковою старшиною по прежнему возстановлены“ (рел. за № 3).

Надо думать, что это „возмущеніе“ было просто обычною обстановкою происходившихъ выборовъ, и въ репортахъ офицеровъ явилось преувеличеннымъ; тѣмъ не менѣ Воейковъ заявлялъ въ своей реляціи, что „сіе непріятное происшествіе, въ разсужденіи вынѣшнихъ обстоятельствъ“, причинило ему немалую заботу.

Первое упоминаніе о происшествіи, послужившемъ въ концѣ концовъ для Турковъ поводомъ къ объявленію войны, т. е. о нападеніи на г. Балту и разореніи его, встрѣчаемъ въ рел. за № 42, а изъ рел. за № 46 видно, что по поводу этого происшествія Крымскій ханъ присылалъ въ Кіевъ къ генераль-губернатору нарочнаго съ „суровымъ“ письмомъ. Получивши тогда же письмо и отъ резидента Обрѣзкова отъ 6-го августа о томъ впечатлѣніи, какое произвело на Порту разореніе Балты, Воейковъ предписалъ всѣмъ находившимся въ его распо-

ряженіи войскамъ „быть въ готовности“ (рел. за № 50). Подтвержденіе свидѣній, полученныхъ отъ Обрѣзкова, Воейковъ имѣлъ и отъ одного изъ своихъ корреспондентовъ (рел. за № 51). Тогда же явился въ Кіевъ нарочный отъ Очаковскаго паши съ ничего незначащимъ письмомъ, очевидно, лишь для того, „чтобъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ развѣдать, какія по границѣ и въ здѣшной крѣпости войска находятся“ (рел. за № 53). Къ этому посланцу приставлены были во время пребыванія его въ Кіевѣ, „подъ видомъ безопасности и для посылкъ“, унтеръ-офицеръ и толмачъ, которымъ „наисильнѣйше подтверждено за всѣми его поступками и обхожденіемъ непримѣтнымъ образомъ присматривать“.

Извѣстіе о заключеніи резидента въ крѣпость Едикеуль и объявленіи Портою войны Россіи привезъ въ Кіевъ изъ Константинополя 1-го ноября прапорщикъ Шеферовъ (рел. за № 68), котораго, какъ очевидца Константинопольскихъ событій, Воейковъ и отправилъ немедленно въ Петербургъ.

Изъ рел. за № 75 мы узнаемъ, что Воейковъ былъ крайне озабоченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ самомъ Кіевѣ оставалось очень ничтожное количество войска, едва достаточное для содержанія карауловъ.

Какъ относилась мѣстная власть, въ лицѣ Кіевскаго генераль-губернатора, къ движенію, поднятому Гонтой и Желѣзнякомъ, это видно изъ реляцій за №№ 22, 23, 28, 29, 34 и 41, а равно изъ цѣлаго ряда реляцій о судѣ надъ пойманными и доставленными въ Кіевъ гайдамаками (рел. за №№ 49, 54, 56, 59, 62 и 67). Особенно опаснымъ представлялось участіе въ гайдамацкомъ движеніи Запорожцевъ. Высоч. рескриптъ о производствѣ суда надъ Запорожскими козаками, захваченными въ плѣнъ при пораженіи гайдамацкихъ отрядовъ, полученъ былъ въ Кіевѣ 5-го августа, и тогда же въ Кіев. губ. канц. началъ производиться этотъ судъ съ „крайне возможнѣйшимъ прилежаніемъ и поспѣшеніемъ“ (рел. за № 29), а 3-го сентября генераль-губернаторъ уже доносилъ, что судъ этотъ поконченъ и „приговоръ постановляется“ (рел. за № 54).

Такой же судъ надъ гайдамаками производился и въ крѣпости св. Елисаветы. Исполненіе приговора надъ ними рѣшено было произвести въ Орловской слободѣ противъ Татарской слободы Голты и для препровожденія ихъ туда были заготовлены подводы. Съ дѣломъ этимъ усиленно

торопились. Судившіеся въ Кіевѣ раздѣлены были на 4 группы, и первая изъ нихъ, въ количествѣ 70 человекъ, „при самозванцѣ Желѣзнякѣ“, отправлена была въ Орловскую слободу 12-го сентября (рел. за № 59), о чемъ генераль-губернаторъ сообщилъ и Крымскому хану. Балтинскій воевода и Голтинскій каймаганъ приглашались особыми письмами „съ другими тамошними обывателями быть тому позорищу очевидными свидѣтелями, согласясь о двѣхъ экзекуціи съ состоящимъ у Орловскаго форпоста маіоромъ Вульфомъ“.

Изъ письма Воейкова къ гр. Панину отъ 22-го августа можно усмотрѣть, что о судѣ надъ пойманными Запорожцами онъ спѣшилъ „предварительно хана Крымскаго увѣдомить для умягченія первымъ до него дошедшимъ неосновательнымъ слухомъ раздраженнаго его духа“. Относительно исполненія приговоровъ Воейковъ въ томъ же письмѣ къ гр. Панину писалъ, что онъ намѣренъ „умножившуюся винныхъ толпу раздѣлить на четыре части, изъ коихъ три въ Елисаветградской провинціи при границѣ Турецкой, Польской и Сѣчи Запорожской наказаны быть имѣютъ, а одна при границѣ здѣшней у Васильковскаго форпоста, гдѣ главный проѣздъ къ Бендеру, Молдавіи, Валахіи и Константинополю, ибо при сихъ мѣстахъ Турецкіе подданные купно съ Поляками всему происхожденію самовидцами быть могутъ“.

Въ Кіевѣ судили и приговаривали къ наказанію только Запорожцевъ; Польскіе же подданные, пойманные въ Польшѣ въ гайдамацкихъ отрядахъ, числомъ 130 человекъ, отправлены были въ сентябрѣ мѣсяцѣ къ кн. Прозоровскому, съ объясненіемъ что „таковые слѣдуютъ преданы быть собственному ихъ отечества суду, то бѣ онъ ихъ отъ себя немедленно къ Польскому генералу гр. Браницкому отослалъ для должнаго имъ по законамъ республики наказанія“ (рел. за № 56).

Свѣдѣнія о Барской конфедераціи сообщаются впервые въ рел. за № 13, въ приложенномъ къ ней экстрактѣ изъ репортовъ поручика Роде и другихъ чиновъ, которые были отправлены „для развѣдыванія о польскихъ обстоятельствахъ“, а затѣмъ въ реляціяхъ за №№ 62, 67, 76, 82 и 84 Воейковъ сообщаетъ о доставленіи въ Кіевъ плѣнныхъ конфедератовъ, при чемъ настойчиво выражаетъ мнѣніе о необходимости, въ виду отношеній къ Турціи, удалить ихъ изъ Кіева во внутреннія губерніи. Первая партія плѣнныхъ конфедератовъ въ количествѣ 90 человекъ прислана была въ Кіевъ 18-го сентября; затѣмъ вторая состояла изъ 752 человекъ, въ числѣ которыхъ были гр. По-

тоцкій, Чернецкій, Ордынскій и канцлеръ Краковскій гр. Шембекъ. Этимъ четыремъ вельможамъ отведенъ былъ на Печерскѣ особый домъ.

По разнымъ ходатайствамъ изъ послѣдней партіи очень скоро было освобождено изъ плѣна 52 человекъ.

Изъ оставшихся плѣнныхъ конфедератовъ по 27 ноября умерло въ Кіевѣ 114 человекъ.

Согласно высоч. указу отъ 22 ноября, всѣ плѣнные Поляки дворяне и оберъ-офицеры назначены были къ отправленію въ г. Казань, и объ этой отправкѣ ихъ говорится въ реляціяхъ 1769 г. за №№ 6, 10, 22, 25, 38 и 44. Изъ послѣдней отъ 27-го іюля видно, что всего отправлено въ Казань въ разное время изъ Кіева плѣнныхъ Поляковъ 887 человекъ, умерло въ Кіевѣ 33 и осталось въ госпиталѣ „слабыхъ“ 4 человека.

Реляціи 1769 г., кромѣ указанныхъ выше интересовъ (дѣлъ гайдамацкихъ, Запорожскихъ, пересылки плѣнныхъ) касаются еще извѣстныхъ сношеній съ славянскими народами, манифестъ къ которымъ печатался въ Кіевѣ въ Лаврской типографіи (рел. за №№ 19 и 24), и наконецъ причиненнаго Турками и Татарами разоренія Еватерининской и Елисаветинской провинцій (рел. за №№ 31 и 32).

Для отправленія къ турецкимъ славянамъ снаряженъ былъ въ Кіевѣ подполковникъ Каразинъ. Снабженный свидѣтельствомъ отъ архимандрита Кіево-Печер. лавры Зосимы, онъ долженъ былъ, доѣхавъ до послѣдняго пограничнаго форпоста, переодѣться въ иноческое платье и въ такомъ видѣ пробираться въ заранѣе намѣченныя мѣста. При себѣ онъ имѣлъ старый псалтырь, „въ доскахъ которой весьма непримѣтно скрыта грамота къ бану, одну деревянную фляшку, въ каковыхъ странствующіе тамошнихъ краевъ иноки для утоленія въ пути жажды обыкновенно воду держатъ; она сдѣлана двудонная и служитъ къ сохраненію посылокъ; одни четки и одинъ изъ простого дерева монашескій посохъ, въ коемъ вмѣстилось по 10 экземпляровъ манифеста на греческомъ, словено-сербскомъ и волоскомъ языкахъ“. Увѣдомляя о выѣздѣ Каразина 14-го марта изъ Кіева, генераль-губернаторъ выражалъ свое мнѣніе, что-де удача этого предпріятія „подвержена немалой опасности“ (рел. за № 24).

Въ концѣ августа мѣсяца 1769 г. присланъ былъ въ Кіевъ отъ главнокомандующаго 1-ою арміей Черногорскій архимандритъ Григорій

Дреналовичъ, котораго велѣно было „отмѣниѣ другихъ содержать, производя ему на пищу по 50 в. въ день“ (рел. за № 49). Этотъ архимандритъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ 1768 г. посланъ былъ изъ Черногоріи отъ „секретнаго правленія“, между прочимъ, и въ Россію, чтобы „о настоящей истинѣ явшагося у нихъ Степана Малаго свѣдалъ“¹⁾; но, испытавъ не мало разныхъ приключеній, попавши въ плѣнъ къ Туркамъ, онъ находился въ ихъ арміи подъ Хотиномъ, послѣ же пораженія Турокъ²⁾, представленный главнокомандующему русскою арміей, отправленъ былъ въ Кіевъ. При реляціи за № 49, заключающей въ себѣ обстоятельное показаніе Дреналовича, приводится и копія написаннаго имъ въ Кіевѣ письма на родину къ членамъ „секретнаго правленія“, равно и переводъ того письма, которое онъ долженъ былъ годъ тому назадъ доставить императрицѣ.

— — —

Вмѣстѣ съ реляціями генераль-губернатора найдены были мною и списаны три письма его (также черновки), адресованныя въ собственныя руки императрицы, относительно поведенія генерала Кречетникова въ Польской украинѣ, и нѣсколько писемъ къ гр. Панину.

29-го іюля 1768 г. Воейковъ получилъ высоч. рескриптъ за собственноручною подписью императрицы о томъ, чтобы онъ незамѣтнымъ образомъ „въ крайнемъ секретѣ“ провѣдалъ, какого рода имущество отправилъ уже въ своихъ обозахъ изъ Польши въ Россію генераль Кречетниковъ, о которомъ громко говорили, что онъ, „ослѣпясь мерзкимъ и презрительнымъ корыстолюбіемъ, производитъ такіе себѣ нажиточные грабежи по тамошней землѣ, что уже многіе обозы съ пограбленнымъ оттуда выслалъ, а другіе и теперь для высылки же въ границы наши позалъ себя возить, что произвело уже а страхъ и роптаніе, да и къ нему самому публичное презрѣніе отъ самыхъ его подкомандныхъ“.

Воейковъ немедленно послалъ для развѣдыванія двухъ штаб-офицеровъ, „на искусство и вѣрность которыхъ могъ совершенно по-

¹⁾ Принявъ Степана Малаго за императора Петра III, Черногорцы были, оказывается, крайне смущены письмомъ изъ Константинополя отъ резидента Обрѣзкова, который называлъ его самозванцемъ.

²⁾ Объ этомъ пораженіи, по увѣдомленіямъ Могилевскаго пріятеля, сообщается въ рел. 1768 г за № 55 отъ 18-го октября.

ложиться^а, но они, возвратясь очень скоро, доложили, что объ обозѣ ген. Кречетникова „нигдѣ не малѣйше свѣдѣть не могли, развѣ непропущены ли иногда подъ именемъ какихъ либо полковыхъ тягостей на отдаленныхъ отсюда форпостахъ“.

Между тѣмъ ген. Кречетниковъ, отозванный отъ команды, прибылъ 29-го августа съ двумя сыновьями въ Кіевъ, откуда на третій день (31-го августа) одинъ поѣхалъ въ Переяславль къ гр. Румянцеву.

Узнавши о слѣдованіи Кречетникова черезъ Васильковскій форпостъ, Воейковъ предписалъ директору таможни Туфанову, „яко скромному и вѣрному человѣку, съ пристойнымъ извиненіемъ и учтивостію, ссылаясь на свою инструкцію, настоять о осмотрѣ всего въ обозѣ возимаго“. Опись всего найденнаго въ этомъ „небольшомъ“ обозѣ, слѣдовавшемъ за самимъ Кречетниковымъ, и приложена къ письму Воейкова отъ 3-го сентября. Изъ этого письма оказывается, что за названнымъ генераломъ слѣдовалъ еще изъ м. Полоннаго „тяжелой обозъ“, который предписано было тщательно осмотрѣть тому же Туфанову, но, что въ немъ найдено, изъ имѣвшихся у меня документовъ нельзя сдѣлать заключенія. Но достаточно краснорѣчива и опись „небольшого обоза“, въ которомъ находилось, между прочимъ, 58 лошадей; изъ нея одной уже ясно, что слухи о грабежахъ генерала Кречетникова не были напраслиной. Масса серебряной посуды и такихъ товаровъ, какъ шелковыя матеріи, полотна, сукна, обои и т. п., нѣсколько штукъ часовъ и дорогихъ бездѣлушекъ, указываютъ на то, что генералъ не стѣснялся контрибуціями въ свою пользу.

Въ реляціяхъ 1768 г. за №№ 64 и 71 находимъ указаніе на то, что не только Кречетниковъ, но и другіе офицеры провозили изъ Польши „подозрительные обозы“. Такъ ген. маіоръ Исаковъ задержалъ „экипажъ“ поручика Кологривова, въ которомъ оказалось, между прочимъ, кромѣ 4 мальчиковъ и 2 дѣвочекъ, одна шляхтянка 13-ти и крещеная еврейка 14-ти лѣтъ, насильно выданныя Кологривовымъ замужъ за крѣпостныхъ его людей. Шляхтянку узнали въ крѣпости св. Елисаветы какіе-то два шляхтича и потребовали выдачи ея, какъ ихъ свойственницы. Генералъ-губернаторъ, узнавши объ этомъ, „экипажъ“ Кологривова приказалъ задержать, а между тѣмъ, какъ поступить съ нимъ, испрашивалъ свѣше резолюціи, ссылаясь на то, что „возвращеніе сей шляхтянки въ разсужденіи замужества

съ такими сопряжено затрудненіями, кои рѣшены быть не могутъ“ имъ самимъ. Получивъ 9-го ноября высоч. по этому поводу рескриптъ, Воейковъ предписалъ: „шляхтянку отдать родственникамъ ея, а прочихъ всѣхъ польскихъ подданныхъ, при Кологривова экипажѣ находящихся, отослать въ ген. маіору вн. Прозоровскому для поступленія съ ними по насылаемому изъ Воен. Коллегіи указу, экипажъ же его, Кологривова, по осмотрѣ, не найдется ли въ немъ чего чрезвычайнаго или подозрительнаго, въ деревню отпустить“.

Таково въ самомъ общемъ обзорѣ содержаніе найденныхъ мною документовъ. Писанные въ тѣ годы, когда совершались у насъ на югѣ весьма важныя событія, они, по всей вѣроятности, представятъ для занимающихся этою эпохой немало болѣе или менѣе цѣнныхъ подробностей.

А. Андріевскій.

Реляціи 1768-го года

А) По пограничнымъ съ татарами и турками дѣламъ.

1) *О полученныхъ изъ заграницы извѣстіяхъ: о смѣнѣ Хотинскаго пашы, о бунтѣ янчаръ, о появившихся въ Польшѣ фальшивыхъ деньгахъ и проч.,—отъ 7 февраля за № 2.*

Изъ полученныхъ извѣстій отъ находящихся за границей конфидентовъ, кромѣ Якуба, отъ котораго давно никакого письма въ присылкѣ не было, болѣе ко всеподданнѣйшему донесенію не нахожу, кромѣ что по жалобамъ янчаръ Хотинскаго гарнизона Хотинской паша въ минувшемъ декабрѣ въ ссылку сосланъ, а опредѣленной на его мѣсто, не доѣзжая до рѣки Дуная, умре; что въ началѣ прошедшаго генваря между Хотинскими янчарами ночью великой сдѣлался бунтъ, въ которомъ главное намѣреніе было янчаръ агу живота лишить, но оной, свѣдавъ въ вечеру о семъ умыслѣ, помощью ночной темноты того избавился и, перешедъ черезъ Днѣпръ, въ Польскомъ мѣстечкѣ Жванцѣ скрылся; что въ Польской украинѣ явились подъ штемпелемъ Е. В. короля Польскаго фальшивыя деньги, жидами изъ Пруссіи туда вывезенныя и между народомъ разсѣянныя, отчего многіе изъ обывателей немалой понесли убытокъ; въ маестностяхъ воеводы Брацлавскаго князя Любомирскаго близъ Шаргорода въ лѣсу жидами дѣлаются фальшивыя рубли и полтины, такожъ турецкіе левки и орлянки, которые въ народѣ разсѣваются, съ каковыми въ Хотинѣ жидъ прошлаго генваря мѣсяца пойманъ и по приказу тамошняго правленія повѣшенъ; я не премину по сей причинѣ въ пограничную Васильковскую таможду и въ Новороссійскую губернію

подтвердить надлежащую предосторожность взять, дабы купцами, польскими обывателями или другими какими проѣзжими въ границы Вашего Императорскаго Величества фальшивыя деньги ввезены быть не могли; что Софійскаго и Нискаго округовъ болѣе тысячи фамилій сербовъ и болгаровъ, раздѣлясь на двѣ части, пробирались чрезъ Валахію и Молдавію въ Россію на поселеніе, изъ коихъ одна часть, по доносу Волоскаго господаря, присланною въ погоню командою назадъ возвращена, а другая чрезъ Молдавію въ Трансильванскія горы пробралась, и что моровое повѣтріе въ Валахіи и Молдавіи почти совсѣмъ утихло. А впрочемъ по пограничности обстоитъ все благополучно.

2) *О журналѣ Бастевика, о сообщеніяхъ кош. атамана, о письмѣ Якуба, — отъ 4 апрѣля за № 9.*

Отправленной по высоч. повелѣнію въ Запорожскую Сѣчь съ грамотою В. И. В. въ войску Запорожскому капитанъ Бастевикъ, какой мнѣ по обратномъ сюда прибытіи о развѣданіяхъ и примѣчаніяхъ въ сей его повѣздѣ подалъ журналъ; оной въ подлинникѣ съ нѣсколькими моими ремарками при семъ всеподданнѣйше подношу¹⁾. А ко мнѣ отъ кошевого атамана болѣе ничего, кромѣ репорта о принятіи высоч. грамоты съ обыкновенною церемоніею, на мой къ нему ордеръ не отвѣтствовалъ, объявивъ только кап. Бастевнику словесно, что впредь, по полученіи вѣдомости о убыткахъ, обстоятельно репортовать долженствуетъ. В. И. В. всемилостивѣйше изъ оногo усмотрѣть изволите, какимъ образомъ кошевой атаманъ стараться намѣренъ загладитъ учиненной отъ войска Запорожскаго непристойной поступокъ и какіе отъ него и отъ войскового писаря, касательно разграниченія Запорожскихъ дачъ и земель Новороссійской губерніи отзывы были, равномѣрно и все то, что помянутой капитанъ въ Татарскихъ аулахъ отъ разныхъ Едичкульской орды ему знакомыхъ мурзъ, по причинѣ польскихъ безповойствъ, свѣдать могъ.

¹⁾ Приложенія этого въ копіи не оказалось, равно какъ и упоминаемаго ниже письма Якуба.

А какъ о сихъ извѣстіяхъ въ полученномъ вчера чрезъ нарочнаго отъ пріятели Якуба изъ Бахчисарая письмѣ обстоятельнѣе упоминается, то приему смѣлость точной съ оного переводъ при семъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ В. И. В. раболѣпнѣйше представить ¹⁾. Я, почитая содержаніе сего письма по нынѣшнимъ въ Польшѣ разглашеніямъ заслуживающимъ немалаго уваженія, запотребно разсудилъ пребывающимъ въ Константинополѣ В. И. В. министру тайн. сов. Обрѣзкову и повѣренному въ дѣлахъ канц. сов. Левашеву экстрактъ изъ оного и копію съ пунктовъ предварительно для того сообщить, чтобъ они, имѣя точное свѣдѣніе о томъ, благовременно надлежащія мѣры принять могли къ уничтоженію чинимыхъ съ ханской и польской стороны въ предосужденіе высоч. В. И. В. интересовъ представленій.

Между тѣмъ не премину подъ приличнымъ претекстомъ, во исполненіе высоч. повелѣнія, отправить въ Бахчисарай кап. Бастевика для подлиннаго развѣдыванія о всѣхъ тамошнихъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ слѣдствіяхъ и происхожденіяхъ, снабдя его и пристойными небольшою цѣны для агента Молдавскаго господаря и ханскаго доктора подарками.

3) Объ извѣстіяхъ Бастевика и купца Пищалки о Крымскихъ дѣлахъ, о просьбѣ Поляковъ Татарской помощи, — отъ 27 мая за № 17.

Отправленной въ Крымъ подъ приличнымъ претекстомъ къ хану Крымскому съ письмомъ, кап. Бастевикъ репортомъ отъ Нивитинской заставы доносить, — что сколько онъ отъ тамошняго правящаго комендантскую должность маіора Микулишина свѣдать и собою примѣтити могъ, въ Запорожской Сѣчи между козаками обстоятъ все тихо, а кошевой атаманъ къ нему между разговоромъ отзывался, якобы бы онъ отъ пріѣзжихъ изъ Польши всякого званія людей свѣдалъ, что въ разныхъ Польскихъ мѣстахъ Польское войско собирается; отъ пріѣзжихъ же изъ Крыму купцовъ и Запорожскихъ козаковъ увѣдомился, якобы отъ хана Крымскаго повелѣно Чумбулуской ордѣ быть во всякой къ походу готовности, дабы при первомъ востребованіи, куда приказано будетъ, немедленно выступить

¹⁾ Письма этого при реляціи нѣтъ.

могла; что въ Очаговѣ, Бендерѣ и Хотинѣ будто по пяти тысячъ спаговъ и бошняковъ на умноженіе гарнизоновъ слѣдуетъ, но съ какимъ намѣреніемъ сіе умноженіе войска чинится, нието подлинной тому причины провѣдать не можетъ. А отъ прибывшаго изъ Крыму Полтавскаго вуща Семена Пищалки онъ, кап. Бастевикъ, увѣдомился, что въ Крыму въ великомъ страхѣ всѣ Татары находятся, опасаясь какаго-либо съ стороны войска В. И. В. противъ нихъ предпріятія. Въ заключеніе же вышечисленныхъ извѣстій прислалъ онъ письмо, полученное изъ Бахчисарая отъ двухъ пріятелей его Дмитрія Волкова и Степана Талера, отъ 29 марта, воимъ его, кап. Бастевика, увѣдомляютъ, что еще въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца прибылъ изъ Польши яко бы отъ князя Радивила посланникъ, шляхтичъ Каменца-Подольскаго, прозваніемъ Маковскій, съ жалобой на войско В. И. В., которое де въ Польшѣ находится и великое причиняетъ разореніе, прося у хана дачи имъ сорока тысячъ Ногайскихъ татаръ вспомогательнаго войска; но получа отъ хана отвѣтъ, что онъ на дачу такъ знатнаго числа войска собою поступить не можетъ, просилъ посланникъ о томъ Портѣ представить, токмо де еще никакой отъ Порты на оное представленіе резолюціи не воспослѣдовало; а между тѣмъ 28-го февраля еще два посланцы отъ него же будто, князя Радивила, къ хану присланы, кои купно съ первымъ ханскому визирю внушали, что В. И. В. войска стараются овладѣть крѣпостію Каменца-Подольскаго; по овладѣніи же оною, какъ Молдавія, такъ и Крымъ въ немалой опасности находиться будутъ; а если ханъ Крымской просимое отъ князя Радивила вспомогательное войско благовременно дать склонится и оное съ войскомъ Польскимъ, кое по обѣщанію и вспоможенію папы Римскаго яко бы уже до шестидесяти тысячъ человекъ простирается, соединится, то Поляки въ состояніи найдутся войскамъ В. И. В. вездѣ противиться и всю предвидимую опасность силою отвратить. Однако на все ихъ внушеніе отвѣтствовано, что, за неполученіемъ отъ Порты на ханское представленіе резолюціи, ничего въ томъ рѣшительнаго объявить нельзя, чего помянутые посланники съ крайнею нетерпѣливостію въ Бахчисарай ожидаютъ.

4) *О поимкѣ бѣжавшаго изъ Константинополя грека Костаки, — отъ 29 мая за № 21.*

Пребывающій въ Константинополѣ В. И. В. министръ тайн.

сов. Обрѣзковъ отъ 30 прошедшаго апрѣля письменно далъ мнѣ знать, что при отправленіи того числа отъ него сюда курьеровъ верховной визирь въ нему отозвался, яко одинъ грекъ, Константинопольскій житель Александра Костаки, нарочитой фамиліи, впадшій въ мотовство, скрытнымъ образомъ, набравъ у тамошнихъ купцовъ алмазными вещами и разными товарами на знатную сумму, отбылъ предъ семнадцатью днями на Черное море на одномъ суднѣ, нагруженномъ виномъ, ѣдущемъ въ Запорожскую Сѣчь или въ Темерниковскому порту, и сильно де его, резидента, просилъ писать куда надлежитъ, въ случаѣ появленія сего бѣглеца въ границахъ имперіи В. И. В., поймавъ поручить съ роспискою хану Крымскому или кому изъ пашей, при границахъ команды имѣющихъ; почему отъ меня на состоящіе въ Кіевской и Новороссійской губерніяхъ форпосты, тако жъ войска Запорожскаго кошевому атаману, крѣпости св. Дмитрія оберъ-коменданту генераль-маіору Потапову и войска Донского въ войсковую канцелярію подтверждено: ежели оной бѣглець откроется, то, задержавъ его, увѣдомить о томъ Крымскаго хана или кого изъ пашей по способности и близости, при границахъ команды имѣющихъ, требуя присылки для взятія оного нарочныхъ, по прибытіи которыхъ со всѣмъ, что при немъ сыщется, за взятіемъ въ пріемъ надлежащей росписки, тѣмъ нарочно присланнымъ препоручить.

5) *О данныхъ бригадиру Черткову ордеровъ о томъ, какъ поступать съ Турками-выходцами, — отъ 7 іюня за № 24.*

Въ каковой силѣ отъ меня бригадиру Черткову на его репорты о выѣхавшихъ въ Елисаветградскую провинцію явобы съ намѣреніемъ принять православную вѣру двухъ Туркахъ предписано съ оными и съ выходящими впредь для того жъ Турками поступить, В. И. В. изъ поднесенныхъ при семъ съ глубоч. благоговѣніемъ точныхъ съ моихъ ордеровъ списковъ ¹⁾ всемил. усмотрѣть изволите, что возвращеніе одного служить можетъ Портѣ въ удобность, а увѣщаніемъ другого взята будетъ предосторожность отъ являющихся впредь подобныхъ бездѣльниковъ; такимъ образомъ отговораясь, отвратить всѣ нареканія Порты, кои по тому иногда произойти могли бѣ.

¹⁾ Списковъ этихъ при черновой реляціи нѣтъ.

6) *О принятіи Запорожцами предосторожностей противъ Татаръ,—
отъ 7 іюня за № 27.*

Каковъ отъ меня кошевому атаману Калнишевскому на доношенія его о чинимомъ якобы отъ нѣкоторыхъ интересныхъ ротмистровъ подчиненнымъ войску Запорожскому людямъ, живущимъ за Орелью, и о протчемъ, тако жъ на домогательство о скоромъ моемъ отсюда отправленіи для осмотра Еватерининской провинці земель и разграниченія оныхъ съ Запорожскими ордеръ посланъ, В. И. В. изъ поднесенной при семъ копіи всемил. усмотрѣть изволите ¹⁾).

Оной же кошевой атаманъ репортами отъ 3-го и 10-го минувшаго мая увѣдомилъ, яко бы въ Едисанской ордѣ нѣкоторое къ походу приуготовленіе примѣчено, и что онъ для точнаго о томъ развѣдыванія отправилъ подъ приличными претекстами надежныхъ людей, а между тѣмъ приказалъ скрытнымъ образомъ и Запорожскимъ козакамъ быть во всякой готовности. Я, похвала сію его предосторожность, поручилъ ему по смежности съ Татарскими ордами прилежнѣйшее стараніе употребить, дабы о точномъ оныхъ намѣреніи благовременно свѣдать, а съ своей стороны удобовозможную, безъ малѣйшей однако огласки, по благоразумному его усмотрѣнію и въ пользу высоч. В. И. В. интересовъ съ подчиненнымъ ему войскомъ предосторожность взять и что впредь о семъ развѣдано будетъ, меня по-часту репортовать.

7) *О письмахъ хана Крымскаго и сераскера Едичкульскаго и объ инструкціи пограничнымъ комиссарамъ,—отъ 26 іюня за № 30.*

Въ каковой силѣ ханъ Крымской Максуть-Гирей и Едичкульской сераскерь Шебеть-Гирей чрезъ нарочно посланнаго чиновника Алякой-агу, жалуясь на причиненные имъ отъ Запорожцовъ обиды, ко мнѣ писали, каковой имъ на оное отъ меня учиненъ отвѣтъ и каковымъ образомъ вслѣдствіе того кошевому атаману поступить предписано, все оное В. И. В. изъ поднесенныхъ при семъ приложений всемил. усмотрѣть изволите; а между тѣмъ я отправленнымъ въ пограничную комиссію комиссарамъ, надв. сов. Ефремову и ассессору Чугуевцу, ордеромъ подтвердилъ удобожное стараніе приложить о прекращеніи въ вынѣшнемъ свѣдѣ всѣхъ прежнихъ ссоръ и неот-

¹⁾ Копія такой при реляціи нѣтъ.

мѣнною внесеніи въ размѣняемомъ по окончаніи комиссіи обыкновенномъ инструментѣ сего пункта: чтобъ „впредь никто изъ подданныхъ обоихъ имперій не осмѣлился въ границы одной или другой стороны входить либо въѣзжать безъ письменного отъ своихъ начальниковъ билета; а какъ скоро кто безъ оного пойманъ будетъ, такого, признавъ за злодѣя, подъ караулъ взять и немедленно о томъ ближнему начальнику знать дать для поступленія съ онымъ, яко съ преступникомъ, по законамъ“, и о томъ съ обоихъ сторонъ для вѣдома подчиненнымъ обнародовать, дабы напоследокъ невѣдѣніемъ никто извиниться не могъ.

8) *О слухахъ въ Крыму по поводу сбора Русскихъ войскъ подъ Полтавою, — отъ 26 іюня за № 31.*

Какъ по нынѣшнимъ въ Польской украинѣ обстоятельствамъ разные неосновательные въ границы В. И. В. входить слухи, о какихъ и отъ Коша Запорожскаго ко мнѣ частые присылаются репорты, то я, зная свойства Запорожскихъ козаковъ и потому воображая себѣ и легкомысленность ихъ, паче же разсуждая, что отъ подобныхъ пустыхъ разглашеній могутъ иногда родиться и неприятыя слѣдствія, стараюсь неосновательность оныхъ успѣхами войскъ В. И. В. надъ конфедератными возмутителями возможнѣйшимъ образомъ опровергать, доказывая кошевому атаману и всей старшинѣ пустоту тѣхъ разглашеній, паче для того, чтобы они, входя въ лучшее уваженіе обстоятельствъ, могли нѣкоторымъ образомъ подлинное отъ неподлиннаго различить и, не повѣря всякому подлому духу, остерегаться отъ причиненія въ пограничности напраснаго людямъ востревоженія.

Между тѣмъ, получа на сихъ дняхъ отъ отправленнаго на пограничную съ Татарами комиссію надв. сов. Ефремова изъ Сѣчи извѣстіе, якобы назначеніе подъ Полтавою войскъ В. И. В. лагеря, въ разсужденіи того что оной противъ Крымской границы состояться имѣеть, между Татарами поводъ къ сумнѣнію подало; но какъ сіе извѣстіе скоро послѣ того и присланнымъ отъ кошевого репортомъ подтверждено, то я за сходственное призналъ о томъ г. ген-аншефу и кав. гр. Румявцеву сообщить, а съ репорта кошевого, равно какъ и съ отправленнаго потому въ Кошъ Запорожскій отъ меня ордера при семъ В. И. В. на высоч. усмотрѣніе точные подшошу списки ¹⁾.

¹⁾ Этыхъ списковъ не оказалось. Слѣдуетъ еще здѣсь упомянуть о реляціи съ препро-

9) *О полученіи отъ кошевого атамана репорта обь удаленіи имъ съ Ейской и Чубурской косъ козаковъ-промышленниковъ,—отъ 12 іюля за № 37.*

Высоч. В. И. В. рескриптомъ, отъ 18 августа 1767 года ко мнѣ присланнымъ, велѣно войска Запорожскаго кошевому атаману сильнѣйше подтвердить, чтобъ онъ не токмо находящихся на Чубурской и Ейской косахъ съ лодками промышленниковъ немедленно сослалъ за грубости и упорства ихъ и должное имъ учинилъ наказаніе, но и найстрожайше всѣмъ Запорожскимъ козакамъ запретилъ о невѣздѣ впредь въ заказанные трактатами мѣста и о не заводѣ въ баріерныхъ мѣстахъ новыхъ селеній. Во исполненіе котораго повелѣнія на посланной отъ меня войска Запорожскаго кошевому атаману съ старшиною ордеръ, оной кошевой атаманъ отъ 3-го прошедшаго мая меня репортуеть, что въ минувшую осень отправлена была отъ находящагося при Калміуской паланкѣ войска Запорожскаго полковника козацкая команда съ однимъ асауломъ, который де по возвращеніи въ оную паланку представилъ, что находившихся въ оныхъ баріерныхъ мѣстахъ на добычѣ рыбной войска Донского разныхъ станицъ козаковъ и прочихъ промышленниковъ, о коихъ и списокъ при объявленномъ ко мнѣ репортѣ приложень, со всѣми при нихъ имѣвшимися рыболовными снастями и посудою, всѣхъ до единого, въ томъ числѣ и Запорожскихъ козаковъ, выслалъ; а дабы и впредь въ Ейскую и Чубурскую косы вѣзжающихъ выслано было, оному полковнику отъ Коша Запорожскаго найстрожайше предложено нарочныхъ надежныхъ старшинъ туда отправлять.

10) *По рапорту Чугуевца о дѣлахъ Едичкумскихъ татаръ, о преслѣдованіи Запорожцами гайдамаковъ, о пріѣздѣ въ Очаковъ новаго паши и пр.,—отъ 29 іюля за № 42.*

В. И. В. всепод. доношу, что находящійся въ Запорожской Сѣчи, въ ожиданіи прибытія Крымскихъ комиссаровъ на обыкновенной сѣздѣ, кол. ассессоръ Чугуевецъ рапортомъ отъ 15-го сего іюля предста-

---

вожденіемъ журнала Бастеника и привезеннаго имъ ханскаго письма (при черновой реляціи не оказавшихся),—отъ 12 іюля за № 85.

вляеть, якобы Едичкульскіе татаре на своего сераскерь-султана Шебеть-Гирея вознегодовали за то, что онъ охотникамъ не дозволилъ за рѣку Бугъ перебраться на соединеніе съ Едисанцами; желая быть участниками въ Польскихъ обстоятельствахъ и учинясь ему послушными, немалое число сей орды чрезъ Кинбурнъ на соединеніе съ Едисанцами перешло; а при томъ же старшины оной сераскерь-султану объявили, что они по ханскому повелѣнію на пограничную комиссію депутатовъ, жалобщиковъ и виновныхъ съ своей стороны собирать и выслать не намѣрены, ровно какъ и по жалобамъ Запорожцовъ возвратитъ ничего не хотятъ, признавая учрежденную пограничную комиссію для нихъ излишнею и необычайною, а для избѣжанія отъ такихъ новостей и хлопотъ, они лучше желаютъ на Кубань по прежнему переведены быть. По такимъ Едичкульцовъ противностямъ и послушанію сераскерь-султанъ, отказавшись отъ командированія ими, со всѣмъ своимъ штатомъ въ Бахчисарай отправился. Послѣ чего Едичкульская орда пакы по гайманамъ расположилась аулами и, въ крайнемъ замѣшательствѣ и несогласіи между собою находясь, немалые Запорожцамъ обиды дѣлать начала нападеніями и грабительствомъ, при чемъ два козака ранены. Но для украшенія такого ихъ взволнованія, слухъ носится, яко бы отъ хана другой въ сію орду сераскерь-султанъ присланъ быть имѣеть.

Едисанская же орда въ собраніи по надъ Польскою границею находится во всякой воинской исправности, гдѣ выѣзжающихъ отъ безчеловѣчства Поляковъ и ѣдущихъ за промысломъ въ Очаковъ Польскихъ обывателей убиваютъ, грабятъ и въ неволю берутъ, изъ каковыхъ пять человекъ, нашедши случай бѣгомъ спастись, прибѣгли въ паланку Гардовую, на лѣвомъ берегу рѣки Буга стоящую, и тамошнему полковнику Запорожскому о такомъ сихъ Татаръ съ Польскими обывателями поступленіи объявили.

Изъ Сѣчи за ушедшими въ гайдамацкія по разсѣянному слуху шайки въ Польскую Украину козаками при шести полковникахъ и тридцати осми куренныхъ атаманахъ разосланы команды въ степи до самой Польской границы и рѣкою Днѣпромъ къ Очакову для унятія и сыску своихъ куренныхъ козаковъ, яко же и для поимки возвращающихся оттуда съ добычею гайдамаковъ.

Для подлиннаго о помянутомъ Едичкульскихъ татаръ взволнованіи развѣданія посланъ быть имѣеть отъ меня въ Крымъ нароч-

ной подъ приличнымъ претекстомъ къ агенту Молдавскаго господара, и что имъ развѣдано будетъ, о томъ въ свое время В. И. В. донести не премину, а между тѣмъ о сихъ извѣстіяхъ г. генераль-аншефу и кав. гр. Румянцеву отъ меня сообщено. Очаковской пріятель отъ 30-го прошедшаго іюля увѣдомляетъ, что въ Очаковъ новой трехъ-бунчучной паша, прозываемой Сары-Мустафъ 22-го іюля въѣздъ свой съ обыкновенною церемоніею имѣлъ, что новаго войска прибыло только около тысячи человѣкъ и 200 мастеровыхъ для починки крѣпости и постройки новаго мечета, и что послѣ нападенія гайдамаковъ на Балту Турки опасаться стали непріятельства съ Россійской стороны и для развѣдыванія отправили шпиономъ одного потурчившагося жида.

11) *О полученномъ отъ хана письмѣ по поводу нападенія на Балту и объ отвѣтъ на него,—отъ 22 августа за № 46.*

Присланной сюда отъ хана Крымскаго съ письмомъ къ Елисаветградскому генералу нарочной Мегметъ-ага, по причинѣ учиненнаго на Балту и Голту отъ разбойнической въ Польшѣ шайки нападенія, вчера съ моимъ отвѣтомъ обратно отправленъ. Я приемлю смѣлость, какъ переводъ съ ханскаго письма, такъ и точной списокъ съ моего къ нему отвѣта при семъ раболѣпнѣйше поднести ¹⁾).

В. И. В. всемил. усмотрѣть изволите, съ какою умѣренностію и объясненіемъ на суровое его письмо отъ меня отвѣтъ учиненъ, о содержаніи котораго я не преминулъ и пребывающаго въ Константинополѣ В. И. В. министра тайн. сов. и кав. Обрѣзкова увѣдомить, дабы и онъ съ своей стороны министерству Оттоман. Порты при случаѣ сходное учинить могъ изъясненіе. А для подлиннаго свѣдѣнія, какое дѣйство сей мой отвѣтъ возымѣетъ, равно какъ и для примѣчанія въ Крыму обстоятельствъ, на сихъ дняхъ нарочной отъ меня съ увѣдомительнымъ къ хану письмомъ о окончаніи суда надъ разбойниками и объ отправленіи ихъ къ границѣ для наказанія посланъ быть имѣетъ.

12) *Объ отобраніи пріятелемъ Якубомъ товаровъ у купца Бондарева въ счетъ своего пенсіона,—отъ 22 августа за № 47.*

В. И. В. всепод. доношу, что извѣстный Якубъ чрезъ купца Новороссійской губ. Крыловскаго шанца Федора Бондарева къ надв.

¹⁾ Приложеній этихъ при черновой реляціи не оказалось.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII, отд. III.

сов. Никифорову письмо прислалъ, съ коего и съ приложенія къ оному при семъ точной переводъ, равно какъ и списокъ съ сказки реченаго купца на высоч. усмотрѣніе раболѣпнѣйше подносится ¹⁾. Но какъ сія Якубова наглость совершенно страсть его къ сребролюбію оказываеъ, ибо не устыдился для насыщенія своего корыстолюбія отобрать насильно у подданнаго В. И. В. въ то самое время, когда оной для правосудія къ нему прибѣгнулъ, товаровъ на тысячу восемь сотъ шестьдесятъ девять рублей, еже учинитъ болѣе двухъ годового ему опредѣленнаго пенсіона, о выдачѣ котораго онъ, какъ В. И. В. изъ прежнихъ его писемъ вѣдомо, неоднократно уже домогался, а двухъ годовому пенсіону срокъ будущаго мая мѣсяца 20 числа кончится; слѣд. онъ не только заслуженное годовое, но и впредь за годъ же оного самовольно захватить осмѣлился, то я, разумѣя сію его ухватку, надв. сов. Никифорову приказалъ въ отвѣтъ къ нему отписать, что такой его странной поступокъ съ скромностію и съ осторожностію, каковы онъ, Якубъ, для цѣлости своей наблюдать долженъ, ни мало согласоваться не можетъ, но паче его, Никифорова, во удивленіе привелъ, что онъ, Якубъ, будучи и безъ того уже отъ хана Крымскаго по доносу его непріятелей подозрѣваемъ, о чемъ прежними письмами знать давалъ, отважился такому человѣку, каковъ купецъ Бондаревъ, поводъ подать о преданности и перепискѣ его догадываться, чѣмъ онъ себя горшему подвергнуть можетъ несчастію, нежелъ предъ недавнимъ временемъ попался было, и потому онъ, Никифоровъ, яко истинной его пріятель, принужденъ былъ купцу Бондареву въ платежѣ по векселю его отказать, надѣясь тѣмъ вредную догадку его истребить, а ему, Якубу, дружески свой совѣтъ подаетъ впредь о такихъ поступкахъ крайнѣйше остерегаться, ибо купцы, яко обращающіеся въ торгу, тайности хранить не умѣютъ, обнадеживая его при томъ, что опредѣленной ему пансіонъ всегда по удобствамъ времени доставляемъ быть имѣеть, только бы съ его стороны переписка по прежнему съ неотмѣнною вѣрностію и ревностію продолжаема была.

13) О возмущеніи Порты причиненнымъ гайдамаками разореніемъ Балты и Голты и о принимаемыхъ по этому поводу предосторожностяхъ, — отъ 3 сентября за № 50.

Пребывающій въ Константинополѣ В. И. В. тайн. сов. Обрѣз-

¹⁾ Приложенія этого вѣтъ.

вовъ письмомъ отъ 6-го прошедшаго августа меня увѣдомилъ, что при учиненіи Портѣ представленія о нападеніи на Балту и Голту немалой команды изъ находящихся въ Польшѣ В. И. В. легкихъ войскъ предъявлено, что убить одинъ салтавскій сынъ, одинъ мурза и до тысячи осмисотъ всякого званія людей Турецкихъ подданныхъ, при чемъ, по проискамъ однихъ, по неистовству другихъ и по невѣжеству третьихъ, оное такимъ ужаснымъ дѣломъ истолковано, что Порты, пришедъ въ запальчивость, едва не приняла резолюцію признать тотъ поступокъ за прямое мира нарушение и потому приказала къ войнѣ такіа распоряженія и приуготовленія дѣлать, которыя означивали, яко бы неминуемо и скоро война объявлена быть имѣтъ; ибо подъ претекстомъ приведенія подданныхъ ея въ безопасность отъ подобныхъ впредь непріятныхъ приключеній не только изъ провинцій въ Хотинъ, Бендеры и Очаковъ отъ 15-ти до 20-ти тысячъ, но и изъ Константинополя 13-го минувшаго іюля Чернымъ моремъ въ Варну какъ янчаръ, такъ топчіевъ и другихъ артиллерійскихъ служителей, до двухъ тысячъ человекъ отправила, которые по сіе время въ опредѣленные имъ мѣста чаятельно уже и прибыли, еже безъ сумлѣнія подало причины о такомъ намѣреніи Порты повсюду разнестись слуху, и что въ самомъ существѣ за то ручаться не можно, развѣ съ такимъ только извѣтіемъ, сколько по обстоятельствамъ судить можно, что то намѣреніе оной не въ нынѣшнее лѣто произведется. Но по полученіи письма моего отъ 3-го іюля съ увѣдомленіемъ о существѣ Балтинскаго дѣла и по отобраніи у прапорщика Фатѣва, ѣхавшаго съ депешами чрезъ Балту и Дубосары, нужнаго свѣдѣнія, онъ не преминулъ надлежащее всему помянутому происшествію Портѣ учинить объясненіе, въ доказательство и опроверженіе дошедшихъ къ ней неоснованныхъ увѣдомленій и къ успокоенію причиненнаго оными возмущенія надъ мѣру скорою пылостію. По такому его внушенію, хотя Порты ошибку свою въ толь легкомъ вѣроподаніи дошедшихъ до ней одностороннихъ извѣстій и признавать начинаетъ, однако тамошняа махина, приведена будучи въ толь великое движеніе, въ какомъ она нынѣ, учиненныя уже распоряженія скоро и вдругъ отмѣнить не можетъ безъ явной для самого правленія опасности; почему де, не взирая на всѣ Порты при нынѣшнихъ ея подвигахъ даваемые ему сильные увѣренія о неотмѣнномъ ея намѣреніи и желаніи настоящую добрую дружбу съ высоч. дворомъ В. И. В.

ненарушимо продолжать, увѣщаетъ меня имѣть на границахъ осторожность и попечительное бдѣніе, чтобъ на всякой случай готовымъ быть. О такомъ его ко мнѣ важномъ сообщеніи я не преминулъ г. генералу-аншефу и кав. гр. Румянцеву чрезъ нарочнаго знать дать для предосторожности, однакожь безъ малѣйшей о томъ огласки, располагая по его усмотрѣнію и способности нѣкоторые полки его дивизіи по квартирамъ, ближе къ Новорос. губерніи, дабы, когда нужда потребуеть, тѣмъ скорѣе границы В. И. В. защищены быть могли. А ген.-м. Исакову предписалъ въ Новороссійской губерніи непримѣтнымъ образомъ форпосты войсками приумножить и удобозможную отъ непріятеля имѣть предосторожность, а при томъ всѣмъ тамошнимъ полкамъ подтвердить, безъ малѣйшаго разглашенія и встревоженія, въ надлежащей быть исправности.

Равномѣрно и кошевому атаману подтверждено недреманную, по случаю Балтскаго и Голтовскаго приключенія, отъ Татаръ имѣть предосторожность, посылая для развѣдыванія въ околннчости Татарскія нарочныхъ изъ старшинъ войска Запорожскаго о Татарскихъ и Турецкихъ обращеніяхъ.

14) По письму пріятели Поповича о военныхъ приотозленіяхъ Порты на границахъ,—отъ 3-го сентября за № 51.

Находящійся при извѣстномъ Якубѣ писарь Яковъ, родомъ изъ Каменца-Подольскаго, прозываемой Поповичъ, вѣры православной Россійской, который прошлаго году во время объѣзда моего Елисаветградской провинціи въ Орловскую слободу при Голтянскомъ каймаканѣ, а послѣ и одинъ у меня былъ, по единовѣрію желая служить В. И. В. извѣстіями о тамошнихъ обращеніяхъ, обѣщался съ знакомымъ ему капитаномъ Бастевикомъ переписку имѣть, а сей для лучшаго на то его преклоненія и надежности взялъ двухъ его братьевъ сюда въ Кіевъ, которые отданы въ Академію подъ его присмотромъ обучаться, отъ 20-го прошедшаго августа мѣсяца къ реченному капитану писать, яко 10 числа того жъ мѣсяца прибылъ въ Балту нарочно отъ верховнаго визиря отправленный знатной чиновникъ для осмотра пограбленныхъ гайдамаками мѣстъ, Балты, Голты и Рашкова, равно какъ и для развѣдыванія, много ли при границѣ В. И. В. войска; который посланной изъ Голты визъ по Бугу, ми-

нубъ Гардъ, всѣ форпосты записывалъ и положеніе осматривалъ; что староста Каневскій заподлинно въ Цареградѣ находится, которой якобы знатнымъ Туркамъ на Россійское войско сильно жалуется; что слухъ пронесся, будто Крымъ-Гирей ханъ паки на ханство возведенъ будетъ; что по всѣмъ Турецкимъ обращеніямъ примѣтить можно какую-либо опасность, паче потому, что они свои овечьи стада и протчій скоть отъ границъ въ дальніе мѣста отганиваютъ, а зимовники свои истребляютъ; что предъ недавнимъ временемъ пришло въ Бендеры арнаутскаго войска до десяти тысячъ, кои съ крайнею поспѣшностію крѣпость почиваютъ; въ Хотинъ и Очаковъ то жъ войска прибыли и крѣпости починиваютъ; въ новостроенную на берегу Чернаго моря крѣпость Казыбей привезено на судахъ изъ Константинополя множество всякихъ военныхъ сбруй и припасовъ; прѣхавшій изъ Константинополя Татарской ага Якубу заподлинно объявилъ, что султанскимъ указомъ вѣлено всѣмъ янчарамъ къ походу въ готовности быть; Ногайскіе Татары во всякой воинской исправности и къ походу готовности находятся, отъ которыхъ де при границѣ неоплошную имѣть надобно предосторожность.

Я видя, что сіи его извѣстія согласны съ полученными отъ тайн. сов. Обрѣзкова, разсудилъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ капит. Бастевичу, который съ увѣдомительнымъ письмомъ къ хану Крымскому о окончаніи надъ разбойниками суда и объ отправленіи оныхъ отсюда къ Орловскому форпосту для наказанія на сихъ дняхъ посланъ быть имѣеть, привазать чрезъ Балту въ Дубосары къ тамошнему воеводѣ Якубу для доставленія оному письма, коимъ приглашается быть очевиднымъ свидѣтелемъ исполненію приговоренной злодѣямъ за нападаніе на Балту и Голту казни, ѣхать, откуда, пользуясь симъ претекстомъ, прямѣйшимъ путемъ чрезъ Очаковъ и Кинбурнъ въ Бахчисарай слѣдовать можетъ, такъ для примѣчанія тамошнихъ обращеній, какъ и для свиданія съ рѣченнымъ Поповичемъ и склоненія оного къ частой перепискѣ, ибо на принципала его Якуба, какъ видно, ни въ чемъ положиться нельзя, когда онъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, въ какихъ переписка его нѣсколько и нужна, совсѣмъ замолчалъ.

15) *По репорту кошевого атамана о домогательствъ Татаръ устроить на Днѣпрѣ свой перевозъ,—отъ 3-го сентября за № 52.*

В. И. В. всепод. доношу, что кошевой атаманъ ко мнѣ представлялъ, яко на рѣкѣ Днѣпрѣ нигдѣ и никогда учрежденныхъ перевозовъ ни Татарскихъ, ниже Турецкихъ не находилось, а были всегда одни только Запорожскихъ козаковъ перевозки, на коихъ, какъ Татары, такъ и Турки, овечьи стада, скоть и другія надобности, по содѣственной дружбѣ, наймомъ и просьбою на одну и другую сторону Днѣпра переправляли и какъ оными, такъ и Очаковскими томбазами въ перевозѣ овецъ и прочаго довольствовались; а прошедшаго де августа мѣсяца въ первыхъ числахъ Едичкульской сераскерь-султанъ Сагибъ присланными въ Кошъ сряду двумя письмами требовалъ, чтобъ войска Запорожскаго Ингульскому полковнику предписано было учрежденному на низу рѣки Днѣпра Татарскому перевозу никакого помѣшательства и запрещенія въ переправѣ Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ овецъ и скота не чинить; на которыя письма отъ Коша отвѣтствовано, что перевозу съ Татарской стороны быть не должно потому, что прежде того, по заключеніи вѣчнаго мира, никогда не бывало, да и въ трактатѣ о имѣніи Татарамъ на рѣкѣ Днѣпрѣ перевоза не упомянуто; по которой причинѣ, если паче чаянія еще реченной солтанъ о томъ домогаться сталъ бы, требовалъ отъ меня резолюціи, каковой оному учинить отвѣтъ, предъявляя при томъ, что въ 1743 году такая жъ съ Татарской стороны попытка была, ибо тогда хотѣли они при урочищѣ Катяномъ и въ Казыкирменѣ учредить перевозки, но отъ Коша Запорожскаго Е. И. В. всепод. внесена была просьба, на которую отъ 20-го сентября того жъ 1743 году высоч. къ войску Запорожскому прислана грамота тогою точно содержанія, что всемил. опредѣлено Коллегіи Ин. Дѣлъ по тому разсмотрѣніи учинить и мнѣніе свое въ Сенатъ подать. Въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ отъ меня кошевому предписано, въ случаѣ неотступнаго настоянія отъ сераскерь-солтана, въ учтивыхъ выраженіяхъ отвѣтствовать, что на такую новость, какова прежде не бывала, Кошъ Запорожскій, яко подчиненной вышнему правленію, собою дозволить не можетъ, а долженъ представить о томъ главной командѣ, отъ которой и резолюціи ожидать имѣеть. А по моему слабѣйшему мнѣнію

важется: если Татарамъ дозволить на Днѣпрѣ въ помянутыхъ мѣстахъ свои учредить перевозы, то такая новость для пограничности можетъ быть предосудительна и вредна, ибо Татары, получа чрезъ то свободныя руки, перевозить (будуть) по своему произволу все, что хотять, слѣд. и партіи войскъ, и границы В. И. В. всегда въ опасности и безпокойствѣ находиться будутъ. Однако, по рабской моей должности, предавъ все сіе высоч. В. И. В. соизволенію, всепод. испрашиваю себѣ высоко-монаршаго повелѣнія, какою резолюціею по сему кошевого атамана снабдить.

*16) О прибытіи посланца съ письмомъ отъ Очаковскаго паши,—
отъ 3-го сентября за № 53.*

Третьяго дня прибылъ сюда отъ Очаковскаго трехбунчучнаго паши Сары-Мустафы аги нарочной Бумонъ-бапа съ письмомъ ко мнѣ, которому здѣсь ласковой приѣмъ учиненъ, а при томъ объявлено, что по переводѣ и разсмотрѣніи содержанія письма съ дружескимъ отвѣтомъ вскорѣ отправленъ будетъ. А какъ изъ письма, съ коего при семъ В. И. В. съ глубоч. благоговеніемъ подношу переводъ, мною примѣчено, что оное посланному только для претекста дано, ибо настоящая посылка его знатно въ томъ только намѣреніи учинена, чтобъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ развѣдать, какія по границѣ и въ здѣшней вѣрѣности войска находятся, то отъ меня, какъ обыкновенно всѣмъ таковымъ приѣзжимъ придаются подъ видомъ безопасности и для посылокъ по одному исправному унтеръ-офицеру и толмачу, приставленнымъ къ нему найсильнѣйше подтверждено за всѣми его поступками и обхожденіемъ непримѣтнымъ образомъ присматривать; а съ какимъ оной отвѣтомъ отправленъ будетъ, В. И. В. впредь довести не премину.

*17) О состоявшихся засѣданіяхъ пограничной комиссіи,—отъ 3-го
сентября за № 55.*

В. И. В. всепод. доношу, что изъ репортовъ находящихся въ Каменѣ пограничныхъ комиссаровъ Ефремова и Чугуевца явствуетъ, что и Татарскіе комиссары въ сѣзду уже прибыли и два засѣданія по пограничнымъ дѣламъ имѣли, на коихъ съ нашей стороны по требованіямъ Татаръ снисхожденіе показано возвращеніемъ содер-

жавшихся, по предъявленію Запорожцовъ яко бы за смертоубивство Запорожскаго козака, въ Запорожской Сѣчи подѣ карауломъ чабановъ со всѣми забранными у нихъ вещами и скотомъ, чѣмъ Татарскіе комиссары весьма довольны были и обѣщали послѣ того при первомъ засѣданіи стараніе приложить о рѣшеніи всѣхъ жалобъ и ссоръ по самой справедливости къ удовольствію обоюдныхъ сторонъ подданныхъ; но исполнять ли они съ своей стороны данное обѣщаніе, время покажетъ, ибо по извѣстному оныхъ непостоянству на ихъ слова никогда утвердиться не можно. Итакъ, какой успѣхъ сія коммиссія въ нынѣшнемъ году возымѣетъ, о томъ В. И. В. впредь обстоятельно раболѣпнѣйше донести не премину.

18) По репорту Соловкова о военныхъ приготовленіяхъ Турокъ и Татаръ и о потворствѣ гайдамакамъ со стороны Гардоваго полковника,—отъ 25-го сентября за № 57.

В. И. В. всепод. доношу, что прибывшій сюда на сихъ дняхъ по выдержаніи карантина изъ Царяграда квартермистръ Соловковъ подалъ записку примѣчаніямъ и развѣдываніямъ, въ проѣздѣ учиненнымъ, слѣдующаго содержанія: подѣ Очаковымъ якобы за подлинно 18, а подѣ Бендерами 13 тысячъ Турецкаго войска въ полѣ становъ расположено; въ столичномъ Молдавскомъ городѣ Яссахъ Турецкой паша съ нѣсколькимъ числомъ войска прибылъ; что подѣ рукою гласится, будто еще нынѣшнею осенью тѣ войска къ Балтѣ придвинутся для перезимованія въ той околичности; что Едисанской орды Татаръ, чему онъ, Соловковъ, самовидецъ, до нѣсколькихъ тысячъ при обыкновенныхъ своихъ воинскихъ сбруяхъ во всякой готовности съ походными кибитками по степи въ разныхъ мѣстахъ кочуетъ; по которой причинѣ Балтинскимъ каймаканомъ онъ, Соловковъ, Татарскою стороною не отправленъ, опасаясь отъ необузданности Татаръ нанесенія ему какой либо обиды, но отъ Балты посланъ Польскою стороною до Орловскаго форпоста; о коихъ такожь де слухъ носится, яко бы для перезимованія въ Польскую Украину вступить имѣютъ съ намѣреніемъ противъ Россіи дѣйствовать; и что у города Савчи построены три каменные магазина, каждый длиною по сту сажень, а четвертый такой же строить начали; первые три наполняются привознымъ изъ Валахіи и околичныхъ мѣстъ всякаго рода хлѣбомъ,

куда безперерывной подвозъ одного продолжается, гдѣ и новыхъ печей сдѣлано 30, въ воихъ хлѣбъ пекутъ и въ сухари сушатъ. Я не преминулъ для подлиннѣйшаго о всемъ вышеписанномъ развѣданія изъ Елисаветградской провинціи подъ разными пристойными и непримѣтными претекстами отправить искусныхъ и надежныхъ людей въ Бендеры, Очаковъ, Кинбурнъ, новопостроенной у морского берега городъ Казыбей и въ Едисанскую орду, по возвращеніи воихъ о развѣданномъ оными В. И. В. раболѣпнѣйше въ свое время донести не укосню.

Сверхъ сего, оной же квартирмейстеръ Соловковъ объявилъ, что во время держанія имъ карантина при Орловской слободѣ свѣдалъ онъ отъ прибывшихъ 3-го числа сего въ ханское село Голту изъ Очакова съ 60 человекъ Татаръ одобаша и барянтара (?), кои, переправясь черезъ рѣку Бугъ, стоящему на форпостѣ майору Вульффу явились, отъ котораго ласково приняты и угощены были, яко они съ ферманомъ, которой и показывали, присланы въ село Голту для поимки патающихся гайдамаковъ, куда они, слѣдуя отъ Гарду до Компанейской ставки, препровождаемы были стоящимъ при Гардѣ Запорожскимъ полковникомъ Иваномъ Головкою и командою его, которой имъ совѣтоваль отъ того мѣста ханскою слѣдовать стороною, ибо онъ де, Головко, съ командою по близости, а иногда и въ виду ихъ поѣдетъ своею стороною съ тѣмъ, чтобы попадающихъ гайдамаковъ ловить; но въ самомъ дѣлѣ противное явилось, паче потому что, когда де одобаша съ командою, отдѣлясь отъ Запорожскаго полковника, поѣхалъ своею стороною къ Романовской долині, гдѣ по извѣстіямъ гайдамаки укрывались, то оной никого тамъ не засталъ, а нашелъ только недавно зарѣзанныхъ двухъ быковъ и нѣсколько хлѣбовъ, но притомъ по травѣ свѣжій слѣдъ примѣченъ, что тѣ гайдамаки въ бродѣ на Запорожскую сторону перешли, знатно по тайному увѣдомлѣнію реченного полковника, который, по видимому, за гайдамаковъ обстаетъ и умышленно Запорожцовъ къ гайдамачеству побуждаетъ, чтобъ Турецкія деревни въ разореніе привести, о чемъ онъ, одобаша, по обратномъ его въ Очаковъ прибытіи, своему пашѣ донести не преминетъ, яко помянутой Гардовой полковникъ съ гайдамаками полюбовно обходится. По окончаніи сего объявленія одобаша и барянтаръ (?) въ Голту возвратились и не мѣшкая къ Кодыму поѣхали для поимки шатающихся тамъ гайдамаковъ. Я о всемъ вышеписанномъ чрезъ отпра-

леннаго отсюда 10-го числа сего въ Константинополь В. И. В. лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку сержанта Алексѣя Трегубова пребывающему при Портѣ Оттоман. тайн. сов. и кав. Обрѣзкову для того знать даль, чтобъ онъ, вѣдая благѣвременно о сихъ въ близости границъ чинящихся приуготовленіяхъ, чрезъ своихъ пріятелей о подлинности оныхъ тѣмъ скорѣе удостовѣриться могъ, а о послѣднемъ одобаша обстоятельствѣ при случаѣ министрамъ Порты сообщить въ состояніи былъ, что, по дошедшему до меня отъ упомянутаго маіора Вульфа о разговорѣ одобаша репорту, я кошевому атаману предписалъ немедленно Гардогово полковника, другимъ исправнымъ старшиною смѣня и все сіе дѣло точнѣйше изслѣдовавъ по воинскимъ обрядамъ, оного наказать, доказывая тѣмъ, какое попеченіе съ нашей стороны при всякихъ случаяхъ употребляется къ ненарушимуому соблюденію счастливо настоящаго между обоими имперіями вѣчномирнаго трактата; а г. ген.-анш. и кав. гр Румянцеву я также де о сихъ Соловкова примѣчаніяхъ и развѣданіяхъ для вѣдома сообщить не оставилъ.

19) Объ окончаніи сззда пограничной комиссії,—отъ 25-го сентября за № 58.

Изъ всепод. моей реляціи № 55 В. И. В. всемил. усмотрѣть изволили, что Татарскіе комиссары въ пограничное мѣсто Каменку прибыли и уже два засѣданія съ нашими имѣли; а теперь приемлю смѣлость раболѣпнѣйше донести, что сія комиссія сверхъ чаянія благополучно въ нынѣшній годъ окончена, ибо кромѣ рѣшенія двугодичныхъ ссоръ и жалобъ, тожъ удовольствія нѣкоторыхъ претензій въ пользу обоюдныхъ подданныхъ, по данному отъ меня комиссарамъ Ефремову и Чугуевцу наставленію, внесенъ въ обыкновенной инструментъ слѣдующаго содержанія новый пунктъ: всѣхъ безъ письменнаго отъ начальниковъ виду шатающихся въ не своей границѣ обо-сторонныхъ подданныхъ признавать за настоящихъ бродягъ и объ нихъ тотчасъ ближнимъ начальникамъ знать давать для учиненія таковымъ достойнаго по справедливости наказанія, какъ В. И. В. изъ поднесеннаго при семъ перевода съ размѣннаго инструмента ¹⁾ всемил. усмотрѣть изволите, чѣмъ уповательно всѣ способы къ на-

---

¹⁾ Ни этого перевода съ инструмента, ни письма къ хану при черновой реляціи нѣтъ.

несенію одной или другой сторонѣ обидѣ отъ своевольныхъ и хищничества жаждущихъ бродягъ пресѣченъ и смежнымъ народамъ лучшее спокойство и безпечность въ прожитіи доставлено быть можетъ. Я о семъ не преминулъ въ сосѣдопріятельскихъ терминахъ письменно отозваться въ хану Крымскому, съ котораго письма раболѣпнѣйше при семъ точную копію на высочайшее усмотрѣніе подношу.

20) По сообщенію резидента Обрѣзкова о продолжающихся военныхъ приготвленіяхъ Порты и Татаръ и о смѣнѣ верховнаго визиря,— отъ 4-го октября за № 63, изъ Кременчука.

В. И. В. всепод. доношу, что по отправленіи моемъ изъ Кіева въ Новороссійскую губернію получилъ я на дорогѣ отъ пребывающаго при Портѣ Оттоман. В. И. В. тайн. сов. и кав. Обрѣзкова отъ 4-го сентября при экспедиціи къ высоч. В. И. В. двору слѣдующаго содержанія письмо: Татарскіе движенія инако почитать не должно, какъ слѣдствіями распоряженій и намѣреній Порты, учиненныхъ по причинѣ нападенія на Балту и Голту разбойнической шайки; а въ дополненіе тому даетъ знать, что военные приготвленія во всѣхъ частяхъ безъ изъятія съ непремѣннымъ жаромъ продолжаются: великіе провіантскіе магазины на Дунаѣ и въ Молдавіи заполняются; комиссары для подчинки дорогъ до Дуная и приведенія въ состояніе дворцовъ и другихъ публичныхъ въ Адрианополѣ находящихся строеній уже опредѣлены, еже доказательствомъ служить можетъ взятому намѣренію для переселенія Турецкаго двора въ Адрианополь; а сіе самое почитать должно не только предвѣстникомъ, но и доводомъ принятой революціи въ войну вступить, да и по всѣмъ наружнымъ оказательствамъ съ Россійскою имперіей. Но соврєнные намѣренія согласны ли ль съ тѣми наружными оказательствами, оное еще непроницаемою есть тайностію, которую время объяснить можетъ. Въ Хотинѣ, Бендерахъ и Очаковѣ, по Константинопольскимъ извѣстіямъ, военныхъ людей отъ 30 до 40 тысячъ человекъ находится, для перемѣны которыхъ яко бы дѣйствительно уже и казармы строятся. Минувшаго августа 25 числа верховной визирь смѣненъ, на мѣсто коего назначенъ Хютайской Харза паша, котораго прибытія въ Константинополь чрезъ нѣсколько дней ожидали, и тогда де безъ сум-

нѣнія откроется, какой сіи приуготовленія и всѣ по тому произведе-
нія оборотъ возьмутъ.

А между тѣмъ де съ нашей стороны въ разсужденіи такихъ
отъ Порты по всѣмъ наружнымъ оказательствамъ противъ государ-
ства В. И. В. приемлемыхъ приуготовленій отнюдь оплошать не на-
длежитъ, но должно по воинскому правилу супротивные дѣлать
распоряженія. Но какъ сіи о сильныхъ Турецкихъ воинскихъ приуго-
товленіяхъ извѣстія и изъ пограничныхъ мѣстъ нашими пріятелями
подтверждаются, съ такою еще прибавкою, что по указу Порты къ
Болоскому и Молдавскому господарю лѣсъ для наведенія чрезъ рѣку
Дунай моста не только уже заготовленъ, но и дѣйствительно къ
Сакчѣ сплачивается, и провіантскіе магазины какъ въ Сакчѣ, такъ
и въ Молдавіи, вайсильнѣйшимъ образомъ и съ крайнею поспѣшно-
стію заготавливаются; а прибывшій съ сими депешами изъ Константи-
нополя рейтарской команды прапорщикъ Фатѣевъ отъ Орловскаго
форпоста, гдѣ онъ карантинъ выдерживать долженъ, репортомъ пред-
ставляетъ, что въ проѣздъ его чрезъ Бендеры 16-го числа минувшаго
прибыль туда новой сераскерь, въ которой день (невѣдомо, по какой
причинѣ) между арнаутами и янчарами возмущеніе учинилось, и ве-
ликая драка была, въ которой съ обоихъ сторонъ побито до 50, а
ранено болѣе ста человекъ; всего при Бендерѣ войска, по объявле-
нію тамошнихъ обывателей, двадцать тысячъ въ лагерѣ стоитъ, ко-
торой онъ самъ видѣлъ, и что провіантъ со всѣхъ сторонъ въ мага-
зины свозятъ; а болѣе въ проѣздъ его отъ Константинополя до Ор-
ловскаго форпоста воинскихъ приуготовленій онъ нигдѣ не видалъ и
не примѣтилъ.

Я, по рабской моей должности, сколько количество подчиненныхъ
мнѣ войскъ дозволило, непримѣтнымъ образомъ, безъ встревоженія
обывателей, въ Елисаветградской провинціи и по границѣ оной
удобвозможную предосторожность взять не преминулъ и о всемъ томъ
и нынѣ отъ меня г. генералу-аншефу и кав. гр. Румянцеву для вѣ-
дома сообщено.

*21) По репорту кошевого атамана о Татарскихъ грабительствахъ
и угрозахъ Турокъ, а равно о данномъ по этому поводу ордеръ кошевому,—
отъ 3-го ноября за № 65, изъ Кременчуга.*

Послѣ отпуску всепод. моей реляціи № 63, какіе до меня отъ

кошевого атамана о заграничныхъ Татарскихъ и Турецкихъ воинскихъ приуготовленіяхъ извѣстія дошли, приѣмлю смѣлость съ глубоч. благоговѣніемъ точной списокъ съ одного репорта и переводъ съ письма къ нему, кошевому, отъ Перекопскаго каймавана В. И. В. на высоч. усмотрѣніе при семъ подносить ¹⁾. А какъ оной же кошевой атаманъ въ другомъ ко мнѣ доношеніи жалобу приносить, что Едичкульскіе татары уже по окончаніи нынѣшней комиссіи вновь своими наглými нападеніями Запорожскимъ козакамъ не малыя обиды и грабительства дѣлать начали, о коихъ онъ хотя, по глашенію постановленнаго обоюдными погран. комиссарами инструмента, ближнимъ Татарскимъ начальникамъ и Едичкульскому сераскерь - султану самому писалъ, прося по сосѣдственной дружбѣ о унятіи и прекращеніи Татарскаго самовольства и объ удовольствіи обиженныхъ возвращеніемъ заграбленнаго, однако нарочно посланные безъ отвѣта возвращались; по которой причинѣ требовалъ отъ меня наставленія, какимъ образомъ поступить, ежели Татары грабительствами своими Запорожцовъ впредь обижать и разорять стануть; то я, сообразивъ сію его жалобу съ содержаніемъ письма Перекопскаго каймавана и уваживъ нѣжность нынѣшнихъ обстоятельствъ, за пристойное разсудилъ кошевому атаману предписать, чтобъ онъ всему подчиненному войску найсилнѣйше подтвердилъ еще нѣкоторое время, до дальняго отъ меня ордера, сколько возможно, отъ ссоръ уклоняться, отнюдь никакого повода къ какому либо раздору не подавая, но при всякой отъ Татарской стороны обидѣ, по силѣ вышепомянутаго инструмента, ближнимъ Татарскимъ начальникамъ въ пристойныхъ и учтивыхъ выраженіяхъ письменно отзываться, требуя по сосѣдственной дружбѣ обиженнымъ правосуднаго удовлетворенія и о всемъ томъ по самой справедливости ко мнѣ репортовать, дабы я съ моей стороны, подкрѣпляя ихъ жалобы, о награжденіи убытковъ и о наказаніи самовольныхъ грабителей съ лучшею поважностію настоять могъ.

По второму доношенію, коего при семъ списокъ В. И. В. подносится, касательно Турецкихъ угрозъ нападеніемъ на границы В. И. В., какъ скоро рѣки льдомъ покроются, а особливо на Запорожское войско, ему кошевому слѣдующее присоветовать за потребное

---

¹⁾ Приложеній этихъ при черновой реляціи нѣтъ.

призналъ: искусство намъ доказало, что въ прежнюю съ Турками войну нападенія отъ Татаръ и Турокъ на Россійскія границы бывали, но съ Божією помощію и храбростію Россійскихъ войскъ нападатели отъ большей части съ посрамленіемъ возвращались и Запорожскихъ козаковъ истребить имъ не удавалось; войска В. И. В. всегда готовы и въ состояніи нагlostямъ достаточной отпоръ чинить; безразсудныя ихъ угрозы не важны, ибо извѣстно, изъ какой сволочи Татарское и Турецкое войско состоитъ; слѣд. гордостію надменнаго ихъ хвастовства страшиться и тревожиться нѣтъ причины; паче же когда онъ, кошевой атаманъ, моими ордерами предварительно уже предостереженъ и, какъ уновательно, на всякой случай съ подчиненнымъ ему войскомъ непримѣтнымъ образомъ себя приуготовилъ, и для того торопиться не надлежитъ, но съ непремѣнною твердостію, осторожностію и прозорливостію должно всѣ оныхъ движенія и обороты примѣчать и приличными увѣщеніями стараться Татаръ отъ самовольныхъ набѣговъ отвращать, прося пограничныхъ Татарскихъ начальниковъ по сосѣдственной дружбѣ своихъ подчиненныхъ отъ того воздержать и до такой крайности войска Запорожское не доводить, чтобъ принуждено было отъ набѣговъ обороняться: ибо ему, кошевому атаману, найстрожайшее повелѣніе дано съ сосѣдами обходиться найдружественнѣйшимъ образомъ, что отъ него и всего Запорожскаго войска съ должнѣйшимъ повиновеніемъ и наблюдается; а если, паче чаянія, не взирая на всѣ сіи отзвы и умѣренность, Татаре, въ своемъ упорствѣ пребывая, къ явному нападенію на границы В. И. В. движенія чинить стали бѣ, чего отъ кошевого по близости утаиться не можетъ, въ такомъ случаѣ тотчасъ чрезъ нарочнаго ко мнѣ бы репортовалъ и ближнимъ воинскимъ командамъ знать далъ, дабы по тому достаточнымъ наставленіемъ отъ меня снабдѣнъ быть могъ.

Елико же до каймаканскаго письма принадлежитъ, то рекомендовано ему на гладкіе и ласковые отзвы онаго отнюдь не полагаться, ибо новой ханъ Крымъ-Гирей, яко хитрой и предприимчивой челоувѣкъ, можетъ быть сею приманкою думаетъ васъ засыпать и чрезъ то въ своемъ намѣреніи лучшій себѣ успѣхъ доставить.

Я не преминулъ, какъ о сихъ извѣстіяхъ, такъ и о данномъ кошевому атаману ордерѣ г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцову для вѣдома знать дать, дабы и онъ съ своей стороны сходно съ тѣмъ кошевому атаману предписать могъ; ибо въ разсужденіи прежнихъ об-

рядовъ и застарѣлыхъ обыкновеней Запорожскихъ козаковъ, кои мало о субординаціи пекутся, прежде времени ни къ какому предпріятію ихъ назначить нельзя: они въ состояніи, какъ жадные къ добычамъ, тотчасъ явные грабительства начать.

22) Объ извѣстіяхъ Могилевскаго пріятеля, — отъ 3-го ноября за № 66, изъ Кременчуа.

В. И. В. всепод. доношу, что 29 минувшаго октября мѣсяца получено чрезъ Кіевъ отъ Могилевскаго пріятеля письмо, котораго переводъ экстрактомъ В. И. В. при семъ на высоч. усмотрѣніе раболѣпнѣйше доношу. А какъ извѣстія его о заграничныхъ обстоятельствахъ съ сказками посланныхъ подъ разными претекстами въ Очаковъ и въ другіе Татарскіе мѣста для развѣдываній изъ Новорос. губ. нарочныхъ отъ большей части сходственны, то я о всемъ томъ г. ген. анш. и кав. гр. Румянцову для вѣдома сообщить не преминулъ; а помянутому пріятелю, по его прошенію, на проѣздныя издержки для приласканія тридцать рублей выданы и отъ канц. сов. Веселицкаго о прилежномъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ продолженіи корреспонденціи писано съ такимъ при томъ найсильнѣйшимъ обнадеженіемъ, что вѣрныя его услуги безъ высоч. въ свое время награжденія всеконечно оставлены не будутъ.

23) По поводу рескрипта о посылкѣ нарочнаго въ Эдисонскую орду для привлеченія ея въ Россійскую протекцію, — отъ 17-го ноября за № 72.

На высоч. В. И. В. секретный рескриптъ отъ 26-го минувшаго октября мѣсяца, мною съ глубоч. благоговѣніемъ 9-го числа сего ноября полученный, коимъ всемил. повелѣвается въ Эдисанскую орду къ тѣмъ мурзамъ, кои въ 1759 году въ письмѣ къ тогдашнему калгѣ Хаджи-Гирей султану подписались, буде изъ оныхъ кто въ живыхъ есть, или къ ихъ сродственникамъ отправить подъ приличнымъ претекстомъ нарочнаго и способнаго человѣка для развѣданія настоящаго мыслей ихъ расположенія и чего отъ нихъ при войнѣ ожидать будетъ должно, а паче всего для припамятыванія и внушенія имъ прежней самопроизвольной ихъ поступи о присылкѣ нарочнаго съ прошеніемъ о дозволеніи имъ Россійско-императорской протекціи, уловляя тѣмъ и по на-

ступленіи войны ихъ доброжелательство, яко теперь то время настало, сдѣлать имъ съ высоч. В. И. В. дворомъ потребныя соглашенія и тѣмъ не только привести себя на всегдашнее время въ безопасность, но приобрести и разныя выгоды, какихъ они ни отъ Порты Оттоман., ни отъ хана Крымскаго никогда имѣть не могутъ, и прочая,—дерзаю В. И. В. съ глубоч. поверженіемъ всепод. донести, что я по рабской моей должности и ревности крайнѣйше о томъ сокрушаюсь, что сіе всевысоч. о толь важномъ дѣлѣ повелѣніе предъ двумя мѣсяцами ко мнѣ не прислано, ибо скоропостижной поступокъ Порты возстановленіемъ въ Крымскіе ханы извѣстнаго Крымъ-Гирея и засаженіемъ въ Едикуль В. И. В. министра, предзнаменующій явной съ Россійскою имперіей разрывъ, въ произведеніи онаго есть главнѣйшимъ мнѣ препятствіемъ, паче потому что пронирливою и хитрою уловкою новаго хана всѣ Татарскія орды противъ подданныхъ В. И. В. такъ озлоблены и раздражены, что никому изъ бывшихъ въ Крыму и другихъ Турецкихъ мѣстахъ для купческаго промыслу малороссіянъ и Запорожскихъ козаковъ свободнаго въ возврату проѣзда нѣтъ, но гдѣ на кого наѣдутъ, безъ разбору грабятъ и убиваютъ, слѣд. явные уже неприятели производить начали. Однако, Всемил. Государиня, при всемъ такомъ крайне затруднительномъ и весьма опасномъ состояніи для отправления въ Едисанскую орду нарочнаго, я удобвозможное свое рабское стараніе употребить не премину къ сысканію надежнаго, знающаго Татарской языкъ, человека и, снабдя онаго достаточнымъ по сей комиссіи наставленіемъ, туда отправить, о чемъ въ свое время В. И. В. обстоятельно донести долженствую.

24) О предписаніи кошевому атаману быть въ готовности къ оборонѣ противъ Татаръ и къ защитѣ Елисаветградской провинціи,—отъ 17-го ноября за № 73.

В. И. В. всемил. усмотрѣть изволили изъ всепод. моей реляціи № 65, какіе кошев. атаману Петру Калнышевскому по нынѣшнимъ важнымъ обстоятельствамъ даны наставленія; а теперь приѣмлю смѣлость В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что получа отъ помянутаго атамана рапортъ о бытіи всего Запорожскаго войска по воинскому онаго образу во всякой въ походу готовности и о чиненіи безпрестанныхъ по границѣ развѣздовъ для примѣчанія Татарскихъ движеній, вои

также, во всякой къ походу готовности находясь, равномерно по границѣ не въ маломъ числѣ разъѣзжаютъ и всякія поддавнымъ В. И. В. непріятельства дѣлають, грабя и убивая оныхъ, а Турецкое войско въ пограничныхъ крѣпостяхъ вновь сухимъ путемъ и водою приходящими янчарами, бошняками, арнаутами и спагами сильно умножается, въ добавокъ слѣдующее предписалъ о всѣхъ заграничныхъ извѣстіяхъ и Татарскихъ обращеніяхъ по близости непосредственное имѣть сношеніе съ генераломъ-маіоромъ и кав. Исаковымъ и репорты свои чрезъ него ко мнѣ доставлять, ибо ему по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, на случай ожидаемаго отъ Татаръ нападенія на границы Елисаветградской провинціи, для выгаданія времени, яко совершенно положеніе той провинціи знающему, надъ собраннымъ въ оной небольшимъ корпусомъ войска команда поручена и достаточное дано наставленіе, какимъ образомъ съ подчиненными ему войсками въ охраненіе отъ разоренія поступать, и потому когда отъ реченнаго генераль-маіора или отъ ближнихъ полковыхъ командировъ ему, кошевому атаману, чрезъ нарочныхъ о вступленіи непріятеля въ границы Елисаветградской провинціи знать дано и сильнаго вспоможенія истребовано будетъ, то бѣ оны, по извѣстной его и всего низоваго войска Запорожскаго къ службѣ ревности и вѣрности, удобнѣйшую и самоскорѣйшую помощь подалъ, стараясь непріятелю, напавъ на онаго стылу и поставивъ посреди двухъ огней, храбрымъ по воинскому искусству сраженіемъ найчувствительнѣйшій причинить ударъ и тѣмъ не только дальновидному предпріятію онаго невозможнѣйшимъ образомъ воспрепятствовать, но и съ помощію Божіею его къ выступленію изъ границъ принудить. А хотя о точномъ исполненіи всего предписаннаго отъ кошеваго атамана я рапортъ и получилъ, однако зная, что Запорожское войско нѣсколько огорченнымъ себя признаваетъ по причинѣ земли подъ Екатерининскую провинцію назначенной, то позвольте, Всемилостивѣйшая Государыня, здѣсь мое рабское слабѣйшее мнѣніе присовокупить: мнѣ видится, что въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ всемѣд. В. И. В. за собственноручнымъ подписаніемъ грамота съ обнадеженіемъ монарше-материнскаго благоволенія и съ выхваленіемъ оказанной всегда при подобныхъ случаяхъ, каковы нынѣ, храбрости и вѣрности, великое всему войску придастъ ободреніе и немалую принести можетъ пользу, ибо мое обнадеженіе на жалобу кошеваго объ оставленіи

спорныхъ съ Запорожцами земель въ такомъ точно состояніи отъ обывателей Екаторининской провинціи, въ какомъ оныя нынѣ, и о нечиненіи тамошнимъ отъ Коша зависящимъ поселянамъ никакого утѣсненія Запорожскія козаки, можетъ быть, не столько уважають.

25) По поводу письма Могилевскаго пріятеля о Турецкихъ приотомленіяхъ, — отъ 27-го ноября за № 79.

Какого содержанія отъ Могилевскаго пріятеля на сихъ дняхъ получено письмо, изъ оногo на высоч. В. И. В. усмотрѣніе при семъ съ глубоч. благогов. подношу экстрактъ, а изъ прочихъ заграничныхъ мѣстъ доходимые до меня извѣстія согласно подтверждаютъ сильныя съ Турецкой стороны къ войнѣ приготовленія знатнымъ прибавленіемъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ разныхъ званій Турецкаго войска; а Татарскія орды около Волчьихъ водъ по Бугу и Ингулу и другихъ степныхъ рѣкъ въ близости границъ разѣзжаютъ. Посланныя отъ меня еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ капитанъ Бастевинъ и здѣшній мѣщанинъ съ письмомъ къ Очаковскому пашѣ и хану Крымскому доннѣ обратно не прибыли и никакого объ нихъ извѣстія нѣтъ, еже думать заставляеть, что они гдѣ-нибудь задержаны; а что впредь объ нихъ и о загранич. обстоятельствахъ до меня доходить будетъ, В. И. В. раболѣпнѣйше довести не укосню.

Приложеніе: Переводъ экстрактомъ письма пріятеля Могилевскаго отъ 27-го октября 1768 г. изъ Яссы.

Увѣдомляю васъ, что послѣ письма моего къ вамъ, изъ Кіева отправленнаго, я для провѣдываній прямо въ Яссы поѣхалъ, гдѣ засталъ еще немалую команду спаговъ, къ Хотину слѣдующихъ; сіи спаги были въ Бендерѣ, но послѣ драки, которая между ими и янчарами тамъ происходила, опасаясь Бендерской паша, чтобъ, по вкоренившейся между ими враждѣ, еще какое зловерное междуособіе не произошло, приказалъ спагамъ слѣдовать къ Хотину. Проводъ ихъ чрезъ Молдавію обывателямъ великое разореніе причинилъ: всѣ села остались впустѣ, ибо люди, видя неукротимое оныхъ варварство, ретировались въ горы. Свирѣпость и насильство ихъ до того простиралось, что и въ городѣ Яссахъ не только мѣщанъ грабили, но и знатныхъ тамошнихъ бояръ и чиновниковъ не уважали, отчего и дворъ тамошняго господаря на нѣсколько дней былъ запертъ.

Здѣсь заподлинно увѣряютъ, что пять нашихъ съ войскомъ къ границѣ идутъ. Одинъ Татарскій султанъ, съ 15 тысячъ Татаръ слѣдующій подъ Хотинъ, прибылъ къ Пруту рѣкѣ, расположился на время въ Кишиновѣ, Херловѣ и той околичности, котораго конфедераты съ нетерпѣливостію ожидаютъ при Хотинѣ, отзываясь, что съ сими Татарами намѣрены они въ Польшу вступить.

Молдавскій господарь получилъ отъ Порты ферманъ, чтобъ онъ и прочее знатное дворянство, тожъ начальные чиновники, свои фамилии въ Царьградъ отправили. Предъ нѣсколькими днями, хотъ здѣсь явно поговаривать стали о арестованіи Россійскаго министра въ Константинополь, однако нѣкоторые изъ здѣшнихъ мѣщанъ по ихъ разсудку о подлинности того сомнѣваются.

Изъ Польскихъ конфедератовъ нѣсколько партій въ Польшу вошли, избравъ въ Цекиновѣ, Могилевѣ и Рашковѣ, какъ чинсовые помѣщичьи доходы, такъ и таможенные казенные сборы, тожъ ограбивъ обывателей, возвратились подъ Хотинъ.

О Черногорцахъ пріѣзжіе изъ тѣхъ околичностей въ Яссы купцы увѣряютъ, что надъ Турками великіе вездѣ удерживаютъ авантажи; только подтверждаютъ, что многочисленное Турецкое войско противъ нихъ ополчается и къ нимъ слѣдуетъ.

*26) Объ отправленіи съ нарочными писемъ въ Едисанскую орду,—
отъ 1-ю декабря за № 80.*

В. И. В. съ глубочайшимъ благоговѣніемъ всепод. доношу, что, во исполненіе высоч. секретнаго отъ 26-го октября указа, коимъ всемп. мнѣ повелѣно подъ приличнымъ претекстомъ къ Едисанцамъ послать нарочнаго способнаго человѣка для развѣдыванія настоящаго мыслей ихъ расположенія и чего отъ нихъ при войнѣ ожидать будетъ должно, а паче всего для припамятыванія и внушенія имъ, уловляя тѣмъ и по наступленіи войны ихъ доброжелательство, что приближается теперь время сдѣлать имъ съ высоч. дворомъ В. И. В. потребныя соглашенія и тѣмъ не только привести себя на всегдашнее время въ безопасность, но приобрѣсть и разныя выгоды, какихъ они отъ Порты, ни отъ хана Крымскаго никогда имѣть не могутъ,—я, сообразуясь съ нынѣшними весьма критическими обстоятельствами и предвиди со всѣхъ сторонъ встрѣчающіяся неудобности, сопряженныя съ великими затрудненіями, по многимъ размышленіямъ и уваженіямъ призналъ сходственнѣйшимъ слѣдующее средство: вспомни, что асес-

сорь Чугуевецъ Едисанской орды мурзынской сынъ, непримѣтнымъ образомъ спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ кого изъ Едисанскихъ мурзъ, и услыша отъ него, что по долговременной бытности его въ Запорожской Сѣчи, а напоследокъ немалое время и войсковымъ писаремъ, многихъ изъ оныхъ знаетъ, сверхъ же того и два родные его братья въ той ордѣ не изъ послѣднихъ мурзъ, съ коими онъ, будучи въ Запорожскомъ войскѣ, не только часто видался, но и переписывался, да и послѣ того во время пограничныхъ по Татарской комиссіи сѣздовъ случай имѣлъ съ ними видаться,—я, справясь съ именнымъ спискомъ, присланнымъ при высоч. рескриптѣ, нашель, что оба его брата подписаны. Итакъ, нимало не мѣшкая, сочинено письмо, съ котораго при семъ В. И. В. на высоч. усмотрѣніе точный подношу списокъ; оное переведено на Турецкой языкъ; а между тѣмъ стараніе приложено сыскать двухъ человекъ для отправленія съ оными, ибо одинъ братъ его живетъ близъ Каушанъ, а другой отъ Балты въ лѣвую сторону въ степи. Одно поручено толмачу здѣшной губерніи Христофору Григорову, который въ Каушанахъ родного дядю имѣетъ, куда онъ, яко бы для свиданія съ онымъ, изъ Польши, а не отъ здѣшняго мѣста, да и за пашпортомъ польскаго шляхтича, ѣдетъ; и доставленіе другаго случившійся здѣсь переводчикъ Запорожской Сѣчи грекъ Андрей Дмитріевъ Кантарджи на себя взялъ; при отправленіи дано каждому на проѣздъ, выключая прогонныхъ, по 30 р., а сверхъ того по 50 червонныхъ, которые вмѣсто подарка именемъ асессора Чугуевца каждому брату посланы; но чтобъ вдругъ столь серьезными и важными письмами они грубому народу, каковъ Татарской, въ глаза не показались, снабдены другими лавоническаго штиля отъ того жъ асессора Чугуевца грамотами, въ коихъ о подаркѣ упоминается. Сія притязательную силу въ себѣ заключающія грамотки должны настоящимъ предшествовать письмамъ и въ удобнѣйшей оныхъ подачѣ надежнѣйшимъ служить поводомъ.

Такимъ образомъ, Всемил. Государыня, снабдя ихъ достаточнымъ наставленіемъ и обладежа высоч. В. И. В. милостію, въ надлежащій путь отправилъ; а возымѣетъ ли сія посылка какой успѣхъ, время покажетъ, ибо другимъ образомъ оную, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, учинить никакого способа изыскать не могъ.

27) О полученныхъ изъ Сѣчи чрезъ старшину Юржа Татарскихъ письмахъ, возбуждающихъ Запорожцевъ къ измѣнѣ,—отъ 1-го декабря за № 81.

Какъ мною изъ Запорожской Сѣчи отъ кошевого атамана чрезъ войскового старшину Василя Юржа, которой для того сюда присланъ, чтобъ и словеснымъ объявленіемъ о имѣвшемъ въ Крыму съ Калгоюсултаномъ разговорѣ сказку свою подтвердить могъ, получены рапорты съ приложениями, съ оныхъ по важности содержаній точные списки, а съ Татарскихъ писемъ переводы съ глубоч. благоговѣніемъ В. И. В. при семъ подъ буквами: а, б, в, г, д, е, ж, з и з, всепод. подшошу ¹⁾. В. И. В. изъ оныхъ между онымъ всемил. усмотрѣтъ изволите ухищренное покушеніе новаго хана Крымъ-Гирея въ преклоненію на свою сторону кошевого атамана со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ, равно какъ похвальный поступокъ кошевого присылкою полученныхъ писемъ ко мнѣ не распечатавъ ни одного, тожъ и внятую предосторожность содержать нарочно присланнаго Татарина подъ политичнымъ присмотромъ, дабы не могъ имѣть способа о томъ съ другими изъясниться. Истинно, Всемил. Государыня, сей его при нынѣшнихъ обстоятельствахъ по рабской его должности учиненный поступокъ заслуживаетъ В. И. В. всевысоч. благоволеніе. Я дерзаю В. И. В. съ глубоч. поверженіемъ всепод. мое слабѣйшее мнѣніе представить, что всемил. В. И. В. за собственноручнымъ подписаніемъ грамота съ высокомонаршею аппробаціею его поступка по сему случаю и съ обнадеженіемъ высоч. благоволенія за вѣрность, великое ободреніе ему и всему войску Запорожскому придало бѣ, ибо если безпристрастно судить, то оное Имперіи В. И. В. служить великою противъ Татаръ предградою. Я, о сей съ Татарской стороны учиненной (попыткѣ?) и о предвидимой Запорожской Сѣчи опасности г. генералу-анш. и кав. гр. Румянцову сообща, мое слабое мнѣніе представить не преминулъ о снабдѣніи Новосѣченскаго ретранжамента по своему разсмотрѣнію въкоторымъ числомъ канонеровъ, въ коихъ, по доношенію кошевого, крайній тамо недостатокъ, ибо сей ретранжаментъ Запорожской Сѣчѣ къ немалой оборонѣ служить можетъ.

¹⁾ Приложеній этихъ при черновой реляціи не было, конечно потому, что они были отправлены съ подлинникомъ.

Впрочемъ, что принадлежитъ до заграничныхъ сильныхъ непріятельскихъ приуготовленій, со всѣхъ сторонъ на прежнемъ основаніи подтверждаются, и что Татары съ двухъ яко бы сторонъ на границы В. И. В. нападенія сдѣлать намѣрены—съ Елисаветградской стороны и съ Крымской степи.

28) О заявленіяхъ Запорожца Іоржа о подущеніи ханомъ Кубанцевъ, объ удаленіи Татаръ изъ своихъ кочевій,—отъ 1-го декабря за № 83.

Уже по окончаніи предыдущихъ моихъ всепод. реляцій помянутый войсковой старшина Іоржъ словесно мнѣ объявилъ, что свѣдалъ онъ отъ надежной руки въ Крыму, яко Крымъ-Гирей ханъ, получа моремъ немалую денежную казну, отдѣлилъ изъ оной значную часть и послалъ при одномъ Татарскомъ старшинѣ въ Кубань для склоненія Кубанцовъ, а стараніемъ сихъ и часть смежныхъ къ тому Черкесовъ, напасть совокупно съ той стороны на Донскихъ козаковъ; такожь де въ обратномъ пути изъ Крыма примѣтилъ онъ, что всѣ Татары изъ прежнихъ своихъ у гаймановъ кочеваній вышли къ Азовскому морю, гдѣ по берегу оваго и расположились, а съѣстные свои припасы, яко то всякого рода хлѣбъ въ ямахъ и сѣно въ стогахъ, оставили въ прежнихъ мѣстахъ по близости границъ Запорожскихъ дачъ единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ при началіи своихъ набѣговъ въ тѣхъ мѣстахъ имѣть могли свои отдохновенія и запастись нужнымъ къ пропитанію на произведеніе и долге своего непріятельства.

29) По поводу рескрипта о притворномъ доброжелательствѣ Крымъ-Гирея,—отъ 21-го декабря за № 85.

Высоч. В. И. В. рескриптъ отъ 24 прошед. ноября мѣсяца, коимъ мнѣ всемл. повелѣвается, во уваженіе поступка Крымъ-Гирея хана, который начало своего правленія ознаменилъ скорымъ и добровольнымъ за конвоемъ отпускомъ изъ Перекопа задержанныхъ въ Крыму В. И. В. подданныхъ, равно вакъ и готовности выпроводить такимъ же образомъ и прочихъ въ Крыму оставшихся, съ представленіемъ въ тожь время удовлетворенія за всѣ отъ Татаръ учиненныя обиды и убытки, до вѣщаго впредь объясненія прамыхъ тому

обстоятельствъ, взаимною соотвѣтствовать учтивостию и прочая, я съ глубоч. благоговѣніемъ получить удостоился. Но какъ между тѣмъ и еще до получения сего В. И. В. высоч. рескрипта изъ рапорта кошевого атамана и другихъ чрезъ старшину Василья Іоржа ко мнѣ присланныхъ писъ, какъ въ моей всепод. реляціи № 81 упомянуто, явно открылось, что реченнаго хана поступокъ былъ только ухищренною попыткою для преклоненія Запорожскаго войска на свою сторону, то и попеченіе мое о замѣствованіи собою рѣшилось, ибо и безъ того здѣсь въ Кіевѣ и во всей Новороссійской губерніи никого изъ Татаръ или Крымскихъ жителей не находится.

Елико до предосторожности отъ повѣтренной болѣзни въ разсужденіи близости Турецкихъ войскъ принадлежитъ, то отъ меня, хотя объ оной по извѣстіямъ нигдѣ не слышно, стоящимъ по вѣрной мнѣ границѣ на пропусковыхъ форпостахъ командирамъ вайсильнѣйше подтверждено рачительнѣйше того наблюдать, чтобъ безъ выдержанія полнаго карантина и надлежащаго по инструкціи докторскаго или лекарскаго осмотра и свидѣтельства никто изъ Турецкихъ или Польскихъ мѣстъ въ Имперію В. И. В. впущенъ быть не могъ.

30) О сообщеніи Якова Попова о недоброжелательствѣ Якуба и письмо его къ конфедератамъ,—отъ 21-го декабря за № 86.

Находившійся при Дубосарскомъ воеводѣ Якубъ-агѣ писарь Яковъ Федоровъ Поповъ, о коемъ В. И. В. отъ меня реляціею подъ № 51 всепод. доведено, по дѣйствительномъ узнаніи Якубова недоброжелательства къ Россійской имперіи и въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, 23 числа прош. ноября изъ Каушанъ выѣхалъ и чрезъ Елисаветградскую провинцію сюда прибылъ съ намѣреніемъ остаться вѣчно въ службѣ В. И. В.; а какое между тѣмъ по приказу моему о нынѣшнихъ ханскихъ приуготовленіяхъ къ нападенію на границы В. И. В. и другихъ сопряженныхъ съ тѣмъ обстоятельствахъ онъ мнѣ подалъ объясненіе, подлинникъ онаго за его рукою, купно съ переводомъ Якубова письма къ маршалкамъ конфедерации, В. И. В. при семъ съ глубоч. благоговеніемъ на высочайшее подношу усмотрѣніе; а точной списокъ онаго для вѣдома и предосторожности г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцову отъ меня сообщенъ, ибо новѣй-

шими изъ заграницы извѣстіями подтверждается, что Крымъ-Гирей ханъ, изъ Каушанъ выѣхавъ, въ Бендеръ прибылъ, а оттуда къ Балтѣ слѣдовать имѣеть. Впрочемъ, Всемил. Государыня, на границѣ здѣшней и Новорос. губ., за помощію Божіею, обстоитъ благополучно, и каковая Елисаветградской провинціи войсками В. И. В. по возможности къ супротивленію непріятельскимъ набѣгамъ предосторожность взята, о томъ къ г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцову сообщено.

Въ Кіевскомъ воеводствѣ паки новая проявилась гайдамацкая шайка, которая такимъ же образомъ свирѣпствуетъ, какъ и первая, но изъ оной до нѣскольکو чѣловѣкъ посланною отъ г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцова командою уже переловлено, а для скорѣйшаго истребленія сей зловредной толпы отъ меня эскадронъ гусаръ и два эскадрона пикинеръ изъ ближнихъ Елисаветградскихъ мѣстъ туда жъ командированы, объ успѣхѣ воихъ во свое время В. И. В. всепод. донести долженствую.

В) По пограничнымъ съ Польшею дѣламъ.

1) *По доношенію капитана Плеца о собирающихся для нападенія на Россійскія войска партіяхъ,—отъ 12-го марта за № 5.*

Третьяго дня въ вечеру получилъ я отъ находящагося въ польскомъ мѣстечкѣ Житомирѣ Бѣлозерскаго пѣх. полку кап. Сигизмунда Плеца доношеніе отъ 4-го сего марта, которымъ представляетъ, что отправленъ онъ отъ генерала-маіора и кав. Кречетникова съ состоящею въ 85 челоуѣкъ Донскихъ козаковъ командою въ поманутое мѣстечко, которому велено по нынѣшнему яко бы со всѣхъ сторонъ великихъ Польскихъ партій противъ войскъ В. И. В. собранію воинскую имѣть осторожность, ибо изъ изданныхъ отъ нихъ на супротивныхъ манифестовъ явствуетъ противное ихъ съ Россійскимъ войскомъ обращеніе. Вслѣдствіе чего, объявляя, что у козаковъ команды его недостаточно пороха и свинца, требовалъ отсюда оными снабденъ быть. По которой причинѣ вчерашняго дня отпущено отъ здѣшняго артиллерійскаго правленія на каждаго челоуѣка по фунту пороху и по половинѣ фунта свинцу. Но какъ о семъ противномъ въ Польшѣ предпріятіи отъ генераль-маіора Кречетникова никакого извѣстія нѣтъ, то и подлинность онаго кажется немалому подвержена су-

млѣнію, ибо по безпредѣльной вольности Польской часто неосновательныя въ Польшѣ разсѣваются разглашенія; однако съ моей стороны стараніе употреблено будетъ о точномъ о семъ развѣданіи и, что между тѣмъ до меня дойдетъ, В. И. В. безъ упущенія времени донести не премину.

2) *О полученныхъ изъ Польши уведомленіяхъ о собирающихся партияхъ войскъ,—отъ 3-го апрѣля за № 8.*

В. И. В. изъ всепод. моей реляціи, отъ 12-го марта подъ № 5, всемил. усмотрѣть изволили о собираніи яко бы въ Польской украинѣ нѣкоторой изъ недоброжелательныхъ Поляковъ противной партіи и что я для точнаго разведанія всѣхъ потому происхожденій удоб-возможное стараніе употреблю. Вслѣдствіе чего отъ меня нарочный искусный офицеръ отсюда въ тѣ мѣста и отправленъ былъ, который, сего дня возвратясь, словесно мнѣ объявилъ, что подъ предводительствомъ гр. Красинскаго въ Барѣ, Браилѣ, Хмѣльницѣ, Каменцѣ-Подольскомъ и въ Улановѣ только до двухъ тысячъ Поляковъ понынѣ собрано, да и то отъ большой части изъ самой подлости. Но какъ между тѣмъ и курьеръ отъ находящагося въ Польшѣ съ войскомъ В. И. В. генераль-маіора Кречетникова, слѣдующій въ высоч. В. И. В. двору, съ депешами сюда прибылъ, то я по рабской моей должности преминуть не хотѣлъ чрезъ одного предварительно о сихъ развѣдываніяхъ всепод. вкратцѣ донести, а пространнѣе со всѣми до того касающимися обстоятельствами по полученнымъ какъ изъ Крыму, такъ и изъ Польши, подлиннымъ извѣстіямъ не продолжительно чрезъ нарочнаго В. И. В. всепод. доносить долженствую.

3) *По репорту полк. Чорбы о сборищахъ Поляковъ въ г. Барѣ,—отъ 4-го апрѣля за № 10.*

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи отъ 12 сего мѣсяца касательно извѣстія о собираніи въ украинѣ Польской нѣкоторыхъ партій якобы противу находящихся въ Польшѣ В. И. В. войскъ приѣмлю смѣлость раболѣпнѣйше донести, что отъ командующаго полками Елисаветградской провинціи полковника Чорбы отъ 15 и 17 прошлаго марта получены репорты, коими объявляетъ, что стоящій при Сентовскомъ форпостѣ поручикъ Маріоновичъ и бывший въ Польскомъ мѣстечкѣ Звенигородѣ вапи-

танъ Палаловъ репортомъ къ нему представили: первой, что одинъ Польской шляхтичъ ему заподлинно сказывалъ, яко бы въ Барѣ уже до нѣскольکو тысячъ Поляковъ собралось и еще повсядневно число оныхъ прибавляется, отзываясь, будто не далѣе какъ чрезъ двѣ недѣли къ границамъ сближаться имѣють для разоренія оставшихся въ Польской сторонѣ по границѣ православныхъ церквей; а послѣдній, что отъ разныхъ Польскихъ шляхтичей то жъ слышалъ, съ такимъ только присовокупленіемъ, что староста Снятинской Потоцкой въ Барѣ не малое число вольницы набралъ и продолжительно еще набираетъ для употребленія оной яко бы противъ Е. В. короля Польскаго. А хотя я прямо отъ пребывающаго въ Варшавѣ В. И. В. посла князя Репнина и отъ другихъ въ Польшѣ находящихся воинскихъ командировъ никакого о семъ предувѣдомленія не имѣю, слѣд. и причина была о подлинности сихъ разглашеній сумнѣваться, паче же при границахъ, предосторожность крайне необходимою, нарочного и искуснаго офицера въ Польшу подъ приличнымъ претекстомъ отправилъ для развѣдыванія о подлинности сего разглашенія, по возвращеніи котораго о всемъ томъ, что провѣдано будетъ, В. И. В. всепод. донести не премину. А между тѣмъ помянутому въ началѣ поля. Чорбѣ найсильнѣйше подтверждено стараніе употребить неприимѣтнымъ образомъ, безъ малѣйшаго встревоженія, привѣсть подчиненные ему Елисаветградской провинціи полки въ надлежащую воинскую исправность въ отвращенію всякихъ случиться могучихъ шалостей и набѣговъ и для осторожности имѣть по границѣ непрестанные развѣзды, тако же надежныхъ людей подъ разными претекстами въ Польшу посылать для вѣвѣданія настоящей причины таковому собранію и обращенію, о чемъ отъ меня и ген.-анш. и кав. гр. Румянцову для вѣдома сообщено.

Но какъ нарочно посланной офицеръ вчера обратно прибылъ и о всемъ развѣданномъ мнѣ подалъ рапортъ, то я оной, купно съ переводами двухъ манифестовъ, при семъ В. И. В. въ глубоч. благоговѣніемъ раболѣпнѣйше подношу.

4) Съ приложеніемъ экстракта письма Могилевскаго пріятеля, и сказки шляхтича Рожки, — отъ 20-го апрѣля за № 12.

Послѣ отправленія всепод. моихъ реляцій отъ 4 сего апрѣля, получено письмо изъ Могилева отъ тамошняго пріятеля о продолжающемся въ

Польской украинѣ замѣшательствѣ и о нѣкоторыхъ въ погранич. Турецкихъ вѣрѣностяхъ перемѣнахъ, какъ В. И. В. изъ поднесеннаго при семъ съ глубоч. благоговѣніемъ экстракта всемил. усмотрѣть изволите.

Какую жъ между тѣмъ вышедшій изъ Польши шляхтичъ Герасимъ Рожа мнѣ о тамошнихъ обстоятельствахъ и о своемъ намѣреніи подалъ сказку, съ оной точный списокъ съ ремаркомъ при семъ всепод. подносится, купно съ переводами полученныхъ изъ Польши Краковскаго бискупа Салтыка манифеста и нѣкоторыхъ до отправленнаго отъ меня о сей конфедераціи при реляціи № 10 манифеста принадлежащихъ пунктовъ и съ копіею репорта Елисаветградскаго пикинернаго полку порутчика Черниченва, съ ремарками жъ ¹⁾.

А сверхъ того приѣмлю смѣлость раболѣпнѣйше донести, что прибывшіе обратно отъ Бендеръ два человекъ малороссійскихъ козаковъ, кои отправленнымъ въ Константинополь прошлаго марта мѣсяца съ депешами куріерамъ по обыкновенію для провожанія отъ Васильковскаго форпоста до Бендеръ приданы были, словесно жалобу принесли, что на возвратномъ пути въ Брацлавскомъ воеводствѣ шайкою злонамѣренной партіи, знатно для грабительства разъѣзжающею, остановлены и по великимъ угрозамъ ограблены, такъ какъ и многіе изъ подданныхъ В. И. В. въ Польшѣ для торговаго промыслу находящіеся купцы. Проѣхавшій же третьяго дня по партикулярному дѣлу чрезъ здѣшнее мѣсто, за пашпортомъ ген.-пор. вв. Любомирскаго, въ Черниговъ Польскій шляхтичъ Шатило увѣрялъ, что о такомъ въ Польской украинѣ грабительствѣ и безчеловѣчныхъ поступкахъ злонамѣренной партіи надъ всякаго званія людьми, не обходя и самихъ Поляковъ, онъ не только слыхалъ, но и самъ въ крайней опасности находился.

А какъ Польскіе обстоятельства по всѣмъ извѣстіямъ отъ дня въ день серьезнѣе становятся и немалого заслуживаютъ уваженія, паче потому что злонамѣренныхъ Поляковъ шайка такъ добровольно съ нею соединяющимися, какъ и насильно нахватаанными всякаго званія людьми, не только приумноживаться стала, но и дѣйствительно противъ своихъ собратьевъ, кои Е. В. королю Польскому благонамѣренны, и противъ находящихся въ Польшѣ В. И. В. войскъ непріятельски поступать начали, чѣмъ проѣздъ отсюда чрезъ Польшу до Бендеръ и до тѣхъ мѣстъ, гдѣ командующій корпусомъ В. И. В.

¹⁾ Последнихъ двухъ приложений при реляціи нѣтъ.

войскъ ген.-маіоръ Кречетниковъ находится, не только опаснымъ сдѣланъ, но и почти совсѣмъ пресѣченъ, то я за нужно призналъ отправленными съ депешами и съ казенными вещами къ тайн. сов. и кав. Обрѣзкову въ Константинополь рейтару и толмачу приказать чрезъ Новороссійскую губернію на Орловской форпостъ, а оттуда чрезъ Татарскія слободы, отнюдь не занимая Польши, въ Бендеръ слѣдовать, подтвердивъ стоящему въ Орловскомъ форпостѣ маіору Вульффу истребовать по сосѣдственной дружбѣ отъ Голтванского каймакана для провоза оныхъ до Бендеръ одного или двухъ челоувѣкъ Татаръ, а Бендерского пашу, съ коимъ я по случаю отправления куріеровъ всякой мѣсяцъ переписываюсь, просилъ такъ объ отправленіи сихъ по прежнимъ примѣрамъ въ Константинополь, какъ и о снабденіи возвращающихся оттуда обыкновеннымъ конвоемъ чрезъ Татарскіе, Оттаман. Портъ принадлежація, мѣста до самой Голтвы, которая у рѣки Буга супротивъ Орловскаго форпоста, давъ ему при томъ знать, что я сію пережѣну въ отправленіи куріеровъ по той причинѣ нынѣ предпринялъ, что въ подчиненной вѣдомству моему Новороссійской губерніи для способнѣйшей ѣзды куріеровъ обыкновенная до Орловскаго форпоста почта учреждена.

Для доставленія же отвѣта вышепомянутому ген.-маіору Кречетникову, которой меня письмомъ отъ 27 прошлаго марта просилъ по имѣющейся у меня заграничной перепискѣ о Татарскихъ и Турецкихъ обращеніяхъ, сколько мнѣ свѣдомо, ему сообщить, изыскиваю надежнаго челоувѣка изъ живущихъ по близости границъ Польскихъ подданныхъ, а сыскавъ увѣдомлю, что разсѣянный отъ злонамѣренной партіи слухъ, яко бы Татарскаго и Турецкаго войска нѣсколько уже тысячъ дѣйствительно съ оною соединилось для совокупнаго противъ Е. В. короля Польскаго и В. И. В. въ Польшѣ находящагося войска содѣйствования, совсѣмъ неоснователенъ, ибо изъ всего обстоятельства и состоянія помянутой шайки легко заключить можно, что сія ухватка употреблена единственно для приведенія благонамѣренныхъ Поляковъ въ робость и для способнѣйшаго гѣмъ оныхъ въ свою сторону превлоненія. Впрочемъ, что касается до взятія на вѣрную мнѣ границѣ надлежащей предосторожности, то я не преминулъ, какъ въ подчиненные мнѣ Новороссійской губерніи гусарскіе и пикинерскіе полки, такъ и на прочіе моего вѣдомства форпосты данные предъ симъ по сей же причинѣ ордера вновь найсильнѣй-

шимъ образомъ подтвердить и ген.-анш. и кав. гр. Румянцову о всемъ томъ для вѣдома сообщить.

Приложеніа: а) Экстрактъ изъ письма Могилевскаго пріятеля отъ 23-го марта 1768 г.

Въ Хотинъ прибылъ новый паша, прозываемый Келехъ, а въ Очаковѣ ожидаютъ прибытія паши Купрели-оглу. Въ Молдавіи на р. Прутѣ близъ слободы Кишнова селятся выходящіе изъ Польши раскольники великимъ числомъ, кои опасаясь, чтобъ при выступленіи Россійско-императорскаго войска изъ Польши они по прежнему примѣру забраны не были, изъ Польши туда убѣгаютъ. Въ Бендерѣ заведены два большіе магазина: одинъ наполняется провіантомъ изъ Бендерскаго округа, а другой—подвозомъ изъ Молдавіи. Въ Польскомъ мѣстечкѣ Барѣ недавно сдѣлалось возмущеніе, къ которому со всѣхъ сторонъ мелкое шляхетство собирается въ такомъ намѣреніи, чтобъ сдѣлать новую конфедерацію подъ предводительствомъ Снятинскаго и Варецкаго старостъ, такожъ и другихъ знатныхъ ихъ сообщниковъ; по которой причинѣ послана изъ Бара знатная команда для преклоненія всѣхъ по Днѣстровской границѣ въ околичности Могилева стоящихъ на форпостахъ Польскихъ хоронгъ къ соединенію, изъ которыхъ иные добровольно, а другіе насильно къ возмутителямъ пристали, оставивъ всѣ пограничныя форпосты безъ карауловъ; сказываютъ, что уже нѣсколько тысячъ въ Барѣ всякой сволочи собрано, а что отъ нихъ далѣе послѣдуетъ, время покажетъ.

Слухъ пронесся, что въ Очаковъ прибыть имѣетъ чрезъ краткое время нѣсколько конницы, называемой спаги, съ немалымъ числомъ работниковъ для исправленія крѣпости. Поляки увѣряютъ, что повсядневно ожидаютъ на присоединеніе къ конфедераціонному войску нѣсколько тысячъ Татаръ, отзываясь, что они для того чрезъ нарочнаго посланника немалую сумму денегъ къ хану Крымскому уже послали, которые деньги ханомъ дѣйствительно взяты, а въ отвѣтъ посланнику сказано, что онъ ту сумму принялъ, яко собственно по старой нѣкакой будто на Польскую Украину претензіи ему принадлежащую, за которую никакого войска имъ дать не намѣренъ, а если они ему еще толикую жъ сумму пришлютъ, то тогда имъ войска дать не отречется.

б) С в а в к а ш л я х т и ч а Р о ж и.

1768 году, апрѣля 8-го дня, вышедшій изъ Польши тамошній шляхтичъ Герасимъ, Матвѣевъ сынъ, Рѣжа въ Кіевской губерн. канц. сказалъ:

Родомъ онъ Брацлавскаго воеводства города Ружина, вѣры греческаго исповѣданія; отецъ его былъ Польскихъ оногъ жъ воеводства войскъ

полковникомъ, а онъ при тѣхъ же войскахъ былъ хоружимъ и сотникомъ; а какъ увидѣлъ, что собирается конфедерація въ г. Барѣ, по разглашенію яко бы стараніемъ гр. Красинскаго, кн. Черторисскаго, гр. Потоцкихъ и старосты Каневскаго, противъ православной вѣры Россійскаго исповѣданія, въ которой конфедераціи и его принуждали, то онъ, не хотя вѣру свою перемѣнить, взялъ намѣреніе прибѣгнуть къ престолу всерос. императрицы, яко защитницѣ всего благочестія, желая вѣчно остаться въ Россійской имперіи; по которой причинѣ, оставивъ домъ, жену и дѣтей, пріѣхалъ сюда въ Кіевъ. Конфедераціоннаго войска по отъѣздѣ его, а именно, по 3 число сего апрѣля, въ собраніи было безъ мала девять тысячъ конницы всякаго сброду съ ружьями и безъ ружей, коимъ по разсмотрѣнію дають по нѣсколько денегъ для прихочиванія, чего ради со всѣхъ сторонъ всякіе бродяги стекаются; и какъ скоро кто въ войскѣ явится, то принужденъ по нѣкоторой особливои формѣ присягу учинить идти и служить по повелѣнію конфедераціи, сколько она продлится; а сверхъ сего разглашаютъ, яко бы Татары и Турки на помощь конфедераціи пришлются, но онъ самъ того не видалъ, чтобъ кто изъ сихъ войскъ къ конфедераціи присовокупился. Всѣ начальники собраннаго въ Барѣ войска хвалятся, что хотятъ напасть на стоящее въ Польшѣ Россійское войско. За провіантъ и фуражъ обывателямъ, которые оной привозятъ изъ околичности, плотють готовыми деньгами безобидно для приласканія къ большему привозу; итакъ люди и лошади въ пропитаніи и корму никакого недостатка не имѣютъ. А между тѣмъ, по Польскому ихъ обычаю, хвастають межъ собою, что конечно Кіевъ будетъ оиать ихъ. Болѣе онъ, Рожа, къ показанію ничего не знаетъ.

в) Ремаркъ на сказкѣ шляхтича Рожи.

Хотя сей шляхтичъ и объявилъ свое намѣреніе такимъ образомъ, однако по обстоятельствамъ при границѣ всякому, особливо же незнакому человѣку, вѣрить нельзя, и для того отведена ему квартира и приказано непримѣтнымъ образомъ за его поступками примѣчать; а въ разсмотрѣніи того, что онъ никакого пропитанія не имѣетъ, приказано отъ меня производить ему кормовыхъ денегъ по десяти копѣекъ на день до полученія высоч. о немъ резолюціи, ибо онъ желаетъ въ пикиерные полки опредѣленъ быть.

5) *О Польскихъ замѣшательствахъ, о посылкѣ въ Крымъ кап. Бастевики, и съ экстрактомъ изъ репортовъ лицъ, отправленныхъ въ Польшу для разспыданія,—отъ 3-го мая за № 13.*

Прежними моими всепод. реляціями В. И. В. раболѣпнѣйше до-

нести не преминулъ, что по причинѣ учинившагося въ Польской украинѣ возмущенія предписано было отъ меня командующему полками Елисаветградской провинціи полковнику Чорбѣ быть во всякой воинской исправности и удобвозможную по границѣ имѣть предосторожность, посылая по способности нарочныхъ для развѣдыванія. А теперь съ глубоч. къ стопамъ В. И. В. поверженіемъ приѣмлю смѣлость сочиненный изъ репортовъ возвратившихся отъ посылки нарочныхъ экстрактъ при семъ на всевысоч. усмотрѣніе В. И. В. всепод. поднести.

Посланный отсюда прямо чрезъ Васильковъ нарочный съ письмомъ къ генераль-маіору и кав. Кречетникову еще не возвратился, но отъ прибывшаго 28 числа прошлаго мѣсяца изъ Бреслава съ товарами приказчика Черниговскаго купца Янки заподлинно свѣдалъ, что по обыкновенному отъ Бреслава тракту Польшею до м. Новаго Константинава, которое уже Польской украинны, онъ въ свободномъ проѣздѣ никакого препятствія не имѣлъ, а въ семъ послѣднемъ мѣстѣ всѣ лошади у него Польскою партією заграблены были, которые по неотступному его прошенію и домогательству приказомъ региментаря Бабинскаго отысканы и ему возвращены. 17-го числа прошлаго мѣсяца прибылъ онъ въ Полонное, мѣсто укрѣпленное, принадлежащее В. И. В. генералу-поручику кн. Любомирскому, разстояніемъ отсюда тридцать миль, гдѣ В. И. В. ген.-маіоръ и кав. Кречетниковъ съ корпусомъ своимъ тогда находился, у которого онъ являсь требовалъ наставленія, что ему для безопасности предпринять; на что ему сказано дня два отдыху взять, а потомъ далѣе отѣхать можетъ. На другой день, т. е. 18 числа, подъ тѣмъ мѣстомъ было между Поляками и частію войска помянутого генерала сраженіе, въ коемъ Польское войско съ немалымъ урономъ прогнано. Итакъ онъ, получа отъ генераль-маіора Кречетникова позволеніе, къ Василькову разными мѣстами, не держась настоящей дороги, слѣдовалъ, куда 27 прошедшаго апрѣля и прибылъ.

Въ разсужденіи продолжающихся такимъ образомъ въ Польской украинѣ замѣшательствъ, кои по смежности границъ немалого заслуживаютъ уваженія, я во всѣ вѣдомству моему всемил. подчиненныя мѣста вновь ордерами найсильнѣйше подтвердилъ недреманную имѣть предосторожность, дабы отъ набѣговъ злонамѣренной Польской

шайби границы В. И. В. какого предосужденія или вреда повести не могли, я гев.-анш. гр. Румянцову о всемъ томъ обстоятельно для вѣдома сообщилъ.

А между тѣмъ, съ какимъ претекстомъ отправленъ отъ меня къ хану Крымскому Максуть-Гирею капитанъ Бастевикъ, В. И. В. изъ поднесенной при семь копій съ письма къ хану ¹⁾ всемил. усмотрѣть изволите. Я не преминулъ посланнаго всемил. мнѣ повелѣннымъ образомъ снабдить и небольшими въ двухъ бѣльихъ мѣхахъ и двухъ фунтахъ зеленого чаю состоящими подарками, которые онъ своимъ именемъ тамошнимъ пріателямъ учинить имѣеть для ващаго къ себѣ приласканія. Такожде отправленъ съ нимъ изъ здѣшнихъ жителей одинъ надежный и проворный грекъ, знающій по турецки, гречески и волоски, котораго кап. Бастевикъ агенту Молдавскаго господаря представить имѣеть съ тѣмъ, что оной по требованію его, агента, сысванъ, и впредь къ нему, яко купецъ, беззасорно являться будетъ для полученія отъ него общаннхъ извѣстій; а чтобъ посылка сего купца примѣчена быть не могла, то приказано ему два или три дни послѣ кап. Бастевика въ Бахчисарай вѣхать и на особливой квартирѣ стать. Обомъ симъ нарочно посланнымъ поручено найприлежнѣйшее стараніе приложить для развѣдыванія всѣхъ тамошнихъ обстоятельствъ; а сверхъ того, по наставшему сроку къ съѣзду на Крымской границѣ комиссаровъ для разбиранія между обоюдными подданными споръ и жалобъ, здѣшней стороны комиссары отъ меня съ достаточнымъ наставленіемъ отправлены.

На послѣди, рабской моей должности признаваю и о семь В. И. В. всепод. довести, что я въ немаломъ сумнѣніи нахожусь, не перехвачены ль иногда слѣдующія изъ Константинополя съ обыкновенными ко двору В. И. В. мѣсячными депешами куріеры, ибо они всегда къ Васильковскому форпосту пріѣзжали въ первыхъ числахъ всякаго мѣсяца, а нынѣ уже другой тому мѣсяцъ какъ сверхъ обыкновеннаго никто изъ Цареграда съ депешами не прибылъ; о чемъ хотя отъ меня и стараніе прилагается чрезъ нарочно въ Польшу отправленныхъ заподлинно развѣдать, но до сихъ поръ ничего о томъ точнаго получить не могъ.

---

¹⁾ Копія этой при реляціи нѣтъ.

Приложеніе: Экстрактъ изъ репортовъ отправлен-ныхъ для развѣдыванія о Польскихъ обстоятельствахъ въ Польскую украину Чернаго гусарскаго полку по-ручлива Раде и другихъ чиновъ.

Въ м. Умани видѣлъ онъ, Раде, четырехъ товарищей Украинской противной партіи, кои прибыли туда будто для занимаія квартиръ и приуто-вления фуража; а главная ихъ комиссія въ томъ состоитъ, чтобъ пре-клонить тамошній гарнизонъ гр. Потоцкаго со всею артиллерією и амуни-цією, равно какъ и находящихся въ службѣ его козаковъ купно съ про-чими подданными на соединеніе съ конфедератнымъ подъ командою мар-шалка Пулавскаго и старосты Варецкаго войскомъ, которое въ Барѣ со-бирается. Тамошній Уманскій губернаторъ Младановичъ предостерегъ его, что онъ съ своимъ пашпортомъ свободно далѣе проѣхать не можетъ, для того что всему войску Украинской партіи повелѣно Россійскихъ поддан-ныхъ, не взирая на пашпорты Россійскихъ генераловъ, вездѣ ловить и командѣ представлять.

Въ Умани онъ самъ видѣлъ, что кузнецы готовятъ пушечныя ядра, картечи и другіе до артиллеріи принадлежащіе снаряды, разглашая яко бы по прибытіи украинской партіи они противиться намѣрены и отнюдь съ оною соединиться не желаютъ; однако онъ видѣлъ тамо нѣсколькихъ Поль-скихъ законниковъ, которые по папскому повелѣнію отъ Польскихъ еписко-повъ присланы для увѣщанія всего въ Уманскомъ повѣтѣ живущаго шляхет-ства на соединеніе съ Украинскою партією, въ чемъ многіе уже секретно и къ присягѣ приведены.—Прибывъ въ с. Егупецъ, заѣхалъ онъ по зна-комости къ знатному тамошнему шляхтичу, подчашему Костѣ Ордынскому, которой ему въ довѣренности объявилъ, что маршалъ конфедераціи гр. Красинскій къ нему ласковое письмо прислалъ, увѣщевая его пристать къ войску партіи Украинской и принять главную команду надъ Побережскими, Бершадскими и Уманскими шляхтичами и козаками; но онъ де, Ордынской, яко благонамѣренной сынъ отечества, хотя отъ того отказался, извиняясь старостию и слабостию здоровья, однако сумнѣвается, чтобъ по его желанію сдѣлалось, а въ противномъ случаѣ принужденъ будетъ противъ воли сво-ей къ нимъ пристать и присягу учинить, присовокупивъ къ тому, что сія конфедерація сдѣлана единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ, собравъ довольно число войска, идти противъ Россійскаго въ Польшѣ находяща-гося корпуса для выгнанія оного яко бы за учиненную въ отечествѣ ихъ обиду взятъемъ четырехъ магнатовъ подъ караулъ, и что де въ великой постѣ подъ Новымъ Константиновымъ партія Польская съ Россійскими ва-Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII, отд. III.

рабицерами и Донскихъ козаковъ полками уже непріательства начала, гдѣ четыре человѣка знатныхъ Польскихъ шляхтичей и до тридцати человѣкъ рядовыхъ побито, а Россійскіе также не безъ урона оттуда ретировались. По чемъ онъ, порутчикъ Раде, его, Ордынскаго, просилъ для свободнаго далѣе проѣзда пашпортъ его надписать, что имъ, Ордынскимъ, и учинено; съ которымъ пашпортomъ онъ, переправясь чрезъ р. Бугъ, прибылъ въ м. Ладыжинъ, котораго губернаторъ, прозваніемъ Кастели, ему объявилъ, что за два дни предъ пріѣздомъ его прислано было немалое число войска Украинской партіи, которое разными угрозами его принудили присягать на соединеніе съ оною и, взявъ нѣсколько человѣкъ изъ его козаковъ вооруженныхъ и, сколько нашли, ружей, пороху и свинцу, уѣхали, а ему приказали съ достальными, въ вѣдомствѣ его состоящими, козаками во всякой быть готовности, куда повелѣно будетъ, слѣдовать. Но въ самое то время, какъ сей разговоръ продолжался, прибыли къ нему помянутой партіи два товарища съ тридцатью человѣками козаковъ, отъ коихъ губернаторъ его, Раде, въ удобномъ мѣстѣ скрылъ; а какъ тѣ товарищи уѣхали, губернаторъ ему сказалъ, что въ первый день Пасхи Поляки напали на стоящихъ въ м. Винницѣ Донскихъ козаковъ, кои ретировались къ м. Яневу, но, не доѣхавъ до оногo, сразились, гдѣ Донцами побито и ранено немалое число гусарь-Поляковъ, козаковъ и линканъ Украинской партіи; между убитыми находится и одинъ липканской полковникъ, а другой, прозваніемъ Муха, съ прочими Поляками плѣненъ.

Слѣдуя къ м. Тульчину, наѣхалъ онъ въ с. Михайловкѣ на партію Польскую, которая его остановивъ спросила, куда ѣдетъ и за чьимъ пашпортomъ, а какъ усмотрѣла надпись вышереченнаго Ордынскаго, его отпустила. Въ Томашполѣ жидъ-арендаръ ему объявилъ, что онъ предъ его туда пріѣздомъ изъ Могилева возвратился, къ которому городу, въ бытность его тамо, маршалъ конфедераціи гр. Красинскій съ нѣсколькими тысячами войска прибылъ, но находящійся въ Могилевѣ съ гарнизономъ и съ артиллеріею гр. Потоцкаго маіоръ Мейсенъ оногo въ городъ впустить не хотѣлъ; однако, увидя, что приказано городъ зажечь, сдался и на соединеніе присягу принесъ. Итакъ, гр. Красинскій, взявъ маіора съ гарнизономъ и съ артиллеріею къ себѣ и отобравъ изъ своего корпуса три тысячи человѣкъ, при Могилевѣ остался, а прочее войско послалъ въ Немировъ, Житомиръ, Летичевъ и Придуку. Послѣ чего будто онъ же, гр. Красинскій, немалое число денегъ къ Татарамъ отправилъ изъ той суммы, которая отъ папы римскаго на вспоможеніе дана, прося Татаръ на соединеніе съ нимъ, гдѣ онъ ихъ и ожидать имѣетъ; что отъ королевскаго таможеннаго управителя всю наличную казну забралъ и что заподлинно весь

Каменца-Подольскаго гарнизонъ и прочее регулярное и нерегулярное Польской республики въ Украинѣ находящееся войско уже къ конфедератамъ пристало и присягу въ вѣрности принесло, чѣмъ число сего войска знатно умножилось, отъ котораго немалую часть въ городъ Полоновъ отправить намѣрены для поиску надъ стоящимъ тамо Россійскимъ войскомъ.

Протчихъ же извѣстія хотя съ сими нѣсколько и согласны, однако съ немалымъ увеличиваніемъ числа войскъ Украинской партіи наполнены въ разсужденіи того, что будто уже вся Польская украинна, исключая только Уманскую губернію, къ конфедераціи приступила и присягою согласно дѣйствовать утвердила, почему многіе изъ Поляковъ заподлинно увѣряютъ, яко бы не въ продолжительное время конфедераты на Новороссійскую губернію нападеніе сдѣлать намѣрены.

б) О дѣйствіяхъ Кречетникова и присылкѣ имъ одного арестанта, покушавшагося на жизнь примаса, и двухъ офицеровъ за деньгами и артиллерійскими припасами,—отъ 8-го мая за № 14.

Вчера получалъ я отъ находящагося въ Польшѣ съ корпусомъ войскъ В. И. В. ген.-маіора и кав. Кречетникова репортъ изъ Жульвы отъ 15-го прошлаго апрѣля, коимъ представляетъ, что по сообщенію къ нему отъ чрезвычайнаго и полномоч. посла кп. Решина взятый въ злодѣйскомъ умыслѣ противъ нынѣшняго примаса и содержанный подъ секретнымъ карауломъ при корпусѣ его арестантъ, которому по подлородію производилась только солдатская порція, отправленъ ко мнѣ для отсылки въ Сибирь на поселеніе или куда повелѣно будетъ, прося при томъ, чтобъ оный казъ въ Кіевѣ содержанъ, такъ и въ Сибирь отвезенъ былъ подъ крѣпкимъ карауломъ, дабы никто, и паче изъ Поляковъ, его увидѣть и въ дорогѣ побѣгу учинить не могъ. Я приказалъ онаго принять и подъ крѣпкимъ карауломъ въ здѣшней крѣпости секретно содержать, производя ему въ ежедневную пищу солдатскую порцію до полученія отъ В. И. В. всевысоч. повелѣнія, куда и съ какимъ письменнымъ видомъ онаго отправлять.

Съ симъ репортомъ и арестантомъ присланы отъ него два подпоручика при достаточномъ до границъ конвоѣ, который отъ границы паки обратно отпущенъ. Одному изъ сихъ субалтернъ-офицеровъ велѣно отсюда ѣхать въ Лубны для принятія и отвозу сорока тысячъ рублей въ Польшу къ корпусу, а другому—для принятія жъ изъ

здѣшняго магазина немалаго числа пороху, свинцу, ядръ, картечь и другихъ артиллерійскихъ припасовъ и для послѣдшаго оныхъ въ корпусъ доставленія. А какъ для препровожденія толь знатныхъ отправленій, т. е. денежной суммы и немалаго количества артиллерійскихъ припасовъ, достаточный конвой надобенъ, то за неимѣніемъ въ здѣшнихъ гарнизонныхъ баталіонахъ, по причинѣ содержанія ими форпостовъ и другихъ раскомандированій, довольнаго числа строевыхъ солдатъ, отъ меня ген.-анш. и кав. гр. Румянцову вчерась чрезъ нарочный штафетъ сообщено приказать изъ стоящаго здѣсь для содержанія караула дивизіи его Бѣлевскаго полку до двухъ сотъ человекъ для препровожденія пороха и прочихъ артиллерійскихъ припасовъ нарядить и для отправленія казны толикое жъ число или по его благо-разсмотрѣнію изъ другаго въ близости къ здѣшнему мѣсту находящагося полку сюда прислать, дабы тѣмъ удобнѣе и безопаснѣе сіи два транспорта до надлежащаго мѣста, а именно до Житомира, разстояніемъ отъ границы 12 миль, препровождены быть могли, ибо по всѣмъ до меня дошедшимъ извѣстіямъ проѣздъ чрезъ Польскую Украину крайне опаснымъ сдѣлался.

Касательно же Польскихъ обстоятельствъ онъ ген.-маіоръ Кречетниковъ упоминаетъ, что въ Польской украинѣ немалыя замѣшательства противъ послѣдняго сейма оказались, и уже дважды возмутителями на козаковъ корпуса его нападенія сдѣланы, однако съ крайнимъ ихъ самихъ урономъ, ибо на мѣстѣ сраженій побиты болѣе 300, а въ половъ взято до 100 человекъ шляхетства и другихъ изъ надворныхъ людей; съ его же стороны при обоихъ сраженіяхъ убитъ только одинъ козакъ и трое ранены; что тѣми днями онъ приказалъ войскамъ команды его атаковать находящіеся въ разныхъ мѣстахъ сборища возмутителей для разогнанія и разрушенія оныхъ, по которой причинѣ и онъ, ген.-маіоръ Кречетниковъ, 18 или 19 числа прош. апрѣля мѣсяца изъ Жулквы выступить имѣлъ для сближенія къ Житомиру, отъ котораго не далѣе 12 миль находится намѣренъ.

Вышепомянутые два подпорутчика объявили, что два курьеры, кои отъ ген.-маіора Кречетникова съ репортами и доношеніями въ военную В. И. В. коллегію отправлены были, между Житомиромъ и здѣшнею границею, неподалеко отъ г. Радомышля, въ коемъ уніатскій митрополитъ Кіевской Володжевичъ пребываніе свое имѣетъ, перехвачены реченнаго митрополита управителемъ Каменскимъ, который

со ста козаками на нихъ напалъ, изъ бывшихъ при нихъ шести человекъ конвойныхъ козаковъ одинъ убитъ, курьеръ одинъ раненъ, три человека козаковъ бѣгомъ спаслись, а два съ курьерами въ ближайшій въ Радомышлю замокъ отвезены, гдѣ подъ крѣпкимъ карауломъ и содержатся.

Изъ Константинополя никого еще съ обыкновенными депешами нѣтъ и подлиннаго о перехваченіи слѣдовавшихъ оттуда рейтаръ извѣстія не получено.

Какая отъ прибывшаго вчера изъ Бреславля съ товарами Полтавскаго купца Марченка приващива о Польскихъ обстоятельствахъ взята сказка, съ оной точной списокъ В. И. В. на всевысоч. усмотрѣніе съ глубоч. благоговѣніемъ при семъ подношу ¹⁾).

7) О вышедшемъ изъ Польской украины атаманъ Сухининъ съ 62 козаками,—отъ 8-го мая за № 15.

Командующій Елисаветградскими полками полковникъ Чорба присланнымъ отъ 3-го сего мая репортомъ доносить, что явился у него того жъ числа вышедшій изъ Польской украины казацкій атаманъ Климъ Сухининъ съ козаками добровольными и вооруженными всего числомъ 62 человекъ и сказкою объявилъ, что они, яко причетники вѣры православнаго Россійскаго исповѣданія, не хотя по нынѣшнимъ въ Польшѣ замѣшательствамъ противъ единовѣрныхъ Россійскихъ войскъ съ Поляками служить, прибѣжище свое взяли къ Россійскому престолу, желая В. И. В. служить и вѣчно въ подданствѣ остаться, какъ изъ сказки, съ которой точной списокъ при семъ всепод. подносится ²⁾), обстоятельно явствуетъ; котораго атамана со всѣми козаками онъ ласково принявъ въ 12-й ротѣ Чернаго гусарскаго полку по квартирамъ расположилъ, а лошадей у нихъ, подъ претекстомъ лучшаго присмотра, въ роту на кормъ отдалъ; тожъ для предосторожности и ружье у нихъ отобралъ, а для пропитанія приказалъ изъ тамошняго магазина имъ провіантъ производить. Я, апробовавъ поступокъ и взятую съ ними выходцами предосторожность, приказалъ ему и впредь при подобныхъ случаяхъ равномѣрнымъ образомъ по-

¹⁾ Списка этого при реляціи нѣтъ.

²⁾ Сказки этой при реляціи нѣтъ.

ступать, а между тѣмъ всепод. должности моей быть разсудилъ В. И. В. всенижайше доложить, если таковыя выходцы умножаться стали бѣ, то повелѣно ль будетъ оныхъ принимать и въ Елисаветградскую провинцію, по ихъ желанію, селить и особливо ль слободою или между другими поселянами вмѣщать, ибо уповательно, что многіе изъ живущихъ въ той околичности православнаго исповѣданія козаки, укрываясь отъ Польскаго замѣшательства, на поселеніе и въ службу В. И. В. выходить стануть.

8) *По репортамъ Кречетникова о семи сраженіяхъ и присылкѣ артиллерійскихъ припасовъ,—отъ 29-ю мая за № 16.*

Послѣ отправленія въ корпусъ ген.-маіора и кав. Кречетникова требованнаго имъ количества артиллерійскихъ припасовъ и денежной казны съ двуротнымъ Бѣлевскаго пѣх. полка и 50 человекъ малороссійскихъ изъ резервныхъ на форпостахъ козаковъ для безопаснаго препровожденія до Житомира деташементомъ, о которыхъ всениж. моею реляціею отъ 8 сего мая В. И. В. всепод. донесено, получилъ я отъ него еще два репорта: одинъ чрезъ посланнаго къ нему отъ меня съ письмомъ о заграничныхъ обстоятельствахъ жида отъ 14 сего мая, а другой чрезъ присланнаго отъ него четвертаго гренадерскаго полку поручика отъ 21-го сего жъ мѣсяца; первымъ изъ Любара увѣдомляетъ меня, что по Польскимъ замѣшательствамъ съ войсками вѣреннаго ему корпуса уже семь сраженій было, на коихъ возмутители съ немалымъ урономъ прогнаны и уже убитыми болѣе двухъ тысячъ Поляковъ счисляется, а въ полонъ до 500 человекъ взято, и что онъ, собравъ весь свой корпусъ, имѣетъ дѣйствовать противъ оныхъ всѣми силами, но какъ они въ поле не выходятъ, а жмутся все въ замкахъ и городахъ, то должно болѣе артиллеріею дѣйствовать; по которой причинѣ требовалъ вновь изготовленія и отправленія къ нему нѣскольбаго количества артиллерійскихъ зарядовъ; а вторымъ изъ подъ Бердичева, увѣдомляя меня о неприбытіи къ нему перваго транспорта съ артиллерійскими припасами и съ денежною казною, вновь требуетъ еще къ нему отправленія потребныхъ къ имѣющейся у него артиллеріи зарядовъ и прочихъ надобныхъ припасовъ, тако жъ одного искуснаго артиллерійскаго офицера и 15 человекъ канонировъ, безъ коихъ онъ возмутителей, кроющихся въ замкахъ и укрѣпленныхъ

мѣстахъ, выжить а разгонять за трудно признаваесть; а для безопаснаго препровожденія сего новаго транспорта до помянутаго Бердичева, разстояніемъ отсюда 180 версть, просилъ меня въ присланномъ съ реченнымъ поручникомъ ему человѣкомъ Донскихъ козаковъ придати сто человѣкъ пѣхоты. Я, признавая сіе его требованіе интересу В. И. В. весьма нужное, сообщилъ находящемуся здѣсь артиллеріи генералу-маіору Ливену, въ которому и отъ ген.-маіора Кречетникова прямо о томъ же требованіе прислано; но хотя оной увѣдомилъ меня, что при здѣшнемъ артиллерійскомъ магазинѣ требуемыхъ по калибру зарядовъ въ готовности нѣтъ, однакожь, какъ скоро возможно, стараніе приложить то число заготовить, кое въ завтрему послѣдетъ и дѣйствительно отправлено быть имѣеть.

А между тѣмъ В. И. В. всепод. доношу, что прибывшій сюда вчера въ подѣ Бердичева Ахтырскаго гусарскаго полку маркитантъ для покупки надобныхъ съѣстныхъ припасовъ сказкою объявилъ, что 24 числа онъ съ первымъ транспортомъ встрѣтился въ 15 верстахъ отъ Бердичева, который того жъ дня дѣйствительно въ корпусу ген.-маіора Кречетникова прибылъ, и что въ Бердичевскомъ каменномъ стѣною, ровомъ и валомъ укрѣпленномъ кляшторѣ до двухъ тысячъ возмутителей находится, кои по отбѣздѣ его оттуда еже сдаться не хотѣли.

Если что вновь отъ реченнаго ген.-маіора Кречетникова примѣчанія достойнаго до меня дойдетъ, то я по раболѣпнѣйшей моей должности о всемъ томъ въ свое время всепод. донести не премину.

9) *О перехваченныхъ Поляками Константинопольскихъ депешахъ,—отъ 29-го мая за № 19.*

Каковы отъ одного въ Польшѣ пріятели на сихъ дняхъ ко мнѣ присланы съ публикованныхъ вновь на Польскомъ языкѣ отъ маршалка Красивскаго и отъ regimentаря Щенявскаго универсаловъ копій, съ оныхъ при семъ на высоч. усмотрѣніе В. И. В. подношу переводы ¹⁾).

А между тѣмъ приѣмлю смѣлость всепод. донести, что я чрезъ нарочно прибывшаго изъ Польши м. Васильковецъ обывателя заподлинно свѣдалъ, яко отправленные изъ Константинополя съ мартов-

¹⁾ Копій этихъ переводовъ при черн. реляціи нѣтъ.

скими депешами рейтарской вахмистръ Гребейкинъ и толмачъ неподалеко м. Погребичъ перехвачены, депешы и посылки у нихъ отняты и они по нѣскольکو-временномъ въ Погребичахъ подъ крѣпкимъ карауломъ содержаніи двѣнадцатый тому день, какъ маршалкомъ Пулавскимъ въ Прилуки отвезены; гдѣ подъ карауломъ содержатся, и потому я не преминулъ о перехваченіи сихъ курьеровъ съ мартовскими депешами пребывающему при Портѣ Оттоман. В. И. В. резиденту тайн. сов. и кав. Обрѣзкову знать дать, чтобъ онъ для непрерывнаго по доношеніямъ его дѣлъ теченія, при первомъ оттуда отпращиваніи дублировать тѣхъ депешъ въ Коллегію В. И. В. Иностран. Дѣлъ послалъ.

10) *О письмѣ епископа Переяславскаго Гервасія съ жалобой жителей м. Жаботина на Поляковъ, — отъ 29-го мая за № 22.*

Епископъ Переяславскій Гервасій присланнымъ ко мнѣ на сихъ дняхъ письмомъ и промеморіею въ Кіев. губерн. канц. изъ его консисторіи съ приложеніемъ при оной Польскаго мѣстечка Жаботина содержащихъ вѣру греческаго исповѣданія обывателей доношенія касательно причиняемыхъ имъ отъ Поляковъ разореній требовалъ о учиненіи тѣмъ по единовѣрью въ ихъ обстояніи защищенія, на которое отъ меня отвѣтствовано, чтобъ онъ адресовался о семъ дѣлѣ по командѣ въ Св. Правител. Синодъ или въ Коллегію В. И. В. Иностран. Дѣлъ, по чему и означенное довошеніе, съ коего при семъ подносится копія, обратно къ нему отправлено.

11) *Объ извѣстіяхъ полк. Чорбы объ обращеніи къ нему за защитой отъ гоненій со стороны Польскаго правительства и доставленіи выходящимъ изъ Польши покровительства, — отъ 7 іюня за № 23.*

Послѣ отпуску всениж. мовхъ реляцій отъ 29-го прошедшаго мѣсяца получено письмо отъ Очаковского пріятеля отъ 25-го апрѣля, съ котораго переводъ при семъ на всевысоч. усмотрѣніе В. И. В. всепод. подношу, а между тѣмъ приѣмлю смѣлость съ глубоч. благоговѣніемъ донести: командующій Елисаветградскими полками полк. Чорба репортомъ представилъ, что явились у него прошлаго мая 28 числа м. Чигирина генеральной писарь Высоцкой, Медвѣдовской полковникъ Квасневскій и Брыловскій староста Кострицкій съ такимъ именно объявленіемъ:

яко подѣ видомъ конфедератной партіи, какъ въ помянутой, такъ и въ прочихъ губерніяхъ Польской украины, изъ обывателей еще и другая разбойническая шайка проявилась, которая гайдамацкимъ образомъ великіе грабительства и смертоубійства благонамѣреннымъ обывателямъ дѣлаетъ по которой причинѣ они принужденными себя видѣли для сохраненія жизни съ фамиліями и со всѣмъ имуществомъ въ границахъ В. И. В. прибѣжище взять, прося до тѣхъ поръ, пока взбунтовавшійся народъ умирится и прежняя въ ихъ сторонѣ тишина восстановлена будетъ, дозволить имъ пробывать въ шанцахъ Желтаго гусарскаго полку. Вслѣдствіе чего отъ меня предписано: прибѣгающихъ въ такомъ намѣреніи подѣ защиту В. И. В. къ форпостамъ Елисаветградской провинціи Польскихъ шляхтичей и обывателей въ разсужденіи сосѣдственной дружбы благопріятно принимать и, гдѣ кто жить пожелаетъ, безпрепятственно позволять, не чиня никому отнюдь никакой обиды или огорченія, а въ какое мѣсто кто именно, когда и въ какомъ числѣ обоего пола людей изъ сихъ выходцовъ прибѣгать будетъ, меня о томъ немедленно репортовать. Стоящимъ же на форпостахъ по лѣвому берегу р. Днѣпра, начавъ отъ Переяславскаго полку, внизъ по реченной рѣкѣ до Новороссійской губерніи штабъ офицерамъ отъ меня предписано, что бѣ въ случаѣ исканія Польскимъ шляхетствомъ или обывателями равномѣрнаго покровительства, имъ въ границы входить безпрепятственно дозволить и о томъ ко мнѣ для вѣдома репортовать, а отъ ген.-анш. и кав. гр. Румянцова резолюціи требовать, гдѣ онымъ жить дозволено будетъ.

12) Объ отправленіи къ ген. Кречетникову полу-картаульнаго единорога, — отъ 7 іюня за № 26.

Въ прибавокъ къ всеняж. моей реляціи № 16 о заготовленіи и отправленіи требуемыхъ ген.-маіоромъ и кав. Кречетниковымъ артиллерійскихъ припасовъ всепод. В. И. В. доношу, что при самомъ того транспорта отсюда выступленіи получилъ я отъ него жѣ чрезъ нарочно присланнаго изъ подѣ Бердичева поручика отъ 25 прошедшаго мая репортъ съ требованіемъ одного полу-картаульнаго единорога съ довольнымъ числомъ бомбъ и зарядовъ, увѣдомляя, что вляшторъ, въ коемъ до двухъ или трехъ тысячъ чловѣвъ подѣ предводительствомъ сына маршалка Пулавскаго возмутителей затворилось, каменную стѣ-

ною такъ укрѣпленъ, что безъ одного орудія, повидимому, ихъ къ сдачѣ принудить нельзя, которое такожде артиллеріи ген.-маіоромъ Ливенымъ при помянутомъ томъ транспортѣ 1-го числа сего отсюда къ нему и отправлено.

13) *Объ усиленіи шакъ въ Уманской и Смѣлянской губерніяхъ,— отъ 11-го іюня за № 28.*

Въ прибавокъ ко всепод. моей реляціи № 23 о проявившейся въ Уманской и Смѣлянской губерніи разбойнической шайкѣ В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доношу, что сія шайка между тѣмъ бѣглецами возмутительной Барской партіи и другими Польскими въ обитателей бродягами столько умножилась, что немалое число шляхетства Польскаго съ фамиліями для спасенія живота подъ покровъ В. И. В. прибѣгать стало, кои по даннымъ отъ меня ордерамъ вездѣ на форпостахъ по сосѣдственной дружбѣ пріятно принимаются и въ границы В. И. В. отпускаются.

Отпращенной въ Крымъ при кап. Бастевикѣ нарочный для опознанія съ агентомъ Молдавскаго господаря въ Бахчисараѣ вчера обратно прибылъ, который всѣ тѣ вѣдомости, о коихъ Очаковской пріятель знать далъ, подтвердилъ, а именно, о прибавленіи въ пограничныхъ крѣпостяхъ Турецкаго войска, о чемъ кап. Бастевикъ репортомъ доносить, съ которого подношу В. И. В. при семъ на высоч. усмотрѣніе копію ¹⁾).

14) *Объ умножившейся въ Польской украинѣ гайдамацкой шайкѣ и объ отправленіи для ея истребленія карабинер. Москов. полка и др. командъ,—отъ 26-го іюня за № 29.*

В. И. В. всепод. доношу, что по самовѣрнѣйшимъ отъ всей пограничности и отъ прибѣгающихъ подъ защиту В. И. В. Польской украинны шляхтичей и другихъ чиновныхъ людей извѣстіямъ, яко разбойническая шайка, о которой В. И. В. отъ 7-го іюня подъ № 23 и отъ 11-го подъ № 28 съ глубоч. благоговѣніемъ доведено, подъ именемъ гайдамаковъ, употребляя разные ложно-вымышленные предъявленія, яко бы по указу въ Польшу противъ конфедератовъ вступали для превроне-

¹⁾ Репорта этого при реляціи не оказалось.

нія Польскихъ мужиковъ въ свою сторону, такъ умножилась, что всѣ города и мѣстечки Смѣлянской, Уманской, Чигринской и Каневской губернии не только оною разграблены, всѣ Поляки, духовные, жиды и Польскіе законники, кои въ тѣхъ мѣстахъ находились, безчеловѣчно измучены, а нѣкоторые и убиты; но продерзость оной и злость до такой уже крайности дошла, что осмѣлилась, развѣзжая по надѣ самою границу, стоящимъ на форпостахъ командамъ грозить о невпущеніи въ границу прибѣгающихъ подѣ защиту В. И. В. Польскихъ шляхтичей и другихъ чиновъ Поляковъ. Но какъ между тѣмъ, получа изъ Бѣлой Церкви отъ тамошняго коменданта подполковника Карбовскаго чрезъ двухъ поручиковъ того гарнизона письмо просительное, съ коего при семъ точной подношу списокъ ¹⁾, о дачѣ малолюдному гарнизону помощи и о взятіи той крѣпости со всѣмъ гарнизономъ отъ набѣговъ сихъ разбойниковъ въ защищеніе В. И. В., то я, имѣя неусыпное попеченіе о спокойствіи всевысочайше вѣрноподданной мнѣ границы и уважая того, чтобъ Бѣлоцерковская крѣпость, яко пограничная и отъ Василькова разстояніемъ съ небольшимъ 30 верстъ отстоящая, помянутыми гайдамаками такъ легко овладѣна быть не могла, по рабской моей должности слѣдующее безъ упущенія времени учинилъ распоряженіе: за неимѣніемъ въ здѣшнемъ мѣстѣ никакихъ другихъ войскъ, ибо всѣ гарнизонные баталіоны на форпостахъ раскомандированы, отправилъ 20 числа сего изъ присланныхъ сюда для содержанія караула ротъ при одномъ капитанѣ всѣхъ чиновъ 62 человекъ на сикурсъ въ Бѣлую Церковь, а на подкрѣпленіе главнаго Васильковскаго форпоста, гдѣ и таможня учреждена, при одномъ поручикѣ всѣхъ чиновъ 55 человекъ; для истребленія жъ и поимки реченныхъ гайдамаковъ командировано отъ меня изъ Елисаветградской провинціи тамошнихъ гусарскихъ полковъ три комплектные эскадрона при одномъ исправномъ штабъ-офицерѣ, которому велѣно, вступя въ Польшу, слѣдовать вышепомянутыми губерніями, пробираясь къ Бѣлой Церкви и въ слѣдованіи наблюдая воинскую дисциплину, обыкновенный порядокъ и предосторожность, удобвозможнѣйшее употребить стараніе къ истребленію гайдамаковъ и усмиренію взволновавшейся подлости Польскихъ мужиковъ, почасту меня о про-

---

¹⁾ Списка этого при черн. реліціи нѣтъ.

исхожденіяхъ репортуя; по сближеніи же къ Бѣлой Церкви о его экспедиціи тамошнему коменданту и посланному отсюда съ штабшталмейстеромъ капитану знать дать и меня немедленно о томъ репортовать.

При чемъ увѣдомясь заподлинно, что главной затѣйщикъ сего безпокойства и начальникъ разбойнической шайки есть Запорожецъ, называющійся Максимъ Желѣзнякъ, нѣсколькими другими Запорожскими козаками подкрѣпленный, не преминулъ пристойнымъ образомъ предписать и кошевому атаману, съ котораго ордера при семъ всепод. подношу копию ¹⁾. А между тѣмъ, о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ сообща г. ген.-анш. гр. Румянцову, я требовалъ для скорѣйшаго искорененія разбойнической шайки и усмиренія сбунтовавшихся Польскихъ мужиковъ благоразсмотрительнаго и съ его стороны сопособствованія, съ коего сообщенія при семъ на всевысоч. усмотрѣніе равномѣрно подношу копию; вслѣдствіе чего оны, г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцовъ, меня увѣдомилъ, что стоящему въ Переяславѣ Московскому карабинерному полку отъ него ордеръ данъ немедленно чрезъ Днѣпръ переправиться въ Каневъ и стараться всю ту околичность даже до Бѣлой Церкви истребленіемъ разбойниковъ очистить.

Но какъ на послѣдокъ до меня и такое дошло извѣстіе, что неподалеко отъ Елисаветградской провинціи, въ Мотренинскомъ лѣсу, гдѣ и небольшой Мотренинскій монастырь Переяславской епархіи находится, первое сборище сіи разбойники имѣли и, собравъ довольноую тамо шайку, свое злодѣйство и разбои начали, оставивъ свое гнѣздо въ томъ лѣсу и монастырѣ, куда все пограбленное отправляютъ, то я не преминулъ ордеръ послать изъ стоящихъ въ Елисаветградской провинціи компанейскихъ полковъ при одномъ исправномъ начальникѣ сто человекъ компанейцовъ немедленно отправить для завятія и истребленія того ихъ гнѣзда; а къ Переяславскому епископу Гервасію письмомъ отозвался съ своей стороны начальнику того монастыря найстрожайше предписать такимъ злодѣямъ отнюдь никакого пристанища не давать и всѣми мѣрами стараться сіе, духовенству немалое предосужденіе паносящее, зло пристойными духовными поученіями и увѣщеваніемъ, какъ найскорѣе, отвратить и истребить.

---

¹⁾ Копіи этой, равно какъ и упоминаемой ниже, при черновой реляціи не имѣлось.

Всемиловѣйшая Государыня! Я уповаю, что сія зловредная разбойническая шайка, видя себя такимъ образомъ войсками В. И. В. окружена и преслѣдуема, принуждена будетъ покориться или разбѣжаться, а Польскіе мужики, отъ оной отставъ, въ прежнее придутъ послушаніе. Итакъ, что по сему произойдетъ, я въ свое время В. И. В. раболѣпнѣйше доносить не упущу.

При самомъ окончаніи сего полученъ репортъ отъ командированнаго въ Бѣлую Церковь капитана при письмѣ тамошняго коменданта, что команда 28 числа сего мѣсяца благополучно туда прибыла и въ крѣпости расположена, съ коего письма и съ присланнаго коменданту отъ начальника разбойнической шайки атамана увѣщанія о сдачѣ крѣпости на высоч. усмотрѣніе съ глубоч. благоговѣніемъ подношу копіи¹⁾.

15) По уведомленіямъ конфиденотовъ объ умноженіи на границахъ Татарскаго войска и бытствѣ нѣкоторыхъ Поляковъ въ Молдавію,—отъ 26-го іюня за № 32.

Пріемлю смѣлость В. И. В. поднести при семъ переводы съ письма пріятели Якуба и съ приложенія къ оному съ моимъ ремаркомъ на всевысоч. В. И. В. усмотрѣніе; а при томъ всепод. доношу, что Могилевскій пріятели отъ 2-го сего іюля письмомъ своимъ, чрезъ Татарскія слободы для безопасности отправленнымъ, то жъ самое подтверждаетъ, съ такимъ только прибавленіемъ, что нѣкоторые изъ знатныхъ Поляковъ, а именно: староста Каневскій, подчашій Новгородскій и другіе съ ними, въ Молдавію ретировались и живутъ въ Ботушанахъ; но на долго-ль имъ дозволено будетъ тамо пробывать, неизвѣстно, ибо слухъ носится, что Молдавскій господарь имъ пристанища дать не хочетъ, паче потому, что прибѣгшіе въ Хотинъ подъ защищеніе тамошняго паши Польскіе конфедераты всѣ оттуда по указу отъ Порты высланы; что въ Бендеры прибылъ на смѣну прежняго паши изъ Анатоліи трехъ-бунчучный папа и что Татары великіе по границѣ Польской чинятъ разлѣзды, спрашивая обывателей, нѣтъ ли въ близости регулярнаго Россійскаго войска или козаковъ, опасаясь впаденія

¹⁾ Копіи этой, равно какъ и упоминаемаго ниже въ рел. за № 32 (№ 15) перевода при черновыхъ релліціяхъ нѣтъ.

въ ихъ слободы и аулы, да и что стоящіе изъ прибывшихъ вновь войскъ по Днѣстру Турецкія команды разглашаютъ, яко бы они для того по границѣ разставлены, чтобъ Польскихъ конфедератовъ въ свои границы не впускать.

16) *О нападеніи гайдамакъ на Голту, — отъ 12-го іюля за № 33.*

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи отъ 26 прошедшаго мѣсяца подъ № 29 приѣмлю смѣлость В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что по полученіи отъ стоящаго у Орловскаво форпоста маіора Вульфа репорта, яко 24 минувшаго іюля разбойнической въ Польшѣ шайки нѣсколько человекъ, подъ именемъ Запорожцевъ, подѣхавъ къ пограничной Татарской слободѣ Голтѣ, поселенной на правомъ берегу р. Буга при устьѣ р. Синюхи, противъ Орловской слободы, требовали отъ тамошняго Татарскаго намѣстника выдачи укrywшихся Польскихъ шляхтичей и жидовъ; но, не получа оныхъ, отважились на ту слободу напасть и не только двухъ Польскихъ шляхтичей и семь человекъ жидовъ, кои въ оной слободѣ скрылись, но и изъ поселенныхъ тамо жидовъ же, не видя никакого супротивленія, трехъ человекъ убить, а потомъ, разграбивъ все оныхъ имѣніе, въ Польшу возвратились; по дошедшимъ же отъ проѣзжихъ купцовъ извѣстіямъ и на м. Балту, въ коемъ пріятель Якубъ находился, яко бы такое жъ нападеніе было, гдѣ разбойническая шайка, какъ слухъ носится, будто съ Татарами сраженіе имѣла,—я, взирая на такое обстоятельство, запотребно разсудилъ тотчасъ къ обрѣтающимся при Крымской границѣ комиссарамъ, Ефремову и Чугуевцу, чрезъ нарочнаго предписать, чтобъ они немедленно Татарскимъ комиссарамъ формальнымъ образомъ о всемъ обстоятельстве сихъ разбойниковъ объявили и, по сосѣдственной дружбѣ отъ такихъ наглостей ихъ предостерегая, сосѣдопріятельски отъ нихъ требовали: если помянутые разбойники, преслѣдуемы будучи отъ Россійскихъ воинскихъ командъ, искать стали бѣ прибѣжища у Татаръ, онымъ того отпюдь не дозволять, а поступать съ ними, какъ съ злодѣями, общій въ пограничности повой нарушающими; а когда Крымскіе комиссары еще къ границѣ не прибыли, то бѣ о всемъ томъ безъ упущенія времени въ благопристойныхъ и учтивыхъ терминахъ по близости сераскерь-султану Шебей-Гирею, яко главному командиру всей той пограничности, чрезъ нарочнаго знать дали.

Я не преминулъ о семъ разбойническомъ отважномъ происшествіи пребывающимъ въ Константинополѣ В. И. В. министрамъ тайн. сов. и кав. Обрѣзкову и канц. сов. Левашову сообщить, дабы они съ своей стороны, по дошедшимъ иногда изъ Крыму не складнымъ о томъ извѣстіямъ, яко же и сочиняемымъ по таковымъ отъ недоброжелателей вреднымъ толкамъ, съ достаточными и вѣроятными доказательствами опровергать въ состояніи были.

Между тѣмъ отъ разбойнической партіи, которая между здѣшнею границею и Бѣло-церквою съ нѣсколькихъ дней шаталася подъ предводительствомъ яко бы Запорожскихъ атамановъ Нивиты Швачки и Андрея Журбы, знатно свѣдавъ о командированіи В. И. В. войскъ для поимки и истребленія ихъ, три человекъ Запорожскихъ козаковъ, изъ коихъ одинъ былъ около года на послушаніи въ Мотренинскомъ монастырѣ, другой ѣхалъ для продажи рыбы, а третій для покушки овецъ, по увѣщанію къ той шайкѣ кристали, съ письмомъ ко мнѣ присланы, увѣдомляя, яко бы они по указу и по повелѣнію кошевого въ Польшу вступили для люстрированія оной отъ Поляковъ и жидовъ; слѣд. они не самовольно поступаютъ, какъ объ нихъ думаютъ. Я, двухъ отъ нихъ оставивъ здѣсь подъ присмотромъ, одного на удачу обратно отпустилъ съ запискою, чтобъ немедленно меня увѣдомили, по какому именно указу и повелѣнію или же наущенію они такіе богупротивные и безчеловѣчныя разбои и убійства производятъ, и чтобъ всеконечно отъ такого звѣрства отстали, инако же всѣ крайней погибели подвергнутся; а посланному, обѣщавъ награжденіе, приказалъ словесно въ шайкѣ разсѣять не слушаться атамановъ, кои, ихъ, яко простыхъ людей, обманывая, совершенную имъ приготавливаютъ гибель, ибо со всѣхъ сторонъ войска В. И. В. командированы для истребленія ихъ, почему бы они, не доведя себя до такой крайности, лучше принесли повинную и покорились. А что по сему произойдетъ, В. И. В. въ свое время донести не оставлю.

17) О поимкѣ 101 человека шайдаковъ и атамановъ ихъ Неживаго и Жельняка,—отъ 12-го іюля за № 34.

В. И. В. всепод. доношу, что изъ полученныхъ отъ правящаго бригадирскую должность надъ полками Елисаветградской провинціи полковника Чорбы рапортовъ явствуетъ, яко по учиненію распоряже-

нія о поимкѣ и истребленіи гайдамацкой въ Польшѣ шайки въ разные времена собою на форпостахъ явились и посланными командами по 8 число сего мѣсяца пойманы сто одинъ человекъ, кои всѣ въ Елисаветградской провинціи подъ карауломъ содержатся. Между оными находится и одинъ атаманъ, прозываемый Семень Неживой, который, яко Польскій подданный, съ особливою немалою шайкою Чигринъ, Медвѣдовку и всю ту околичность разбивалъ и многихъ Поляковъ и жидовъ убивалъ. Съ другой стороны, Каргопольскаго карабинернаго полку отъ полковника Гурьева, который отъ корпуса ген.-майора Кречетникова посланъ для поимки и разогнанія гайдамаковъ, рапортъ полученъ, что онъ, наѣхавъ на таковую разбойническую въ 735 человекъ состоящую шайку, оную атаквалъ и всѣхъ, не упустя ни одного, взялъ, а по отобраніи у нихъ оружья и пушекъ Польскихъ подданныхъ отослалъ по приказу къ Польскому генералу гр. Браницкому, который съ войскомъ около Каменца-Подольскаго расположился, достальныхъ же Запорожцовъ 73 человекъ при конвоѣ, забивъ всѣхъ въ колодки, отправилъ сюда, кои приведены и подъ караулъ отданы, въ которомъ числѣ находится и главный всей разбойнической шайки начальникъ Максимъ Желѣзнякъ, котораго допросъ при семъ на высоч. усмотрѣніе всепод. подношу; но въ разсужденіи того, что они не имѣютъ чѣмъ себя пропитать, отъ меня опредѣлено изъ имѣющейся при губ. канц. на чрезвычайные расходы суммы прозводить каждому на пищу въ день по двѣ копѣйки. А какъ присылка таковыхъ гайдамаковъ сюда и въ Новороссійскую губ. до совершеннаго истребленія уповательно отъ дня въ день прибавляться станеть, то приѣмлю смѣлость съ глубоч. благоговѣніемъ испрашивать себѣ высоч. указа, что повелѣно будетъ съ оными предпринять.

Кошевой же атаманъ на посланный къ нему отъ меня ордеръ репортуеть, что по справкѣ въ Кошѣ Запорожскомъ яко бы заподлинно оказалось, что въ той гайдамацкой шайкѣ настоящаго Запорожскаго козака ни одного нѣтъ, но всѣ де изъ наймитовъ, кои у Запорожцовъ при рыболовляхъ и зимовникахъ работали, безъ вѣдома отлучась, для добычи и корысти къ той шайкѣ приставали я, называясь Запорожцами, многихъ къ себѣ изъ Польскихъ подданныхъ превлоняли. Однако съ его стороны найсильнѣйше стоящимъ по границѣ Запорожскимъ полковникамъ подтверждено стараніе приложить таковыхъ гайдамаковъ, гдѣ бы они ни явились, ловить и подъ карауломъ въ Кошъ для наказанія посылать.

18) *О поимкѣ атамановъ Швачки и Журбы и донесеніяхъ ген.-маіора Подгоричани и полк. Чорбы, —отъ 29-го іюли за № 41.*

В. И. В. изъ прежнихъ моихъ всепод. отъ 12 сего мѣсяца ре-ляцій подъ № 33 и 34 всемил. усмотрѣть изволили, какой успѣхъ отъ войскъ В. И. В. надъ разбойническими въ Польской украинѣ шайками одержанъ; а теперь приѣмлю смѣлость въ прибавокъ тому слѣдующее раболѣпнѣйше донести: командированный по сообщенію моему отъ ген.-анш. гр. Румянцова въ Каневское староство полковн. Протасовъ съ Москов. карабинер. полкомъ и 150 человекъ Малорос. козаковъ для поимки и истребленія свирѣпѣющихъ въ той околичности подъ предводительствомъ двухъ атамановъ Журбы и Швачки разбойниковъ репортомъ отъ 9-го сего мѣсяца увѣдомилъ, что, раздѣля полкъ на два деташамента, съ однимъ атаковалъ онъ атамана Журбу, который въ Польскомъ селѣ Блощинецъ находился, и по нѣсколькомъ отъ одного супротивленія взялъ 64 человекъ; той шайки атаманъ Журба и до 30 человекъ его сообщниковъ побиты въ сраженіи; подполковникъ же Бринкъ, нападъ подъ м. Богуславомъ на атамана Швачку, его со всею шайкою, въ 73 человекъхъ состоящую, безъ сопротивленія взялъ, кои всѣ 137 человекъ сюда присланы съ шестью значками, двумя мѣдными и одною чугунною пушкою, да пятью желѣзными газовницами и съ нѣсколькими пограбленными вещами. Всѣ сіи гайдамаки подъ караулъ посажены, а вещи на сохраненіе отданы, между коими находятся 130 человекъ Польскихъ подданныхъ изъ разныхъ мѣстечекъ, селъ и деревень. Но какъ число сихъ арестятовъ въ здѣшней крѣпости умножилось, то дерзаю у В. И. В. всевысоч. себѣ испрашивать повелѣнія, что съ ними предпринять.

Между тѣмъ отъ ген.-маіора Подгоричани изъ м. Монастырище Ахтыр. гусар. полка съ поручикомъ Чалиновичемъ при репортѣ отъ 9 сего жъ іюля присланы 39 человекъ сказывающихся Запорожцами, кои посланными отъ него разѣздами въ разные времена взяты.

Изъ полученнаго вчера отъ полк. Чорбы репорта явствуетъ, что посланная для истребленія шайки атамана Неживого гусарская, компанейская и пикинерная команда подъ предводительствомъ гусарскаго поручика Вуича, наѣхавъ оную въ лѣсу, по многому увѣщанію въ сдачѣ склонить не могла, но, учиня на оную нападеніе, 38 человекъ

гайдамаковъ побила, а 14 поймала, прочіе жъ, по сказкамъ пойманныхъ, 48 человекъ въ лѣса разбѣжались; при которомъ сраженіи гусарь, пикнеръ и компанейцовъ убито 9, ранено 8 человекъ.

Въ здѣшней пограничности и около Бѣлой Церкви вновь небольшихъ шайки разбойниковъ инататься начали, о поимкѣ коихъ расположившемуся по ордеру ген.-маіора Кречетникова съ Москов. карабинер. полкомъ въ мѣстечкахъ Теплицахъ, Махновкѣ и въ Умани полк. Протасову отъ меня предписано; а г. ген.-анш. гр. Румянцову о всемъ вышеписанномъ сообщено для учиненія съ своей стороны надлежащаго о поимкѣ оныхъ распоряженія.

19) Объ отсылкѣ высоч. грамоты къ кошевому атаману съ кап. Бастевикомъ, — отъ 29-го іюля за № 43.

Высоч. В. И. В. два рескрипта отъ 11-го сего іюля съ двумя приложеніями, съ грамотою В. И. В. къ войску Запорожскому и съ печатными манифестами, чрезъ куріера сержанта князя Сибирскаго съ глубоч. благоговѣніемъ получить удостоился.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. повелѣній, кап. Бастевикъ, яко надежный офицеръ, съ грамотою въ Запорожскую Сѣчь, давъ ему достаточное всемл. повелѣннымъ образомъ наставленіе и особый отъ меня къ кошевому атаману, въ сходство содержанія высоч. грамоты, ордеръ, отправленъ; г. ген.-анш. гр. Румянцову сочиненная на Польскомъ языкѣ форма обязательнаго письма по точному содержанію высоч. рескрипта послана; печатные манифесты въ Бѣлую Церковь къ тамошнему коменданту подполков. Карбовскому для разсѣянія оныхъ въ околичныхъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ, къ полковнику Моск. карабинер. полку., въ Новороссійскую губернію къ полк. Чорбѣ и къ ген.-маіору Кречетникову для такового жъ въ Польской украинѣ находящимися въ разлѣздахъ командами разсѣянія посланы; а какое оныя въ народѣ дѣйствіе возымѣютъ, по полученнымъ виредь вѣрнымъ о томъ извѣстіямъ В. И. В. раболѣпнѣйше донести не оставлю.

Елико жъ принадлежитъ до Польскихъ въ Елисаветградскую провинцію выходцевъ, то я не премину высоч. В. И. В. повелѣніе по раболѣпнѣйшей моеи должности найревнительнѣйше исполнять.

20) *По поводу записки кап. Бастевика о вручені имъ кошевому атаману высоч. грамоты,—отъ ... августа за № 45.*

Посланный въ Запорожскую Сѣчь съ высоч. В. И. В. грамотою кап. Бастевикъ, прибывъ обратно, подалъ мнѣ веденную въ бытность его тамо поденную въ примѣчаніяхъ записку. Я приѣмлю смѣлость сочиненную изъ оной выписку при семъ съ глубоч. поднести благоговѣніемъ ¹⁾, изъ которой В. И. В. всемил. усмотрѣть изволите, съ какими выраженіями по прочтеніи войсковымъ писаремъ высоч. грамоты отъ кошевого атамана предстоящимъ Запорожскимъ козакамъ говорена рѣчь и какіе вопреки отъ нѣкоторыхъ козаковъ были отзвѣты. Но какъ я по слабому моему смыслу признаваю себя не въ состояніи выходящее изъ разнорѣчія обоехъ сторонъ сумнѣніе достаточно и основательно судить, дабы въ оправданіи одного или въ обвиненіи другихъ предъ В. И. В. не погрѣшнить, то предаю все оное глубоч. В. И. В. просвѣщенію и высоч. соизволенію, раболѣпнѣйше присовокупляя, что хотя кошевой атаманъ репортомъ мнѣ и представилъ, яко посланные въ силу моего ордера въ разѣзды Запорожскіе полковники съ командами возвратясь объявили, что нигдѣ въ Сѣчи и по пограничности шатающихся козаковъ, ниже собирающихся бродягъ, не наѣзжали, однако въ разсужденіи того, что приведенные на сихъ дняхъ сюда подъ карауломъ изъ пойманныхъ въ Польшѣ семидесяти человекъ разбойниковъ допросами показали, яко они, 29-го минувшаго іюня въ Запорожской Сѣчи зимовникахъ собравшись и на разныя раздѣлясь шайки, въ Польшу для грабежа пошли,—отъ меня вновь ему найсилнѣйшимъ образомъ предписано, удобвозможное стараніе употребить къ всеконечному пресѣченію выхода козаковъ изъ Запорожской Сѣчи въ Польшу для отвращенія наносимаго тѣмъ всему войску Запорожскому безславія и нареканія.

21) *О присланныхъ ген.-маіоромъ Кречетниковымъ въ Кіевъ арестантахъ,—отъ 22-го августа за № 48.*

Отъ обрѣтающагося въ Польской украинѣ съ корпусомъ В. И. В. войскъ ген. маіора Кречетникова при репортѣ сего мѣсяца 12 числа

¹⁾ Выписки этой при черновой реляціи не было.

87 человекъ арестантовъ, между коими одинъ конфедератскій ротмистръ, прозваніемъ Поморскій, и другой уніятскаго митрополита Володкевича комиссаръ шляхтичъ Каминскій были; но какъ сей послѣдній, не доведя еще сюда въ Польшѣ, въ ночи противъ 8 числа сего мѣсяца купно съ дезертиромъ Куринскаго полку солдатомъ Ивановъ Марковымъ бѣжалъ, а о ротмистрѣ Поморскомъ, которой по письму чрезвыч. и полномоч. посла кн. Репнина къ нему, ген.-маіору Кречетникову, назначенъ для пересылки въ Сибирь, съ такимъ при томъ увѣдомленіемъ, чтобъ его здѣсь подѣ крѣпч. содержать карауломъ до полученія отъ В. И. В. на отправленіе онаго въ Сибирь высоч. повелѣнія; то я приѣмлю смѣлость всепод. доносить, что помянутый Поморскій здѣсь подѣ крѣпкимъ содержаться имѣеть карауломъ до полученія отъ отсылкѣ его въ Сибирь высоч. указа, а о сыскѣ Каминскаго хотя по уходѣ его для поимки партіи и разосланы были, однако онаго сыскать на могли; елико же до дезертировъ и разбойниковъ принадлежитъ, то надѣ первыми обыкновенной по воинскимъ обрядамъ, а надѣ послѣдними по законамъ и высоч. указу судъ производился, и каждый по мѣрѣ преступленія наказанъ и въ ссылку сосланъ быть имѣеть.

22) О производствѣ суда надѣ попавшимися отъ гайдамацкой партіи Запорожцами, — отъ 22-го августа за № 49.

Высоч. В. И. В. рескриптъ за собственноручнымъ подписаніемъ отъ 24 минувшаго іюля я 5-го числа сего мѣсяца съ глубоч. подобострастіемъ получить удостоился, на который симъ раболѣпнѣйше доношу, что во всепод. исполненіе высоч. повелѣнія тотчасъ надѣ всѣми сюда изъ Польши присланными Запорожскими козаками предписаннымъ въ указѣ В. И. В. Коллегіи Иностран. Дѣлъ образомъ въ здѣшней губ. канц. судъ производить начали, который съ крайне возможнѣйшимъ прилежаніемъ и поспѣшеніемъ продолжается, но за немалымъ оныхъ числомъ еще не оконченъ, а по окончаніи на сихъ дняхъ и формальный приговоръ на основаніи законовъ постановленъ быть имѣеть. Но какъ и въ крѣпости св. Елисаветы нѣсколько человекъ такихъ же Запорожцевъ подѣ карауломъ содержится, то отъ меня чрезъ нарочнаго бригадиру Черткову найсилнѣйше предписано и надѣ оными по силѣ указа судъ производить и формальный постановить приговоръ,

приготовя ихъ къ подлежащему наказанію. И такъ иного мнѣ не остается, какъ по окончаніи суда и всепод. исполненіи всевысоч. В. И. В. повелѣнія обстоятельное о производствѣ и объ отправленіи для наказанія учинить доношеніе.

23) Объ окончаніи суда надъ Запорожцами, — отъ 3-го сентября за № 54.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи (№ 49) приѣмлю смѣлость В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ донести, что судъ надъ содержащимися здѣсь злодѣями по высоч. повелѣнію уже оконченъ и приговоръ постановляется, а между тѣмъ для скорѣйшаго доставленія первой партіи къ назначенному въ Орловской слободѣ мѣсту, противъ Татарской слободы Голты, въ разсужденіи дальняго разстоянія, отъ меня ген.-анш. гр. Румянцову сообщено по тракту до Кременчуга подводы заготовить приказать; по отправленіи жъ оныхъ В. И. В. обстоятельно о всемъ производствѣ и рѣшеніи раболѣпнѣйше донести не укусю.

24) Объ отправленіи пойманныхъ ийдамакъ въ Польшу къ гр. Браницкому и присылкѣ Едичкульскими татарами своихъ комиссаровъ въ пограничн. комиссію, — отъ 25-го сентября за № 56.

Во всепод. исполненіе В. И. В. всевысоч. повелѣній, данныхъ мнѣ двумя рескриптами отъ 30-го минувшаго августа, приѣмлю смѣлость В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что содержащіеся здѣсь подъ карауломъ, войсками В. И. В. пойманные въ Польшѣ въ разбойничествѣ, Польскіе подданные, всего 130 человѣкъ; при пристойномъ конвоѣ къ ближнему отъ границъ стоящаго въ Польшѣ корпуса командиру ген.-маіору князю Прозоровскому отправлены съ такимъ именно предписаніемъ, что какъ таковые слѣдуютъ преданы быть собственному ихъ отечества суду, то бъ онъ ихъ отъ себя немедленно къ Польскому генералу-региментарю гр. Браницкому отослалъ для должнаго имъ по законамъ республики наказанія; въ равной силѣ отъ меня ген.-маіору и кав. Исакову съ содержащимися въ Елисаветградской провинціи подобными Польскими подданными, коихъ по рапортамъ 45 человѣкъ, поступить подтверждено; а находящимся въ Польшѣ для истребленія разбойнической шайки воинскимъ Елисаветград-

ской провинціи командамъ, тожь и Москов. карабинер. полка полковнику Прогасову ордерами предписано, случающихся впредь между пойманными разбойниками Польскихъ подданныхъ, не отправляя сюда, прямо отъ себя съ пристойнымъ конвоемъ отсылать къ реченному гр. Браницкому.

Елико же принадлежить до Едичкульскихъ татаръ, кои по негодованію на своего прежняго султана, признавали погранич. комиссію для нихъ излишнюю и необычайную и не хотѣли на оную съ своей стороны по ханскому повелѣнію депутатовъ, жалобщиковъ и виновныхъ высылать, также и ничего возвращать по жалобамъ Запорожцевъ, желая лучше для избѣжанія такихъ новостей и хлопотъ по прежнему на Кубань переведены быть, то я о всемъ томъ тогда жъ пребывающему въ Константинополѣ В. И. В. министру тайн. сов. и кав. Обрѣзкову обстоятельно знать далъ. Но какъ послѣ того для успокоенія помянутыхъ Едичкульцовъ новый султанъ по ихъ выбору изъ трехъ представленныхъ отъ нихъ кандидатовъ султанъ Сагибъ сераскеромъ къ нимъ присланъ, то отъ сей орды не только комиссары, но и депутаты, жалобщики и виновные въ комиссію присланы, которая, какъ въ слѣдующей моей всепод. реляціи подъ № 57 обстоятельно всенижайше донесено, съ изряднымъ успѣхомъ и окончена.

Кошевому атаману при отправленіи ордера о командированіи при старшинахъ въ разныя мѣста партій и разъѣздовъ для сыску ушедшихъ куренныхъ козаковъ въ гайдамацкія шайки и пресѣченія ихъ выхода въ Польшу, равно какъ и для поимки оттуда возвращающихся гайдамаковъ найточнѣйше предписано крайне того наблюдать, чтобъ въ Татарскія границы не входить; если же паче чаянія случится могло бѣ, что на отверстой степи Татарскія партіи, увидя Запорожскихъ, подослали бѣ спросить, въ какомъ намѣреніи разъѣзды ихъ чинятся, то съ подобающею вѣжливостію объявили бѣ оному точную причину ихъ командировки; а хотя бѣ имъ иногда отъ необузданныхъ Татаръ и поводъ поданъ былъ къ каковой либо ссорѣ, то всячески стараться отъ оной уклониться и отнюдь ничѣмъ Татаръ раздражать не осмѣливаться; о чемъ и послѣ того отъ время до времени по причинѣ гайдамаковъ отправленными отъ меня ордерами кошевому атаману найсилнѣйшіе чинены подтвержденія.

25) *Объ отправленіи осужденныхъ айдамакъ къ Орловскому форпосту и объ уведомленіи о томъ хана Крымскаго и воеводы Балтскаго, — отъ 25-го сентября за № 59.*

Въ дополненіе къ прежнимъ моимъ всепод. реляціямъ подъ №№ 49 и 54 В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ раболѣпнѣйше доношу, что въ силу высоч. повелѣнія надъ содержанными здѣсь злодѣями по окончаніи суда и подписаніи приговора всѣ осужденные по мѣрѣ ихъ вины разбойники на четыре части раздѣлены, изъ коихъ 70 при самозванцѣ Желѣзнякѣ въ Орловскую слободу съ пристойнымъ конвоемъ на подводахъ 12-го числа сего для скорѣйшаго туда доставленія отправлены; о чемъ отъ меня къ хану Крымскому чрезъ кап. Бастевика въ сосѣдопріятельскихъ терминахъ для вѣдома писано, какъ В. И. В. изъ подносимой при семъ копіи того письма всемил. усмотрѣть изволите.

Съ симъ капитаномъ отправлено отъ меня и къ Балтянскому воеводѣ письмо, коимъ оный приглашенъ съ Голтыанскимъ каймаканомъ и съ другими по его произволу тамошними обывателями быть тому позорищу очевиднымъ свидѣтелемъ, согласясь о днѣ эзекуціи съ стоящимъ у Орловскаго форпоста маіоромъ Вульфомъ, которому отъ меня о томъ также предписано.

При семъ отправленіи кап. Бастевикъ приказано для способнѣйшаго развѣданія о Турецкихъ обращеніяхъ и примѣчанія воинскихъ приуготовленій отъ Балты по недалекому разстоянію ѣхать въ Очаковъ къ тамошнему трехъ-бунчучному пашѣ подъ видомъ доставленія оному служащаго ему претекстомъ къ сей поѣздѣ моего письма, съ коего при семъ на высоч. усмотрѣніе подносится точной списокъ ¹⁾; а изъ Очакова велѣно ему прямымъ путемъ слѣдовать чрезъ Кинбурнъ въ Бахчисарай, которымъ объѣздомъ онъ о всѣхъ въ той сторонѣ Турецкихъ обращеніяхъ свободно развѣдать можетъ. Я придалъ ему отсюда и одного надежнаго человѣка, котораго онъ съ отвѣтомъ пашинскимъ изъ Очакова ко мнѣ немедленно отправить имѣетъ для скорѣйшаго увѣдомленія о всемъ томъ, что имъ въ пути развѣдано и примѣчено.

¹⁾ Списка этого, какъ и упомянутой выше копіи письма къ хану, при черновой реляціи нѣтъ.

Что принадлежит до прочихъ трехъ разбойническихъ партій, то и оныя къ назначеннымъ мѣстамъ для наказанія уже отправлены, о чемъ обстоятельно съ приложеніемъ копіи приговора въ Коллегію В. И. В. Иностран. Дѣлъ отъ сего числа рапортовано.

26) *О присланныхъ въ Кіевъ конфедератахъ, — отъ 25-го сентября за № 62.*

В. И. В. приему смѣлость всепод. донести, что 18-го числа сего мѣсяца Бѣлевскаго пѣхотнаго полку съ капитаномъ Тюнинымъ приславы сюда изъ Польши подъ конвоемъ 90 человекъ Польскихъ конфедератовъ, въ которомъ числѣ 78 человекъ шляхтичей, а остальные 12 простые козаки и жолнеры, такожъ 16 разбойниковъ изъ Запорожцовъ, одинъ секретной арестантъ попъ Марекъ и 20 человекъ дезертировъ, всего 137 человекъ, изъ коихъ по письму пребывающаго въ Варшавѣ В. И. В. полномоч. посла и кав. кн. Репнина къ ген.-маіору Кречетникову рекомендовано Польскихъ шляхтичей содержать здѣсь подъ карауломъ до высоч. В. И. В. повелѣнія, довольствуя пищею прилично ихъ званію, козаковъ и жолнеровъ содержать на солдатской порціи, а попа Марека такъ секретно, чтобъ никто его не видалъ до полученія отъ В. И. В. о немъ высоч. указа. Всѣ сіи арестанты здѣсь подъ надлежащее смотрѣніе приняты и содержаны быть имѣютъ по вышепомянутому отъ полномоч. посла кн. Репнина ген.-маіору Кречетникову предписанію. Но какъ между шляхтичами два чиновные Ларшъ (?) Ждановскій и Фердинандъ Волицекій объявили, что они хотятъ содержать себя на собственномъ своемъ иждивеніи, то достальныхъ 76 человекамъ опредѣлено отъ меня въ день на пищу производить имъ по пропорціи денежную дачу, жолнерамъ же и козакамъ по двѣ копѣйки, а попу Мареку такъ какъ и содержащемуся здѣсь безъизвѣстному арестанту, о коемъ реляцію моею № 14 всепод. донесено, на день по три копѣйки; Запорожцовъ же велѣно по высоч. указу какъ и прочихъ судить, а надъ дезертирами обыкновенной держать кригерехтъ.

Приложеніе: При этой реляціи отъ того же 25-го сентября находится слѣдующе письмо въ собственныя Е. И. В. руки:

В. И. В.! Съ глубоч. благоговѣніемъ доношу, что по отправленіи

всѣхъ разбойниковъ въ назначеннымъ мѣстамъ для наказанія, въ исполненіе всевысоч. В. И. В. за собственноручнымъ подписаніемъ указа отъ 2-го прошедшаго іюня, на сей недѣль отправиться имѣю въ Новороссійскую губ. для осмотра противъ прошлагодняго другой половины губерніи даже до Бахмута. А какъ по нынѣшнимъ Татарскимъ обстоятельствамъ быть мнѣ въ близости границъ кажется небезполезно, то я для всякихъ случиться могущихъ секретныхъ переписокъ и прочихъ по тому произведеній канц. сов. Веселицкаго съ собою взялъ. И что отъ время до времени о тамошнихъ пограничныхъ обстоятельствахъ до моего свѣдѣнія доходить будетъ, В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доносить не укосню.

27) Объ отправленныхъ поручикомъ Кологривовымъ изъ Польши въ его экипажъ шляхтянокъ и еврейкъ, выданныхъ замужъ за крѣпостныхъ людей,—отъ 4-го октября за № 64, изъ Кременчуга.

Г. ген.-маіоръ и кав. Исаковъ рапортомъ ко мнѣ представилъ, что при отправленномъ изъ Польши чрезъ Елисаветградскую провинцію Твер. карабинер. полку поручика Кологривова экипажъ находятся одна Польская шляхтянка тринадцати и крещеная жидовка четырнадцати лѣтъ, четыре мальчика и двѣ дѣвочки, изъ коихъ шляхтянка и крещеная жидовка имъ, Кологривовымъ, насильно за крѣпостными его людьми въ замужество отданы и съ прочими въ деревню его отосланы; но шляхтянка двумя изъ проживающихъ подъ высоч. В. И. В. защищеніемъ въ Елисаветградской провинціи Польскими шляхтичами узнана, кои поданнымъ прошеніемъ, объявляя оную ближнею ихъ свойственницею, требовали выдачи ея на ихъ попеченіе; а какъ возвращеніе сей шляхтянки въ разсужденіи замужества съ такими сопряжено затрудненіями, кои мною рѣшены быть не могутъ, то я по работнѣйшей моей должности приѣмлю смѣлость, В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ всепод. о томъ донеся, высоч. себѣ попросить указа, что повелѣно будетъ съ оною шляхтянкою и съ прочими при экипажѣ поручика Кологривова находящимися, въ Польшѣ взятыми мальчиками и дѣвочками предпринять, ибо до полученія В. И. В. вычоч. повелѣнія оной экипажъ съ людьми въ крѣпости св. Елисаветы задержанъ.

28) О доставленіи въ Кіевъ 752 плынныхъ конфедератовъ,—отъ 3-го ноября за № 67, изъ Кременчуга.

В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доношу, что полковникомъ Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII, отд. III.

Панинымъ, который по ордерамъ гг. ген.-маіоровъ гр. Апраксина и кн. Прозоровскаго съ Нижегород. карабинер. полкомъ для препровожденія плѣнныхъ конфедератовъ и гайдамаковъ изъ Польши командированъ былъ, 19-го числа прошлаго октября мѣсяца приведено въ Кіевъ 752 человекъ, между коими графъ Потоцкій маршалокъ Сандомирскій, стольникъ Чернецкій маршалокъ Краковскій, подчашій Ордынскій предводитель Барскій и графъ Шембекъ канцлеръ Краковскій, знатныхъ шляхтичей 8, разнаго шляхетства 185, маіоръ одинъ, оберъ-офицеровъ 18, рядовыхъ 425, гайдамаковъ 180 и 11 человекъ дезертировъ, кои въ Кіевѣ плацъ-маіоромъ приняты, въ Печерской и Старокіевской крѣпостяхъ въ содержанію подъ карауломъ распределены; первымъ четыремъ отведенъ въ Печерской крѣпости домъ, другіе помѣщены въ казармахъ, а больные въ лазаретахъ; но какъ отъ пребывающаго въ Варшавѣ В. И. В. посла кн. Репнина и отъ упомянутыхъ генераловъ-маіоровъ, по сколько на продовольствіе шляхтичей и офицеровъ каждому въ день денегъ производить, мнѣ знать не дано, то отъ меня Кіевск. губ. канцеляріи предложено шляхтичамъ, кромѣ четырехъ первыхъ, кои безъ сомнѣнія своимъ издивеніемъ продовольствоваться будутъ, на каждаго въ день по 5, а рядовымъ по 2 копѣйки производить до полученія отъ В. И. В. высоч. о томъ повелѣнія, а если между оными арестантами такіе найдутся, кои въ разсужденіи зимняго времени нужду въ одеждѣ и обуви имѣть будутъ, таковыхъ оною снабдить. Надъ гайдамаками формальный судъ по высоч. В. И. В. указу производить, а надъ дезертирами крѣпостехъ держать.

Изъ полученнаго жъ вчера отъ г. ген.-маіора кав. и Кіев. оберъ-коменданта Ельчанинова репорта явствуетъ, что присланныхъ изъ Польши арестантовъ всѣхъ содержится въ Печерской и Старокіев. крѣпостяхъ 908 человекъ и что изъ приведенныхъ Нижегородскимъ полкомъ Польскихъ рядовыхъ больныхъ 36 человекъ померло.

29) О прибытіи изъ Константинополя прапорщика Шеферова съ важными извѣстіями, — отъ 3 ноября за № 68, изъ Кременчуа.

Третьяго дня возвратившійся изъ Константинополя прапорщикъ Шеферовъ подалъ мнѣ отъ пребывающаго въ Варшавѣ В. И. В. полномочнаго посла и кав. кн. Репнина письмо, съ котораго при семъ точной списокъ, куди съ сказкою его, Шеферова, на высоч.

усмотрѣніе В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ подносится ¹⁾. А какъ ген.-маіоръ кн. Прозоровскій меня чрезъ него жъ, Шеферова, увѣдомилъ, что, по ордеру помянутаго посла кн. Репнина, долженъ меня обстоятельно о всѣхъ Турецкихъ предпріятіяхъ и обращеніяхъ увѣдомить, однако, не хотя задержать курьера Шеферова, обѣщалъ на другой день нарочнаго съ тѣмъ ко мнѣ отправить, то я, усмотря важность объявленную прапорщикомъ Шеферовымъ, тотчасъ чрезъ нарочнаго г. ген.-анш. гр. Румянцову оную сообщилъ, прося о принятыхъ по тому съ подчиненными ему войсками мѣрахъ для цѣлости границъ меня немедленно увѣдомить, дабы и я сходно съ тѣмъ и свои распоряженія по количеству подчиненныхъ мнѣ войскъ въ Новороссійской губерніи учинить въ состояніи былъ. А при томъ свѣдавъ отъ реченнаго прапорщ. Шеферова, что изъ Варшавы отъ упомянутаго г. посла кн. Репнина В. И. В. о взятіи тайн. сов. Обрѣзкова въ Единуль и о объявленіи отъ Порты противъ Россійской Имперіи войны чрезъ нарочнаго уже донесено, рабскимъ моимъ доношеніемъ о томъ до полученія отъ кн. Прозоровскаго обѣщаннаго увѣдомленія смѣлость принялъ поудержаться, а теперь, получа оное, дерзаю В. И. В. точные списки съ его рапорта и приложений на высоч. усмотрѣніе при семъ рабол. подносить и прапорщ. Шеферова, придавъ ему рейтара Оедорова, съ сими важными доношеніями для того отправить, что онъ, яко самовидецъ всему въ Цареградѣ происшествію, словесно обо всемъ донести можетъ. А между тѣмъ главнѣйшее мое упражненіе и попеченіе по раболѣпнѣйшей должности состоятъ имѣеть въ томъ, каковымъ бы лучше образомъ подчиненное мнѣ войско, сносясь съ г. ген.-анш. гр. Румянцовымъ, яко главнымъ командиромъ всей Украинской дивизіи, кордономъ распредѣлить для цѣлости границъ и достаточнаго отпора случиться могущимъ набѣгамъ, о чемъ впредь В. И. В. съ глубоч. поверженіемъ довести не укосню.

*30) О томъ, какъ поступлено съ экипажемъ поручика Кологривова, —
отъ 17-ю ноября за № 71.*

Во всепод. исполненіе высоч. В. И. В. рескрипта отъ 27 прош. октября, полученнаго мною въ 9 день сего мѣсяца, отъ меня ген.-м.

¹⁾ Слѣдствіа этого, какъ и упоминаемыхъ ниже коній, при черновой реляціи не было.

Исакову предписано: шляхтянку отдать родственникамъ ея; Польскихъ подданныхъ, при Кологривова экипажѣ находящихся, отослать къ ген.-маіору кн. Прозоровскому для поступленія съ ними по посылаемому изъ военной В. И. В. коллегіи указу; экипажъ же его, Кологривова, по осмотрѣ, не найдется ли въ немъ чего чрезвычайнаго или подозрительнаго, въ которомъ случаѣ найденное оставя подъ охраненіе, въ деревню отпустить и о томъ обстоятельно меня репортовать для всепод. В. И. В. донесенія.

31) О требованіи отъ гр. Румянцова нѣкотораго числа войска для г. Кіева и о друиыхъ мѣрахъ для защиты границъ, — отъ 17-го ноября за № 75.

В. И. В. всепод. доношу, что по учиненіи возможнаго на случай частаго въ Елисаветградской провинціи Татарскаго нападенія изображеннаго предыдущю рабскою моею реляціею распоряженія, не взирая на слабость мою здоровья, кое по выдержанной въ Кременчугѣ жестокой горячкѣ еще не совсѣмъ восстановлено, по раболѣпнѣйшей моей должности спѣшилъ сюда пріѣхать для учиненія и въ здѣшнихъ крѣпостяхъ удобвозможнаго распоряженія. Но какъ въ разсужденіи немалыхъ здѣшнихъ двухъ крѣпостей у мѣна не болѣе войска находится присланныхъ для держанія обыкновеннаго караула изъ полковъ Украинской дивизіи десяти ротъ мушктерскихъ, кои на содержаніе всѣхъ нужныхъ по одной Печерской крѣпости постовъ и стереженія приведенныхъ сюда изъ Польши нѣсколько сотъ плѣнныхъ конфедератовъ едва достаточны, а въ первомъ канонирскомъ полку за раскомандированными ротами съ небольшимъ четыреста человекъ состоятъ, кои также обыкновенный въ полку и въ верхней Кіевской крѣпости содержатъ караулы, ибо здѣшніе гарнизонные баталіоны по отдаленнымъ отсюда крѣпостямъ здѣшняго вѣдомства и по форпостамъ раскомандированы, отъ коихъ не болѣе здѣсь въ остаткѣ какъ 300 человекъ, то я не преминулъ о всемъ томъ ген.-анш. гр. Румянцову сообщить съ испрошеніемъ присылки, по его разсмотрѣнію, изъ расположенныхъ по ту сторону Днѣпра ближнихъ полковъ его дивизіи на первой случай хотя только одного пѣхотнаго, а для ближнихъ разъѣздовъ одного коннаго полку; въ разсужденіи же здѣшней отъ Днѣпра по Польской границѣ и до Кіева немалой

околичности, въ которой, вѣлючая нижній городъ Кіевъ и Печерскій фортстатъ, весьма многочисленный обоого пола народъ обитаетъ, который ничѣмъ инымъ не прикрытъ, какъ одними весьма малолюдными форпостными командами, я мое слабое мнѣніе г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцову сообщилъ, что не худо было бы, съ форпостовъ снявъ, гарнизонныхъ солдатъ отпустить въ баталіоны, а форпосты знатнымъ числомъ добровольныхъ и вооруженныхъ малорусскихъ козаковъ умножить и оныхъ такъ расположить, чтобъ на тѣхъ форпостахъ, гдѣ пропуски бывають, не менѣ ста, въ Васильковѣ, яко главномъ постѣ, не менѣ трехсотъ, а на прочихъ не менѣ 50 человекъ было, приказавъ всѣмъ по вѣрнѣйшемъ свѣданіи о сближеніи на какой-либо форпостъ непріятеля, по увѣдомленіи о томъ чрезъ нарочныхъ главную команду, къ тому форпосту немедленно собраться и непріятелю возможной отпоръ чинить, въ случаѣ же превосходной силы ретироваться въ добромъ порядкѣ подъ здѣшнія пушки, ибо конница удобнѣ пѣхоты отступать можетъ. Всѣхъ поселянъ предостеречь, чтобъ они, при первомъ извѣстіи о сближеніи непріятеля къ границѣ, женъ, дѣтей и лучшіе пожитки за р. Днѣпръ переправили въ ближніе укрѣпленные мѣста. Для пѣхотныхъ полковъ, по прежнимъ воинскимъ съ Турками обрядамъ, рогатки полкамъ заготовить въ Малой Россіи обывателями; всѣ мѣстечки, кои укрѣплены были, починять, ибо оны во время непріятельскихъ набѣговъ народу убѣжищемъ служить могутъ. Но какъ все сіе зависить отъ повелѣній и распоряженій г. ген.-анш. гр. Румянцова, то отъ меня оное предано благоразсмотрительному его разсужденію; а между тѣмъ, сколько принадлежитъ до распоряженій по здѣшнимъ двумъ крѣпостямъ, я неутомленное имѣю попеченіе все по крайней возможности въ надлежащее оборонительное привесть состояніе.

32) Объ отправленіи конфедератовъ изъ Кіева,—отъ 17-го ноября за № 76.

В. И. В. всепод. доношу, что по насланнымъ отъ находящагося въ Польшѣ съ войсками В. И. В. ген.-поруч. и кав. Салтыкова и отъ пребывающаго въ Варшавѣ полномоч. посла кн. Репнина къ бывшему въ препровожденіи плѣнныхъ конфедератовъ до Кіева съ карабинер. полкомъ полковнику Панину отъ разныхъ чиселъ ордеромъ изъ со-

державшихся здѣсь подъ карауломъ конфедератовъ отпущено на волю, по взятіи съ нихъ рецессовъ и реверсовъ, 52 человекъ по приложенному при семъ списку. Но какъ содержаніе достальныхъ и въ нынѣшнее время здѣсь не только въ тягость, но и опасно, то не соизволено ль будетъ ихъ отсюда отдалить во внутреннія мѣста, на что испрашиваю себѣ высоч. указа.

33) Съ напоминаніемъ о необходимости отправить плѣнныхъ конфедератовъ изъ Кіева во внутръ Имперіи, — отъ 1-го декабря за № 82.

Вслѣдствіе всепод. моей отъ 17-го ноября реляціи державу В. И. В. раболѣпнѣйше напомянуть, что содержаніе въ Кіевѣ подъ карауломъ присланныхъ изъ Польши конфедератовъ въ нынѣшнее время здѣсь не только въ тягость, но и опасно, которыхъ не соизволено ль будетъ отсюда во внутреннія мѣста отдалить, испрашиваю себѣ высоч. указа. Съ оныхъ же конфедератовъ, послѣ всениж. отъ меня о умершихъ 36 человекъхъ донесенія, по 27 число сего декабря умерло жъ 78 человекъ.

34) Объ отправкѣ плѣнныхъ конфедератовъ изъ Кіева въ Казань, — отъ 21-го декабря за № 84.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. имен. за собственноручнымъ подписаніемъ указа отъ 22 минувшаго ноября, коимъ всемл. мнѣ повелѣвается содержащихся здѣсь въ Кіевѣ изъ Польскихъ конфедератовъ плѣнныхъ въ Казань для такого жъ содержанія съ достаточнымъ конвоемъ отправить, державу В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что какъ дача конвоя и заготовленіе потребнаго числа подводъ въ Малой Россіи по прямѣйшему тракту къ Казани зависить отъ распоряженія г. ген.-анш. гр. Румянцова, то я не преминулъ о всемъ томъ его сіят-ву сообщить; а между тѣмъ получилъ я отъ упомянутаго графа при письмѣ копію со всевысоч. В. И. В. имен. указа, коимъ всемилостивѣйше повелѣвается плѣнныхъ конфедератовъ, по общему съ нимъ согласію, отсюда отправить, а именно: дворянъ всѣхъ и оберъ-офицеровъ до времени въ Казань, а рядовыхъ распредѣлить въ службу, въ чемъ по всеподданной моей должности, по сношенію съ нимъ г. ген. гр. Румянцовымъ, что за наилучшѣйше найдемъ, точное исполненіе учинить я В. И. В. во свое время раболѣпнѣйше донести не преминемъ.

Реляціи 1769-го года

по пограничнымъ съ Польшей, Крымомъ и Турціей дѣламъ.

1) О присматриваніи въ Запорожской Сѣчи за подсланнымъ туда эмиссаромъ Тотлебеномъ,—9 января за № 1.

Всевысочайшій В. И. В. именной за собственноруч. подписаніемъ указъ отъ 17-го истекшаго декабря мѣсяца о взятіи надлежащей предосторожности въ Запорож. Сѣчи отъ интригъ подсланнаго туда отъ Франціи эмиссара Тотлебена, который изъ службы В. И. В. выгнанъ, по употребленіи всевозможныхъ мѣръ и способовъ къ поимкѣ онаго, и съ глубоч. благоговѣніемъ того жъ мѣсяца 31 числа получить удостоился; на который В. И. В. всепод. доношу: какъ скоро только я изъ Польши отъ ден.-поруч. Салтыкова о томъ увѣдомленъ былъ, то того жъ числа ордеромъ ген.-м. Исакову отъ меня подтверждено: немедленно исправнаго и надежнаго офицера, знающаго персонально Тотлебена, туда отправить, давъ ему достаточное, по моему предписанію, наставленіе по рилежнѣйшемъ присматриваніи между тамошнимъ народомъ помянутого эмиссара, которой безъ сумнѣнія не въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи, но можетъ быть въ польскомъ или козацкомъ платьи, для свободнѣйшаго своей роли игранія, между Запорожцами шататься будетъ; а по примѣтѣ и дѣйствительномъ опознаніи онаго явиться ему у кошевого атамана и подать оному мой ордеръ, коимъ кошевому найсилнѣйше рекомендовано его, Тотлебена, тотчасъ арестовать и подъ крѣпч. карауломъ съ помянутымъ офицеромъ къ ген.-м. Исакову отправить; а сему предписано подъ такимъ же карауломъ онаго сюда ко мнѣ прислать. Вслѣдствіе чего кап. Марковичъ 17 числа минувшаго мѣсяца въ Сѣчь и отправленъ, гдѣ и понынѣ находится; но, знатно, помянутой эмиссаръ еще туда не прибылъ.

Я о сей французской интригѣ и Донскаго атамана Ефремова предостеречь не преминулъ, паче для того, чтобъ Тотлебенъ, яко командовавшій немалое время Донскими козаками, имѣя многихъ изъ оныхъ знакомыми, не отважился иногда на Донъ въ ихъ станицы ѣхать для разсѣянiя своихъ плевелъ между тамошнею подлостію, которая авантажными посулами и блескомъ злата легко на всякое предпріятіе преклонена быть можетъ.

2) Объ отправленіи въ Запорожскую Сѣчь высоч. грамоты съ майоромъ Воейковымъ,—9 января за № 2.

В. И. В. высоч. рескриптъ отъ 19 минувшаго декабря, со вложенною всевысоч. грамотою къ Запорожскому войску и съ копіею оной для моего свѣдѣнiя, я 29-го того жъ мѣсяца исправно получить удостоился. Во всепод. исполненіе В. И. В. повелѣній, по неимѣнiю здѣсь въ гарнизонѣ и при губ. канц. для таковой посылки надежныхъ офицеровъ, ибо кап. Бастевикъ еще у хана Крымскаго въ полону, оная В. И. В. грамота при моемъ письмѣ, съ котораго здѣсь точная копія подносится, отправлена чрезъ секундъ-майора Воейкова, снабдѣннаго достаточнымъ наставленіемъ примѣчать и развѣдывать, какое по полученіи возымѣеть дѣйствіе и въ какихъ мысляхъ войско Запорожское въ разсужденіи В. И. В. нынѣ находится; а что имъ примѣчено и развѣдано будетъ, В. И. В. въ свое время раболѣп. донести долженствую.

3) О происшедшемъ въ Сѣчи бунтѣ и усмиреніи онаго кап. Марковичемъ,—отъ 3 января за № 3.

Послѣ отправленiя упомянутаго въ предыдущей рабской моей реляціи сек.-м. Воейкова въ Запорож. Сѣчь, на третій день получилъ я отъ ген.-м. Исакова репортъ изъ крѣпости св. Елисаветы отъ 30 числа прош. декабря, который, по репорту къ нему отъ находящагося въ Новосѣченскомъ ретранаментѣ майора Микулишина, мнѣ знать даль, что 26 того жъ мѣсяца въ Сѣчи отъ собравшейся многочисленной подлости Запорож. козаковъ, называемой сиромахами, въ вечеру, по пробытіи уже тапты (sic), сдѣлано возмущеніе разломаніемъ тюрмы и освобожденіемъ всѣхъ колодниковъ, съ намѣреніемъ всѣхъ своихъ старшинъ убить и имѣніе оныхъ разграбить, что и въ дѣйство производить начали; но кошевой съ старшиною имѣлъ случай укрыться въ

ретранаментъ, а имѣніе оныхъ разграблено и жилище разорено. Правда, сіе непріятное происшествіе, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, немалую мнѣ заботу причинило. Я объ ономъ, не взирая на то, что отъ ген.-м. Исакова прямо чрезъ нарочнаго ген.-анш. гр. Румянцову репортовано, ни мало не мѣшкая, и отъ себя съ нарочнымъ знать далъ и мои по тому мысли о скорѣйшемъ такого взволнованія успокоеніи посылкою туда detachmenta сообщилъ. Но изъ полученнаго отъ 2 числа помянутаго жъ ген.-м. Исакова репорта и приложений въ оному, съ коихъ при семъ на высоч. усмотрѣніе В. И. В. подносятся точныя копія, усмотрѣлъ я, что возмущеніе подлости хорошимъ и отважнымъ поступкомъ случившагося тамо Желт. гусар. полку капитана Константина Марковича, которой для примѣчанія Тотлебена по моему ордеру туда отправленъ, какъ всепод. моею реляціею № 1 В. И. В. донесено, 27-го числа того жъ декабря безъ дальнѣйшихъ слѣдствій усмирено, и кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій со всею войсковою старшиною по прежнему возстановлены, о чемъ я немедленно г. ген.-анш. гр. Румянцова чрезъ нарочнаго увѣдомилъ¹⁾.

4) *О возвращеніи изъ Сѣчи сек.-маіора Воейкова съ приложеніемъ экстракта изъ его репорта, — отъ 19 января за № 5.*

Вслѣдствіе рабской моей реляціи № 2 отъ 9 сего января, В. И. В. съ глубоч. благовѣн. всепод. доношу: отправленный отъ меня въ Запорож. Сѣчь со всевысоч. грамотою сек.-м. Воейковъ обратно прибылъ. Я держакъ точную копию съ его репорта и присланное ко мнѣ войска Запорож. доношеніе В. И. В. раболѣпнѣйше при семъ подносить²⁾. Изъ перваго всемил. усмотрѣтъ изволите, яко грамота В. И. В. принята съ подобающимъ рабскимъ благоговѣніемъ и въ прямыхъ Запорожцахъ немалое произвела дѣйствіе, кои, чувствуя В. И. В. монарше-матернюю безъ всякихъ заслугъ къ себѣ милость, великое оказывали удовольствіе; и кошевой атаманъ, имѣя неусыпное попеченіе доискаться точной причины бывшаго бунта и главныхъ онаго заводчиковъ,

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ краткая реляція лишь о полученіи донесеній Могилевскаго пріятеля и князя Прозоровскаго отъ 9 января за № 4; самихъ же при ней донесеній не оказалось.

²⁾ При чернов. реляціи нѣтъся только приводимый ниже экстрактъ изъ репорта Воейкова.

требуеть присылки въ Сѣчь регулярнаго войска команды, котѳорая уповательно уже туда и прибыла, ибо отъ командующаго второю армією г. ген.-анш. гр. Румянцова одинъ пѣхотн. баталіонъ туда уже командированъ. Впрочемъ, реченный маіоръ словесно мнѣ объявилъ, что Татарскаго войска Едичкульской орды десять тысячъ стоятъ при урочищѣ Рогачиѣ противъ Сѣчи за р. Днѣпромъ, разстояніемъ отъ Сѣчи около 4 верстъ; однако по 12 число сего р. Днѣпръ въ той сторонѣ еще льдомъ не покрыта была; на обороты коихъ отъ Запорожцовъ удобовозможно примѣчаніе дѣлается, и крайняя осторожность наблюдается; и какое отъ нихъ движеніе впредь учинено будетъ, о томъ по полученіи извѣстія всепод. донести не премину.

Приложеніе: Экстрактъ изъ репорта, поданнаго сек.-м. Воейковымъ, 17-го января 1769 г.

По прибытіи моемъ въ Новосѣченской ретранжаментъ 7-го января и обѣщаніи кошевому атаману Петру Калнишевскому объ отправленіи моемъ изъ Кіева для доставленія ему всевысоч. Е. И. В. грамоты, встрѣченъ я по обыкновенію кошевымъ, всею старшиною, духовенствомъ и многимъ числомъ козаковъ у самыхъ воротъ, гдѣ у меня грамота съ великимъ почтеніемъ принята и несена кошевымъ атаманомъ до самой церкви, въ дверяхъ оной отдана войсковому писарю, которымъ всему собранному войску вслухъ читана; а по окончаніи кошевой атаманъ, прослезясь, войску, котораго въ собраніи было болѣе трехъ тысячъ человекъ, слѣдующее говорилъ: сколько сія Е. И. В. войску Запорожскому безъ всякихъ заслугъ оказанная монарше-матерная милость велика, столько больше каждый вѣрно присяжный войска Запорож. козакъ долженъ стараться, паче же при нынѣшнемъ обстоятельстве, противъ главнаго врага рода христіанскаго жертваніемъ своей жизни оную заслужить. Послѣ сего все собраніе въ церковь вошло и, по отпѣтіи молебна за здоровье Е. И. В., приглашено было къ кошевому въ курень, гдѣ такожде отъ кошевого нѣсколькократно прежніе слова всей старшинѣ, атаманамъ и козакамъ въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ повторены.

Въ бытность мою тамъ по 12 число сего м-ца я примѣтити могъ, что всевысоч. грамота генерально всѣхъ тамошнихъ обывателей, т. е. настоящихъ Запорожскихъ козаковъ, кои новидимому всѣ благонамѣренны, гораздо тронула, ибо они о сей монаршей милости между собою съ великимъ удовольствіемъ отзывались, въ чемъ меня и старшина Ляхъ найсильнѣйше увѣрялъ. А между тѣмъ кошевой атаманъ мнѣ открывался, что по бывшему

отъ сиромыхъ взволнованію онъ крайне необходимымъ признаваетъ имѣть въ Сѣчи для своего подрѣзленія и ободренія благонамѣренныхъ козаковъ нѣсколько регулярнаго войска, при которомъ онъ гораздо смѣлѣе и поважнѣе поступить могъ бы не только въ сысканіи, но и строжайшемъ по ихъ воинскимъ обрядамъ наказаніи зачинщиковъ бывшаго бунта, ибо такихъ злодѣевъ, особливо по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, безъ упущенія времени наказать и совсѣмъ искоренить должно.

5) Объ отправленіи плѣнныхъ конфедератовъ въ Казань, — отъ 19 января за № 6.

Во всеиш. исполненіе всевысоч. В. И. В. повелѣнія объ отправленіи содержащихся здѣсь польскихъ плѣнныхъ въ Казань всепод. доношу, что по общему согласію съ командующимъ второю арміею ген.-анш. гр. Румянцовымъ транспортъ оныхъ не только учрежденъ, но и сего мѣсяца 17 числа начался слѣдующимъ образомъ, а именно: по количеству здоровыхъ раздѣлены они на четыре партіи, въ каждой считается по сту человекъ; партія за другою слѣдовать имѣеть чрезъ три дни, для того чтобъ заготовленные подъ первую тридцать пять подводъ успѣли оборотъ сдѣлать въ отвозу послѣдующихъ, чѣмъ обывателямъ по тракту съ поставкою другихъ подъ оныя повозокъ не малое сдѣлано быть можетъ облегченіе. Всѣ плѣнные снабжены потребнымъ платьемъ и обувью въ разсужденіи зимняго времени. При каждой партіи отправляется одинъ оберъ-офицеръ съ довольнымъ конвоемъ, снабженный на всякой предвидимый случай достаточнымъ наставленіемъ, то жъ и по разсчету на платежъ прогонныхъ и продовольствованіе пищею до Казани деньгами; а губернатору того мѣста чрезъ нарочнаго предварительно о всевысоч. В. И. В. соизволеніи касательно принятія и содержанія сихъ плѣнныхъ отъ меня знать дано. Итакъ, по отправленіи отсюда сихъ арестантовъ, не премину всеишжайше донести, въ какую сумму содержаніе оныхъ здѣсь и отправленіе до Казани казнѣ В. И. В. стало.

6) О трехъ секретныхъ арестантахъ, — отъ 19 января за № 7.

В. И. В. всепод. доношу, что присланный изъ Польши отъ ген.-м. Кречетникова секретный безымянный арестантъ, о коемъ В. И. В. прошлаго году реляціею № 14 раболѣнн. донесено, на сихъ дняхъ умре,

а остался одинъ секретной же арестантъ Марекъ, котораго до указа В. И. В. здѣсь подъ строжайшимъ карауломъ на солдатской пищѣ содержать велѣно; такожде одинъ черногорецъ, о которомъ В. И. В. прошлаго жъ году реляціею № 61 всениж. донести не преминулъ. Я дерзаю у В. И. В. при напаматованіи о сихъ двухъ арестантахъ съ глубоч. благоговѣніемъ испросить себѣ всевысоч. указа, не повелѣно ль будетъ и оныхъ куда либо далѣе отсюда отправить.

7) *О возвращеніи одного изъ посланныхъ къ Едисанскимъ мурзамъ эмиссаровъ и привезенныхъ имъ свѣдѣній,* — отъ 19 января за № 8.

Съ глубоч. благоговѣніемъ В. И. В. всепод. доношу, что одинъ изъ отправленныхъ къ Едисанскимъ мурзамъ эмиссаръ третьяго дня возвратился, который по несчастію разѣздомъ Турецкимъ въ околичности Балты 2 сего м-ца пойманъ и за шпіона ханскому сыну сераскерь-султану въ Балтѣ представлень; и какъ оной снабденъ былъ отъ одного польскаго шляхтича къ находящемуся въ томъ же мѣстѣ маршалу конфедерациі Оранскому рекомандательнымъ письмомъ для прикрытія своей послыки, то отъ сераскерь-султана къ реченному Оранскому подъ карауломъ посланъ, отъ котораго такожде Туркамъ отданъ былъ, однако, послѣ трехъ-дневнаго подъ строжайшимъ карауломъ содержанія, допроса и обыска, хитрою и весьма искусною выдумкою въ Польшу ушелъ, откуда возвратясь сюда, показалъ, что (въ) Польской Балтѣ замокъ для хана Крымскаго, который въ Турецкую Балту на другой день послѣ отъѣзда его оттуда, т. е. 6 сего января, прибыть имѣлъ, очищаютъ и исправляютъ; войска Турецкаго онъ болѣе какъ съ тысячу человекъ, да и то тамошнихъ околичностей обывателей, при сераскерь-султанѣ не видалъ, а Татаръ по сказкамъ съ небольшимъ тридцать тысячъ при ханѣ и сераскерь-султанѣ находится, которые раздѣлены быть имѣютъ на три части: первая съ сераскерь-султаномъ назначена на границы В. И. В. чрезъ Орловскій форпостъ, другія же двѣ съ ханомъ вступать въ Польшу яко бы къ Умани, но, оттуда куда поворотятъ, неизвѣстно; что ханъ Крымскій призывалъ къ себѣ Едисанскихъ и Буджац. мурзъ для совѣту, отъ которыхъ требовалъ мнѣнія, какимъ образомъ съ Россіею войну продолжать и гдѣ лучше въ Россійскія границы впасть, которые, по согласію Хаджи-Капланъ-мурзы, хану Крымскому сказали, что они безъ явной причины про-

тивъ Россіи войны вчать не намѣрены; чѣмъ ханъ оскорбился велѣлъ 10 мурзъ въ тюрьму посадить, кои и по нынѣ содержатся, отчего въ тѣхъ ордахъ неудовольствіе и роптаніе произошло, а потому и нѣкоторой видъ къ мятежу оказывается, еже и отъ протчихъ нарочно для развѣдываній посланныхъ подтверждено, какъ В. И. В. изъ поднесеннаго при семъ экстракта всемил. усмотрѣть изволите ¹⁾).

Съ другой стороны, ассессоръ Чугуевецъ и Запорожскій переводчикъ Андрей Константиновъ увѣдомляютъ, что три надежные чело-вѣка изъ посланныхъ въ Едисанскую орду эмиссаровъ, а именно къ Хаджи-Капланъ-мурзѣ и Бей-мурзѣ, Чугуевцова брату, и къ Джай-Темиръ-мурзѣ, еще не возвратились; однако они великую надежду имѣютъ къ нѣкоторому успѣху въ ввѣренной имъ комиссіи, а что между тѣмъ по оной произойдетъ, В. И. В. въ свое время донести долженствую.

Я не преминулъ о всѣхъ сихъ Татарскихъ и Турецкихъ обращеніяхъ и сближеніи къ границамъ отъ меня главнокомандующимъ обѣими В. И. В. арміями ген.-аншефамъ сообщить, чѣмъ и въ-предь, сколько до меня доходить будетъ, продолжать не оставляю.

8) Объ отправкѣ трехъ партій плѣнныхъ поляковъ въ Казань, о требованіи Репнина освободить пятерыхъ шляхтичей,—отъ 28 января за № 10.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. повелѣнія объ отправленіи плѣнныхъ конфедератовъ, раболѣпн. доношу, что по отпускѣ сего три партіи, въ каждой по сто чело-вѣкъ, всемиж. реляціею № 6 донесеннымъ образомъ отсюда уже въ Казань посланы, а четвертая къ завтраму готовится, послѣ которой и знатные шляхтичи, всего четыре чело-вѣка, туда жъ препровождены быть имѣютъ. Но какъ между тѣмъ отъ ген.-поруч. кн. Репнина получены два письма отъ 11 и 8 числа сего м-ца, коими требуетъ освобожденія и выпуску за границу плѣнныхъ шляхтичей, а именно: Каминскихъ двухъ, Бѣлецкаго, Мечниковскаго и Рыльскаго, всего пяти чело-вѣкамъ, если оное всевысоч. В. И. В. повелѣніямъ противно не будетъ, то я, уважая силу сего выраженія, безъ всепод. В. И. В. о томъ доклада, помянутыхъ шляхтичей осво-

¹⁾ Экстракта этого при чернов. реляціи нѣтъ.

бодить не осмѣлился, но оставилъ оныхъ здѣсь на прежнемъ содержаніи до полученія высоч. В. И. В. указа: въ отечество ли ихъ отпустить или вслѣдъ за другими въ Казань отправить?¹⁾

9) *Объ отправленіи ко Двору черногорца Плавковича и писаря Якова Федорова, — отъ 14 февраля за № 13.*

В. И. В. высоч. два рескрипта отъ 27 минувшого генваря объ отправленіи ко Двору В. И. В. содержащагося здѣсь подъ карауломъ черногорца бывшаго Афонской горы игумена Плавковича и прибывшаго изъ Каушанъ писаря Дубоссарскаго воеводы Якуба а 6 числа сего м-ца исправно получить удостоился, на которые съ глубоч. благовѣніемъ В. И. В. всепод. доношу: черногорецъ отъ ареста освобожденъ, и чрезъ канц. сов. Веселицкаго высоч. милость ему объявлена; но по причинѣ выдержанной имъ въ арестѣ болѣзни, отъ которой еще въ слабомъ находится состояніи, просилъ оиъ отвезти ему пристойную квартиру, придать для услуги челоувѣка и дозволить здѣсь до выздоровленія пребыть, чѣмъ и удовольствованъ, а по выздоровленіи повелѣннымъ образомъ отсюда отправленъ быть имѣеть; елико же до писаря Якова Федорова принадлежитъ, то оной по исправленіи своихъ къ продолженію пути надобностей, принятіи 20 рублей на проѣздъ и снабденіи двумя для препровожденія рейтарами при семь въ высоч. В. И. В. Двору отправленъ.

10) *Объ извѣстіяхъ отъ ген.-м. Исакова о дѣйствіяхъ его противъ Татаръ, — отъ 14 февраля за № 14.*

Вслѣдствіе всепод. моея реляціи отъ 3 сего февраля о непріятельскихъ обращеніяхъ, приѣмлю смѣлость В. И. В. всепод. донести, что ген.-м. Исаковъ отъ 9 сего же м-ца изъ Архангельска репортуеть, яко непріятель уже въ Балту возвратился, и одинъ султанъ съ частію Татаръ на Кривое озеро отпущенъ, а достальное войско по извѣстіямъ такожде въ своимъ жилищамъ распущено быть имѣло; что командированный съ деташементомъ легкихъ войскъ вслѣдъ за непріателемъ для поисковъ

¹⁾ Слѣдуетъ упомянуть здѣсь еще о реляціи съ препровоженіемъ экстракта журнала ген.-м. Исакова о дѣйствіяхъ противъ непріятелей (коніи же этого экстракта при чернов. реляціи нѣтъ), — отъ 3 февраля за № 12.

полковникъ кн. Багратионъ, возвратясь въ корпусу, репортовалъ, яко бы за весьма скорымъ слѣдованіемъ Татаръ въ своимъ границамъ онъ съ деташементомъ, сколько ни старался, ихъ достигнуть не могъ, и удалось только однимъ его передовымъ партіямъ на непріятельскій арьергардъ напасть и нѣсколько человѣкъ побить; что преслѣдуемый непріятель потерялъ четырехъ верблюдовъ и нѣкоторое число скота, также освобождено изъ плѣну нѣсколько человѣкъ Россійскихъ и Польскихъ подданныхъ, и что посланная для подлиннѣйшаго о непріятелѣ развѣданія небольшая партія, возвратясь, объявила, что до самой Саврани доѣзжала, и непріятеля нигдѣ не нашла, ибо онъ уже въ Балту прибылъ; почему онъ, ген.-м. Исаковъ, весь свой корпусъ въ провинціи кордономъ расположилъ и форпостнымъ командирамъ пайсильнѣйше подтвердилъ удобозможную предосторожность по границѣ имѣть и сверхъ обыкновенныхъ развѣздовъ частыя партіи за границу посылать для развѣдыванія о непріятелѣ.

11) О прибытіи изъ плѣна кап. Бастевика, — отъ 14 февраля за № 15.

Вчера прибылъ сюда арестованный еще въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Каушанахъ бывшимъ Дубоссарскимъ воеводою Якубомъ кап. Бастевикъ, который объявилъ, что онъ съ бывшими при немъ здѣшнимъ мѣщаниномъ и семью конвойными козаками, по приказу ханскому, спустя три дня послѣ выступленія онаго съ войскомъ изъ Каушанъ въ Балтѣ однимъ мурзою и тремя Татарами подъ карауломъ чрезъ Ясы въ Хотинъ къ тамошнему пашѣ отправленъ былъ съ такимъ предписаніемъ, чтобъ Хотинскій паша чрезъ нарочнаго о освобожденіи его увѣдомилъ Польскаго генералъ-маіора и крѣпости Каменца-Подольскаго коменданта, требуя отъ него присылки къ границѣ команды для принятія въ свое охраненіе, а въ приемѣ и доставленіи его съ находящимися при немъ въ ближнюю Россійскую команду надлежащей росписки, что реченнымъ комендантомъ охотно и учинено. Какіе же онъ, Бастевикъ, будучи подъ арестомъ въ Каушанахъ и въ проѣздѣ до Каменца-Подольскаго, примѣчанія сдѣлалъ и что о непріятельскихъ предпріятіяхъ развѣдать могъ, всему тому сочиняетъ обыкновенную поденную записку, которую немедленно къ В. И. В. при рабскомъ моемъ доношеніи отправить долженствую.

12) *О напечатаніи въ Кіево-Печерской Лаврѣ манифестовъ къ славянскимъ народамъ,—отъ 4 марта за № 19.*

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. именного за собственноруч. подписавіемъ повелѣнія отъ 23 минувш. генваря, раболѣпн. доношу, яко манифесты на трехъ языкахъ изъ печати уже вышли; и напечатано оныхъ на каждомъ языкѣ по 130, изъ коихъ главнокомандующимъ арміями В. И. В. отослано: первому по 70 экземпляровъ, а на греческомъ 55; второму по 30, а на греческомъ 25; достальные же отданы будутъ подполковнику Каразину, который на сихъ дняхъ отсюда отправится имѣть, ибо и свидѣтельство уже ему отъ здѣшняго архимандрита дано.

Приложеніе: Копія свидѣтельства монаху Симеону на свободный пропускъ его въ заграничные монастыри.

Святныя великія чудотворныя Лавры Печерскія Кіевскія архимандритъ Зосима Валькевичъ.

Всѣмъ чтущимъ и слышащимъ сіе правовѣрнымъ христіаномъ, желая отъ дому Богоматери сея св. Лавры благословенія, извѣстно творимъ, что предваритель сего Словено-сербской націи Далматской уроженецъ, Венеціанской республики подданный, Симеонъ Путнинъ, прибывъ въ 1765 году по общанію своему изъ отечества въ нашу Лавру для поклоненія св. мощамъ, принялъ въ оной по собственному изволенію чинъ монашеской, а нынѣ возжелалъ для спасенія души своей путешествовать за границу въ другія св. мѣста; того ради мы всѣхъ христіанскихъ земель и областей начальниковъ, духовныхъ и мірскихъ, смиренно молимъ оному монаху Симеону въ пути его чинить свободной пропускъ и дозволить пребываніе въ монастыряхъ съ христіанскимъ прирѣніемъ, за что да воздастъ имъ Господь Богъ, въ Троицѣ прославляемый. Писася сіе въ св. Кіево-Печерской Лаврѣ и нашею рукою и печатью лаврскою утверждено марта 26 дня 1766 г. (?).

13) *О поискахъ кошевого атамана за непріятелемъ,—отъ 4 марта за № 20.*

В. И. В. всепод. доношу, что выступившій за Днѣпръ 3 числа прош. февраля для поиска надъ Крымскою и Едичкульскою подъ предводительствомъ Калги-султана набѣги на границы В. И. В. въ Терскую и Бахмутскую стороны дѣлавшими ордами кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій съ старшиною и доброконными козаками, какъ изъ репорта сек.-и. Микулишина отъ 13 того жъ февраля видно, не

встрѣтись съ непріятелемъ и не нагнавъ онаго, но удовольствуясь однимъ только сожженіемъ свезеннаго Татарами немалого въ аулы запаса сѣна, 12 февраля обратно въ Запорож. Сѣчь прибылъ, а на другой день, свѣдавъ, что посланная внизъ по Днѣпру для поиску жъ въ Татарскіе аулы Запорожская пѣхотная партія еще не возвратилась, немедленно въ подтвержденіе немалую конную и пѣхотную команду туда жъ послалъ; но возымѣетъ ли оная какой успѣхъ, о томъ въ свое время В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ донести не ужою.

14) *О присланныхъ княземъ Голицынымъ плѣнныхъ,—отъ 4 марта за № 21.*

Отъ командующаго первю В. И. В. армію генерала кн. Александра Мих. Голицына въ разные числа присланы ко мнѣ плѣнные два турка, одинъ волохъ, одинъ польской всендзъ Войцехъ Островскій и одинъ полякъ, коихъ велѣно содержать здѣсь подъ карауломъ до всевысоч. В. И. В. указа, производя всендзу противъ лучшихъ конфедератовъ на пищу, а прочимъ по три коп. въ день; да плѣнныхъ подъ м. Круты поляковъ 125 и дезертировъ 4 человекъ, съ тѣмъ чтобъ конфедератовъ отправить въ Казань, а съ дезертирами поступать по военному правилу. Сверхъ же того мнѣ знать дано, что отъ находящагося въ Польшѣ генерала-маіора кн. Прозоровскаго отправлено нѣсколько человекъ молдавцевъ по ихъ желанію въ Елисаветгр. провинцію на поселеніе; о принятіи и помѣщеніи оныхъ въ тѣ селенія, кои ближе къ Днѣпру, отъ меня предписано. Но какъ статья можетъ, что и впредь многіе изъ молдавцевъ и тамошнихъ пограничныхъ поселянъ, убѣгая отъ Турецкаго гоненія и опасностей войны, по единовѣрью прибѣгать будутъ подъ защиту В. И. В., желая селиться въ Елисаветгр. провинціи, то приеволю смѣлость предварительно у В. И. В., какъ на сіе, такъ и ежели болѣе Турецкихъ плѣнныхъ сюда изъ арміи присланы быть имѣли бѣ, куда оныхъ отправлять, всемил. испрашивать указа, ибо содержаніе сихъ послѣднихъ въ здѣшней погранич. крѣпости было бы только въ тягость здѣшнему малолюдному гарнизону.

15) *О требованіи кн. Репнина освободить нѣкоторыхъ плѣнныхъ конфедератовъ,—отъ 4 марта за № 22.*

В. И. В. дерзаю всепод. донести, что изъ находившихся здѣсь

конфедератовъ отправлено понынѣ въ четырехъ партіяхъ 390 человекъ, а затѣмъ остались здѣсь больные, кои по выздоровленіи такожде отправлены быть имѣють. Но какъ между тѣмъ отъ обрѣтающагося въ Варшавѣ В. И. В. полномоч. посла кн. Репнина я вдругъ чрезъ нарочнаго три письма отъ разныхъ чиселъ прошлаго генваря получилъ, коими требуетъ, по домогательству тамошнихъ знатныхъ пріятелей, освобожденія нѣсколькихъ шляхтичей отъ конфедератовъ; если оное всевысоч. В. И. В. соизволенію противно не будетъ, изъ коихъ большая часть уже въ Казань отправлена, то я за сходственно призвалъ тѣхъ шляхтичей, кои отсюда еще не улавы, оставить здѣсь до полученія отъ В. И. В. высоч. указа, освободить ли ихъ или нѣтъ, о чемъ и помянутаго полномоч. посла увѣдомить не оставилъ.

16) Объ отправленіи изъ Кіева подп. Каразина съ манифестами,—отъ 27 марта за № 24.

В. И. В. отъ 4 марта сего всепод. донесено, яко манифесты изъ печати вышли . . . а теперь съ глубоч. благоговѣніемъ присовокупить осмѣливаюсь, что помянутый подполковникъ, по исправленіи надобной ему одежды и прочаго, что до безопаснѣйшаго продолженія его странствованія къ г. Букурешты принадлежало, 14 числа сего жъ мѣсяца отсюда въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи по почтѣ отправился и слѣдовать имѣеть на Летичевъ, оставляя Каменецъ-Подольскій городъ влѣво, дабы иногда конфедератамъ или Турецкимъ по Днѣстру развѣздамъ не попасться. А у послѣдняго войскъ В. И. В. форпоста намѣренъ онъ командиру онаго оставить свое платье и, переодѣвшись въ иноческое, въ образѣ монаха чрезъ Галицкій уѣздъ пробираться къ пустынному монастырю, называемому Великій Скитъ, который въ реченномъ уѣздѣ на самой границѣ, въ горахъ, противъ того мѣста, гдѣ къ Трансильваніи Молдавія примкнула. При себѣ явного имѣеть: данное ему отъ архимандрита Кіево-Печерской Лавры письменное свидѣтельство; одну старую псалтырь, въ доскахъ которой весьма непримѣтно скрыта грамота къ баву; одну таковую деревянную фляшку, въ каковыхъ странствующихъ тамошнихъ краевъ иноки для утоленія въ пути жажды обыкновенно воду держать; она сдѣлана двудонная и служить къ сохраненію посылокъ; одни четки и одинъ изъ простого дерева монашеской посохъ, въ коемъ умѣстилось по 10 экзем-

плярровъ манифеста на Греческомъ, Словено-сербскомъ и Волоскомъ языкахъ. По прибытіи его въ семь приборѣ въ помянутый пустынный монастырь выпросить намѣренъ у тамошняго начальника, яко состоявшаго подъ вѣдомствомъ знаменитаго въ Молдавіи Сочавскаго монастыря, одного себѣ спутника для препровожденія до онаго, откуда онъ посредствомъ и способствованіемъ архимандрита уповаетъ безопасно препровожденъ даже быть до г. Букурешта или до того мѣста, гдѣ банъ Кантакузенъ находится будетъ. В. И. В. изъ сего моего всепод. доношенія всемилоств. усмотрѣть изволите, что сей посланной въ бытность его здѣсь, уважая критическія обстоятельства и нѣжность своей комиссіи, старался все то, елико до безопаснаго продолженія его пути и скрытія своего предпріятія касаться могло, наилучше распорядить, избирая ближайшіе способы, каковы только придуманы быть могли, въ свою предосторожность; но со всѣмъ тѣмъ удача въ его предпріятіи кажется подвержена немалой опасности и зависить отъ жребія, которой со временемъ откроется.

17) *О полученіи указа относительно отправленія изъ Кіева плѣнныхъ,—отъ 28 марта за № 25.*

В. И. В. высоч. именной за собственноруч. подписаніемъ указъ отъ 7 сего марта, коимъ всемилоств. повелѣвается: Турецкимъ плѣннымъ до дальняго повелѣнія производить въ день на пропитаніе каждому по три коп.; плѣнныхъ Польскихъ конфедератовъ, сколь скоро поумножится, отсылать по прежнимъ примѣрамъ въ Казань, съ увѣдомленіемъ тамошняго губернатора, годныхъ ко службѣ опредѣлять въ гарнизоны, а протчихъ отсылать далѣе въ Сибирь, препровождая оныхъ отсюда небольшими командами изъ гарнизона и приказывая на помощь онымъ отъ селенія до селенія достаточное число провожатыхъ давать; Турецкихъ и Татарскихъ плѣнныхъ, когда оныхъ нарочито соберется, отсылать съ равными прикрытіями въ Москву, требуя отъ тамошняго губернатора отправленія оныхъ далѣе въ Архангельской городъ точно тѣмъ образомъ, какъ оныя къ нему приводимы будутъ, и чтобъ Молдавскихъ выходцовъ, кои добровольно являться стануть, принимать съ ласкою и дѣлать имъ всякое нужное вспоможеніе, давая имъ для жилища мѣста въ Новороссійской губ., наипаче же въ Екатеринин. провинціи, и проч.,—я удостоился 24 сего жъ м-ца съ глубоч. получить благоговѣніемъ, по которому точнѣйшее исполненіе чинить и въ свое время В. И. В. всепод. доносить не премину.

18) По репорту ген.-м. Лебеля о появившихся въ Смѣлянскомъ, Ковельскомъ и Уманскомъ уѣздахъ гайдамакахъ,—отъ 12 апрѣля за № 27.

Пріемлю смѣлость В. И. В. всепод. донести, что, получа отъ посланнаго главнокомандующимъ второю арміею ген. гр. Румянцовымъ въ Елисаветгр. провинцію на смѣну ген.-м. Исакову для командованія тамошними войсками ген. м. Лебеля извѣстіе отъ 22 прошлаго марта, яко изъ проявившихся по близости Новорос. губ. въ Смѣлянскомъ, Канев. и Уман. уѣздахъ Украины Польской вновь подъ разными затяжчиками гайдамацкихъ шаекъ Черн. губ. полку капитаномъ Эрделиемъ одна подъ с. Лебедивымъ атакована, нѣсколько человекъ изъ оной побиты и десять въ полонъ взяты, а прочіе въ лѣсъ разбѣжались, при которомъ сраженіи одинъ только гусарь убитъ и одинъ прапорщикъ раненъ; что кошевой атаманъ его, генералъ-маіора, увѣдомилъ, яко 30 человекъ Запорожцевъ изъ Коша самовольно отлучились знатно для гайдамачества, и что по выступленіи пѣх. полковъ изъ той провинціи гайдамаки изъ необузданныхъ Запорожцевъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и слободахъ небольшими толпами являться стали безъ сомнѣнія для подговору изъ тамошнихъ поселянъ къ приумноженію своихъ разбойническихъ шаекъ бездѣльниковъ,—и предвидя, что отъ такого злодѣйскаго сборища немалое бѣдствіе всей провинціи и смежности нанесено быть можетъ, немедленно какъ ему генералу-маіору, такъ и Новорос. губ. канцел. наисильнѣйше предписаль: всѣмъ начальникамъ селеній приказать найстрожайше подчиненнымъ подтвердить, чтобъ подъ опасеніемъ најжесточайшаго истязанія и наказанія отнюдь никто не дерзнулъ присоединяться къ такимъ мерзкимъ злодѣйскимъ шайкамъ, которыя войсками В. И. В. всемѣрно истреблены будутъ, ибо по поимкѣ уже никакія отговорки и резоны таковымъ въ оправданіе и извиненіе служить не могутъ; и между тѣмъ бы по общему условію всѣ удобовозможныя мѣры и способы употребили не только къ благовременному отвращенію непріятныхъ слѣдствій, кои въ селеніяхъ той провинціи отъ разбойническихъ шаекъ произойти могли бѣ, но и къ совершенному оныхъ искорененію, употребя на то, если необходимость востребуетъ, за немѣніемъ пѣх. полковъ, по усмотрѣнію и нѣсколько пѣхоты изъ гарнизонныхъ ерѣпости св. Елисаветы баталіоновъ, и что по тому происходитъ будетъ, меня репортовать.

Я не преминулъ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ и обоимъ главнокомандующимъ арміями генераламъ сообщить въ намѣреніи, что можетъ быть и они, съ своей стороны, какія либо мѣры и способы для скорѣйшаго истребленія тѣхъ злодѣевъ принять не оставятъ.

19) *О набѣгѣ Татаръ на Елисаветградскую провинцію, — отъ 12 апрѣля за № 28.*

В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ всепод. донести осмѣливаюсь, что въ присланныхъ изъ канц. Новорос. губ. вѣдомостяхъ о учиненномъ нашествіи Татаръ въ границы В. И. В. обывателямъ Елисаветградской провинціи, Луганскаго пивинернаго и Бахмутскаго коннаго полковъ урону хотя и показано въ плѣнъ взятыми обоого пола людьми въ Елисаветгр. провинціи 498, а побитыми обоого пола 345 человекъ, сожженіемъ четырехъ церквей, 1138 домовъ и пяти мельницъ, въ Луганскомъ пивинерномъ и Бахмутскомъ конномъ полкахъ обоого жъ пола плѣнными 364, побитыми только 12 человекъ; однако, что принадлежитъ до числа плѣнныхъ Елисаветградской провинціи, еже ничего подлиннаго показать не можно, потому что во время тревоги многіе изъ тамошнихъ обывателей, оставя свои жилища, въ разные Заднѣпровскія и Польскія мѣста безъ вѣдома переходили, ибо, по выступленіи уже непріятеля изъ помянутой провинціи, нѣсколько изъ таковыхъ безъизвѣстныхъ, кои въ плѣнныхъ полагались, въ свои жилища возвратились; изъ чего явно оказывается, яко Татары въ великомъ страхѣ находились отъ войскъ В. И. В., что они по прежнимъ примѣрамъ и ихъ обыменовенію не отважились на дальнѣйшія грабительства и разоренія тѣхъ краевъ.

20) *Съ извѣстіемъ о смерти хана Крымъ-Гирея, — отъ 12 апрѣля за № 29.*

В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доношу, что отъ прибывшаго сюда вчера изъ Ясъ мѣщ.-волошенина Сандула, который отъ несносныхъ Турецкихъ наглостей и разореній оттуда въ послѣднихъ числахъ прошлаго марта мѣсяца ушелъ, свѣдано, что предъ симъ его изъ Ясъ выѣздомъ извѣстіе получено, яко бы Татарскій ханъ Крымъ-Гирей въ Каушанахъ умре, еже поводъ подало въ Ясахъ къ разсужденіямъ, что сіе неожиданное приключеніе сдѣлать можетъ немалую въ Турецкихъ военныхъ предпріятіяхъ разстановку; однако о подлинности сего увѣ-

ряться еще не можно, то ожидаю отъ Могилевскаго пріателя подтвержденія, о чемъ впредь В. И. В. раболѣпнѣйше донести долженствую.

21) По уведомленію кошевого атамана о поимкѣ Запорожскою партией на Очаковской степи Турецкаго разбѣзда и о показаніяхъ плѣннаго булюкъ-башы, — 23 апрѣля за № 30.

Кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій отъ 3 сего апрѣля увѣдомляетъ, яко изъ отправленныхъ Запорожскихъ пѣшихъ партій на большихъ лодкахъ, называемыхъ дубахъ, внизъ по Днѣпру для учиненія надъ непріателемъ возможныхъ поисковъ одна, состоящая въ 150 человекъ, приплывши на шести дубахъ въ Очаковскому округу, вышла на берегъ и, пользуясь ночью темнотою, степью къ Очакову пошла съ намѣреніемъ нечаянно напасть на стоящихъ по извѣстію подъ Очаковомъ арнаутовъ; но между тѣмъ, встрѣтись съ Турецкимъ Бешлійскимъ разбѣздомъ начальника оного булюкъ-башу Османъ-агу въ полонъ взяла, весь разбѣздъ разбила и въ добычу 16 лошадей получила; а какъ отъ плѣннаго булюкъ-башы свѣдано, что стоящіе подъ Очаковомъ арнауты всѣ въ крѣпость введены, то она въ своимъ дубамъ возвратилась и, отправя булюкъ-башу съ тремя козаками въ Кошъ Запорожскій, вознамѣрилась при помощи Божіей подъ г. Кинбурнъ для такого жъ поиска идти. Приведшіе плѣннаго три козака въ Кошъ объявили, яко онѣй каждому изъ нихъ за свою свободу сулилъ по сто левковъ, по парѣ платья и по парѣ лошадей, въ чемъ и булюкъ-баша признался; однако они, какъ вѣрноприсяжные В. И. В. подданные, присягу и вѣрность свою тѣмъ нарушить не хотѣли. Реченный булюкъ-баша Османъ-ага въ Войсковой канцеляріи допрашиванъ и слѣдующее объявилъ: прошедшаго-де марта 22 дня онъ въ ночномъ разбѣздѣ отъ Очакова разстояніемъ около 40 верстъ козаками разбитъ и плѣненъ; по повелѣнію трехъ-бунчучнаго Очаковскаго паши для разбѣздовъ два Бешлійскіе пивета, каждый изъ десяти бешліевъ и одного булюкъ-башы состоящій, въ балкѣ Парутиной посланы, и болѣе въ околнности Очакова никакихъ отводныхъ карауловъ нѣтъ; онъ, будучи въ разбѣздахъ, нигдѣ нѣбавихъ Ногайскихъ Татаръ не видалъ; въ Очаковѣ разныхъ войскъ счисляется до двадцати тысячъ; минувшаго марта въ среднихъ числахъ извѣстіе получено, что Крымскій ханъ Крымъ-Гирей въ Каушанахъ по нѣскольکو-дневной бо-лѣзни умре, съ которою вѣдомостью Очаковскій паша двухъ Татаръ

въ султану въ Царьградъ отправилъ; предъ нѣсколькими днями хотя надъ всѣмъ пограничнымъ Турецкимъ войскомъ, т. е. надъ Очаковскимъ, Бендерскимъ и Хотинскимъ трехъ-бунчучными, да Исмаильскимъ и Браильскимъ дву-бунчучными пашами, опредѣленъ главнымъ сераскеромъ прозываемый Мулдаванжи паша, однако послѣ смерти Крымъ-Гирей-хана всѣ Турецкія войска остались при своихъ мѣстахъ и никакого движенія имѣть не будутъ до поворота помянутыхъ отъ Очаковскаго паши отправленныхъ къ султану двухъ татаръ; въ прибавокъ къ находящимся нынѣ по границѣ Турецкой, а именно, въ Очаковѣ, Хотинѣ, Бендерахъ, Исмаилѣ и Браилловѣ, войскамъ ожидаютъ до нѣсколько тысячъ Турецкой пѣхоты изъ Анатолиіи и конницы изъ Румелиіи; по сую сторону р. Буга нигдѣ никакихъ Татарскихъ войскъ на Очаковской степи нѣтъ; въ Крымъ, сверхъ тамошнихъ Татаръ, только двѣ Ногайскія орды, т. е. Едичкульская и Джамбулуцкая, введены, коихъ считаютъ до 80 тысячъ; симъ двумъ ордамъ Крымъ-Гирей-ханомъ велѣно было во все время настоящей войны расположиться на житье съ ихъ аулами внутрь Крыма за Перекопомъ при селлахъ, а скотъ свой при чабанахъ пасти по сую сторону Перекопа на степи; всѣ Турецкіе города, по границѣ и близъ оной лежащіе, артиллерією, канонирами, всѣми воинскими припасами и сбруями весьма обильно запасены; отъ пріѣхавшихъ недавно изъ Крыму въ Очаковъ Татаръ онъ, Османъ-ага, заподлинно свѣдалъ, яко тамошнее войско въ провіантѣ и фуражѣ немалой недостатокъ терпитъ, такъ что по мѣстамъ люди съ голоду умираютъ, а лошади падать стали. О всѣхъ сихъ извѣстіяхъ главнокомандующимъ обѣими арміями В. И. В. генераламъ я сообщить не преминулъ, чѣмъ и впредь непосредственно всемил. мнѣ повелѣннымъ образомъ продолжать долженствую.

22) О причиненныхъ непріятельскимъ нашествіемъ Елисаветградской и Екатеринославской провинціямъ разореніяхъ,—отъ 23 апрѣля за № 31.

В. И. В. всевысоч. указъ за собственноруч. подписаніемъ отъ 30-го прош. марта я съ глубоч. подобострастіемъ сего мѣсяца 17 ч. получить удостоился. Во всепод. исполненіе монаршаго повелѣнія державу В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что хотя я во всениж. моей реляціи № 28 и упомянулъ о причиненномъ нашествіемъ непріятельскимъ

въ границѣ В. И. В. обывателямъ Елисаветгр. и Екатеринин. провинціи уронѣ, по первымъ изъ Новорос. губ. канц. присланнымъ вѣдомостямъ; но въ разсужденіи того, что тѣ вѣдомости сочинены были скоро послѣ выступленія непріятели, слѣд. въ такое время, когда подданные В. И. В., въ помянутыхъ провинціяхъ обитающіе, отъ набѣговъ еще нѣкоторымъ образомъ въ разстройкѣ находились, почему и точнаго ничего положить было невозможно, то отъ меня найсильнѣйше предписано посылкою вновь исправныхъ штабъ или оберъ-офицеровъ всѣ тѣ мѣста, до коихъ непріятель свои набѣги простиралъ, найсправедливѣйше свидѣтельствовать и, точную всему урону сочина вѣдомость, ко мнѣ прислать, дабы я въ состояніе приведенъ быть могъ В. И. В. обо всемъ обстоятельно и аккуратно донести. Вслѣдствіе чего, какова вѣдомость сек.-м. и земскимъ комиссаромъ Грачевымъ сочинена и ко мнѣ на сихъ дняхъ прислана, съ оной точный перечень В. И. В. на высоч. усмотрѣніе при семъ съ глубоч. благоговѣніемъ всепод. подношу; а при томъ осмѣливаюсь примѣтить, что реченный сек.-маіоръ въ репортѣ своемъ изъясняется, яко, не взирая на употребленное отъ него стараніе, сколько можно, справедливѣе и основательнѣе весь уронъ описать, однако въ томъ нѣкоимъ образомъ успѣть не могъ, паче потому, что онъ принужденъ былъ по сказкамъ пріѣзжихъ въ разоренныя слободы для взятія оставшаго хлѣба сосѣдей число обоего поля плѣнныхъ въ вѣдомость вносить, зная заподлинно, что изъ обывателей многіе во время тревоги, ища своего спасенія, въ разные укрѣпленные мѣста, за Днѣпръ и въ Польшу, кому какъ способнѣе казалось, ретировались; изъ таковыхъ въ Польшу убѣгшихъ Чернаго гусар. полушанца Оерварскаго ротной священникъ, со всѣмъ семействомъ и церковною утварью въ с. Бирки ретировавшийся, считается Татарами изрубленный, а семейство его и все имущество плѣненное. Онъ то-жъ самое разумѣетъ и о скотѣ, коего по селамъ и ротамъ, близъ которыхъ непріятель слѣдовалъ, нынѣ много оказывается и хозяевамъ по опознаніи возвращается. Чего де ради справедливаго описанія до тѣхъ поръ ни людямъ, ни скоту, сдѣлать не можно, пока обыватели изъ всѣхъ мѣстъ въ прежніе свои селенія не возвратятся. Такое жъ точно обстоятельство и съ причиненнымъ въ Екатерининской провинціи урономъ усматривается, какъ изъ перечня поднесенной при семъ вѣдомости явствуетъ. Однако, Всемил. Государыня, канц. Новорос. губ. отъ меня найсильнѣйше подтверждено

достойныхъ и исправныхъ штабъ или оберъ офицеровъ для точнѣйшаго освидѣтельствованія и справедливѣйшаго описанія всего урона немедленно вновь отправить¹⁾, о чемъ въ свое время В. И. В. всепод. допести долженствую.²⁾

23) *О приведеніи въ безопасность обывателей Елисаветградской провинціи, — отъ 23 апрѣля за № 32.*

Всевысоч. В. И. В. указъ за собственноруч. подписаніемъ отъ 31 прош. марта, коимъ всеимп. ашпробовать изволите главнокомандующаго второю арміею генерала гр. П. А. Румянцева обще со мною положеніе о приведеніи въ безопасность обывателей Елисаветгр. провинціи въ нынѣшнее военное время, всевысоч. повелѣвая, по общему насъ обоихъ усмотрѣнію способнаго времени, и дѣйствительное по всѣмъ онаго пунктамъ сдѣлать исполненіе, съ наблюденіемъ только двухъ уваженій и пр., — я сего мѣсяца 13 числа съ глубоч. благоговѣніемъ получить удостоился; на которой В. И. В. всепод. доношу, что по рабской моей должности я не примину всѣ удобвозможныя мѣры и способы употреблять въ скорѣйшему и точнѣйшему исполненію всевысоч. монаршихъ повелѣній касательно переведенія Елисаветгр. пикинер. полку и поселенцевъ онаго въ удобнѣйшіе по Днѣпру мѣста и укрѣпленные гусарскіе шанцы, по общему съ главнокомандующимъ второю арміею генераломъ гр. Румянцевымъ; и теперь отъ меня бригадиру Черткову предписаніе прислать точное извѣстіе о незаселенныхъ по близости къ Днѣпру и по ономъ подѣ пикинерныя роты, тожь и подѣ гусарскіе шанцы отведенныхъ земель, дабы тѣмъ удобнѣе сей переводъ располагать можно было, не нанося обывателямъ никакого утѣсненія, а какимъ образомъ граница по расположеніи поведена будетъ, тому сочиня аккуратную карту съ обстоятельнымъ всему описаніемъ, при всепод. моемъ доношеніи В. И. В. на всевысоч. благоволеніе поднести не укосню.

¹⁾ По приложенному при этой реляціи перечню значится: по Елисаветградской провинціи взято въ плѣвъ муж. п. 624 и жен. 559 душъ; порубленныхъ и дѣйствительно найденныхъ и погребенныхъ муж. 100, жен. 26; отогнано непріятелемъ рогатаго скота 13,567, овецъ и козъ 17,100, лошадей 1557; сожжено церквей 4, мельницъ водныхъ 3, вѣтряныхъ 3, домовъ 1190, винокурень 1; сгорѣло въ домахъ разнаго хлѣба четвертей 6377, копъ 920, мѣшковъ 70, сѣна пудовъ 10,817, копницъ 1883, скирдъ 73½; подождено, но недогорѣло избъ 58.

²⁾ Упомянемъ еще реляцію отъ 23 апрѣля за № 33, заключающую въ себѣ повтореніе того же вопроса, который представленъ въ реляціи за № 22, относительно освобожденія, по письму кн. Репнина, нѣкоторыхъ плѣнныхъ конфедератовъ.

24) Обь отправленіи изъ крѣпости св. Елисаветы плѣннаго татарина Мусы къ Едисанскимъ мурзамъ съ письмомъ ас. Чугуевца, — отъ 17 мая за № 34.

В. И. В. прежними моими всепод. реляціями: № 80 отъ 1-го декабря прош. года и № 8 минувш. генваря отъ 19 числа, раболѣпнѣйше донесено о всѣхъ тѣхъ способахъ, кои для доставленія Едисанскимъ мурзамъ сочиненнаго, въ силу высоч. рескрипта отъ 26 октября прош. года, циркулярнаго отъ имени асессора Чугуевца письма мною употреблены. Но какъ отправленные тогда два эмиссара Татарскими къ нападенію въ границы В. И. В. движеніями въ исправленіи порученнаго имъ дѣла воспрепятствованы и безъ успѣха возвратиться принуждены были, то теперь по рабской моей должности признаваю съ глубоч. благоговѣніемъ о слѣдующемъ всепод. донести.

Когда, по вытѣсненіи уже Татаръ изъ Елисаветградской провинціи, я о исполненіи высоч. повелѣнія посылкою вновь эмиссаровъ въ Едисанскую орду помышлялъ и въ разсужденіи обстоятельствъ удобныхъ способовъ и средствъ изыскивать старался, ас. Чугуевецъ мнѣ представилъ, что много средства къ доставленію братьямъ его и другимъ мурзамъ писемъ сыскать не можно, развѣ освобожденіемъ содержащагося въ крѣпости св. Елисаветы плѣннаго едисанца, прозываемаго Муса, обладажа его великими авантажами и денежнымъ награжденіемъ, если онъ, вруча тѣ письма вѣрно, съ отвѣтами возвратится. Я, уваживъ сіе его представленіе, сообщилъ оное командующему второю арміею генералу гр. П. А. Румянцову, требуя его въ томъ совѣта, которой, признавъ за сходственно отважить одного плѣннаго на опытъ для толь полезнаго дѣла, снабдилъ переводчика Константинова ордеромъ для освобожденія реченнаго плѣннаго, съ чѣмъ оной переводчикъ въ крѣпость и отправленъ. Между тѣмъ ас. Чугуевецъ рапортомъ ко мнѣ представилъ, что, по таковому переводчика Константинова къ нему, содержащійся въ крѣп. св. Елисаветы Едисанской орды плѣнный, прозываемый Муса, знающій Турецкаго письма, по многому постороннимъ образомъ испытанію являсь расторопнымъ и свѣдомымъ о всѣхъ въ реестрѣ подписанныхъ Едисанскихъ и Буджацкихъ мурзахъ, на учиненный ему вопросъ, доставить ли онъ вѣрно письма къ братьямъ ас. Чугуевца и другимъ мурзамъ и возвратится ли съ отвѣтами, за что обладаженъ не только великими авантажами,

во и прельстительнымъ по ихъ сребролюбію денежнымъ награжденіемъ, не только охотно исполнить обѣщаль, но и по ихъ закону предъ двумя его въ крѣпости оставшими товарищами добровольно присягою обязался о точномъ всего исполненіи, назнача и возвращенію своему двойной срокъ, а именно по превозженіи за границу въ 20 дней; если же къ тому времени за какимъ непредвидимымъ препятствіемъ или отлучкою мурзъ не послѣдетъ, то столько жъ еще дней прибавилъ на другой срокъ, въ чемъ и товарищи его поручились, подвергая себя за неустойку жесточайшему истязанію. На семъ основаніи хотя 9 числа минувшаго апрѣля оный съ письмами отправленъ и за р. Бугъ толмачемъ Христофоромъ препровожденъ, однако возвращеніе его, не взирая на сильное его обязательство, еще сумнѣнію подвержено. Итакъ, время окажетъ, какую сей опытъ возымѣтъ удачу. А по нынѣшнимъ Едисанскихъ и Буджацкихъ Татаръ обстоятельствамъ, кои лишася такого хана, на котораго хитрость и храбрость въ своихъ успѣхахъ они много полагались, и въ разсужденіи примѣченной, какъ гласится, въ Туркахъ робости, нанесенной побѣдоноснымъ В. И. В. оружіемъ при первоначальныхъ воинскихъ произведеніяхъ, если тѣ письма мурзамъ доставлены, то легко статья можетъ, что Едисанцы и Буджацкіе Татары возымѣютъ предлогъ въ помышленію о своей безопасности. Однако мое сумнѣніе и о семъ не прежде разрѣшится, какъ съ окончаніемъ вышепомянутыхъ сроковъ. Ежели же что либо до меня дойдетъ, то В. И. В.—ву непосредственно донести долженствую.

25) *О военныхъ успѣхахъ Запорож. козаковъ надъ Татарами и о разбитіи ими четырехъ Турецкихъ судовъ, — отъ 26 іюня за № 37* ¹⁾.

Кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій присланными ко мнѣ въ одно время отъ разныхъ чиселъ прош. мая репортами объявляетъ, яко находящіися за границею въ разъѣздахъ и для поиска Запорожскія пѣшія и конныя команды въ разныя времена слѣдующіе надъ Татарами одержали авантажи. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ два раза подъ

¹⁾ Упомянемъ еще о реляціяхъ: первой, отъ 17 мая за № 35, о полученіи рескрипта объ охраненіи границъ отъ Польскихъ мятежниковъ, и второй, отъ того же числа за № 36, о препровоженіи перевода къ письму Могилевскаго пріятеля (копіи перевода при чернов. реляціи вѣтъ).

самый Кинбурнъ одна пѣшая команда подхода отогнала пасущійся въ полѣ рогатый скотъ и лошадей числомъ болѣе семисотъ штукъ. Въ оба раза погоня для выручки скота и разбитія козаковъ отъ Кинбурна выслана была: въ первый 400, а въ другой 500 Ногайскихъ Татаръ, кои, нагнавъ козаковъ, до самого Днѣпра въ безпрестанномъ преслѣдовали сраженіи; но, первая, потерявъ до ста человекъ, а вторая до полутораста убитыми, принуждены были назадъ возвратиться, оставивъ всю добычъ и пойманнаго Джамбулцовой орды Булумбежскаго бешлійскаго одабашу Джармамбеша козакамъ, кои ни одного человека съ своей стороны не потеряли. Сей бешлійскій одабашъ Джармамбешъ сказкою показалъ, что предъ его изъ Очакова выѣздомъ прибыло къ Очакову изъ Царяграда шесть галіотовъ съ военными людьми и припасами, изъ коихъ два оставлены при Очаковской крѣпости, а четыре по пашинскому повелѣнію при первой способной погодѣ отплыть имѣли въ Крымъ; что на мѣсто умершаго Крымъ-Гирея хана возведенъ Арсланъ-Гирея-хана сынъ Девлетъ-Гирей, отъ котораго въ Бахчисарай отправленъ калга-султаномъ Сабашъ-Гирей; что бывшіе при Очаковѣ конные арнауты, по приказу сераскера паши, выступили къ Хотину, а Едисанская орда расположилась отъ Очакова по-надъ р. Бугомъ, простираясь до Кодыма, и что новый Татарскій калга-султанъ Сабашъ-Гирей приказалъ всѣмъ въ Крыму находящимся Татарамъ добрыми лошадьми запастись, а изнуренные зимнимъ походомъ для поправленія въ поле пустить. Въ первыхъ числахъ мая пѣшею жъ козацкою командою на Крымской степи отъ урочища Качкари, по убитіи супротивившихся чебановъ, четыре тысячи овецъ въ добычъ взято. Въ среднихъ того жъ мѣсяца числахъ конная во стѣ двадцати человекъ команда, паѣхавъ въ разѣздѣ на Крымской степи въ Черной долинѣ болѣе тысячи человекъ Татаръ, съ оными сразилась и, побивъ изъ нихъ около трехсотъ, достальныхъ разогнала, при чемъ въ добычу получено болѣе пятисотъ лошадей, не потерявъ съ своей стороны ни одного козака, только ранено восемь человекъ.

Въ прибавокъ сему полученъ отъ сек.-маіора Микулишина изъ Новосѣченскаго ретранжамента репортъ отъ 13 сего іюня, что отправленная отъ Коша войска Запорож. на судахъ козацкая команда сего мѣсяца 7 числа, плывучи внизъ Днѣпра, встрѣтилась въ своихъ дачахъ съ десятью Турецкими небольшими судами; на каждомъ изъ оныхъ

было по сороку и болѣе Турокъ, изъ которыхъ Запорожцы четыре судна совсѣмъ разбили, Турокъ и командира ихъ побили, а пушки въ воду потопили и, взявъ въ добычу четыре знамени и десять чело-вѣкъ Турокъ въ полонъ, по разогнаніи достальныхъ шести судовъ, въ Сѣчь возвратились; въ которомъ сраженіи козаковъ десять чело-вѣкъ побито, а двѣнадцать ранено; и что того жъ 13 числа взятые знаме-на и десять чело-вѣкъ плѣнныхъ отправлены къ командиру второ-рою арміею генералу гр. Румянцову.

26) О полученіи рескрипта относительно плѣнныхъ конфедератовъ и о числѣ отправленныхъ въ Казань,—отъ 26 іюня за № 38.

В. И. В. высоч. рескриптъ отъ 6-го сего іюня по поводу всепод. мо-ихъ реляцій №№ 22 и 33 относительно оставленныхъ здѣсь по письму князя Репнина нѣкоторыхъ шляхтичей изъ плѣнныхъ конфедератовъ я въ свое время получить удостоился, въ силу котораго точное испол-неніе учинить не премину. А между тѣмъ осмѣливаюсь всепод. до-нести, что по сіе число всякаго званія и чина плѣнныхъ конфедера-товъ разными партіями отсюда въ Казань отправлено 777 чело-вѣкъ, и что собранная изъ выздоровѣвшихъ больныхъ и вновь изъ Польши присланныхъ мятежниковъ во стѣ тринадцати чело-вѣкахъ партія туда жъ отправлена быть имѣеть.

27) Объ отправленіи къ гр. Румянцову переводчика Константинова и толмача Григоровича,—отъ 26 іюня за № 39.

Во всепод. исполненіе высоч. В. И. В. рескрипта отъ 31 мая, полученна-го мною 17 сего іюня, съ раболѣпнѣйшимъ благоговѣніемъ доношу, что по предварительному требованію главнокомандующаго второю арміею гр. Румянцова снабдить его искуснымъ Турецкаго и Татарскаго языковъ переводчикомъ для переводовъ случающихся писемъ и однимъ или двумя тѣ жъ языки знающими толмачами, за неимѣніемъ при здѣшней гу-берніи таковыхъ достаточно Турецкій и Татарскій языки знающихъ, кромѣ секретаря Равича, котораго по надобности въ здѣшнемъ по-граничномъ мѣстѣ отсюда отлучить не можно, отправленъ къ нему, гр. Румянцову, бывший чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Сѣчи Запорожской переводчикомъ Сумскаго слободскаго полку обыватель Андрей Дми-тріевичъ, сынъ Константиновъ, которой еще прошедшаго года въ

ноябрѣ мѣсяцѣ съ даннымъ ему отъ кошевого атамана аттестатомъ о прилежномъ исправленіи его должности и добропорядочныхъ поступкахъ у меня явился и котораго я, въ разсужденіи частаго его съ Татарами обхожденія и знакомства съ Едисанскими и Буджацкими мурзами, употребилъ съ ас. Чугуевцомъ по Едисанскому дѣлу, о коемъ въ слѣдующей при семъ подѣ № 40 реляціи обстоятельнѣе извѣщено будетъ; а толмачъ посланъ изъ здѣшнихъ только одинъ Христофоръ Григоровичъ, ибо и при здѣшней губ. канц., за задержаніемъ въ Цареградѣ пяти и за отдачею главнокомандующему первою арміею князю Голицыну двухъ человѣкъ, нынѣ только четыре человѣка на лицо, да и тѣ престарѣлые и слабые.

28) *О невозвращеніи посланнаго къ Едисанцамъ плѣннаго татарина и о запискѣ ас. Чугуевца по Едисанскому дѣлу, — отъ 26 іюня за № 40.*

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи № 34 относит. ввѣреннаго мнѣ обще съ командующимъ 2-ою арміею гр. Румянцовымъ Едисанскаго дѣла, дерзаю съ глубоч. благоговѣніемъ донести: при усмотрѣніи моемъ, что отпущенный изъ крѣп. св. Елисаветы татаринъ по истеченіи и двойного уже срока не возвратился, ас. Чугуевцу предписалъ явиться у гр. Румянцова, который, съ ввѣренною ему второю арміею находясь въ близости Татарскихъ границъ, удобные возьметъ случаи въ предпріятію и употребленію способныхъ по тому мѣрѣ, и, учиня обстоятельное о всемъ представленіе, требовать повелительнаго наставленія; на что каковой я отъ ас. Чугуевца получилъ репортъ и при ономъ записку, съ обоихъ при семъ на высоч. усмотрѣніе В. И. В. подношу точныя копіи ¹⁾).

29) *О присланныхъ съ Кіева плѣнныхъ Турковъ, — отъ 26 іюня за № 41.*

В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ всепод. доношу, что по сіе число въ разныя времена прислано отъ команд. первою арміею кн. Голицына военноплѣнныхъ Турковъ одинъ поручикъ, 45 человѣкъ рядовыхъ, двѣ женщины и одна дѣвка, которымъ при семъ именной подношу списокъ, а вчера привезено изъ взятыхъ у Турковъ пяти пушекъ, три мѣдныя а двѣ чугунныя, да пара бубновъ и два барабана. Я не

¹⁾ При черн. реляціи копіи вѣтъ.

премину, по отправленіи конфедератовъ въ Казань, въ силу всевысоч. В. И. В. имен. указа, и плѣнныхъ Турокъ отправить чрезъ Москву въ Архангельскъ, ибо содержаніе оныхъ въ здѣшной крѣпости по нынѣш. воен. обстоятельствамъ, въ разсужденіи немалого для карауловъ расхода людей, всему гарнизону въ тягость становится. Но какъ въ присланныхъ при сообщеніяхъ отъ него жъ ген. вк. Голицына о военноплѣнныхъ спискахъ показаны такими же плѣнными 12 человекъ волоховъ, три армянина, два раскольщика и одинъ жидъ, коихъ рекомендовано содержать на основаніи прочихъ плѣнныхъ, то я держу съ глубоч. благоговѣніемъ всевысоч. себѣ испрашивать повелѣнія, отсылать ли и оныхъ съ Турками въ Архангельскъ, или въ другое какое мѣсто.

29) О числѣ отправленныхъ изъ Кіева въ Казань плѣнныхъ,—отъ 17 іюля за № 44.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. повелѣнія, по отпускѣ сего, отправлено въ Казань разными партіями изъ содержавшихся въ здѣш. крѣпости плѣнныхъ мятежниковъ всего 887 человекъ; изъ больныхъ, кои въ гарнизонныхъ госпиталяхъ пользуемы были, померло въ разныя времена 133, а затѣмъ осталось еще здѣсь слабыхъ всего 4 человекъ.

30) О доставленныхъ Могилевскимъ пріятелемъ свѣдѣнійхъ объ арміи визиря,—отъ 17 іюля за № 46.

Имѣя неусыпное попеченіе о исполненіи всевысоч. повелѣній В. И. В., поручено было Могилевскому пріятелю отправить вѣрныхъ людей въ главную Турецкую армію и въ Константинополь для развѣданія какъ о тамошнихъ обстоятельствахъ, такъ о состояніи и числѣ главной подъ предводительствомъ верховнаго визиря арміи, который отъ 28 числа минув. мѣсяца увѣдомляетъ, что одинъ изъ отправленныхъ отъ него въ армію верх. визиря, прибывъ обратно, слѣдующее объявилъ: засталъ онъ визиря въ Молдавіи между Хотиномъ и Бендеромъ при такъ наз. Могилѣ Робіи со всею арміею въ числѣ ста пятидесяти тысячъ Турковъ, откуда отправленъ Румелійскій сераскерь съ осмью пашами съ шестьюдесять тысячами Турецкой пѣхоты и конницы и съ частью артиллеріи въ Хотину. При главной визирской

арміи, сколько примѣтитъ было можно, находилося девяносто большихъ орудіевъ разнаго калибра, между оными и такіе видѣлъ, подъ коими до 20 и болѣе паръ воловъ въ упряжкѣ. Въ Хотинѣ женскаго полу и малолѣтнихъ дѣтей, сказываютъ, не осталось: всѣ за рѣку Дунай высланы. Въ сей крѣпости дороговизна великая: фунтъ печенаго хлѣба продается по шести коп. Гарнизонъ Хотинскій въ худомъ состояніи, ибо немалая часть онаго отъ горячки померла. Верх. визирь съ своею арміею намѣренъ былъ 28 прош. іюня отъ Робіи Могилы къ Бендерамъ слѣдовать, куда квартирмейстеры для означенія лагеревъ и постройки при оныхъ печей впередъ отправлены. Армія его по отдѣленіи корпуса къ Хотину, какъ гласится, составляетъ 90 тысячъ человекъ пѣхоты и конницы Турецкой подъ командою 12 пашей, при которой артиллеріи 80 большихъ и малыхъ орудіевъ находилось. Изъ Молдавіи собрано двѣ тысячи фуръ для подвозу всякихъ къ арміи надобностей. Молдавскій господарь по визирскому повелѣнію скованъ въ желѣза, а на мѣсто его назначенъ Константинъ Маврокордаты. Къ Хотину сверхъ вышепомянутаго корпуса командированъ былъ одинъ Татарскій султанъ съ тридцатью тысячами Татаръ, но выступилъ ли туда или нѣтъ, неизвѣстно; а сіе подлинно, что въ Молдавіи великое число христіанъ ими порублено, многіе села разорены и молодые люди поплѣнены; при тѣхъ Татарахъ находился съ конфедератами маршалъ Красинскій, которому приданъ Дубосарскій гетманъ Явубъ-ага, а Крымскій ханъ въ Бендерахъ. Изъ партіи Турецкихъ охотниковъ, кои чрезъ Днѣстръ переходить и на армію В. И. В. напасть отважились, какъ сказываютъ, мало возвратилось, ибо сверхъ побитыхъ многіе въ рѣкѣ потонули. Другой нарочно посланный по возвратѣ все вышеписанное подтвердилъ и съ такою только отмѣною, яко командированному къ Хотину съ Татарами султану велѣно до дальняго повелѣнія остановиться, а Румелійскій сераскерь Ахмедъ паша съ корпусомъ въ походъ къ Хотину выступилъ; что господарю Конст. Маврокордату велѣно въ Букурешты слѣдовать, а бывшему тамо въ Ясы прибыть, и что верх. визирь свой походъ къ Бендерамъ отмѣнилъ, а слѣдовать имѣеть къ Очакову. Въ Константинополь еще нарочнаго не отправилъ, а общаетъ объ отправленіи стараніе употребить.

Всемил. Государыня! Я всѣ сіи извѣстія тотчасъ по полученіи обоимъ арміями В. И. В. командующимъ генераламъ сообщилъ, чѣмъ и впредь продолжать не премину.

31) Съ сообщеніемъ о числѣ наличныхъ плѣнныхъ Турокъ и съ вопросомъ, что дѣлать съ плѣнными Волохами, Бомарами и Греками, — отъ 3 сентября за № 48.

Послѣ отпуску всепод. моей реляціи № 41¹⁾ относительно приведенныхъ сюда изъ первой арміи плѣнныхъ Турковъ въ разныя числа дослано еще Турковъ 45 человекъ, турчанка одна съ двумя малолѣтними сыновьями, Волоховъ 12, Грековъ 4, Булгаровъ 18 и жидъ одинъ, коихъ нынѣ, за исключеніемъ умершихъ, содержится здѣсь всего на все Турокъ 79, двѣ замужнія турчанки, одна дѣвка и два мальчика, Волоховъ 32, Грековъ 5, Булгаровъ 22, Армянь 3, раскольниковъ 2 и жидовъ 2; а между тѣмъ померло обыкновенными болѣзнями Турокъ 21, турчанка одна, Волоховъ 4, Булгаровъ 4 и Грекъ одинъ. Что принадлежитъ до плѣнныхъ Турковъ, то оныя всевысоч. повелѣннымъ мнѣ образомъ сими днями отправлены быть имѣютъ въ Архангельскому городу, а Волохи, Греки, Булгаре, Армяне, раскольники и жидаы останутся здѣсь до полученія отъ В. И. В. высоч. указа, что съ оными предпринимать повелѣно будетъ, ибо на сообщеніе мое о Волохахъ, Грекахъ и Булгарахъ, жалующихся, что они не плѣнные, но по единоувѣрію явшіеся собою и прибѣгшіе подъ всевысоч. защищеніе отъ главнокомандующаго первою арміею кн. Голицына мнѣ отвѣтствовано, яко онъ объ нихъ ничего рѣшительнаго мнѣ сказать не можетъ, п. ч. хотя де оныя и не плѣнные, однако, по нѣкакому яко бы въ разсужденіи нынѣшней войны подозрѣнію, думаетъ онъ, что ихъ еще здѣсь удержать надобно, а притомъ поручилъ мнѣ объ нихъ В. И. В. всепод. представить и всевысоч. себѣ испросить повелѣнія. Но если В. И. В. всемил. угодно вѣдать, какимъ образомъ въ прошедшую съ Турками войну съ подобными людьми поступлено было, то я съ глубоч. благоговѣніемъ, сколько извѣстно, осмѣливаюсь раболѣпнѣйше донести, что оныя, какъ въ разсужденіи единоувѣрія, такъ и для приласканія прочихъ ихъ одноземцовъ, принимаемы бывали со всякимъ пріятствомъ и по собственному желанію опредѣлялись иныя въ Молдав. гусар. полкъ, которой тогда жъ изъ нихъ учрежденъ, другимъ позволялось селиться въ Малой Россіи и въ Слободскихъ полкахъ, а нѣ-

¹⁾ Упомянемъ еще о реляціи, отъ 17 іюля за № 47, съ представленіемъ копій репорта Запорож. старшина Филиппа Стагайла о разбитіи Турокъ на Днѣпрѣ, о которомъ донесено въ реляціи за № 37 (копіи этой при чернов. реляціи нѣтъ).

которые для своего пропитанія нанимались у партикулярныхъ людей во услуженіе; подъ карауломъ же, какъ нынѣ, равно съ плѣнными никогда содержимы не были. Итакъ, мнѣ иного не остается, какъ всевысоч. В. И. В. соизволенія объ нихъ ожидать и именной всеѣмъ плѣннымъ Туркамъ списокъ съ раболѣпнѣйшимъ подобострастіемъ при семъ поднести, а при томъ всепод. донести, что нѣкоторые изъ сихъ плѣнныхъ Турковъ отзываются, что имѣютъ желаніе крещеніе принять и вѣчно остаться въ Имперіи В. И. В.; и какъ оныя самобѣднѣйшіе люди, то съ глубоч. благ. всевысоч. себѣ испрашиваю указа, что повелѣно будетъ съ оными дѣлать и какое для пропитанія на первой случай имъ учинить награжденіе.

32) () присланномъ въ Кіевъ изъ первой арміи Черногорскомъ архимандритѣ Григоріи Дреколовичѣ, съ приложеніемъ переводовъ писемъ, бывшихъ у него—отъ 3 сентября № 49.

Усмотря изъ репорта стоящаго въ Польскомъ городѣ Полонномъ бригадира Баннера, яво между присланными изъ первой арміи плѣнными и явившимися собою разныхъ народовъ людьми находится Черногорскій архимандритъ Григорій Дреколовичъ, котораго отъ главнокомандующаго арміею генерала велѣно отмѣннѣ другихъ содержать, производя ему на пищу по 50 к. въ день, и вспомня, что высоч. В. И. В. рескриптомъ отъ 14 марта прошлаго 1768 г., при которомъ приложены переводы съ полученныхъ въ Вѣнѣ полномочнымъ В. И. В. министромъ кн. Голицынымъ отъ Черногорскихъ архимандритовъ писемъ, о подобномъ имени упоминается, поручилъ канцеляріи совѣтнику Веселицкому видѣться съ нимъ и искуснымъ образомъ вывѣдать, какой онъ человекъ, откуда, какимъ случаемъ, зачѣмъ и давно ль къ арміи В. И. В. прибылъ; на которые вопросы отвѣтствовалъ, что онъ Черногорскій архимандритъ Григорій Дреколовичъ есть тотъ самой, которой прошлаго году въ февралѣ мѣсяцѣ отъ общества Черногорскаго и Бердянскаго изъ секретнаго правленія, безъ вѣдома Малаго Степана, отправленъ былъ въ Вѣну къ цесарю и въ Россію къ В. И. В. съ самонужнѣйшими письмами. Посыла его въ томъ только состояла, чтобъ по поднесеніи писемъ о настоящей истинѣ явшагося у нихъ Степана Малаго свѣдать, ибо присланнымъ изъ Константинополя отъ обрѣтавшагося тамо В. И. В. министра тайн. сов. Обрѣзкова къ

Черногорскому начальству письмомъ оной подозрительнымъ показанъ. Въ семъ намѣреніи онъ къ цесарской границѣ въ Землинъ прибылъ, гдѣ нашель въ карантинѣ Пекскаго патріарха Василя Ивановича Беркича, архимандрита Аввакума, посланнаго отъ Малого Степана, невѣдомо, съ какою комиссією, гдѣ и онъ, Дреколовичъ, въ карантинъ принять, откуда дважды къ пребывающему въ Вѣнѣ В. И. В. полномочному посланнику кн. Голицыну писалъ, прося о исходатайствованіи ему скорого пропуску, ибо онъ съ самонужнѣйшимъ секретомъ отправленъ. Но между тѣмъ по цесарскому повелѣнію онъ изъ Землина обратно высланъ. По возвратѣ же его въ Черную Гору Степанъ Малой въ томъ достоинствѣ и власти, какъ онъ по свидѣтельству нѣкоторыхъ у нихъ принять, подвластныхъ ему воиновъ обучалъ и нужныя учрежденія дѣлалъ къ войнѣ съ Турками; а прошедшаго августа 13 числа, по сближеніи Турецкой арміи подъ командою Румелійскаго сераскера Меланхъ-Мегметъ-паши, у нихъ сраженія начались, которыя по 2 число сентября ежедневно въ небольшихъ партіяхъ продолжались, и 3-го сентября главная битва была, въ которой Турки совершенно поражены, разбиты и прогнаны съ большимъ урономъ. А прибывшаго послѣ того съ Бошняцкимъ корпусомъ Бошняцкаго визира Селихтору-Мегметъ-пашу 19-го того жъ сентября равномерно разбили и прогнали, получа въ обоихъ сихъ главныхъ битвахъ великую добычу. Того жъ сентября 24 числа разбили и Венеціанскій корпусъ на Будванскомъ полѣ, а 26-го, будучи онъ, Дреколовичъ, съ архіереемъ Черногорскимъ Арсеніемъ Пламенацомъ въ монастырѣ Майнескомъ, ночью нечаянно прибывшею Венеціанскою командою плѣненъ, въ Будву отвезенъ, отъ архіерея Пламенаца отлученъ и въ Турецкій городъ Баръ привезенъ и тамошнему Турецкому начальству отданъ, откуда подъ крѣпчайшимъ карауломъ въ Царьградъ препровожденъ, гдѣ десять дней разными образы изъ злобы мучимъ былъ, чтобъ письмо написалъ къ Черногорскому начальству съ Турками помириться, которое онъ, не могучи по человѣчеству болѣе мученія стерпѣть, принужденнымъ нашелся такого содержанія написать, чтобъ Черногорцы съ Турками вѣчной миръ на такихъ заключили кондіціяхъ, чтобъ между ими дружба на вѣчныя времена ненарушимо сохранена и продолжаема была, и они бѣ, на своихъ правахъ, преимуществахъ и обыкновеніяхъ пребывая, подъ Турецкою протекцією состояли и во все время свободную въ Турецкой области ко-

мерцію производили, а за такую къ нимъ султанскую милость дозволили бѣ Туркамъ крѣпость у подошвы Черной Горы съ морской стороны построить; которое письмо съ нарочнымъ въ Черную Гору и отправлено, а онъ изъ темницы освобожденъ и верховному визирю представленъ, отъ котораго ласково принять, пятидесятью червонными подаренъ и на пищу по одному левку въ день опредѣлено, а послѣ того къ Румельскому пашѣ Мелайхъ-Мегмету въ Софію отправленъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ при немъ находился до того времени, пока Турки армію В. И. В. побѣдятъ, ибо сей же паша, по одержаніи побѣды, наряженъ былъ съ частию войска къ Черной Горѣ для трагованія о мирѣ на вышписанныхъ кондиціяхъ и построенія тамо крѣпости,— при которомъ все время находился даже до прибытія Турецкаго войска подъ командою его подъ Хотинъ, гдѣ по разбитіи Турковъ онъ, Дреколовичъ, съ тою Турецкою толпою, которая въ Хотинъ ретировалась, въ крѣпость вошелъ, а по нѣсколькихъ дняхъ, смыскавъ удобной случай, оттуда бѣжалъ и къ арміи В. И. В. прибѣгъ, гдѣ генераль-маіоромъ Черноевичемъ опознанъ и къ главнокомандующему генералу представленъ, которому о своемъ приключеніи вкратцѣ донесъ, а между тѣмъ отправленъ въ Кіевъ съ такимъ увѣреніемъ, что оттуда онъ не только въ свое отечество писать можетъ, но и всевысоч. В. И. В. указа здѣсь ожидать имѣеть.

На другой день, въ вечеру, по предварительной обсылкѣ, имѣеть ли канц. сов. Веселицкій время дозволить ему съ нимъ видѣться, пришедъ навѣдался, можно ли ему письмо въ Черную Гору къ тамошнему начальству написать и какимъ образомъ оно скорѣе и вѣрнѣе туда дойдетъ; на что ему отвѣтствовано, что о вѣрномъ доставленіи онаго по почтѣ чрезъ Вѣну никакого сумнѣнія нѣтъ, если отправленіе того онъ ему, сов. Веселицкому, повѣритъ, чѣмъ онъ и доволенъ былъ, общавъ на другой день письмо принести, а между тѣмъ отзывать сталъ, что онъ, видя пріятство его, Веселицкого, къ себѣ и будучи свѣдомъ о происхожденіи его, изъ Далмаціи, яко одноземцу, буде любопытствовать хочеть, можетъ ему сообщить копію съ того инструмента, какимъ образомъ и съ какими кондиціями Степанъ Малой у нихъ принять, равно какъ и съ письма, съ которымъ же прошлаго году въ февралѣ мѣсяцѣ изъ секретнаго Черногорскаго и Бердянскаго правленія къ В. И. В. отправленъ былъ, и получа въ отвѣтъ, что онъ съ удовольствіемъ тѣ піесы читать будетъ, отошелъ

въ квартиру. Итакъ, на другой день, поутру прислалъ чрезъ приставленнаго къ нему для присмотру солдата письмо отверстое для отправления, прося запечатать оное въ своемъ кувертѣ и надпись сдѣлать италянскую, тако жъ и двѣ копіи съ помянутыхъ писецъ, которыя при семъ въ подлинникѣ съ переводами на всевысоч. усмотрѣніе В. И. В. всеподданнѣйше подносятся.

А онъ здѣсь подъ непримѣтнымъ присмотромъ до высоч. В. И. В. объ немъ указа содержанъ быть имѣеть во всякомъ въ пропитаніи довольствѣ. Но какъ письмо его, кое онъ отдалъ для отправления въ Черную Гору, наполнено аллегорією, то приказалъ я сов. канц. Веселицкому непримѣтнымъ и ласковымъ разговоромъ его до того довести, чтобъ онъ ему темные свои отзвывы объяснилъ для разрѣшенія того сомнѣнія, которое онъ въ томъ письмѣ находить, что и учинено, какъ В. И. В. изъ ремарковъ всемилостивѣйше усмотрѣть изволите. Между тѣмъ же канц. сов. Веселицкій въ предосторожность ему совѣтовалъ о имѣвшемъ съ нимъ разговорѣ никому ни слова не открываться, ибо онъ, какъ благоразумный человѣкъ, самъ догадаться можетъ, какое изъ такого откровенія неразумные люди сдѣлать могутъ заключеніе, особливо же въ пограничномъ мѣстѣ, гдѣ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ всякій любопытствомъ зараженъ и по своему смыслу нескладные разсѣвать можетъ толки.

Приложенія:

а) Переводъ письма архимандрита Григ. Дреколовича.

Пресвященнѣйшій г. митрополитъ Савва, пресвѣтлый г. воевода Илія, мой по крови братъ, превозвышенный г. губернаторъ и око, всѣ сердари, начальники, прочіе витези и благородичи нашей земли, здравствовать вамъ желаю въ нашу радость во славу Бога на лѣта многа!

Только двумя словами даю знать всѣмъ вамъ, что Богъ меня изъ рукъ князя Венеційскаго и султана Турецкаго крѣпостію Россійской императрицы избавилъ. Нынѣ я живъ и здоровъ, въ г. Кіевѣ-Печерскомъ нахожусь, ожидаю милостиваго указа; *а предателя моего теперь не упоминаю, хотя и знаю кто*¹⁾, но когда прибуду къ вамъ, если я Дреколовъ внучъ, тогда онъ узритъ. *Дѣла, которыя Богъ началъ у васъ производитъ, да бу-*

¹⁾ Смыль онъ думаетъ Степана Малаго, ибо Венеціане безъ его увѣдомленія знати не могли, гдѣ онъ находится. Примѣч. подлин.

*дуть благополучны*¹⁾). Помните труды мои, которые я денно и ночно съ вами имѣлъ, то жъ страданіе, кое терплю по чужимъ странамъ; слезами, которые я въ моемъ мученіи пролилъ, всѣхъ бы васъ обмылъ. Только всѣ вы *держитесь того обѣта, которой мнѣ дали на Земскомъ полѣ іюня 29 дня 1768 г.; теперь время настало весьма полезное; осмотритесь хорошо*²⁾; ибо когда вы меня въ Вѣну къ Цезарю и въ Россію отправили для разсмотрѣнія и исправленія дѣла, тогда, повидимому, не было сужено, а теперь самъ Богъ судилъ. *Я надѣюсь все исправить и совершить, да и думаю, что довольно уже и совершено*³⁾, только будьте послушны; а что намъ Степанъ Малый подтвердилъ, уповаю, здѣсь и болѣе подтвердится и укрѣпится⁴⁾. Никто, какъ Богъ! Поздравьте Малаго Степана и скажите ему, что я живъ и надѣюсь скоро мою землю и братьевъ посѣтить во всякомъ благополучіи. Поздравьте старую мать и всѣхъ Черногорцевъ и Бердянъ; пускай не жалѣютъ драгоцѣнную свою кровь и крѣпость. Поклонитесь италянскимъ госиодамъ и экстраординарію, и при томъ объявите имъ, что Турецкій царь меня не умертвилъ, но я живъ, а сердарю Василию поручаю, чтобы Богу молился и *гостей бы благопріятно встрѣчалъ*⁵⁾. Итакъ, предавая васъ и себе защищенію святыхъ и Бога живаго, есмь вашихъ свѣтлостей смиренный слуга и братъ архимандритъ Черногорскій, экзархъ Константинопольскій, Григорій Дреколовичъ.

Въ Кіево-Печерскомъ городѣ, августа 26 д. 1769 г.

Г. патріарха цѣлую, Арсенія владыку поздравляю, такжеже Феодосія, Руфима, а Стефана сладчайше поздравляю жъ.

б) Переводъ письма къ Государынѣ Императрицѣ Черногорскаго и Бердянскаго обществъ.

В.И. В.! Общества нашего Черногорскаго и Бердянскаго изъ секретнаго правленія рабы смиренныя, прибѣгаемъ къ монаршему Вашему милостивому

¹⁾ Подъ симъ разумѣть онъ начатую съ Турками войну, въ которой Богъ имъ помогъ врага побѣдить.

²⁾ Обѣтъ состоялъ въ присягѣ на св. Евангеліи, чтобъ одинъ другого не выдалъ, но всякой бы за отечество и вѣру до послѣдней капли крови подвизался. Время полезное потому настало, что съ Россійской императорской стороны Туркамъ война объявлена и непріятель уже нѣсколько и пораженъ.

³⁾ Подъ симъ разумѣть онъ точное свѣдѣніе получить о Степанѣ Маломъ.

⁴⁾ Здѣсь увѣраетъ онъ, что Рос. имп. дворъ, по единовѣрію и свѣдому ихъ къ оному усердію и преданности, не только все то подтвердить изволитъ, что Степанъ Малый имъ подписалъ, но и болѣе милости имъ окажетъ.

⁵⁾ Онъ въ арміи Рос. имп. слышалъ, что въ Черную Гору отправленъ одинъ полковникъ и что можетъ быть въ пользу ихъ еще какая помощь туда пошлется, и для того рекомендуетъ гостей встрѣчать.

Всѣ примѣч. подлин.

сердію и, припадая чрезъ сего посланника нашего, архимандрита Григорія Дреколовича, къ В. И. В. отправленнаго для объявленія нашей крайней нужды и о случившемся въ нашей сторонѣ происшествіи, доносимъ, что по прибытіи къ намъ одной особы со свидѣтелями, доказующими, яко оная есть Петръ Федоровичъ, императоръ Третій Россійскій, наше общество усердно его приняло и, высокой его власти подвергшись, всю нашу вольность въ его руки предало; но получа нынѣ извѣстіе отъ Вашего посланника изъ Царяграда, что онъ не тотъ и чтобъ мы его отъ себя отогнали, еже насъ въ великое привело сомненіе, не зная въ томъ настоящей правды и истины, ибо хотя мы и усматриваемъ въ немъ многую нашу пользу и добрые поступки, однако, о тайностяхъ великихъ государствъ не будучи свѣдомы, опасаемся, чтобъ не понасть въ погрѣшеніе ни противъ Е. И. В. Петра Федоровича, ниже противъ всероссійскаго В. И. В.; а какъ нынѣ западные государи въ нѣкакомъ смущеніи, и султанъ Турецкой намъ войскомъ грозить, противъ котораго мы всегда готовы за всероссійскій дворъ воевати, то для совершеннаго разрѣшенія сего нашего сомнѣнія посылаемъ изъ секретнаго нашего правленія брата нашего вышреченнаго архимандрита, чтобы онъ, отъ В. И. В. принявъ самую истину сего обстоятельства, по возвратѣ своемъ оную намъ предалъ, въ чемъ мы его не только совершенно уполномочиваемъ, но и волю нашу ему препоручаемъ. Итакъ, что сей вышепомянутой нашъ братъ у В. И. В. совершить, мы все оное здѣсь точно исполнять не преминемъ. Извольте только съ нимъ прислать къ намъ одну повѣренную особу для нашей пользы. Мы теперь съ моря хотя и заперты, однако ожидаемъ все милостивѣйшаго указа.

В. И. В. рабы вѣчные и вѣрные:

Смиранный митрополитъ Сава Петровичъ.

Повелитель и воевода Илія Дреколовичъ.

Губернаторъ Іоко Станитинъ.

Сердаръ Андрей Ерселиковичъ. Сердаръ Моисей Пламенацъ.

Князь Ѳома Дреколовичъ. Сердаръ Василій Дреколовичъ.

На Станевичахъ. Изъ нашего секретнаго Черногорскаго правленія.
Февраля 7-го дня 1768 года.

в) Переводъ письма Черногорскаго и Бердянскаго обществъ къ Императору Петру III.

Благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій, великій государь императоръ всероссійскій Петръ Третій, нашъ милостивѣйшій монархъ и государь!

Мы, общества Черногорскаго и Бердянскаго воеводы, губернаторъ, сердары, князья, властители, такъ военные, какъ и духовные, всѣ

В. И. В. кланяемся, а при томъ прославляемъ Бога, сподобившаго насъ того у себя видѣти и принять, чего отцы и дѣды наши не удостоилися; толь милостивъ Богъ нашъ, что сподобилъ насъ вашимъ монаршимъ пришествіемъ освятити. Благословенъ буди отнынѣ и во вѣки! Вотъ, всемил. импер. величеству буди здравствовать между нами, какъ въ своемъ домѣ; все наше движимое и недвижимое имѣніе предаемъ В. И. В. и общаемся, когда въ войну вступишь, за тебя умереть и кровь свою проливать, а ежели бы кто въ измѣнѣ противъ васъ найденъ и уличенъ былъ, оной отъ насъ смертію казненъ будетъ. Итакъ, повелѣвайте нами правдою и истинною. Только общество наше проситъ у В. И. В., чтобъ наши границы учреждены и поставлены были отъ Острога до Калашина, Жупанъ и Гроова; до Рисна съ стороны Босніи, а отъ Мойна моремъ до устья рѣки Бояны, оттуда до Задра и всею Шарою горою на Плавъ до Комарона; и вся земля наша была бъ вольна отъ васъ и послѣ васъ; а нашъ столичный городъ Скадоръ да будетъ свободная наша республика, и никтобы изъ иностранныхъ у насъ судьей не былъ, развѣ одинъ верховный членъ, и гдѣ бы нашъ черногорецъ въ вашей державѣ, которую вамъ Богъ подастъ, ни поселился, да имѣеть всякую вольность въ прожитіи; а мы съ вами воевати будемъ дондеже желаемого постигнете, но потомъ никогда насъ да не изнуряете. Во утверженіе чего В. И. В. все сіе своеручно нынѣ намъ подписать и Бога клятвеннымъ обѣщаніемъ въ соблюденіи того порукою намъ дать изволите. Итакъ, общество ожидать будетъ В. И. В.... (не достаеъ въ документѣ окончанія).

33) О перешедшемъ подъ Россійскую протекцію Польскомъ порутчикѣ фонъ-Витенѣ,—отъ 3 сентября за № 50.

В. И. В. приемлю смѣлость съ глубоч. благогов. раболѣп. донестъ, что прош. августа м-ца, явясъ здѣсь, прибывшій изъ Польши порутчикъ фонъ-Витенъ объявилъ, что онъ, бывъ въ настоящемъ часу въ службѣ у стражника Литовскаго Поцея, а потомъ у графа Юдицкаго, ваштеляница Минскаго, и примѣтя де его, принципала, къ конфедератамъ склонность и по прочимъ притѣсненіямъ, яко диссидентъ, прибѣгъ подъ высоч. покровъ и защищеніе В. И. В., желая быть въ воинской службѣ, и просилъ освободить оставленную въ Польшѣ жену его съ пожитками, о чемъ для пространнѣйшаго усмотрѣнія подношу здѣсь взятой съ него сказки точную копію. Между тѣмъ Жмудскій староста Ходзевичъ и помянутой графъ Юдицкой, чрезъ нарочно присланныхъ ко мнѣ письменно объявляя, что онъ, Витенъ,

задолжалъ тамо болѣе тысячи рублей и, забравъ нѣсколько разныхъ вещей, бѣжалъ въ Россію, требуютъ выдачи его съ однимъ рядовымъ на Польскую сторону обратно, на что отъ меня симъ вельможамъ отвѣтствовано, что какъ оной офицеръ взялъ прибѣжище подъ протекцію В. И. В., то я, не будучи въ состояніи его безъ высоч. соизволенія отсюда къ нимъ отправить, В. И. В. всепод. о томъ доносилъ съ испрошеніемъ указа, по полученіи котораго ихъ увѣдомить не премину. А между тѣмъ оной офицеръ здѣсь подъ непримѣтнымъ присмотромъ содержится.

Приложеніе: Показаніе фонъ-Витена.

1769 г. августа 17 дня, вышедшій изъ Польши поручикъ фонъ-Витенъ въ Кіев. губ. канц. сказалъ:

Родомъ изъ Пруссіи, помѣстья Волинина, лютерскаго закона, въ службѣ Прусской находился 14 лѣтъ въ полку Альтъ-Плотеновомъ; въ 1762 году, по окончаніи войны, изъ того полку я абшитъ взялъ и въ томъ же году вступилъ въ службу у стражника Литовскаго г. Поцея прапорщикомъ; у котораго службу продолжалъ одинъ годъ прапорщикомъ, а пять лѣтъ поручикомъ; прошлаго жъ году, по увѣщеванію гр. Юдицкаго, вступилъ я въ его службу поручикомъ; но между тѣмъ примѣтя, что сей мой принципалъ имѣетъ переписку съ конфедератами и склонность немалую съ ними соединиться, не хотѣлъ болѣе у него остаться, наипаче же потому, что отъ комиссара его Ивашевича всякіе мнѣ чинены были притѣсненія, о которыхъ я г. гр. Юдицкому и доносилъ, прося отъ него защищенія, на что въ отвѣтъ имѣлъ, чтобъ угрозы его, комиссара, и прочихъ придворныхъ офиціаловъ не опасаться, съ чѣмъ я на квартиру свою и пошелъ; но спустя нѣсколько часовъ, докторъ, тамо случившійся, божемской націи прозваніемъ Гинцъ, пришедъ въ мою квартиру, по дружбѣ объявилъ мнѣ, чтобъ я для спасенія своего живота, какъ можно скорѣе, куда-нибудь скрылся, ибо поляки намѣрены меня изрубить; и такъ я, оставивъ жену и всѣ пожитки, какъ сидѣлъ, взявъ только отъ жены моей одиннадцать рублей серебряныхъ денегъ и пять червонныхъ пошелъ къ берегу Днѣпра и нашедъ мужика съ лодкою просилъ его переправить меня за рѣку въ томъ намѣреніи, чтобъ прибѣгнуть подъ высоч. покровъ и защищеніе всеправедн. Рос. императрицы, яко диссидентъ; а нынѣ желаю принять быть въ Россійско-императорскую службу въ кавалерійскихъ полкахъ, о чемъ по совѣсти и чести офицерской объявляя, своеручно подписуюсь. А между тѣмъ приѣмлю смѣлость, зная свою правость и невинность, всенижайше просить, по принятіи меня во всемил. защищеніе, осво-

бодить изъ Польши жену мою съ пожитками, единственно мнѣ принадлежащими, ибо я въ Польшѣ никому нечего не долженъ и никого ничѣмъ не обидѣлъ, что и присягою подтвердить могу.

34) О пожалованіи кап. Бастевика въ секундъ-маіору, — отъ 8 сентября за № 51.

Высоч. В. И. В. рескриптъ отъ 22 прош. августа съ приложеніемъ Кол. иностран. дѣлъ всевысоч. конфирмованнаго доклада о всемилоств. пожалованіи находящагося при здѣшней губ. канц. для заграничныхъ посылокъ кап. Бастевика въ секундъ-маіору, съ жалованьемъ изъ губернскихъ доходовъ по четыреста рублей въ годъ, и о бытіи ему по прежнему при сей канц. для загранич. посылокъ, и что онъ нынѣ по высоч. В. И. В. указу отправленъ во вторую армию для употребленія его въ нужныя комиссіи, — я сего сентября 6 дня имѣлъ честь получить, по которому должное исполненіе чинено быть имѣеть.

35) О полученіи им. указа объ учрежденіи Молдав. гусар. полка изъ вышедшихъ въ Новорос. губернію молдаванъ на поселеніе, — отъ 18 октября за № 53.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. имен. повелѣнія отъ 21 прош. августа относительно поселенія въ Елисавет. пров. вышедшаго туда подъ протекцію В. И. В. молдавскаго народа и учрежденія изъ онаго одного гусар. полку на мѣсто положеннаго въ Новорос. губерніи Самарскаго, приѣмлю смѣлость В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что я не преминулъ находящемуся въ управленіи канц. Новорос. губерніи бригадиру Черткову и опредѣленному на нынѣшнее время надъ помянутыми молдавцами командиромъ маіору Звѣреву достаточное по содержанію всевысоч. В. И. В. указа предписать наставленіе съ сильнѣйшимъ при томъ подтвержденіемъ въ распредѣленіи потребнаго рачительнѣйшее употребить стараніе для скорѣйшаго во всемъ томъ исполненія. А между тѣмъ, какой въ семъ учрежденіи происходитъ будетъ успѣхъ, В. И. В. отъ время до времени съ глубоч. благ. доносить долженствую.

36) По увѣдомленію Моцилевскаго пріятеля о пораженіи Турковъ подъ Хотиномъ и пр., — отъ 18 октября за № 55.

В. И. В. всепод. донести рабской моей должностію признаваю, что

извѣстной Могилевской пріятель отъ 25 прош. сентября увѣдомляетъ, яко въ послѣднихъ числахъ августа одна подь предвод. трехъ знатныхъ мурзъ толпа въ нѣсколькихъ тысячахъ Татаръ, небольшого числа конфедератовъ и живущихъ въ ханскомъ владѣніи Волоховъ, называемыхъ Лопошьевъ, по сю сторону Днѣстра на побережїи великіе дѣлала свирѣпства: мѣстечка Томашполь, Месковку, Комарь-городъ и с. Камянку съ околичными деревнями и слободами разграбила и выжгла, всѣхъ обывателей обоего пола, въ томъ числѣ и множество ретировавшихся туда молдавцевъ плѣнила, а найденные пожитки, хлѣбъ и скоть съ собою забрала. Въ первыхъ числахъ сентября слѣдовавшій за Днѣстровскою стороною подь предводительствомъ Буджацкаго султана корпусъ болѣе 20 тысячъ Татаръ на подкрѣпленіе турецкой подь Хотинымъ арміи въ разстояніи отъ Турецкаго Могилева около пяти верстъ, свѣдавъ отъ бѣгущихъ изъ подь Хотина Турковъ о неожиданномъ приключеніи, что весь Турецкой гарнизонъ выбрался изъ Хотина, оставивъ крѣпость пусту, и что вся Турецкая армія врознь разбѣжалась, найпослѣднѣйшимъ образомъ назадъ возвратился, что изъ разбитыхъ на сей сторонѣ Днѣстра Турковъ спасшїсса бѣгомъ болѣе 200 человекъ, пробираясь лѣсами и болотами, сблизились было къ самому Могилеву, гдѣ помощію находящихся тамъ Поляковъ надѣялись въ ночное время за рѣку переправлены быть, но прибывшимъ подь командою капитана Титовича въ тожь самое время арнаутскимъ деташаментомъ въ лѣсу побиты и не болѣе какъ развѣ человекъ до 30 бѣгомъ спаслось; при которомъ сраженіи помянутой капитанъ въ руку раненъ.

Города Ясъ мѣщанинъ заподлинно увѣрялъ, что передовые В. И. В. легкіе войска при вступленіи въ помянутой городъ застали нѣсколько человекъ Турковъ и конфедератовъ, изъ которыхъ большую часть порубили, а нѣсколько въ полонъ взяли. Бывшая подь Хотиномъ Турецкая армія побѣжала частію горами и лѣсами въ Валахію, частію же къ Браилу, знатно съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ за р. Дунай переходить; а взирь съ небольшою частію своего войска, при которомъ и Молдавской господарь, ретировался за Бендеры въ ханское на Днѣстрѣ лежащее мѣстечко Ханкешласы; но думать надобно, что и онъ къ Сакчѣ для перехода за Дунай отправится, ибо, какъ Молдавскіе обыватели единогласно объявляютъ, Туркамъ отъ побѣдоноснаго В. И. В. оружїа такой страхъ нанесенъ, котораго и описать не

можно. Многіе изъ Турецкихъ маркитантовъ, Армянъ и кондефератовъ, въ Могилевѣ на торгу для покупки съѣстныхъ припасовъ бывшіе, завѣрно связывали, что въ послѣднихъ сраженіяхъ Турокъ побито, плѣнено и инако пропало болѣе сорока тысячъ.

37) *О поручикѣ Витенѣ, — отъ 31 декабря за № 60¹⁾.*

Во исполненіе всевысоч. В. И. В. повеленія касательно развѣданія о точныхъ причинахъ прибѣжища подъ всемилостивое защищеніе В. И. В. бывшаго поручикомъ у польскаго гр. Юдицкаго диссидента фонъ-Витена, В. И. В-ву всепод. донести честь имѣю, что по точному о семъ по способности чрезъ Черниговскаго коменданта освѣдомленію оказалось, что онъ, поручикъ Витенъ, не отъ долгу, но единственно отъ чинимаго ему притѣсненія принужденъ былъ подъ покровительство В. И. В. прибѣгнуть, и что съ собою ничего не снесъ и оклеветанъ польскимъ гр. Юдицкимъ безвинно; и хотя реченному поручику Витену, въ сходство даннаго мнѣ всевысоч. повеленія, для сысканія по его желанію службы В. И. В. дозволено ѣхать въ С.-Петербургъ, но какъ онъ до такого жалостнаго дошелъ состоянія, что не токмо чѣмъ до С.-Петербурга доѣхать, но почти и дневнаго пропитанія не имѣетъ, то, въ разсужденія его иностранства и для нѣкотораго облегченія его нынѣшняго бѣднѣйшаго состоянія, не повелѣно-ль будетъ опредѣлить его нынѣшнимъ чиномъ въ гусарскіе Новорос. губерніи полки, дабы онъ, Витенъ, яко прибѣгшій подъ всемл. покровъ, чрезъ то и всещедрѣйшую милость В. И. В. восчувствовалъ.

---

¹⁾ Должно замѣтить еще реляцію, отъ 18 ноября за № 59, о полученіи рескрипта отъ 6-го ноября относительно освобожденія плѣнныхъ Волоховъ, Грековъ, Болгаръ и Армянъ, и о поручикѣ Витенѣ и пр. (содержаніе рескрипта не приводится).

Дополненія къ реляціямъ

1768 и 1769 гт.

1) Реляція графа П. А. Румянцева, изъ Нѣжина, о приведеніи въ безопасность Елисаветградской провинціи, — отъ 13-го марта 1768 г.

На представленіе мое, кое по нынѣшнимъ обстоятельствамъ для выгаданія времени, вслѣдствіе всевысоч. имен. указа отъ 8 минувш. ноября относительно Новорос. губерніи, отъ 5-го прош. февраля В. И. В. всепод. учинить осмѣлился, получа всевысоч. монаршее повелѣніе отъ 24-го того-жъ февраля и условаясь съ г. генераломъ-губернаторомъ Воейковымъ, съѣхались на половинѣ дороги въ Нѣжинѣ, гдѣ имѣли довольное объ обывателяхъ Елисаветградской провинціи разсужденіе; но уважая нынѣшнее военное время и сообразуясь съ оными обстоятельствами и произоити могущими слѣдствіями, по рабскому нашему усердію, съ общаго согласія лучшаго способа и надежнѣйшаго къ сокращенію обширныхъ съ той стороны границъ средства изобрѣсти не могли, кромѣ всепод. подносимаго при семъ на всевысоч. В. И. В. соизволеніе плана.

Приложеніе: Планъ о приведеніи въ безопасность обывателей Елисаветградской провинціи въ нынѣшнее время.

Мы, нижеподписавшіеся, входя во всѣ подробности, клоняціяся до безопасности обывателей Елисаветградской провинціи, съ общаго согласія слѣдующее постановили, а именно:

1-е) Чгобъ обывателей поманутой провинціи нынѣ за Днѣпръ къ Самарѣ рѣкѣ перевести для переселенія, крайнѣйшая предусматривается неудобность, ибо весь оной немалочисленной народъ, поселясь

совсѣмъ на открытомъ мѣстѣ, умалчивая о томъ великомъ коронномъ убыткѣ, которой на оное переселеніе употребленъ будетъ, болѣе опасности подверженъ былъ бы, нежели въ нынѣшнихъ жилищахъ по близости гусарскихъ полковъ, ротныхъ шанцовъ и крѣпости св. Елисаветы.

2-е) Правда, безопаснѣе было бы для сего народа перевести оной за Днѣпръ въ Малую Россію, ежели бы только способы были къ пропитанію такъ многочисленнаго народа изъ коронныхъ магазиновъ; но въ семъ великая неудобность встрѣчается, ибо сверхъ неизмѣнія во всей Малой Россіи толикой впустѣ земли, обыватели оной по нынѣшнему военному времени поставкою провіанта и другихъ въ арміи удобностей и безъ того крайне отягощены; слѣд., переводомъ помянутыхъ народовъ причинено было бы онымъ чувствительнѣйшее угтсненіе, а переведенцы въ семъ обстоятельствѣ остались бы безъ нужнаго пропитанія.

3-е) Итакъ, въ разсужденіи вышечисанныхъ неудобствъ, за наибеспособнѣйшее и лучшее средство признано слѣдующее: Елисаветградскій пиквиерный полкъ и поселенныя въ ономъ на взятой 1764 году въ прибавокъ двадцативерстной земли слободы перевести въ селенія и шанцы Чернаго и Желтаго гусарскихъ полковъ и въ Мишуринорожскій шанецъ; ибо, какъ ген.-губ. Воейкову положеніе и пространство къ шанцамъ принадлежащей земли извѣстны, помянутые переведенцы не только въ оныхъ помѣщены быть, но и защити отъ Татарскихъ набѣговъ имѣть могутъ, что недавнимъ примѣромъ и довольно доказано, яко непріятель не осмѣлится набѣги свои на шанцы простираеть. Сего ради всѣмъ обывателямъ найстрожайше подтверждено быть имѣеть, чтобы нынѣ еще, сколько можно, для своей обороны всѣ шанцы лучше укрѣпить, въ воихъ они отъ подобныхъ Татарскихъ набѣговъ уповательно безъ прибавки и введенія другихъ регулярныхъ войскъ свободно себя защитити могутъ, а за сохраненіе оныхъ противъ гораздо великой непріятельской силы никто ручаться не въ состояніи.

4-е) Крѣпость св. Елисаветы равномѣрно надлежитъ, сколько возможно, нынѣ-жъ починить и укрѣпить, снабдя оную положеннымъ гарнизonomъ и по числу пушекъ довольномъ количествомъ снарядовъ, куда для лучшей обороны, въ случаѣ непріятельскаго въ границы той провинціи вступленія, введено быть можетъ изъ ближнихъ вооруженныхъ поселянъ немалое число людей.

5-е и послѣднее). Всѣхъ обывателей, у коихъ ружей нѣтъ, изъ здѣшнихъ цейхгаузовъ исправными снабдить ружьями, порохомъ и свинцомъ, дабы они, когда нужда потребуеть, оное въ свою оборону противъ непріятеля употребить могли; а для лучшаго въ томъ поряд-ка и наставленія, во все время нынѣшней войны, подчинить обывате-лей, при вмѣщеніи въ реченные гусарскихъ полковъ шанцы и принад-лежащіе къ онымъ земли, тамошнихъ шанцовъ командирамъ съ най-сильнѣйшимъ подтвержденіемъ повиноваться своимъ начальникамъ безъ малѣйшаго прекословія.

Подлинной подписали: Графъ Румянцовъ.—Феодоръ Воейковъ.

2) *Высочайшій указъ Кіев. генералъ-губернатору Ѡ. М. Воейкову, — отъ 19 іюля 1768 г.*

Господинъ генералъ-губернаторъ Ѡедоръ Матвѣевичъ!

Общей вопль отъ злыхъ и добрыхъ во всей Польшѣ противу недо-зволеннаго и всю славу военной службы развращающаго, какъ и дѣламъ весьма вреднаго, поведенія нашего генерала-маіора Кречетникова вынуж-даетъ изъ насъ такія мѣры, которыя во всякомъ другомъ случаѣ были бь претительны нашей природной склонности и статскимъ правиламъ. Сей генералъ, по-видимому, вышедъ совсѣмъ изъ предѣловъ должности и уваженія къ славѣ нашего оружія и ослѣпясь мерзвымъ и презрительнымъ корыстолюбіемъ, производитъ, какъ сказываютъ, такія себѣ нажиточныя грабежи по тамошней землѣ, что уже многіе обозы съ пограбленнымъ оттуда выслалъ,¹⁾ а другіе и теперь для высылки же въ границы наши позадь себя возить, что произвело уже и страхъ и роптаніе, да и къ нему самому публичное презрѣніе отъ самыхъ его подкомандующихъ. Мы потому, поставляя теперь обяза-тельствомъ нашего званія защитить службу отъ презрительнаго попол-зновенія, за нужно нашли отозвать генерала-маіора Кречетникова отъ его команды, а вамъ чрезъ сіе поручить съ совершенною нашею довѣренностію къ вашей ревности и прозорливости, чтобъ вы, въ крайнемъ секретѣ избравъ вѣрныхъ людей, чрезъ нихъ по гра-ницѣ вашего вѣдомства точно и, какъ возможно, скорѣе по лучшему вашему благоизобрѣтенію развѣдали, какія и когда и чрезъ которыя

¹⁾ До этихъ словъ тоже самое повторяется въ письмѣ Императрицы къ Румянцеву, напечатанномъ у Соловьева въ его „Ист. Рос.“, т. 27-й, стр. 295.

мѣста и на сколькихъ лошадяхъ были уже высланы обозы отъ того генерала, съ повелѣніемъ также въ крайнемъ секретѣ стеречь тѣхъ, которые впередъ отъ него высланы быть могутъ, и чтобъ оныя уже тогда тотчасъ были задержаны и отъ васъ повѣреннымъ человѣкомъ освидѣтельствованы. По сему столь важному для славы и чести военной службы, сколько и деликатному для репутаціи всѣхъ нашихъ генераловъ, вамъ ввѣренному отъ насъ, дѣлу вы имѣете содержать съ нами о исполненіи его непосредственную переписку, адресуя ваши доношенія къ намъ въ собственныя наши руки. Мы пребываемъ къ вамъ нашею милостію всегда благосклонны.

Екатерина. Въ Петергофѣ. 19 іюля 1768 года.

3) *Реляціи генералъ-губернатора по дѣлу г.-м. Кречетникова:*
а) *отъ 6-го августа.*

В. И. В. высоч. указъ за собственноручнымъ подписаніемъ, отъ 19 минувшаго іюля, а того-жъ мѣсяца 29 числа съ глубочайшимъ благоговѣніемъ получить удостоился, на которой В. И. В. симъ раболѣпнѣйше доношу, что во всеподданнѣйшее исполненіе всевысочайшаго повелѣнія безъ малѣйшаго медленія отъ меня вѣрные люди по границѣ моего вѣдомства къ тѣмъ форпостамъ, у коихъ по указу пропуска чинятся, для подлиннаго о высланныхъ изъ Польши въ Россію обозахъ развѣданія посланы, и, елико сдѣлано будетъ, В. И. В. непосредственно донести не укосню. Между тѣмъ беру смѣлость В. И. В. по рабской моей должности присовокупить, что до нынѣ о подобныхъ провозахъ чрезъ здѣшнее мѣсто болѣ слуха не было, кромѣ что отъ ген.-маіора Подгоричани послѣ взятія Бердычева отправлено нѣкот. число подъ видомъ купленныхъ имъ для заводу кобылъ и жеребцовъ въ его деревню. А отъ пріѣзжихъ изъ Польши офицеровъ, (особливо же отъ вахмистра здѣшней рейтарской роты Гребенкина, который, слѣдуя изъ Константинополя съ мартовскими депешами, при мѣстечкѣ Погребичахъ конфедератами пойманъ былъ и до взятія Бара подъ карауломъ содержался, гдѣ и освобожденъ)¹⁾, слышно, яко у ген. маіора Кречетникова, при которомъ онъ нѣсколько дней находился, весьма великой

¹⁾ Слова эти, взятая въ скобки, въ реляціи зачеркнуты.

обозъ, въ коемъ везется множество серебра, денегъ и всякихъ вещей, а, кромѣ цуговыхъ лошадей, однихъ верховыхъ около шестидесятъ имѣеть. Я признаюсь, всемилостивѣйшая государиня, что по всеподданнической моей должности, ревнуя о сохраненіи славы и репутаціи побѣдоноснаго В. И. В. оружія, присланные съ переловленными разбойниками сюда самые бездѣльные изъ пограбленныхъ пожитки, состоящіе въ одномъ только поношеномъ платьѣ и лоскутьяхъ, ибо по допросамъ явствуетъ, что деньги, серебро и прочіе пограбленные дорогіе вещи у сихъ разбойниковъ при поимке командирами тѣхъ детаментовъ отобраны, приказалъ въ сохраненіе отдавать, единственно въ томъ намѣреніи, чтобы, при опознаніи прибѣгшими въ здѣшнее мѣсто подъ высочайшее В. И. В. покровительство польскими дворянами, каждому его собственное за роспиской возвращаемо быть могло, чѣмъ нѣкоторые изъ оныхъ дѣйствительно и удовольствованы. Въ несумнѣнной пребывая надеждѣ, что сей мой отъ единственнаго усердія и ревности учиненной поступокъ всемилостивѣйшаго В. И. В. удостоится благоволенія, повергаю себя къ монаршимъ стопамъ съ раболѣивнѣйшимъ благоговѣніемъ.

б) отъ 22-го августа.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. именного за собственноручнымъ подписаніемъ указа, дерзаю В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доносить, что хотя два штабъ офицера, на искусство и вѣрность коихъ я совершенно положится могу, по форпостамъ моего вѣдомства и отправлены были для развѣданія, не пропущены ли гдѣ слѣдующіе изъ Польши въ Россію обозы ген. маіора Кречетникова, на сколькихъ имянно лошадяхъ и повозкахъ, однако оныя, возвратясь изъ сей посылки, мнѣ по присяжной должности объявили, что нигдѣ о томъ ни малѣйше свѣдать не могли, развѣ не пропущены иногда подъ имянемъ какихъ либо полковыхъ тягостей на отдаленныхъ отсюда форпостахъ; но со всѣмъ тѣмъ на главныхъ пропускныхъ форпостахъ стоящимъ офицерамъ отъ меня найстрожайше подъ крайнимъ секретомъ подтверждено впредь недреманное имѣть смотреніе, ежели какіе обозы изъ Польши помянутаго ген. маіора прибыть имѣли бѣ, задержавъ, меня рапортовать, которые повѣреннымъ отъ меня человѣкомъ освидѣтельствованы и В. И. В. о томъ немедленно всеподданнѣйше донесено быть имѣется. Отъ прибывшихъ же

съ арестантами офицеровъ и отъ прїѣзжихъ оттуда куріеровъ слышно заподлинно, что весь ген.-м. Кречетникова обозъ нынѣ въ мѣст. Полонномъ, гдѣ и полковые тягости оставлены, находится, а онъ въ Тулчинѣ на-легкѣ съ небольшимъ экипажемъ. О чемъ раболѣпнѣйше донеся, повергаю себя къ монаршимъ В. И. В. стопамъ со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

в) отъ 3-го сентября.

Вслѣдствіе всепод. моего доношенія отъ 22-го минувшаго августа мѣсяца дерзаю В. И. В. раболѣпнѣйше присовокупить, что ген.-м. Кречетниковъ сего мѣсяца 29 числа съ двумя его сыновьями сюда чрезъ Васильковскій форпостъ прибылъ, а 31-го, оставивъ дѣтей здѣсь, въ Переяславъ къ г-ну генераль-аншефу и кавалеру гр. Румянцову на-легкѣ отправился. Какъ скоро я о слѣдованіи его изъ Польши свѣдалъ, то не преминулъ, во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. иман. повелѣнія, директору Васильковской таможи Туфанову, яко скромному и вѣрному человѣку, въ крайнѣйшемъ секретѣ предписать во время прїѣзда реченнаго генерала къ форпосту съ пристойнымъ извиненіемъ и учтивостію, ссылаясь на свою инструкцію, настоять о осмотрѣ всего въ обозѣ возимаго, къ чему безпрекословно и допущенъ, а сколько какихъ вещей въ бывшемъ при немъ небольшомъ обозѣ найдено, тому точную при семъ на Высоч. усмотреніе съ глубоч. благоговѣніемъ подношу опись. Но какъ по извѣстію тяжелой сего генерала обозъ изъ Полоннаго еще къ Василькову не прибылъ, то отъ меня ему, директору Туфанову, поручено и оной равномѣрнымъ образомъ осмотрѣть и, всѣмъ вещамъ сочиня вѣрную опись, ко мнѣ прислать, которую я во свое время В. И. В. отправить долженствую. Съ раболѣпнымъ подобострастіемъ къ монаршимъ повергаясь стопамъ, и т. д.

Приложеніе: Реестръ, что по осмотру въ Васильковской пограничной таможи явилось въ обозѣ г. генераль-маіора и кав. Кречетникова, вещей.

Денегъ серебряной російской монеты *четыре тысячи* рублей.

Гардеробъ:

3 мундира, генеральское шитье золотомъ.

На такой же мундиръ новое сукно и шитье.

3 мундира простыхъ безъ шитья.

1 сюртукъ, съ камзоломъ и штанами, суконной, простой.

1 шинель съ золотымъ позументомъ, подбита шелковою байкою.

1 кирея синяго плису на бѣльемъ мѣху, съ золотымъ приборомъ.

1 кирея алаго сукна на волчьемъ мѣху.

2 шпаги съ серебряными эфесами.

4 эфеса стальныхъ прорѣзныхъ.

1 эфесъ къ польской саблѣ такой же.

1 табакерка серебряная большая безъ позолоты.

2 табакерки серебряныя жъ вызолоченныя.

1 часы столовые мѣдные, большіе въ деревянномъ корпусѣ.

1 часы столовые жъ мѣдные, малые.

1 часы столовые деревянные.

3 волтрана алаго сукна; одинъ съ серебрянымъ гасомъ, два съ золотымъ позументомъ.

2 чепрака старыя, шитыя одинъ по бархату золотомъ, а другой по сукну серебромъ, и къ нимъ чюшки.

1 чепракъ новой съ чюшками шить по зеленому бархату золотомъ съ бахромою.

3 муштука съ поперьемъ и пофями съ серебрянымъ наборомъ, въ томъ числѣ одинъ вызолоченъ.

2 попоны суконныя съ серебрянымъ позументомъ.

1 корпусъ фарфоровой на карманныя часы.

1 фигурка серебряная, сдѣланная раковиною, на ней двѣ статуйки костяныя маленькія.

1 фигурка серебряная похожа на крышку; на ней два держанца костяные маленькіе.

3 тулупа калмыцкихъ, въ томъ числѣ одинъ покрытъ цвѣтнымъ люстриномъ, а два безъ покрышки.

3 мѣха бѣлыхъ.

Серебряной посуды:

1 платминашъ; въ немъ доска на ножкахъ, длиною въ 10 вершковъ, шириною въ полъ аршина; на ней чаша и на ножкахъ для поклажи фруктовъ 4 суга; 4 формы, въ кои вставляются хрустальные графинчики, и тѣ графинчики съ серебряною оправою; 2 раковины въ срединѣ вызолочены, кои ставятся по сторонамъ на доскѣ.

4 чаши суповыя съ крышками и подъ нихъ 4 блюда.

- 6 соусниковъ съ крышками.
- 8 кюстриль соусныхъ съ крышками жъ.
- 2 конфора.
- 2 блюда большихъ подъ жаркое.
- 2 соусника съ ручками, въ срединѣ вызолочены.
- 8 солонокъ.
- 2 горчишницы и къ нимъ 2 ложечки.
- 3 ковша разливныхъ, большихъ.
- 5 соусныхъ ложекъ.
- 6 футляровъ кожаныхъ, въ коихъ 3 дюжины ложекъ и 3 дюж. ножей съ вилками.
- 2 футляра съ 2 дюж. ножей съ вилками.
- 1 дюж. ложекъ безъ футляра.
- 2 дюж. ложечекъ конфетныхъ.
- 2 дюж. чайныхъ.
- 1 подносъ четверугольной большой.
- 2 подноса круглыхъ: одинъ средній, а другой малой.
- 1 футляръ съ 6 хрустальными покатчиками съ золотомъ.
- 2 футляра съ 2 дюж. стаканчиками такими жъ.
- 1 ящикъ съ телескопомъ.

Товаровъ, подлежащихъ къ платежу пошлины:

- 4 дюж. чулокъ полковыхъ, мужскихъ.
- 26 арш. градитурѣ шелкового вердепо.
- 26 арш. градитурѣ мардаре.
- 25 арш. того жъ двуличнаго.
- 24 арш. отласу волнистаго по лосинной земли.
- 26 арш. тово жъ по бѣлой земли.
- 25 арш. травчѣтого по фіалетовой земли.
- 15 арш. травчѣтого съ синелью по синей земли.
- 24 $\frac{1}{2}$ арш. тафты бѣлой съ травами шелковыми.
- 25 арш. штофу французскаго по фіолетовой земли,
- 2 штучки полшелковой матеріи хинской.

За недозволительнымъ вывозомъ по указамъ въ Россію оставлены при таможенѣ:

- 3 шт. турецкихъ телновыхъ обоевъ, тканыхъ съ золотомъ; въ нихъ мѣры 37 $\frac{1}{2}$ аршинъ.
- 3 покрывала на столъ турецкихъ же шелковыхъ, тканыхъ съ золотомъ.

на 16 стулъ обоевъ шелковыхъ тканыхъ и вышитыхъ серебромъ.
 10 шт. и одинъ остатокъ полотна голанскаго и ворендорскаго.
 6 штукъ сукна тритцетоваго.
 2 шт. и 12 арш. бреславскаго.
 35 арш. трипу шерстянаго.
 18 арш. байки шелковой.
 1 скатерть голанская и 1 1/2 дюж. салфетокъ.
 5 арш. трипу бумажнаго.
 1 1/2 дюж. колпаковъ бумажныхъ.
 2 дюж. перчатокъ лайковыхъ дамскихъ.
 86 арш. позументу золотаго и серебрянаго одностороннаго.
 6 арш. сукна аглицкаго ординарнаго.

Въ ономъ обовѣ:

Въ пряжкахъ и безъ уряжки 58 лошадей, въ томъ числѣ 5 жеребцовъ разной породы, 6 кобылъ съ 4 жеребятами, 2 буйвола; да у адъютанта 1 панцырь кольчужской.

4) Письма ген. губ. Воейкова къ гр. Н. И. Панину:

а) отъ 6-го августа 1768 г.

В. С-ва высокопочтеннѣйшее письмо отъ 19-го іюля я того жъ мѣсяца 29-го числа съ курьеромъ лейбъ-гвардіи сержантомъ Трегубовымъ имѣлъ честь исправно получить, на которое В. С. симъ въ отвѣтъ служу. Присланные сюда изъ переловленныхъ войсками Е. И. В. Запорожскіе разбойники, о коихъ я всеподданнѣйше реляціями отъ 12 и отъ 19-го прошедшаго іюля доносилъ, здѣсь еще подъ крѣпчайшимъ карауломъ содержатся единственно для вынужденія отъ главнаго ихъ начинщика Максима Желѣзняка о всѣхъ его сообщникахъ подлиннѣйшаго свѣданія, ибо сія злодѣйская шайка такъ разсѣялась, что по сіе время, не взирая на всѣ для поимки оной съ нашей стороны принятыя мѣры, еще истреблена быть не можетъ, а потомъ, въ силу объявленнаго мнѣ высоч. соизволенія, точное исполненіе учинить не премину, отправляя таковыхъ скованныхъ въ кандалы разными небольшими партіями для безопаснѣйшаго въ дорогѣ за ними надсматриванія даже до Нерчинска въ вѣчную работу. Что жъ принадлежитъ до Устина Тройницкаго, то какъ скоро оной въ здѣшніе предѣлы ретируется, отъ меня приказано

будеть, тотчасъ его, какъ настоящаго разбойника, арестовать. Равно-мѣрно, когда отъ Е. С. чрезвыч. и полномоч. посла кн. Н. В. Репнина или отъ находящихся въ Польшѣ господъ генераловъ плѣнные возмутительныхъ конфедерацѣихъ массъ сюда присланы будутъ, я по письменному отъ нихъ требованію съ таковыми точно поступать и въ свое время о томъ всеподданнѣйше доносить не премину; а по сю пору одинъ только безымянной отъ г. ген.-м. Кречетникова арестантъ ко мнѣ присланъ, о коемъ реляціею моею отъ 8 прошедшаго мая всенижайше донесено съ испрошеніемъ всевысоч. повелѣнія, что съ онымъ предпринять, которой еще здѣсь подъ крѣпкимъ содержится карауломъ.

Между тѣмъ В. С. всеповорнѣйше прошу о исходатайствованіи мнѣ высоч. резолюціи, что съ польскими мужиками предпринять, кои збунтовавшись къ разбойнической шайкѣ пристали и по переловленіи сюда ко мнѣ присланы, каковыхъ здѣсь 137, а въ Новороссійской губерніи болѣе ста человѣкъ содержится.

Въ заключеніе сего, исполняя повелѣніе В. С., прилагаю при семъ, по секретному Е. И. В. высоч. указу, мое рабское доношеніе для поднесенія всемил. нашей самодержицѣ, имѣю честь съ досто-вѣрнѣйшимъ высокопочитаніемъ и съ искреннѣйшею преданностію быть В. С., мил. гос. моего,—(подпись).

б) отъ 21-го августа.

На два В. С. почт. письма, коими меня отъ 4-го сего августа удостоятъ изволили, имѣю честь симъ въ отвѣтъ служить: елико до приѣзжающихъ изъ за границы Греческихъ монаховъ принадлежитъ, то по похвальному условію г. резидента Обрѣзкова съ Константинопольскимъ патріархомъ о невпускѣ въ границы таковыхъ, кои пашпортами отъ пребывающихъ въ Цареградѣ нашихъ министровъ не снабдѣны, въ силу высоч. Е. И. В. повелѣнія, отъ меня на всѣ пограничныя вѣдомства моего форпосты надлежащія подтвержденія учинены. На второе В. С. доношу, что извѣстной Явубъ письмомъ своимъ вновь немалой поводъ къ сумнѣнію мнѣ подалъ, какъ В. С. изъ сегодняшней реляціи моей № 47 и приложений къ оной обстоятельнѣе усмотрѣть изволите, ибо страсть къ корыстолюбію такъ его убѣдила, что не устыдился у прибѣгшаго къ его защищенію

и обиженнаго явно весьма нагло забрать послѣдніе отъ разграбленія спасенные товары въ зачетъ двухъ годоваго пенсіона, о коемъ онъ давно домогался, давъ ему вексель и письмо къ надв. сов. Нивиѣфорову о уплатѣ 1869 рублей. Я не примину, при случаѣ формальнаго приглашенія его быть очевиднымъ свидѣтелемъ исполненію при Орловской слободѣ надъ злодѣями, нарушившими общенародной покой, по повеленію В. С., приказать надв. сов. Никиѣфорову къ нему отписать съ испрошеніемъ откровеннаго и подробнаго сообщенія о всѣхъ обращеніяхъ и происксахъ французскаго эмиссара Тота при ханѣ Крымскомъ, въ какомъ онъ у него кредитъ и какія точно и чрезъ кого именно тамо дѣла онъ производитъ, а какой отъ него на оное отвѣтъ присланъ будетъ, въ свое время В. С. донести не оставлю, пребывая впрочемъ съ найсовершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и съ истиннѣйшею преданностію.

в) отъ 22-го августа.

В. С. благосклоннѣйшимъ письмомъ отъ 14 сего августа мнѣ знать дать изволили о полученномъ чрезъ Варшаву отъ тайн. сов. Обрѣзкова извѣстіи, что Парта Оттоман. крайне огорчилась первою вѣдомостію о разореніи свитавшимися по Польшѣ разбойниками Татарскихъ слободъ Балты и Голты, ибо ей тѣ разбойники предъявлены были воинскою нашею командою и проч., при коемъ приложенъ экстрактъ изъ рескрипта гр. П. А. Румянцову для вѣдома о прибѣгшихъ въ границы наши Полякахъ; на которое имѣю честь симъ въ отвѣтъ служить, что по высоч. повелѣнію надъ здѣшними подданными, кои въ числѣ гайдамаковъ въ Польшѣ пойманы и сюда съ разныхъ сторонъ присланы, формальной судъ съ крайне возможнѣйшимъ поспѣшеніемъ производится, но за многимъ числомъ сихъ злодѣевъ оной до нынѣ окончанъ быть не могъ, какъ В. С. изъ сегодняшнихъ моихъ всепод. реляцій (№ 46 и приложеній къ оной, такожь и № 49) обстоятельнѣе усмотрѣть изволите, ибо я не преминулъ о томъ предварительно хана Крымскаго увѣдомить для умягченія первымъ до него дошедшимъ неосновательнымъ слухомъ раздраженнаго его духа. Я намѣренъ умножившуюся виновныхъ толпу раздѣлить на четыре части, изъ коихъ три въ Елисаветградской провинціи при границѣ Турецкой, Польской и Сѣчи Запорожской наказаны быть имѣютъ, а одна при границѣ

здѣшней у Васильковскаго форпоста, гдѣ главной проѣздъ къ Бендеру, Молдавіи, Валахіи и Константинополю, ибо при сихъ мѣстахъ Турецкіе подданные купно съ Поляками всему происхожденію самовидцами быть могутъ.

Приговоръ преступникамъ будетъ согласенъ съ законами и со внѣшними политическими уваженіями. По предписанію В. С., къ хану Крымскому письмо отъ меня послано быть имѣть на предписанномъ же мнѣ основаніи по окончаніи суда надъ Запорожцами. Плѣнныхъ, кромѣ упомянутаго въ реляціи моей № 48 ротмистра, болѣе во мнѣ не прислано, а когда пришлются, по письму Е. С. кн. Н. В. Репнина съ оными поступить не примину. Безъизвѣстной здѣсь находящейся арестантъ, которой, какъ я догадываюсь, есть тотъ пошъ Марекъ, о коемъ В. С. упоминать изволите, содержанъ будетъ подъ крѣпчайшимъ карауломъ до указа.

Итакъ, отвѣтствовавъ В. С. на высокопочтеннѣйшее ваше письмо, слѣдующее присовокупить за долгъ поставляю, что, не взирая на учиненныя распоряженія для поимки нашими войсками гайдамаковъ въ Польшѣ и на обнародованіе манифестовъ, по извѣстіямъ, толпа злодѣевъ какъ Польскими подданными, такъ и Запорожцами, по разнымъ мѣстамъ въ удобныхъ для нихъ лѣсахъ еще безпрестанно шатается, откуда на разныя села и мѣстечки нападенія дѣлаетъ. Напослѣдокъ имѣю честь включить здѣсь мое рабское доношеніе по секретному указу для поднесенія Е. И. В., съ найсовершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и истиннѣйшею преданностію пребываю.

2) отъ 3-го сентября.

В. С. имѣю честь донести: г. ген.-м. и кав. Кречетниковъ сюда прибылъ и въ Переяславъ къ Е. С. гр. П. А. Румянцову отправлялся, о чемъ Е. И. В. влюченнымъ здѣсь всепод. доношеніемъ, о поднесеніи котораго В. С. покорнѣйше прошу, отъ меня обстоятельно изяснено.

Елико же до содержащихся здѣсь злодѣевъ и до прочихъ пограничныхъ обстоятельствъ принадлежитъ, то все оное В. С. изъ сегодняшнихъ моихъ всепод. реляцій милостиво усмотрѣть изволите. Итакъ, не находя болѣе въ донесенію, присовокупляю только, что гайдамацкая шайба въ Польшѣ преслѣдованіемъ и поимкою нашихъ

войскъ отъ время до времени умаляться, а взволнованная подлость, смотря на то, нѣсколько успокоиваться стала, я имѣю честь быть и т. д.

д) отъ 3-го ноября изъ Кременчука.

По отправленіи послѣднихъ моихъ 4-го числа прошедшаго м-ца всенод. доношеній отправился я, во всениж. исполненіе всевысоч. именнаго Е. И. В., нашей всемил. Самодержцы, повелѣнія, для осмотра и другой половины Новороссійской губерніи изъ Кременчука въ Бахмутъ, откуда 21-го октября сюда возвратился, но, по несчастію моему, съ такимъ жестокимъ болѣзненнымъ припадкомъ, что и до сихъ поръ отъ великой слабости въ прежнее состояніе прийти не могу.

В. С. изъ сегодняшней моей экспедиціи усмотрѣть изволите, что Порты уже свою маску сняла и не только г. резидента Обрѣзкова въ Едикуль посадить велѣла, но и войну Россійской Имперіи объявила.

При такихъ обстоятельствахъ мнѣ, по рабской моей должности, иного не остается, какъ неутомленное попеченіе, по сношенію съ Е. С. ген.-анш. и кав. гр. П. А. Румянцовымъ, яко съ главнымъ командующимъ всей Украинской дивизіи, имѣть о лучшихъ распоряженіяхъ для сохраненія цѣлости границъ и учиненія всѣмъ наглостямъ удобовозможнаго отпора, ибо количество и качество подчиненнаго мнѣ войска въ обнятію обширности границъ ввѣренной мнѣ Новороссійской губерніи весьма недостаточно; а между тѣмъ въ ожиданіи В. С. мудрыхъ по сему наставленій, препоручая себя неотмѣнному продолженію вашего ко мнѣ благоволенія, съ достожджнѣйшимъ пребываю и т. д.

е) отъ 27-го ноября.

В. С. всепочтеннѣйшее письмо отъ 8-го сего ноября я имѣлъ честь исправно получить. За обстоятельное увѣдомленіе о точныхъ происшествіяхъ въ Константинополь относительно вѣроломнаго поступка Порты я всепокорнѣйше и найпризнательнѣйше приношу В. С. благодареніе.

Елико до защищенія Елисаветградской первымъ Татарскимъ набѣгамъ подверженной провинціи касается, то я, не утруждая

В. С. пространнымъ того изъясненіемъ, ссылаюсь на мою отъ 17-го сего ноября и нынѣшніе всепод. реляціи, изъ коихъ благосклоннѣйше примѣтите изволите, что я всеудобнымъ образомъ мѣры, по ревности моей, употребилъ и войска такимъ образомъ кордономъ расположилъ, что при потребномъ случаѣ одна линія свободно другою подкрѣплена быть можетъ для учиненія Татарскому стремленію возможнаго препятствія. Теперь же мнѣ иного присовокупить не остается, какъ искреннѣйшую В. С. изъяснить благодарность за благопріятнѣйшее сообщеніе всеобщей радости, что Е. И. В. въ С.-Петербургъ 1-го числа сего при совершенномъ здравіи возвратиться изволила, что въ тотъ же самой день Е. И. В. государю цесаревичу вел. князю воспа привита и операція благополучно происходитъ, предвѣщая намъ чрезъ нѣсколько дней несумнѣнно сходственное съ усердными желаніями нашими совершенное дражайшаго здравія его возстановленіе. Препоручая себя и т. д.

ж) отъ 9-го января 1769 г.

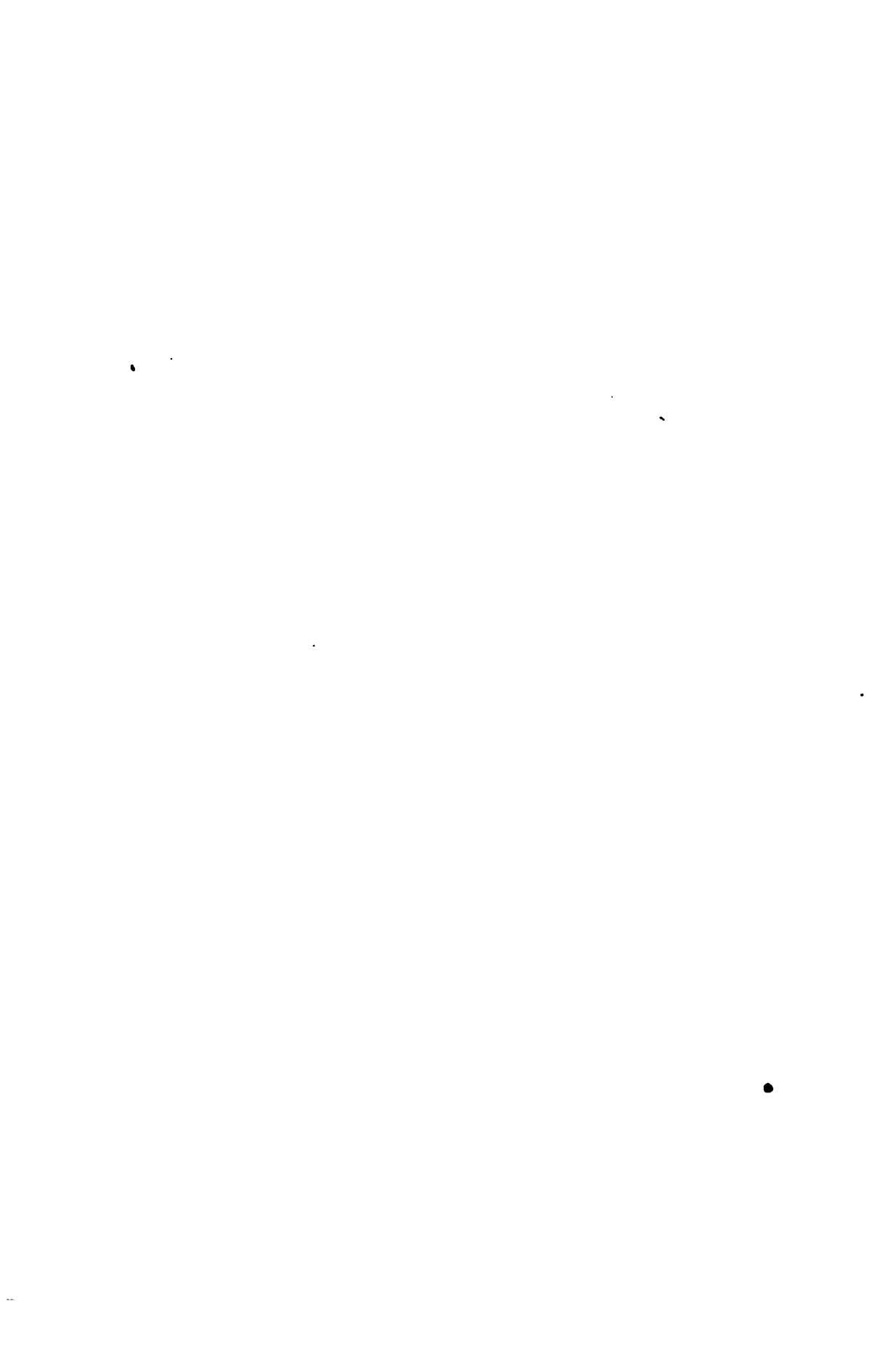
В. Грф. С. всепочтеннѣйшее письмо, коимъ меня отъ 19-го прошед. м-ца удостоить изволили, имѣлъ я честь со всѣми приложеніями исправно получить. Вслѣдствіе чего Вамъ, м. г., поворн. доношу, что при отпращиваніи всевысоч. грамоты къ войску Запорожскому я не преминулъ и ваше письмо къ кошевому атаману Калвишевскому съ моимъ препроводить, съ котораго при семъ для усмотрѣнія подношу копію. А между тѣмъ, какъ изъ моихъ сегодняшнихъ всепод. реляцій примѣтите изволите, въ Запорожской Сѣчи произошелъ было отъ сиромыхъ бунтъ, которой хотя храбрымъ и мужественнымъ поступкомъ случившагося въ Новосѣченскомъ регранжаментѣ Желт. гусар. полка капитана Марковича безъ дальнѣйшимъ слѣдствій и успокоенъ, однако въ разсужденіи того, что сей катастрофъ отъ смежныхъ съ Запорожцами Татаръ утаенъ быть не можетъ, я заключать сталъ, что кошевому въ начатіи возложенной на него толь важной комиссіи можетъ нѣкоторое произойти затрудненіе.

По прибытіи сюда ассессора Чугуевца я не только собою, но и чрезъ канц. сов. Веселицкаго о всемъ, до помянутой комиссіи принадлежащемъ, съ нимъ объяснялся, но и отъ него мое заключеніе подтверждено; ибо онъ по знанію нравовъ и склонностей необуздан-

наго Татарскаго народа, сильными доводами доказывалъ, что послѣ сего въ Сѣчи происшествія, не взирая на возстановленіе кошевого и прежнихъ старшинъ, внушаемые отъ него Татарамъ увѣщеванія и посулы не могутъ быть столько уважены и въ такой силѣ приняты, чтобъ по онымъ какого либо успѣха ожидать; но вопреки тому опасность предвидится, чтобъ такое покушеніе начатому уже прежде въ Едисанской ордѣ дѣлу главную помѣху не сдѣлало.

По симъ обстоятельствамъ я приказалъ ассесору Чугуевцу къ кошевому атаману отписать съ истребованіемъ по сему дѣлу его мнѣнія, до полученія котораго изготовленъ надежный отъ него, Чугуевца, человѣкъ для отправленія онога, буде кошевой согласится, въ Едичкульскую орду съ словеснымъ мурзамъ внушеніемъ или съ письменнымъ увѣщеваніемъ; а между тѣмъ уповательно, что отъ посланныхъ въ Едисанскую орду нарочныхъ какой-либо отвѣтъ до меня дойдетъ, по которому я не премину найудобозможнѣйшія и сходнѣйшія мѣры обще съ Е. С. гр. П. А. Румянцовымъ сыскивать къ надлежащему произведенію сего толь важнаго дѣла; а что по оному происходитъ будетъ, В. Грф. С. доносить не оставлю. Итакъ, вручая себя неотмѣнной вашей ко мнѣ милости и покровительству, съ достовѣрнѣйшимъ и т. д.

ОТДѢЛЪ IV.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Обзоръ послѣднихъ изданій Виленской Археографической Коммиссіи*).

Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Коммиссіею.

Томы XI—XVIII. Вильна, 1880—1891 г.

Какъ извѣстно, въ Россіи, а именно въ Вильнѣ, Витебскѣ и Кіевѣ, существуютъ три такъ называемыхъ центральныхъ архива, куда съ половины текущаго столѣтія (съ 1852 г.) по настоящее время собрано для храненія свыше 32000 (32152) актовыхъ книгъ изъ различныхъ судебныхъ мѣстъ сѣверо и юго-западнаго края, входившаго въ составъ Литовско-русскаго государства и отчасти Польскаго королевства. Въ двухъ названныхъ пунктахъ—въ Вильнѣ и Кіевѣ—были учреждены археографическія коммиссіи, или, какъ онѣ официально титулуются,— „коммиссіи для разбора древнихъ актовъ“. Въ Вильнѣ кромѣ того, параллельно съ коммиссіею, учрежденъ былъ въ 1866 г. особый комитетъ при Виленскомъ учебномъ округѣ для собиранія актовъ во всемъ западномъ краѣ и печатанія ихъ въ особомъ изданіи— „Археографическомъ сборникѣ документовъ“.

Упомянутыя коммиссіи и комитетъ уже давно и съ честью подвиг-

---

*) Обзоръ этотъ былъ предметомъ доклада въ засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца 8 марта и 19 апрѣля 1892 г. Здѣсь онъ печатается въ значительно сокращенномъ видѣ.

заяются на поприщѣ изданія (и разработки) историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ названныхъ архивахъ, въ различныхъ монастыряхъ и пр. Такимъ образомъ мы имѣемъ 21 томъ матеріаловъ, изданныхъ Кіевской комиссіей подъ общимъ заглавіемъ: „*Архивъ юго-западной Россіи*“; 18 т. in—4°, изданныхъ Виленской комиссіей подъ названіемъ: „*Акты Виленской археограф. комиссіи*“ и 11 т. „*Археографическаго сборника документовъ*“, изданныхъ выше названнымъ комитетомъ. Кромѣ того, обѣ комиссіи выпустили около 30 томовъ „отдѣльныхъ изданій“, куда вошли большіе памятники (лѣтописи, писцовыя книги и проч.), личные и географич. указатели, нѣкоторыя ученныя работы и т. п.

Матеріалы Витебскаго центрального архива также не лежатъ втунѣ: несмотря на то, что въ Витебскѣ археографической комиссіи не существуетъ, съ 1871 г. начато, на правительственныя же средства, изданіе актовъ и этого архива подъ общимъ наименованіемъ „*Историко-юридическіе матеріалы*“, которыхъ вышло уже 21 т.¹⁾

Итакъ, подводя итогъ, мы получаемъ солидную сумму—около 100 томовъ матеріаловъ, извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ 3-хъ центральныхъ архивовъ, и въ томъ числѣ около 70 том. отдѣльныхъ актовъ. Пора ориентироваться среди этой груды матеріаловъ, особенно если принять во вниманіе мѣсто выхода (изданія провинціальныя) и малораспространенность этихъ изданій, сложность и разнообразіе ихъ плана (а иногда и отсутствіе к.-л. опредѣленнаго плана) и, наконецъ, разнообразіе вопросовъ, на которые отвѣчаютъ или для рѣшенія которыхъ даютъ цѣнныя данныя вошедшіе въ эти изданія матеріалы. Если же во всему этому прибавить отсутствіе въ современной общей періодической печати обстоятельныхъ критическихъ обзорѣній текущей научной литературы или же ихъ случайность и неполноту, превращающую зачастую эти обзорѣнія въ перечень заглавій книгъ и фамилій ихъ авторовъ или издателей, то легко предположить, что названные выше изданія и цѣнные матеріалы, въ нихъ заключающіеся, извѣстны лишь небольшому числу специалистовъ, но далеко не дѣлаются достояніемъ всѣхъ интересующихся историческимъ прошлымъ нашего отечества.

---

¹⁾ Къ слову сказать, послѣднее изданіе особенно отличается своей малозвѣстностью: для продажи въ книжные магазины оно почти не поступаетъ, а въ бібліотеки такихъ даже учрежденій, какъ напр. университеты, высылается далеко не аккуратно.

Въ видахъ ознакомленія тѣхъ, кому не попадались въ руки эти изданія, съ тѣми матеріалами, которые въ нихъ заключаются и которые зачастую имѣютъ интересъ не для однихъ только спеціалистовъ, мы и рѣшились представить обзоръ—на первый разъ—изданій Виленской археографической комиссіи за послѣдніе годы, начиная съ 1880 г. Желая однако сдѣлать этотъ обзоръ болѣе полнымъ, а дальнѣйшее свое изложеніе болѣе понятнымъ, мы позволимъ себѣ предварительно сказать нѣсколько словъ о матеріалахъ, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ (на основаніи новѣйшихъ свѣдѣній о немъ¹⁾), о Виленской археографической комиссіи, а также вкратцѣ и о томъ, что она сдѣлала до обозрѣваемого періода, т. е. до 1880 г. Впрочемъ, всѣ эти свѣдѣнія имѣютъ и самостоятельный интересъ.

Виленскій центральный архивъ открытъ въ маѣ 1853 г., на основаніи Высочайшаго указа отъ 2 апр. 1852 г. Въ томъ же году поступило въ него 3046 актовыхъ книгъ. Число это постепенно возросло и къ 1886 г. достигло 19627 кн.; съ передачей же въ 1887 г. въ этотъ архивъ Люблинскихъ актовыхъ книгъ, общее число книгъ Виленскаго архива дошло до огромной цифры—24445, исчерпывающей всѣ наличныя древнія актовыя книги по огромному пространству пяти нынѣшнихъ губерній: Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской и Люблинской.

По содержанію своему актовыя книги В. Ц. А., за исключеніемъ книгъ Люблинскихъ, которыя еще не вполне разобраны, раздѣляются такъ: 4000 акт. крѣпостныхъ книгъ, 3500 декретовыхъ, 1400 поточныхъ и свыше 1000 инвентарей, люстрацій, тарифовъ и т. п.—По времени древнѣйшими актовыми книгами на *русскомъ* языкѣ являются: Гродненскія земскія—съ 1539 г., Пинскія городскія—съ 1558 г., Жомойтскія (Росіенскія)—съ 1575 г.; что же касается Виленскихъ книгъ (городскихъ, земскихъ и трибунальныхъ), то онѣ начинаются лишь съ 1662 г., ибо болѣе древнія изъ нихъ уничтожены во время войны Алексѣя Михайловича съ королемъ Яномъ-Казиміромъ. На *латинскомъ* яз. имѣются и *болше древнія*: Ковенскаго магистрата съ 1522 г. (онѣ писаны не только на латинскомъ, но частію и на рус-

---

¹⁾ Свѣдѣнія эти обязательно были сообщены намъ архивариусомъ Вилен. централ. архива и членомъ тамошней археографической комиссіи—И. Я. Спрогисомъ.

скомъ и нѣмецкомъ языкахъ), Дрогичинскаго земскаго суда—актовыя съ 1529 г., а протокольные съ 1440 г., и Холмскаго—земскія съ 1428 г., а городскія записовыя даже съ 1402 года.

Вообще Виленскій архивъ во всѣхъ отношеніяхъ самый богатый изъ нашихъ центральныхъ архивовъ: и по количеству книгъ¹⁾, и по древности ихъ²⁾, и по составу этихъ книгъ³⁾, и, наконецъ, по району, охватываемому ими.

Личный составъ этого огромнаго архива, на содержаніе котораго ежегодно отпускается всего 3500 руб.⁴⁾, весьма невеликъ: онъ состоитъ изъ архиваріуса и двухъ его помощниковъ.

Что касается Археографической комиссіи, то она—учрежденіе самостоятельное и совершенно независимое отъ ц. архива. Учреждена она, съ Высочайшаго соизволенія, въ 1864 г. по инициативѣ извѣстнаго гр. М. Н. Муравьева. На содержаніе комиссіи и изданіе памятниконъ первоначально было ассигновано по 7000 руб. ежегодно (2 т. руб. предсѣдателю, по 1 т. каждому изъ трехъ членовъ и 2 т. руб. на изданіе); при этомъ вмѣнено ей въ обязанность извлекать изъ актовыхъ книгъ и печатать: 1) документы, касающіеся русскихъ (православныхъ и униатскихъ) церквей и монастырей, 2) духовныя завѣщанія лицъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, 3) инструкціи посланцъ на сеймы, королевскіе привилегіи городамъ, мѣстечкамъ, сословіямъ и т. д. и вообще „выдающагося интереса акты“ и издавать непремѣнно по одному тому актовъ ежегодно.

Послѣднее *conditio sine qua* поп не мало препятствовало комиссіи стать въ своихъ изданіяхъ на рациональную почву,—ознакомиться

¹⁾ Оно превышаетъ болѣе чѣмъ въ 4 раза число книгъ Кіевского ц. арх., въ которомъ числится ихъ 5584 и болѣе чѣмъ въ 13 разъ число книгъ Витебскаго архива, гдѣ имѣется лишь 1823 кн.

²⁾ Въ Кіевскомъ ц. арх. самая древняя акт. книга относится къ 1520 г. (это кн. № 4384—записов., поточная и проток. рѣшеній войтовскаго и лавничаго суда, на латинскомъ языкѣ), а въ Витебскомъ—лишь къ 1560 г.

³⁾ Въ Виленскій ц. арх. вошли, можно полагать, всѣ малочислыя книги Главнаго Литовскаго трибунала, между тѣмъ какъ въ Кіев. ц. арх. имѣется лишь около 30 позднѣйшихъ книгъ Люблинскаго трибунала.

⁴⁾ По новымъ штатамъ, Высочайше утвержденнымъ 20 марта 1884 г., сумма эта распредѣляется такъ: на жалованіе архиваріусу 1000 руб., а 2-мъ его помощникамъ по 800 руб. каждому и на канцелярскіе и проч. расходы (наемъ писцовъ, сторожа, письменныя принадлежности и пр.)—900 руб.

прежде всего и въ достаточной степени съ массой хранящагося въ В. ц. арх. матеріала, а затѣмъ, на основаніи этого ознакомленія, выработать надлежащій болѣе или менѣе научный планъ изданія. Поневолѣ пришлось избрать краткій и легкій, хотя и нераціональный путь къ достиженію намѣченной цѣли, а именно коммиссія остановилась на слѣд. планѣ изданія: разсматривать актовыя книги по судамъ и весь научный матеріалъ, найденный въ разсмотрѣнныхъ акт. книгахъ одного или нѣсколькихъ судебныхъ мѣстъ опредѣленнаго географич. района, издавать въ одномъ томѣ, какъ бы разнообразенъ и разнороденъ этотъ матеріалъ ни былъ.

Другой причиной избранія такого довольно неудачнаго плана,—а еще болѣе, причиной малоуспѣшной вообще дѣятельности коммиссии на первыхъ порахъ—былъ первоначальный личный составъ ея. Сюда вошли: предсѣдатель, б. профессоръ русской исторіи въ Виленскомъ университетѣ П. В. Кукольникъ и 3 члена, изъ которыхъ работалъ для коммиссии и обладалъ подготовкой къ такой работѣ лишь одинъ (Н. И. Горбачевскій)¹⁾. Впрочемъ до 1870 г., когда дѣла коммиссии приняли другой (лучшій) оборотъ, было все-таки выпущено 2 тома актовъ (въ 1865—7 гг.)

Послѣ П. Кукольника нѣкоторое время предсѣдателемъ былъ нынѣшній профессоръ Харьковскаго университета П. А. Безсоновъ, а съ 1868 г. галицкій ученый, протоіерей Я. Θ. Головацкій. При немъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ 1870 г. сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ коммиссии, направленныя къ ускоренію ея работъ²⁾. Уставъ этотъ, данный въ видѣ опыта на 3 года, не коснулся однако измѣненія самой программы изданій и дѣятельности коммиссии; то же надо сказать и о новыхъ правилахъ для коммиссии, данныхъ ей М. Н. Пр. въ 1876 г. При Я. Головацкомъ и нынѣшнемъ (съ 1888 г.)

---

¹⁾ Двумя др. членами были: 1) протоіерей собора о. Антоній Пцолко и 2) начальникъ отдѣленія канцеляріи гл. нач. края д. с. с. И. А. Никотинъ. Но 1-й изъ нихъ, какъ заявлено въ предисловіи къ III т. актовъ, „почти вовсе не являлся въ коммиссію“, а г. Никотину, какъ отвѣтственному чиновнику, было тоже не до ученыхъ изданій, къ тому же онъ вскорѣ получилъ иное назначеніе.

²⁾ А именно: 1) увеличена общая штатная сумма, отпускаемая на содержаніе коммиссии, до 8000 р., 2) члены коммиссии должны получать каждый не свыше 1200 р. въ годъ, но уже не въ видѣ жалованія, а въ видѣ заработной платы, опредѣляемой предсѣдателемъ коммиссии и утверждаемой попечителемъ учебн. округа помѣсячно.

предсѣдатель комиссіи Ю. О. Крачковскомъ произошли измѣненія и въ личномъ составѣ членовъ: прежнихъ смѣнили новые, большею частью изъ среды преподавателей мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній; всѣхъ членовъ комиссіи, сверхъ предсѣдателя ея, въ настоящее время 4.

Съ изданіемъ новыхъ правилъ для комиссіи, переходомъ предсѣдательства къ Я. О. Головацкому и съ обновленіемъ и увеличеніемъ состава членовъ комиссіи, дѣятельность ея замѣтно оживилась: съ 1870 по 1880 гг. издано 8, а съ 1880 по настоящій годъ также 8 объемистыхъ томовъ актовъ, не считая отдѣльныхъ цѣбныхъ изданій, каковы — Ординація королевскихъ пущъ, изд. въ 1873 г., Ревизія Кобринской экономіи (1563г.) — 1876 и Писцовыя книги: Пинскаго староства (1561 — 66 гг.), 2 т. — 1874 г., Гродненской экономіи XVI ст., 2 т. — 1882 г., Пинскаго и Клецкаго княжествъ (1552—55 гг.) — 1884 г. Кромѣ того, комиссіа успѣла въ достаточной степени ознакомиться съ содержаніемъ актовыхъ книгъ В. Ц. Арх., вполне освоилась съ своими задачами и порученнымъ ей дѣломъ и, такимъ образомъ, получила въ послѣднее время возможность выпускать въ свѣтъ цѣлые томы совершенно однороднаго матеріала, каковы (кромѣ упомянутыхъ отдѣльныхъ изданій) XIV, XVI, XVII и XVIII т. т. актовъ.

До обозрѣваемаго періода, т. е. до 1880 г., комиссіа издала 10 том. отдѣльныхъ актовъ по плану, выработанному въ началѣ ея дѣятельности и указанному нами нѣсколько выше. Въ эти 10 т. (изъ которыхъ нѣкоторые, напр. V, VI и X чрезвычайно интересны) вошелъ матеріалъ, извлеченный изъ Гродненскихъ, Брестскихъ, Кобринскихъ, Каменецкихъ и Виленскихъ книгъ земскаго, гродскаго и магдебургскаго судовъ. Акты каждаго почти изъ названныхъ томовъ разбивались на слѣд. отдѣлы: 1) акты, относящіеся къ исторіи зап.-русской церкви. 2) акты административные и 3) акты юридическіе (NB.: въ первыхъ 2-хъ томахъ былъ еще и 4-ый, весьма странный, отдѣлъ: „акты, замѣчательные по оригинальности событія,“ но въ дальнѣйшихъ томахъ онъ уже не встрѣчается болѣе). Главная цѣль, которую преслѣдовала комиссіа при изданіи первыхъ 10-ти томовъ и которую (въ цѣломъ ея объемѣ) она еще не вполне оставила и въ дальнѣйшихъ своихъ изданіяхъ, — это, во 1-хъ, доказать, что православная вѣра долгое время была самой распространенной въ предѣлахъ западно-русскаго государ-

ства и, кромѣ того, отмѣтить все, что носило тамъ на себѣ отпечатокъ православія и русской національности, а во 2-хъ, выяснить древній экономическій и юридическій бытъ западнаго края и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какъ на немъ пагубно отразилось вліяніе польскихъ элементовъ, какая беспорядочность вслѣдствіе этого царила въ Лиговско-русскомъ государствѣ въ XVII и XVIII ст. и т. п.

Съ XI т., съ разсмотрѣнія котораго мы и начнемъ наше обозрѣніе, коммиссія, оставивъ пока въ сторонѣ актовыя книги низшихъ (преимущ. земскихъ и городскихъ) судовъ, перешла къ печатанію *актовъ и декретовъ Главнаго Литовскаго трибунала*, составляющихъ завидное богатство Вилевскаго центр. архива и главное его преимущество предъ двумя прочими¹⁾.

Изъ 6660 книгъ и дѣлъ Гл. Л. трибунала, имѣющихся въ В. ц. архивѣ, особенно интересны для исторіи края около 469 кн. (см. предисл. къ XI т.); изъ нихъ 188—крѣпостныхъ, куда заносились разнаго рода юридическіе акты: завѣщанія, дарственныя и т. п., и 281 декретовыхъ, т. е. такихъ, куда вносились судебныя рѣшенія трибунала. Несмотря на то, что древнѣйшія—вопца XVI и начала XVII вв.—трибунальныя книги погибли, тѣмъ не менѣе и въ имѣющихся болѣе позднихъ книгахъ встрѣчаются акты XVI, XV и даже XIV вв. Они сохранились (конечно, въ копіяхъ), благодаря тому, что при различнаго рода тяжбахъ стороны нерѣдко предъявляли для подкрѣпленія своихъ притязаній документы, доставшіеся имъ отъ ихъ предковъ. Всѣ болѣе древніе акты, встрѣченные нами въ обозрѣваемыхъ томахъ Вилевскихъ актовъ, мы въ своемъ мѣстѣ будемъ отмѣчать.

Итакъ, обратимся непосредственно къ XI т., съ котораго начато печатаніе актовъ Литовскаго трибунала, и къ слѣдующимъ за нимъ. Предварительно однако замѣтимъ слѣдующее.

Подлежащіе нашему разсмотрѣнію XI—XVIII тт. актовъ и по плану изданія, и по содержанію своему—не однородны. Въ первомъ отношеніи, упомянутыя томы можно раздѣлить на двѣ группы: 1) тт. XI, XII, XIII и XV, источникомъ которыхъ послужили исключительно книги Литовскаго

¹⁾ Главный Литовскій трибуналъ, учрежденный въ 1581 г. при Стефанѣ Баторіи былъ, какъ извѣстно, высшей судебной (преимущественно апелляціонной) инстанціей въ вел.кн., Литовскомъ; приговоры его имѣли силу сеймовыхъ постановленій, которыхъ не въ правѣ былъ отмѣнять даже самъ король и вел. князь.

трибунала, содержать въ себѣ разнородный матеріалъ, подраздѣляющійся почти въ каждомъ томѣ на нѣсколько отдѣловъ; эта группа носить на себѣ ясныя слѣды несостоятельности первоначально усвоеннаго плана и 2) т. т. XIV, XVI, XVII и XVIII состоятъ (каждый въ отдѣльности) изъ совершенно однороднаго матеріала, что облегчаетъ систематическую его обработку. Во второмъ отношеніи, т. е. по содержанию, тѣ же томы разсматриваемаго изданія дѣлятся также на 2 группы: т. т. XI, XII, XV и XVI, составляющіе 1-ую группу, относятся исключительно или главнымъ образомъ въ *исторіи церкви*, хотя представляютъ интересъ и въ др. отношеніяхъ (напр., т. XV); остальные же (XIII, XIV, XVII и XVIII) посвящены исторіи вообще и въ особенности *исторіи экономич. и юридическаго быта* сѣверо-западнаго края.

Этой послѣдней группировки мы и будемъ придерживаться въ настоящемъ краткомъ обзорѣ, при чемъ главное вниманіе обратимъ на данныя по исторіи права.

I.

По содержанию своему акты XI т., какъ уже было замѣчено, всѣ относятся къ исторіи западно-русской церкви и состоятъ преимущественно изъ завѣщаній, дарственныхъ и купчихъ, совершенныхъ различными лицами въ пользу православныхъ и отчасти униатскихъ церквей и монастырей. По времени акты эти охватываютъ XIV—XVIII ст., т. е. пять вѣковъ,—періодъ очень обширный для 166 актовъ, имѣющихся въ этомъ томѣ. Обстоятельство это лишаетъ возможности представить себѣ на основаніи даннаго матеріала полную картину положенія церкви въ к.-л. опредѣленную эпоху. Произошло же оно оттого, что редакція, повидимому, преслѣдовала главнымъ образомъ др. задачу—представить исторію отдѣльныхъ церквей или монастырей края.

Древнѣйшими актами въ настоящемъ томѣ являются: актъ обмежеванія спорныхъ земель Лавришовскаго монастыря въ 1398 г. (№ 1), подтверждающая 1410 г. жалов. грамота кор. Александра нѣкоему Исаевичу на дворовое мѣсто въ г. Вильнѣ (№ 2) и фундушевая запись Анны Вяжевичевой Сулятицкой церкви, 1433 г. (№ 3).

Изъ цѣлаго ряда составляющихъ значительную группу въ данномъ томѣ фундушевыхъ записей, древнѣйшей изъ которыхъ является

только-что упомянутая ¹⁾, видно, что не только частныя лица, какъ богатыя и знатныя, такъ и незнатныя (скромные земляне), дѣлились своимъ избыткомъ съ церквами и тѣмъ обезпечивали ихъ благосостояніе, но даже нѣкоторые короли являлись въ числѣ жертвователей въ пользу православныхъ церквей (см. актъ № 7). Поддерживая своими пожертвованіями уже существующіе церкви и монастыри и основывая новыя „ку размноженью хвалы Божіей“, фундаторы заботились не о томъ только, чтобы въ извѣстные дни служились торжественныя акафисты, заздравныя и заупокойныя обѣдни, но прилагали также не мало заботъ объ обученіи дѣтей („на науцѣ дѣтей держати“) и призрѣніи престарѣлыхъ и больныхъ и дѣлали на это спеціальныя пожертвованія, т. е. брали на себя, по собственному почину, осуществленіе тѣхъ мѣръ, заботы о которыхъ въ современныхъ государствахъ составляютъ одну изъ существенныхъ задачъ государственнаго и общественнаго управленія. Съ этой стороны особенный интересъ представляетъ фундушевая записка гетмана вел. кн. Литовскаго и старосты Гродненскаго Григорія Ходкевича, строителя православной церкви въ м. Заблудовѣ (см. актъ № 16, 1563 г.).

Вообще, появившаяся съ конца XVI в. унія, какъ это наглядно видно изъ наст. и слѣд. томовъ, оживила частную благотворительность: православныя и уніаты соперничали на поприщѣ пожертвованій на храмы, школы и богадѣльни. Послѣдніе, съ обычной ревностью прозелитовъ, старались о распространеніи „святого единенія“ и усердно жертвовали на уніатскіе монастыри и школы при нихъ и основывали новыя; православныя же, въ свою очередь, изъ всѣхъ силъ стремились поддержать „древнее православіе“ путемъ устройства новыхъ церквей, монастырей, школъ, братствъ, типографій для печатанія книгъ въ духѣ православія и т. д. (ак. № 31, 49 и др.). При этомъ православныя фундаторы принимали всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры, чтобы гарантировать основанныя ими монастыри и церкви, а также пожертвованныя на содержаніе ихъ недвижимыя имущества отъ перехода въ руки уніатовъ (№№ 20, 23, 31, 44 и др.).

---

¹⁾ Предметомъ ея служить „наданье“ Сулятицкой церкви еще 4-хъ влокъ земли, изъ коихъ двѣ „осѣлыхъ, съ чоловѣки двѣма Даниломъ Микеевичемъ и Васюкомъ Севастьяновичемъ съ подружками (жонами) и зъ дѣтьми ихъ, да со всею маестностью ихъ“.

Тѣмъ не менѣе уніа дѣлала большіе успѣхи,—она распространялась не только путемъ убѣжденія (см. актъ 105, 1696 г.), но и грубаго насилія. Въ настоящ. томѣ имѣется около 20 актовъ, наглядно рисующихъ тѣ притѣсненія и насилія, которымъ подвергались православные со стороны уніатовъ и католиковъ: они останавливали на дорогѣ священниковъ, идущихъ съ св. Дарами, препятствовали провожать умершихъ на кладбища (№ 83), издѣвались надъ ними, нападали на православные монастыри, били и увѣчили иноковъ (№ 137), загоняли силой православныхъ въ костель и тамъ принуждали ихъ исповѣдываться и причащаться (№ 160) и пр. и пр. Напрасно короли воспрещаютъ подобныя безчинства, безобразія и насилія, а Литовскій трибуналъ въ болѣе важныхъ случаяхъ приговариваетъ главныхъ виновниковъ къ смертной казни (№№ 83, 137 и др.): все это удерживаетъ фанатиковъ лишь на время.

Мало по малу, болѣе богатые монастыри и церкви съ ихъ имѣніями переходятъ путемъ всякихъ неправдъ, юридическихъ ухищреній (№ 72), а иногда и просто насилія въ руки уніатовъ и католиковъ. Справедливость требуетъ однако отмѣтить, что суды въ рѣшеніяхъ земельныхъ споровъ и дѣлъ о захватахъ между православными и уніатами далеко не всегда становились на сторону послѣднихъ (см., напр., подъ № 105 интересное дѣло Цаперскаго монастыря).

Свыше 50-ти актовъ этого тома рисуетъ намъ жизнь православнаго и уніатскаго духовенства, преимущественно монашескаго, съ внѣшней, экономической стороны, а именно, какъ оно хозяйничало въ пожертвованныхъ имѣніяхъ, какими финансовыми операціями занималось и пр. Надо сознаться, что эта сторона далеко не казюка.

Благодаря тому, что благочестивые люди дѣлали пожертвованія не только недвижимыми имѣніями, но и денежными вкладами, постепенно въ монастыряхъ скоплялись значительные капиталы изъ этихъ вкладовъ, доходовъ съ имѣній и мелкихъ приношеній. Это давало возможность монастырямъ расширять свои территоріальныя владѣнія посредствомъ покупки новыхъ имѣній, домовъ и пр. Весьма нерѣдко также монастырское начальство для приращенія своихъ капиталовъ отдавало ихъ въ займы подъ вѣрное обезпеченіе, подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, соблазняясь возможностью сперва безотчетно пользоваться доходами съ заложеннаго имѣнія, а затѣмъ стать

его собственникомъ.¹⁾ Всѣ подобнаго рода финансовыя операціи естественно приводили монашествующихъ иноковъ въ вооруженнымъ столкновеніямъ съ сосѣдами, непрерывнымъ тяжбамъ съ ними и своими должниками и пр., словомъ, ко всему тому, что отвлекало ихъ отъ прямыхъ обязанностей и было такъ далеко отъ всякихъ идеаловъ иночества (примѣровъ, иллюстрирующихъ сказанное, немало въ этомъ томѣ).

Чтобы покончить съ обзоромъ XI т., отмѣтимъ еще группу актовъ, касающихся „права подаванія“, kollacjі или *jus patronatūs*. Такихъ актовъ въ настоящемъ томѣ 4 (№№ 55, 61, 110 и 154) и въ слѣдующемъ—1 (т. XII, № 98). Правда, къ тому, что извѣстно уже о *jus patronatūs* изъ др. источниковъ, названные акты ничего существенно новаго не прибавляютъ; за то одинъ изъ нихъ (№ 110), сверхъ подтвержденія извѣстнаго уже факта, что *jus patr.* въ Литовско—Русскомъ государствѣ перешло въ сферу вотчинныхъ правъ, интересенъ еще и во многихъ др. отношеніяхъ и между проч. наглядно показываетъ, какія многочисленныя неудобства, пререканія порождалъ вотчинный характеръ упомянутаго права, и до какихъ иногда безобразій доходили обладатели его.

Первый отдѣлъ слѣдующаго XII т., вышедшаго въ 1883 г., состоитъ также изъ фундушевыхъ записей, межевыхъ актовъ, декретовъ Главнаго Литовскаго трибунала, мировыхъ и другихъ сдѣлокъ монастырей съ своими сосѣдами. Впечатлѣніе, получаемое при чтеніи этихъ актовъ, однородно съ тѣмъ, какое испытываетъ читатель при просмотрѣ предыдущаго тома, но еще болѣе безотрадное. Съ одной стороны, отсюда наглядно видно, что уніатство къ XVIII в. сдѣлалось господствующимъ въ роисповѣданіемъ въ сѣверо-западномъ краѣ: такъ, монастыри, о которыхъ встрѣчаются свѣдѣнія въ актахъ настоящаго тома, почти всѣ находятся въ рукахъ уніатовъ, фундушевыя записи, помещенныя здѣсь, даны всѣ въ пользу уніатскихъ церквей и монастырей, православныя же храмы и православное, или дизунитское, какъ его вели-

¹⁾ По литовско-русскому праву должникъ, взявшій деньги въ займы подъ обезпеченіе недвижимымъ имуществомъ, вмѣсто уплаты % за пользованіе капиталомъ отдавалъ это послѣднее „въ заставу“ своему кредитору; кредиторъ до уплаты долга въ извѣстный срокъ или до предъявленія иска о возвращеніи заставленнаго имѣнія владѣлъ этимъ послѣднимъ и пользовался доходами съ него безотчетно; въ концѣ концовъ владѣніе по заставному праву могло перейти (и такъ бывало очень часто) въ право собственности.

чали униаты и католики, духовенство въ эту пору (въ половинѣ XVIII ст.) находились, какъ то свидѣтельствуеть м. пр. напечатанная здѣсь (№ 57) „памятная записка“ Слуцкаго православнаго духовенства (1768 г.), въ бѣдственномъ и униженномъ положеніи. Съ другой стороны, монастыри затрачивали массу труда, энергіи, времени и денегъ не на удовлетвореніе религиозныхъ, умственныхъ и нравственныхъ потребностей иноковъ и прихожанъ, не на дѣла благотворительности, а на веденіе безконечныхъ тяжбъ по земельнымъ спорамъ и взысканіямъ съ своихъ должниковъ, уклоняясь такимъ образомъ все дальше и дальше отъ исполненія обѣтовъ нестяжательности и подвижничества.

Особенность настоящаго тома составляетъ интересный отдѣлъ актовъ, относящихся къ исторіи кальвинизма въ сѣв.-зап. краѣ въ XVII в. Актовъ этихъ не много (всего 23), однако въ нихъ можно найти не мало данныхъ о степени распространенности этого вѣроученія, проникшаго въ Литву еще въ XVI ст., вообще и среди высшаго класса въ частности, объ отношеніи къ послѣдователямъ его королей, судовъ, католическаго духовенства и населенія. Такъ, объ успѣшномъ распространеніи кальвинизма можно судить уже потому, что только въ напечатанныхъ многочисленныхъ актахъ упоминается о существованіи 17-ти храмовъ, или молитвенныхъ домовъ („сборовъ“), послѣдователей Кальвина. Въ числѣ щедрыхъ фундаторовъ—основателей и жертвователей—этихъ храмовъ наши акты называютъ: королевскаго маршалка кн. Яна Свирскаго, подчашаго вел. кн. Лит-го, старосту Борисовскаго кн. Януша Радзивила, маркграфиню Бранденбургскую Людовиву-Каролину, урожд. княжну Радзивиль, и др. членовъ этой фамиліи, каштеляна Виленскаго Воловича и мн. др.

Изъ этихъ же актовъ можно почерпнуть также не мало интересныхъ свѣдѣній объ организаціи евангелической общины послѣдователей Кальвина.

Что касается отношенія къ кальвинистамъ католическаго духовенства, то оно не иначе называло ихъ молитвенные дома, даже въ оффиціальныхъ случаяхъ, какъ синагогами, а евангелическую общину презрительно величало—*coetus Calvinisticus* (см., напр., актъ № 113).

Вообще положеніе кальвинистовъ, несмотря на гарантированныя польскими королями свободу вѣроисповѣданія и неприкосновенность ихъ иму-

щества, было едва ли не болѣе угнетенное, нежели положеніе православныхъ. Не только кальвинисты сами, но и ихъ храмы нерѣдко подвергались возмутительному и дикому насилію со стороны фанатической католической черни, иногда подстрекаемой на то своимъ духовенствомъ.

Изъ многихъ примѣровъ, иллюстрирующихъ только что сказанное, укажемъ на выдающійся,—это фактъ разрушенія среди бѣлаго дня Виленскаго евангелическаго храма 2 апр. 1682 г. (ок. № 116).

Опуская ужасныя подробности этого возмутительнаго событія, совершившагося, добавимъ, безъ всякаго внѣшняго повода, остановимся на его финалѣ. Ошеломленные всѣмъ происшедшимъ, поруганные въ самыхъ дорогихъ своихъ чувствахъ, кальвинисты не рѣшались жаловаться ни въ одинъ изъ существующихъ въ государствѣ судовъ, предвидя тамъ нежелательный для себя исходъ дѣла, а потому обратились *nomine totius ewangelicae communitatis* съ жалобой къ самому королю Яну Собѣсскому. Жалоба была принята благосклонно: король особымъ рескриптомъ назначилъ чрезвычайный комиссарскій судъ (въ составъ его вошли 2 духовныхъ и 3 свѣтскихъ лица) для разслѣдованія дѣла и суда надъ виновными. На судъ повѣренные отвѣтчиковъ (ректора и воспитанниковъ іезуитской академіи, магистрата и посольства, а также евреевъ), цитируя различн. констатудіи, королевскіе привилегіи и рескрипты, юридич. сочиненія и пр., пытались сперва доказать, что собравшійся судъ есть по отношенію къ нимъ *forum incompetentis*, что дѣло подсудно не ему, а королевскому суду, въ виду чего и самый королевскій рескриптъ о назначеніи чрезвычайнаго комиссарскаго суда незаконенъ. Повѣренный пострадавшихъ, опираясь на тѣ же источники, а также на нѣкоторые др. и на Литовскій Статутъ, утверждалъ, что упомянутый рескриптъ вполнѣ законенъ, ибо вытекаетъ *ex plenitudine potestatis* короля. Пренія эти, возобновлявшіяся съ обѣихъ сторонъ нѣсколько разъ, представляютъ тотъ интересъ, что они вращаются около теоретическихъ вопросовъ о существѣ власти короля, какъ верховнаго судьи, о силѣ его рескриптовъ, о соотношеніи между старымъ и новымъ закономъ, о подсудности и пр. и пр.

Коммиссары, выслушавъ обѣ стороны и не уваживъ возраженій (*exceptiones*) отвѣтчиковъ, а, наоборотъ, соглашаясь съ доводами повѣреннаго кальвинистовъ, а именно, что король *ex suprema potestate sua, iako summus arbiter*, могъ дать извѣстное направленіе этому дѣлу

и такимъ образомъ новымъ рескриптомъ *kassowac* и *annihilowac* свои прежніе данныя въ аналогичныхъ случаяхъ *reskrupta* у *inne rozwy*, *mandaty*,—признали это дѣло подсуднымъ себѣ и приступили къ дальнѣйшему разбирательству: личному осмотру, допросу свидѣтелей и т. д., 2 апрѣля 1686 г., т. е. черезъ 3 недѣли послѣ начала судебн. разбирательства и ровно черезъ 4 года послѣ разрушенія храма, комиссарскій судъ объявилъ свой декретъ, которымъ вынесъ обвинительный вердиктъ главнѣйшимъ зачинщикамъ, а кальвинистамъ предоставилъ право возстановить соборъ на старомъ мѣстѣ и свободно отправлять свое богослуженіе ¹⁾. Декретъ этотъ, два года спустя, былъ утвержденъ королемъ (№ 119).

Третій отдѣлъ этого тома состоитъ изъ 14 завѣщаній. Трудно понять, для чего понадобилось создавать въ томѣ для этихъ завѣщаній особый отдѣлъ: всѣ они съ полнымъ основаніемъ могли быть размѣщены въ двухъ предыдущихъ отдѣлахъ, ибо преимущественно содержатъ въ себѣ или распоряженіе о пожертвованіяхъ на какіе-либо монастырь, церковь, школу и пр., или разсужденія на различныя религіозныя темы, завѣты не измѣнять вѣрѣ предковъ, распоряженіе о погребеніи и т. п. Единственнымъ и то сомнительнымъ основаніемъ для выдѣленія этихъ завѣщаній въ особый отдѣлъ могъ бы служить тотъ пунктъ инструкціи, данной Виленской комиссіи при ея учрежденіи, который вмѣняетъ ей въ обязанность м. пр. „разыскивать и печатать духовныя завѣщанія лицъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ“; однако почтенный редакторъ настоящаго тома пытается мотивировать это обстоятельство иначе: „духовныя завѣщанія, говоритъ онъ (пред., стр. XXIX),—принадлежать къ тому роду документовъ, которые въ отношеніи научномъ представляютъ большой интересъ“. Не касаясь основательности этого положенія, требующаго во всякомъ случаѣ большаго ограниченія, замѣтимъ только, что едва ли какое бы то ни было научное значеніе имѣетъ, напр., завѣщаніе подъ № 134, въ которомъ нѣкій генералъ-маіоръ королевскихъ войскъ Э. Корфъ разсказываетъ довольно туманно и, повидимому, не вполне откровенно исторію своихъ авантюръ на „*tych mizernym swiecie*,“ или завѣщаніе

¹⁾ Интересный декретъ этотъ былъ уже напечатанъ въ соч. І. Лукашевича: „*Dzieje kościołów wuznania Helweckiego w Litwie*“ (изд. въ 1842—48 гг.), но безъ указанія источника, безъ даты, съ пропусками и неточностями.

подъ № 128, представляющее интересъ лишь для любителя всякаго рода оригинальностей¹⁾.

Впрочемъ, несмотря на нѣсколько случайный подборъ помѣщенныхъ здѣсь завѣщаній, между ними встрѣчаются и дѣйствительно имѣющія серьезное значеніе; изъ таковыхъ едва ли не самое интересное, и при томъ во многихъ отношеніяхъ, завѣщаніе Троцкаго тіуна, вн. Самуила Огинскаго (№ 126).

Къ разсмотрѣннымъ выше томамъ примыкаютъ по основному содержанію своему также тт. XV и XVI. Оставляя пока въ сторонѣ первый изъ нихъ, который даетъ (какъ то мы увидимъ ниже) интересныя данныя не столько для исторіи церкви, сколько для исторіи права, обратимся ко второму изъ нихъ, при чемъ въ виду его спеціальнаго интереса ограничимся лишь немногими замѣчаніями.

Объемистый томъ этотъ (въ немъ около 850 стр. in-4), изданный въ 1889 г. и содержащій въ себѣ, какъ то значится на его обложкѣ: „документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи“, относится къ болѣе новому періоду исторіи уніи, а именно—со времени присоединенія Сѣверо-Западнаго края (Бѣлоруссіи) къ Россіи, т. е. съ 1772 г., или, еще точнѣе, къ исторіи воссоединенія уніатовъ. Весь матеріалъ разсматриваемаго тома, по времени относящійся къ послѣдней четверти прошлаго и первой половинѣ настоящаго вѣка²⁾, разбитъ по роду документовъ на 8 отдѣловъ (правительственныя распоряженія, папскія буллы, переписки и пр.) и заимствованъ, по краткому заявленію редактора его, или изъ рукописей различныхъ архивовъ, или же изъ „очень цѣнныхъ многотомныхъ печатныхъ изданій и очень рѣдкихъ книгъ и брошюръ“ (см. предисл. стр. XV). Такимъ образомъ не весь матеріалъ этого тома является впервые въ печати,—часть его составляетъ перепечатку, а именно—изъ П.С.З.Р.И. и различныхъ отечественныхъ или заграничныхъ изданій прошлаго вѣка, нынѣ „недоступныхъ

¹⁾ Авторъ этого завѣщанія приказываетъ для погребенія своего тѣла соорудить нѣчто въ родѣ египетской пирамиды въ миниатюрѣ и дѣлаетъ цѣлый рядъ относящихся сюда распоряженій.

²⁾ Исключеніе представляютъ лишь нѣкоторые документы VIII отд., куда включены 2 распоряженія самаго новѣйшаго времени, а также 2 документа 1-ой полов. XVIII, 3—начала XVII и 2—конца XVI в.

для большинства ученых". При ближайшем ознакомлении с материалами оказывается однако, что допущены исключения из общего правила: порою встрѣчаются и перепечатки изъ изданій 60, 70 и 80-хъ годовъ нашего столѣтія, при томъ такихъ, которыхъ нельзя назвать недоступными и даже малодоступными¹⁾. Послѣдняго рода перепечатки, составляющія излишнюю роскошь даже въ такихъ изданіяхъ, какъ разсматриваемое, оправдываются, впрочемъ, обстоятельствами, вызвавшими самое появленіе въ свѣтъ XVI-го т.: онъ выпущенъ въ годъ празднованія 50-тилѣтія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью.

Другая, нѣсколько большая, половина XVI т. (весь 3-й, большая часть 4 и 7-го и часть 5 и 6-го отдѣловъ) состоитъ изъ матеріаловъ, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныхъ и дѣйствительно очень интересныхъ²⁾. Заимствованы они изъ слѣд. архивовъ: 1) рукописн. отдѣленія Виленской публичной библіотеки, 2) быв. архива Борунскаго (униатскаго) монастыря, 3) архива униатскихъ митрополитовъ при Святѣйшемъ Синодѣ и 4) архива М. Н. Пр. Такимъ образомъ, всѣ рукописные матеріалы, вошедшіе въ настоящій томъ, извлечены не изъ В. Ц. А., откуда коммиссія до сихъ поръ черпала свои матеріалы, а изъ различ. др. архивовъ, въ томъ числѣ и изъ столичныхъ. Это — *новость* въ изданіяхъ В. А. К.: доселѣ она не пыталась конкурировать не только съ Петербургскою и Кіевскою археографич. коммиссіями, но даже и съ упомянутымъ выше „особымъ комитетомъ“ при Виленскомъ учебн. округѣ, занимающимся собраніемъ древнихъ актовъ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ, — не стремилась расширить свой горизонтъ, выйти изъ предѣловъ Виленскаго центр. архива³⁾.

¹⁾ Таковы изданія: 1) Сборникъ Р. Ист. Общ., т. I, Спб. 1867 г.; 2) Nagasiewicz. Annales Ecclesiae Ruthenae, 1862; 3) Холмскій мѣсяцесловъ на 1875 годъ; 4) Литовск. Епархіальныя Вѣдомости за 1874 г.; 5) Записки Іосифа, митрополита Литовскаго, изд. Акад. Наукъ, Спб. 1888 г., и 6) Вѣстникъ Европы за 1872 г., т. II (откуда перепечатанъ актъ № 282, занимающій 14 стр. in—4).

²⁾ Послѣднее особенно относится къ отд. IV, гдѣ помѣщена переписка между Стефаномъ Левинскимъ, митрополитомъ Іасономъ Смогоржевскимъ, Феодосіемъ Ростовскимъ и нѣкот. др. лицами, извлеченная б. ч. изъ униатскаго архива при Святѣйшемъ Синодѣ и сообщенная Вил. коммиссіи покойнымъ М. О. Коляловичемъ.

³⁾ Впрочемъ, уже при изданіи XIV т. (вышелъ въ 1887 г.) В. А. К. почерпнула часть матеріала (около 20 док.) изъ рукописнаго отдѣл. Вил. публ. библіотеки и изъ древняго капитульнаго архива, но большая часть его (74 док.) была все-таки заимствована изъ обычнаго источника — актовыхъ книгъ Вил. центр. архива.

Такою же новостью является по своей задачѣ и объему и самое предисловіе къ разсматриваемому тому. До сихъ поръ издаваемымъ актамъ предпосылалась болѣе или менѣе краткія предисловія, преслѣдующія скромную цѣль—комментировать напечатанные акты, представить ту или др. группировку ихъ, словомъ „облегчить трудъ изученія напечатаннаго матеріала, особенно для лицъ, не знающихъ польскаго языка или имѣющихъ мало свободнаго времени.“ Это, конечно, не мѣшало нѣкоторымъ изъ такихъ предисловій содержать въ себѣ болѣе или менѣе цѣнныя замѣтки по тому или др. вопросу¹⁾; но во всякомъ случаѣ ни одно изъ предисловій къ первымъ XV-ти тт. не стремилось замѣнить самые акты и покинуть такимъ образомъ свое вспомогательное, служебное по отношенію къ нимъ, значеніе.

Иное впечатлѣніе оставляетъ предисловіе къ разсматриваемому XVI т., написанное нынѣшнимъ предсѣдателемъ Виленской археографической комиссіи Ю. О. Крачковскимъ. Это уже не предисловіе, имѣющее служебное значеніе, а обширная (въ 130 стр. in-4, правда довольно крупной печати) и обстоятельная передовая статья, цѣлое изслѣдованіе, имѣющее въ виду, на основаніи напечатанныхъ въ томѣ данныхъ, прослѣдить ходъ рѣшенія уніатскаго дѣла со времени присоединенія къ Россіи Бѣлоруссіи (1772 г.) до соединенія уніатовъ съ православною церковью (т. е. до 1839 г.)²⁾.

Исторіи же церкви (ей, какъ извѣстно, отведено первое мѣсто въ трудахъ какъ Виленской, такъ и Кіевской комиссіи) будетъ посвященъ

¹⁾ Напр., въ предисловіе (С. Шолковича) къ V т. вошелъ между проч. краткій очеркъ исторіи и правъ евреевъ въ Брестскомъ воеводствѣ, въ предисловіе (И. Спрогиса) къ VI т.—замѣтки о положеніи крестьянъ и о копныхъ судахъ, въ предисловіе (того же) къ X т.—обстоятельный очеркъ цеховаго устройства и управленія г. Вильны, и др.

²⁾ Разставаясь съ настоящимъ томомъ мы позволимъ себѣ, въ видахъ могущаго послѣдовать 2-го изданія его, обратить вниманіе почтеннаго редактора на слѣд. замѣченные нами недосмотры:

1) во 2-мъ отд. документовъ безъ всякаго, повидному, основанія и неоднократно нарушается обычная ихъ хронологическая послѣдовательность; такъ, за актами 60-хъ годовъ XVIII ст. идутъ акты 50-хъ и даже 40-хъ годовъ (здѣсь же при двухъ документахъ повторенъ одинъ и тотъ же №—116);

2) послѣдніе 6 документовъ 1-го и всѣ 8-го отдѣла не содержатъ при себѣ никакого указанія, откуда они заимствованы,

и 3) нѣкоторые акты (№ 285 и др.) снабжены указаніями чрезвычайно неполными, въ родѣ, напр., слѣд.: „перепечатано изъ современной брошюры“.

также и XIX т. Виленскихъ актовъ, еще пока не вышедшій въ свѣтъ. Въ этотъ томъ, какъ мы слышали, войдутъ акты *о Холмскихъ владыкахъ*, извлеченные изъ Холмскихъ же актовыхъ книгъ, писанныхъ по-латыни и начинающихся съ половины XV вѣка. Редакція его и предисловіе къ нему составятъ трудъ члена комиссіи г. Плоцанскаго. Къ маю 1892 года было напечатано для названнаго тома около 20 печ. листовъ актовъ. Можно такимъ образомъ надѣяться, что въ началѣ 1893 года онъ выйдетъ въ свѣтъ.

II.

Обратимся теперь къ тѣмъ томамъ актовъ, которые посвящены исторіи вообще и исторіи права въ частности.

Во главѣ ихъ, по времени выхода въ свѣтъ, стоитъ т. XIII, изд. въ 1886 г. Томъ этотъ, заключающій въ себѣ 102 акта, извлеченныхъ изъ книгъ Главнаго Литовскаго трибунала и обнимающихъ періодъ съ 1395 по 1797 г., чрезвычайно разнообразенъ по составу и интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Большая часть его отведена различнаго рода королевскимъ привилеямъ и листамъ, сеймовымъ инструкціямъ и постановленіямъ. Мы отмѣтимъ лишь акты наиболѣе, на нашъ взглядъ, интересные.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе своею древностью актъ подъ № 1. Это—жалованная (и вмѣстѣ съ тѣмъ импутетная) грамота Мстиславскаго князя Лугвенія (Симеона) Ольгердовича дворному своему боярину Костюшку Валюжиничу на „вгрунтъ Валюжинскій“, близъ г. Мстиславля; при этомъ князь освобождаетъ Валюжинича отъ всякихъ повинностей, кромѣ военной („посполу зъ другими боярьми Мстиславскими“), и пошлинъ, а также отъ суда своихъ урядниковъ и десятниковъ городскихъ. Къ сожалѣнію, точная дата этого документа неизвѣстна. Правда, въ концѣ грамоты стоитъ слѣд. datum: „Данъ во Мстиславлю, сентебра первого, въ лѣто постое тысячи семьсотъ, индикта третьяго“, но очевидно здѣсь произошла ошибка по винѣ переписчика начала XVIII-го в. (1718 г.), когда грамота заносилась въ книги трибунала. По соображеніямъ Виленской комиссіи, грамота эта дана въ 6903 г., т. е. въ 1395 г. по Р. Х.

Слѣдующая жалованная грамота относится уже къ 1507 г. Дана она Сигизмундомъ I, въ подтвержденіе грамоты вел. кн. Александра,

королевскому боярину Петру Кундѣ на земли и часть Городенской пуци „въ должъ на чотыри версты, а поперекъ на три версты“ (№ 3).

Изъ остальныхъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ на земли заслуживаютъ вниманія напечатанныя подъ №№ 4, 5, 10 и 11. Первая и третья изъ нихъ интересны въ томъ отношеніи, что въ нихъ встрѣчается необычный въ западно-русскихъ актахъ терминъ: *уездъ*, и при томъ не въ смыслѣ средневѣковаго *circuitus*, или русскаго „урочища“, т. е. землевладѣльческой единицы, а въ смыслѣ административной единицы, соотвѣтствующей *повѣту*, какъ въ этомъ легко убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ цитатъ:

1) „Жыемунтъ першій... Бали намъ чоломъ сынове городничого нашего Минского Петра Оношка... штожь есмо дали отцу ихъ Оношкеви въ *уездъ* Минскомъ, а въ *присудъ* Гаенскомъ двѣ земли пустыхъ на имя Слижино и Янушвовичи...“; а нѣсколько ниже: „а на третимъ листѣ стоитъ описано, ижь отцу даль три земли пустыхъ *волости* Гаенской на име Якубовцизну... до воли наше господарское“ (изъ грам. № 4 отъ 1508 г.);

2) „Жыегмунтъ Августъ... ознаймуемъ сямъ листомъ нашимъ, што пришовши передъ насъ, господара, и паны рады наши, при боку нашомъ засѣдаючіе, урожоный Федоръ Оношковичъ—бояринъ нашъ господарскій *уезду* Опшянского (sic! Оршанскаго?) и повѣдилъ передъ нами, штожь онъ купилъ вѣчнымъ правомъ... село Ковича... за рѣкою Березиною лежащее, въ *присудъ* Богушевскомъ“ (изъ грам. № 10 отъ 1548 г.).—Отсюда же ясно такъже, что *уездъ* подраздѣлялся на *присуды*, или, что то же, *волости* ¹⁾.

Слѣдующій изъ отмѣченныхъ выше актовъ (№ 11) представляетъ собою жалованную грамоту (1555 г.) королевы Боны своему Пинскому старостѣ Станиславу Фальчевскому на „дворъ Сельце, зъ челядью *невольною*, зъ быдломъ, зъ мѣстечкомъ и зъ *волостью*, зъ людьми

---

¹⁾ Ср. проф. Бершадскаго—„Общественная организація крестьянъ въ вел. кн. Литовскомъ въ нач. XVI в.“: „Въ системѣ административныхъ округовъ автономныя крестьянскія общества назывались волостями и стояли наравнѣ съ округами, тянувшими къ великокняжескимъ дворамъ—„державами“. Для нѣкоторыхъ сторонъ управленіе и эти волости дѣлились на станы“. (Историч. Обзор., кн. 3, отд. 2, стр. 16).

путными, тяглыми, зъ даньми ихъ и пр.“. Предоставляя Фальчевскому и его женѣ, въ награду за ихъ вѣрную службу, означенное имѣніе въ пожизненное ихъ владѣніе („до живота“) „во всимъ панствомъ, властностью“ и доходами, королева освобождаетъ однако отъ подсудности новому помѣщику „плянту Селецкую, которая се правомъ земскимъ судить и земскую военную службу служить“, и крестьянъ, живущихъ на церковныхъ земляхъ; кромѣ того, она оставляетъ за собою и „костельное подаванье“, т. е. *jus patronatus*.

Наконецъ, что касается обширнаго акта подъ № 5, то онъ между прочимъ содержитъ въ себѣ рядъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ конца XV и нач. XVI вв. многочисленнымъ князьямъ Глинскимъ на помѣстья въ Витебскомъ, Полоцкомъ и Смоленскомъ „повѣтахъ“. По поводу одного изъ такихъ пожалованій вел. кн. Александръ пишетъ Смоленскому намѣстнику Юрію Глѣбовичу: „писаль ты до насъ за княземъ Иваномъ Семеновичемъ Глинскимъ, штожь отчизна его вся къ Москвѣ отошла и не маеть се на чомъ поживити самъ зъ дѣтьми своими, и пишешъ къ намъ, абысьмо дали ему сельцо у Смоленскомъ повѣтѣ, у Деменской волости, на име Снопотець; ино мы его сельцомъ пожаловали, нехай онъ тое сельцо Снопотець держитъ со всимъ по тому, какъ держаль Григорей Мишковичъ; а дали есьмо ему тое сельцо до нашего лѣпшого осмотра дотуля, поки его отчизну очистимъ; а увезати казали есьмо его въ тое сельцо дворянину нашему Василью Сапѣзѣ“.

Актъ этотъ, или, вѣрнѣе, рядъ актовъ, напечатанныхъ подъ однимъ №, независимо отъ того, что пополняетъ помѣщенную въ 1-мъ томѣ Акт. Зап. Россіи родословную потомковъ татарскаго князя Лекса — многочисленныхъ князей Глинскихъ и характеризуетъ ихъ имущественныя отношенія между собою, интересенъ еще тѣмъ, что рисуетъ подробно, какъ, вѣмъ и въ присутствіи кого совершалось „увезеніе“, т. е. вводъ во владѣніе пожалованнымъ имуществомъ „по старымъ границамъ и рубежамъ“, чтд содержаль въ себѣ увязчій, или вводный, листъ и пр. и пр.

Изъ нѣсколькихъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ на дворянство отмѣтимъ привилегію короля Яна Собѣскаго, выданную въ 1677 г. князьямъ, мурзамъ, хорунжимъ и всѣмъ татарамъ—*sałemu parodowi ich*,—живущимъ въ Виленскомъ и проч. воеводствахъ и повѣтахъ вел. кн. Литовскаго и несущимъ военную службу (въ татар-

скихъ хоругвяхъ). Предоставляя имъ шляхетскія права и сравнивая ихъ, согласно 17 и 20 арт. XI разд. Лит. Статута, съ прочею шляхтою w kryninalach, swiadectwach u dowodach o wszelką rzecz, король разрѣшаетъ татарамъ выкупать у шляхты свое имѣнiя и владѣть челядью христіанской дома и на войнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ жалуетъ имъ особенную льготу—получать заручные листы отъ гетмановъ, воеводъ и старостъ противъ притѣсненій и преслѣдованій со стороны шляхты (№ 35). Привилегія эта была подтверждена королями Августомъ II и III и затѣмъ (въ 1778 г.) Станиславомъ-Августомъ.

Рядъ, б. ч. подтвердительныхъ, привилегій на магдебургское право (ихъ въ этомъ томѣ около 10), выданныхъ различнымъ городамъ и мѣстечкамъ, охватываетъ періодъ въ 200 съ лишнимъ лѣтъ: древнѣйшая изъ нихъ относится къ 1580, и позднѣйшая къ 1792 г. Ничего особенно новаго для исторіи Магдебургскаго права въ Литвѣ онѣ не заключаютъ въ себѣ. Отмѣтимъ только, что въ привилегіи м. Старому-Мядему (№ 69), выданной въ 1762 г. кор. Августомъ III, апелляція на магистратъ допускается не въ королевскій задворный ассессорскій судъ, какъ это было обыкновенно, а къ помѣщикамъ Кошицамъ.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ прочія имѣющіяся въ разсматриваемомъ томѣ грамоты льготнаго характера, или привилегіи въ собственномъ смыслѣ¹⁾, обратимся къ важному акту изъ разряда охранительныхъ грамотъ—къ *уставной* грамотѣ Полоцкой земли, подтвержденной Сигизмундомъ III въ 1593 г. (ак. № 21).

Какъ извѣстно²⁾, до насъ дошли и напечатаны въ Актахъ Западной Россіи болѣе древнія уставныя грамоты Полоцкой земли, а именно 1511 и 1547 г. Настоящая подтвердит. грамота, о существованіи которой въ Литовской метрикѣ было уже извѣстно, интересна прежде всего въ томъ отношеніи, что въ текстъ ея влючена и предыдущая подтвердительная грамота, данная Стефаномъ

¹⁾ Одна изъ нихъ впрочемъ заслуживаетъ упоминанія, какъ интересная для исторіи „Acta magni ducatus Lithuaniae“, или Литовской Метрики (ак. № 26). Соглашаясь въ 1636 г. на помѣщеніе актовъ метрики вел. кн. Литовскаго въ домѣ мѣщанина Ключати въ Вильнѣ, король Владиславъ IV освобождаетъ этотъ домъ *на вѣчныя времена* отъ постоя во время пребыванія корол. двора въ Вильнѣ.

²⁾ См. наше изслѣдованіе „Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства“. К., 1889 г., стр. 88.

Баторіемъ въ 1580 г.¹⁾ Изъ этой послѣдней мы узнаемъ, что Стефанъ Баторій, санкціонируя въ своей грамотѣ всѣ старыя права и обычаи Полоцкой земли, сдѣлалъ оговорку, что въ судахъ государственныхъ—въ судѣ градскомъ и земскомъ—дѣла судебныя должны впредь рѣшаться по Литовскому Статуту—„водлугъ статуту правъ земскихъ вел. княжества Литовскаго“. Кромѣ того, напечатанная въ разсматриваемомъ томѣ земская уст. грамота важна еще и въ др. отношеніи. Изъ нея наглядно видно, что шляхетскіе привилеи и магдебургское право постепенно повели къ полному разложенію древняго земскаго строя и къ разъединенію земскихъ классовъ. Такъ, въ концѣ XVI в., при Стефанѣ Баторіи (въ 1580 г.), подтвердительная грамота выдается уже не „боярамъ Полоцкимъ и мѣщанамъ и всему городу и *всей землѣ* Полоцкой“²⁾, какъ то было прежде, даже еще въ половинѣ XVI в. (въ 1547 г.), а лишь „паномъ Полоцкимъ, всему рыцарству, шляхтѣ, —обывателемъ земли *воеводства* Полоцкаго“. Другими словами, *всесловный, общеземскій* актъ, какимъ нѣкогда была уст. земская грамота, охранявшая древнія права и порядки земскаго самоуправления, мало по малу, къ концу XVI в., сдѣлался достояніемъ одного лишь господствовавшего класса, обратился въ *сословную* (шляхетскую) привилею. Въ 1593 г. „боярамъ воеводства Полоцкаго, панцернымъ и путнымъ“, ходатайствовавшимъ о выдачѣ новаго подтвержденія уставной грамоты, приходилось уже доказывать, что они „до тогожъ привилею належать“, наравнѣ со шляхтою воеводства Полоцкаго (ак. № 21, стр. 65).

Сеймовыя инструкціи³⁾ и сеймиковыя постановленія⁴⁾, вошедшія

¹⁾ О времени выдачи первоначальной устав. земской Полоцкой грамоты и всѣхъ подтвердительныхъ см. *ibid.*, стр. 51—54 и 83.

²⁾ Въ др. современныхъ грамотахъ того же типа составъ земскихъ классовъ опредѣлялся еще полнѣе: напр., въ Смоленской: „били намъ чоломъ владика Смоленскій, и околичин Смоленскіи, и вси князи и панове, и бояре, и мѣщане, и чорные люди и все посполство мѣста и земли Смоленскоя“. Др. примѣры см. сводный текстъ устав. земскихъ грамотъ, *ibid.*, стр. 103—105.

³⁾ Т. XIII, №№ 55, 58, 59, 60, 61, 64, 65 и 72. Любопытно сопоставленіе инструкціи шляхты Стародубовскаго повѣта (№ 64, 1752 г.), наставлявшей на сохраненіи за шляхтой въ полной неприкосновенности *liberum veto*, хотя бы въ противномъ случаѣ пришлось даже сорвать сеймъ (въ Городнѣ), съ универсаломъ примаса (№ 70, 1763 г.), умолявшаго сыновъ Рѣчи-Посполитой, явившихся на избирательный сеймъ, забыть свои личные счеты и имѣть въ виду лишь благо отчизны, ибо въ теченіе 37-ми лѣтъ въ государствѣ царить удивительный беспорядокъ и за все это время не могъ состояться ни одинъ сеймъ.

⁴⁾ №№ 29, 43, 45, 46, 49, 63 и 71.—Замѣтимъ мимоходомъ, что въ постановленіи,

въ XIII т., почти всё безъ исключенія полны интереса, такъ какъ васаются или отношеній Рѣчи-Посполитой къ друг. государствамъ и въ особенности къ Россіи, или, что еще важнѣе, различныхъ сторонъ внутренняго управленія, обще-государственныхъ и мѣстныхъ нуждъ и порядковъ.

Изъ документовъ разнороднаго характера отмѣтимъ: 1) „попись земли Волинское, 1518 г.“, т. е. списокъ шляхты земли Волинской съ показаніемъ, сколько каждый изъ шляхтичей долженъ выставлять вооруженныхъ конныхъ ратниковъ (№ 6), 2) заявление въ 1655 г. Витебскихъ обывателей, находившихся въ плѣну въ Казани, о подробностяхъ взятія войсками ц. Алексѣя Мих. г. Витебска, о невзгодахъ, испытанныхъ ими за отказъ присягнуть Московскому царю, о расселеніи ихъ въ Астрахань, на Терекъ и въ др. мѣста (№ 28), 3) универсалъ 1717 г. вн. Меншикова Дубровинскимъ мѣщанамъ Пилатамъ на нѣкоторыя права (№ 51) ¹⁾ и 4) универсалъ 1735 г. подкоморія вел. кн. Литовскаго Игнатія Завиши къ шляхетству Литовскому съ цѣлью предостеречь ихъ отъ политич. увлеченій и симпатій къ проискамъ французскаго двора и склонить на сторону русскаго (№ 56).

Обозрѣваемый томъ заканчивается инвентарными и межевыми описями имѣній, а также описями движимаго имущества нѣкоторыхъ Виленскихъ купцовъ; всё эти описи, въ числѣ 12-ти, вошли въ составъ 2-го отдѣла названнаго тома.

Въ слѣдующемъ, XIV-мъ т., изданномъ въ 1888 г., Виленская коммиссія продолжала печатать инвентари; а именно, сюда вошли инвентари различныхъ королевскихъ и частныхъ имѣній 2-ой половины XVI ст. (съ 1555 г.).

Выпускаемая этотъ томъ въ дополненіе къ напечатаннымъ ею пи-

напечатаномъ подъ № 63 (постановленіе обывателей Витебскаго воеводства о защитѣ Витебскихъ замковъ), допущена редакціей какая-то ошибка. Изъ текста этого документа вытекають слѣд. курьезы: 1) что онъ явленъ въ книги (въ 1752 г.) раньше, нежели составленъ (1754 г.), и 2) что обыватели избрали своимъ предводителемъ Ив. Гребницкаго, который съ успѣхомъ исполнялъ ту же роль столѣтіемъ раньше, еще при Владиславѣ IV.

¹⁾ Этотъ универсалъ начинается такъ: „Мы, Александръ Меншиковъ, свѣтлѣйшій Римскій и Россійскаго господарствъ Изерскаго князь, генералъ фельтъ-маршалъ и кавалеръ..... губернаторъ Санктъ-Петербургскій, староста Оршанскій и Дисненскій и прочая и прочая...“

сповымъ книгамъ ¹⁾, комиссія сдѣлала первую попытку отступить отъ своего первоначальнаго (при изданіи отдѣльныхъ актовъ) плана, результатомъ чего и явился огромный томъ (94 инвентаря) ²⁾ однороднаго матеріала, о значеніи котораго для исторической науки вообще и въ частности для исторіи крестьянъ и ихъ повинностей едва ли надо распространяться.

Большинство напечатанныхъ въ означенномъ томѣ инвентарей относится къ имѣніямъ частныхъ землевладѣльцевъ, остальные—пайболѣе обширные и цѣнные—къ имѣніямъ королевскимъ; таковы—инвентари (1558 г.) Брянскаго и Сараяскаго староствъ (№ 4),—города Нарвы (1560 г., № 5) и два инвентаря (1566 и 1572 гг.) Кретинской волости (№ 8 и 11). Что касается инвентарей частныхъ имѣній, то изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія инвентарь (1592 г.) имѣнія Клачковцевъ (№ 50), въ составъ котораго входили три города: Колачковцы Старые, Колачковцы Новые и Виноградъ, два мѣстечка и пятнадцать сель.

Этотъ послѣдній инвентарь интересенъ еще и тѣмъ, что названное имѣніе Колачковцы, къ которому онъ относится, находилось за предѣлами Литовскаго княжества—въ Галицкой землѣ, или Червонной Руси. Такимъ образомъ является возможность сравнить тяжесть крестьянскихъ повинностей въ Литвѣ и Польшѣ.

Въ XV-мъ томѣ своихъ актовъ, изданномъ также какъ и предыдущій въ 1888 г., Виленская комиссія возвращается къ тому же важному источнику, изъ котораго она уже почерпнула матеріалы для XI—XIII тт., т. е. къ книгамъ Главнаго Литовскаго трибунала, составляющимъ четвертую часть всего наличнаго состава В. Ц. Архива; на этотъ разъ она обратилась къ тѣмъ изъ нихъ, которыя содержатъ въ себѣ судебныя рѣшенія, т. е. къ книгамъ декретовымъ.

Несомнѣнно, что изданіемъ рѣшеній высшей судебной инстанціи вел. княж. Литовскаго комиссія Виленская оказала большую услугу, за которую нельзя ее не поблагодарить. Рѣшенія эти, помимо такъ называемой бытовой исторіи, важны также и для исторіи самаго дан-

¹⁾ См. выше, стр. 8.

²⁾ 74 изъ нихъ извлечены изъ акт. книгъ В. Ц. Арх. См. выше, стр. 18, примѣч. 3.

наго учрежденія, и для исторіи процесса, гражданскаго и уголовнаго права западной Руси (въ этомъ отношеніи они представляютъ богатый матеріалъ). Но этимъ еще не исчерпывается ихъ значеніе: принадлежатъ такой судебной инстанціи, которая являлась не только апелляціонной, но и кассационной инстанціей, рѣшенія эти представляютъ собою богатый и до нѣкоторой степени единственный источникъ, изъ котораго мы съ несомнѣнностью можемъ узнать, какъ нормы закона примѣнялись на практикѣ, какъ модифицировались онѣ подъ влияніемъ новыхъ условій жизни, какіе юридическіе вопросы вызывали сомнѣнія и какъ, наконецъ, эти послѣднія разрѣшались тѣмъ учрежденіемъ, которое считалось хранилищемъ высшей юридической мудрости

Къ сожалѣнію, преслѣдованіе Виленскою комиссіей ея первой и главнѣйшей задачи (собираніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи церкви) привело въ тому, что обзрѣваемый томъ декретовъ представляетъ довольно однообразный матеріалъ, не вполне оправдывающій ожиданій юриста-историка и немного дающій новыхъ данныхъ исторіку церкви. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ 298 декретовъ Литовскаго трибунала, напечатанныхъ здѣсь и обнимающихъ собою періодъ съ 1637 по 1686 г., даны по дѣламъ, касающимся лишь православныхъ и униатскихъ монастырей, церквей и духовенства Сѣверо-западнаго края; при этомъ огромное большинство ихъ (свыше 200 декр.) представляетъ или рѣшенія трибунала о взысканіи въ пользу различныхъ монастырей и церквей денежныхъ суммъ, отданныхъ этими послѣдними большею частію взаимы различнымъ лицамъ и учрежденіямъ (вапр., еврейскому кагалу), или декреты по поводу неисполненія к.-л. контрагентомъ того или др. имущественнаго договора. Но такого рода документовъ, рисующихъ жизнь монастырей и духовенства съ экономической стороны, уже не мало напечатано, какъ то мы видѣли, и въ предыдущихъ томахъ; помѣщенные же здѣсь ничего новаго не прибавляютъ. Правда, историкъ церкви, какъ справедливо замѣчаетъ редакторъ разсматриваемаго тома, „въ каждомъ документѣ найдетъ для себя что-нибудь пригодное: какое-нибудь упоминаніе о закрытомъ и забытомъ монастырѣ, свѣдѣнія о какой-нибудь исторической личности“ и т. д.; отъ себя прибавимъ, что и историкъ права среди этой массы однообразныхъ рѣшеній (по гражд. дѣламъ) найдетъ также кое-что интересное, преимущественно для исторіи обязательственнаго права. Но это кое-что несомнѣнно превратилось бы въ

нѣчто болѣе цѣнное, если бы при выборѣ для печати того или др. декрета не требовалось непремѣннымъ условіемъ упоминаніе въ немъ к.-л. духовнаго, физическаго или юридическаго, лица.

Наиболѣе интересными во всѣхъ отношеніяхъ являются напечатанные въ настоящемъ томѣ, сравнительно въ небольшомъ количествѣ (около 75), трибунальскіе декреты по уголовнымъ дѣламъ. Но прежде чѣмъ отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о внѣшней формѣ напечатанныхъ рѣшеній Главнаго Лит. трибунала.

Первое, чтó бросается въ глаза при бѣгломъ даже просмотрѣ этихъ рѣшеній,—это необычайное изобиліе въ нихъ отдѣльныхъ словъ и даже цѣлыхъ фразъ, заимствованныхъ изъ варварской латыни, но переданныхъ въ русской транскрипціи. Слова и реченія въ родѣ: дилляція, аддиція, прекустодивить, локумъ станди, екстра и ультра форумъ, паціоритасъ или пріоритасъ юрисъ, раціонесъ екскверере, сама праксисъ юрисъ, того евидентиссима документисъ доведши и на око указавши, не только же нуллитеръ и т. д. и т. д. пестрѣютъ въ декретахъ на каждомъ шагу¹⁾. Такое обиліе латинскихъ словъ, особенно имѣющихъ значеніе юридическихъ терминовъ, объясняется прежде всего вліяніемъ римскаго права и сочиненій средневѣковыхъ юристовъ на польское законодательство, а черезъ него и на западно-русскія законодательство и судебную практику. Затѣмъ, употребленіе въ судебныхъ рѣшеніяхъ и особенно въ судебныхъ преніяхъ латинскихъ фразъ считалось, вѣроятно, особеннымъ шикомъ; иначе нельзя объяснить, какая надобность была говорить вмѣсто „6 іюня теперь идущаго (текущаго) года“—*6 іюня анни курентисъ*, или *анте темпоремъ мортисъ небощика* вм. передъ смертью небощика (т. е. покойнаго) и т. д.

Какъ бы то ни было, но, благодаря вышеуказанному обстоятельству, рѣшенія Главн. Литовскаго трибунала, которыя, на основаніи категорическаго требованія извѣстной статьи Литовскаго Статута, долго писались на русскомъ языкѣ, представляютъ съ внѣшней стороны довольно безобразную смѣсь русскаго языка съ плохою, варварскою латынью, а по содержанію своему нѣчто крайне туманное и неудобо-

¹⁾ Всѣ приведенныя выше выраженія взяты нами лишь изъ одного судебного рѣшенія (Т. XV, № 298).

понимаемое: самое простое и несложное по существу своему дѣло излагается въ этихъ рѣшеніяхъ такимъ варварскимъ, неестественнымъ языкомъ, съ такимъ явнымъ пренебреженіемъ всякою логическою ясностью и обставляется при этомъ такою юридическою казуистикой, что разобраться въ нихъ, добиться сути дѣла —врядне не легко. Всему этому особенно способствовали гг. прокураторы, или адвокаты сторонъ, своими рѣчами, ссылками на всяческія *gravis juris*, своими безконечными *excertia*'ми и т. п. ¹⁾.

Обращаясь затѣмъ къ указанной группѣ рѣшеній трибунала по уголовнымъ дѣламъ (наиболѣе интересной въ обзорѣваемомъ томѣ), остановимся на данныхъ, относящихся къ исторіи наказаній и нерѣдко во многомъ дополняющихъ извѣстное намъ на этотъ счетъ изъ Лит. Статута всѣхъ 3-хъ редакцій.

Изъ 50-ти приблизительно приговоровъ трибунала, въ окончательной формѣ, въ 20-ти виновные присуждаются къ банниціи, а въ 10-ти къ смертной казни, при чемъ въ двухъ случаяхъ этимъ суровымъ наказаніямъ подвергся весь личный составъ цѣлаго учрежденія. Такъ, однимъ изъ декретовъ за отнятіе у нѣкоего Пузины двухъ семействъ крестьянъ приговариваются къ банниціи не только настоятельница, но и всѣ инокини Минскаго женскаго монастыря (№ 246), а другимъ —нѣкто Даніилъ Стахорскій, а также настоятель и *ось* иноки Лепесовскаго монастыря (№ 223) приговорены за убійство (правда „окрутное и тиранское“) Станислава Табенскаго къ уплатѣ головщины (200 копь гр.) и смертной казни черезъ усѣченіе („на горло стягнемъ“) ²⁾. Во всѣхъ случаяхъ форма смертной казни, назначаемая трибуналомъ, —отсѣченіе головы для всѣхъ безразлично: для мужчинъ и женщинъ, духовныхъ и свѣтскихъ, христіанъ и евреевъ. При сличеніи этихъ приговоровъ съ соответствующими артикулами Статута легко убѣдиться, что подъ неопредѣленной санкціей —*горломъ каранъ быти масть* Статутъ

¹⁾ Для желающихъ познакомиться подробнѣе съ любопытными образчиками адвокатскаго краснорѣчія того времени, можемъ рекомендовать рѣчь одного изъ прокураторовъ, вошедшую въ составъ декрета по дѣлу объ имѣніи Зудовъ, напечатаннаго подъ № 298.

²⁾ Назначеніе двойной головщины (200 копь вм. 100, обыкновенно платимыхъ за голову шляхтича) показываетъ, что это убійство было квалифицированнымъ, преднамереннымъ.

разумѣть отсѣченіе головы ¹⁾; такъ, по крайней мѣрѣ, понимали ее судьи трибунала, руководствовавшіеся въ своихъ рѣшеніяхъ Статутомъ.

Но что особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе и вызываетъ даже нѣкоторое недоумѣніе—это назначеніе смертной казни нѣкоему Ѳомѣ Яновскому, повѣренному Минскаго женскаго монастыря, за небрежное его отношеніе къ своимъ обязанностямъ ²⁾, вслѣдствіе чего его довѣрительницы проиграли въ судѣ искъ; впрочемъ, смертная казнь (однако лишь во вниманіе къ духовному сану потерпѣвшихъ) замѣнена была самимъ трибуналомъ тюремнымъ заключеніемъ (№ 183).

Изъ прочихъ приговоровъ отмѣтимъ: 1) приговоръ о *посаженіи на цѣль* на три дня слуги и урядника архіеп. Полоцкаго Гавріила Коленды, п. Домбровскаго, за самовольное оставленіе имъ службы и неоказаніе должной чести архіепископу, какъ своему господину (ав. № 94) ³⁾, и 2) приговоръ о взятіи обидчикомъ назадъ сказанныхъ имъ обидныхъ словъ посредствомъ особой формулы и при извѣстной обстановкѣ (№ 83).

Дѣло, по поводу котораго состоялся послѣдній приговоръ, настолько любопытно, что мы рѣшаемся передать его хотя вкратцѣ. Нѣкто Кристофъ Рудомина, маршалокъ Браславскій, зайдя однажды въ своему знакомому члену трибунала Петру Корсаку и не заставъ его дома, снялъ со стѣны висѣвшія на ней два дорогихъ ружья и унесъ ихъ съ собою, какъ будто бы въ шутку. Владѣлецъ ружей неоднократно и въ пріятельскомъ пока тонѣ напоминалъ Рудоминѣ, что пора бы шутку прекратить и водворить ружья на обычное ихъ мѣсто, но это ни къ чему не привело. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Корсакъ получилъ извѣстіе, что Рудомина съ женою надолго уѣзжаетъ изъ Вильны, и что уже даже подана къ крыльцу карета, готовая умчать и п. Рудомину, а съ нимъ, быть можетъ, и злополучныя ружья. Корсакъ немедленно отправляется въ Рудоминѣ,

¹⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что о смертной казни посредствомъ отсѣченія головы Статутъ 1588 г. опредѣленно говоритъ только въ одномъ артик. (разд. XI, арт. 17), назначая ее простолудну, нанесшему раны шляхтичу изъ засады.

²⁾ Изъ рѣшенія видно, что Яновскій, взявшись вести дѣло монастыря, умышленно пропустилъ какой-то судебный срокъ: „ровъ добровольно упустилъ“.

³⁾ Архіеп. Коленда жаловался „на неотповѣдное, не уважавши и руки ея милости, яко пану, не давши, отъѣханье, также личбы зъ завѣдыванья тою маестностью Прилѣпами не учинивши.“

встрѣчаетъ его на крыльцѣ и категорически требуетъ отъ него возвращенія своей собственности. Въ отвѣтъ на это Рудомина разразился цѣлымъ потокомъ бранныхъ словъ и закончилъ такъ: „wszak się jeszcze nie kończy trybunał, nasza grasz sobie, boście wszyscy szagracze (т. е. вѣдь еще засѣданія трибунала не закончились, успѣешь еще пожитьяся, ибо всѣ бы взяточники)!“ На вопросъ озадаченнаго этимъ обвиненіемъ Корсака, кто же именно беретъ взятки, Рудомина закричалъ: „известно, что всѣ вы съ маршалкомъ своимъ купно взяли 9000 за одно только дѣло“. Случившійся при этомъ земскій Минскій судья Володковичъ, состоявшій также членомъ трибунала, считая себя оскорбленнымъ словами Рудомины, выхватилъ саблю и потребовалъ немедленнаго удовлетворенія. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это окончилось, если бы находчивая жена Рудомины, бывшая уже въ каретѣ, не выручила своего мужа. Смекнувъ, что дѣло принимаетъ дурной для него оборотъ, она бросилась на арену дѣйствія, съ помощью слугъ, почти насильно, усадила своего расходившагося и все еще ругавшагося супруга въ карету, прыгнула за нимъ туда же и, захлопнувъ дверцу, приказала кучеру погонять, что есть мочи.

Возникло дѣло. Жестоко оскорбленный трибуналъ выдѣлилъ изъ своей среды особую комиссію для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ происшествія; было допрошено около 20-ти свидѣтелей, и актъ слѣдственнаго производства составленъ. По прочтеніи его въ засѣданіи трибунала, *инститоръ*, т. е. прокуроръ, сказалъ выразительную рѣчь, въ которой, указывая, что изъ слѣдственнаго дѣла (*шкрутиніи*) „покажется видомаая и значная суду зневага, традукованіе и дифамація“, настаивалъ на примѣрномъ наказаніи для обвиняемаго: Рудомина долженъ заплатить каждому изъ членовъ трибунала по 48 копѣ лит. грошей штрафа за нанесенное имъ оскорбленіе, затѣмъ публично въ общемъ собраніи трибунала, въ избѣ судовой, *одмавать и щекать* и, сверхъ того, подвергнуться тюремному заключенію на „дѣвъ замку Виленскаго“ въ высшей мѣрѣ, т. е. въ теченіе 1-го года и 6-ти недѣль. Судъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ инстигатора, постановилъ соотвѣтствующее этому мнѣнію рѣшеніе.—Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе вторая половина назначеннаго въ приговорѣ Рудоминаѣ наказанія—возложенная на него обязанность „одмавать и щекать“, т. е. взять свои обидныя слова и даять (щекать—даять).

Обращаясь къ законодательнымъ памятникамъ, находимъ слѣдующее. По Вислицкому Статуту 1347 г. (ст. 85 и 86), виновный въ клеветѣ на честь какого либо шляхтича долженъ взять свои слова обратно и прибавить: „я солгалъ, яко песь“. По Литовскому Статуту 1588 г., виновный въ ложномъ наименованіи в.-л. шляхтича незаконно-рожденнымъ обязанъ въ присутствіи суда взять свои слова обратно и, обратившись къ оклеветанному, произнести слѣд. унижительную формулу: „што есьми менид на тебе, же бы ты былъ неучъстивое матъки и не чистого ложа сынъ, томъ на тебе брехалъ, яко песь“ (разд. III, арт. 28); произнесеніе этой формулы носило названіе *отцекати*. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, по Статуту, обида на словахъ и клевета въ 1-й разъ не наказуемы, а во второй и слѣд. разы наказывались шестинедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Приведенный же выше приговоръ, несогласный (какъ это видно изъ предыдущаго) со Статутомъ, по которому виновный въ оскорбленіи суда на словахъ наказывается лишь 6-ти недѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ¹⁾, во 1-ыхъ, показываетъ, что на практикѣ унижительный обрядъ „щеканія“ примѣнялся гораздо шире, чѣмъ требовалъ законъ, а именно, примѣнялся къ клеветникамъ вообще, и во 2-хъ, знакомитъ насъ съ нѣкоторыми любопытными и неизвѣстными изъ законодательныхъ памятниковъ подробностями самаго обряда: п. Рудомина, виновный въ клеветѣ, долженъ былъ, какъ это видно изъ рассматриваемаго декрета, явиться въ общее собраніе трибунала, подлѣзть въ избѣ судовой подъ лавку и оттуда произнести свою извинительную рѣчь, т. е. заявить, что все сказанное имъ—ложь („ижъ то зле, а нечистойне и легкомыслне мовилъ“), что въ данномъ случаѣ онъ солгалъ, какъ песь (все это выражалось однимъ терминомъ—„одмавать“), и въ заключеніе щекать, т. е. нѣсколько разъ пролаять по собачьи.—Къ сожалѣнію, неизвѣстно, подчинился ли этому приговору его милость п. Рудомина, маршалокъ Браславскій.

Отъ декретовъ Литовскаго трибунала съ ихъ вычурнымъ, пестрымъ и малопонятнымъ языкомъ переходимъ съ особеннымъ удовольствіемъ къ стоящему на очереди и изданному въ концѣ 1890 г.

¹⁾ Лит. Стат., разд. IV, арт. 7.

XVII тому ¹⁾, гдѣ напечатаны древнѣйшіе акты Гродненскаго земскаго суда, и словно отдыхаешь при чтеніи этихъ безыскусственныхъ, ясныхъ, простыхъ и понятныхъ древне-русскихъ актовъ.

Настоящій томъ состоитъ, какъ мы только-что замѣтили, изъ древнѣйшихъ актовъ земскаго Гродненскаго суда (а вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшихъ изъ имѣющихся въ Виленскомъ центр. архивѣ на русскомъ языкѣ) ²⁾ и представляетъ собою воспроизведеніе въ печати трехъ первыхъ книгъ названнаго суда за 1539, 1540 и 1541 годы, въ полномъ ихъ видѣ, а изъ послѣдующихъ книгъ, отъ 1555 до 1565 гг., только болѣе важныхъ актовъ.

Мысль издать, не мудрствуя лукаво, цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ, древнѣйшія актовыя книги изъ имѣющихся на русскомъ языкѣ надо признать чрезвычайно удачной, плодотворной и заслуживающей подражанія. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря этому, мы получили своего рода лѣтопись временъ второй и отчасти третьей четверти XVI ст., лѣтопись, въ которой живо отразились современные нравы, обычаи, общественныя и семейныя отношенія, экономическое и юридическое положеніе различныхъ классовъ общества, порядоки судопроизводства и пр. Кромче сказать, среди этого матеріала историки всѣхъ отдѣлковъ найдутъ для себя много цѣнныхъ и новыхъ данныхъ для своихъ изслѣдованій. Но особенно много и въ высшей степени цѣннаго матеріала заключаетъ въ себѣ настоящій томъ по исторіи поземельной собственности, семейственнаго и въ частности брачнаго права³⁾.

Прежде чѣмъ разстанемся съ рассматриваемымъ томомъ, богатое и крайне разнообразное содержаніе котораго, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ въ нашихъ краткихъ замѣткахъ остановиться на болѣе подробномъ его обзорѣ, отмѣтимъ еще одну черту, являющуюся особен-

¹⁾ XVI г. былъ рассмотрѣнъ нами выше, стр. 17—20.

²⁾ На латинскомъ яз. имѣются въ Виленскомъ архивѣ, какъ о томъ было упомянуто выше (стр. 5 и 6), и болѣе древнія книги, а именно съ 1402 г.

³⁾ Лучшей иллюстраціей богатаго содержанія этого тома въ послѣднемъ отношеніи можетъ служить между прочимъ слѣд.: небольшая сравнительно часть указаннаго матеріала, измеченная изъ оригинальной рукописи (т. е. изъ древнѣйшихъ подлинныхъ книгъ Гродненск. суда, нынѣ напечатанныхъ цѣликомъ), послужила главнымъ источникомъ для весьма интересной статьи проф. М. Ф. Владимірскаго—Буданова: „Черты семейнаго права Западной Россіи въ полов. XVI в.“ См. Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. IV., К., 1890 г., и отд. оттискъ.

ностью напечатанныхъ въ XVII т. судебныхъ записей Гродненскаго земск. суда отъ 1539 и слѣд. годовъ: на судѣ въ качествѣ сторонъ чаще всего фигурируютъ, на ряду съ землянами, шляхтой и духовенствомъ, крестьяне ¹⁾, между тѣмъ какъ впослѣдствіи (уже со 2-й полов. XVI в.) положеніе дѣла, какъ извѣстно, сильно измѣняется, а именно всѣ многочисленныя государственныя суды—городскіе, земскіе, подкоморскіе и т. д. до Главнаго Лит. трибунала включительно—существуютъ не для всего населенія, а исключительно почти для нуждъ шляхетства.

Достойно замѣчанія также слѣдующее: 1) засѣданія Гродненскаго суда въ это время, т. е. во второй четверти XVI в., происходили не въ опредѣленные только сроки (рочки, роки или каденціи), какъ то было установлено впослѣдствіи, а во всякое время: и въ будни, и въ праздники ²⁾, и 2) при производствѣ суда, кромѣ судей (старосты и его помощниковъ), истцевъ и отвѣтчиковъ, присутствовали обыкновенно и постороннія лица въ качествѣ представителей населенія (обыкновенно изъ тѣхъ классовъ его, къ которымъ принадлежали тяжущіяся стороны), принимавшихъ активное участіе въ судопроизводствѣ ³⁾.

Обращаемся, наконецъ, къ послѣднему тому Виленскихъ актовъ—XVIII, вышедшему въ концѣ января 1892 года.

Весь этотъ томъ состоитъ, по примѣру XIV, XVI и XVII тт., изъ однороднаго матеріала, а именно на этотъ разъ, изъ актовъ о копныхъ судахъ.

Какъ извѣстно, первый обратившій на нихъ вниманіе и, такъ сказать, ихъ открывшій былъ покойный профессоръ Кіевскаго университета и редакторъ Кіевской археограф. комиссіи Н. Д. Иванишевъ,

¹⁾ А именно королевскіе крестьяне Гродненскаго повѣта, принадлежавшаго королевѣ Бонѣ, супругѣ Сигизмунда I и дочери Миланскаго герцога Сфорци.

²⁾ Иногда въ большіе, т. наз. годовые, праздники разбиралось дѣлъ даже больше, нежели въ иной будній день (см., напр., акты №№ 91-99). Благодаря такому порядку, установившемуся, очевидно, въ интересахъ всего населенія (съ цѣлью не отрывать его отъ обычныхъ работъ), а въ частности потерпѣвшихъ, вполнѣ осуществлялся основной принципъ правосудія, по которому возстановленіе нарушеннаго права должно непосредственно слѣдовать за правонарушеніемъ.

³⁾ Такой смѣшанный составъ суда былъ обычнымъ въ XIV и XV вв. во всѣхъ древне-русскихъ земляхъ, какъ то намъ извѣстно изъ дошедшихъ до насъ Литовско-русскихъ уставн. земскихъ грамотъ. См. наше изслѣд. о нихъ, стр. 181—182.

случайно натолкнувшись въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго центр. архива на акты копнаго судопроизводства. Заинтересовавшись ими, онъ сталъ продолжать свои поиски, но былъ въ нихъ не особенно счастливъ: просмотрѣвъ внимательно около 300 актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомирскихъ, онъ, по собственному его заявленію, нашелъ лишь не болѣе 22-хъ актовъ по этому вопросу¹⁾. На основаніи этого матеріала, Н. Д. Иванишевъ напечаталъ въ журналѣ „Русская Бесѣда“ за 1857 г. (кн. III) небольшое (около 30-ти стр.) изслѣдованіе о копныхъ судахъ подъ заглавіемъ: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи“. Изслѣдованіе это въ свое время доставило автору громкую извѣстность: въ немъ видѣли удачную попытку „возстановить померкшій образъ древне-славянской общины“.

Другіе изслѣдователи архивныхъ матеріаловъ — проф. В. Б. Антоновичъ и И. Новицкій были болѣе счастливы въ своихъ разысканіяхъ въ К. центр. архивѣ. Не имѣя въ виду исключительно копныхъ судовъ, а такъ сказать мимоходомъ, первый изъ нихъ отыскалъ и напечаталъ въ актахъ о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ Ю.-З. Россіи (Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. IV, т. 1, К. 1867 г.) около десяти, а второй въ актахъ объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVI—XVIII в. (ibid. ч. VI, т. 1, 1876 г.)—около двадцати актовъ, относящихся къ копнымъ судамъ.—Наконецъ, намъ лично, при извлеченіи изъ актовыхъ книгъ мѣстнаго центр. архива матеріаловъ для исторіи судоустройства и судопроизводства въ Литовско-русскомъ государствѣ, удалось въ теченіе 1890 и 1891 гг. отыскать еще нѣсколько десятковъ актовъ о копныхъ судахъ, доселѣ никѣмъ не напечатанныхъ²⁾.

Что касается двухъ друг. центр. архивовъ, то изъ найденныхъ въ этихъ архивахъ актовъ о копныхъ судахъ до весьма недавняго времени³⁾ было напечатано не болѣе 10-ти, появившихся въ VI т. „Актовъ Вилен-

¹⁾ Н. Д. Иванишевъ, Сочиненія, стр. 232.

²⁾ Акты эти въ числѣ другихъ, относящихся къ занимающему насъ вопросу объ органахъ судебной власти въ Литовско-русскомъ государствѣ, войдутъ въ одинъ изъ ближайшихъ томовъ (къ печатанію его уже пристулено) издаваемого Кіев. археограф. комиссіей „Архива Ю.-Зап. Россіи.“

³⁾ До выхода въ свѣтъ XVII и XVIII гг. Виленскихъ актовъ.

ской комиссії“, въ I, III и VI тт. „Археографическаго Сборника“ и въ „Историко-Юридич. Матеріалахъ, издав. Витебскимъ центр. архивомъ“.

Напечатанные во всѣхъ вышеназванныхъ изданіяхъ акты во многомъ измѣняютъ, дополняютъ и исправляютъ выводы Иванишева, который, впрочемъ, и самъ заявилъ, что его изслѣдованіе „не рѣшаетъ окончательно вопроса“ о копныхъ судахъ. Въ такомъ положеніи находится данный вопросъ и нынѣ, не смотря на появившіяся послѣ изслѣдованія Н. Иванишева замѣтки (большею частію очень цѣнныя), принадлежащія Новицкому, М. Ф. Владимірскому-Буданову и г. Спрогису, который, сверхъ замѣтокъ о копныхъ судахъ въ предисловіи въ VI т., посвятилъ вопросу о нихъ почти все предисловіе (стр. XXI—I, III), предваряющее обозрѣваемый XVIII томъ Виленскихъ актовъ.

Съ появленіемъ этого послѣдняго, число опубликованныхъ актовъ о копныхъ судахъ съ нѣсколькихъ десятковъ возросло сразу до нѣсколькихъ сотенъ: въ одномъ данномъ томѣ помѣщено 448 актовъ о копнохъ судѣ, обнимающихъ собою періодъ въ полутора столѣтія (съ 1552 по 1707 г.) и извлеченныхъ изъ 300 преимущественно гродскихихъ актовыхъ книгъ Виленскаго центр. архива. И все же это громадное количество не исчерпываетъ, какъ надо думать, всего даже болѣе важнаго по данному вопросу матеріала, хранящагося въ громадномъ Виленскомъ архивѣ; такъ, сюда не вошли акты копнаго суда въ древней Жомойской, или Жмудской, землѣ¹⁾, а также вошло очень мало такихъ интересныхъ актовъ, какъ акты о копныхъ рѣшеніяхъ по дѣламъ гражданскимъ²⁾. Какъ бы то ни было, но изданіемъ цѣлаго тома актовъ о копныхъ судахъ, актовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ весьма важныхъ и интересныхъ, Виленская комиссія оказала большую услугу исторической наукѣ, такъ какъ предоставила въ распоряженіе изслѣдователей много новыхъ и цѣнныхъ данныхъ по вопросу о копныхъ судахъ,—вопросу важному

¹⁾ Одинъ изъ нихъ и пока единственный былъ найденъ, какъ заявлено въ предисловіи въ XVIII т. (стр. XX), во время самаго печатанія этого тома и потому не вошелъ въ составъ его.

²⁾ Послѣднее произошло оттого, что составители обозрѣваемаго тома при розыскѣ актовъ о копныхъ судахъ обратили все свое вниманіе на акты въ книги гродскихъ судовъ, оставивъ въ сторонѣ книги земскихъ судовъ, куда заносились акты по гражданскимъ дѣламъ.

для исторіи не только процесса, но и уголовного и государственнаго права великаго княжества Литовскаго.

Не считая возможнымъ въ предѣлахъ настоящихъ краткихъ замѣтокъ останавливаться нѣсколько подробнѣе на актахъ разсматриваемаго тома съ цѣлью указать, что новаго они даютъ по вопросу о копныхъ судахъ, о чемъ они умалчиваютъ или даютъ слишкомъ мало данныхъ для того или иного заключенія и т. д., отлагаемъ все это до другого раза ¹⁾. Теперь же только замѣтимъ, что подобно тому, какъ все сдѣланное различными авторами по изслѣдованію копныхъ судовъ далеко не исключаетъ настоятельной необходимости появленія новыхъ о нихъ изслѣдованій, такъ и опубликованные доселѣ матеріалы объ этихъ судахъ не исключаютъ необходимости произвести изысканія новыхъ матеріаловъ. Только тогда, когда, съ одной стороны, пополнятся скудныя пока архивныя данныя для нѣкоторыхъ сторонъ вопроса о копѣ, а, съ другой, будутъ изучены и приняты во вниманіе *все* опубликованные доселѣ о ней матеріалы,—только тогда, дѣйствительно, можно будетъ крайне интересный и важный вопросъ о копныхъ судахъ освѣтить всесторонне и съ достаточною полнотою.

Заканчивая настоящій краткій обзоръ послѣднихъ изданій Виленской археогр. комиссіи, мы спѣшимъ оговориться, что далеко не исчерпали или даже отмѣтили все болѣе интересное въ Виленскихъ актахъ; наша цѣль, какъ мы заявили вначалѣ, была болѣе скромная: обратить вниманіе на это весьма полезное изданіе, богатое многими цѣнными данными для исторіи вообще и исторіи права въ частности. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о прочихъ, такіе томы обозрѣваемыхъ актовъ, какъ VI, X, XIII и XVI, а особенно XIV, XVII и XVIII, могутъ дать богатый матеріалъ для многихъ и многихъ монографій. Скажемъ даже больше: если бы Виленская комиссія за 28-ми лѣтнее свое существованіе ничего болѣе не выпустила въ свѣтъ *кромя* названныхъ 7 томовъ, то и тогда можно было бы смѣло сказать, что она вполне оправдала свое существованіе и окупила затраченныя правительствомъ на

---

¹⁾ Подробная оцѣнка матеріаловъ XVIII т. Виленскихъ актовъ составитъ предметъ отдѣльной нашей замѣтки

нее и ея изданiя средства. Остается только пожелать, чтобы изданные комиссiей цѣнные матеріалы не лежали втуне, а поскорѣе бы нашли своихъ изслѣдователей.

Съ внѣшней стороны „Акты Виленской Коммиссiи“ изданы вполне удовлетворительно. Въ этомъ отношенiи можно лишь пожалѣть объ одномъ, что съ 1888 г. прежній шрифтъ, вѣроятно, въ видахъ экономiи, замѣненъ болѣе мелкимъ, а заголовки отдѣльныхъ актовъ стали болѣе кратки и менѣе выразительны, что, несомнѣнно, затруднитъ пользованiе изданными матеріалами.

Въ заключенiе позволимъ себѣ назвать наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Виленской археографической комиссiи въ нынѣшнемъ ея составѣ; таковы, сверхъ ея предсѣдателя Ю. О. Крачковскаго, К. И. Снитко и особенно И. Я. Спрогисъ, являющійся старѣйшимъ членомъ комиссiи (съ 1870 г.) и, кромѣ того, архиваріусомъ Виленскаго центрального архива.

Пожелаемъ же имъ успѣха въ ихъ дальнѣйшихъ на томъ же поприщѣ полезныхъ и велегихъ трудахъ.

М. Ясинскій.

Обзоръ научныхъ трудовъ по изученію русскаго языка и словесности
профессоровъ А. А. Потебни и И. Я. Порфирьева.

29-го ноября 1891-го года русская наука понесла утрату въ лицѣ заслуженнаго профессора Харьковскаго университета, члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ и предсѣдателя Харьковскаго историко-филологическаго общества, *Александра Афанасьевича Потебни*. Его цѣнные научные труды по изученію русскаго языка и народной словесности, основанные на разнообразныхъ и многочисленныхъ матеріалахъ, сведенные къ точнымъ научнымъ выводамъ, извѣстны, конечно, многимъ занимающимся славяно-русской филологіей. Его 30-тилѣтняя научная дѣятельность протекла въ исключительной области научной изслѣдовательной работы. Поэтому, какъ замѣчено недавно въ одномъ изъ некрологовъ, посвященныхъ Потебнѣ, онъ былъ извѣстенъ почти исключительно въ кругу специалистовъ и совершенно былъ неизвѣстенъ въ текущей журналистикѣ, въ массѣ образованнаго и читающаго общества. О нѣкоторыхъ же сочиненіяхъ Потебни профессоръ Сумцовъ справедливо замѣтилъ, что они были извѣстны даже лишь немногимъ специалистамъ. Но подобную судьбу раздѣляютъ и многіе изъ прежнихъ нашихъ научныхъ дѣятелей, работавшихъ въ той же области, которой посвятилъ свои силы покойный Потебня. Нельзя поэтому не привѣтствовать задачи, принятой Харьковскимъ историко-филологическимъ обществомъ, издать всѣ научные труды Потебни, какъ явившіяся въ печати, такъ и оставшіяся въ бумагахъ покойнаго, среди которыхъ находится еще нѣсколько большихъ цѣнныхъ трудовъ. Нельзя не высказать пожеланія о большемъ распро-

страненіи этихъ трудовъ и о претвореніи ихъ въ литературѣ въ доступной формѣ. Наконецъ нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія подробной біографіи Потебни, которая показала бы его научное развитіе, дала бы объясненіе въ его обработаннымъ трудамъ и могла бы служить поучительной путеводительной нитью для выступающихъ на научную дорогу въ той же области, которой посвятилъ свою жизнь покойный ученый.

Однако, не смотря на то, что работы Потебни выходили въ свѣтъ или въ объемистыхъ томахъ, которые раскрываются только передъ тѣмъ, кто желалъ бы поработать надъ ними, или въ немногихъ спеціальныхъ журналахъ и также всегда въ статьяхъ строго-научнаго характера,—имя Потебни давно уже стало пользоваться извѣстностью въ наукѣ. Въ 70-хъ годахъ Академія Наукъ, въ лицѣ И. И. Срезневскаго, оцѣнила труды Потебни: „не онъ началъ то, за что взялся, говорилъ Срезневскій, представляя свое заключеніе о трудахъ Потебни, но онъ продолжалъ начатое другими съ такимъ успѣхомъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія, при помощи трудовъ, изданныхъ до „Записокъ“ г. Потебни, и не возьметъ въ помощь себѣ этихъ „Записокъ“, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросами безъ отвѣтовъ, или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ“. Этотъ отзывъ Срезневскаго былъ соединенъ съ присужденіемъ Потебнѣ высшей Ломоносовской преміи и съ возведеніемъ его въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ. Въ 1887 г., по случаю исполнившагося тридцатилѣтія служебной дѣятельности Потебни, появились въ „Кіевской Старинѣ“ замѣтки о научной дѣятельности его, какъ откликъ скромнаго научнаго торжества, которое было возбуждено учениками и почитателями покойнаго профессора въ Харьковѣ. Въ прошломъ году въ III томѣ „Исторіи Русской Этнографіи“ А. Н. Пыпина появились автобіографическія записки Потебни, вызванныя авторомъ труда, въ виду „того интереса, каковой представляетъ въ развитіи науки ходъ личнаго развитія ея дѣятелей, особливо тѣхъ, чьи труды были наиболѣе вліятельны“. Наконецъ, въ виду недавней утраты Потебни, явились прочувствованные некрологи, опредѣляющіе высокое значеніе Потебни въ области изученія русской этнографіи. А незадолго передъ тѣмъ Императорское Географическое общество присудило Потебнѣ высшую награду—Константиновскую медаль.

Трудно представить въ небольшомъ очеркѣ все, что сдѣлано Потепней—тѣмъ болѣе, что еще многіе изъ его трудовъ, какъ сообщаютъ, остаются ненапечатанными; трудно очертить личность покойнаго ученаго за отсутствіемъ личныхъ воспоминаній о немъ. Поэтому я заранѣе прошу извиненія за неполноту и краткость очерка научной дѣятельности Потепни, котораго я не имѣлъ счастья знать лично, но за глубокими и интересными работами котораго по изслѣдованію русскаго языка и словесности я, какъ и мои сверстники-словесники, слѣдилъ съ увлеченіемъ, начиная съ перваго курса университета.

Первымъ научнымъ трудомъ Потепни, было сочиненіе, появившееся въ 1860 г., „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“. Эта работа явилась въ печати черезъ четыре года по окончаніи курса Потепней въ Харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, но до первой поѣздки за границу, которую Потепня предпринялъ въ 1862 г., будучи въ числѣ первыхъ, отправленныхъ за границу изъ Харьковскаго университета. Изъ автобіографіи Потепни мы узнаемъ, что къ этому времени онъ, подъ руководствомъ профессоровъ П. А. и Н. А. Лавровскихъ, близко ознакомился съ тогдашнимъ состояніемъ славяно-русской филологіи, а самостоятельнымъ трудомъ развилъ въ себѣ особенную склонность къ изученію народной поэзіи и языковеденія. Въ русской наукѣ въ то время возбужденъ былъ почти впервые особенный интересъ къ исторіи русскаго языка и діалектологіи, благодаря трудамъ Срезневскаго и Буслаева, и къ народной поэзіи и мифологіи, благодаря трудамъ того-же Буслаева. Оба выдающіеся изслѣдователя, отличавшіеся разносторонностью и широтой научныхъ взглядовъ, указывали на значеніе славяновѣдѣнія и основъ германской филологической науки въ примѣненіи къ изученію русскаго языка и словесности. Эти указанія и самостоятельныя работы Срезневскаго и Буслаева, отличавшіеся прелестью новизны и мастерствомъ изложенія, увлекали многихъ, какъ въ этомъ сознается о себѣ и Потепня. Но немногимъ такъ, какъ Потепнѣ, удалось избрать болѣе вѣрный путь, приведшій не къ одному только сведенію матеріала и къ группировкѣ его по воспринятому методу, но и къ выработкѣ и провѣркѣ самаго метода. Впрочемъ, такое отношеніе Потепни къ научному методу выразилось позднѣе въ трудахъ по русскому языку и народной словесности.

Предметъ, затронутый Потебней въ первомъ сочиненіи, подвергался уже обсужденію въ трудахъ Буслаева и Афанасьева, но Потебня обнаруживаетъ въ этой первой работѣ особенное тяготѣніе къ языку, къ объясненію внутренняго значенія словъ народнаго русскаго языка въ связи съ славянскими нарѣчіями. Въ этой работѣ, какъ и въ послѣдующихъ трудахъ Потебни, мы находимъ множество примѣровъ изъ русской народной повѣи, изъ славянскихъ пѣсенъ, находимъ и постоянныя этимологическія и семасіологическія сопоставленія словъ. Здѣсь не видно только одного матеріала, который занимаетъ такое видное мѣсто въ позднѣйшихъ работахъ Потебни—литволатышскаго, отчасти санскритскаго и романо-германскаго, вообще матеріала изъ области сравнительнаго языковѣдѣнія. Этотъ новый матеріалъ является въ статьѣ Потебни „О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ“, послѣ того какъ въ 1862 г. онъ изучилъ санскритъ въ Берлинѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго проф. Вебера. Вѣроятно, въ то же время Потебня познакомился и съ литовскимъ языкомъ по трудамъ Шлейхера, Нессельмана и др. Въ своей автобіографіи Потебня говоритъ, что занятія у Вебера могли бы имѣть рѣшительное вліяніе на позднѣйшія занятія его, еслибы не ограничились однимъ годомъ. Итакъ упомянутая статья 1864 г. значительно отличается богатствомъ сравнительнаго матеріала изъ области языковѣдѣнія отъ перваго труда Потебни; но основное направленіе и теперь остается тѣмъ же стремленіемъ уяснить внутреннее значеніе нѣкоторыхъ словъ, какъ представленій-признаковъ, посредствомъ которыхъ слово выражаетъ содержаніе мысли. Если въ первой статьѣ мы находимъ немногія ссылки на Я. Гримма, Буслаева, то въ новой статьѣ 1864 г. присоединяются многочисленныя ссылки на труды Боппа, Шлейхера, Нессельмана, Бенфея, Куна, Миклошича. Съ 1865 г. по 1867 г. Потебня печатаетъ работы по славяно-русской міеологіи: „О міеическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій: Рождественскіе обряды; Баба Яга, Змѣй, Волкъ, Вѣдьма; О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ; О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ; Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака.“ Изслѣдованія Куна въ области міеологіи (напр. его извѣстный трудъ „Die Herabkunft des Feuers“), по словамъ Потебни въ это время, „даютъ прочныя основанія примѣнимыя и къ славянской міеологіи“ (О купальскихъ огняхъ, стр. 4). Но съ Мангардтомъ и Буслаевымъ Потебня расходится во

взглядахъ. Характеристической чертой этихъ изслѣдованій Потебни по миеологiи является бѣльшая осторожность въ выводахъ, чѣмъ напримѣръ у извѣстнаго въ то время изслѣдователя „Поэтическихъ воззрѣнiй Славянъ на природу“ Аванасьева. Давая читателю массу сравнительнаго матеріала, подготавливая его къ выводамъ, Потебня въ то же время не навязываетъ своихъ выводовъ и менѣе прочныя изъ нихъ тутъ же и ограничиваетъ, самъ указывая на слабую основу. Отличіемъ этихъ статей отъ позднѣйшихъ представляется отсутствіе приложенія теорiи заимствованія и предпочтеніе, отдаваемое миеологической теорiи. Какъ ни интересно, ни доступно написаны эти статьи Потебни, но серьезный языкосравнительный матеріалъ преобладаетъ въ нихъ.

Съ 1864 г. въ Воронежскихъ „Филологическихъ Запискахъ“ стали появляться статьи Потебни по изслѣдованію русскаго языка. Въ этихъ статьяхъ, можно сказать, Потебня выступилъ на свою настоящую дорогу. Первые работы его въ этомъ направленіи посвящены звукамъ и формамъ русскаго языка, хотя, какъ мы уже указывали выше, Потебня тяготѣлъ болѣе къ объясненію внутренняго значенія словъ, что онъ и развилъ блистательно въ своихъ работахъ по синтаксису и объясненію отдѣльныхъ словъ въ ихъ историческомъ развитіи. Печатныя работы по фонетикѣ и морфологiи русскаго языка Потебня издавалъ преимущественно въ формѣ критическихъ статей по поводу сочиненій Лавровскаго, Колосова, Житецкаго, въ которыхъ не только указывалъ слабыя стороны, но и давалъ вмѣсто нѣкоторыхъ неосновательныхъ объясненій разбираемыхъ авторовъ цѣнныя изслѣдованія. Въ статьѣ 1864 г. „О полногласiи“ Потебня всесторонне разбираетъ эту характерную особенность русскаго языка, объединяющую всѣ русскіе нарѣчiя и говоры, въ противоположность другимъ славянскимъ нарѣчiямъ. Замѣчательно, что уже въ этой статьѣ Потебня говоритъ о психологическихъ и фізіологическихъ явленіяхъ въ области фонетики и морфологiи. Въ то время въ русской наукѣ это было еще новостью. Позднѣе, въ 70 годахъ, Потебня снова возвращается къ вопросу о полногласiи и болѣе подробно разсматриваетъ это явленіе, имѣя въ виду статьи о томъ же предметѣ, появившіяся послѣ его изслѣдованія. Но самой замѣчательной статьѣй этого времени представляется изслѣдованіе Потебни „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчiй“ (1865—66 г.г.), которое онъ дополнилъ въ 1870—71 г.г. „Замѣтками о малорусскомъ нарѣчiи“. Надо замѣтить о томъ, что

существовало въ русской наукѣ по этому вопросу до Потебни и ка-кимъ матеріаломъ пользовался онъ. Блестящія „Мысли объ исторіи русскаго языка“ Срезневскаго, появившіяся въ формѣ актовъ рѣчи въ Петербургскомъ университетѣ въ 1849 г., вызвали тогда только изслѣдовательную работу Лавровскаго: „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“. Между тѣмъ, и самъ Срезневскій и другіе мѣше замѣтные дѣятели, исключая такого крупнаго, единственнаго въ своемъ родѣ труженника, какъ Даль, работали надъ изданіемъ матеріаловъ по древнерусскимъ памяткамъ и особенно по памяткамъ народной поэзіи и языка.

Вотъ свести этотъ матеріалъ къ научнымъ выводамъ и взялся Потебня, имѣя въ виду въ то же время замѣчанія своихъ предшественниковъ, преимущественно Срезневскаго, Миклошича и Даля. Последній, впрочемъ, составившій свой замѣчательный громадный словарь живого великорусскаго языка и представившій цѣнную статью о нарѣчіяхъ русскаго языка, самъ сознавался, что онъ не умѣлъ привести примѣты этихъ говоровъ, которые онъ изучилъ вдоль и поперекъ въ теченіе продолжительнаго времени, подъ общія грамматическія правила. Только такой ученый, какъ Потебня, могъ въ то время, при его склонности къ изслѣдованію языка, подвести подъ такія правила, на примѣръ, измѣненія гласныхъ въ южно-великорусскихъ говорахъ подъ вліяніемъ ударенія. Любопытно слѣдить въ этой работѣ Потебни, какъ на основаніи своихъ обширныхъ познаній въ сравнительномъ языковѣдѣніи и при посредствѣ замѣчательно развитаго чутья къ звукамъ и формамъ языка, онъ оспариваетъ нѣкоторые примѣры въ матеріалахъ, находя ихъ ошибочными противъ общихъ законовъ, или какъ онъ оспариваетъ мнѣнія другихъ ученыхъ, не основанныя на достаточномъ количествѣ матеріаловъ, несоотвѣтствующія даннымъ изъ другихъ языковъ. Такъ Потебня критикуетъ тексты, выбранныя имъ для характеристики русскихъ нарѣчій и ихъ говоровъ, и представляетъ свои поправки.

Понятной становится та работа, которую позднѣе Потебня совершилъ надъ текстомъ слова о полку Игоревѣ, возстановляя научнымъ путемъ предполагаемыя правильныя чтенія не только затруднительныхъ словъ, но и вообще правописанія этого драгоценнаго памятника. Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій были вызваны программами для указанія особенностей мѣстныхъ народныхъ говоровъ въ южной

Россіи, особенно программой Новицкаго. Потебня указываетъ неосновательныя замѣчанія программы и дѣлаетъ родъ дополненій къ своему прежнему изслѣдованію. Интересно, что въ этихъ статьяхъ впервые было указано на характерныя особенности въ звукахъ сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ (двогласныя уо, юо и у, ю). Интересно и то, что Потебня уже въ это время рѣшительно высказывается противъ дославянскаго происхожденія нѣкоторыхъ звуковыхъ и морфологическихъ явленій малорусскаго нарѣчія.

Извѣстенъ общій взглядъ Потебни на исторію развитія русскихъ нарѣчій и на ихъ взаимное отношеніе. Онъ признаетъ общерусскій языкъ, который въ историческую эпоху представляетъ нѣкоторыя черты, отличающія сѣверъ и югъ. Черты эти увеличивались съ теченіемъ времени и выразились еще въ раздѣленіи общевеликорусскаго нарѣчія на сѣверное и южное; въ послѣднемъ примыкаетъ и бѣлорусское нарѣчіе, которое Потебня рассматривалъ въ связи съ южно-великорусскимъ; затѣмъ онъ указывалъ на дѣленіе малорусскаго нарѣчія. Позднѣе Потебня возвратился еще разъ къ вопросу о нарѣчіяхъ въ древнемъ русскомъ языкѣ по поводу извѣстнаго изслѣдованія Колосова: „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI-го по XVI ст“. 1872 г. Съ того времени изслѣдованія въ области исторіи русскаго языка по памятникамъ значительно расширились, благодаря трудамъ профессоровъ Соболевскаго, Ягича, Брандта, Богородицкаго, Шахматова и друг.; но статьи Потебни 60—70-хъ годовъ, основанныя еще на малочисленныхъ матеріалахъ по исторіи языка, до сихъ поръ не потеряли своего значенія; не потеряли они своего значенія и потому, что въ нихъ виденъ осторожный, внимательный изслѣдователь, взвѣшивающій каждое отдѣльное явленіе языка. Въ 1876 г. Потебня издалъ рядъ своихъ статей по фонетикѣ, подъ названіемъ „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“. Въ этомъ трудѣ онъ глубже вникаетъ въ отдѣльныя явленія звуковъ и указываетъ скороспѣлыя заключенія нѣкоторыхъ изслѣдованій по исторіи звуковъ русскаго языка и его нарѣчій. Въ 1874 г. появился капитальный изъ трудовъ Потебни, который доставилъ ему особенную славу среди специалистовъ подъ скромнымъ названіемъ: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, въ двухъ частяхъ. Въ 1889 г. трудъ этотъ появился во второмъ изданіи, съ дополненіями.

Главное значеніе этого труда Потебни состоитъ въ новой поста-

новѣ изслѣдованія синтактическихъ явленій. Читателя поражаетъ въ этомъ трудѣ прежде всего богатство фактическаго матеріала, собраннаго въ теченіе долгаго времени изъ древняго, областного и новаго языка русскаго, изъ славянскихъ нарѣчій, изъ литовскаго языка и изъ другихъ родственныхъ языковъ, при чемъ всѣ приведенные примѣры строго разграничены, продуманы и оцѣнены критически. Далѣе, въ изслѣдователѣ виденъ не только филологъ, но и глубокой мыслитель, постоянно останавливающийся на внутреннемъ значеніи словъ, ихъ отношеній въ предложеніяхъ. При такомъ отношеніи къ явленіямъ языка представляются невѣрными, неосновательными многіе изъ взглядовъ на грамматику старыхъ и новыхъ языковъ, напр. о богатствѣ формъ въ древнихъ языкахъ и о паденіи ихъ въ новыхъ. Изслѣдователь доказываетъ, что паденіе формъ не значитъ ихъ исчезновенія изъ мышленія; онъ, напротивъ, убѣждаетъ, что съ естественнымъ развитіемъ мышленія увеличивается и число формъ и что въ новыхъ языкахъ формъ больше, но они выражаются въ иныхъ явленіяхъ слова, языка, чѣмъ въ древности, и т. п. Наконецъ, читатель видитъ въ этомъ трудѣ связь его съ предшествующими трудами, видитъ, что изслѣдователь не стремится къ такому новаторству, которое выражается, напримѣръ, въ щеголяньи новой терминологіей, въ проведеніи чужихъ непродуманныхъ и неперезслѣдованныхъ взглядовъ и выводовъ. Потебня постоянно указываетъ, какъ смотритъ на то или другое явленіе Буслаевъ, Миклошичъ, и друг., и принимая общераспространенную терминологію, уясняетъ ее въ рядѣ самыхъ явленій, охватываемыхъ тѣмъ или другимъ терминомъ. При этомъ, конечно, Потебня указываетъ и неосновательность какъ общихъ положеній, такъ и частныхъ выводовъ своихъ предшественниковъ; указываетъ и то, что отмѣчено и раньше его. Въ первой части разсматриваемаго труда Потебня часто опирается на выводы Штейнталя, известнаго изслѣдователя и редактора журнала „*Zeitschrift für Völkerpsychologie*.“ Но замѣчательно, при этомъ, что относительно явленій собственно русскаго языка Потебня высказываетъ, напримѣръ, такое сужденіе: „въ практикѣ языка теоріи иностранцевъ могутъ вводить только въ ошибки, между тѣмъ какъ туземцы на практикѣ руководствуются бессознательно и почти безошибочно мотивами гораздо болѣе сложными, чѣмъ такіа теоріи“ (2 изд. „Изъ записокъ,“ стр. 498, прим. 2). Интересно съ этимъ сопоставить и другое замѣ-

чаніе Потебни о неосновательности взглядовъ иностранцевъ на характеръ звуковъ русскаго языка. Едва ли это было только предубѣжденіемъ, основаннымъ на постороннихъ мотивахъ?

Въ теченіе шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ Потебня помѣщалъ свои статьи преимущественно въ „Воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ.“ Съ 1879 г., съ основанія „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ въ Варшавѣ—проф. Колосовымъ, Потебня сталъ помѣщать свои статьи въ этомъ журналѣ. Кромѣ того, онъ печаталъ свои труды въ „Запискахъ Харьковскаго Университета,“ въ „Чтеніяхъ Общества Истории и Древностей,“ въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества. Печатные труды его вращались исключительно въ области изученія языка и народной поэзіи. Такъ въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ до 1882 г. онъ помѣстилъ рядъ этимологическихъ замѣтокъ, а съ 1882 по 1888 г. рядъ статей, которыя вышли отдѣльно въ 2-хъ большихъ томахъ, подъ названіемъ: „Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“. Въ 1888 г. въ „Филологическихъ Запискахъ“ Потебня помѣстилъ статью: „Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ“. Такъ чередовались печатныя изслѣдованія Потебни—по народной поэзіи и языку.

Оставляя въ сторонѣ богатство и разнообразіе матеріала, входящаго въ изслѣдованія Потебни, оставляя въ сторонѣ спеціальныя вопросы, разсмотрѣнные въ этихъ изслѣдованіяхъ, я остановлюсь только на характеристикѣ трудовъ Потебни въ отношеніи къ трудамъ другихъ ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ русскаго языка и народной словесности. Всякая наука представляетъ такое обширное поле, что, какъ бы ни объемлющи были изслѣдованія ученаго, по необходимости они вращаются преимущественно въ какой-нибудь одной излюбленной области, въ одномъ избранномъ направленіи. Отсюда объясняются и предметы изслѣдованій и приемы, примѣняемые къ изслѣдованію. Это еще болѣе имѣетъ значенія въ примѣненіи къ такой новой и маловоздѣланной области, какъ научное изученіе русскаго языка и народной словесности. Въ области изученія русскаго языка изслѣдованія Потебни не были обращены къ изученію неизданнаго рукописнаго матеріала, разсѣяннаго по разнымъ книгохранилищамъ, преимущественно московскимъ и петербургскимъ. Потебня также не отдавалъ предпочтенія непосредственному изученію народ-

ныхъ говоровъ, изученію фізіологическихъ тонкостей въ области звуковъ русскаго языка. Онъ пользовался исключительно изданнымъ матеріаломъ, вращаясь въ то же время въ обширной области научныхъ трудовъ по языковѣдѣнію: русскаго языка, славянскихъ нарѣчій, литовско-латышскаго языка, греческаго языка, санскрита, зенда и нѣкоторыхъ другихъ родственныхъ языковъ. По отношенію къ этимъ научнымъ трудамъ и къ матеріалу, который Потебня подбиралъ въ теченіе долгаго времени по изданіямъ, онъ постоянно являлся критикомъ. Конечно, за такой работой постоянного кабинетнаго изслѣдованія, перечитыванія, немислимо было обращаться еще къ непосредственнымъ поискамъ за новыми матеріалами по рукописнымъ книгохранилищамъ или по мѣстнымъ народнымъ говорамъ. Конечно, такое направленіе изслѣдовательной работы объясняется обстановкой, условіями жизни изслѣдователя. Тѣмъ не менѣе въ распоряженіи Потебни былъ и живой матеріалъ, въ которому онъ часто обращался въ своихъ трудахъ: это малорусское нарѣчіе въ нѣкоторыхъ говорахъ. Иногда въ своихъ трудахъ Потебня ссылается на матеріалъ, записанный изъ устъ народа въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, иногда онъ приводитъ выраженія, обратившія его вниманіе въ живой рѣчи простонародья. Но матеріалъ этотъ не занимаетъ виднаго мѣста въ его изслѣдованіяхъ и преимущественно онъ опирается на изданія, существующихъ въ печати. Въ области языка особенное вниманіе Потебни, какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, привлекало изслѣдованіе внутренняго значенія словъ. Отсюда его выдающіяся работы по синтаксису русскаго языка и по его семасіологіи. То же самое мы видимъ и въ изслѣдованіяхъ Потебни по русской народной поэзіи. Онъ не обращался къ изученію ея въ связи съ древне-русской письменностью; онъ не отыскивалъ источниковъ русской народной поэзіи въ широкой области международныхъ сказаній, переходившихъ книжнымъ путемъ. Начавши въ 60-хъ годахъ съ изслѣдованія міеологическаго содержанія народной поэзіи, Потебня позднѣе обратился къ подробному изслѣдованію русской народной поэзіи (преимущественно малорусской) не съ исключительной міеологической точки зрѣнія и не съ точки зрѣнія теоріи заимствованія, а со стороны внутренняго развитія русской народной поэзіи. Въ послѣднемъ своемъ обширномъ трудѣ, какъ и раньше въ разборѣ пѣсенъ, собранныхъ Головацкимъ, Потебня останавливается на размѣрѣ пѣсенъ, на поэтическихъ приемахъ, на разрядахъ пѣсенъ

и, что особенно интересно, на изслѣдованіи относительной древности поэтическихъ образовъ. При этомъ онъ предлагаетъ и своеобразное дѣленіе пѣсенъ. Эти приемы изслѣдованія русской народной поэзіи представляютъ такой же цѣнный вкладъ въ науку, какъ и его приемы изслѣдованія синтаксическихъ явленій. Всѣмъ этимъ достаточно опредѣляется мѣсто Потебни въ ряду ученыхъ изслѣдователей русскаго языка и словесности. Потебня представляется крупнымъ научнымъ дѣятелемъ, сосредоточившимся на нѣкоторыхъ отдѣлахъ предмета и разработавшимъ эти отдѣлы въ полнотѣ и съ приложеніемъ строго-научныхъ приемовъ. Такіе труды, какъ работы Потебни, являются образцовыми и служатъ основаніемъ для дальнѣйшей научной разработки предмета. И, безъ сомнѣнія, вліяніе его трудовъ еще долго будетъ сказываться въ русской наукѣ рядомъ съ трудами другихъ предшественниковъ ему и современныхъ научныхъ дѣятелей.

Вызванный печальной утратой Потебни къ воспоминанію о его научной дѣятельности, я не могу не сказать хотя нѣсколькихъ словъ о другомъ покойномъ ученомъ, много потрудившемся въ области русской словесности, объ *Иванѣ Яковлевичѣ Порфирьевѣ*, профессорѣ Казанской духовной академіи и членѣ-корреспондентѣ Императорской Академіи Наукъ, скончавшемся 26-го октября 1890 г. Кто не знаетъ его „Исторіи Русской Словесности“, доведенной въ недавно появившемся посмертномъ изданіи до Пушкинскаго періода? Я могъ бы коснуться личныхъ воспоминаній о покойномъ, о его труженнической дѣятельности, о его симпатичной личности, но отлагаю это, въ виду условій времени и мѣста, и ограничусь общими замѣчаніями о научныхъ трудахъ Порфирьева. Упомяну только объ интересномъ біографическомъ очеркѣ покойнаго, написанномъ однимъ изъ его близкихъ сотоварищей, помѣщенномъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ въ 1890 г. и отдѣльно выпедшемъ въ Казани въ 1891 г. Не могу не замѣтить при этомъ о томъ увлекательномъ симпатичномъ образѣ покойнаго ученаго, какой выступаетъ въ этомъ очеркѣ и какимъ былъ въ дѣйствительности покойный Иванъ Яковлевичъ. Какъ жаль, что наша художественная литература, отыскивая положительные типы въ русской жизни, обходитъ внутреннюю жизнь такихъ скромныхъ, но глубокихъ и увлекательныхъ натуръ, въ ряду которыхъ принадлежалъ Порфирьевъ. Это была идеальная на-

тура въ полномъ смыслѣ. Немногимъ выпадаетъ на долю быть такимъ свѣточемъ въ жизни, но едва ли это только немногія отрядныя исключенія. Нельзя подгонять всѣхъ людей подъ одну мѣрку: жизнь чрезвычайно разнообразна; но не одни же въ ней отрицательные типы и не исключаются же изъ нея и научные дѣятели. Вотъ почему нельзя не повторить еще пожеланія подробнаго изученія жизни нашихъ научныхъ дѣятелей и широкаго распространенія ихъ біографій въ нашемъ обществѣ.

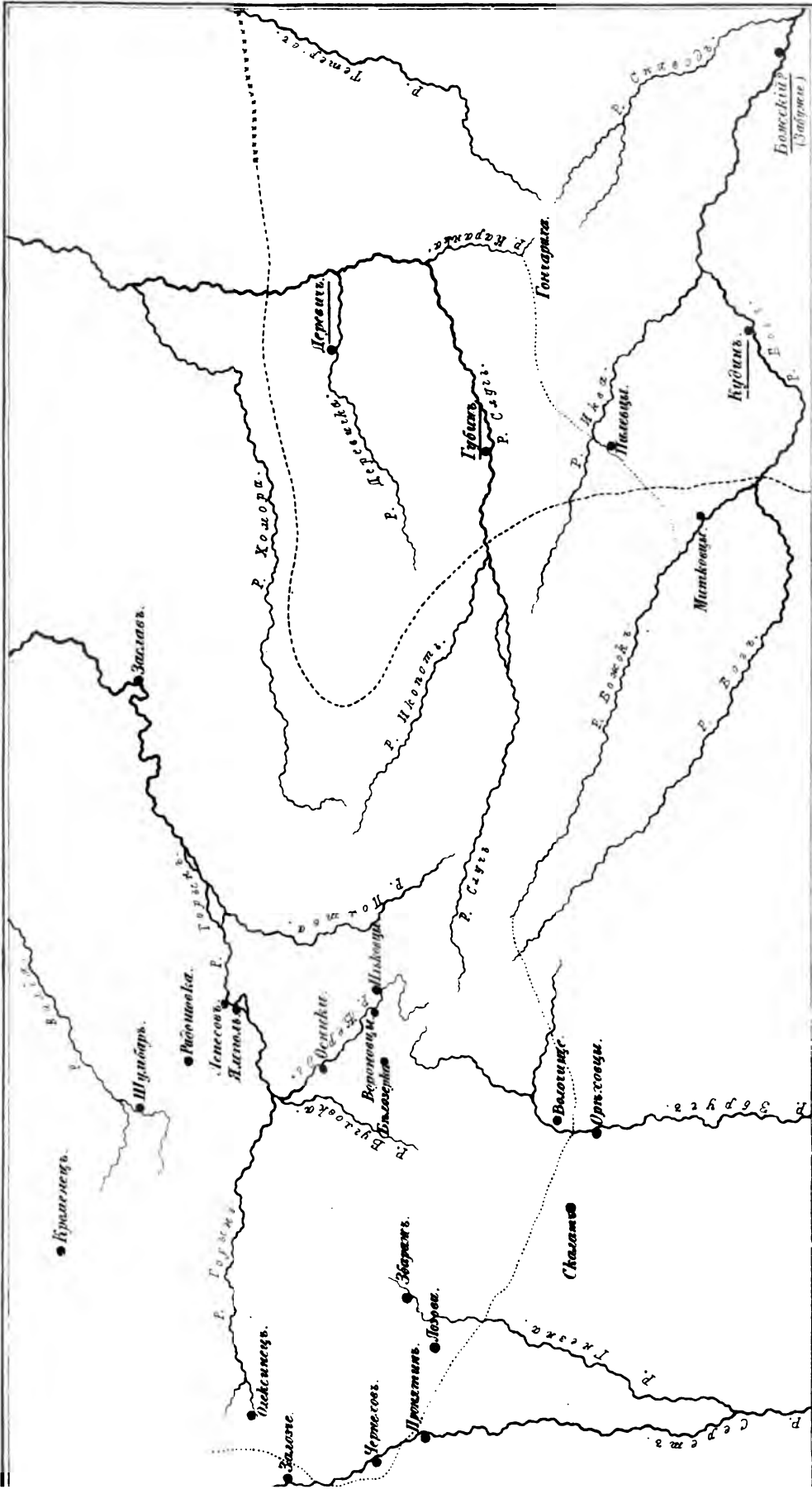
Въ 1855 г. въ Казанскую духовную академію поступила богатая рукописная бібліотека Соловецкаго монастыря. Порфирьевъ былъ первымъ бібліотекаремъ этой бібліотеки и съ того времени ревностно занялся ея изученіемъ. Много памятниковъ древнерусской письменности было впервые обнаружено имъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, много очерковъ древнерусскаго просвѣщенія и письменности составилъ онъ на основаніи этого изученія. Это самостоятельное изученіе рукописнаго матеріала выгодно отразилось на его „Исторіи Русской Словесности“ древняго періода, вышедшей впервые въ 1870 г. Но, прежде чѣмъ говорить объ этомъ главномъ трудѣ Порфирьева, я назову его выдающіяся работы по изученію русской словесности. Онъ издалъ сочиненія Максима Грека, Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго, древнерусскія поученія, апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ; онъ изслѣдовалъ всесторонне эти апокрифическія сказанія, написалъ интересныя статьи—о чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи, объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи, о Домостроѣ; ему принадлежатъ многіе отдѣлы выдающагося „Описанія рукописей Соловецкой бібліотеки;“ но главный трудъ, который занималъ его въ теченіе всей жизни, была „Исторія Русской Словесности“. При разнообразіи и богатствѣ общихъ трудовъ по русской исторіи, мы еще бѣдны трудами общаго характера по исторіи русской словесности, я говорю, конечно, о популярныхъ и учебныхъ курсахъ. Мы имѣемъ только два выдающихся труда въ этой области—Галахова и Порфирьева. Оба эти труда основаны на самостоятельной предварительной работѣ въ разныхъ отдѣлахъ русской Словесности: Галахова—въ области изученія русской литературы XVIII в. и новаго періода, Порфирьева—въ области древнерусской литературы. Эта са-

мостоятельная разработка предмета въ названныхъ отдѣлахъ и придаетъ цѣнное значеніе книгамъ Галахова и Порфирьева. Въ первомъ томѣ „Исторіи Русской Словесности“ Порфирьева полно и всесторонне рассмотрѣны отдѣлы древнерусской книжной словесности: особенно переводная словесность и собственно-русская книжная словесность отъ XI до XVII в. Но и остальные части труда Порфирьева представляютъ главные факты литературной исторіи въ занимательномъ и удобно-распредѣленномъ изложеніи. Въ 1886 г. Порфирьевъ за „Исторію Русской Словесности“ получилъ полную премію преосвященнаго митрополита Макарія. Галаховъ, разбиравшій книгу Порфирьева, справедливо замѣтилъ: „Исторію нашей словесности нельзя сравнивать съ тѣмъ же предметомъ у другихъ европейскихъ народовъ, у которыхъ имѣются всѣ возможныя подготовительныя работы для самостоятельнаго труда. Намъ же трудно быть самостоятельными при отсутствіи самыхъ необходимыхъ источниковъ. Достаточно сказать, что у насъ нѣтъ самаго главнаго, фундаментальнаго—надлежащаго изданія такихъ писателей, какъ Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ“. Въ области древнерусской литературы трудъ Порфирьева стоитъ выше такой оцѣнки: онъ самостоятельно разрабатывалъ нѣкоторые отдѣлы, издавалъ памятники и пользовался всѣмъ, что выходило новаго по изученію древнерусской литературы. Появленіе „Исторіи Русской Словесности древняго періода“ знаменательно въ связи съ трудами по исторіи Россіи Соловьева и по исторіи русской церкви митрополита Макарія. Только задачи учебнаго курса сѣзвили рамки труда Порфирьева и отклонили его отъ болѣе подробнаго и всесторонняго изложенія предмета, который онъ, безъ сомнѣнія, могъ бы представить, благодаря своимъ непосредственнымъ занятіямъ по памятникамъ древнерусской литературы. Но онъ не имѣлъ склонности въ такимъ библиографическимъ трудамъ, какой далъ, напримѣръ, въ своей цѣнной работѣ Котляревскій; онъ не сосредоточился на такихъ капитальныхъ монографическихъ трудахъ, какъ Буслаевъ, Тихонравовъ, и другіе, онъ не имѣлъ въ виду дать такихъ широкихъ историко-культурныхъ очерковъ древнерусскаго просвѣщенія и литературы, какъ Пыпинъ. Задачей Порфирьева было дать прежде всего необходимое, такой обзоръ, который бы рядомъ съ книгой Галахова, былъ настольной книгой всякаго, интересующагося исторіей русской словесности, а тѣмъ болѣе посвящающаго себя ея спеціальному изученію. Въ области

изученія языка также работалъ Срезневскій. И Потебня, и Порфирьевъ не были членами нашего Историческаго Общества Нестора лѣтописца; но какъ выдающіеся дѣятели въ области русской исторической науки они вполне имѣютъ право на то вниманіе, которое мы удѣляемъ воспоминанію въ настоящемъ засѣданіи объ ихъ трудахъ.

П. Владиміровъ.

Граница Крестового съезда 1546 г.
 прибалтийского вояки } границы Большой земли XIII в. по определению проф. Давыдова.
 ипотетическая
 Чертой отпаятали Волоховские города XIII в.

Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

Цѣна II-й кн. „Чтеній въ Истор. Общ. Нестора лѣтописца“ 3 р., съ пересылкою. I-я и III-я книги, оставшіяся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, порознь и въ отдѣльности отъ II-й не продаются. Приобрѣтающіе I—III книги „Чтеній“ уплачиваютъ за нихъ 10 р. и за пересылку ничего не прилагаютъ. Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к., съ пересылкою; VI-й книги—3 р. 50 коп., съ пересылкою.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Цѣна 1 рубль.

Съ письменными требованіями касательно этихъ изданій обращаться въ Историческое Общество Нестора лѣтописца при университетѣ св. Владиміра, съ личными—въ бібліотекарю Общества И. М. Каманину (Центральный архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Тамъ же можно получить „Труды III-го Археологическаго съѣзда“, 2 тома in-4° и атласъ, К. 1878. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкою.
